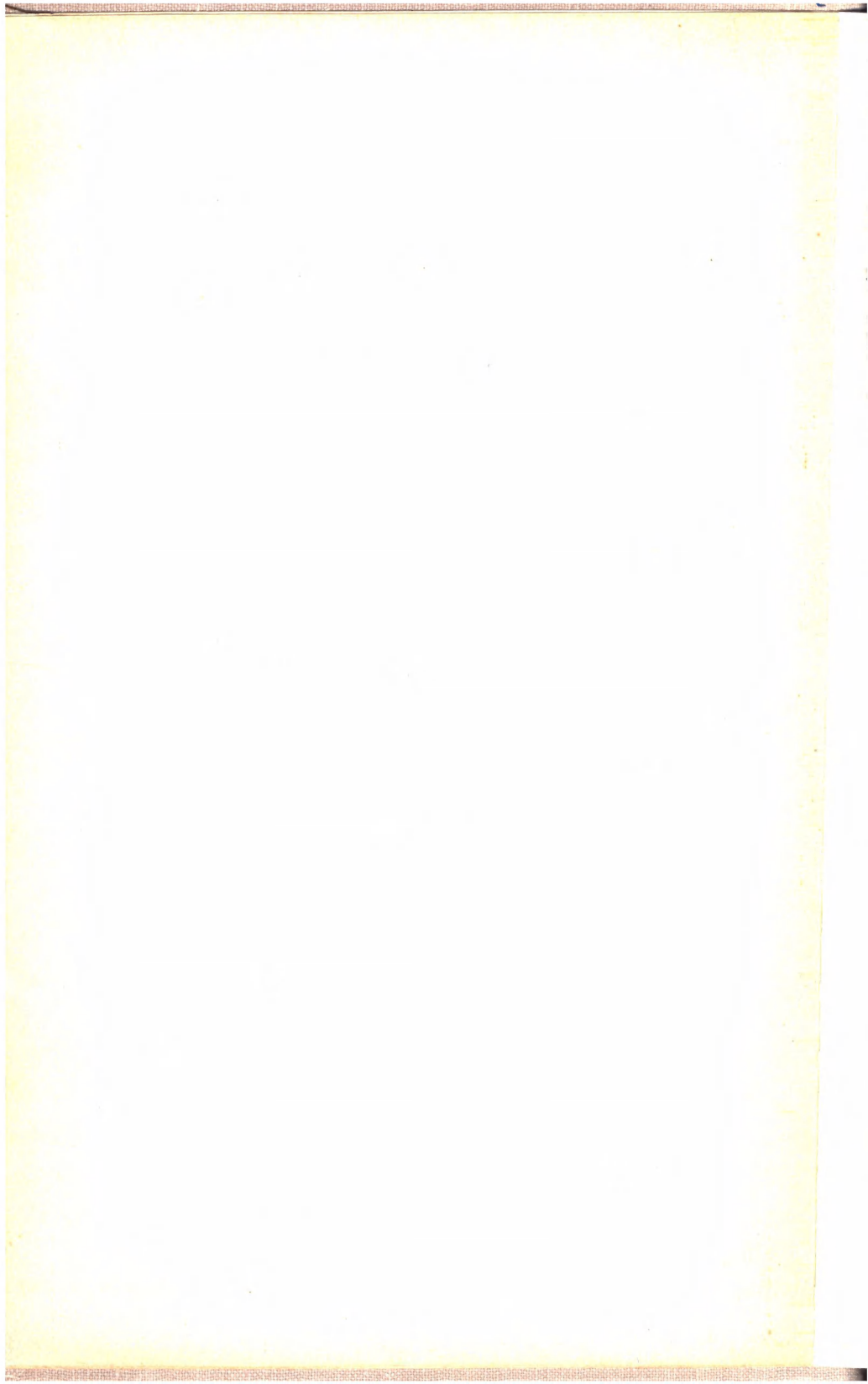

Б

В.П.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
АРХИВ АН СССР

Академик
М. Н. ТИХОМИРОВ

М. Н. ТИХОМИРОВ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1975

Редколлегия:

С. О. Шмидт (ответственный редактор),
В. А. Александров, А. В. Арциховский, М. Т. Белявский,
Ю. О. Бем, Ю. В. Бромлей, Б. В. Левшин

Том подготовлен к печати
под редакцией

А. В. Арциховского и М. Т. Белявского,
при участии *Н. Б. Шеламановой*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование проблем, процессов, событий, социально-экономического и политического развития Древней Руси, изучение ее культуры, анализ и публикация разнообразных источников того времени занимают одно из центральных мест в большом и многогранном научном наследии академика М. Н. Тихомирова.

Пристальное внимание и глубокий интерес ученого к этому периоду истории нашей страны сложился у него еще в ходе занятий у Б. Д. Грекова, В. Н. Перетца и М. Н. Сперанского и многолетней работы в отделе рукописей Исторического музея.

За первой работой М. Н. Тихомирова, посвященной русско-му феодализму, появившейся в 1930 г.¹, последовало более 100 книг, статей, глав, публикаций источников, рецензий, популярных работ по истории Древней Руси. Среди них — монографии, каждая из которых является важнейшей вехой в становлении и развитии советской исторической науки², многочислен-

¹ М. Н. Тихомиров. Феодальный порядок на Руси. М.—Л., 1930. Вторично опубликована в посмертно изданном сборнике «Российское государство XV—XVII вв.» М., 1973.

² М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской Правде». Происхождение текстов. М.—Л., 1941; *он же*. Древнерусские города. М., 1946; изд. 2, дополненное и переработанное. М., 1956; *он же*. Древняя Москва. М., 1947; *он же*. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; *он же*. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. Список работ М. Н. Тихомирова, вышедших при его жизни, см.: «История СССР», 1965, № 5, стр. 222—232. Значительная часть работ, относящихся к истории Древней Руси, опубликована в посмертных сборниках избранных сочинений М. Н. Тихомирова: «Русская культура X—XVIII вв.» М., 1968; «Исторические связи России со славянскими странами и Византией». М., 1969; «Российское государство в XV—XVII вв.» М., 1973 и в настоящем сборнике. Труды М. Н. Тихомирова по изучению русских летописей войдут в готовящийся к изданию следующий сборник его избранных работ.

ные исследования, статьи и публикации, учебники и учебные пособия³, научно-популярные работы⁴.

Эти работы отличались не только по своему назначению и форме, но и по проблематике, охватывая самые различные вопросы и аспекты истории Древней Руси.

Первый комплекс работ М. Н. Тихомирова был посвящен двум важнейшим источникам того времени — «Русской Правде» и летописям. Его докторская диссертация, два года спустя изданная в форме монографии («Исследование о «Русской Правде»»), впервые раскрыла органическую связь возникновения «Русской Правды» и появления ее новых редакций со становлением и развитием феодальных отношений в Древней Руси, с обострением классовой борьбы, крестьянскими и городскими восстаниями. Существенным добавлением к «Исследованию» явились его статьи, публикации, комментарии, посвященные «Русской Правде» и другим законодательным памятникам того времени. Тонкий источниковедческий анализ позволил ученому за правовыми нормами древнерусских законодательных памятников увидеть и показать реальную жизнь Древней Руси с ее особенностями социально-экономического и политического развития, острыми социальными противоречиями в городе и деревне, кипучей городской жизнью и бурными вспышками классовой борьбы.

Не менее интенсивна была работа М. Н. Тихомирова по изучению и изданию русских летописей. Наука обязана ему возобновлением издания знаменитой серии «Полного собрания русских летописей», подготовкой и изданием новых томов этой серии.

К этому комплексу исследований примыкают и работы М. Н. Тихомирова, посвященные древнерусской и средневеко-

³ «История СССР». Под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова, т. I. М., 1941, стр. 35—75; М. Н. Тихомиров. История СССР. Учебник для педагогических училищ. М.—Л., 1947; М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев. История СССР, т. I. М., 1948; М. Н. Тихомиров. Книга для чтения по истории СССР (Материалы и документы), ч. I. М., 1941; В. И. Лебедев, В. Е. Сыроечковский, М. Н. Тихомиров. Хрестоматия по истории СССР, т. I. Изд. 1—4. М., 1937—1951; то же на украинском языке. Изд. 1—3. Киев, 1940—1956; «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.» Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960; Л. Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947, стр. 7—10, 18—27, 34—43; М. Н. Тихомиров. Русская Правда. М., 1941; М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953; он же. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940; он же. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1962; М. Н. Тихомиров, А. В. Муравьев. Русская палеография. М., 1966.

⁴ М. Н. Тихомиров. О чем рассказывает «Русская Правда»; Господин Великий Новгород.— «Детская энциклопедия», т. 7. М., 1961; он же. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской. М., 1944; он же. Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XV вв.).— «Знамя», 1939; № 3, 4; М. Н. Тихомиров, В. И. Лебедев, В. К. Никольский. Великие русские полководцы. М., 1943; они же. Наши великие предки. М., 1948 и др.

вой культуре и позволяющие правильно понять и оценить общий уровень развития, достигнутый Древней Русью. Большая часть этих работ вошла в посмертно изданный сборник «Русская культура X—XVIII вв.»

Второй комплекс исследований М. Н. Тихомирова, представленный тремя монографиями и рядом статей, связан с историей древнерусского города. Задачу этих исследований четко сформулировал он сам в предисловии к монографии «Древнерусские города». «Исходная мысль книги,— писал он,— заключается в том, что в Древней Руси XI—XIII вв. складывались все предпосылки для создания того, что западноевропейская литература называет «городским строем». Древнерусские города развивались примерно в таком же направлении, в каком развивались города Запада и Востока. Без признания этого факта остается необъяснимой богатая культура Киевской Руси, ибо культура эта развивалась главным образом в городах»⁵.

Осуществляя этот замысел, М. Н. Тихомиров выясняет условия и причины возникновения городов, их место в процессе формирования и развития феодальных отношений, их территориальное размещение и число, их общие черты и особенности по сравнению с современными им городами Запада и Востока, их роль и значение в социальных отношениях и противоречиях, в борьбе Руси против иноземной агрессии. Скрупулезное исследование источников, расширение их круга, широкое привлечение вещественных источников, новый подход к сведениям и материалам источников помогли М. Н. Тихомирову убедительно показать, что «города в древней Руси возникли и развивались... самостоятельно, а не были порождены чьей-либо колонизацией»⁶, что в процессе их развития и в их жизни важную роль играли купеческие и ремесленные объединения.

Работы М. Н. Тихомирова о древнерусском городе, работы Б. Д. Грекова о сельском хозяйстве и крестьянстве, работы Б. А. Рыбакова о ремесле показали важнейшие стороны истории Древней Руси и процесса становления в ней феодальных отношений. Они создали надежную основу для углубления исследовательских работ в этом направлении новыми поколениями советских историков. В ходе этих исследований в 50—60-х годах и сам М. Н. Тихомиров, и другие историки уточнили целый ряд вопросов, пересмотрели отдельные положения и выводы, привлекли новые источники и особенно выдающиеся по своему значению находки и открытия советских археологов последних десятилетий, расширили и конкретизировали аргументацию.

Как уже не раз отмечалось в печати, особенностью всех исследований М. Н. Тихомирова была их нацеленность на изучение истории народных масс и их многовековой борьбы против

⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 5.

⁶ Там же.

своих и иноземных угнетателей. Характеризуя творчество ученого, В. И. Шунков писал: «Народ — главный герой исследований М. Н. Тихомирова ... Не только исследует он судьбы народа, но и живет и борется вместе с народом»⁷.

Ранее вышедшие посмертные сборники избранных работ М. Н. Тихомирова включали весь основной круг его исследований по одной из проблем. При составлении данного сборника от этого принципа пришлось отказаться. Истории Древней Руси посвящено три большие монографии и около 50 работ, которые не вошли в другие сборники. Чтобы их опубликовать необходимо 3—4 тома. Поэтому в данный сборник включены работы М. Н. Тихомирова лишь по двум проблемам истории Древней Руси: становление и развитие феодальных отношений и классовая борьба в Древней Руси; борьба народа против иноземной агрессии.

Одни из работ первого раздела («Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов» и «Киевская Русь») рассматривают вопрос о месте и роли Древней Руси в истории трех братских народов, в последующих судьбах нашей страны, исследуют международное значение древнерусского государства, его роль и значение в важнейших процессах, событиях и международных отношениях того времени, во всемирно-историческом процессе. Последнее обстоятельство наиболее глубоко и аргументированно показано М. Н. Тихомировым в статье «Киевская Русь». Эта работа ученого на русском языке публикуется впервые. До этого она в 1950 г. была опубликована на украинском языке, и лишь ее отдельные положения были использованы им в других монографиях и статьях. Между тем, именно в этой работе, впервые в нашей исторической науке была дана развернутая и аргументированная характеристика международного значения и международных связей древнерусского государства.

К этим двум работам М. Н. Тихомирова примыкает и его доклад «Начало христианства на Руси», который также впервые публикуется на русском языке (в 1959 г. он был опубликован в Лондоне на английском языке). Этот доклад, как и статья «Условное феодальное держание на Руси», связан с исследованием времени, путей и особенностей процесса становления феодальных отношений на Руси, формирования класса феодалов, его отдельных категорий и его идеологии. Крайняя скудость, сложность и противоречивость источников по этим вопросам и ряд других трудностей не всегда позволяли ученому убедительно аргументировать все положения и выводы указанных двух работ. Но уже сама постановка ряда сложных вопросов и попытка их решения дает толчок исследованиям в этом направлении.

⁷ В. И. Шунков. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности (М. Н. Тихомирова). — «Михаил Николаевич Тихомиров». М., 1963, стр. 9.

Привлечение самого разнообразного, в значительной части нового и порой даже неожиданного материала, тонкость и мастерство источниковедческого анализа, новизна трактовки давно известных источников, широта территориального и хронологического охвата, яркость изложения характеризуют самую крупную работу настоящего тома — «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», состоящую как бы из отдельных ярко и сочно написанных миниатюр. Один из самых удачных примеров сочетания глубины исследования с подлинной популярностью в лучшем смысле слова, эта работа на конкретном материале рассматривает пути и особенности формирования феодальных отношений в городе и деревне, их влияние на условия жизни и труда народа, на формы и особенности его борьбы против своих угнетателей, показывает значение этой борьбы, ее связь с Правдой Ярославичей, уставами Святослава Ольговича и Владимира Мономаха.

Вопреки прочно установившейся традиции, М. Н. Тихомиров, характеризуя эти законодательные памятники Древней Руси, убедительно показывает, что их цели и их роль в процессе развития феодальных отношений определялись отнюдь не зафиксированными в них частными уступками, предназначенными ослабить накал классовой борьбы. Они в первую очередь закрепляли успехи феодалов и создавали условия для дальнейшего наступления на имущественные и личные права городского и сельского люда и их окончательного закрепощения.

Эта работа, посвященная почти неисследованному периоду в истории классовой борьбы на Руси, значительно продвинула вперед изучение одной из важнейших проблем истории русского феодализма, расширила и конкретизировала наши знания и представления о размахе, характере, особенностях и формах классовой борьбы в период раннего феодализма. Эту работу М. Н. Тихомирова в 1956 г. наградил Московский университет премией имени М. В. Ломоносова.

Целый ряд вопросов, которым посвящены все названные выше работы, рассматривается М. Н. Тихомировым и в помещаемых в этом разделе его рецензиях на монографии Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова, занимающие видное место в советской историографии русского феодализма, и в его статье к пятилетию со дня смерти Б. Д. Грекова, в которой он дает общую характеристику научного творчества этого выдающегося историка. В своих рецензиях М. Н. Тихомиров с радостью отмечает успехи советских историков в изучении Древней Руси и одновременно указывает на те вопросы и стороны исторического процесса, которые не получили в рецензируемых трудах должного освещения, на положения и выводы, требующие дополнительной аргументации.

В других рецензиях М. Н. Тихомиров решительно выступает против антинаучных, дилетантских приемов использования и

изучения источников, против попыток фальсификации истории Древней Руси, что столь характерно для книги Н. К. Чадвик. Столь же энергично он протестует против скептицизма в отношении подлинности древнейших русских письменных источников и высоты уровня развития культуры в то время. Этим вопросам посвящена его статья «О частных актах в Древней Руси».

Работы о борьбе русского народа против иноземных захватчиков составляют второй комплекс произведений М. Н. Тихомирова в данном сборнике. Хотя хронологически отдельные из этих работ относятся уже не к древней, а к средневековой Руси, редакция сочла целесообразным сосредоточить их в одном месте, поскольку это дает возможность лучше представить саму проблему и ее исследование М. Н. Тихомировым.

Ход, этапы, важнейшие события и герои народной борьбы против иноземных захватчиков в XII—XV вв., Невское сражение, Ледовое побоище, Куликовская битва, Александр Невский, Дмитрий Донской, роль народных масс в борьбе с немецкой агрессией и татаро-монгольскими завоевателями, анализ, перевод, комментирование, публикация источников по этой проблеме — вот основные темы тех работ М. Н. Тихомирова, которые составляют вторую группу статей сборника.

Большая часть работ этого раздела написана М. Н. Тихомировым накануне, во время и вскоре после завершения Великой Отечественной войны. Ученый-патриот, он своим пером и своими исследованиями о героических делах и подвигах наших предков, о людях, прославивших свою Родину, участвовал во всенародной борьбе за свободу и независимость своей Советской Родины. Не случайно эти тихомировские работы в дни войны издавались массовым тиражом.

Пламенный патриотизм, восхищение ратными и трудовыми подвигами народа в работах этого цикла сочетаются с неприимчивостью к проявлениям шовинизма и национализма, к идеализации даже крупных деятелей феодальной эпохи в истории нашей страны, к произвольному смещению фактов и событий и их модернизации. Эти черты ярко выступают в рецензии М. Н. Тихомирова на киносценарий «Русь». Придавая огромное значение произведениям литературы и искусства на исторические темы⁸, он считал необходимым, чтобы они правильно передавали дух эпохи, были бы историчны в лучшем смысле этого слова. Отступлением от этих требований была продиктована резкая критика М. Н. Тихомировым киносценария «Русь»,

⁸ М. Н. Тихомиров. Об исторической живописи В. И. Сурикова. — «Русская культура X—XVIII вв.». Сб. статей; он же. Рецензия на роман Ст. Злобина «Степан Разин». — «Классовая борьба в России XVII в.». Сб. статей, стр. 189—192; он же. Летопись нашей эпохи. — «Новое о прошлом нашей страны». Сб. М., 1967, стр. 15—17; он же. Рецензии на повесть В. Рудного «Гангутцы» и книгу Б. Полевого «Современники». — «Вечерняя Москва», 5 сентября, 3 декабря 1952 г.

но именно эта строгая и неліцеприятная критика помогла выдающемуся советскому режиссеру С. М. Эйзенштейну создать один из шедевров советского киноискусства — фильм «Александр Невский».

В приложении публикуются впервые две небольшие работы М. Н. Тихомирова: «Из дневника поездки на Чудское озеро» и «Ярославово дворище». Короткие дневниковые записи первой из работ, сделанные М. Н. Тихомировым в 1958 г., являются хорошим дополнением к помещенной в настоящем сборнике статье о месте Ледового побоища. Одновременно с этим они много говорят и о самом М. Н. Тихомирове, о его постоянном стремлении своими глазами увидеть места, где происходили события, о которых он пишет, на месте попытаться разобраться в неясных и спорных вопросах, ознакомиться с сохранившимися памятниками прошлого и их состоянием. Наконец, они показывают демократизм и простоту М. Н. Тихомирова, его внимание к людям, с которыми он встречается в своих поездках, его глубокую веру в светлое будущее своей Родины. С каким удовольствием он записывает в дневник, что его доклад о Ледовом побоище в одном из псковских сел «видимо, понравился», что «собралось много народу», что «дважды хлопали». А рядом другая запись: «Чем больше я сейчас встречаюсь с молодежью, тем больше ее начинаю любить. Это новое и хорошее племя, пусть же растет и развивается...»

В выступлении по диссертации А. А. Строкова, помещенном в книге под названием «Ярославово дворище», содержится ряд интересных положений и замечаний, дополняющих соответствующие работы основной части данного сборника.

Особняком стоит работа М. Н. Тихомирова «Древнейшая история Москвы XII—XIV вв.». Она представляет собой доклад, сделанный им в июне 1940 г. Сложность публикации состоит в том, что до нас дошла лишь неуправленная стенограмма протокола заседания, не всегда правильно фиксировавшая как текст доклада М. Н. Тихомирова, так и заданные ему вопросы, выступления участников обсуждения и его заключительное слово, а также не всегда передающая особенности стиля устных выступлений Тихомирова. Отчетливо понимая все недостатки стенограммы, редколлегия тома все же сочла возможным ее публикацию, так как доклад ученого, его ответы на вопросы и заключительное слово позволяют проследить формирование его концепции возникновения и возвышения Москвы, ее превращения в центр объединительного процесса всех русских земель. Не менее ярко эта стенограмма показывает и другую сторону вопроса — какие представления о времени и причинах возникновения и возвышения Москвы господствовали или были широко распространены в то время, когда рождалась тихомировская концепция по этому вопросу. Именно стремлением наиболее точно передать атмосферу того времени объясняется

то, что редакция ограничилась устранением явных ошибок стенографистки и отдельных стилистических неточностей, отказавшись от литературной обработки всей стенограммы.

Публикуемый доклад М. Н. Тихомирова является одной из его первых работ по истории Москвы (до этого в 1936 г. были опубликованы две небольшие статьи в журнале «История в школе»), тем зерном, из которого в 40—60-х годах вырастут его многочисленные статьи и монографии «Древняя Москва» и «Средневековая Москва», превратившие исследование истории Москвы в одну из центральных тем его научного творчества.

Публикуя работы М. Н. Тихомирова, написанные им в 30—60-е годы, редакция ограничивается устранением явных ошибок и опечаток в тексте и сносах. Она не считает возможным оговаривать те положения и выводы, которые были дополнены, уточнены, развиты в последующих работах самого М. Н. Тихомирова и других исследователей, а в некоторых случаях были отвергнуты или не подтвердились. Во-первых, читатель увидит это сам, знакомясь с работами М. Н. Тихомирова, написанными позднее, а во-вторых, к каждой из работ, публикуемых в данном сборнике, пришлось бы давать список нескольких десятков, а то и сотен книг, статей, рассматривающих вопросы, которым была посвящена работа ученого, написанная 10—20, а то и 30—40 лет тому назад.

Публикуя работы М. Н. Тихомирова, редакция сохраняет ссылки на те издания источников и литературы, которыми он пользовался при написании своих работ. Она не считает возможным давать параллельно с тихомировскими сносками на старые издания свои ссылки на новейшие издания тех же источников и монографий. Она при этом исходит из того, что новое издание источника обычно связано с большой текстологической работой, изучением и комментированием данного источника, отражающим уровень исторической науки на определенном этапе ее развития. Сохранение ссылок на старые издания позволяет правильно представить и оценить источниковедческую и историографическую базу исследований ученого.

В частности, М. Н. Тихомиров в абсолютном большинстве своих работ, помещенных в данном сборнике, ссылался на Ипатьевскую и Лаврентьевскую летописи, изданные соответственно в 1871 и 1872 гг., а не на первый и второй тома ПСРЛ (М., 1962), хотя они были изданы по его инициативе и под его редакцией.

Аналогичным образом обстоит дело с Новгородскими и Псковскими летописями. В 30—40-е годы М. Н. Тихомиров в своих работах ссылался на учебное издание новгородских грамот, осуществленное в 1935 г. Г. Е. Кочиным («Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1935), а не на «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», издание 1949 г., отличающееся как по полноте, так и по своему научному уров-

нию от первого, учебного, издания. Совершенно очевидно, что в этих и подобных случаях редакция стремилась избежать параллельных ссылок на новейшие издания источников и исследовательских работ. Так, ссылки на новейшие издания летописей даются только в том случае, если в тексте работ М. Н. Тихомирова отсутствует точное указание года, к которому относится цитата из летописи. Указания на новейшие издания источников и монографий, как правило, вынесены в комментарии. В тех случаях, когда М. Н. Тихомиров ссылается на летописи и работы, изданные в XVIII — первой половине XIX в. и имеющиеся только в крупнейших книгохранилищах страны, редакция была вынуждена отступить от принятого ею правила и давать параллельные ссылки на новейшие издания.

Необходимо отметить еще две особенности публикуемых работ М. Н. Тихомирова, которые редакция считает необходимым сохранить. В ряде случаев, когда М. Н. Тихомиров выступал со статьей или докладом, рассчитанным на широкую аудиторию, он избегал перегрузки их цитатами, ссылками на издания источников и т. д., ограничиваясь в ряде случаев их вольным переводом. Типичной в этом отношении является его статья «Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов». Сохраняя характер данной статьи, редакция сочла возможным не давать к ней ссылок, отсутствовавших в ее первой публикации.

С этой особенностью тихомировских работ тесно связана и вторая. Он учитывал различные цели и характер своих работ, учитывал, что одни рассчитаны на специалистов, а другие на широкий круг читателей и поэтому в одних случаях точно воспроизводил древнерусский текст при цитировании источника, в других — преподносил его в современной транскрипции, в третьих — давал точный перевод, в четвертых — вольный перевод или изложение. Так, в монографии «Крестьянские и городские восстания на Руси» на одной странице он применял несколько приемов цитирования. В значительной степени выбор способа определялся доступностью для читателя данного древнерусского текста и тем толкованием, которое ему давал автор. Обосновывая такие приемы цитирования он писал, что история даже такого далекого времени «может быть интересна любому читателю, хотя бы элементарно знакомому с историей нашей Родины», но «чтение сочинений по истории древней Руси обычно затрудняется приводимыми в тексте многочисленными выписками из летописей с их старинными и малопонятными речениями»⁹. В другой монографии М. Н. Тихомиров развил эту мысль: «Автор считает, что современный читатель не обязан знать запутанную орфографию XI—XIII вв. Перевод древних текстов

⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания, стр. 5—6 [См. настоящее издание, стр. 44].

на современный язык имеет и то значение, что заставляет историков глубже вдумываться в текст, а не исходить из того: как хочешь, так этот текст и понимай»¹⁰.

В связи с этим редакция считала полезным сохранить «разнобой» в цитировании, так как он дает возможность увидеть, как один из лучших знатоков истории Древней Руси и ее источников цитирует их в работах разного типа, как он использует их для рассказа о событиях и процессах того времени, как цели и характер работы определяют способы цитирования, ее стиль и язык.

* * *

Предисловие к тому написано М. Т. Белявским. Им составлены и комментарии. Научно-вспомогательная работа по подготовке к печати и изданию тома выполнена Н. Б. Шеламановой. Ею же составлен и именной указатель. В подготовке сборника к печати принимали участие сотрудники кабинета истории СССР исторического факультета Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. Большую помощь редакции в выявлении и выверке рукописных работ М. Н. Тихомирова, хранящихся в Архиве Академии наук СССР, оказала работник архива И. П. Староверова.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 6.

ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В РАЗВИТИИ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

Исторические судьбы русского, украинского и белорусского народов теснейшим образом связаны друг с другом. Три братских народа ведут свое происхождение от общего корня древнерусской народности, создавшей самое мощное государство в средневековой Европе IX—XII вв. Общность происхождения и культуры русского, украинского и белорусского народов обусловила их неразрывные связи и в дальнейшем помогла им отстоять свою независимость от напора иноземных врагов. Следовательно, изучение истории древнерусской народности и образования на ее основе русского, украинского и белорусского народов является важнейшим вопросом в истории СССР. Без изучения этого вопроса нельзя полностью понять вековое стремление украинского и белорусского народов к объединению с русским народом в едином государстве, нельзя понять решений, которые были приняты на памятной Переяславской Раде 8 января 1654 г.

Вопрос о происхождении русского, украинского и белорусского народов чудовищно извращался буржуазной историографией. Буржуазные украинские националисты во главе с М. Грушевским всячески пытались доказать существование особого «украинско-русского» народа, который будто бы был связан с русским народом только тем, что принадлежал к восточнославянской языковой ветви. Злобной клеветой на великий русский народ звучат первые же слова введения Грушевского к его «Исторії України—Руси». Вопреки истине, Грушевский пытался уверить читателя в том, что «Русь, Русин, русский» не были исконными названиями великорусского народа, а были присвоены ему позже¹. Одновременно он утверждал, что название «Малая Росия» исходит от «Московской державы». Научная добросовестность отступает у Грушевского на задний план перед оголтелым национализмом. Грушевский даже не замечает, что он при этом опровергает самого себя утверждением,

¹ Мухайло Грушевський. Історія України—Руси, т. I. Львів, 1904, стор. 1.

что название «Малая Росия» впервые появляется в галицких грамотах XIV в., на возникновение которых Северо-Восточная Русь не влияла.

Сознание единства древнерусской народности проявлялось во многих русских произведениях XI—XIII вв. «Русь», «Русская земля» означали уже в то время определенную территорию, населенную одним народом, хотя в XI в. мы встречаемся с племенными названиями вятичей, словен и т. д. В этом смысле интересный материал дает так называемое слово «К невежам», относящееся к раннему периоду русской письменности, вероятно, еще к XI в., в котором вятичи и словены выделены из других русских племен². «Повесть временных лет» также различает отдельные русские племена: хвалит полян за их «кроткий и тихий» обычай, осуждает «зверинский» образ жизни древлян, радимичей, северян, вятичей и кривичей и в то же время ясно говорит о единстве этих племен. Только эти племена представляют собой «словенеск язык в Руси», в то время как чудь, меря, мурома и т. д. являются особыми народами, это «иные языци»³.

Процесс складывания древнерусской народности в XI в. зашел уже далеко. Однако консолидации древнерусской народности мешала слабость экономических связей. В последнее время высказывались даже взгляды, что эти связи полностью отсутствовали между древнерусскими землями. Так, А. Н. Насонов в своей книге «Русская земля» и образование территории древнерусского государства» делает такое категорическое заявление: «...Фактический материал заставляет отказаться от мысли, что решающую роль в расширении территории, тянувшей к «областным» центрам, играли рост внутреннего обмена, притягивающая сила города как центра свободного обмена». Ведущая причина роста территории Руси, по мнению А. Н. Насонова, лежала «в деятельности военной организации феодальной знати, аппарата принуждения, деятельности князей, воевод-тысяцких и т. п.»⁴.

Но если признать отсутствие всякой экономической связи между отдельными областями Древней Руси, то процесс образования древнерусской общности останется необъясненным. Нельзя же создание народности и объединение ее территории считать следствием «военной организации знати», как это делает А. Н. Насонов, переносящий центр тяжести на деятельность князей, тысяцких и пр. и ничего не оставляющий для народа — подлинного создателя истории.

² Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. II. М., 1913, стр. 14—16.

³ «Повесть временных лет». Под ред. В. П. Андриановой-Перетц, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 13—15.

⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 217.

Конечно, экономические связи между отдельными русскими землями в XI—XIII вв. были очень слабыми, но они все-таки существовали. Это подтверждается находками многих предметов обихода в русских могильниках. Громадный материал по вопросу о распространении различного рода ремесленных изделий на Руси найдем в работах Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. В. Арциховского и др. Широко известен тот факт, что «на каждом славянском городище от Припяти до Волги и от Ладоги до Среднего Днепра находят в изобилии пряслица из розового шифера»⁵. Но розовый шифер, из которого делались пряслица, залегают только у города Овруча, где найдены были и мастерские, их производившие. Этот факт свидетельствует не только о распространении пряслиц, но и о наличии общих вкусов у древнерусского населения, жившего на территории от Припяти до Волги и от Среднего Днепра до Ладоги. Можно значительно увеличить примеры довольно широкого распространения русских изделий. Недаром определенный тип замков был известен в Западной Европе под названием «русских замков», французский эпос знает кольчуги, сделанные на Руси, и пр.

Впрочем, не следует преувеличивать значение экономических связей между отдельными русскими землями в X—XIII вв. Недаром «Русская правда» ограничивает «свод», поиски вора и украденного имущества только «городом», заявляя, что «в чужу землю свода нет». В Древней Руси господствовало натуральное хозяйство и внутренний обмен был незначительным. Однако уже самое существование городов с их довольно многочисленным населением указывает на развитие товарного производства, в какой-то мере втягивавшего в свою орбиту деревенское население. Таким образом, говоря о создании общей территории, населенной древнерусской народностью, нельзя сбрасывать со счетов и экономические факторы.

Представление о единстве Русской земли сложилось уже в X—XI вв., причем оно нашло свое отражение не только в литературных произведениях, но и в официальных документах. «Повесть временных лет» возводит начало Руси уже к VIII—IX вв. Русско-византийский договор 911 г. заключен от имени Олега, «великого князя русаго и от всех, иже суть под рукою его»⁶. «Земля Русская» противопоставляется Греческой («Грецкой») земле. Терминология эта, следовательно, уже прочно утвердилась в начале X в. Русские послы клянутся «по закону и по покону языка нашего», т. е. своего народа, имевшего уже свои законы и обычаи («поконы»). Ту же терминологию находим и в договоре 945 г., где Игорь назван «нашим» великим князем русским⁷.

⁵ «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 112—113.

⁶ «Повесть временных лет», стр. 25.

⁷ Там же, стр. 35.

Договоры Руси с Византией отражали русско-византийскую дипломатическую практику, а не являлись простым сколком с византийских дипломатических документов. Таким образом, понятие Русской земли существовало уже в начале X в. Это название обозначало не просто территорию, а территорию, населенную древнерусским народом, «люди» — это народ в широком смысле слова.

Интересный материал о том, какая территория понималась под названием «Русская земля», дает «Слово о погибели Русской земли» — один из замечательных памятников нашей древней письменности. В нем очерчиваются границы Русской земли, которую окружают Венгрия, Польша, Чехия, Литва, немецкие владения в Прибалтике, Карельская земля и земли народов севера вплоть до Устюга, камских болгар, буртасов, черемисов и мордвы («отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьяга... до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Чермис, от Чермис до Мордвы»). В этих границах расположена «светло светлая и украсно украшена земля Руськая»⁸. Написанное в годы усиления феодальной раздробленности (в первой половине XIII в.) «Слово о погибели Русской земли» очертило границы расселения древнерусской народности, которая представлялась автору «Слова» как единое целое от Карпатских гор до Северного Ледовитого океана — «дышущего моря», как его называет «Слово». Врагами Русской земли являются половцы на юге, литва и немцы на западе, буртасы и камские болгары на востоке. Так опровергаются лживые построения буржуазных националистов об искусном различии в происхождении украинцев, белорусов и русских.

Данные о языке древнерусской народности, которые мы находим в довольно обширной письменности XI—XIII вв., говорят о несомненной языковой общности обитателей разных областей Русской земли того времени. Правда, лингвисты установили ряд особенностей в языке, на котором писались произведения письменности в Новгородской, Владимиро-Суздальской, Смоленской, Полоцкой, Галицко-Волынской и других русских землях. В них они видят зародыши тех языковых особенностей, которые получили свое развитие в украинском, белорусском и русском языках. Однако эти отличия были еще недостаточны, чтобы можно было говорить о параллельном существовании трех братских языков уже в XI—XIII вв. Перед нами пока местные диалекты.

Для того чтобы диалекты развились в языки, необходимы были особые условия. К числу таких условий принадлежала феодальная раздробленность XII—XIII вв., которая способство-

⁸ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, 1915, кн. 3, отд. II (приложение), стр. 109.

вала развитию диалектологических особенностей в языке древнерусской народности. Существование особых говоров XII в., отличавшихся от разговорной речи образованных киевских кругов, засвидетельствовано рассказом Печерского патерика о монахе Спиридоне. Он был «невежа словом, но не разумом, не от града прииде в чернечество, но от некоего села»⁹. Памятники древнерусского языка позволяют говорить о разных диалектах, но еще нет оснований утверждать, что в Киеве, Полоцке и Новгороде говорили на разных языках, хотя бы и восходящих к единому корню.

Итак, перед нами факт большого исторического значения: наличие общности территории и языка древнерусской народности, притом не только в период существования древнерусского государства, но и в период феодальной раздробленности XII—XIII вв.

Общность территории, языка и культуры древнерусской народности неоднократно подтверждается памятниками времени существования древнерусского государства и феодальной раздробленности. Митрополит Илларион в первой половине XI в. говорит о своей родине как о стране знаемой и ведомой во всех концах вселенной. Так говорилось о Русской земле в период существования древнерусского государства. Но вот перед нами произведение, написанное в годы феодальной раздробленности XII в., величайший памятник нашей средневековой поэзии — «Слово о полку Игореве». Его создателю Русская земля представляется примерно в тех же границах, как и автору «Слова о погибели». За «землю Русскую» должны вступить князья всех русских областей: и киевский, и черниговский, и галицкий, и полоцкий, и владими́ро-суздальский. Так подчеркивается единство Русской земли в ее борьбе с внешними врагами.

Совершенно естественно, что Русская земля наряду с другими странами выступает и на международной арене как территория, населенная определенным народом. «Руссию» и русских знает французский эпос, о ней говорят документы римской курии, немецкие хроники, византийские писатели, скандинавские саги, арабские, среднеазиатские, иранские и другие восточные писатели. Существование древнерусской народности, населявшей Русскую землю, это факт громадного значения в мировой истории, факт, оставивший прочные следы в истории Европы, а особенно в истории трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Монголо-татарские нашествия разорили территории древнерусских земель. Особенно пострадали от них украинские земли, о бедственном положении которых сообщают путешественники середины XIII в., видевшие по дороге из Западной Европы в Монголию «бесчисленные головы и кости мертвых людей, ле-

⁹ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 120.

жавшие на поле». Но монголо-татары были не единственными врагами Русской земли. Венгерские, польские, литовские и немецкие феодалы нападали на истерзанную страну, стремясь утвердить над ней свое владычество. Борьба Галицко-Волынской Руси с польскими и венгерскими феодалами закончилась ее подчинением феодальной Польше, тогда как Волынь, Киевская земля и Северщина вошли в состав Литовского великого княжества так же, как Полоцкое и Минское княжества.

В недавно вышедших «Очерках истории СССР» периода феодализма IX—XV вв. захват древнерусских земель литовскими феодалами рисуется как «меньшее зло» для белорусского и украинского народа в условиях монголо-татарского нашествия. «Включение украинских и белорусских земель в состав Литовского государства было все же меньшим злом, поскольку оно облегчало борьбу их населения с татарскими и немецкими нашествиями и в то же время не изменяло социально-экономических отношений в этих землях, которые находились на более высоком уровне развития»¹⁰, — читаем в «Очерках». Мне кажется неправильным такой вывод. Источники свидетельствуют не о мирном включении украинских и белорусских земель в состав Литовского государства, а о насильственном их захвате литовскими феодалами. Плано-Карпини, проезжавший по украинским землям вскоре после татарских погромов (в 1246 г.), сообщает, что он и его спутники ехали «в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю России... Так как большая часть людей России была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление»¹¹.

Агрессия венгерских, польских, литовских и немецких феодалов ухудшила положение украинских и белорусских земель в XIII в., а отнюдь не способствовала их борьбе с татарами. Разорение южнорусских и западнорусских земель, а также захват их иноземными феодалами усугубили феодальную раздробленность. Вторая половина XIII в. являет перед нами картину полного феодального раздробления Русской земли. В Северо-Восточной Руси возникло множество мелких самостоятельных княжеств и земель, так же как и на территории Северщины. Галицко-Волынская Русь, даже в моменты ее наибольшего политического подъема, представляла собой объединение нескольких княжеств во главе с сильнейшим из князей — Даниилом Романовичем. Что касается Полоцкого, Минского и других княжеств, то феодальное раздробление на их территории еще в XII в. достигло таких размеров, что летопись называет полоц-

¹⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.» В двух частях, т. II. М., 1953, стр. 498.

¹¹ Иоанн де Плано-Карпини. История Монголов. СПб., 1911, стр. 45.

ких князей общим термином — «княжье» или «князье», напоминающим позднейшее обозначение «шляхта».

Образование русской, украинской и белорусской народностей, происходившее в основном в XIV—XV вв., совершалось в условиях борьбы трех братских народностей против иноземного ига и против феодальной раздробленности. В Северо-Восточной Руси оно привело к созданию мощного Российского государства. По-иному складывалась история украинской и белорусской народностей, страдавших под господством польских, литовских и венгерских феодалов, но и здесь образование белорусской и украинской народностей было тесно связано с необходимостью борьбы за самое существование этих народностей, которым угрожало порабощение со стороны иноземных феодалов и физическое уничтожение от нашествия турок и татар. Формирование русской, украинской и белорусской народностей происходило на основе их исторической и культурной общности. Мощная культура Древней Руси, ее письменность, литература, искусство послужили той основой, на которой развивалась культура русской, украинской и белорусской народностей. Достаточно отметить тот факт, что название «русский язык» употреблялось в официальных документах Литовского великого княжества XV—XVII вв. для обозначения украинского и белорусского языков.

В борьбе за свою национальную независимость украинский и белорусский народы в полном взаимодействии с русским народом опирались на мощную культуру, созданную Древней Русью. Население украинских и белорусских земель продолжало и развивало свою письменность на основе древнерусской письменности, поддерживало и охраняло памятники архитектуры в Киеве, Владимире-Волынском, Полоцке и других городах, знавало себя прямыми потомками древнерусского населения. Сознанием единства происхождения трех братских народов глубоко проникнуты русские, украинские и белорусские летописные и литературные произведения XV—XVII вв. Русские летописи кладут в основу своего повествования «Повесть временных лет» и продолжающие ее киевские, волынские, галицкие, полоцкие, смоленские, новгородские, владимирские, московские, рязанские и другие известия. Составители Никоновской летописи стараются по-своему осмыслить историю трех братских народов, рассматривая историю России как продолжение традиций Киевской Руси. Ту же схему дают украинские и белорусские летописи. Известный Супрасльский список, написанный в 1519 г. в Белоруссии, начинает свой рассказ с Владимира Святославича и его потомков, которые перешли на север во Владимир на Клязьме. Внимание летописца все время переходит от русских земель к украинским и белорусским, от Москвы к Смоленску, от Твери к Кременцу и т. д. Таким образом, Супрасльская летопись дает образец «общерусской» летописи,

охватывающей исторические судьбы трех братских народов в XII—XV вв.¹²

Сознание единства происхождения, близости языка и культуры, общности исторических судеб, необходимости общей борьбы с чужеземными захватчиками особенно сказалось в годы борьбы украинского и белорусского народов против шляхетской Польши. В обоснование своих захватнических стремлений польские феодалы и воинствующее католическое духовенство всячески стремились унизить прошлое украинского и белорусского народов. Таковы были известные произведения иезуита Петра Скарги и униатского епископа Ипатия Потeya. Вопрос о действительном значении Киевской Руси в мировой истории приобрел в XVI—XVII вв. политическое значение. Иезуитские и шляхетские писатели всячески пытались фальсифицировать историю для оправдания социального и национального гнета, который испытывали украинский и белорусский народы. Наоборот, в полемических сочинениях, направленных против католичества, главной опорой для доказательства прав украинской и белорусской народностей на самостоятельное существование служили исторические ссылки на величие и могущество Древней Руси. Захарий Копыстенский в своей «Палинодии» ссылается на самостоятельное существование русской церкви начиная с митрополита Иллариона, который был из «рода российского». Копыстенский говорит о единстве всего народа российского, указывая на героическую борьбу его с турецко-татарской агрессией: Иван царь Московский взял и под свою власть покорил де орды татарские, Казань и Астрахань, тогда как казаки, вторая часть «яфето-роского поколения» воюют татар и города турецкие¹³.

Значение древнерусской народности как общего корня, от которого произошли три братских народа, с особой силой прозвучало во время освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Небезызвестный Адам Кисель вскоре же после первых поражений польских войск при Корсуне и Белой Церкви писал гезненскому архиепископу, примасу Польши, о возможных замеслах Хмельницкого и московского правительства. «Единая кровь, единая религия. Боже сохрани, чтоб они не замыслили чего-нибудь против нашего отечества»¹⁴. В этих словах ополяченного украинского феодала проявился страх перед объединением двух братских народов, украинского и русского, в единое государство. Адам Кисель предугадывал неизбежный конец господства шляхетской Польши над украинским народом в случае объединения Украины с Россией.

¹² ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 2—83.

¹³ «Русская Историческая Библиотека», тт. IV, VII, XIX; цитаты З. Копыстенского.— РИБ, т. IV, ч. I. СПб., 1878, стлб. 1009, 1110.

¹⁴ «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы». В трех томах, т. II. М., 1953, стр. 29.

Стремясь идеологически поработить украинский и белорусский народы, польские и литовские феодалы, при неустанной помощи римской курии и католических монашеских орденов, направляли свои усилия на уничтожение памятников материальной и духовной культуры Древней Руси. Во время господства польских и литовских панов была в значительной мере уничтожена богатая письменность на территории Украины и Белоруссии. Уже в XV в. некоторые рукописи можно было достать только в Москве. И видный сановник Литовского великого княжества «писарь Яков» заказывал московским «доброписцам» написать Пролог в одном переплете. Из письма контрагента писаря Якова, русского архитектора того времени Василия Дмитриевича Ермолина, узнаем, что подобные рукописи имелись в Москве, только их нельзя было купить на деньги: «кто будет таково написал, ин собе то и держит, а на деньги того не продаст»¹⁵.

Богатейшее письменное наследие, сохранившееся от Древней Руси, погибало не без участия злой воли воинствующего католического духовенства. Так, почти целиком исчезла письменность Полоцкой земли, представленная только житием Евфросинии Полоцкой. Другое полоцкое произведение, повесть о Святохне, несправедливо объявленная подложной, дошла случайно в составе «Истории Российской» Татищева. Как сознательно подделывались и искажались произведения полоцкой литературы, можно видеть на примере так называемых «литовских» летописей. В них мы находим рассказ о взятии Полоцка литовским великим князем Мингайлом. В этом рассказе встречается множество несообразностей. Летописец пытается доказать, что литовские князья были «ласковы» до полочан и дали им право иметь свое вече, как в Великом Новгороде и Пскове. Тут же в нарочито путаном виде сообщается о полоцкой княжне Парасковье, которая постриглась в монахини, поехала в Рим и там «богу служила прилежно». Цель этого рассказа — сделать православленную Евфросинию католичкой, спутав ее с другой полоцкой княжной¹⁶.

Тяжелая участь постигла и письменность на Украине в XIV—XV вв., ее развитие практически замирает. Она возрождается вновь лишь в XVI—XVII вв. в непрерывной борьбе с угнетателями украинского народа. Замечательное произведение украинской исторической литературы XVII в., так называемая Густынская летопись, ставит своей задачей рассказать «о разных народах, таже и о початку славенского российского языка». Густынская летопись говорит об истории «словенского россий-

¹⁵ А. Д. Седельникова, Послание от друга к другу и западнорусская книжность XV в. — «Известия Академии наук СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 4, стр. 225.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVII, стр. 231—232.

ского народа» в целом, то есть об истории трех братских народов — русского, украинского и белорусского¹⁷.

Невежественные и злобные руки разрушали и те замечательные памятники архитектуры, которые были воздвигнуты на территории древнерусских земель, вошедших в состав шляхетской Польши и великого княжества Литовского. В XVII в. был окончательно разрушен величественный собор Галича и на его месте возведена из камней собора бедная постройка типа костелов. Единственная сохранившаяся под Галичем церковь XII в. также была переделана в костел. Нельзя пройти мимо того удивительного факта, что памятники архитектуры Древней Руси XI—XIII вв. гораздо хуже сохранились на территории Украины и Белоруссии, чем в России, где их было несравненно меньше. О существовании каменных зданий свидетельствуют многочисленные фундаменты, найденные в Галиче, Владимире-Волынском и других городах Украины.

В борьбе за самостоятельность своего языка и культуры громадное значение для украинского и белорусского народов имело сознание единства их происхождения и исторических судеб с русским народом. Могущественное Российское государство было тем притягательным центром, к которому обращали свои взоры все порабощенные славянские народы. В связи с походом золотоордынского царя Ахмата на Россию в 1480 г. неизвестный автор обращается к русскому народу с горячим призывом постоять за свое отечество, указывая на печальные последствия турецкого порабления для сербов, болгар, греков, албанцев и других народов¹⁸. Константин Костенческий, сербский писатель XV в., пишет о русском языке как «краснейшем» среди славянских. Это было отражением тех великих надежд, которые порабощенные народы возлагали на помощь народа русского.

Постоянное общение русского, украинского и белорусского народов особенно ярко проявилось в деятельности Ивана Федорова, «москвитина», русского первопечатника. Жизнь и деятельность Ивана Федорова до сих пор еще не изучены достаточно полно. Деятельность его не ограничивалась только сферами типографского искусства. Она имела гораздо более широкое просветительное значение.

Перед нами во весь рост встают те глубокие связи, которые существовали между русской, украинской и белорусской письменностями во все века их существования. Из России шли письменные и печатные произведения для Украины и Белоруссии, она впитывала в себя лучшие произведения белорусской и украинской культуры. Взаимосвязи трех братских народов еще более укреплялись и углублялись после того, как украинские и бело-

¹⁷ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 233 (то же читаем и в других списках «литовских» летописей — там же, т. XVII).

¹⁸ ПСРЛ, т. VIII, стр. 207 (под 1480 г.).

русские земли объединились с русскими в едином государстве. Развитие экономических и культурных связей способствовало дальнейшему укреплению дружбы трех братских народов.

История Древней Руси неоднократно привлекала к себе внимание и вдохновляла прогрессивных русских, украинских и белорусских деятелей. В XVIII в. Княжнин и Радищев воспе-ли Древнюю Русь, противопоставляя ее крепостнической России. В песнях, «петых на состязаниях в честь древних славянских божеств», Радищев вдохновенно предвидел великое будущее славянских народов.

Из истории Древней Руси неоднократно черпались темы пи-сателями, композиторами, художниками XIX в. Стоит только напомнить о «Русалке» Пушкина, о «Рогнеде» Серова, «Кня-зе Игоре» Бородина, о музыкальном творчестве Римского-Корса-кова и т. д. В сатирической поэме «Юродивый» Шевченко пря-мо называет своих соотечественников именами древних славян-ских племен.

История Древней Руси далека от современности, но было бы неправильно думать, что вопросы ее потеряли свою актуаль-ность для нашего времени. Это видно по тому глубокому внима-нию, которое ей уделяют кликушествующие зарубежные фаль-сификаторы истории. Приемы их не новы, а псевдонаучные обоснования недалеко ушли от опусов иезуитов XVI—XVII вв.: то же стремление всячески принизить величественную историю Древней Руси, те же необоснованные доказательства, что рус-ский, украинский и белорусский народы не имеют между собой ничего общего, те же плоды «ученых» бредней, отвергающие подлинную науку.

Советская историческая наука, развивающаяся на основе марксистско-ленинской методологии, путем многочисленных исторических и археологических исследований доказала высо-кий уровень древнерусской культуры и ее мировое значение. Остается непреложным и неопровержимым фактом, что в пре-делах Древней Руси создалось обширное могущественное госу-дарство, населенное древнерусской народностью, что древнерус-ская народность послужила общим корнем для развития трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

КИЕВСКАЯ РУСЬ

История Киевской Руси является важнейшим историческим этапом всемирной истории. Государство восточных славян с центром в Киеве («Киевское государство») было одним из самых больших государств в средневековой Европе. Маркс указывает, что Киевское государство занимает то же место в истории Восточной Европы, какое занимала империя Карла Великого в Европе Западной. «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествовала образованию современных Франции, Германии и Италии, так и «Киевская Русь» предшествовала образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и, наконец, самой Московии»¹.

Трудами советских ученых, главным образом академика Б. Д. Грекова, показано, что в хозяйстве Киевской Руси преобладающую роль играло земледелие, тогда как другие отрасли хозяйства (рыболовство, охота, бортничество) имели второстепенное значение. Об этом с достаточной ясностью говорят письменные и археологические источники. Земледелие было господствующим даже в таких отдаленных областях Киевской Руси, какой была Суздальская земля в начале XI в. Неурожай в Суздальской земле вызвал восстание под руководством волхвов, «мятеж велик и голод», который прекратился только тогда, когда привезено было жито из Камской Болгарии². «Гобино», т. е. урожай, изобилие хлеба уже в это время имело решающее значение для Суздальской земли.

«Русская Правда» также рисует нам вполне установившееся земледельческое хозяйство, тесно связанное с продуктивным скотоводством. Сборщик даней и пошлин, вирник, получал содержание натурой. Ему полагалось «7 ведор солоду на недилу, тоже овен или полоть ... а хлеба по колку могут изъести и пше-

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в., гл. V.— [K. Marx. Secret Diplomatic History of eighteenth century. New York, 1969].

² «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1872, стр. 144 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 147].

на». Замечательнее всего, что и кони снабжались уже овсом, а не сеном: «сыпати им на конь, колко могут зобати»³. Перед нами хозяйственный уклад, в котором производство хлебов (ржи, овса, ячменя) вполне обеспечивает возможность удовлетворить большие требования княжеских вирников продукта питания и кормом для их лошадей.

О том же нам с большой ясностью говорят находки, сделанные советскими археологами за последние годы. Пашенное земледелие господствует в верхнем Поволжье уже в VIII—IX вв. Перелом в технике земледелия в этом районе относится, по мнению П. Н. Третьякова, приблизительно к VII—VIII вв. Лошадь в связи с этими переменами становится основной рабочей силой в земледелии. На юге Руси, в Киевской земле, переход к земледелию произошел гораздо раньше. Напомним здесь, что район Киева и многих областей Украины знал земледелие еще в «трипольское время», т. е. в III тысячелетии до нашей эры.

Раскопки Райковецкого городища в 10 км от Бердичева обнаруживают перед нами картину развитого сельского хозяйства. Тут оказались различные сельскохозяйственные орудия, серпы, косы, лемехи, а также остатки зерен проса, ржи, овса и т. д.⁴ Таким образом, хозяйство Киевской Руси основывалось на земледелии и скотоводстве, причем сельскохозяйственная техника достигла уже значительного развития.

Основную массу населения Киевской Руси в X—XI вв. составляли крестьяне-общинники, известные под названием «смердов». Это название было широко распространено. Крестьяне одинаково назывались смердами и на юге, и на севере Руси, в Киевской земле, в Галицкой и Волынской, в Новгородской и Суздальской. Быстрый рост феодальных отношений приводил к тому, что ранее свободные крестьяне-общинники превращались в крепостных.

Крупная феодальная вотчина в Киевской Руси «является уже организованным сельским хозяйством, базирующимся на эксплуатации крепостного и рабского труда, причем рабство очень заметно уступает место более прогрессивному феодальному способу производства (крепостной труд)»⁵.

По своему экономическому развитию Киевская Русь была передовой страной Европы. Ремесло Киевской Руси достигло высокого развития, что доказано раскопками советских археологов в Киеве, Новгороде, Смоленске и других городах. Ремесленные изделия Киевской Руси XI—XII вв. достигали высокого совершенства, особенно производство дорогих изделий из сереб-

³ «Правда Русская», т. I. Тексты. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, стр. 81.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, гл. «Сельское хозяйство и сельскохозяйственная техника древней Руси», стр. 36—51.

⁵ Там же, стр. 154—155.

ра и золота. Большой спрос на серебряные и медные украшения доказывается находкой литейных форм для массового производства. «Среди раскопок и случайных находок в различных русских городах имеется большое количество каменных литейных форм для самых разнообразных предметов. Найдены формы, в которых отливались: височные кольца, перстни, браслеты — запястья, браслеты ложновитые, колты для черногого орнамента, лоты с ложной зернью и сканью, бусы с ложной сканью, диргеи (подражания), подвески к ожерелью, пуговицы, кресты «энколпионы» и др.⁶ Производство ряда изделий достигло в Киевской Руси высокого совершенства, в частности оружейное дело. Недаром во французском средневековом эпосе прославляется «кольчуга», сделанная на Руси. На целом ряде предметов, сделанных в XI—XII вв., имеются надписи русских мастеров. Наиболее известны кратиры новгородских мастеров Братилы и Косты: «Братило делал», на другом — «Коста делал». Первый сосуд по своим палеографическим данным датируется концом XI — началом XII в., второй — концом XII — началом XIII в.

Новейшие исследования все более расширяют наши представления о различных ремесленных отраслях Киевской Руси. Теперь уже доказано, что в Киевской Руси существовали стекольное и другие производства. Есть основание предполагать, что и те дорогие ткани, о которых говорится в летописи при описании богатств Успенского собора во Владимире, построенного Андреем Боголюбским, также изготовлялись в самой Киевской Руси, а не были только привозными. На это намекают прозвища ремесленников — «опонник» и «ручечник». Первое прозвище ясно связано с производством дорогих тканей, занавесей — «опон». Прозвание «ручечник», по-видимому, связано с производством домашних изделий из полотна («ручечник» — полотенце).

Особенную известность Киевская Русь получила по своим ювелирным изделиям, для изготовления которых применялась эмаль. Известный трактат монаха Теофила, автора XII—XIII вв., ставит Русь по совершенству ее изделий наравне с Грецией (Византийской империей), Аравией, т. е. странами ближнего Востока, Италией, Францией и Германией. В введении к своему трактату «О различных искусствах» Теофил обращается к некоему возлюбленному сыну (*fili dulcissime*) со следующими словами: «Если ты его внимательно изучишь, ты найдешь там все, что изобрела Русь в искусстве эмали и разнообразии черни; все, что Аравия употребляет в работах при ковке, сплаве или чеканке; все, что украшает славную Италию в применении золота и серебра для различных ваз или для резьбы на драгоценных камнях и кости; все, что Франция находит в искусном разнообразии цветных стекол; всю тонкость изделий из золота, серебра, меди, железа, дерева и

⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 260.

камня, которыми славится изобретательная Германия»⁷. Различные варианты слова «Русь» в его латинской огласовке в достаточной мере указывают на то, что в трактате речь идет именно о Руси.

Высокое хозяйственное развитие Киевской Руси подчеркивается существованием в ней большого количества городов. Города Киевской Руси были центрами ремесла и торговли. Крупнейшие из них (Киев, Чернигов, Галич, Смоленск, Новгород и др.) были центрами международной торговли, а Киев средневековыми авторами считался «соперником» Константинополя. Известно, что скандинавские источники называли Русь — «страной городов» (Гардарики). И это вполне подтверждается даже неполными летописными данными о количестве русских городов. Уже в XI в. известно до сотни русских городов. В XII в. упоминаются, по крайней мере, 120 новых городов. А общее количество русских городов ко времени монгольского нашествия доходило до 250⁸. Ремесленное население обычно селилось в непосредственной близости к «детинцу», или «кремлю». Такие городские предградия иногда были очень обширными, например в Киеве, Новгороде и, судя по некоторым данным, и в Галиче.

Для городов Киевской Руси характерна высокая степень ремесла и торговли. Если о ремесленных объединениях в Киевской Руси нам известно мало, то о существовании торговых организаций мы можем говорить с полным основанием. Новгородское Иванское «сто» было одной из древнейших купеческих организаций в Европе, по времени своего возникновения оно предшествовало ряду купеческих организаций в северогерманских городах. Так, гильдейский статут такого немецкого города, каким был Гослар, возник только в 1200 г. Уставная грамота церкви Ивана Предтечи на Опоках, как известно, в своей древнейшей редакции относится ко времени до 1136 г., т. е. возникла почти одновременно с гильдейскими статутами Фландрии. Зажиточная и оживленная жизнь в русских городах засвидетельствована рядом источников.

Рост феодальных отношений в Киевской Руси происходил в условиях ожесточенной классовой борьбы и восстаний смердов и городских низов против господствующего феодального класса. В этом отношении история Киевской Руси имеет особенно большой интерес. О восстании смердов в Суздальской области мы уже говорили. Новое восстание смердов произошло в Суздальской области в 1071 г. Это восстание вспыхнуло в связи с голодом и также возглавлялось волхвами. В данном случае волхвы возглавляли движение закабаляемых смердов как представители язычества — религии, тесно связанной с первобытно-

⁷ Théophile. Prêtre et moine. Essais sur divers arts. Paris, 1843, p. 8.

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 20—24.

общинным строем. Волхвы стояли во главе вооруженного отряда, насчитывавшего 300 человек⁹. Движение широко распространилось и захватило Новгород, где «бысть мятеж во граде». Подобные же восстания смердов в сочетании с восстаниями в городах происходили и в других областях Киевской Руси. Наиболее замечательными были киевские восстания 1068 и 1113 гг. Оба эти восстания не были изолированными городскими движениями. Отголосками киевского восстания 1068 г. являются известные статьи в «Правде Ярославичей» об убийстве старого конюха, «его же убили дорогобудыцы», а также статьи о убийстве княжеских людей¹⁰.

Еще ярче эта связь движений в городе с движениями в деревне подчеркивается в киевском восстании 1113 г. По сказанию о Борисе и Глебе, помещенному в сборнике XII в., «многу мятежу и крамоле бывши в людех и молве не надо».

Следует отметить, что подобные же восстания смердов были характерны и для других земель Киевской Руси. Они представляли собой отражение борьбы закабаляемых смердов против феодального гнета. Одним из крупнейших крестьянских движений Киевской Руси было движение смердов в Галицкой земле в 1159 г., совершенно еще не изученное в нашей литературе. Известный Иван Ростиславич Берладник, опираясь на большой шеститысячный отряд берладников, вошел в Галицкую землю. При осаде Ушицы выяснилось, что Ивана поддерживают смерды, «а смерди скачут черес заборолу к Иванови, и перебеже их 300»¹¹. Было бы крайне упрощенно рассматривать поддержку смердами претензий на галицкий стол со стороны Ивана Ростиславича как простую симпатию к претенденту. Перед нами одно из типичных крестьянских движений средневековья. Смерды выступили в поддержку берладников против своих феодалов. Выступление смердов становится вполне понятным в свете того, что мы знаем о господстве бояр в Галицкой земле и установлении там крупного землевладения еще в раннее время, что связано было с усилением эксплуатации крестьян. Существование сильного боярства — факт для Галицкой Руси XII в. общеизвестный.

Киевская Русь отличалась высокой и самостоятельной культурой. Однако следует иметь в виду, что дошедшие до нас памятники письменности, архитектуры и живописи представляют собой произведения, отразившие художественные вкусы феодального господствующего класса.

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу об-

⁹ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 170.

¹⁰ «Правда Русская», т. I, стр. 71.

¹¹ «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 41.

щества, есть в то же время и его господствующая *духовная сила*»¹².

Богатая средневековая письменность представлена таким мировым шедевром, как «Повесть временных лет». Этот исторический труд стоит по своей исторической достоверности выше многих византийских и западноевропейских произведений того времени. Мы имеем возможность, например, сравнить нашу «Повесть временных лет» с первыми венгерскими хрониками, которые ставили задачей дать представление об истории венгров с древнейших времен. Мы имеем в виду известную историю нотариуса короля Белы, вероятнее всего Белы IV (1235—1270), которая представляет собой причудливый конгломерат сказаний и позднейших домыслов о ранней истории Венгров. Поражает не только большая точность «Повести временных лет», но и стремление ее воспользоваться целым кругом различных источников, в том числе письменных, вплоть до договоров Руси с Греками в X в. Подобный труд мог появиться только в стране с большой письменной культурой и письменными богатствами.

Такой мировой шедевр, как «Слово о полку Игореве», возник, конечно, не на пустой почве. Подобные же произведения были характерны для Галицко-Волынской Руси и нашли свое отражение в Галицко-Волынской летописи XIII в. с яркой художественностью ее образов. Для феодальной поэзии Киевской Руси характерно распространение в ней искусства певцов, воспевавших подвиги князей и бояр в своих произведениях подобно «трубадурам» Запада и певцам Востока.

Почти вся письменная литература Киевской Руси, дошедшая до нас, представляет собой литературу господствующего феодального класса, в большинстве случаев возникшую в церковных кругах. Это обстоятельство неоднократно вводило исследователей в заблуждение, что искусство и литература Киевской Руси были исключительно уделом общественной верхушки. Существование былин, которые дошли до нас в среде крестьянской на севере Руси, украинские предания, белорусские обрядовые песни с их незапамятной стариной, говорят нам о другом, народном искусстве Киевской Руси. Это искусство сохранилось не только в фольклоре и эпосе, оно властно пробивается в народных мотивах деревянной резьбы и в узорах на ткани. Эта народная стихия нашла свое выражение в каменной резьбе Владимирских храмов на севере и в остатках такой же резьбы, дошедшей до нас во фрагментах на юге.

Территориально Киевская Русь была крупнейшим государством в Европе. Это расширение Киевского государства объясняется его структурой. По словам Маркса, в Киевском государстве существовала «вассальная зависимость без ленов, или

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45.

лены, заключавшиеся только в уплате дани». Маркс поэтому и называл Киевское государство «готическим» государством, сравнивая его, как мы отмечали выше, с империей Карла Великого¹³.

Рост феодальных отношений привел к распаду Киевского государства и образованию ряда отдельных княжеств. Однако, в период феодальной раздробленности XII—XIII в. Киевская Русь продолжала быть крупнейшей международной силой на востоке Европы. Ее значение заключалось в том, что ее одинаково интересовало международное положение на западе и востоке — в Западной Европе и в Азии. В этом отношении ни одно государство, современное Киевскому, не могло с ним сравниться по своему международному положению. Поэтому для определения места Киевской Руси в системе стран на западе и востоке нам придется отойти от обычной схемы и показать Киевскую Русь в ее взаимодействии с другими странами. Замечательная характеристика границ Руси ко времени нашествия монголов сделана была автором «Слова о погибели Русской земли»: «отселе до Угор, и до Ляхов, до Чяхов, от Чяхов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, (от Немець) до Корелы, от Корелы до Устьяга ... и за Дышючим морем, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Чермис, от Чермис до Мордви»¹⁴. Таковы границы Руси. Ее соседи — Венгрия, Польша, Чехия, Ятвяги, Литва, Немцы, Корела, Дышущее море или Северно-Ледовитый океан, Волжские Болгары, Буртасы, Черемиса, Мордва.

Киевская Русь была тесно связана с Византийской империей торговыми и политическими отношениями. Признание высокого значения Киевской Руси сказывалось в заключении ряда договоров, оговаривавших особые торговые права русских в Константинополе и Херсоне. Византийские императоры должны были признать киевских князей равными себе и заключить с ними династические связи. Отношения с Русью, особенно с Галицко-Волынской землею, неизменно влияли на политику Византии.

Уже первый морской поход русских под стены Византии показал, что «злоубийственный скифский народ, называемый рос», как его называет в своем послании митрополит Фотий, представлял крупную опасность для империи. Эта опасность усугублялась тем, что русские могли действовать в союзе с болгарами. Поэтому византийский император Константин Багрянородный в своем трактате об управлении империей обращал особое внимание на способы держать в спокойствии болгар и русских, советуя своим наследникам натравливать на них печенегов.

Основная линия русской политики по отношению к Византии

¹³ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в. [К. Marx. Secret Diplomatic...]

¹⁴ В. И. Малышев. Житие Александра Невского.— ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 188.

наметилась уже в первой половине X в. Русские князья усиленно добивались для своих купцов торговых привилегий в Константинополе, важнейшем торговом центре средневековья. Сохранившиеся договоры Руси с греками 911 и 945 гг. дают представление об особых правах, которыми пользовались русские купцы в Константинополе. Особенно большие выгоды представлял русский договор 911 г. как результат победы Олега над греками. Те же договоры указывают на особые права русских в Херсонесе и других греческих городах в Крыму, где жило довольно большое славянское население. Политическое положение в Крыму порой привлекало к себе пристальное внимание и византийских и русских авторов. Корсунь, или Херсонес, была теснейшим образом связана с русским княжеством в Тмутаракани уже со времен храброго Мстислава, построившего там каменную церковь. Известно, с каким большим интересом летописец относился к деятельности в Крыму князя — изгоя Владимира Ростиславича, отравленного греческим котопаном в 1066 г. «Сего же котопана побиша камнемъ Корсуньские людье»¹⁵, — говорит об этом событии летописец, не оставляя сомнений в том, что Корсунь была связана с тмутараканским князем. В. Г. Васильевский связывает летописный рассказ о смерти Ростислава с сообщением Татищева о том, что византийский император Михаил VII был побежден от болгар и обратился за помощью к русским князьям Святославу и Всеволоду. Князья послали в Корсунь, также восставшую против императора, своих сыновей, Святослав — Глеба, Всеволод — Владимира Мономаха. «Святослав же, согласясь со Всеволодом, хотел на болгары сам итти с сыны, а Владимира сыновца и с ним Глеба послал на корсунян»¹⁶. В. Г. Васильевский отмечает, что Михаил VII был действительно побежден болгарами, которые восстали в 1073 г. под предводительством Бодина Сербского. «В 1074 году снова поднялись дунайские города; нашедши себе союзников в улусах печенежских, придунайская вольница грозила самому Константинополю»¹⁷. Таким образом, русские летописи и византийские источники подтверждают сообщение Татищева о восстании в Корсуни и о пребывании там Глеба Святославича.

Корсунские дела были тесно связаны, как это бывало и раньше, с положением в придунайских землях, где владения русских князей сталкивались с Византийской империей.

Теперь можно считать доказанным, что походы Святослава в Болгарию в X в. не были внезапными набегами удалыца —

¹⁵ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 162.

¹⁶ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, приложения, стр. 54.

¹⁷ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 31 («Два письма Михаила Дуки»).

князя, а были связаны с большими политическими событиями на Балканском полуострове. Поражение Святослава было гибельным для восточной Болгарии, потерявшей свою самостоятельность в результате поражения русских и болгарских войск. Обычная традиция связывает поход Святослава в Болгарию с дипломатической деятельностью византийского двора, склонявшего русского князя к войне с болгарями. Однако основной целью похода Святослава в Болгарию была, конечно, не военная прогулка, оплаченная греческим золотом, а стремление утвердиться к югу от Дуная. Нельзя забывать, что русские земли в X в. еще не были отделены от южных славян территорией позднейшей Румынии, а непосредственно граничили с Болгарией. По Днестру и Бугу «до моря» жили многочисленные племена уличей и тиверцев, с которыми успешно воевал Игорь, взявший их город Пересечен. Как известно, русские поселения доходили непосредственно до Дуная.

Быстрый успех русских войск во главе со Святославом объясняется активной помощью самих болгар, которые стремились избежать угрожавшего им византийского владычества. Болгарский царь Борис II вступил в соглашение со Святославом, оставившим ему знаки царского достоинства, впоследствии отнятые у него византийским двором. «Борис остался царствовать в столице Преславе, а Святослав, настоящий, хотя и некоронованный властелин Болгарии, утвердился в Дрестре»¹⁸.

Конечная неудача замыслов Святослава и гибель его в днепровских порогах не мешает нам видеть в походах Святослава большое политическое событие. Столицу своего государства он предполагал основать в Переяславце в устье Дуная, потому что сюда «вся благая» сходится: из Византии — золото, дорогие ткани, вино и пряности, «овощеве различные», из Руси — меха, воск и мед, из Венгрии и Чехии — кони.

Польские, венгерские и чешские события останутся непонятными, если их не связывать с историей Киевской Руси, так как важнейшими вопросами венгерской и польской истории был вопрос о взаимоотношениях с Галицко-Волынской Русью. Отношения Руси с Польшей, Венгрией и Чехией были в X—XIII вв. очень оживленными. Этим объясняется присутствие ряда известий по истории этих стран в русских летописях, а также появление некоторых чешских и польских произведений в письменности Киевской Руси. Постоянные династические связи соединяли киевских князей с владетельными домами Венгрии, Чехии и Польши.

Участие русских князей в делах Венгрии, Польши и Германии было явлением постоянным. Поэтому Владимир Мономах говорит о своих дальних походах на запад, в Чехию за Глаго-

¹⁸ Петър Мутафчиевъ. История на българския народъ, томъ първи. София, 1943, стр. 359.

еу, как о рядовом факте своей военной жизни, переполненной подвигами и приключениями.

При оценке больших политических событий, в которые были втянуты Византийская империя, южнославянские страны, Венгрия, Чехия и Германия, нельзя оставлять в стороне Киевскую Русь. В XII—XIII вв. Галицко-Волынская Русь стояла в центре политических событий. Этим, кажется, объясняется то обстоятельство, что Галицкая земля представлялась в западноевропейских сочинениях конца XIII в. (Варфоломей Английский) как обширная и богатая страна: «Галиция очень обширная область, которая охватывает большую часть Европы, очень обильная, некоторыми она называется Русью». Эта страна соседит с Венгрией. Варфоломей Английский считает, что Русь и Галицкая земля одно и то же.

Пожалуй, лучшая характеристика могущества галицких князей сделана в «Слове о полку Игореве», в обращении к Ярославу Владимировичу Осмомыслу: «Галичкы Осмомысле Ярославе высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе. Подпер горы Угорьскыи своими железными плъки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча времени чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата; стреляеши с отня злата стола Салтани за землями. Стреляй Господине Кончака, поганого Кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы буюего Святославича»¹⁹. Перед нами почти эпический образ могучего властелина, в котором только с трудом угадываются реальные черты из жизни галицкого князя второй половины XII в. Кстати говоря, приведенная характеристика могущества галицкого князя является одним из лучших доказательств того, что «Слово о полку Игореве» было написано еще при жизни Ярослава Осмомысла, т. е. до 1 октября 1187 г.²⁰ Галицкая земля изображена в зените ее политической мощи, нет и намека на какую-либо угрозу со стороны соседних венгерских королей. Наоборот, о Ярославе Осмомысле говорится, что он «подпер горы Угорьскыи своими железными плъки».

Однако то же «Слово о полку Игореве» дает понять, что отношения между Галицкой Русью и Венгрией были уже напряженными. Это можно видеть из дальнейших слов, посвященных Ярославу Осмомыслу: «заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная»²¹. В этой фразе ясно проявляется стремление автора «Слова» показать, что Ярослав преградил путь королю и затворил для

¹⁹ Тексты «Слова» цитируются нами по первому изданию — «Ироническая песнь о походе удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича» (далее — «Слово»). М., 1800. Для перевода в основном привлекался текст А. С. Орлова — акад. А. С. Орлов. Слово о полку Игореве (далее — А. С. Орлов. «Слово»). 2-е дополненное изд. М. — Л., 1946.

²⁰ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 441.

²¹ А. С. Орлов. «Слово», стр. 72, 83.

него ворота на Дунай, хотя и не сделано никаких пояснений, что понимается под этим путем короля и какие ворота на Дунае были затворены Ярославом Осмомыслом.

Ярослав Осмомысл более, чем кто-либо из галицких князей, был втянут в дела византийской империи. Кратковременный союз с императором Мануилом Комнином сменился долгими годами неприязненных отношений между Мануилом и Ярославом, так как последний поддерживал одного из претендентов на византийский престол, знаменитого Андроника Комнина. Известно, что Андроник нашел во время своих скитаний приют у Ярослава и впоследствии с благодарностью вспоминал о своей жизни в Галицком княжестве. Византийский писатель Никита Хониат рассказывает, что Андроник построил у храма Сорока мучеников палату, расписанную картинами из его жизни у «тавроскифов», т. е. у русских. Приводим это замечательное описание русской охоты XII в., так совпадающее с тем, что рассказывает о своих охотничьих подвигах Владимир Мономах: «Живопись представляла конскую езду, псовую охоту, крик птиц, лай собак, погоню за оленями и травлю зайцев, пронзенного копьем кабана и раненого зубра (этот зверь больше сказочного медведя и пестрого леопарда и водится преимущественно у тавроскифов), сельскую жизнь с ее палатками, наскоро приготовленный обед из пойманной добычи, самого Андроника, собственными руками разрубающего на части мясо оленя или кабана и тщательно его поджаривающего на огне, и другие предметы в том же роде, свидетельствующие о жизни человека, у которого вся надежда на лук, меч и быстрого коня»²².

Дружеские отношения между Ярославом и Андроником Комнином продолжались и после того, как Андроник сделался византийским императором. На это намекает то обстоятельство, что один из опасных соперников Андроника, племянник умершего царя Мануила, был сослан им в Скифию. Упомянутый выше Никита Хониат рассказывает, что «Алексей Комнен, происходивший от одной крови с царем Мануилом... был сослан Андроником в Скифию, бежал оттуда, и как какой-нибудь крылатый змей, перенесся в Сицилию»²³.

Гибель Андроника, свергнутого с престола и зверски умерщвленного константинопольской толпой, должна была резко изменить положение в придунайских областях и политику Ярослава Осмомысла. Не случайно эта смерть была в какой-то мере связана с началом восстания в Болгарии, во главе которого стояли братья Петр и Асень. Восстание началось, как это доказал в своих трудах Ф. И. Успенский, весной 1186 г.²⁴

²² «История Никиты Хониата». Византийские историки, переведенные с греческого при СПбургской Духовной Академии, т. I. СПб., 1860, стр. 420.

²³ Там же, стр. 376.

²⁴ Ф. И. Успенский. Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 75.

На первых порах вожди восставших болгар потерпели поражение и бежали за Дунай в поисках помощи. Зная теперь, что Ярослав Осмомысл «суды рядя до Дуная», мы едва ли скажем, что болгарское восстание поддерживалось одними половцами. Надо думать, что оно нашло поддержку и в Галицком княжестве.

В числе народов, сражавшихся в Болгарии, были «куманы, народ доселе непорабощенный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь русских, народ любезный богу войны». Ф. И. Успенский объяснил слово «Вордоны» как испорченное русское слово «бродники», указав на участие русских в войнах за освобождение Болгарии²⁵.

В свете того, что мы знаем о событиях в придунайских землях в конце XII в., реальное значение принимает выражение «Слова» о том, что Ярослав Осмомысл затворил Дунаю ворота. Это выражение становится, впрочем, понятным в общем контексте с предыдущей фразой: «заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота».

Одним из крупных политических событий на Балканах в конце XII в. был союз византийского императора Исаака Ангела с венгерским королем Белой III. Для закрепления этого союза император женился на малолетней венгерской принцессе в конце 1185 или в начале 1186 г.²⁶

Венгерский король тотчас же занял угрожающую позицию по отношению к восставшей Болгарии и Галицкому княжеству. Можно предполагать, что певец «Слова о полку Игореве» знал об этой позиции венгерского короля и ответных мероприятиях Ярослава Осмомысла, который, «заступив королю путь, затворив Дунаю ворота», стал переметывать тяжести через облака, как переводил соответствующее место А. С. Орлов: «меча времени чрез облаки»²⁷. В этом выражении мы найдем вполне реальное отображение того, что Ярослав загородил своими войсками путь венгерскому королю в Болгарию. Даже указано место, где он это мог сделать — Железные ворота, под которыми известно урочище, где Дунай течет, стесненный отрогами Трансильванских Альп и подступающих к ним с другого берега гор Мароча. Это место находится в прямой близости к одному из крупнейших болгарских городов Видину, или Вдину, где еще и после падения первого Болгарского царства сидел самостоятельный

²⁵ Ф. И. Успенский. Указ. соч., приложения, стр. 35—36.

²⁶ Там же, стр. 111—112.

²⁷ А. С. Орлов. «Слово», стр. 83. Конечно, поправка «бремены» является очень надежной, так как в рукописи XVI в. начертания букв «б» и «в» были очень близки друг к другу. Но можно допустить и «времены». И. И. Срезневский приводит в своем словаре слово «времены», заменяющее понятие стражи (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 620).

болгарский царь²⁸. Думается, что и малопонятное, но цветистое выражение «Слова» «меча бремени чрез облаки» сохранило воспоминание о каком-то реальном факте, может быть, о переправе военных тяжестей (например, стенобитных орудий) «чрез облака», т. е. через вершины высокого горного хребта.

Певец «Слова о полку Игореве», по-видимому, был осведомлен о болгарских событиях. Этим можно объяснить настойчивое упоминание о Трояне в русском памятнике конца XII в.

Весной 1186 г. византийский император Исаак Ангел обошел укрепленный горный проход и проник другою горною тропою в Болгарию, разбив Петра и Асеня. Можно предполагать, что это событие не было еще известно певцу «Слова о полку Игореве», когда он писал о Трояновой тропе, «рища в тропу Трояню чрес поля на горы». Выражение «тропа», упоминаемое в русских документах в значении «тропинка», «дорожка», особенно хорошо подходит для горного пути в Балканах, известного под названием Траяновой дороги. Дм. Ангелов в своей статье о сообщительно-операционных линиях в войнах XII—XIV вв. указывает, что горный проход от Пловдива назывался «Траянов проход» (античное *Succi*, средневековая Болгарская Клисурса или Василица)²⁹.

Киевская Русь была связана с целым рядом европейских стран: Германией, Францией, Англией, Скандинавией. Прекрасное знание географии Западной Европы доказывается отрывком, помещенным в начале «Повести временных лет». В нем с необыкновенной точностью указаны народы, жившие у берегов Балтийского моря. Поляки, пруссы, народы Прибалтики («чудь») «прилегают» к этому морю. Варяги «селят» по этому морю «к западу до земле Агнянски и Волошьски». Среди других народов названы волхвы и карлязи. Уже Круг указал, что под именем волхвов, упомянутых в летописи, надо понимать жителей Нормандии — *Valland*, скандинавских источников, а под карлязами — *carlenses*, жителей позднейших Нидерландов. Однако по другим исследованиям, словом «*carlenses*» обозначали французов, «короли Капетинги всегда короли Каролинги, так как Капетинги имели претензию вести себя от Карла Великого. Должно быть отмечено, что иностранные авторы всегда употребляют для французского королевства слово «Каролинги» — пишет один французский автор. В другой работе нам приходилось отмечать, что географический отрывок «Повести временных

²⁸ Об этом пишет Таллоци в своих очерках на венгерском языке (см. рецензию П. Сырку в «Византийском Временнике», т. VII, вып. I. СПб., 1900, стр. 147—148).

²⁹ *Димитър Ангелов*. Сообщительно-операционни линии и осведомителна служба във войните и външно-политическите отношения между България и Византия през XII—XIV вв. — «Известия на Българското Историческо Дружество», кн. XXII—XXIV. София, 1948, стр. 219.

лет» возник, вероятно, до 1041 г., так как в нем названа Англия и нет Дании, а обе эти страны в это время находились под одной властью. Отдельное упоминание Нормандии (Valland) датирует этот отрывок временем до 1066 г., т. е. до времени, предшествующего Вильгельму Завоевателю.

Напомним и тот общеизвестный факт, что русская княжна Анна, дочь Ярослава Мудрого, была французской королевой. Пожалуй, наиболее любопытным было то, что Анна и на чужбине подписывалась по-славянски — «Анна рѣина», сохраняя свои прежние русские обычаи и язык. Напомним ту большую роль, которая выпала на долю Евпраксии — Адельгейды, жены германского императора Генриха IV, в знаменитой борьбе римских пап со светской властью императоров.

Римские папы и католическое духовенство пыталось утвердить на Руси свое влияние уже в X в. Такие же попытки делались в более позднее время.

Громадная международная роль, которая выпала на долю России, становится особенно ясной в свете соперничества за влияние на Русь восточной и западной церкви, католицизма и православия. Это соперничество началось уже в X в., когда княгиня Ольга, приняв крещение от константинопольской церкви, в то же время отправила послов к германскому императору Оттону I с просьбой прислать епископа. Владимир Святославич поддерживал связи с Римом, а при дворе его сына Святополка, позже прозванного Окаянным, жил католический епископ Рейнберн. Нам известен другой, еще более замечательный факт, необыкновенно ярко показывающий громадный удельный вес, которым пользовался русский народ в глазах римского престола. Когда в 1054 г. произошел решительный раскол между католической и греческой церквями, обе церкви старались привлечь на свою сторону киевских князей. Папские послы положили свою отлучительную грамоту в русском городе (1055 г.), откуда ее получил византийский император (a civitate Rusogum). Так об этом событии говорит достоверный свидетель — кардинал Гумберт, составивший краткую историческую записку о разделении церквей³⁰.

Вопреки обычному представлению, Киевская Русь принимала участие в крестовых походах. Свидетельство о политической миссии киевских князей в Палестину сохранило хождение Даниила.

В «Истории о Иерусалиме и Антиохии» («L'histoire de Jérusalem et d'Antioche») XIII в. русские перечисляются среди народов, которые сражались в Палестине против Солимана.

³⁰ Андрей Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, стр. 46—47 и примечание. (Отлучительная грамота была положена папскими послами на алтарь Софийской церкви в Константинополе 16 июля 1055 г.)

Вместе с Годафруа сражались люди из Венгрии, Австрии, Дании, Польши, России (de Russie). Они решили исход битвы за Никею. «Топонимика Палестины,— по словам одного исследователя,— заключает некоторые географические названия, которые напоминают о Руси». Rugia или город Rossa, называемый также Russa, Roia, Rugen, Rursia, Rusa.

Свидетельство о политическом участии русских князей в крестовых походах, сохранилось, впрочем, и в русском произведении. Мы имеем в виду «Хождения Даниила Паломника». По собственным словам Даниила, он ходил в Палестину при Святополке Изяславиче, т. е. до 1113 г. Что его миссия в Палестину имела какое-то политическое значение, видно из того, что русский игумен вел переговоры с королем Болдуином (умер в 1118 г.). Русский паломник был со своею дружиною, по-видимому, достаточно многочисленной, для защиты от нападения мусульман: «погани мнози в горах тех и избивают христиан в дебрех тех страшных».

Киевская Русь была тесно связана со странами Закавказья и Средней Азии. Походы русских нанесли удары Хозарскому царству и распространились до Азербайджана. История Хозарского царства и Волжской Болгарии неотрывно связана с историей Киевской Руси. Киевская Русь была связана и со Средней Азией, главным образом, Хорезмом, а также с Грузией и Арменией. Стоя прочной ногой в Европе, поддерживая постоянные связи с Константинополем, Россия выступала как мировая держава и на востоке. Русские купцы ездили в Великие Болгары, столицу Камской Болгарии, и спускались вниз по Волге к Каспийскому морю. Оживленными были связи с Кавказом, особенно с Грузией. Из «обез», как называли грузин в русских источниках, пришли мастера — строители «великой» церкви Киево-Печерского монастыря. Изяслав Мстиславич был женат на молодой грузинской княжне, а грузинская царица Тамара в первом, правда, неудачном браке, была за сыном Андрея Боголюбского.

Изложение Васили, грузинского историка царствования Тамары, показывает, что брак Тамары с Юрием был результатом прямого политического расчета. «Собрались перед царицей Русуданой,— пишет он,— и по общему решению, отправили какого-то человека в Русское царство в виду принадлежности русских племен к христианству и православию». Васили упоминает и о восстании, которое имеры и сваны подняли против царицы. Они «привезли с собою и русского, будто бы с верным расчетом снова сделать его царем»³¹. Таким образом, русский князь не был случайным иноземцем в Грузии, а нашел себе поддержку у ряда племен.

³¹ «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 44—47.

Связи с Кавказом поддерживались с помощью русского княжества в Тмутаракани. Этим объясняется, что на Руси грузины были известны под именем «обезов», от слова Абхазия, где в IX—X вв. существовало сильное Абхазское царство. Суздальская Русь была связана с Кавказом речной магистралью Волги. Анбал Ясин (осетин) был приближенным Андрея Боголюбского. Некоторые исследователи видят в технике владимирских рельефов близкую связь с рельефами Закавказья.

Что касается армян, то колонии их с древнего времени существовали в Киеве, а также в Галицкой земле.

Замечательнее всего, как доказал С. П. Толстов, что Русь была тесно связана и со Средней Азией. Хорезм или Хвалисы русской летописи были прекрасно известны на Руси. Широко известны походы руссов на Волгу, где у хозарской столицы Итиля их видел Ибн-Фадлан. Походы руссов в Азербайджан навсегда оставили по себе память в восточных хрониках. В то время как западноевропейские страны питались различного рода баснями о далеких странах Востока, русский летописец знал уже, что «из Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы и на вѣсток дойти в жребии Симов»³². Тот же летописец подчеркивает, что по Двине можно было идти «в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима до племени Хамова». Так очерчивается та международная среда, центром для которой была Киевская Русь. Из Хорезма в центре Азии до Скандинавии, от Скандинавии до Рима в Италии и до берегов Африки, «до племени Хамова». Ни одно государство в Европе или в Азии не могло соперничать с Киевской Русью по своему международному значению.

По отношению к народам Восточной Европы, соседившим с Киевской Русью на севере и востоке, русский народ играл громадную культурную роль. Исконные связи русского народа с литовцами, эстонцами и латышами доказываются свидетельством письменных памятников, а также заимствованиями для обозначения ряда понятий из русского языка в языки народов Прибалтики. Теперь уже можно считать вполне доказанным тот бесспорный факт, что народы Прибалтики с давнего времени вступили в постоянное общение с русским народом, задолго до появления в Прибалтике немецких захватчиков. Пожалуй, наиболее ярким доказательством давних культурных сношений русского народа с народами Прибалтики является то обстоятельство, что предметы христианского культа в эстонском и латышском языке заимствованы из русского языка. Латыши называют церковь древнерусским словом «базница», от русского «божница», «гавасть», «гавани» — пост, от русского

³² «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 6 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 7].

«говение» и пр. В эстонском языке топор называется *torreg*, лук — *look*. Таких примеров можно привести много, и они с достаточным основанием говорят о древности связей русского народа с народами Прибалтики в те времена, когда, по выражению одного русского памятника, «немцы радовахуся, далече будуче за синим морем»³³. Поэтому распадается легенда, придуманная немецкими реакционными авторами о какой-то культурной роли немецких рыцарей в Прибалтике, легенда, придуманная для оправдания немецких захватов на Востоке.

Близость культурных связей русского народа с народами Прибалтики подчеркивается существованием русских поселений в непосредственной близости к побережью Балтийского моря. Передовые русские крепости на нижнем течении Западной Двины, Куkenойс и Герцике находились в землях со смешанным русским и латышским населением.

В Эстонии в центре страны был основан Юрьев со смешанным русским и эстонским населением. Русский народ и народы Прибалтики вместе боролись против установления владычества немецких феодалов. Это проходит красной нитью по всей «Хронике Ливонии», написанной Генрихом Латвийским. Постоянная поддержка, оказываемая народам Прибалтики русскими и литовцами, и была основной причиной, препятствовавшей расширению немецких захватов в Прибалтике. «Они привели с собою захваченных по деревням русских и эзельских гонцов, которые пришли было по поручению русских собрать войско по всей Эстонии», — пишет «Хроника Ливонии» о войне 1228 г. Во время осады Юрьева немецкими рыцарями в 1228 г. русские и эсты мужественно защищали город и вместе погибли на его развалинах.

Следует отметить, что именно русские летописи и некоторые другие письменные памятники являются основным источником по истории Прибалтики в XI—XIII вв. В сущности литовская история XI—XIII вв., хоть и в отрывочном виде, известна нам по русским летописям, в особенности по Ипатьевской летописи, как и история народов Прибалтики до появления в ней немцев освещена только русскими летописями, по преимуществу новгородскими известиями. «Хроника Ливонии» относится уже к первой половине XIII в., а так называемые «литовские летописи» — произведения очень позднего и мало достоверного характера. Таким образом, мы вправе говорить, что история народов Прибалтики оставалась бы без русских источников в тени, а это прямое указание на близкую связь Киевской Руси с литовцами и народами Прибалтики.

Высокое представление о значении Киевской Руси в мировой

³³ [В данном случае М. Н. Тихомиров цитирует «Слово о гибели Русской земли». — См. В. И. Малышев. Житие Александра Невского. Приложение. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 188].

истории было свойственно самим ее современникам. «Всего еси исполнена земля Русская», — восклицает русский автор XIII в., говоря о бедствиях своего времени. И это вовсе не единственное высказывание современников. Недаром же другой русский автор XI—XII вв. отмечал высокое положение России среди других стран в таких словах: «Кого бог так любит, как возлюбил нас, кого так почтил, как нас прославил и вознес». И эти выражения не являются чрезмерно высоким представлением о своей стране, которое уместно в устах патриота. У нас имеется немало доказательств того, что Киевская Русь высоко оценивалась и у других современных ей народов. Здесь прежде всего надо отметить французский эпос, содержащий немало указаний на Русь как могущественную страну. Россия представлялась богатой «лучшим золотом», дорогими тканями — *cendal de Russie* (от греческого — *syndon*), шелком, сукном и т. д. Русские лошади (*cheval de Russie*) славились наравне с венгерскими, арабскими, испанскими³⁴.

В описании морской торговли Саутхемптона, относящемся к началу XIII в., говорится о купцах, прибывающих из Апулии и Руси: «Купцы прибывают из Апулии и Руси, привозящие их великий товар и мясо, которым снабжен город». Русские войска принимают участие в войне против Карла Великого в знаменитой поэме о Роланде. Короли, графы, сеньеры из Руси — постоянные участники событий во французском эпосе. По замечанию новейшего исследователя, «Русь упоминается в 28 поэмах, всего около 70 раз, что само по себе свидетельствует о том интересе, который эта далекая страна вызывала во Франции»³⁵.

Интересно, что такое же представление о Киевской Руси было у византийских авторов. Никита Хониат называет русский народ «христианнейшим», который спас Византийскую империю от половцев. О действительном значении русских в Константинополе дает представление исследование Регеля, который пришел к выводу, что на монетах Владимира Святославича киевский князь изображен в знаках достоинства, «которые в Византии принадлежали ни цезарям, ни нобилям, но только одному императору»³⁶. Этот факт становится особенно ярким в свете того, что мы знаем о переговорах с греческим двором императора Оттона, который услышал в ответ на сватовство своего сына к византийской принцессе высокомерные слова: «Неслыханно, чтобы порфиророжденная, то есть дочь рожденного в пурпуре, рожденная в пурпуре, вступала в брак с другим родом» («*Inaudita*

³⁴ *Gr. Lozinskij. La Russie dans la littérature française du Moyen âge.* — «*Revue des études slaves*», t. 9. Paris, 1929, p. 253—269.

³⁵ *А. И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французской средневековой поэзии.* — «*Исторические записки*», т. 26. М., 1948, стр. 95—127.

³⁶ *W. Regel. Analecta byzantino-russica.* Petropoli, 1891, с. p. LXXIX.

res est ut porphirogenita, hoc est in purpuro nati filia, in purpuro nata, gentibus misceatur») ³⁷.

Общеизвестен факт особого интереса к Руси со стороны восточных авторов X—XIII вв. Ограничимся только краткими справками. В самых начальных словах своего сочинения Ибн-Фадлан уже пишет, что он будет рассказывать о том, что видел в стране «турок, хазар, русов, славян, башкир и других народов». Аль-Масуди сообщает, что русские «образуют великий народ» и т. д. Обилие упоминаний о Руси у восточных авторов само по себе говорит о большом интересе к Киевской Руси на Востоке. Напомним здесь же, что упоминание о русских появляются и в поэтических трудах Низами, великого азербайджанского поэта XII—XIII вв.

Мы видим, что митрополит Илларион в своем «Слове о законе и благодати» имел полное право сказать, что Русская земля была ведома во всех концах вселенной. Владимир и его предки «не в хуе бо и не в неведоме земле владычествоваша, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли».

История Киевской Руси неразрывно связана с историей многих других народов СССР, является их составной и неразрывной частью.

Все, что мы знаем по истории северных и северо-восточных народов на Востоке Европы, известно нам из русских источников. Да это и вполне понятно, если вспомнить о существовании «Пургасовой Руси» начала XIII в. в пределах мордвы, о том особом внимании, которое начальный летописец уделяет народам Поволжья, отмечая, кто из них был «особый язык». Не случайно древнейшее свидетельство о религиозных воззрениях «чуди», под которой понимались эстонцы и близкие к ним по языку народы, находится в «Повести временных лет», как и древнейший рассказ о Югре и народах Севера.

Киевская Русь объединила восточных славян и является общим истоком, от которого ведут свое начало три народа СССР — русские, украинцы и белорусы. Вместе с тем, Киевская Русь положила начало объединению с русским народом других народов Восточной Европы (мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов и т. д.).

Для украинцев, русских и белорусов Киевская Русь одинаково является общим истоком. На далеком севере традиции Киевской Руси тщательно сохранялись в самые тяжкие годы татарщины. Эту мысль проводит уже «Задонщина», воспевающая победу русских над татарами на Куликовском поле в 1380 г.: «взыдем на горы Киевския, и посмотрим славного Непра

³⁷ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 100; Это относится к 968 г. [М. Н. Тихомиров дает свой перевод латинского текста, приведенного у А. Е. Преснякова. Его перевод отличается от перевода А. Е. Преснякова.]

и посмотрим по всей земли Руской и отоля на восточную страну, жребий Симов, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые, татаровя, бусормяновя. Те бо на реке Каяле одолеша род Афетов. И отоля Руская земля седить невесела. А от Калатъския рати до Мамаева побоища тугою и печалию помышася»³⁸.

«Ласковый князь Владимир», стольный град Киев, «Галич богатый» — распространенные былинные эпитеты русского эпоса, сохранившегося на нашем Севере. Но ту же самую мысль о единстве русского, белорусского и украинского народов высказал замечательный украинский писатель XVII в., в годы, когда украинский народ вел героическую борьбу за свое существование. Захарий Копыстенский в своей «Палинодии» говорит «о зацности и мужестве народу Российского». Он рассматривает «россов» как единый народ. Одна их часть, русские, взяли «две орде татарские, Казань и Астрахань». Другая часть тех же «россов» живет на Украине и также борется с татарами. «А другая часть Яфето-Роского поколения, в Малой России выходячи, а не за-порогов живучи казаки,— татары и места турецкии на море чолном воюют, а на всех выправах военных кролей полских делне, мужне и преважне ся ставят»³⁹. Так украинский автор XVII в. подчеркнул единство всего «роского» поколения, общим истоком которого была Киевская Русь.

История Киевской Руси в корне опровергает порочные и антинаучные произведения зарубежных писак о неспособности славян к созданию своего государства.

История Киевской Руси — величественное явление в мировой истории, она одинаково близка русским, украинцам, белорусам и всем народам Советского Союза, она тесно связана с историей СССР и всего мира.

История Киевской Руси занимает большое и почетное место в истории Советского государства и во всемирной истории как общий исток, от которого ведут начало и с которым связана начальная история многих народов СССР — оплота всего прогрессивного человечества.

³⁸ «Воинские повести древней Руси». М.— Л., 1949, стр. 33.

³⁹ РИБ, т. IV, ч. I. СПб., 1878, стб. 1100—1110.

КРЕСТЬЯНСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ НА РУСИ XI—XIII ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»¹. В таких словах К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» определили значение классовой борьбы в мировой истории. В свете данного положения ясно определяется и значение нашей темы о крестьянских и городских восстаниях на Руси XI—XIII вв., так как эти выступления народных масс были ярким проявлением классового антагонизма, существовавшего в древнерусском обществе. Народные восстания той эпохи показывают, что русский народ с давнего времени боролся против крепостнического гнета.

Классики марксизма-ленинизма дали нам ценнейшие руководящие указания по истории народных восстаний. Классическим трудом, специально посвященным одному из крупнейших крестьянских восстаний в средние века, является книга Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии».

Труд Энгельса может служить образцом для всякой работы по истории народных восстаний, в том числе и по истории крестьянских и городских движений в древней Руси, хотя в нем изучена крестьянская война позднего средневековья. В своей книге Энгельс дает представление о Германии начала XVI в., ее экономическом и политическом состоянии. Особенно важен для нашей темы анализ классового строения общества в Германии². Далее Энгельс показывает ход Крестьянской войны в Германии, а также неизбежность ее поражения. Напомним, что эту работу Энгельс написал в 1850 г. «еще под непосредственным впечатлением только что завершившейся контрреволю-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.— Сочинения, т. 4, стр. 424.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 343—437.

ции»³. Замечательно само начало книги, в котором указывается, что немецкий народ имел свою революционную традицию, ярким проявлением которой была Крестьянская война XVI в.

Ценнейшие указания по вопросу о характере и особенностях крестьянских и городских восстаний в феодальное время находим и в других работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, чрезвычайно важным является их вывод о том, что «все крупные восстания средневековья исходили из деревни, но и они, из-за раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, также оставались совершенно безрезультатными»⁴.

Громадное значение для изучения истории народных восстаний, в том числе крестьянских движений на Руси, имеют труды В. И. Ленина. В своих работах В. И. Ленин указывает на трагическое положение крестьян, боровшихся в феодальное время с помещиками. В статье «К деревенской бедноте» В. И. Ленин дает следующую замечательную по краткости и выразительности характеристику борьбы крестьян против крепостного права: «Когда было крепостное право,—вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»⁵.

В. И. Ленин отмечал большое значение народных движений в феодальную эпоху. В речи, произнесенной с Лобного места 1 мая 1919 г., Ленин говорил о Степане Разине как представителе «мятежного крестьянства», сложившем свою голову в борьбе за свободу⁶.

Таким образом, в деле изучения крестьянских и городских восстаний мы стоим на твердой почве и вооружены четкими теоретическими указаниями классиков марксизма-ленинизма. Тем более представляется странным, что история народных восстаний на Руси в эпоху феодализма изучена до сих пор еще очень слабо. Даже восстаниям под предводительством Разина и Пугачева до сих пор не посвящено обобщающих трудов, написанных историками-марксистами. Что касается крестьянских и городских движений на Руси XI—XIII вв., то они пока еще остаются без должного изучения. С относительной полнотой рассмотрены только киевские восстания 1068 и 1113 гг.

Следовательно, нам предстоит изучить исследуемые вопросы во многих случаях заново, что заставляет с особым вниманием отнестись к рассмотрению источников о крестьянских и город-

³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1953, стр. 3 (предисловие редакции).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— Сочинения, т. 3, стр. 52.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326.

ских восстаниях на Руси XI—XIII вв. Естественно, что история народных движений неотрывно связана с экономической и политической историей своего времени. Поэтому крестьянские и городские восстания будут нами рассматриваться в тесной связи с экономикой, социальными отношениями, политическим развитием и культурой Руси XI—XIII вв.

Эта работа основана на длительном и внимательном изучении источников. Но автор ее ставил перед собой не только исследовательские, но и популяризаторские задачи. На его взгляд, история крестьянских и городских восстаний на Руси, даже в такое отдаленное время, как XI—XIII вв., может быть интересна любому читателю, хотя бы элементарно знакомому с историей нашей Родины. Между тем чтение сочинений по истории древней Руси обычно затрудняется приводимыми в тексте многочисленными выписками из летописей с их старинными и малопонятными речениями. Поэтому все выписки из летописей, как правило, даются в этой работе в переводе на современный русский язык, а собственно летописный текст оставлен в примечаниях. Туда же отнесены и всякого рода пояснительные или полемические заметки по отдельным вопросам.

Глава I

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА РУСИ XI—XIII ВВ.

Основу народного хозяйства на Руси XI—XIII вв. составляли пашенное земледелие и скотоводство, по сравнению с которыми остальные отрасли экономики (охота, рыболовство, бортничество) уже в это время занимали второстепенное место.

В известном Райковецком городище, поблизости от Бердичева, найдены были при археологических раскопках плуги, рала, лемехи для плугов, склепанные из железных полос. Такие же плужные лемехи обнаружены в других южнорусских городищах. Земледельческие орудия характерны для смоленских, новгородских и ростово-суздальских погребений. Пашенное земледелие рано получило распространение даже в междуречье Волги и Оки, которое еще в XI в. считалось отдаленной и окраинной землей Киевской Руси¹.

Характерно, что в самых ранних сведениях летописи о восточных славянах мы находим уже указание на существование у них дани, взимаемой с «дыма», по более поздним спискам «Повести временных лет» — даже с дома.

Только давняя привычка к употреблению хлебных продуктов объясняет нам обилие русских названий для изделий,

¹ «История культуры древней Руси», т. I (статья П. Н. Третьякова). М.—Л., 1948, стр. 56—63.

Решением Совета
МОСКОВСКОГО
ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени М. В. Ломоносова

от 27 декабря 1956 года

АКАДЕМИКУ
ТИХОМИРОВУ МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ

за работу

„Крестьянские и городские восстания
на Руси XI—XIII вв.“

ПРИСУЖДЕНА
вторая премия
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Сектор Московского университета
академик

И. Петровский
(И. Г. ПЕТРОВСКИЙ)

Грамота о присуждении М. Н. Тихомирову
премии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова.

выпекаемых из ржаной и пшеничной муки. «Ковриги, пироги, колачи, короваи» и другие хлебные изделия известны уже по памятникам XI в. О том, что данные названия появились не в этом столетии, а гораздо раньше, говорят нам общеславянские слова для обозначения таких мучных изделий, как пирог и колач, причем слово «колач» связывают с его круглой формой («коло»). Подобные названия сохранились до нашего времени, показывая, как они глубоко укоренились в русском быту. О развивающемся вкусе к красивым изделиям из хлеба говорят нам названия разного рода фигурных печений «мосты», колачи и пр.²

«Русская Правда» и церковные уставы Владимира и Ярослава имеют дело с земледельческим хозяйством. По сведениям этих источников, на русских полях XI—XIII вв. возделывались рожь, овес, ячмень, полба, лен, конопля, различного рода овощи (капуста, репа, чеснок и пр.).

Действительно, археологические раскопки обнаружили на территории русских городищ большое количество различного рода злаков. Из них основными были пшеница, ячмень, просо и рожь. Большое распространение имели также горох, чечевица («сочевица»), бобы. Крупное развитие получило огородничество: возделывание капусты, репы, моркови, свеклы («борщ»), редиски, огурцов, тыквы, дыни, лука, чеснока, мака, укропа. Прибавим к этому масличные (лен и конопля), фруктовые и ягодные растения, и тогда характер земледельческого хозяйства на Руси XI—XIII вв. станет нам ясным.

Села и пашни в источниках этого времени отождествляются с понятием жизни, довольства, богатства. «Вот мы их села все пожгли и жизнь их всю, а они к нам не выйдут; а пойдем к Любечу, где вся их жизнь», — восклицают князья, сжигая села своих противников. Разорить села и уничтожить жито — это значило нанести непоправимый вред противнику, так как земельное имущество было главным богатством феодалов. Киевский князь обращается к своим дружинникам со словами: «вы за мной из Русской земли вышли, своих сел и своих достатков лишився». Он обещает им или сложить свою голову, или вернуть всю их «жизнь», т. е. их села и земли³.

Земледельческое хозяйство на Руси XI—XIII вв. было тесно связано с рабочим и продуктивным животноводством. В летописном рассказе о Долобском съезде князей в 1103 г. смерды являются основными производителями сельскохозяйственных продуктов. От их пашни («рольи») зависело благоденствие страны. Оторвать смердов от полевых работ — значило «погубити смерды и ролью их»⁴. Смерд имел орудия производства и

² В. Ф. Ржигза. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929, стр. 65—72.

³ «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 254, 284, 338, 339 [ПСРЛ. т. II. М., 1962, стр. 361, 409, 493, 494].

⁴ «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1872, стр. 267.

скот. Это совершенно ясно из слов летописи о возможности половецкого набега на Русь. «Начнет пахать смерд, и приехав половчин ударит в него стрелою, возьмет его лошадь, а в село его въехав возьмет жену его и детей»⁵, — в таких словах представлены последствия половецкого набега.

«Уроки» смердам, которые, по «Русской Правде», платят пени за кражу скотины, позволяют реально представить себе скотоводческое хозяйство русского крестьянина XI—XIII вв. Смерды держали коров, овец, баранов, свиней; рабочим скотом у них являлись лошади и волы. Табуны лошадей, стада коров, овец и баранов составляли богатство феодальных хозяйств. В особенности большое внимание обращалось в них на конские табуны, которые находились под наблюдением «старших конюхов», принадлежавших к верхушке администрации боярских и княжеских вотчин.

В слове «О посте к невежам», своеобразном русском произведении, изображаются обряды, связанные с почитаниями покойных предков. Во время великого поста «многие» готовят в банях пищу для покойников: кладут мясо, сыры, масло и яйца, и хорошие печенья («плутки») и каравай, «великие мосты и просветы» из теста, и чаши медовые и пивные⁶. Из дальнейшего выясняется, что так делают отнюдь не на окраинах Русской земли, не у болгар (камских), не у половцев, не у чуди, не у вятичей, не у словен (новгородцев), как говорит сам автор «Слова», чтобы еще больше укорить «невеж». «Человеци», совершавшие такие обряды, жили, видимо, в центре тогдашней Русской земли, в Киеве и его окрестностях.

Тут перед нами изображено земледельческое хозяйство, изобильное разными продуктами, в том числе и продуктами животноводства. «Скотий бог», знаменитый Велес, названный в «Слове о полку Игореве», почитался на Руси и после введения христианства.

После трудов Б. Д. Грекова, окончательно опровергшего представления о Киевской Руси как стране охотников и рыболовов, нет необходимости доказывать, что Русь XI—XIII вв. была земледельческой. Важнее подчеркнуть относительное разнообразие продуктов сельского хозяйства, известных русским людям этого периода, причем знакомых им с давнего времени, сделавшихся даже предметом почитания, суеверий и обрядов. Таков обычай кроить сыры во время свадьбы, приносить яйца и масло в бани и оставлять их покойникам, резать для них же кур и т. д. Только давней привычкой к земледельческому труду

⁵ «Начнет орати и смерд, и приехав половчин ударит и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметъ жену его и дети его, и все его именье» («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 267).

⁶ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. М., 1913, стр. 15.

можно объяснить обычай в летнее время кланяться на полдень, «потому что «огонь бог», когда созревает жито, тогда творит спорыню» (урожай, изобилие). Такой же давней привычкой к земледелию веет и от другого древнерусского суеверия — обычая молиться под овином⁷. Конечно, не феодалы молятся под овином старым богам, роду и рожанице. Это в первую очередь смерды, жизнь которых связана с земледелием и скотоводством.

Говоря о разнообразии продуктов сельского хозяйства в древней Руси, надо подчеркнуть относительно высокое развитие здесь в XI—XIII вв. сельскохозяйственной культуры, несколько не уступавшей соседним странам. Но такова уже была особенность средневекового сельского хозяйства, что годы относительно урожайные чередовались с годами сплошными неурожаям.

Труд земледельца в древней Руси был тяжелым и нередко малопродуктивным, так как земледельческая техника стояла на низкой ступени развития. В лесных пространствах тогдашней Руси главным врагом земледельца был лес, которым быстро зарастали брошенные пашни. Обработка лесного участка под пашню требовала большого труда. Надо было вырубить и выжечь лес, выкорчевать пни — словом, подготовить землю для пашни. Земля, удобренная золой, давала урожай в течение трех-пяти лет, после чего надо было начинать работу сначала. Брошенное поле быстро зарастало кустарником и молодыми деревцами, становилось «лядой». Такая «подсечная» система долго еще держалась на русском севере.

Переложная система хозяйства возможна была только в лесостепи. Здесь обработанные участки давали хороший урожай, но русские поселения почти не заходили в степь, где им постоянно угрожали набеги кочевников. Поэтому представление о большом значении переложного хозяйства на Руси XI—XIII вв. сильно преувеличено.

Исключительно большое значение для изучения истории русского земледелия имеет статья А. В. Кирьянова о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. На основании изучения семян, найденных при раскопках в Новгороде, А. В. Кирьянов с уверенностью говорит о распространении в Новгородской земле посевов ячменя, ржи, гороха, пшеницы, овса. При этом по форме и по размерам пшеница, найденная на Княжовой горе в районе Демянска, имеет поразительное сходство с пшеницей, обнаруженной на Ярославовом дворище в Новгороде. «Видимо, эта пшеница была ценна своими хлебопекарными качествами и приспособленностью к специфическим почвенным и климатическим условиям Новгородской земли»⁸.

⁷ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II, стр. 43.

⁸ А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. — «Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XLVII. М., 1952, стр. 148.

Анализ семян сорных растений, найденных при раскопках вместе с зернами ржи, пшеницы и других культурных растений, привел к блестящим результатам и позволил А. В. Кирьянову «получить убедительные доказательства наличия паровой зерновой системы земледелия в форме двуполья или трехполья, имевшей в XI—XII вв. главенствующее значение в сельском хозяйстве Новгородской земли, а возможно, и других земель древней Руси»⁹.

Сельскохозяйственная техника Руси стояла на уровне тогдашней средневековой техники, отличавшейся рутинным, отсталым характером. Отсюда происходила низкая урожайность полей.

Некоторые сведения об урожайности в первой половине XIII в. можно получить из расчетов одного хозяйства, находившегося, по-видимому, в Ростовской земле. «Прибыток» — прирост полбы на 15 копен, по расчету этого хозяйства, идет «на одно лето 7 копен». На 21 половник овса приходится «прибытка на одно лето 11 половник овса». На 6 половников ячменя «прибытка на одно лето 3 половники». Здесь прирост, урожай, держится все время на одном уровне. Что это именно так, видно из следующего расчета: «немолоченое жито метано на 3 копны 3-я, а молоченое жито метано на 2—3 половник на год»¹⁰.

Что означает слово «прибыток» в нашем источнике — урожай в целом или та доля урожая, которая поступает феодалу от его зависимых людей, — на это ответить с полной уверенностью невозможно. Но если считать прирост урожая, то размеры последнего будут выражаться в сам-полтора. Такие нормы урожая позже найдем в Томском уезде, где «подгородное поле» давало урожай ржи сам-1,6¹¹.

Стихийные бедствия постоянно угрожали крестьянскому хозяйству. Поэтому такими частыми были неурожай и связанные с ними голодовки. Дороговизна продуктов в городах иногда зависела от случайного скопления воинов или пришлого люда. В 1228 г. в Новгороде наступила большая дороговизна, вызванная тем, что князь Ярослав привел с собой полки из Суздальской Руси для предполагаемого похода на Ригу¹². Едва ли эти полки являлись особенно многочисленными, но подвоз хлеба в город был так ограничен рамками ближайшей округи, что всякое увеличение потребления продуктов тотчас же сказывалось на городском рынке. Еще раньше, в 1215 г., такой же голод и дороговизна возникли в Новгороде, как только враждебные ему князья задержали хлеб в Торжке. Люди ели сосно-

⁹ Там же, стр. 157.

¹⁰ «Правда Русская», т. I. Тексты под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, стр. 379—380.

¹¹ «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I. М., 1952, стр. 269—270.

¹² «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 66.

вую кору, липовые листья и мох¹³. Привозить хлеб издалека становилось выгодным только тогда, когда он сильно дорожал. Поэтому сведения о стоимости хлеба и других продуктов мы имеем лишь на основании известий о голоде в той или иной области или городе.

В голодные годы с особой силой сказывались классовые противоречия между феодалами и крестьянами. Поэтому многие народные движения в древней Руси XI—XIII вв. тесно переплетаются с голодными годами, когда особенно болезненно ощущались феодальная эксплуатация, социальное неравенство и несправедливость.

Земледельцы, крестьяне, были тем основным классом, который производил материальные блага. На труде крестьянства держались богатство и политическое значение Киевской Руси.

Образ крестьянина — кормильца, основного производителя материальных благ неразрывно связывается с представлениями о пахаре-земледельце, ратае. «Тогда по Русской земли редко ратаеве кикахуть», — вспоминает о княжеских усобицах «Слово о полку Игореве». Кирилл Туровский, писатель XII в., проводит параллель между духовными ораторами («ратаями слова») и пахарями¹⁴.

Отдельные категории сельского населения носили разные наименования. Наиболее обобщающим был термин «челядь», но рядом с ним встречаются и другие названия: смерды, ратаи, закупы, сябры, сироты и т. д.

Выяснению значения этих терминов отведены многие страницы в известной работе Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси». Обилие таких названий показывает, что положение отдельных категорий сельского населения не было однородным.

Глава II

ФЕОДАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКРЕПОЩЕННЫХ КРЕСТЬЯН

В XI—XIII вв. феодальное землевладение на Руси достигло больших размеров. Порядки феодальной вотчины ярко выступают перед нами уже в статьях такого юридического памятника, как «Правда Ярославичей». Еще рельефней особенности крупного феодального хозяйства вырисовываются по другим источникам XI—XIII вв. Они позволяют говорить, что хозяйство в громадных русских вотчинах было чрезвычайно близко к хозяйству

¹³ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 54.

¹⁴ «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II. СПб., 1858, стр. 21 [И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 417].

сеньерий во Франции или маноров в Англии средневекового времени.

Черты натурального хозяйства типичны для русской феодальной вотчины в такой же мере, как и для средневековых доменов Западной Европы. Феодал тщательно стремился обеспечить себя всякой «готововиной» — различного рода запасами. «Игорево сельцо», принадлежавшее одному из черниговских князей в XII столетии, было переполнено «готововиной», лежавшей мертвым грузом на всякий случай. Хлеб оставался немолоченным в количестве 900 стогов¹. Погреба были наполнены бочонками меда и вина. В амбарах хранился «тяжкий товар», в том числе железо и медь. Летописец с одобрением отмечает, что сельцо было устроено «добре». «Добрые дворы», подобные «Игорову сельцу», были типичными для феодального хозяйства на Руси. Другому черниговскому князю принадлежала крупная вотчина под Путивлем. И здесь княжескую усадьбу окружали амбары и погреба. Летописец на этот раз не считает даже нужным упоминать о запасах продовольствия, его интересуют более дорогие продукты, его воображение поражают 500 берковцев² меда и 80 корчаг вина, стоявших в княжеских погребах, а также тот «товар», «иже бе не мочно двигнути», т. е. инвентарь и металлы, которых невозможно было увезти из-за их тяжести³. Удивительно ли, что такой двор обслуживался громадным количеством закрепощенных людей и холопов, — «челядью», общим числом в 700 человек⁴.

Источники с особой четкостью и подробностью говорят о феодальном землевладении XI—XIII вв., но развитие его началось значительно ранее. Можно думать, что село Ольжичи, принадлежавшее княгине Ольге, в середине X в. было уже организовано по типу крупной феодальной вотчины, черты которой так ярко выступают перед нами в описании княжеских сел XII в.⁵

Феодальное хозяйство было слабо связано с внешним миром, стремилось обойтись своими внутренними ресурсами. Только ничтожное количество хлеба и других продуктов поступало в продажу, да и то в районах, близко связанных с городами. Этим объясняется накопление громадного количества продуктов, которые не находили сбыта на стороне. Напомним о 900 стогах хлеба, которые стояли на гумне «Игорева сельца» в Черниговской земле.

¹ «Гумно его, в нем же бе стогов 9 сот» — «Летопись по Ипатскому списку», стр. 236 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 333].

² Берковец — 10 пудов.

³ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 237 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 334].

⁴ Там же, стр. 237.

⁵ Об этом подробнее говорится в книгах: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

Примерно в первой половине XIII в. какой-то рачительный хозяин составил упоминавшийся уже расчет прироста продуктов и скота в феодальном хозяйстве Ростовской земли. Итоги подсчета урожая хлебов и приплода скота в этом хозяйстве кажутся фантастическими, но общее представление об урожае культурных растений и приплоде скота не лишено интереса. Источник хорошо рисует идеальное, с точки зрения представителя господствующего класса, феодальное хозяйство.

В селе сеялось «на два плуга» 16 ростовских кадей ржи. Каждая кадь равнялась примерно 14 пудам ржи. Следовательно, ежегодно в селе высевалось 224 пуда ржи. Кроме ржи в таком феодальном хозяйстве сеялись овес, ячмень, полба, в стога складывалось сено. Характерной особенностью хозяйства было существование большого количества немолоченого хлеба. Молоченный и немолоченый хлеб так и определяется особыми рубриками: «о ржи», «о немолоченой ржи», «о молоченом овсе», «о молоченом ячмене» и т. д. При этом в хозяйских расчетах молоченый и немолоченый хлеб одинаково принимается во внимание в производимых вычислениях — ясный признак того, что большая часть хлеба так и оставалась в стогах, немолоченой, не употреблялась в хозяйстве и совсем в малой степени поступала в продажу.

Картину подобного же натурального хозяйства увидим и значительно позже. Во время страшного трехлетнего голода в России начала XVII в. множество людей погибло в мучениях, тогда как в некоторых поместьях стояли «давние житницы не истощены, и поля со скирдами стояли, гумна же пренаполнены одоной и копен и зародов»⁶. Эти богатства оставались нетронутыми 14 лет, пока не подверглись расхищению⁷.

Непременной принадлежностью феодального хозяйства являлся скот. Количество скота в рассматриваемом ростовском хозяйстве было ограничено. Указаны только 22 овцы и 22 барана, 22 козы, несколько свиней и коров. В хозяйстве производились сыры и масло. Особое внимание обращено на лошадей: кобылиц и жеребцов, однолеток, двух- и трехлеток. В этом же хозяйстве держали пчел.

Явным признаком того, что ростовское хозяйство XIII в. было хозяйством замкнутым, натуральным, является полное отсутствие указаний на продажу продуктов. Вычисления приплода и прироста продуктов делаются в расчете на то, что приплод и урожай останутся в границах самого феодального хозяй-

⁶ РИБ, т. 13. СПб., 1891, стр. 481 (Сказание Авраамия Палицына).

⁷ Нельзя согласиться с мнением В. И. Довженка, что «производство хлеба для продажи стало важнейшим источником обогащения феодального класса» уже в XI—XII вв. Это мнение чрезвычайно модернизирует представление о феодальном хозяйстве того времени («Материалы по истории земледелия СССР», сб. I, стр. 159).

ства. В силу этого и получаются фантастические цифры будущего прироста скота: от трех свиней, по подсчетам нашего хозяина, за 12 лет появится приплода 73 728 свиней⁸.

Черты натурального хозяйства рисуются перед нами и в нормах «покона вирного», которым заканчивается «Краткая Русская Правда». Сборщик пошлин, вирник, получает пропитание на месте, за счет населения. Ему дают 7 ведер солоду на неделю, овцу или полоть мяса, в среду и пятницу — сыры. Он получает пшена и хлеба сколько может съесть вместе со своим помощником, по две курицы на день, корм для коней и пр.⁹ Натуральные взносы вирнику могут быть заменены деньгами, но это, в сущности, только послабление в пользу вирника, как представителя феодалов. Натуральные взносы, «корма», как их позже называли в Московской Руси, остаются основой того, что вирник должен получить в течение недели, пока соберет пошлыны.

Натуральный характер феодального хозяйства подчеркивается широким распространением сельского ремесла. «Тяжкий товар», в том числе медь и железо, хранившиеся в усадьбах черниговских князей, предназначались для обслуживания феодального хозяйства. Ремесленник и ремесленница по «Русской Правде» являются неотъемлемыми фигурами в феодальном хозяйстве на Руси XI—XIII вв. Они охраняются более высокой пеней (виной), чем смерды и холопы. Значение их в хозяйстве хорошо показал в своей известной книге Б. А. Рыбаков, что позволяет нам ограничиться только ссылкой на его работу¹⁰.

В приведенных выше известиях говорится о княжеских вотчинах, но было бы неправильно заключать, что только князья имели крупную феодальную собственность. Наряду с княжеским землевладением быстро развивалось боярское и монастырское землевладение. Двор галицкого боярина Судислава в первой половине XIII в. ничем не уступал княжеским усадьбам. В нем хранилось много вина, припасов, оружия (копий и стрел). И здесь многое служило не только для текущих потребностей, но и собиралось впрок в качестве запасов на будущее. Всяких запасов у Судислава заготовлено было так много, что это вызвало даже удивление очевидца. «Пристраньно видети» — удивительно видеть, замечает по этому поводу летописец. Двор Судислава был типичным феодальным замком, снабженным всем необходимым для того, чтобы выдержать долгую осаду.

Церковное феодальное землевладение строилось по типу княжеских и боярских вотчин. Историки русской церкви, например Е. Голубинский, потратили немало сил для доказательства

⁸ «Правда Русская», т. I, стр. 352.

⁹ Там же, стр. 73.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 120—202.

того, что монастырское землевладение стало развиваться на Руси относительно поздно, чуть ли не в XIV—XV вв. Но это заключение не вяжется с действительностью. Уже первые распространители и пропагандисты иночества на Руси во главе с Феодосием Печерским положили начало монастырским вотчинным порядкам. Даже на пороге смерти Феодосий беспокоился об управлении монастырскими селами: приказал собрать всех монахов, в том числе и тех, которые находились в монастырских вотчинах («еже и в селех»), наставлял служителей, приставников и слуг в том, как они должны себя вести, выполняя порученную им службу¹¹.

Землевладение стало такой типической особенностью русских монастырей, что новгородский паломник на рубеже XII и XIII вв. искренне удивлялся порядкам одного из константинопольских монастырей, который не имел сел («а сел несть у него»)¹², — настолько было непривычно зрелище церковного учреждения, которое не опиралось на свою основную базу — феодальное землевладение. Сам же русский паломник тщательно отмечал, какие монастыри в Царьграде побогаче селами и деньгами¹³.

В иных случаях на Руси во владение монастырей переходили феодальные хозяйства, можно сказать, на полном ходу. Одна княгиня подарила в Печерский монастырь 5 сел с челядью и со всем инвентарем, вплоть «до повоя», т. е. женского головного убора¹⁴.

Крестьянин, сидевший на земле феодала, находился под его юрисдикцией. Непосредственным следствием господства натурального, замкнутого хозяйства было существование целого ряда феодальных «миров», мало связанных друг с другом. Понятие такого «мира» выразительно выступает в статье «Русской Правды», определяющей порядок «свода» — следствия о покраже. «Свод» кончался за пределами города, в данном случае, вероятно, округи, подчиненной городу: «А из своего города в чужую землю свода нет»¹⁵, — гласило постановление «Русской Правды», которое и осуществлялось только в небольшой округе.

Вотчинная юрисдикция с правом суда и расправы распространялась на все население феодальной вотчины. Облик жестокого феодала, беспощадно расправлявшегося с подначальными ему людьми, нарисован в летописном рассказе о ростовском епископе Феодоре: «Много пострадали люди от него, во владении его; и села потеряли, и оружие, и коней, другие же и в рабство попали, в заточенье и ограбленье: не только для мирян,

¹¹ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 52—53.

¹² «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия». СПб., 1872, стр. 129.

¹³ Там же, стр. 116—117.

¹⁴ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 338 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 492—493].

¹⁵ «Правда Русская», т. I, стр. 108.

но и для монахов, игуменов и священников был он немилостивым мучителем»¹⁶.

Феодальное хозяйство нуждалось в целом штате приставников и служителей, наблюдавших за работой крестьян и ремесленников и понукавших их к труду. Уже «Правда Ярославичей» знает сельских и ратайных старост, за убийство которых полагалось платить виру в 12 гривен. Староста «ратайный», как показывает это слово, наблюдал за полевыми работами, следовательно, был представителем феодала. Должность старосты и позже встречается в хозяйстве русских крепостников XVIII—XIX вв., когда сохраняется даже старое слово — староста.

Положение закрепощенного человека, его зависимость от феодала и степень этой зависимости можно наблюдать на примере закупов «Русской Правды». Этот пример тем более замечателен, что статьи о закупах довольно точно датируются 1113 г. и связаны с определенной территорией, в первую очередь с Киевской землей.

Здесь не место подробно разбирать литературу о закупах, крайне противоречивую, запутанную разными несущественными сопоставлениями и заключениями; одно только ясно, что закуп — это разновидность закрепощенного, который попал в зависимость от феодала в результате кабальных отношений¹⁷. Именно к закупам в первую очередь надо отнести высказывание В. И. Ленина о том, что «землевладельцы кабелили смердов еще во времена «Русской Правды»»¹⁸.

«Ролейный закуп» Пространной «Правды» — это закуп-земледелец. Он напоминает нам смерда «с ролью», судьба которого дебатировалась на Долобском съезде 1103 г., когда речь шла о весеннем походе против половцев. Господин дает за купу плуг и борону, посылает его на работу, «на свое орудье».

Закуп, совершивший проступок, тут же превращается в холопа, его можно продать и заплатить за нанесенный ущерб. Закуп делается холопом, если бежит от господина, а не «явлено ходить», но кто возьмет на себя опеку над закупом и докажет, что закуп не бежал, а ходил открыто. Права закупа шатки, тогда как права господина фактически неограничены; господин имеет даже право бить закупа «про дело». Значит, устанавливается бесспорное право феодала принуждать закупа к работе. Бить закупа «про дело» — это общепризнанное право феодала принуждать человека к работе, в этом случае феодал

¹⁶ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 337 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 355—356].

¹⁷ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. I. Изд. 2. М., 1952, стр. 165—181.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 199.

«без вины есть», так как закуп заранее признается заслужившим побой¹⁹.

К сожалению, общая картина крестьянских повинностей в пользу феодала на Руси XI—XIII вв. остается до сих пор еще неясной. Но уже в жалованной грамоте Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю (расположенному под Новгородом), датируемой около 1130 г., обрисовываются черты феодальных повинностей закрепощенных крестьян. Князь отдает монастырю волость Буице «с данию, и с вирами, и с продажами, и вено»²⁰. Под данью нередко понимали подати вообще. Виры и продажи говорят нам о том, что феодал в волости Буице пользовался правами суда и расправы.

Еще интереснее указание на вено, «вотское», «волоцкое» или «волочкое», в зависимости от чтения этого места грамоты, с текстом в настоящее время стершимся и почти не поддающимся прочтению. Вено — это плата, которую давал жених за невесту, позже — приданое. По-видимому, речь идет о праве феодала получать выкуп за невесту, выдаваемую за пределы феодальной вотчины. Это то же, что и позднейшая «новоженная» или «выводная» куница. Может быть, и неясное прилагательное к слову вено, которое было прочитано ранним исследователем как «вотское», надо читать как «вотчское», от слова вотчина. Ведь слово «вотчина» впервые появляется уже в памятнике начала XII в.

Все права феодала, перечисленные в Мстиславовой грамоте, были исконными, вытекавшими из самой сущности феодального хозяйства. Князь только передавал их в другие руки и отказывался от своих прав на волость Буице. Такие же порядки существовали в боярских и монастырских владениях. В духовной Антония Римлянина середины XII в. речь идет о земле, купленной у посадничьих детей. Антоний сам подчеркивает, что он не получил имущества «ото князя ни от епискупа». Тем не менее он считает себя полным распорядителем приобретенного места, «братьи и сиротам и зде крестьяном досажая»²¹. «Досажать» — оскорблять, досаждать, эти действия относятся не только к монахам (братии) и окрестным жителям, но и к «сиротам» — крестьянам.

Тяжелое положение русского крестьянина XI—XIII вв. подчеркивается существованием в древней Руси феодального права, известного на Западе под названием «права мертвой руки»: «Если смерд умрет, то наследство его идет князю» («аже смерд умреть, то задницу князю»), — читаем в Пространной «Правде». Тут имеется в виду смерть крестьянина, не оставившего наследников мужского пола, которые могут продолжать хозяйство.

¹⁹ «Правда Русская», т. I, стр. 110—111.

²⁰ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 140.

²¹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 160.

В этом случае частью имущества умершего следует наделить незамужних дочерей смерда. Но на бояр и дружинников такое правило не распространяется, у них и дочери остаются наследниками — «оже не будет сынов, а дчери возмуть»²².

Право мертвой руки, русская «безадщина», распространялось на крестьян, принадлежавших боярам, церквям и монастырям. О «безадщине» для монастырских людей упоминает особая редакция церковного устава Ярослава Мудрого, помещенная в «Летописце Переяславля Залесского».

Тяжелое, бесправное положение крестьян подчеркивается и презрительным отношением к ним со стороны феодальной верхушки, в том числе церковных феодалов. «По поводу смердов, что по селам живут, сказано это», — заявляет своему собеседнику новгородский епископ, говоря о запрещении есть дичь, удушенную в силках. Смерды едят и «веверичину», мясо мелких лесных зверьков; впрочем, по мнению епископа, в этом нет особой беды, это куда меньший проступок, чем есть давлению. Ведь иные употребляют в пищу даже «мертвечину»²³.

Страницы церковных сочинений о «покаянии» и «грехах» раскрывают перед нами тяжкий, бесысходный труд, жестокие расправы с подневольными людьми. «Сироту» бьют «без вины», за это даже по церковным правилам полагается каяться всего 3 недели. Немногим больше — 40 дней покаяния накладывается на того, кто не заплатил «сироте» за работу («найма»). И даже за убийство «челядина» время покаяния определено всего в три года. А вот если кто «преложил книжные словеса на хульное слово», т. е. сочинил пародию на церковные тексты, тот кается два года²⁴. Такова такса на проступки, продиктованная классовым подходом церковного феодала.

По своему положению очень близко к закрепощенным крестьянам стояли холопы, часто объединяемые с ними общим названием «челядь». К ней принадлежала челядь, сидящая на боярской земле, недавние смерды, сделавшиеся закрепощенными людьми боярина, или, наоборот, холопы, посаженные им на землю.

В древнейшем русском частном акте, написанном на пергамене, — вкладной Варлаама Хутынского конца XII в. перечислена челядь, отданная вместе с землей в Хутынский монастырь: Отрок с женою, Волос, девка Феврония с двумя племянниками, Недачь²⁵. Как видим, эта челядь жила семьями. Нет оснований считать, что и та многочисленная челядь, которая заселяла вотчины черниговских князей или галицких бояр, существенно отличалась от челяди новгородского боярина. Отличия тут

²² «Правда Русская», т. I, стр. 114.

²³ С. Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1914, приложение, стр. 14.

²⁴ Там же, стр. 141, 142.

²⁵ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 161.

скорее в численности, чем в фактическом и правовом состоянии.

Среди холопов встречалось немало людей, бывших недавно свободными и попавших в рабство за долги или «поклепом» — путем возведения на них лживых обвинений и требований возврата несуществующих долгов, что особенно легко было сделать при господстве устных сделок. Холопство было сильно развито в Киевской Руси, как и в других странах средневековья. Авторам, отстаивающим на этом основании тезис о существовании рабовладельческого строя в Киевской Руси, полезно напомнить о значительном развитии рабства в таких странах средневековой Европы, господство феодального строя в которых в средние века никогда не подвергалось сомнениям (Италия, Франция).

И на Руси XI—XIII вв. холопы составляли обычно непремennую принадлежность феодального хозяйства как княжеского, так и боярского и монастырского.

О страшном положении челядинов-холопов красноречиво свидетельствуют памятники того времени. Церковные писатели признавали рабство обычным и не подлежащим осуждению явлением, только предписывая господам более гуманное обращение с рабами. И тем не менее приводимые ими сведения, даже список «грехов», которые совершают господа по отношению к рабам, показывают нам характер взаимоотношений господ и рабов. Особенно настойчиво упоминается о господах, принуждавших рабынь к сожительству. На рабынь как на подневольных людей не распространялось даже церковное наказание в тех случаях, когда они «блудили» с господами.

Постоянным явлением были самоубийства рабов и рабынь. Вопреки церковным правилам самоубийство холопов не рассматривалось как грех или преступление²⁶. В одном «Слове», приписываемом Кириллу Туровскому, упоминается о господах, которые «немилосердны на рабов своих или на рабынь, и не дают им довольно пищи и одежды, и работой насилуют или иными бедами, и бьют не за дело». Холопы «бросаются в воду и от своих рук травятся от насилия»²⁷. Самоубийство рабов и бегство их к половцам, «поганым», за пределы своей родины, было явлением обычным²⁸. Церковные памятники приравнивают самоубийство раба душегубству — убийству его господином, но в то же время не отвергают права господ наказывать своих рабов.

²⁶ «Аще же раб или раба не терпящи злы господы погубятся, достойти за тех приношению быти» — читаем в одном памятнике раннего происхождения, тогда как церковное поминовение запрещается по отношению к обычным самоубийцам (С. Смирнов. Древнерусский духовник, приложение, стр. 72).

²⁷ «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, стр. 113.

²⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка (далее — И. И. Срезневский. Материалы.), т. III. СПб., 1912, стр. 6.

В сборнике, известном под названием «Златой Чепи», читаем наставление к господам о том, как наказывать холопов: «если раб тебя не слушает и твою волю не исполняет, то его не пощади, но тоже не чрезмерно, но по рассмотрению, как говорит мудрость божия, до 6 или до 9 ударов, если очень уж проступок велик, то 30 ударов»²⁹. Там же читаем наставление о челяди, которая приравнивается к нищим, только с тем отличием, что нищие в другом месте выпросят пропитание, а челядь получает только из рук своего господина³⁰.

Совершенно естественно поэтому, что холопы были постоянными участниками народных восстаний на Руси XI—XIII вв. Недаром и упомянутая нами «Златая Чепь» восхваляла рабов библейского Авраама, которые не были «ропщущими и щепчущими, как наши»³¹. Представители господствующего класса со страхом озирались на своих холопов и закрепощенных крестьян, готовых подняться против феодального гнета.

Глава III

ЗАХВАТ ФЕОДАЛАМИ КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩИННЫХ ЗЕМЕЛЬ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Феодальная собственность возникла не сразу. Она создавалась на развалинах общинного землевладения, в условиях борьбы крестьян-общинников с феодалами. К сожалению, процесс захвата общинных земель прослежен в нашей литературе очень слабо и притом односторонне: только со стороны образования феодальной собственности на землю. По поводу же сельской общины на Руси XI—XIII вв. имеем лишь высказывания, сделанные в общей форме.

Так, в своей книге об общественно-политическом строе в Киевской Руси С. В. Юшков выделяет три параграфа, в которых говорится о превращении холопов в закрепощенных людей, о закабалении сельского населения, о насильственно закрепощенных. Но как раз последний из этих параграфов является наиболее кратким и ограничивается двумя ссылками, да и то на известия второй половины XIII в.

В заключение С. В. Юшков утверждает, что вопрос о насильственном закрепощении крестьян мы будто бы не имеем

²⁹ «Аще ли ты не слушаешь и во твоей воли не ходит, то за года не пощади и тоже не чрез силу, но по рассмотрению, яко же мудрость божия глаголет до 6 и до 9 ран, аще ли зла вина велика вельми, то 30 ран, а лише не велим» («Памятники древнерусской церковно-учительной литературы». Под ред. А. И. Пономарева, вып. III. СПб., 1897, стр. 129).

³⁰ Там же, стр. 57.

³¹ Там же, стр. 128.

возможности изучить должным образом за недостатком источников¹.

Последнее замечание С. В. Юшкова, которое может отпугнуть от попытки искать свидетельства о насильственно закрепощенных крестьянах на Руси XI—XIII вв., опирается на своего рода недоразумение. В действительности известия о насильственной узурпации крестьянских земель и превращении труда крестьян в барщинный труд на Руси XI—XIII вв. не только существуют, но даже относительно многочисленны. Это и позволяет нам заново изучить вопрос о насильственном закрепощении крестьян.

Как известно, одним из способов закрепощения был насильственный захват земель. Земля становилась феодальным владением князей и дружинников, получавших феодальную ренту. Одно из первых свидетельств о введении тяжелой дани известно по летописи, это — введение даней и оброков в Древлянской земле середины X в. С. В. Юшков с основанием говорит о том, что, покорив древлян, княгиня Ольга усложнила состав дани и децентрализовала ее сбор². Одних древлян Ольга отдала в рабство своим дружинникам, других «оставила платити дань». Летописец особо отмечает тяжесть этой дани («и возложиша на ня дань тяжьку»), две части которой шли в Киев, а третья часть — в Вышгород, являвшийся городом Ольги.

В данном случае мы встречаемся с фактом насильственного установления тяжелой дани. Из дальнейшего выясняется, что Святослав и Ольга учредили в Древлянской земле «уставы и уроки»³, т. е. ввели какие-то постановления, может быть, письменные.

Летописный рассказ о введении дани в Древлянской земле опирался на живую традицию, так как становища и ловища Ольги еще существовали в Древлянской земле XI в. Впоследствии термин «дань» получил значение подати⁴, тогда как термины «уставы» и «уроки» имели разное содержание, в том числе значение подати и налога. Слово «устав» применялось для обозначения законодательных норм и правил распорядка. Так, сохранился «устав» новгородского князя Святослава Ольговича о платежах, шедших с различных новгородских погостов в XII столетии.

Летописная традиция связывает с именем Ольги установление оброков и даней не только на юге, но и на севере Руси — в Новгородской и Псковской землях. Деятельность по введению новых оброков и даней заставляет летописца вспомнить об ее

¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 284—285.

² Там же, стр. 286.

³ «Повесть временных лет». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 43.

⁴ И. И. Срезневский. Материалы, т. I. СПб., 1893, стр. 627—628.

селе Олжичи, находившемся недалеко от Киева. Характерно уже самое название села по имени его владелицы, а может быть, и основательницы. «Олжичи» — те люди, которые принадлежали к челяди Ольги и по ее имени получили свое прозвище. «Олжичи», непосредственно зависевшие от княгини, чем-то привлекали внимание летописца, может быть тем, что село было населено потомками покоренных древлян. В этой связи приходят на память имена ключницы Малуши и отца ее Малка Любечанина, сходные с именем древлянского князя Мала. Но даже если имена князя Мала и Малка Любечанина считать простым созвучием, то само указание на то, что отец Малуши был «любечанином»⁵, т. е. жителем города Любеча на Днепре, все-таки знаменательно. Ведь ключники и ключницы, как правило, были рабами. Следовательно, перед нами одно из древнейших указаний на превращение свободного человека из города Любеча в холопа.

У нас имеется и другое, правда косвенное, но очень убедительное, свидетельство, указывающее на то, что сельская община на Руси уже в X в. находилась в состоянии разложения. В другой работе нам приходилось указывать на развитие городских предместий — предградий и посадов — на Руси X—XI вв. Быстрый рост ремесленного и торгового населения в русских городах этого времени за счет пришлого люда может быть объяснен только крупными сдвигами в положении деревенского населения, бежавшего в города. Население обширного Киева представлялось иностранным авторам начала XI в. составленным в основном «из стекающихся отовсюду беглых рабов»⁶. Слово «раб», конечно, нельзя понимать буквально. Оно, вероятно, является переводом русского слова «челядь», обозначающего вообще людей, зависимых от феодала. Следовательно, рост русских городов X—XI вв. сам по себе свидетельствует о развитии крепостнических отношений в деревне.

В. И. Ленин указывал, что феодализм господствовал в России от IX до середины XIX в. (до отмены крепостного права в 1861 г.)⁷. Развитие крепостнических отношений на Руси совершалось в XI—XIII вв., конечно, более ускоренными темпами, чем в предыдущие столетия. Закабаление крестьян происходило разными способами, среди которых по-прежнему главными были захват общинных земель и превращение труда свободных крестьян в барщинный труд на феодалов.

Пахотные поля и луга становятся ценностями, которыми феодалы стремятся овладеть. Поэтому уже в краткой редакции «Русской Правды», отражающей порядка феодальной деревни XI в., находим постановление по поводу нарушения межевых

⁵ «Повесть временных лет», ч. 1, стр. 49.

⁶ Это известие Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г.

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 237.

знаков: «иже между переореть любо перетес», т. е. запрещение перепаживать межи и уничтожать («перетесать») значок, вырезанный на дереве или на столбе для обозначения границы земельных владений.

Появление межевых знаков на полях и в лесу обозначало резкий разрыв с прежним общинным владением земельными угодиями, столкнувшимся с феодальной собственностью.

Характерной статьёй краткой редакции «Русской Правды» является статья о «мўке» — попытке смерда без княжеского слова (повеления). Она говорит о смерде, который попал в личную зависимость от феодала⁸. «Мучение» смердов без княжеского «слова» становится настолько распространенным явлением, что потребовалось вмешательство княжеской власти.

Постоянной темой церковных проповедей XI—XIII вв. становится порабощение «неповинных». В одном древнем памятнике в числе «грехов» находим и следующие: «кто без вины порабощает человека лживым обвинением, кто на изгоях берет деньги, кто несправедливо мучит челядь свою и морит голодом, побоями, наготою и работою, кто пригородит от чужого двора или нивы или луга или сада»⁹. В этом перечислении «грехов» выступает перед нами беспощадная эксплуатация челядинов, нередко ранее свободных людей, насильственно обращенных в зависимость «поклепом» — путем ложных доказательств.

Насколько быстро шел процесс захвата общинных земель в первой половине XII в., видно из грамот, относящихся к княжению в Новгороде Всеволода Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Грамоты даны одному и тому же церковному феодалу — Юрьеву монастырю. В первой из них говорится о «рели» — поемном луге под самым городом, у Мячина. Вероятно, это был один из подгородных лугов, которым самовольно распорядился князь, отмежевав его Юрьеву монастырю¹⁰. Подобный же подгородный луг в той же первой половине XII в. был приобретен у посадничьих детей другим новгородским монастырем, Антоньевым, стоявшим на северной окраине города¹¹. Посадничьи дети, вероятно, также самовольно завладели лугом на ручье Витке, как и князь «релью» на Мячине, обратив в свою собственность луга, ранее находившиеся в общем владении горожан. Особая ценность пригородных лугов объясняет нам те причины,

⁸ «Правда Русская», т. I, стр. 72.

⁹ «Аще кто без вины порабощивает человека поклепомъ... Аще кто на изгой емлет куны. Аще кто бес правды насилует на челядь свою и морить гладомъ и раною и наготою и деломъ насилеа. Аще кто пригородит чужаго двора или нивы или пожни или винограда» (С. Смирнов. Древнерусский духовник, приложение, стр. 50).

¹⁰ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 139. Грамота составлена между 1125—1137 гг.

¹¹ Там же, стр. 159. Грамота написана до 1147 г. — года смерти основателя монастыря Антония.

по которым оба монастыря тщательно сохраняли и впоследствии свои владельческие грамоты.

Две другие грамоты Юрьева монастыря говорят о еще более широких феодальных захватах — о передаче в руки церковного феодала населенных земель. Всеволод отдает Юрьеву монастырю целый погост — «Терпужский погост Ляховичи с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища»¹². Судя по тексту грамоты, Терпужский погост принадлежал к числу тех сел, которые обязаны были платить дань и нести повинности в пользу князя. Всеволод отдал Терпужский погост Юрьеву монастырю, вследствие чего и крестьяне, сидевшие на княжеской земле, должны были сделаться монастырскими закрепощенными людьми. Что именно так и надо понимать текст второй грамоты, видно из третьей княжеской грамоты Юрьеву монастырю, дошедшей до нас в подлинном виде. Грамота дана великим князем Мстиславом Владимировичем, отцом Всеволода Мстиславича, около 1130 г. Мстислав велел своему сыну передать в Юрьев монастырь волость Буице «с данию, и с вирами, и с продажами»¹³. Таким образом, село досталось монастырю со всеми доходами, которые шли князю в виде даней и от судебных расправ. Следовательно, Юрьев монастырь получил село в полное феодальное владение со всеми присущими этому владению иммунитетными правами. Здесь перед нами несомненный факт перехода целого погоста или села, ранее заселенного смердами-крестьянами, в руки церковного феодала.

Три сохранившиеся грамоты, дошедшие до нас в архиве Юрьева монастыря, свидетельствуют о том, что в Новгородской земле первой половины XII в. происходил усиленный процесс захвата общинных земель феодалами.

Прямое указание на смердов, живших ранее на княжеской земле и перешедших под власть церковного феодала, имеем в грамоте князя Изяслава Мстиславича, данной им в середине XII в. Пантелеймонову монастырю в Новгороде. Изяслав испросил у Новгорода в дар названному монастырю «село Витославиць и смердьи поля Ушьково и до прости»¹⁴. Издатели грамоты передали этот текст так: «село Витославиць и Смердь и поля Ушьково и до прости». Такое спорное чтение оставлено ими без всякого комментария. Между тем, слова «смердьи поля» совершенно согласуются со всем текстом документа. «Смердьи поля» — это поля, принадлежавшие смердам. Напомним «смердьего» холопа и «смердью» задницу (наследство) в Пространной Правде. Смерды находились под юрисдикцией князя и епископа, но распорядиться ими было нельзя без согласия Новгорода. Поэтому Изяслав Мстиславич вынужден был «испросить» село Витославици и «смердьи поля» у Новгорода.

¹² Там же, стр. 139.

¹³ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 140—141.

¹⁴ Там же, стр. 141.

Любопытный материал дает изучение названий волостей и сел в Новгородской земле более позднего периода. В конце XV в. в ней существовала волость Смерда, называемая также Михайловской Смердой. О ней говорили как о местности «в Смердах», обозначая поля этой волости следующим образом: «а пашут их та же Смерда всею волостию». В новгородских писцовых книгах, откуда нами заимствованы эти сведения, слова «в Смердах» и «пашут их та же Смерда» сделались географическими понятиями, но первоначально это было просто обозначением людей, т. е. смердов, живших в данной волости.

Процесс захвата общинных земель феодалами происходил и в других русских землях. Киево-Печерский монастырь владел в конце XI в. обширными вотчинами, которые были организованы как крупные феодальные хозяйства с тиунами, приставниками и слугами¹⁵. Следовательно, то явление, которое мы наблюдали в Новгородской земле по грамотам XII в., давно уже существовало на юге Руси. Аппарат феодального принуждения, о котором дает сведения «Правда Ярославичей», существовал там не только в княжеских вотчинах. Он был типичен для любой феодальной вотчины.

Захват общинных земель и закабаление крестьян становятся постоянным явлением в XII в. Ипатьевская летопись сообщает нам, что вдова одного из полоцких князей, Глеба Всеславича, отдала в Печерский монастырь 5 сел с челядью. Ярополк, отец княгини, еще ранее дал в монастырь «Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую», а также земли около Киева, по выражению летописи, «всю жизнь свою», т. е. все свое имущество. Небльская волость, вероятно, находилась в районе озера Невель, где позже был поставлен город Невель на границе Полоцкой земли. Неизвестно, получил ли монастырь Небльскую волость в полное владение, может быть, речь идет только о доходе с нее. Однако пять сел, подаренных монастырю княгиней, вдовой Глеба, были уже, несомненно, настоящими феодальными вотчинами. Сам летописец дает это понять, говоря, что села отошли к монастырю не только со всем своим населением, челядью, но и со всеми хозяйственными предметами¹⁶.

Указания на захваты общинных земель мы найдем не только в летописях и грамотах, но и в других письменных памятниках. Один из крупнейших политических и церковных деятелей XII в. — митрополит Климент Смолятич оставил интереснейшее свидетельство о феодальных захватах своего времени. Отводя от себя обвинение в корыстолюбии, Климент пишет: «да скажу

¹⁵ «Друзии же и села вдаваюче им на попечение» («Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. 1. М., 1899, стр. 60, 90). [Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, стр. 93, 127].

¹⁶ «А по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью, и все да и до повоя» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 338) [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 492—493].

тебе о желающих славы, которые присоединяют дом к дому, и села к селам, изгоев и сябров, борти и пожни, ляда и старые пашни»¹⁷.

Перед нами во весь рост встает фигура жадного феодала, который занимается непрерывным стяжательством, не брезгуя ничем. Он присваивает себе дома, села, борти в лесах, луга, ляды и старые пашни, т. е. ранее распаханые и потом заброшенные поля, покрытые сорняками. Но жадность феодалов не ограничивается только захватом земель, они «прилагают» дом к дому и села к селам, порабощают изгоев и сябров.

Кто же эти изгой и сябры? Краткая редакция «Русской Правды» не оставляет сомнения в том, что в начале XI в. изгой были еще свободными людьми, за убийство которых полагалось платить по 40 гривен, как за убийство «мужей». Из других источников мы узнаем о существовании сел, населенных изгойми. Каково бы ни было происхождение изгоев, нет никакого сомнения в том, что в их числе были холопы, выкупившиеся на свободу¹⁸. Следовательно, Климент говорит о порабощении свободных людей, что вызывало резкий протест даже церковных проповедников, может быть, особенно резкий потому, что изгой находились под патронатом церкви. «Если кто берет деньги на изгоевых детях, то оказывается продающим кровь неповинную»¹⁹, — энергично восклицает один из проповедников.

Еще интереснее указание Климента на порабощение сябров. Сябры, или шабры, постоянно упоминаются в источниках более позднего времени. По определению И. И. Срезневского, сябр — это «сосед, член одной общины». Определение это находится в полном согласии с нашими источниками. По «Псковской судной грамоте», на суде по земельным делам должны были присутствовать все сябры²⁰. Судебное дело 1483 г. подробно описывает тяжбу монахов Кузьмодемьянского монастыря с соседними сябрами²¹. Сябры не только совместно владели землей, но и хранили у себя документы о земельных владениях — старые грамоты. Вероятно, о такой смердьей грамоте идет речь в одном псковском документе, предъявленном князю Александру, вероятно Александру Невскому²². Сябры известны и по новгородским документам XV столетия.

¹⁷ «Да скажу ти сухих славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селам, изгой же и сябры и борти и пожни, ляда же и старины» (Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 104).

¹⁸ См. подробнее: Б. Д. Греков. Киевская Русь; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.

¹⁹ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1874, стр. 339.

²⁰ «И сябры вси станут на суд в одном месте» («Псковская судная грамота». СПб., 1914, стр. 23).

²¹ «И все сябры их» («Акты юридические». СПб., 1838, стр. 3).

²² «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 337—338.

Таким образом, сябры — это крестьяне-общинники. Отсюда позднейшая «сябровщина» — община одного селения, мира²³.

Полемизируя с С. В. Юшковым, академик Б. Д. Греков спрашивает: «Как назывались крестьяне, не попавшие в зависимость? Где они?». Он далее иронически замечает, что С. В. Юшков «не находит для этого свободного крестьянства никакого наименования». Как видим, такое наименование существовало — крестьянин-общинник-сябр. Этим, кажется, и объясняется тот презрительный оттенок, который уже в XII—XIII вв. получает слово «смерд»; этим объясняется и противоречивое значение слова «смерд», под которым понимались и крестьяне вообще, и крестьяне закрепощенные, и крестьяне-общинники. Заметим, что слово «сябр», или «шабр», сохранилось в русском языке и никогда не имело какого-либо презрительного значения, обозначая соседа в дружественном смысле слова.

Феодал, присваивавший себе земли изгоев и сябров, превращал труд свободных крестьян в барщину, а самих крестьян — в закрепощенных людей. Те явления, которые наблюдались в Западной Европе, происходили и на территории Руси. Количество свободных общинников-крестьян, сябров, постепенно уменьшалось. На остатках общинного землепользования создавалась крупная феодальная вотчина.

Эти строки были уже написаны, когда появилась интересная статья И. И. Смирнова, в которой по-новому рассматривается вопрос об изгоях и изгойстве. Правда, доказательства И. И. Смирнова в пользу того, что «изгой выступает перед нами как выходец из соседской общины», требуют еще дополнительной проверки, но общий взгляд автора на изгойство как на «один из институтов, в форме которых находил свое выражение процесс превращения бывших свободных общинников в различные категории феодально зависимого населения», очень плодотворен.

В частности, следует целиком согласиться с И. И. Смирновым в том, что уставная грамота Смоленской епископии 1150 г. доказывает «факт превращения в земельные владения смоленского епископа общинных земель, не входивших до того в состав феодальной земельной собственности»²⁴.

Возникает вопрос, насколько процесс закабаления крестьян далеко зашел в XI в. Есть основание думать, что этот процесс развивался неодинаково интенсивно в разных землях Киевской Руси. Смерды-общинники составляли главную массу крестьян в Ростово-Суздальской земле XI в., где, по сведениям летописи, дружинникам приходилось выяснять вопрос, какому князю под-

²³ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1935, стр. 393.

²⁴ И. И. Смирнов. К вопросу о изгоях. — «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 106.

чинены смерды. Следовательно, у нас есть основание говорить, что процесс захвата общинных земель еще только развивался в XI в. на севере Руси — в Ростово-Суздальской и Новгородской землях. По-иному обстояло дело на юге Руси. Именно здесь, на юге Руси, слышим о «худых смердах» из уст киевского князя.

Процесс закрепощения крестьян и увеличения феодальных повинностей, естественно, не мог проходить безболезненно. В деревне накапливалось много «горючего материала», который готов был вспыхнуть в любое мгновение, в особенности в моменты ослабления княжеской власти в связи с набегами кочевников, княжескими междоусобицами, а также в годы стихийных бедствий — неурожаев и наступавших вслед за ними голодовок. Нет ничего удивительного в том, что наиболее крупные крестьянские движения развивались именно на юге Руси, особенно в Киевской земле, где процесс развития феодальных отношений шел быстрее, чем в других областях Русской земли.

Глава IV

РУССКИЙ ГОРОД И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НЕМ

Наиболее мощные народные движения на Руси XI—XIII вв. были крестьянскими, что вполне понятно, так как «все крупные восстания средневековья исходили из деревни»¹. Но эти крестьянские движения часто находили отклик в других общественных группах, близких по своему положению к крестьянам, в первую очередь среди городского населения — ремесленников и поденщиков. Тем самым крестьянские восстания во многих случаях тесно переплетались с восстаниями городскими, так как городские низы были естественными союзниками крестьян и холопов в их выступлениях против феодальной эксплуатации.

Ко времени монгольского нашествия общее количество городов на Руси, по неполным, вернее, даже по отрывочным летописным данным, приближалось к трем сотням². Продолжающееся отделение ремесла от сельского хозяйства создавало условия для развития городской жизни. В XI—XIII вв. происходит не только быстрый рост количества городов на Руси, но и большие качественные изменения в самой их структуре. Города не были только замками, а в большинстве случаев имели обширные неукрепленные «посады», или «предградия». На Руси создан тот тип средневекового города, который мы встречаем и в средневековой Европе и в Азии. Город склады-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— Сочинения, т. 3, стр. 52.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 24 [изд. 2. М., 1956, стр. 43].

вался из внутренней крепости, по-русски — кремля, или детинца, иногда называемого просто городом, и окружающего его предместья. *Urbs* (город) и *suburbium* (предместье) западноевропейских источников точно соответствуют русским понятиям: город (детинец) и предградье (посад).

Поразительно быстрый рост населения городов в XI—XIII вв. объясняется постоянным притоком большого количества беглых крестьян и холопов. Значительное количество статей «Русской Правды» в ее пространной редакции отведено бегству холопов в города. «Если кто сам своего холопа найдет в чьем-либо городе,— читаем в Пушкинском списке XIV в.,—а посадник об этом не ведал, то поведавши ему, взять у него отрока и пойти связать холопа»³. Поиски холопа производил сам господин, он сам должен был доискаться («досоцится») холопа и только после этого мог надеяться на помощь посадника. Трудность поисков холопов «в чьем-либо городе» позволяла предприимчивым людям скрываться от преследования своих господ. Практически и на Руси городской воздух делал зависимого человека свободным.

Основное население русских городов составляли ремесленники, которых называли и ремесленниками и рукодельными людьми, отражая в последнем названии представление о господстве в средние века ручной обработки изделий. Само слово «рукоделие» целиком соответствует латинскому термину «*opus manuum*» — ручной труд⁴. Разнообразный труд ремесленников в русских городах достоверно показан в новых трудах советских историков, особенно в книге Б. А. Рыбакова, основанной на глубоком изучении археологических и письменных источников. По его подсчетам, в Киеве можно указать свыше 60 различных ремесленных специальностей. «В эту эпоху городское ремесло далеко отошло от деревенского; особенно резко сказалась эта разница в протяженности районов сбыта. Если деревенский мастер сбывал продукцию в небольшом районе в 10—15 км в поперечнике, то городской ремесленник нередко работал на широкий рынок и снабжал своей продукцией соседние и дальние города»⁵,— пишет Б. А. Рыбаков.

Ремесленное производство было связано с местным рынком. Поэтому наиболее оживленным местом в городе являлся «торг», или «торговище»,— место торговли ремесленными и привозными товарами, совершения различного рода деловых сделок. Церковные писатели образно сравнивали человеческую жизнь с торгом («человече, на торгу житейстем еще еси»), увещевая делать

³ «Правда Русская», т. I, стр. 291; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 27—30 [изд. 2, стр. 47—51].

⁴ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 193.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 779—780.

добрые дела, пока «торг не разойдется», т. е. пока еще не кончится жизнь человека⁶.

Товарное производство древней Руси не было еще предметом изучения, но уже теперь можно говорить о некоторых его особенностях.

Наше внимание привлекает прежде всего раннее появление на Руси различного рода письменных документов, как это показывают новгородские берестяные грамоты. В одной из этих грамот, относящейся, по палеографическим данным и по слою залегания в земле, к XIII в., находим письмо от Есифа к Матфею с просьбой постоять «за нашего сироту», на которого следует получить грамоту от дворянина Павла Петрова брата. Сиротами называли обычно зависимых людей — холопов, рабов, крестьян. Речь, по-видимому, идет о каком-то деле, связанном с таким зависимым человеком⁷.

В древней Руси широко были распространены так называемые «доски».

Это название вводило исследователей в заблуждение. Считали, что речь идет о своего рода бирках, так как-де письменные акты на Руси появились очень поздно. Например, С. Н. Валк в своем предубеждении против возможности существования частных актов на Руси в X—XII вв. доходил даже до того, что считал парадоксом признание самой возможности письменных завещаний на Руси: «Предположение о распространности письменного завещания среди массы населения, не имевшей к тому же своей письменности, кажется парадоксом, защита которого вряд ли оправдываема»⁸. Однако под напором доказательств и сам С. Н. Валк вынужден был включить в издание новгородских грамот купчую Антония Римлянина и вкладную Варлаама Хутынского, которые он в цитированной нами статье признал подложными актами.

Между тем имеющиеся известия о «досках» показывают совершенно определенно, что мы имеем дело с письменными документами. Именно так и понимал слово «доска» крупный знаток древнерусского языка И. И. Срезневский. Из приведенных им текстов наиболее интересен перевод греческих и латинских слов: письмена, писание, «доскы»⁹. Замечательнее всего, что сама летопись не оставляет никаких сомнений в том, что доски были письменным документом: «а что ся на дьсках остало в писме»¹⁰.

⁶ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II, стр. 14.

⁷ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 32—34.

⁸ «Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. статей. М.—Л., 1937, стр. 293—294.

⁹ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 761—762.

¹⁰ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 466.

«Доски» рано стали считаться документом, служившим для закабаления купцов и различного рода других торговых людей. В одном поучении, приписываемом Кириллу Туровскому, следовательно, русскому автору, говорится об изгнании торгующих из Иерусалимского храма и содержится призыв уничтожить «доски» — «да доски иже в нас купци разорить»¹¹. В Пскове XIV—XV вв. «доски» продолжали оставаться основным документом для взыскания различного рода долгов, заемным документом, по-видимому имевшим какое-то подобие позднейших векселей. Находка новгородских берестяных грамот вполне подтверждает возможность использования досок для письменности. Так, в новгородских раскопках обнаружены надписи, сделанные острым орудием на различных предметах, в том числе на досках¹².

На значительное развитие в древнерусских городах торговых операций указывает всеобщее распространение на Руси ростовщичества в его различных видах. В больших торговых городах ростовщичество было явлением настолько распространенным в быту, что церковные памятники не запрещают им заниматься, а только советуют брать «рост» (проценты) «по силе».

Попытки в какой-то мере упорядочить взимание процентов за отданные в рост деньги отражены в Пространной «Русской Правде», уделяющей большое внимание разного рода деловым сделкам, в том числе торговым операциям. Практически подобные ограничения ни к чему не приводили, так как ростовщики были экономически и политически сильнее поработенных ими людей.

Разнообразие деловых сделок нашло яркое отражение в слове древнерусского языка. Наиболее распространенным словом «купля» обозначали товар, торговлю, покупку, договор. Рядом с этим применялось и более короткое слово «купа»¹³. Почти в тех же значениях употреблялось и другое слово, сохранившееся до нашего времени в живом русском языке, — «торговля»¹⁴. Более узкое значение в применении к отъезжей, часто иноземной торговле имело слово «гостьба» с различными вариантами¹⁵. Само понятие о торговле и ростовщичестве тесно связывалось в древней Руси с представлением о богатстве.

Городское население древних русских городов было неоднородным по своему составу.

Главной политической силой в русских городах было бояр-

¹¹ «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, стр. 149.

¹² М. Н. Тихомиров. Городская письменность древней Руси XI—XIII вв. — «Труды отдела древнерусской литературы АН СССР», т. IX. М., 1953, стр. 51—66.

¹³ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 1368—1371.

¹⁴ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 1052—1053.

¹⁵ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 570—571.

ство — городской патрициат, опиравшийся на свои земельные владения вне города. В пределах городской территории боярский двор составлял особую усадьбу, иногда небольшой укрепленный замок. За крепкими заборами боярского двора жила многочисленная дворня, собирались «удалые молодцы», как об этом поет былина о Василии Буслаеве: «Кто хочет пить и есть из готового, валися к Ваське на широкий двор, тот пей и ешь готовое и носи платье разноцветное»¹⁶.

Из таких людей формировалась боярская «чадь», дружина, например «Ратиборова чадь» — дружина киевского боярина Ратибора. О «Мирошкиной чади» в Новгороде мы знаем из сообщения летописи. Это была вооруженная до зубов личная охрана посадника Мирошки; «Мирошкин отрок» был убит во время сражения с литовцами¹⁷. «Дворянство и здесь так же, как во всей Италии, имело дворцы, подобные замкам, которые современники называли башнями»¹⁸, — говорит Маркс о Флоренции XIII в. На Руси такие феодальные замки назывались дворами. Позже мы найдем подробное описание дворов новгородских бояр, вроде «двора большого» Марфы Борецкой в волости Березовец¹⁹.

Некоторое понятие о городской боярской усадьбе XI столетия дает рассказ о киевском дворе Ратибора — боярина Владимира Мономаха. На его дворе ночевал половецкий хан Итларь с дружиною. Утром Ратибор собрал своих «отроков» с оружием, приказал истопить «теплую избу» и пригласил Итларя с дружиною завтракать. Когда Итларь с дружиною вошел в избу, двери в нее были заперты. Ратиборова «чадь» взобралась на крышу, прокопала ее (вероятно, земляную насыпку над потолком) и стрелами перебила Итларя с его спутниками.

Из этого рассказа становится ясным, что на «дворе» Ратибора стояло несколько строений, в том числе «теплая изба», иногда служившая приемной комнатой, где в зимнее время устраивались пиры и угощения.

Подобный боярский двор, наполненный наглою боярской челядью, фактически был государством в государстве, столь же недоступным для горожан, как и «башни» флорентийских дворян. По «Русской Правде», княжеские, боярские и монастырские холопы не подвергались княжескому суду; если они попадались в воровстве, за них отвечал господин. Холоп, ударивший свободного человека, мог спрятаться в хоромах своего господина, и тот имел право не выдавать его, а только обязан

¹⁶ «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым». М., 1878, стр. 50 [«Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым». М., 1958, стр. 52—53].

¹⁷ «Новгородская Первая летопись...», стр. 45.

¹⁸ «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 269.

¹⁹ С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939, стр. 52—62.

был заплатить штраф за нанесение обиды свободному человеку. Потерпевшему предоставлялось право поджидать обидчика, поймав холопа, он мог подвергнуть его наказанию или получить деньги «за сором».

Статья Пространной «Русской Правды» указывает и на то время, когда сложился такой порядок. Холопа, ударившего свободного человека, наказывали смертью еще при Ярославе Мудром, но сыновья его изменили прежний порядок и признали право господина отделяться уплатой денег. Таким образом, боярские дворы на Руси сделались неприступными крепостями уже ко второй половине XI в.

Жизнь в боярском дворе была далеко не сладкой для зависимых людей крупного феодала. Это заставило автора начала XIII в. энергично заявить, обращаясь к князю: «лучше мне свою ногу видеть в лаптях в дому твоём, нежели в красном сапоге во дворе боярском, лучше мне в дерюге тебе служить, чем в багряннице в боярском дворе»²⁰. Недаром народная ненависть с такой силой обрушивалась на эти разбойничьи боярские гнезда во время больших классовых конфликтов, о которых придется нам говорить далее. Бояре принимали постоянное участие в торговых и ростовщических операциях. Не чуждались их и сами князья, в том числе Владимир Мономах, выступающий таким «нищелюбцем» в своем Поучении. С боярами была тесно связана купеческая верхушка, нередко пополнявшая ряды боярства.

Бояре и купцы, собственно, и держали в своих руках городское управление. По этому вопросу есть интересное высказывание Маркса, относящееся к средневековому английскому городу, которое вполне применимо и к порядкам русских городов XI—XIII вв.

*«Большинство новых поселенцев,— пишет Маркс,— беглые крепостные, торговцы, не имеющие земельного держания, семьи, лишившиеся своей доли городской земли, и вообще ремесленники и бедняки — не принимало никакого участия в жизни города. Право вести и регулировать торговлю, так же как и все остальные виды юрисдикции, принадлежало исключительно горожанам-землевладельцам. Кроме того, богатство породило новое деление на «бюргеров» из купеческой гильдии и на окружавшую их неполноправную массу. Бюргеры из купеческой гильдии постепенно сосредоточили в своих руках крупные торговые операции, те области торговли, которые требовали больших капиталов, а мелкую торговлю предоставили своим менее имущим соседям»*²¹.

²⁰ «Лучше бы ми нога свои видети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багряннице в боярстем дворе» («Слово Даниила Заточника». Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 60).

²¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII. М., 1946, стр. 334—335.

Русские купцы рано стали объединяться в гильдии, носившие название сотни или ста. Одной из наиболее ранних купеческих гильдий на Руси надо считать объединение новгородских купцов-вощников, с их патрональной церковью Ивана Предтечи на Опоках. Знаменитое «Иванское сто», сформировавшееся уже в первой трети XII в., во всяком случае не позднее 1136 г., было одним из первых по времени возникновения купеческих объединений в Европе. К тому же XII в. относится указание на существование еще одного купеческого объединения в Новгороде. В 1156 г. «заморские купцы» построили на торгу церковь Пятницы. Видеть в этой церкви постройку иностранных купцов, как это делали некоторые авторы, совершенно невозможно. Здание церкви Пятницы в сильно испорченном виде и до сих пор стоит на бывшем торговище в числе других православных церквей. Католическая, или «варяжская», церковь не могла быть поставлена в прямом соседстве с православными церквями. В «заморских купцах» надо видеть новгородских купцов, торговавших за морем.

Официальное значение церкви Пятницы и, следовательно, существовавшего при ней объединения заморских купцов подтверждается одним из условий договора Новгорода с немецкими городами, по которому иноземные купцы при отъезде за границу платили одну гривну церкви Пятницы. Н. И. Костомаров поясняет, что это была «церковь святой Пятницы, построенная компаниею новгородских купцов, торговавших с иноземцами»²². Существование купеческих объединений в Новгороде настолько засвидетельствовано источниками, что тот же Костомаров писал: «Купцы новгородские, в торговом отношении, составляли компании или артели, сообразно или направлению своей торговли, напр., купцы заморские, купцы низовские, или же по предметам торговли, например, купцы-прасолы, то есть торгующие съестным товаром, купцы-суконники, торгующие сукнами, рыбные, хлебные и пр.»²³.

Что именно так обстояло дело, видно из договоров Новгорода с князьями о людях, ставших закладниками — зависимыми людьми князя: «кто купец пойдеть в свое сто»²⁴. Из этой фразы вытекает, что в Новгороде была не одна купеческая сотня, или объединение. О том же говорит духовное завещание Климента Новгородца (не позднее 1270 г.), где он распоряжается своими деньгами по купецкому сту — «а про деньги, чем мне было бы вам платити в купеческом («купецском») сте»²⁵.

В другой работе мне приходилось указывать, что купече-

²² Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства.— Собр. соч., кн. 3, т. VII—VIII. СПб., 1904, стр. 334.

²³ Там же, стр. 351.

²⁴ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 16.

²⁵ Там же, стр. 163.

ские организации не являлись особенностью только Новгорода, как пытался доказать С. В. Юшков, а были особенностью вообще средневековых русских городов. В Киеве существовали купцы «гречники»; в самом Константинополе находим русский квартал с торговыми лавками; в Киеве стояла «божница» новгородских купцов²⁶.

Патрональные церкви купеческих объединений служили местом хранения товаров и общественной казны. В притворе церкви Ивана Предтечи на Опоках взвешивался воск и другие товары. Обширные размеры церквей Пятницы и Ивана Предтечи говорят нам о назначении этих зданий — как надежных помещений для хранения товаров. С этой же целью была построена церковь Пятницы заморскими купцами и новгородская «божница» Михаила в Киеве и т. д.

«Двор святого Ивана» представлял собой обширную усадьбу с разного рода служебными зданиями. На «дворе святого Ивана» производился торговый суд, тут немецкие и новгородские купцы должны были «кончать ссору... перед посадником, тысяцким и купцами»²⁷. Происхождение этого торгового суда относится по крайней мере к первой половине XII в., как это будет видно из дальнейшего.

Купеческие объединения были порождены особенностями феодального времени, в частности необходимостью вооруженной рукой защищаться против возможных грабителей, поэтому «в течение всего средневековья купцы передвигались вооруженными караванами»²⁸.

Купеческие организации играли немалую роль в городской жизни. Это неоднократно подчеркивается упоминанием «Иванского двора» в немецких документах XIII—XIV вв., имеющих отношение к торговле. Далее мы видим, что, по сведениям наших источников, купцы принимают прямое участие в народных движениях в Новгороде, и это естественно, так как само понятие купца в средневековые времена было относительно широким. Трудно представить себе, что несколько десятков купцов, зашедших «гостью» в Суздальскую землю в начале XIII в., целиком принадлежали к общественной верхушке Новгорода. Вероятно, в подобных известиях имеются в виду купеческие караваны, куда входили и купцы и их провожатые: приказчики, сторожа и пр.

Купеческая верхушка стремилась оградить себя от остальной купеческой массы. Так появляются почетные купцы, получавшие особые привилегии благодаря своим вкладам, а также унаследовавшие их от своих родителей. Отсюда их название «пошлые» купцы (от пошлины — старины). Мелкие рыночные

²⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 146—156 [изд. 2, стр. 114—127].

²⁷ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 60.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— Сочинения, т. 3, стр. 53.

торговцы принадлежали к числу «черных людей», наравне с ремесленниками.

Купеческая верхушка противостояла остальной массе городского населения — «черным людям», в основном ремесленникам, мелким торговцам и поденщикам.

Внутренняя борьба между различными группами горожан²⁹ получила большое развитие в русских средневековых городах с их антагонизмом «больших» и «меньших» людей. Значительная часть населения русских городов XI—XIII вв. состояла, подобно жителям городов других стран Европы, «из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата, которые встречаются уже на низших ступенях развития городов»³⁰.

Сама ремесленная масса была неоднородна. В ней существовала резкая дифференциация между мастерами и учениками. Что касается слова «подмастерье», то оно в слове древнерусского языка пока еще обнаружено не было; возможно, оно покрывалось словом «унот», или «ученик». Так, в рассказе Ипатьевской летописи о построении города Холма читаем о мастерах и их учениках («и уноты и мастере всяции»)³¹. В обычном употреблении слово «унот» обозначало юношу, в данном случае и ученика и подмастерье. Слово «мастер» так часто употребляется в наших памятниках, что не требуется доказательств того, что речь идет именно о мастерах-ремесленниках. Отличие мастеров от простых наемных работников особенно заметно в «Псковской судной грамоте», где различаются мастер-плотник и наймит.

Указание на ученичество в древней Руси мы имеем в житии Алимпия, отданного родителями «на учение писания иконам». Время ученичества Алимпия относится к XI в., причем в житии даются и некоторые подробности о том, как Алимпий обучался своему делу³². Угнетенное положение учеников рисуется фразой из «Златоструя»: «многажды ремесленник клянется не дать ученику ни есть, ни пить»³³.

«Псковская судная грамота» также показывает нам незавидное положение учеников, всецело зависевших от своих хозяев. В ней читаем: «какой мастер начнет взыскивать на учениках учебного, а ученик откажется, то воля хозяина, хочет сам при-

²⁹ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 334—335.

³⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 354. Энгельс указывает, что люмпен-пролетариат представляет явление, которое «имело место почти во всех бывших до сих пор фазах общественного развития».

³¹ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 558 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 843].

³² «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 121.

³³ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 116.

несет присягу на своем учебном, хочет ученику верит»³⁴. Как видим, псковское законодательство полностью оберегало интересы мастеров, отдавая учеников в их полное распоряжение. Само появление статьи об ученичестве в «Псковской судной грамоте» говорит уже о том, что конфликты между мастерами и учениками были в Пскове явлением столь же заурядным, как и в средневековых городах Западной Европы.

В средневековых русских городах, таким образом, шла непрерывная классовая борьба. Верхушке городского общества — боярам, купцам, объединенным в гильдии, противостояли ремесленники, мелкие торговцы, поденщики, люди без определенных занятий, которых можно обозначать условным термином «люмпен-пролетариат», что иногда соответствует русскому термину «убогие люди».

Наряду с купеческими объединениями в русских городах существовали объединения, в иных случаях зачатки объединений ремесленников. К. Маркс говорит, что *«представители профессий, от которых отказались богатые горожане, объединились в ремесленные цехи, ставшие вскоре опасными соперниками для более старых купеческих гильдий города»*³⁵. Это наблюдение, сделанное на примере средневековых английских городов, имеет громадное значение и для понимания классовой борьбы в русских городах XI—XIII вв. Создание ремесленных объединений встречало сопротивление со стороны купеческих гильдий, ранее безраздельно имевших право контроля над промыслами в городах.

Борьба ремесленных организаций с купеческими часто игнорируется в нашей историографии, отказывающейся иногда даже от мысли о существовании на Руси ремесленных организаций, хотя бы в зачаточном виде. Между тем только допуская возможность их существования в русских городах XI—XIII вв., мы поймем сущность многих народных движений. В дальнейшем мы и делаем попытку показать эту внутреннюю борьбу в городах на примере Новгорода, исходя из мысли о существовании в нем объединений русских ремесленников.

Подчеркнем тут же, что существование ремесленных организаций в средневековых городах К. Маркс и Ф. Энгельс объясняли «феодальной организацией всей страны». Исчерпывающее указание на это имеем в «Немецкой идеологии», где читаем: «Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных; непрерывная война деревни против города, а следовательно, и необходимость организации городской военной силы; узы общей собственности на определенную специальность;

³⁴ «А которой мастер иметь сочить из ученики учебного, а ученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем учебном, или ученику верить» («Псковская судная грамота», стр. 22).

³⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 335.

необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремесел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи»³⁶.

Средневековая Русь не получила города «в готовом виде из прошлой истории». Они «заново были образованы освободившимися крепостными»³⁷. Следовательно, к ним целиком относятся это указание основоположников марксизма. В другом месте той же работы Маркс и Энгельс пишут: «Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура всей страны — все это породило цехи»³⁸. Итак, в числе причин, породивших цехи, находим необходимость объединения против дворянства, потребность в общих рыночных помещениях, конкуренцию беглых крестьян, феодальный строй всей страны.

Возникает вопрос: существовали ли на Руси XI—XIII вв. все те условия, которые породили цехи, или нет? Если существовали, то почему одни и те же причины породили в странах Востока и Запада цехи, а в Древней Руси не оказали никакого влияния. Вразумительного ответа на этот вопрос в нашей исторической литературе не находим, вопрос о цехах попросту замалчивается. Между тем ремесленные объединения в каком-то виде должны были существовать и в русских городах, если считать их городами феодальными и применять к ним слова Маркса и Энгельса, что «феодальной структуре землевладения соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»³⁹.

Для решения вопроса о существовании ремесленных объединений на Руси большое значение имеет труд Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси». Как доказал этот учёный, ремесленники-ювелиры древней Руси изготавливали пробные экземпляры своей ученической работы — шедевры. Существование ученичества и шедевров само по себе намекает на какие-то формы объединения ремесленников. Об этом же говорит обычай ремесленников селиться целыми слободами. Характерен в этом случае пример средневековой Москвы, церкви которой, как правило, обозначались по той ремесленной слободе, где они были

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Сочинения, т. 3, стр. 50—51.

³⁷ Там же, стр. 50.

³⁸ Там же, стр. 23.

³⁹ Там же.

построены: в Гончарах, в Котельниках, в Кошелях, в Кузнецкой и пр.

Б. А. Рыбаков очень убедительно доказал существование патрональных церквей у отдельных ремесленных профессий на Руси, регламентацию ремесленного труда и продажи ремесленных изделий, существование ремесленных братчин и пр.⁴⁰

Заметим здесь же, что в пользу раннего развития ремесленных организаций на Руси говорит и то обстоятельство, что цехи существовали в русских городах, подпавших под власть Литовского великого княжества. В смоленском восстании 1440 г. «кузнецы, кожемяки (кожевники), перешевники, мясники, котельники»⁴¹ выступают как организованная сила. Нарядившись в брони, вооружившись луками, стрелами, косами и секирами, они выступили против воеводы великого князя и смоленских бояр. Здесь мы имеем прямое указание на существование ремесленных объединений в Смоленске уже в первой половине XV в. Спрашивается: какое же основание отрицать существование ремесленных объединений в соседнем Новгороде или Пскове того же времени?

Конечно, в русских городах, в первую очередь в Новгороде, ремесленные организации, как и в западноевропейских городах, охватывали далеко не все ремесленные специальности. Прямое свидетельство летописей имеем только об организации мясников-прасолов, которые, как известно, составляли мощные цехи в таких городах, как, например, средневековый Париж. В 1403 г. новгородские прасолы поставили свою патрональную церковь в Русе⁴². Построение церкви на чьи-либо средства предполагает существование, по крайней мере, коллективного сбора денег, складчины. В 1485 г. за построенный в Пскове мост через реку Пскову также платили «мясники». Стоимость моста была оценена в значительную по тому времени сумму — в 60 рублей⁴³. Это прямое указание на то, что мясники были объединены в Пскове и имели собственную казну.

Поскольку в средние века «ремесленники были в то же время и купцами», возникает естественный вопрос: не следует ли видеть ремесленные организации в таких объединениях, которые известны на Руси под названием сотен и очень часто упоминаются в связи с народными движениями в Новгороде? Обычно в сотнях видели военно-административную единицу, возникшую уже в княжеское время⁴⁴, но для нас интересен сейчас не вопрос о происхождении сотен, а то значение, какое они получили в русских городах XI—XIII вв.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 729—777.

⁴¹ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 68.

⁴² «Новгородская Первая летопись...», стр. 397.

⁴³ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 43.

⁴⁴ А. Пресняков. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, стр. 173—190.

Новгородские сотни перечислены в уставе Ярослава о мостах. Первые девять сотен в этом уставе называются, по-видимому, по личным именам сотских (Давыжа ста, Слепцова, Быкова или Бовыкова, Олексина, Ратиборова, Кондратова, Романова, Сидорова, Гаврилова), 10-я и 11-я сотни названы княжими, а остальные восемь получили прозвания от местностей: Ржевская, Бежицкая, Вотская, Обонежская, Луцкая, Лопская, Поволховская, или Волховская, Яжолбицкая⁴⁵.

В известных нам списках устава названия сотен явно вставлены в текст позже. Так, мы читаем в уставе: «а владыще сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острой городне: 1-ая Давыжьа ста... 19 Яжолвичьскаа, двои риле до софьян, софьяном до тысячьского» и т. д. Между тем текст устава без вставки в него названий сотен читается вполне логично: «а владыще сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острой городне... до софьян, софьяном до тысячьского» и т. д. Иными словами, владыка (епископ) вместе с изгойми должен был мостить до софьян, а софьяне мостили до тысяцкого, потому что владыка жил в детинце, а софьяне, дворяне новгородского епископа, — за детинцем, в позднейшем «околотке». Тысяцкий мостил территорию по другой стороне Волхова, о которой речь в уставе идет далее («тысячьскому до вощъник», т. е. до Иванского ста и пр.).

Выкинув вставку о названиях сотен, получим ясное представление о составных частях Новгорода в XII—XIII вв., на которых лежала обязанность делать мосты.

Замечательно, что рядом с сотнями, подведомственная которым территория совершенно не ясна по уставу, перечисляются прусы, михайловцы, ильинцы, витьковцы, т. е. уличане Прусской, Михайловской, Ильинской и Витьковской улиц⁴⁶, а также огнищане, немцы, готы.

Остается не вполне ясным вопрос о том, какая же часть города мостилась 19 сотнями. По-видимому, сотни должны были строить «великий мост» через Волхов, причем последняя Яжолбицкая сотня делала «двои риле» — два мостовых устоя с настилом⁴⁷. Почему же первые девять сотен названы по личным именам, 10-я и 11-я сотни названы княжескими, а 12-я — 19-я сотни — по географическим названиям? Это можно объяснить тем, что первые девять сотен были городскими и носили название по именам своих старост. Они не имели отношения к территориальному делению Новгорода.

⁴⁵ «Новгородская Первая летопись...», стр. 507—508; другая редакция устава — в «Русских достопамятностях», изд. Обществом истории и древностей российских, ч. 2. М., 1843, стр. 291—293.

⁴⁶ В Новгородской летописи (стр. 508) «виктовцам» вместо витьковцам от реки Витьки.

⁴⁷ Интересные соображения об уставе Ярослава о мостах высказаны В. С. Передольским. — «Новгородские древности». Новгород, 1898, стр. 339—340.

В уставе Всеволода «О церковных судах, и о людях, и о мерилах торговых» (до 1137 г.) также отдельно упомянуты 10 сотских, староста Болеслав, староста Иванский Васята. Староста Болеслав, вероятно, был представителем купецкого ста, Васята — Иванского ста, а 10 сотских — представителями тех сотен, которые названы в уставе Ярослава «О мостех».

Из устава Всеволода выясняется, что торговые старосты и сотские имели разную компетенцию; сотские вместе с епископом ведали «домом св. Софии», а старосты и торговцы ведали «домом св. Ивана», т. е. купеческим объединением при церкви Ивана Предтечи на Опоках.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, сотни не всегда обозначают территориальные единицы. В уставе Ярослава мы видим три различные категории сотен: первые из них названы по старостам, вторые являются княжескими, третьи — территориальными. Во-вторых, сотни нельзя путать с купеческими организациями, представителями которых они являются в нашем примере: Болеслав — от купецкого ста, Васята — от Иванского ста. Следовательно, остается предположить, что сотни в Новгороде были объединениями не только купцов, но и ремесленников, возможно, по торговым рядам. Так, позднейшие описания рядов показывают, что торговые ряды в русских городах XVI в. представляли собой объединение лавок, торгующих определенными товарами. Таковы были, например, Суконный ряд и Сурожский ряд, Серебряный ряд, Мясной ряд и т. д. в Москве и других городах.

В защиту нашего понимания некоторых новгородских сотен как объединений ремесленников сошлемся на характер ремесленных объединений в средневековой Германии. Один из историков немецких городов отмечает, что там, «где патрициям удавалось утвердить свое господство, там военное ополчение делилось применительно к топографическим группам, к городским кварталам. Где одержали верх цехи, там они свои корпорации превращали в военные отряды; если цеховая организация была не вполне проведена, то оба деления уживались вместе»⁴⁸. В Новгороде как раз и видим сосуществование сотен и улиц, сотских и уличских старост. Сотни упоминаются в Новгороде только до середины XIII в., после чего все чаще упоминаются концы и улицы.

Борьба угнетенного городского люда против общественной верхушки была типичным явлением для всех средневековых городов Европы. Это вынуждены были признать даже такие авторы, как А. Пиренн, склонный к идеализации жизни средневековых городов. Говоря о городах средневековой Фландрии, Пиренн отмечает, что «во всех торговых городах между Маасом и

⁴⁸ Г. Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912, стр. 77.

морем образовались две классовые партии: партия бедняков и партия богачей»⁴⁹. Замечательной особенностью этих обеих группировок было даже сходство обозначений их в наших источниках. Во Фландрии патриции звались *maïoges*, что значит в буквальном переводе «большие», «вятшие», «лучшие». В Италии того же времени «жирный народ» — патриции и купцы — противопоставлялись ремесленникам и чернорабочим — «тощему народу». Хронологически борьба «больших» и «меньших» в городах Фландрии и Италии совпадает с такой же борьбой в Новгороде и других русских городах.

Глава V

ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI—XIII ВВ.

Источники XI—XIII вв. говорят о резком антагонизме между господствующим классом феодалов и трудящимся населением в деревнях и городах. В то время как феодалы именуются в летописи боярами, гридями, княжескими мужами и т. д., остальная масса населения обозначается общим названием «людей», «людинов». Характерно, что слово «люди» уже в документах XIV—XV вв. начинает употребляться для обозначения слуг, челяди, рабов. В сборнике 1076 г. слово «людин» употребляется в качестве термина, обозначающего человека, которого можно безнаказанно и без нужды обидеть — «еже николи же людина обидети»¹. Образ земледельца-труженика отождествился с убогим человеком, кормящимся в поте лица своего; поэтому нельзя брать в церковь подаяния от убогих, потому что хлеб — это их пот, их жизнь².

Труд вызывал у феодалов только презрение. В заслугу одному монаху Печерского монастыря ставилась его работа на ручных жерновах, которую обычно выполняли монастырские холопы. «И не стыдился такой работы», — говорит составитель рассказов о монашеских подвигах епископ Симон, сам один из крупнейших церковных феодалов, невольно выдавая этими словами презрение к труду³.

Пожалуй, наиболее характерным для воззрений феодалов на крестьян является то ругательное значение, которое придавалось самому названию «смерд», первоначально просто обозначавшему земледельца. Происходить «от племени смердя»⁴ счи-

⁴⁹ А. Пиренн. Средневековые города Бельгии. М., 1937, стр. 340.

¹ В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 г. Варшава, 1894, стр. 21 [«Изборник 1076 г.» М., 1965, стр. 201].

² Там же, стр. 69 [стр. 389].

³ «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 116.

⁴ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 525 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 790].

талось зазорным. С таким же явлением мы сталкиваемся и в Болгарии, причем уже в X столетии. В Шестодневе Иоанна Экзарха находим сопоставление смерда с нищим: «как смердь и нищ человек и странен пришед издалече»⁵.

В феодальных кругах создается представление об особом, «невежественном», языке, на котором будто бы говорил простой народ. О монахе Спиридоне сообщается, что он «бьяше невежа словомъ, но не разумомъ», потому что пришел в монастырь не из города, но «от некоего села»⁶. Говор Спиридона казался «невежественным», как изобилующий народными оборотами. Это представление о «невежественности» людей, подобных Спиридону, характерно для киевских феодалов, стремившихся отделить себя от низших слоев населения даже своей речью.

В сочинениях XI—XIII вв. находим яркое противопоставление роскоши богачей и бедствий «убогих». Бедняки «клячатъ» над малым огоньком, скорчившись, от дыма у них болят глаза, от огня согреваются только руки, тогда как плечи и все тело их мерзнет от холода⁷.

Некоторые русские произведения с поразительной силой живописуют бедственную жизнь людей, разоренных ростовщицеством, хотя их авторы и очень далеки от идей социальной справедливости.

«Не запрещаю богатеть, но богатством истинным, без ростовщичества, без хищений и принуждения. Но как ты живешь. Лихоимством ли хочешь обогатиться, чтоб другим золото осталось, а тебе проклятия. А разорённый тобою ходит в поисках пищи, плача и рыдая. Вечером обходит улицы, не имея где главы приклонити, да и блуждая ночью, обличает тебя перед всеми, как он может уснуть, охваченный лютым голодом... Не дерзнет он к сытому без страха сказать о необходимой пище. Много же раз, получив обиды, отоидет от тебя. Ты же, когда войдешь в палату, когда возляжешь на ложе, и поставят перед тобой великую и полную трапезу, тогда вспомни того бедного, ходящего, как пес, по улицам в тьме и в грязи и оттуда идущего не на постель, не к жене, ведь он на сене точно пес всю ночь лает. Ты, если увидишь и немного попорченные хоромы, велишь своим рабам хорошо их поправить, он же в рубище и на соломе, лежа в грязи и горько страдая, переносит зиму. Ведь и зверь милостив к этому будет, какой же человек к этому не будет милосерд»⁸.

⁵ А. Горский, К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отдел второй. М., 1865, разд. 1, стр. 21.

⁶ «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 120.

⁷ В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 г., стр. 27—28 [«Изборник 1076 г.», стр. 226—238].

⁸ «Не браню же богатиться, но богатством истинным без лихоимания, без хищения и нужда. Но како живещи, лихоимством ли хочещи богати-

Противопоставление богатства и роскоши феодалов нищете бедных людей показано и в «Слове о богатом и бедном Лазаре». Переводчик этого сочинения, известного и в византийской письменности, видел перед собой русскую действительность XI—XIII вв. и с поразительной силой изобразил изнеженность богатого Лазаря и крайнюю нищету Лазаря-бедняка. Стих о бедном и богатом Лазаре позже прочно вошел в репертуар слепых, сделался достоянием русского фольклора. Богатый Лазарь тешится пирами, ему подносят дорогие, изысканные блюда, а нищий Лазарь не имеет даже самого необходимого.

Впрочем, церковные авторы далеки от стремления бичевать пороки своего общества. Их недовольство вызывается главным образом тем, что люди оказывают мало внимания церкви и ее представителям, говорят о чернецах: «суетен работаяй богу».

Автор поучения, помещенного в летописи в связи с восстанием 1068 г., например, с негодованием говорит о многочисленных игрищах и пустых храмах: «видим ведь игрища утопанные, и людей многое множество на них, так что пихать начинают друг друга... а церкви стоят; когда же бывает час молитвам, мало людей обретається в церкви»⁹.

Церковные писатели не прочь запретить народные гулянья, так как они мешают церковным службам: «Пойди в иные дни на игрища и найдешь их пустыми, а пойди в воскресенье в те же места и найдешь тут одних играющих на музыкальных инструментах, других пляшущих, других сидящих, сплетничающих, других борющихся, а других подающих знаки и перемигивающихся друг с другом»¹⁰.

Впрочем те же церковные писатели с восторгом описывают княжеские пиршества, например знаменитые пиры Владимира, стараясь только придать им «богоугодную» окраску.

тиса, да инем злато останеть, себе клятвы. Да лихованыи тобою обходить пища ища плачася и рыдая. Вечеру бывшую обходить стегны, не имея, кде главы поклонити, да и ношью ходя поимы дееть на тя к всем, како бо можеть уснути гладомь лютомь одържим... Не дерзньеть к сытому бе страха глаголати о нужней пице. Многажды же и досаждение прием отиде от тебе. Ты же, егда взидеши на полату си, егда възляжеши на одре и поставять пред тобою велику и полну трапезу, тогда вспомяни окаянааго оного, обходящааго акы пса по стегнам, в тьме и в кале, и отуду идущю не на одр, ни к жене, но на сене, акы пес, всю ночь лаеть. Ты же аще и малы прокопавшю храмину узриши, рабом повелиши, да ю добре потворять, он же в рубех и на соломе и в бернии лежа, и бедно стража зиму терпить. Кый убо зверь сему милостивен будеть, кый как человек, иже сему кроток не будеть» (*И. Срезневский*. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1874, стр. 36).

⁹ «Повесть временных лет», ч. 1, стр. 114.

¹⁰ «Изиди бо в ины дни на игрища и обрящещи я пуста, а изиди в неделю на та же места, и обрящещи ту, овы гудущи, овы пляшуща, а другыя сидяща и о друзе клеветчуща, а другыя борющася, а другыя помагающе и помизающа друг другу» (*И. Срезневский*. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, стр. 34).

Напрасно было бы искать в церковных сочинениях осуждения неправомерно собранных богатств. В этом отношении особенно интересен знаменитый Святославов Изборник 1073 г., возникший вскоре после народных восстаний 1068—1071 гг. Основная мысль составителей Изборника заключалась в том, чтобы возложить вину за феодальный произвол на самих обиженных: «Рыдайте обиженные не о самих себе, но об обидевших вас, не вам они повредили, а сами себя погубили»¹¹. Так провозглашается мысль о безнаказанности феодалов на этом свете, впрочем без утверждения и об их ответственности в предполагаемой будущей жизни.

Сопротивление властям признается самым тяжким грехом: «небрежение о властях—небрежение о самом боге». Этот тезис с настойчивостью звучит во многих церковных статьях, помещенных отдельно и в летописи. Злодеяния князей, по летописи, являются прямым следствием «нечестия» самих граждан.

До нас дошла в основном только русская литература XI—XIII вв., обслуживавшая господствующий феодальный класс. В ней трудно найти какие-либо резкие обличительные мотивы, направленные против верхушки тогдашнего общества. Но даже и эта литература в некоторых случаях отражает настроения угнетенного народа.

В Новгороде конца XII — начала XIII в. появилось своеобразное произведение, в котором прославление богатства так причудливо сочетается с насмешками над почитателями богатых людей, что не всегда легко установить, кого надо видеть в авторе — страстного поклонника богатства и почестей или сатирика, высмеивающего современное ему общество. Речь идет об известном «Слове» Даниила Заточника.

Теперь, кажется, можно более определенно говорить о новгородском происхождении обеих редакций «Слова», одна из которых обращена к князю Ярославу Владимировичу, а другая к князю Ярославу Всеволодовичу. Во всяком случае и та и другая редакции тесно связаны с Новгородом конца XII — начала XIII в., и прекрасно рисуют нам новгородскую действительность того времени.

Чрезвычайно характерно, что и тот и другой памятник все время говорят об имущественном неравенстве. Тема богатства и бедности является для них самой животрепещущей. Автор «Слова» занимает позу угнетаемого и отвергнутого человека: «друзья мои и ближние и те отверглись от меня, потому что я не поставил перед ними угощения из многочисленных блюд.

¹¹ «Рыдайте обидимии не себе, но обидевъших вас, не бо вам вредиша, но сами ся погубиша» («Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года», изд. «Общества любителей древней письменности». СПб., 1880, л. 78).

Многие дружат со мною, опуская руку вместе со мною в солонку, а при напасти оказываются как враги и еще помогают дать мне подножку; очами плачут со мною, а сердцем смеются. Поэтому не имей веры другу, не надейся на брата»¹². Настоящей сатирой звучат слова Даниила о почитании богачей. «Богатый человек везде знаем и на чужой стороне друзей имеет, а убогий в своей земле ненавидим ходит. Богатый заговорит — все молчат и превозносят его слова до облаков, а убогий заговорит — все на него закричат. Чьи одежды светлы, тех слова почитаемы»¹³.

Впрочем, сатирические слова и в устах Даниила Заточника не имеют обличительной силы. Даниил вовсе не выступает против богатства. Он только скорбит о том, что сам он нищий. Правда, Даниил восклицает, что ему не надо ни богатства, ни убожества, но тут же высказывает свой взгляд на бедность, очень характерный для верхов новгородского общества: «если буду богатым — то сделаюсь гордым, если буду убогим, то помышляю о кражах, о разбое»¹⁴.

Мудрый нищий представляется ему золотом в грязном сосуде¹⁵. Вот почему Даниил обращается к своему князю с мольбой избавить его от нищеты, как серну от тенетов, как птенца из ловушки, как утку из когтей поймавшего её ястреба, как овцу из пасти льва¹⁶.

С большой силой феодальные распри и жадность феодалов осуждаются в величайшем произведении Руси домонгольского времени — в «Слове о полку Игореве». Говоря о тяжелых временах, певец восклицает: «Борьба князей против поганых прекратилась, потому что сказал брат брату: «это мое и то мое же». И стали князья про малое говорить: «это великое», и сами на себя крамолу ковать».

От этих распрей «тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная пошла посреди земли Русской». Это прямое следствие междоусобной борьбы, «в княжеских крамолах века людям сократились»¹⁷.

¹² «Друзи же мои и ближнии мои и тии отвергошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашен. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нозии мои; очима бо плачются со мною, а сердцем смеют ми ся. Тем же не ими другу веры, ни надейся на брата» («Слово Даниила Заточника», стр. 9).

¹³ «Богат муж везде знаем есть и на чужей стране друзи держить; а убог во свои ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий возглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы светлы, тех реч честна» (там же, стр. 11).

¹⁴ «Аще ли буду богат — гордость восприиму, аще ли буду убог — помышляю на татбу и на разбой» (там же, стр. 10).

¹⁵ «Нищ бо мудр, аки злато в кални судии» (там же, стр. 21).

¹⁶ Там же, стр. 12.

¹⁷ А. С. Орлов. «Слово», стр. 81.

«Слово о полку Игореве» — единственный пока письменный памятник XI—XIII вв., в котором четко выражена мысль о том, что бедствия для Руси проистекают от захватов чужого достояния («это мое и то мое же»); этот памятник свидетельствует также о том, что певец «Слова» был близок к народным воззрениям. Широкие народные круги резко и отрицательно относились к феодальному гнету. Это, как далее будет видно, нашло отражение в былинах, песнях и пословицах, сохранивших память не только о борьбе Руси с внешними врагами, но и о народных восстаниях XI—XIII вв.

Глава VI

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XI В. И СУЗДАЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1024 Г.

Первым известным нам крестьянским восстанием на Руси было восстание смердов в Суздальской земле в 1024 г. Но возникает вопрос: можно ли думать, что это первое известное нам крестьянское движение не имело своих предшественников? Ведь первое восстание смердов, отмеченное летописью, произошло в таком отдалённом уголке Руси, каким была Суздальская земля начала XI в. Между тем общественные отношения в самой Киевской земле к этому времени продвинулись значительно дальше, чем на русском северо-востоке.

Ценное наблюдение по этому поводу сделал Б. Д. Греков. Он справедливо связывает суздальское восстание с мирным соглашением Ярослава Мудрого и Мстислава Черниговского в 1026 г. «И уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли», — заканчивает свой рассказ летописец. Б. Д. Греков предполагает, что «под словом «мятежь» понимается народное движение, направленное против власти и господствующих классов»¹. Обострению классовых противоречий на Руси способствовала длительная война, «усобица» между соперничавшими князьями. «Этот тяжелый для Руси период тянулся десять лет и закончился именно в 1026 г.»². Таким образом, Б. Д. Греков рассматривает суздальское восстание не как изолированное явление, а как одно из звеньев в серии народных движений, вспыхивавших в различных концах Руси.

Это наблюдение можно расширить, распространить на значительную территорию и связать с известиями о крупнейшем антифеодальном движении, развертывавшемся за пределами Руси, в соседней Польше. Впрочем, оговоримся заранее, что наш рассказ о крестьянских и городских движениях на Руси нача-

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 263.

² Там же, стр. 263.

ла XI в. вовсе не ставит своей задачей доказать, что мы имеем дело с единым крестьянским движением, охватившим территорию Руси и Польши, таким движением, которое по своим задачам и размаху напоминало бы восстания Болотникова или Разина. К народным движениям на Руси с полным основанием могут быть применены слова Ф. Энгельса о крестьянских восстаниях, предшествовавших крестьянской войне в Германии XVI в. «В средние века, встречаясь с большим количеством местных восстаний крестьян, мы — по крайней мере в Германии — до Крестьянской войны не обнаруживаем ни одного общенационального крестьянского восстания»³.

Такой именно разрозненностью и разобщенностью отличаются и народные движения на Руси начала XI в., само существование которых восстанавливается с большим трудом и только при внимательном изучении источников, относящихся к знаменитой расправе Святополка Окаянного с Ярославом Мудрым.

Эта расправа изображается в церковных и летописных сказаниях с определенной тенденцией. С одной стороны, — Святополк, убийца трех братьев; с другой — Ярослав, защитник русских интересов. Противоположение злости и добродетели подчеркивается даже прозвищами обоих князей: Святополк — Окаянный, Ярослав — Мудрый. Нет никакого основания заниматься реабилитацией Святополка, добивавшегося киевского стола какими угодно средствами — при поддержке то поляков, то печенегов, но не следует чрезмерно возвеличивать и деятельность Ярослава, также опиравшегося на иноземную помощь варягов, также расправившегося со своим братом Судиславом, обреченным на пожизненное заключение в темнице. Оба князя одинаково жестоко готовы были расправиться со своими соперниками. Для нас интересна не характеристика личностей Ярослава и Святополка, а те условия, при которых развертывалась княжеская уособица начала XI в.

Несомненным указанием на то, что княжеские распри затронули широкие круги населения как в Киеве, так и в Новгороде, являются летописные известия о действиях Святополка и Ярослава. Святополк, утвердившись на княжении в Киеве, «созвал людей, начал давать кому верхнюю одежду, кому деньги, и роздал множество»⁴.

³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 357.

⁴ «Созвав люди, нача даяти онем корзна, а другим кунами, и раздая множество» («Повесть временных лет», ч. 1, стр. 95). Корзно — «теплый широкий плащ с застежками, накидывавшийся поверх одежды» («Повесть временных лет», ч. 2, стр. 360). По сообщению Титмара Мерзебургского, киевские жители позже обороняли свой город от Болеслава и Святополка («защищаясь своими жителями, будучи оставлен своим князем Ярославом»). П. Голубовский. Хроника Титмара как источник для русской истории. — «Университетские известия». Киев, 1878 № 9. Прибавления, стр. 34.

В данном случае речь идет не о боярах, а о «людях», как обычно назывались горожане и вообще простолюдины. Святополк старался задобрить киевских горожан, готовясь к решительной схватке с Ярославом. Летописец по этому поводу разражается множеством цитат из церковных книг, обрушиваясь на нечестивого князя, опиравшегося на «младых советников»: согрешили все от главы до ног, «от цесаря и до простых людей». «Младые советники» и «юноша» князь — это не возрастные, а социальные категории, так как тридцатипятилетнего Святополка никак нельзя было назвать юношей. Молодость здесь понимается в смысле невысокого общественного положения, в противовес «старым и мудрым» — верхушке феодального общества.

Горожане проявляют большую активность и в Новгороде. Насилия варяжских дружинников Ярослава вызвали восстание новгородцев, перебивших варягов на «Поромоне дворе». Слова «вставше новгородци», т. е. «восстали новгородцы», прямо указывают, что в Новгороде произошло именно восстание. Ярослав заманивает к себе «нарочитых» новгородцев и устраивает в своей загородной резиденции настоящую бойню. Ночью он получает сообщение о смерти отца и утверждении Святополка в Киеве. Потрясенный этими известиями, потеряв опору в варяжской дружине, Ярослав обращается к новгородцам «на вечи» с просьбой поддержать его в борьбе с братом⁵.

По Новгородской летописи, несомненно более осведомленной об этих событиях, чем летописи южнорусские, Ярослав разгневался «на гражаны», собрал «воинов славны тысящу» и уничтожил их в своей загородной резиденции. Вече, постановившее оказать помощь Ярославу, собралось «на поле»⁶.

Как видим, действия Святополка и Ярослава почти однородны. И тот и другой вынуждены искать помощи у горожан. «Люди» в Киеве — те же «гражаны» в Новгороде. Это одни и те же общественные группы, в основном городское население. Разбитый на реке Буге войсками Святополка, Ярослав убежал в Новгород только с четырьмя дружинниками и собирался бежать за море. Но этому воспротивился посадник Константин с новгородцами, собравшими деньги для найма варягов. После победы на реке Альте Ярослав утвердился на киевском княжении.

Непосредственным результатом соглашения новгородцев с князем явилась та часть краткой редакции «Русской Правды», которую теперь принято называть Древнейшей Правдой, может быть только первые ее статьи⁷. Наиболее характерной особен-

⁵ «Повесть временных лет», ч. 1, стр. 95—96.

⁶ «Новгородская Первая летопись...», стр. 174.

⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 48—61. В своем исследовании я считал, что Древнейшая Правда возникла в Новгороде.

ностью этих статей является отсутствие в них указаний на княжескую юрисдикцию. Здесь нет еще продажи в пользу князя, а только платежи «за обиду», которые идут в пользу потерпевшего. Руси, гридин, купчина, ябедник, мечник, изгой, словенин приравнены друг к другу, тогда как Пространная Правда устанавливает уже различие между княжескими людьми и остальными потерпевшими. В Древнейшей Правде мы имеем жалованную грамоту, освобождающую новгородцев от княжеского суда и проторей в пользу князя. Поэтому нет оснований отрицать показание летописи о том, что Ярослав дал новгородцам «правду и устав списав» тотчас же после победы над Святополком.

По точному смыслу летописи «Правда» и письменный устав были даны в Киеве. На это, может быть, указывает и то обстоятельство, что «русин» (киевлянин) и «словенин» (новгородец) одинаково упомянуты в первой же статье «Правды». Можно предполагать, что подобное же пожалование было дано киевским горожанам и Святополком, но только не дошло до нашего времени.

Длительная борьба за киевское княжение коснулась не только горожан, но и смердов. По Новгородской летописи, войско Ярослава, собранное в Новгороде, состояло из 1 тыс. варягов и 3 тыс. новгородцев⁸. В составе этого войска находим смердов и новгородцев, иными словами,— горожан и крестьян.

Различие между ними подчеркивается размером награды, которая дана была им Ярославом после победы. Новгородцы получили по 10 гривен, старосты также по 10 гривен, а смерды по гривне. Упоминание старост и смердов определенно указывает на то, что в войске Ярослава принимали участие крестьяне-общинники, выступившие в поход под предводительством своих старост. Старосты в этом случае приравнены к остальным новгородцам, тогда как, по другому известию, простые новгородцы («мужи») оказываются маломощными по сравнению со старостами⁹.

В непосредственной связи с новгородскими событиями 1015—1019 гг. стоит известие Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописей о гневе Ярослава на посадника Константина, который ранее вместе с новгородцами удержал Ярослава от бегства за море. Сообщение об этом помещено в летописи тотчас после известия о награждении новгородцев Ярославом. Константин был заточен в Ростов и на третье лето убит в Муроме по приказанию Ярослава¹⁰. Значит, смерть Константина произошла примерно в 1022 г. Неясность рассказа о гневе Яро-

⁸ «Новгородская Первая летопись...», стр. 175.

⁹ Собирали деньги «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен» («Повесть временных лет», ч. 1, стр. 97).

¹⁰ ПСРЛ, т. V, стр. 134.

слава не мешает нам говорить о каком-то крупном конфликте между новгородцами и Ярославом.

Как мы видим, в событиях 1015—1019 гг. принимали участие горожане и смерды Новгородской земли. В еще большей степени эти события должны были затронуть сельское и городское население южной Руси. Правда, летопись говорит о княжении Святополка в Киеве кратко и неясно, но иноземные источники (Титмар Мерзебургский и др.) прямо указывают на тяжелое в то время положение Киева и прилегавших к нему областей. Ведь временная победа Святополка над Ярославом была достигнута при помощи польского князя Болеслава, который нисколько не церемонился со своим союзником и расставил по русским городам свои дружины, по выражению летописи, «на покорм».

Русские источники совершенно обходят вопрос о характере этого «покорма», но у нас имеются и другие, польские источники. Особенно интересно изложение событий у Длугоша, соединившего в одном повествовании и русские и польские источники. По его словам, Болеслав, разгневанный тайным избиением польских воинов по городам, отдал Киев своим воинам в добычу. О том же пишет и Мартин Галл в своей хронике, восхваляя Болеслава и приписывая ему «богатырские подвиги»¹¹.

Длугош и русская летопись приписывают инициативу борьбы против польских захватчиков самому Святополку, заявившему: сколько ляхов по городам, избивайте их».

Достоверность этого летописного известия была подвергнута сомнению Карловичем и позже А. А. Шахматовым¹², по мнению которых летописный рассказ 1018 г. был дополнен на основании такого же рассказа об интервенции польских феодалов в 1069 г.

Однако названные авторы не обратили внимания на то, что в рассказе о киевских событиях 1069 г. имеется сходство и с другим текстом, заимствованным из более ранних летописных известий. Святослав в битве при Снове обращается к воинам со словами другого Святослава — прославленного воителя X в.: «Потягнем, уже нам не лзе камо ся дети»¹³. Следовательно, рассказ о киевских событиях 1068—1069 гг. написан человеком, который был знаком с более ранними летописями. События

¹¹ Длугош с восторгом пишет, что Болеслав взял все русские города и местечки без какого-либо сопротивления (*К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 88, приложение*); см. также *А. Врублевский. Сведения о Руси, встречающиеся в хронике польского летописца Мартина Галла. — «Университетские известия». Киев, 1878, № 9. Прибавления, стр. 41—58.*

¹² *А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 440—441.*

¹³ «Повесть временных лет», ч. 1, стр. 115.

1069 г. напомнили ему о польском вмешательстве 1015—1018 гг., а сражение Святослава Ярославича с половцами — о победе, одержанной в X столетии Святославом Игоревичем над превосходящими силами неприятелей.

Для выступлений против наглых захватчиков не требовалось особых сигналов, так как средневековые военные постои, как правило, сопровождались грабежами и насилиями. «И избиша ляхы», — говорит летописец, сообщая о бегстве Болеслава из Киева.

Кто же избивал вооруженных ляхов по городам? В данном случае речь должна идти о широком народном восстании, направленном против иноземных захватчиков. Это восстание охватило русские города, должно было найти поддержку в деревне и приняло антифеодальное направление.

Подтверждение этому предположению мы найдем в так называемом «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба». Рассказывая о смерти Святополка на чужбине, «Чтение» объясняет причины его изгнания в следующих выражениях: «Была крамола от людей и был он изгнан не только из города, но из всей страны»¹⁴. Город — в данном случае Киев, жители которого, «люди», изгоняют Святополка вследствие крамолы — заговора или восстания.

Обстановка, сложившаяся на юге Руси в 1015—1026 гг., была чрезвычайно сложной, так как окончательная победа Ярослава над Святополком отнюдь не была концом княжеских усобиц. Полоцкий князь Брячислав в 1021 г. захватил и ограбил Новгород. Поход Брячислава характеризует тревожную обстановку, сложившуюся на севере Руси. Княжение Ярослава в Киеве также продолжалось недолго. В 1024 г. у него появился опасный соперник. Его брат князь Мстислав пришел из Тмутаракани и пытался занять Киев, но потерпел неудачу — киевляне его не приняли¹⁵. В том же году произошла битва при Листвене, закончившаяся победой Мстислава и бегством Ярослава в Новгород. После этого Ярослав не смел идти в Киев, хотя там сидели его ставленники. Княжеская распря завершилась разделом Русской земли по линии Днепра. В Киеве сел княжить Ярослав, в Чернигове — Мстислав. Тогда-то «и уста усобица и мятеж, и бысть тишина велика в земли».

Итак, летописец имел право говорить о «мятеже» в Русской земле, понимая под ним народные восстания. Волнения охватили обширные области тогдашней Руси, начиная с Новгорода на севере и кончая Киевом на юге. В свете этих событий, на наш взгляд, и следует рассматривать суздальское восстание 1024 г., которое, следовательно, никак не может быть названо

¹⁴ Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, стр. 14.

¹⁵ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 143—144.

первым в XI в. антифеодальным движением на Руси. Восстание 1024 г. становится понятным только в связи с событиями в Киевской и Новгородской землях начала XI в.

Известие о суздальском восстании помещено в «Повести временных лет», с небольшими различиями в ее Лаврентьевском и Ипатьевском списках. Оно вставлено в летопись посредине рассказа о приходе Мстислава в Чернигов и сборах Ярослава к походу на Мстислава. В Лаврентьевской летописи читаем следующее:

«В это лето восстали волхвы в Суздали, убивали «старую чадь» по дьявольскому наущению и беснованию, говоря, что те держат урожай. Был мятеж великий и голод по всей той стране; шли по Волге все люди в болгары и привезли, и так ожили. Услышав о волхвах, Ярослав пришел в Суздаль, захватил волхвов, заточил их, а других показнил, говоря так: «бог наводит за грехи на какую-либо землю голод, мор, засуху, иные бедствия, а человек не знает ничего»»¹⁶.

Следует отметить, что текст Ипатьевской летописи несколько разнится от Лаврентьевской. Вместо слов «в Суздали» в ней находим «в Суждалцих», вместо «привезоша» читаем «привезоша жито»¹⁷. Эти две поправки имеют важное значение для правильного понимания летописи. Дополнение «жито» вполне уместно к глаголу «привезоша». Без него оставалось бы совершенно неясным, что привезли из Болгарской земли ездившие туда во время голода люди.

В летописном рассказе о событиях в Суздальской земле бросается в глаза то обстоятельство, что во главе восстания стояли волхвы. Отсутствие упоминаний о том, что восставшие суздальцы были из числа мери или какого-либо другого народа, говорит в пользу того, что во главе восставших стояли славянские языческие волхвы. Движение было направлено против «старой чади», которая обвинялась в том, что она скрывала «гобино».

Рассказ о суздальском восстании в более расширенном виде помещен в Новгородской Четвертой летописи, где имеются к нему некоторые дополнения. Так, оказывается, что избивали «старую чадь бабы», которые «держат гобино и жито и голод пушают». Голод был настолько велик, «яко мужю своя жена даяти, да ю кормять себе, челядином», т. е. мужья отдавали своих

¹⁶ «В се же лето вѣсташа вѣлсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держат гобино. Бе мятеже велик и голод по всей той стране; идоша по Волге вси людье в болгары, и привезоша жито, и тако ожиша, Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю; изымавъ волхвы, расточи, а другыя показни, рек сице: «бог наводит по грехом на куюждо землю гладом, или мором, ли ведромъ, ли иною казнью, а человек не вестъ ничтоже» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 99—100).

¹⁷ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 103.

жен в кабалу. От камских болгар привезли «пшеницу и жито, и тако от того ожища». Ярослав приехал к Суздалью, «схватив перебил и заточил тех, кто убивал баб, и дома их разграбил, а других показнил»¹⁸.

В. В. Мавродин, впервые указавший на особенности рассказа о суздальском восстании в Новгородской Четвертой летописи, с большим основанием сомневается в его первоначальности, в частности слово «бабы», отсутствующее в ранних летописных сводах, он считает позднейшим дополнением, введенным в Новгородскую летопись по аналогии с последующими восстаниями волхвов¹⁹. «Старая чадь бабы» в глазах волхвов выступают как волшебницы, напускающие голод. В Тверской летописи рассказ о восстании еще более расцвечен различными дополнениями. Волхвы названы лживыми убийцами, избившими баб и разграбившими их дома. Сделавшееся непонятым слово «гобино» превращается в губину²⁰.

По-видимому, первоначальный и малопонятный текст о суздальском восстании был исправлен и дополнен на основании рассказа о восстании волхвов в той же Суздальской земле, но только в 1071 г. Тогда волхвы убивали «лучшие жены», что перенесено в 1024 г. К слову «старая чадь» добавлено «бабы». Сделано было и пояснение, что голод достиг таких размеров, «яко мужю своя жена даяти, да ю кормят себе, челядином».

Как видим, в рассказе Новгородской Четвертой и Тверской летописей все дело сводится к голоду, во время которого мужья вынуждены были отдавать в кабалу своих жен. Этим воспользовались лживые волхвы, пустившие слухи о волшебстве старых баб, дома которых были разграблены, а сами они убиты. Эти дополнения к тексту старых летописей, таким образом, не дают нам новых подробностей о суздальских событиях 1024 г., являясь лишь распространением и своеобразным осмыслением того, что было известно о них по «Повести временных лет». Следовательно, в анализе событий 1024 г. придется в основном исходить из текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописей.

Прежде всего нам придется заняться выяснением того, что обозначается в летописи терминами «гобино» и «старая чадь». Сделаем для этого несколько справок.

Слово «гобино» обозначало изобилие или урожай. Известны были в том же значении слова «гобь», «гобьзина» — изобилие, урожай²¹. В ранних русских памятниках слово «гобино» связывалось обычно с урожаем хлеба, овощей или пло-

¹⁸ «Изймав убица ты, и расточи, иже бяху бабы избии, и дома их разграби, а други показни» (ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, стр. 115).

¹⁹ В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 148—149, примечание.

²⁰ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стр. 144 [фототипическое переиздание. М., 1965].

²¹ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 529.

дов²². Это позволяет сделать вывод, что и летописное «гобино» 1024 г. — по преимуществу хлебный урожай. Поэтому слово «жито» является нужным дополнением к слову «привезоша» (привезли).

Перед нами земледельческая среда, которая живет в зависимости от хлебных урожаев, погибает от голода, когда бывает плохой урожай — «гобино», оживает, когда привозят «жито», хлеб, из другой страны. Такое представление о Суздальской земле начала XI в., как об области земледельческой, находит подтверждение в археологических данных, показывающих, что земледелие здесь рано стало основным занятием населения. Следовательно, мы вправе говорить о том, что движение 1024 г. охватило широкие круги земледельческого населения — крестьян, смердов, как назывались крестьяне в Киевской Руси.

Что же это за «старая чадь», против которой поднялось восстание? Словом «чадь» обозначались вообще люди, иногда — народ, дружина. В старых памятниках, кроме того, встречается термин «простая чадь» для обозначения простонародья. В церковном уставе Ярослава Мудрого «простая чадь» противопоставляется боярам. В Новгородской летописи «простой чадью» называется общая масса новгородцев и пр. Но «гобино» держала не простая, а «старая чадь». Слово же «старый» обозначало не только старого, но и старшего. Так употребляет это слово «Русская Правда», в которой читаем: «а конюх у стада старый». Отсюда обычное в древних русских источниках слово «старый» в значении старшего, первенствующего. Следовательно, мы имеем право сказать, что в летописном рассказе о суздальском восстании 1024 г. речь идет о «старой чади», противопоставляемой простому народу или «простой чади», т. е. о нарождавшейся землевладельческой группе «старой чади», которая держит в своих руках лучшие земли, урожай — «гобино».

Летописное известие о восстании 1024 г. вскрывает перед нами интересную особенность общественно-политической жизни в Суздальской земле начала XI в. — ожесточенное сопротивление христианизации, иногда насильственно проводимой князьями. Эта особенность была характерна и для других частей Руси.

Распространение христианства на Руси вовсе не было триумфальным шествием, как его часто изображали церковные писатели. По крайней мере до нас дошли предания о сопротивлении христианству в ряде городов, где «неверные люди» долго не принимали новой веры. По одному известию, христианство установилось в Смоленске только в 1013 г.²³ В Муроме оно

²² «Гобино же плодове земельных», «в селех тех бысть гобино» (И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 529).

²³ И. П. Виноградов. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. М., 1890, стр. 6, примечание 4.

утверждается еще позже²⁴. Ростовское предание говорит нам о борьбе язычников с христианами в Ростове еще в XI в. Житие Авраамия Ростовского рассказывает, что языческий идол стоял в Чудском конце в Ростове.

Утверждение христианства на Руси было тесно связано с упрочением и расширением феодального землевладения. Насильственная христианизация служила одним из средств, облегчающих захват общинных земель и обращение ранее свободных общинников в зависимых смердов. Вслед за крещением всюду устанавливались особые поборы в пользу церкви, известные под названием десятины. Все это в достаточной мере объясняет нам то обстоятельство, что во главе восстания смердов в Суздальской земле стояли языческие волхвы как представители религии отживающих первобытно-общинных отношений. Восстание в Суздальской земле было явлением значительным по своему размаху и охваченной им территории. Это был «мятежь велик», для усмирения которого приехал Ярослав. Он жестоко расправился с восставшими. Часть их была заточена, часть казнена. Княжеская власть стала на защиту «старой чади», поддерживая общественное неравенство, все усиливавшееся по мере феодализации Руси.

Датой суздальского восстания в «Повести временных лет» указан 1024 г. Конечно, хронология русских летописей XI в. далека от совершенства. Однако летописец все-таки руководствовался некоторыми хронологическими вехами. Поэтому если нельзя настаивать на точности летописной даты, указывающей на 1024 г. как на время восстания в Суздальской земле, то все же можно считать, что это восстание произошло до примирения Ярослава и Мстислава, случившегося в 1026 г. Само примирение враждующих братьев в летописи остается несколько немотивированным, как и раздел русских земель по линии Днепра. Но оно получит свое объяснение в свете некоторых событий, происходивших в это время за русским рубежом.

Летопись, обычно скупая на сообщения о внутренних событиях в чужих странах, вдруг помещает на своих страницах краткое, но знаменательное известие о большом восстании в Польше: «В это же время умер Болеслав Великий в Ляхах, и был мятеж в земле Польской, люди, восстав, перебили епископов и попов и бояр своих, и был у них мятеж»²⁵. Известие о «мятеже» в Польше помещено в летописи под 1030 г., но связывается со смертью Болеслава, умершего в 1025 г. Эту связь находим и в «Печерском патерике», где читаем: «в единую

²⁴ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития.— ЧОИДР, 1915, кн. 3, приложение VIII, стр. 100—103.

²⁵ «В се же время умре Болеслав Великий в Лясах, и бысть мятежь в земли Лядске: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь» («Повесть временных лет», ч. 1, стр. 101).

ночь Болеслав внезапно умер, и был мятеж велик во всей Польской земле начался после смерти Болеслава, а это случилось

Итак, по смыслу летописи и «Патерика», мятеж в Польской земле начался после смерти Болеслава, а это случилось в 1025 г., т. е. почти одновременно с восстанием в Суздале, до примирения князей в 1026 г.

Восстание в Польше, по данным польских источников, относится к 1037—1038 гг. Сведения о нем записаны в «Хронике» Галла в таком виде: «Рабы восстали против господ, вольноотпущенники — против знатных, самовольно захватывая власть. Одних из знатных убив, других обратив в слуг, восставшие бесстыдным образом овладели их женами и предательски захватили должности. Более того, оставляя католическую веру, о чем мы не можем говорить без плача и стона, подняли они бунт против епископов и жрецов бога, часть которых, признавая достойными лучшей смерти, казнили мечом, других, якобы достойных смерти позорной, побили камнями»²⁷.

Выясняя историческую достоверность сообщения русской летописи о восстании в Польше, В. Д. Королюк, к сожалению, почти оставил в стороне вопрос о характере и ходе самих событий в Польше. Он правильно считает известия нашей летописи «важнейшим источником для изучения бурных событий 30-х годов XI в. в Польше»²⁸. Но этот важный и ценный вывод тотчас же снижается признанием того, что «в русских памятниках произошло смешение двух Болеславов», а это указывает на слабую достоверность летописи, признанную только что самим же В. Д. Королюком «важнейшим источником».

К тому же и время появления русской записи о восстании в Польше, по В. Д. Королюку, относится только ко второй половине XI в., причем нисколько не помогает ссылка на польское происхождение русской записи, которая, таким образом, оказывается возникшей по крайней мере на 20 лет позже описываемых в ней событий.

Нам кажется, что основная ошибка В. Д. Королюка заключается в произвольности его построений о летописном тексте. В самом деле, разве можно считать серьезным доводом, что «при жизни Ярослава, в своё время сильно потерпевшего от

²⁶ «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 105.

²⁷ В. Д. Королюк. Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 69. Даем перевод В. Д. Королюка. К сожалению, автор не подвергает анализу латинские термины Галла, а некоторые из них переводит чересчур упрощенно. Так, *sacerdotes Dei* переведено как «жрецы бога», тогда как надо — «служители бога» (священники); слова «бесстыдным образом» переводят слово *incestuoso* — прелюбодейски и пр. Особенно жаль, что отсутствует анализ таких важных терминов, характеризующих восставших, как *servi*, *liberati*.

²⁸ Там же, стр. 70.

столкновения с польским князем», русская летопись не могла назвать Болеслава «великим».

В действительности хронология русской летописи при всех ее недостатках, как правило, отличается относительно большой точностью. В данном случае известия русской летописи и Патерика целиком совпадают с польскими источниками. Так, Длугош говорит о походе русских князей Ярослава и Мстислава на Польшу в 1026 г., после смерти Болеслава. «Ярослав же и Мстислав, русские князья, услышав о смерти Болеслава, польского короля, вторглись в пределы Польши и заняли город Червень и другие города»²⁹.

Известие Длугоша целиком согласуется с данными русской летописи, по которым примирение Ярослава и Мстислава произошло именно в 1026 г. Оно не противоречит помещенному ниже в летописи под 1031 г. сообщению о походе Ярослава и Мстислава в Польшу, так как это был вторичный («опять») поход на Червенские города: «и заяста грады Червеньскыи опять». Таким образом, нет основания сообщению русской летописи о восстании в Польше после смерти Болеслава относить к событиям 1037—1038 гг., как это делает В. Д. Корольюк.

Народное движение в Польше могло начаться значительно раньше указанных лет. «Печерский патерик» связывает с восстанием в Польше убийство польской госпожи Моисея Угрина («тогда и сию жену убиша») и его освобождение из плена. При этом в Патерике дается расчет лет описываемых событий. Моисей пробыл в плену пять лет, а шестой год подвергался мучениям за отказ исполнить желания своей госпожи³⁰. Если временем плена Моисея считать 1018 г., когда, по летописи, Болеслав покинул Русь, то возвращение Моисея на родину совпадает примерно со смертью Болеслава и началом восстания в Польше. Поэтому напрасно искать польское происхождение известия летописи о восстании в Польше. Оно могло возникнуть и на русской почве.

События в Польше, где были перебиты «епископы и попы и бояры», находят прямую аналогию в русской действительности начала XI в. Движение против «старой чади» в Суздальской земле возглавлялось «волхвами» и носило противохристианскую окраску, как и восстание в Польше. Эта особенность польского восстания хорошо запомнилась на Руси. «Некиа ради вины изгнани быша черноризци от предел земля нашиа, и велико зло содеася в Лясах», — в таких будто бы словах впоследствии вспоминали о восстании в Польше³¹. Ярослав жестоко расправился с волхвами и оказал помощь польским феодалам, «по-

²⁹ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века, стр. 107—108, приложение.

³⁰ «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 105—106.

³¹ Там же, стр. 106.

воевав» Польскую землю и выведя оттуда множество пленников. Страдающим элементом в этом случае были в основном крестьяне.

В. Д. Королюк не обратил внимания на то, что, по русскому известию, в Польше восстали «люди» («вставше людье»), а этим термином, как раньше уже говорилось, на Руси обозначался простой народ в его совокупности, обычно крестьяне и горожане. Только с конца XIV в. «людьми» начинают называться холопы, да и то обычно с прибавкой: купленные, пошлые, приданные и т. д.³² Это может служить указанием на то, кто именно восстал в Польше.

Сейчас еще трудно говорить о том, какая связь была между народными движениями на Руси и народным восстанием в Польше. Но есть полное основание предполагать, что такая связь существовала, по крайней мере в районе Червенских городов, на Волыни, может быть, в Киевской земле.

Таким образом, суздальское восстание 1024 г. не должно представляться единственным крестьянским движением XI в. Оно связывается с народными выступлениями, охватившими обширные территории на Руси и в Польше и носившими антифеодальный и антихристианский характер. Эти движения знаменовали собой важный исторический этап: окончательное утверждение феодальных порядков и христианства на Руси и в соседних славянских странах.

Суздальские события 1024 г. позволяют проследить и характер этих народных восстаний, в которых основной движущей силой были крестьяне-общинники, боровшиеся против «старой чади» — верхушки феодализирующегося общества. Классовая борьба приняла религиозные формы борьбы язычества во главе с волхвами против христианства и воинствующих церковников. При изучении этих событий необходимо учитывать, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития, а не одной России»³³.

Основной движущей силой восстаний на Руси в первой половине XI в. были закрепощаемые смерды и масса горожан. Крестьянские движения, естественно, были разрозненными и стихийными, но охватывали громадные пространства Русской земли. Новой силой явились города, выросшие за счет притока беглых крестьян и холопов. Само бегство крестьян в города ярко рисует перед нами утверждение феодального строя на Руси, развитие которого началось, конечно, задолго до XI в. Важным и новым явлением было укрепление городов, вступивших в борьбу с княжеской властью за утверждение своих вольностей и привилегий.

³² И. И. Срезневский. Материалы, т. II. СПб., 1895, стр. 93.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

То, что происходило на Руси и в соседней с ней Польше, не было явлением, характерным только для этих стран. Такие же крестьянские движения разворачиваются во Франции в X и XI вв. Крестьяне собираются группами в 30—40 человек и нападают на феодалов. В 1034 г. большое крестьянское восстание вспыхивает в Бретани и подавляется феодалами с крайней жестокостью.

Одновременность развития крестьянских и городских восстаний на Руси и во Франции является ценным показателем того, что обе страны в XI в. стояли на одной и той же ступени общественного развития.

Глава VII

КИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1068 Г.

Волнения крестьян и горожан, направленные против феодальной эксплуатации, с новой силой развернулись во второй половине XI в. и привели к мощным восстаниям 1068—1071 гг. История этих восстаний мало разработана в исторических трудах и фактически сведена лишь к истории восстаний в Киеве и Суздальской земле. Между тем перед нами гораздо более крупное явление — большие народные движения, распространившиеся на значительной территории.

Центром восстания 1068 г. был Киев, который в это время представлял собой большой городской центр. «Матерь русских городов» — Киев был одновременно и одним из крупнейших европейских городов средневековья, «соперником» Константинополя.

Территория, занятая Киевом, давно уже вышла за пределы первоначального городка, расположенного на Киевских «горах», распространившись на «Подол», т. е. на подножие киевских холмов. Тут образовался особый городской квартал, населенный ремесленниками, торговцами и поденщиками. Слабо защищенный от нападения (даже в XII в. он был окружен только деревянными надолбами), Подол подвергался постоянной угрозе разорения со стороны кочевников или враждующих князей. Здесь находилась городская пристань, рыночная площадь, или «торг», здесь же помещались различные ремесленные мастерские и торговые дворы.

Крупное международное значение Киева как торгового центра подчеркивается тем, что в нем проживало значительное количество иноземных купцов и ремесленников — армяне, греки, сирийцы, евреи, чехи, поляки, немцы, половцы упоминаются Печерским Патериком в числе киевских жителей. Городское ремесло получило в Киеве громадное развитие¹. На это указыва-

¹ Подробнее см.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 218, 243, 244, 274—277, 367—370, 378—380, 390, 397, 428, 432.

ют многочисленные клады, найденные на его территории. Кроме свободных ремесленников следует предполагать и наличие зависимых ремесленников, работавших на князей, бояр, на монастыри и церкви. По-видимому, таким зависимым ремесленникам и принадлежали те землянки на территории б. Михайловского Златоверхого монастыря, о которых так интересно рассказывает М. К. Каргер в своей книге о древнем Киеве². Ремесленники жили здесь в глинобитных постройках, которые казались незначительными и бедными по сравнению с богатыми дворами князей и бояр с их обширными сенями, лестницами и переходами.

Главным средоточием киевских феодалов была нагорная часть Киева, которую называли «Горой», в отличие от низменной части города — «Подола». Гора была как бы антиподом Подола: в нагорной части Киева сосредоточивались дворы феодалов, на низменности, у Днепра, бился жизненный пульс Киева, развивались его ремесло и торговля. Конечно, и Гора и Подол не были совершенно однородны по своему социальному составу, но противоположение «демократического» Подола «аристократической» Горе все-таки имеет основание. Без этого противоположения останутся неясными и некоторые характерные черты киевского восстания 1068 г.

Непосредственным поводом к восстанию было поражение трех князей — Изяслава, Святослава и Всеволода — на реке Альте, нанесенное им половцами. Это и дало возможность летописцу представить восстание 1068 г. внезапной вспышкой народного возмущения, вызванного военным поражением и недовольством воеводой Коснячко. В действительности волнения в Киеве начались задолго до открытого восстания. По летописи, составшие «люди» освободили своих товарищей из тюрьмы («дружину свою из погреба»). Таким образом, оказывается, что в момент восстания в темнице сидели какие-то киевляне. В данном случае летописный термин «дружина» обозначает товарищей, единомышленников, так как в переводных русских произведениях это слово обычно соответствовало латинским «соучастник», «союзник», «товарищ» («socius»).

О том, что волнения среди киевлян начались еще до восстания, свидетельствует отказ киевского князя Изяслава выдать им коней и оружие для борьбы с половцами. Видимо, князь уже опасался возможного восстания киевлян.

Таким образом, становится ясным, что поражение на реке Альте только ускорило события, назревавшие задолго до него.

Перейдем теперь непосредственно к рассказу о событиях 1068—1069 гг., помещенному в «Повести временных лет», который даем полностью в переводе на современный русский язык.

«В лето 6576. Пришли иноплеменики на Русскую землю,

² М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, 1950, стр. 8—44.

многие половцы. Изяслав же и Святослав и Всеволод вышли против них на Альту, и когда была ночь, пошли друг против друга. Грех же ради наших напустил бог на нас поганых, и побежали русские князья, и победили половцы...³ В то время как Изяслав со Всеволодом побежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, люди киевские прибежали в Киев и устроили вече на торговище и сказали, послав ко князю: «вот половцы разбрелись по земле, дай, князь, оружие и коней, и еще сразимся с ними». Изяслав же этого не послушался. И начали люди говорить на воеводу Коснячка, пошли на гору, с веча, и пришли на двор Коснячков, и не найдя его, стали у двора Брячислава и сказали: «пойдем, освободим товарищей своих из погреба». И разделились надвое: половина их пошла к погребу, а половина их пошла по мосту. Эти пришли на княжеский двор. В то время как Изяслав сидел на сених со своею дружиною, начали препираться с князем, стоя внизу, а князь смотрел из оконца, и дружина стояла у князя. Сказал Туки, брат Чюдин, Изяславу: «видишь, князь, люди завопили; пошли, пусть берегут Всеслава». И пока он говорил это, пришла другая половина людей от погреба, отворив погреб. И сказала дружина князю: «это зло, пошли ко Всеславу, пусть призвав его обманом к оконцу, пронзят его мечом». И не послушался этого князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же со Всеволодом, видя это, побежали со двора, люди же освободили Всеслава из темницы, в 15 день сентября, и прославили его средь двора княжеского. Двор же княжеский разграбили, бесчисленное множество золота и серебра, кунами и белью. Изяслав же бежал к полякам»⁴.

³ Здесь в текст вставлено «Слово о казнях божьих». Вставка выделена А. А. Шахматовым как особое произведение о казнях божьих (А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. 212—216).

⁴ «В лето 6576. Придоша иноплемьеници на Русьску землю, половцы мнози. Изяслав же, и Святослав и Всеволод изидоша противу имь на Лъто; и бывши нощи, подъидоша противу собе, грех же ради наших пусти бог на ны поганяя, и побегоша Русьскыи князи и победиша половцы... Изяславу же со Всеволодом Киеву побегшу, а Святославу Чернигову, и людье киевстии прибегоша Киеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшеся ко князю: «Се половцы росудися по земли, дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, с веча, и придоша на двор Коснячков и не обретше его, стаха у двора Брячислава и реша: «Пойдем, высадим дружину свою ис погреба». И разделишася надвое: половина их иде к погребу, а половина их иде по мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же сядящу на сених с дружиною своею, начаша претися со князем, стояще доле, князю же из оконца зрящу и дружине стоящи у князя, рече Туки, брат Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли, послы, ать Всеслава блюдуть». И се ему глаголющу, другая половина людий приде от погреба, отворивше погреб. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; послы ко Всеславу, ать призвавше лествю ко оконцю, пронзутъ и мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же се видев, со Всеволодом,

Рассказав о битве Святослава с половцами на Снови, летопись опять говорит о событиях в Киеве: «В лето 6577. Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава, Всеслав же пошел против них. И пришел Всеслав на Белгород и во время ночи тайком от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутра же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече и послали к Святославу и Всеволоду, говоря: «мы уже зло сотворили, прогнав своего князя, а теперь он ведет на нас Польскую землю, а идите в город отца своего; если же не хотите, то нам неволя: зажегши свой город, уйдем в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы посылаем к брату нашему, если пойдет на вас с поляками губить вас, то мы выступим против него войною; мы не дадим погубить город отца своего; если же хочет прийти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили они киевлян. Святослав же и Всеволод послали ко Изяславу, говоря: «Всеслав бежал от тебя, не веди поляков в Киев, противника тебе нет; если же хочешь гнев иметь и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского престола». Слышав это, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, послал же перед собою в Киев сына своего Мстислава. И Мстислав, придя, перебил тех киевлян, которые освободили Всеслава, числом 70 человек, а других ослепил, других же без вины погубил, не расследовав. Когда же Изяслав пришел к городу, люди вышли навстречу с поклоном, и приняли своего князя киевляне, и сел Изяслав на своем столе, месяца мая в 2 день. И распустил поляков на покорм, и тайно убивали поляков; и возвратился к полякам Болеслав, в землю свою. Изяслав же перевел торг на гору, и прогнал Всеслава из Полоцка»⁵.

побегоста з двора, людье же высекоша Всеслава ис поруба, в 15 день сентября, и прославиша и среде двора княжа; двор же князь разграбиша, бещисленное множество злата и серебра, кунами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы» («Повесть временных лет», ч. I, стр 112—115). Знаки препинания расставлены нами несколько по-иному, чем в печатном тексте. Перевод сделан заново, с целью его большего приближения к подлиннику, чем это сделано в издании «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 312—317.

⁵ «В лето 6577. Поиде Изяслав с Болеславомъ на Всеслава, Всеслав же поиде противу; и приде Белугороду Всеслав, и бывши нощи, утаивься кыян, бежа из Белагорода Полотьску. Заутра же видевше людье князя бежавша, възвратишася Киеву, и створиша вече, и послашася к Святославу и к Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавши, а се ведеть на ны Лядскую землю, а поидета в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим в Гречьску землю». И рече им Святослав: «Ве последе к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити вас, то ве противу ему ратью, не даве бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в мале придет дружине». И утешиста кыяны. Святослав же и Всеволод посласта к Изяславу, глаголюща: «Всеслав ти бежал, а не води ляхов Киеву, противна бо ти нету; аще ли хощеша гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола». То слышав Изяслав, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ля-

Нетрудно заметить, что повествование о восстании 1068 г. не дошло до нас в летописи в первоначальном виде. Так, после рассказа о битве на Альте помещено «Слово о казнях божиих», которое искусственно вставлено в текст и разрывает его на два неравных куска. Между тем первоначальный рассказ о восстании 1068 г. составлял отдельное произведение. На это указывает тот текст известия о киевских событиях 1068 г., который помещен в пергаменной Новгородской летописи. Весь рассказ в ней сведен к следующему краткому известию: «Гнев божий бысть. Придоша половци и победиша Русьскую землю. В то же лето высекоша кыяне Всеслава ис поруба. Томъ же лете победи Святослав Половце у Снвьска, а Изяслав бежа в Ляхы. В лето 6577. Приде Изяслав с Ляхы, а Всеслав бежа Полотьску; и погоре Подолие»⁶.

Таким образом, в Новгородской летописи полностью отсутствуют известия о волнениях в Киеве. Бегство же Изяслава в Польскую землю изображено как прямое следствие поражения его на Альте и освобождения Всеслава.

В «Повести временных лет» рассказ о восстании 1068 г. разбит на несколько частей. Начало его связывается с набегом половцев на Русскую землю: «придоша иноплемьеници на Русьскую землю, половцы мнози». Далее текст разрывается вставкой «Слова о казнях божиих», после чего рассказ возобновляется словами: «мы же на подлежащее възвратимся». Новая вставка в текст сделана в связи с вокняжением Всеслава. Она представляет собой рассуждение о «крестной силе». Эта вставка сделана настолько неискусно, что понадобилось повторить одну и ту же фразу. При этом первая фраза, после которой помещена вставка, осталась незаконченной: «Всеслав же седе Кыеве», так как от нее было отрезано продолжение: «месяць 7». В полном своем виде известие о княжении Всеслава в Киеве помещено вторично после вставки о «крестной силе»: «Всеслав же седе Кыеве месяць 7»⁷.

Эти наблюдения над летописным текстом понадобились нам для доказательства того, что первоначальный рассказ о восстании 1068 г. не имел еще церковной окраски. Она была ему придана позже, по внесении этого рассказа в летописный свод. Клерикальная рука прошла по многим страницам русских ле-

хов поим, посла же пред собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстислав, исече кыяны, иже беша высекли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытав. Изяславу же идущю к граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне, и седе Изяслав на столе своемъ месяца мая в 2 день. И распуша ляхы на покорм, и избиваху ляхы отай; и възвратиса в ляхы Болеслав, в землю свою. Изяслав же възгна торг на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска» («Повесть временных лет», ч. 1, стр. 115—116).

⁶ «Новгородская Первая летопись...», стр. 17.

⁷ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 168.

тописей; так произошло и в данном случае. Известие о киевском восстании было обработано и оснащено церковными рассуждениями и вставками.

Время появления рассказа о восстании 1068 г. может быть датировано более или менее точно на основании следующих соображений. Героем рассказа является черниговский князь Святослав Ярославич. Так, победа над половцами на реке Снови изображена как следствие его личной храбрости. Святослав энергично вступает за киевлян и выступает против своего старшего брата Изяслава.

Как известно, Святослав и его брат Всеволод изгнали Изяслава из Киева. Вина за этот акт, по летописному тексту 1073 г., возлагается на Святослава, который положил «начало выгнанию братню». Между тем в рассказе о киевском восстании 1068 г. все симпатии летописца находятся на стороне Святослава, а изгнанный Изяслав и его сын Мстислав показаны жестокими князьями, способными расправиться с киевлянами «без вины».

Указанные раньше особенности летописного рассказа о восстании 1068 г. позволяют датировать его временем княжения Святослава в Киеве, т. е. 1073—1076 гг. Следовательно, перед нами рассказ, очень близкий по времени к описываемым событиям, что придает ему большую историческую ценность. В нем проявляются определенные симпатии к восставшим киевлянам. С большим вероятием можно предполагать, что само повествование о киевском восстании 1068 г. возникло в среде горожан, являясь, таким образом, одним из древнейших по времени памятников русской городской письменности.

Эти источниковедческие замечания необходимы нам для более глубокого понимания рассказа о восстании 1068 г., помещенного в «Повести временных лет». Вина за поражение на Альте падает, по этому рассказу, на воеводу Коснячко. По Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам летописи, киевляне начали «говорити на воеводу на Коснячкя», по утерянной Троицкой летописи — «корити» его. Киевляне собрались «вечем» на «торговище» и оттуда двинулись на «Гору» к двору Коснячко, не застав его дома и остановились «у двора Брячиславича». Это был двор полоцкого князя Брячислава Изяславича, отца Всеслава, вероломно захваченного в плен тремя Ярославичами в нарушение данной ими присяги. Освобождение полоцкого князя Всеслава явилось сигналом для бегства Изяслава с его братом Всеволодом из Киева.

Очевидец восстания 1068 г. и автор рассказа об этом событии, несомненно, знал некоторые подробности, остающиеся для нас неизвестными. Но и то, что он сообщил нам, дает очень много для характеристики восстания.

Главными действующими лицами, по его рассказу, были «люди», «людие», «людье», т. е. широкие массы городского насе-

ления. Это они называют «своей дружиной» тех киевлян, которые были посажены князем в земляную тюрьму, в «погреб». Одна часть «людей» идет спорить с князем, другая — освобождать полоцкого князя Всеслава, сидевшего в «порубе»⁸, а вместе с ним и «свою дружину», т. е. горожан, еще раньше выступивших против князя. Количество таких людей было довольно значительно, судя по тому, что при расправе с киевлянами Мстислав Изяславич казнил и ослепил 70 человек киевской «чади». В данном случае «чадь» — это народ, широкие круги населения, те же «люди».

Совершенно ясен и тот квартал, где началось восстание. Это Подол, ремесленный и торговый квартал Киева. Восставшие собираются «вечем» на «торговище» и отсюда идут «на Гору».

Итак, перед нами движение, возникшее на Подоле и поддержанное городскими ремесленниками и торговцами.

Сила и размах этого движения измеряются, в частности, тем, что князь и дружина даже не пытаются противостоять восставшей «чади» и устремляются в бегство. Одно это обстоятельство подчеркивает большое значение горожан в таких крупных центрах, каким был Киев, где сидел сильнейший из русских князей XI в.

Вместе с тем ясна и антифеодалная направленность киевского восстания. Ненависть киевлян в первую очередь обращена против княжеской администрации и воеводы Коснячко («начаша людие говорити на воеводу на Коснячка»). Недовольство воеводой в немалой степени объяснялось стремлением князя держать под своим контролем городской рынок с его доходными статьями (пошлины с товаров, доходы от городских мер и весов и т. д.). Не забудем также и то обстоятельство, что Коснячко назван воеводой, как один из предводителей неудачного похода против половцев. Позже, в Правде Ярославичей, он выступает перед нами в числе княжеских «мужей». Возможно, что в его лице мы имеем не только воеводу, предводителя киевлян в военное время, но и тысяцкого, ведавшего судом и расправой по торговым делам. Положение тысяцкого открывало ему большие возможности для совершения разного рода злоупотреблений, в частности путем вынесения несправедливых судебных приговоров.

Некоторую аналогию событиям 1068 г. мы найдем в киевском восстании 1146 г., которое также началось с возмущения

⁸ И. И. Срезневский. Материалы, т. II, стр. 1020 и 1215. Отметим разницу между «порубом» и погребом. По И. И. Срезневскому, термины «поруб» и «погреб» однозначны и одинаково обозначают темницу. Но в подборе примеров к обоим терминам в его же словаре заметна некоторая разница. В «порубы» заключили захваченных полоцких князей, в погребах содержались простые люди. Из самого текста летописи видно, что Всеслав сидел в «порубе» отдельно от киевлян, находившихся в погребе.

против княжеских тиунов. В обоих случаях центром для сбора восставших были «торговище» и Подол.

Глубокие причины восстания 1068 г. вскрываются перед нами «Словом о казнях божьих», вставленным в летопись с поучительной целью. «Слово» говорит об «усобной рати», сварах, зависти, «братоненавиденьи» и клевете как о пороках киевского общества XI в. В конце поучения читаем настойчивое требование: «взищите суда, избавите обидимаго». Автор порицает современников за лжесвидетельство и несправедливые суды, говоря о людях, лишаящих наемников вознаграждения, порабощающих сирот и вдовиц. Таким образом, «Слово» позволяет понять те причины, которые вызвали вспышку народного гнева.

Восстание 1068 г. было направлено против феодальной эксплуатации, а не только против отдельных представителей господствующего класса. Главную, движущую силу восстания составили киевские ремесленники и торговцы. Это совместное участие ремесленников и торговцев в борьбе за городские вольности типично для средневековых городов. К. Маркс говорит о кёльнском восстании 1074 г., почти одновременном с восстанием в Киеве: «благородная свобода искала убежища в стенах городов среди лавочников и ремесленников, у которых труд из-за денег убивает тело и душу... Города,— говорит далее К. Маркс,— боролись за свою свободу»⁹.

Восстание 1068—1069 гг. охватило широкие круги городского населения. Можно предполагать, что оно было поддержано не только свободным населением Киева, но и крепостными ремесленниками и холопами. Подтверждение этому предположению мы находим в одном известии, которое до сих пор оставалось без должного рассмотрения.

В так называемом «Летописце новгородским церквам» — памятнике позднего происхождения, возникшем не ранее конца XVI в., но основанном на древних источниках, читаем следующее известие: «Поиде епископ новгородский Стефан к Киеву, и тамо свои холопи удавиша его; был 8 лет на епископстве»¹⁰. Летописцем это событие отнесено к 6576, т. е. к 1068 г.; местом совершения события указан Киев. Правильность даты может быть проверена следующим образом. В «Росписи Новгородских владык» — памятнике, основанном на старинных записях новгородского владычного дома, поставление Стефана в епископы отнесено к 1061 г., причем сказано, что смерть его произошла через 8 лет. В 1069 г., по данным «Росписи», новгородским епископом был уже Федор, погибший от укуса собачьего пса¹¹. Следовательно, по расчету лет, смерть Стефа-

⁹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. V, 1938, стр. 419.

¹⁰ «Новгородские летописи». Изд. Археографической комиссии. СПб., 1879, стр. 185.

¹¹ Там же, стр. 130.

на произошла в 1068 г. Достоверность известия о смерти Стефана от своих холопов подтверждается и кратким летописцем, имеющимся в Археографическом списке Новгородской первой летописи младшего извода XV в. В нем читаем заметку: «а Стефана в Киеве свои холопе удавиши; бе в епископии 8 лет»¹².

Обстоятельства смерти новгородского епископа, погибшего от рук собственных холопов, вскрывают перед нами одну из мрачных картин русской церковной действительности XI в. Ожесточенные холопы убивают своего господина в отместку за издевательства над ними, которые были столь характерны для высших церковных иерархов, становившихся порой настоящими тиранами по отношению к подвластным людям. Мы уже знаем о суздальском епископе Феодоре, или Федорце, как о немилосердном мучителе, выжигавшем глаза, урезывавшем языки у своих холопов, распинавшем их на стенах и т. д. Известно, что митрополит Константин в свою очередь учинил над этим Феодором страшную расправу: велел его ослепить, отрезать ему язык и правую руку.

Для нас значение имеет не только факт жестокого обращения господина со своими холопами. С такими фактами мы встречаемся в наших источниках постоянно, и не только в документах XI в., но и гораздо более позднего времени. Нас поражает совпадение даты убийства Стефана с киевским восстанием 1068 г., а места его убийства — с Киевом¹³. Подобное совпадение наводит на мысль, что холопы расправились со своим епископом в момент киевского восстания и под непосредственным впечатлением этого события. Возможно, что сама расправа холопов с епископом была только частью выступлений киевского населения против церковных феодалов.

Действительно, у нас имеется и другое свидетельство, которое говорит о тревожной обстановке, сложившейся в Киеве и его окрестностях в княжение Изяслава. Один из рассказов «Печерского патерика» носит название «О приходе разбойников» на монастырь и чудесном спасении от них. Это «прихождение» не было простым воровством или разбойничьим набегом. «Разбойники» будто бы выжидали только время, чтобы уничтожить монастырскую братию, собравшуюся в церкви, и захватить монастырские богатства, хранившиеся на церковных хорах¹⁴. От этой опасности монастырь был спасен будто бы чудом. Замечательнее всего, что сами «разбойники», как далее выясняется из слов «Патерика», были очень далеки по своему положению от людей, занимавшихся грабежами на больших дорогах. «Разбой-

¹² «Новгородская Первая летопись...», стр. 473.

¹³ В исторической литературе этот факт отмечен в «Очерках истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. I. М., 1953, стр. 180.

¹⁴ «Яко в полатехъ церковныхъ, тамо есть имение ихъ съкровено» («Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 38).

ники» после неудачной попытки овладеть монастырем возвратились в свои дома, читаем в «Печерском патерике», а «старейшина» их с тремя другими, придя к игумену Феодосию, раскаялся в совершенных действиях¹⁵. Этот рассказ находим и в житии Феодосия, помещенном в пергаменном сборнике XII в., принадлежащем Успенскому собору¹⁶.

«Разбойники», как мы видим, имеют постоянные жилища; они хорошо известны в монастыре, имеют даже старейшину, вместе с которым приходят к Феодосию три человека. Ясно, что это не разбойники в позднейшем смысле слова, в борьбе против которых объединялись не только феодалы, но и горожане и смерды. Название «разбойник» в данном случае так же мало обозначает грабителей на большой дороге, как название «воры», которым господствующий класс феодалов именовал восставших крестьян в XVI—XVII вв. Оно не имеет никакого отношения к современному значению этого слова.

«Печерский патерик» называет «разбойниками» восставших крестьян, поднявшихся и против светских и против церковных феодалов. Время нападения «разбойников» на Печерский монастырь точно определить нет возможности, но это произошло после смерти князя Ростислава, т. е. после 1066 г., однако еще до 1074 г.—года смерти Феодосия Печерского. Следовательно, приход так называемых разбойников в Печерский монастырь с большим вероятием можно отнести ко времени киевского восстания 1068—1069 гг.

Итак, некоторые дополнительные сведения, относящиеся к восстаниям 1068—1069 гг. или в той или иной мере с ними связанные, ведут нас к выводу о распространении этого восстания на значительные пространства и о большой глубине классового конфликта, проявлением которого явилось восстание в Киеве 1068 г. Оно было направлено против господства феодальных верхов, против светских и церковных феодалов, что являлось характерным для народных восстаний средневековья.

Целью наших изысканий было установить тот факт, что киевское восстание 1068 г. являлось крупнейшим городским движением XI в. О широте и глубине восстания говорит его длительность. Бегство Изяслава из Киева произошло 15 сентября 1068 г. Изяслав Ярославич вернулся в Киев только 2 мая следующего года. Таким образом, восстание в Киеве продолжалось 7¹/₂ месяцев.

Почти все это время на киевском столе сидел Всеслав Полоц-

¹⁵ «Возвратишся в дома своа, и оттоле умилишася никому же зла сътворити. Якоже старейшине их с инеми тремя пришедша к блаженному отцю нашему Феодосию покаатися того, и исповедавше ему бывшее» («Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 38).

¹⁶ «Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. 1. М., 1899, стр. 70—71 [«Успенский сборник XII—XIII вв.», М., 1971, стр. 103—105].

кий. Жизнь его относительно полно освещена в наших летописях. Для летописца Всеслав представлялся почти легендарной личностью, овеянной ореолом таинственности. Он родился «от волхования», у него на голове было «язвено», пленка или кожица. Волхвы велели матери Всеслава навязать «язвено» на ребенка в качестве амулета, который полоцкий князь носил на себе до смерти; поэтому он и был «немилостив на кровопролитье». Предприимчивый и непоседливый, Всеслав всю свою жизнь провел в интригах и войнах. «Хоть и вещая душа в отважном теле, но часто он страдал от бед», — сочувственно говорит о Всеславе творец «Слова о полку Игореве».

Летопись молчит о мероприятиях Всеслава во время его краткого княжения в Киеве, но некоторые сведения об этом дает «Слово о полку Игореве». В самой летописи говорится, что киевляне, освободив Всеслава из темницы, «прославиша» его на княжеском дворе. Слово «прославиша» издатели Лаврентьевской летописи без всякого основания заменили вариантом «поставиша». Прославление князей известно нам по Галицко-Волынской летописи XIII в. В другом месте нам пришлось говорить о том, что остатки песни, прославляющей Всеслава и сложной Бояном, сохранились в «Слове о полку Игореве». В этой песне читаем такие слова о княжении Всеслава в Киеве: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше, из Киева дорискаша до кур Тмутороканя, великому Хрѣсови влъком путь прерыскаше»¹⁷. В переводе академика А. С. Орлова это место звучит так: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее петухов до Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перебегал»¹⁸.

Наше внимание привлекают слова «Всеслав князь людем судяше», в которых можно видеть отражение действительных фактов. Речь идет о каких-то нововведениях судебного порядка, которые были сделаны Всеславом во время его княжения в Киеве. Всеслав «людем судяше»; следовательно, его нововведения в первую очередь касались «людей». Это нововведение, возможно, состояло в том, что киевский князь обещал непосредственно руководить судопроизводством, а не передавать его своим тиунам. Этого позднее и добивались восставшие киевляне в 1146 г. Они требовали от Игоря Ольговича и его брата Святослава: «Если кому из нас будет обида, то ты правь»¹⁹. Такова небольшая, но драгоценная черта из деятельности Всеслава в Киеве, которую сохранило нам «Слово о полку Игореве».

¹⁷ «Ироническая песнь о походе на половцев Игоря Святославича». М., 1800, стр. 36.

¹⁸ А. С. Орлов. «Слово», стр. 85.

¹⁹ «Аще кому нас будет обида, то ты правь» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 229).

При Всеславе в общественной жизни Киева произошли и какие-то другие изменения. В частности, с большим вероятно можно предполагать, что киевляне получили торговые льготы и освобождение от стеснительной княжеской опеки. Намеком на это служат слова летописи о том, что Изяслав по возвращении в Киев перевел «торг» на Гору, следовательно, под непосредственное наблюдение князя и его тиунов. Позже, как мы увидим, «торговище» снова окажется не на Горе, а на Подоле, в ремесленном и торговом квартале Киева, в непосредственном соседстве с днепровскими пристанями.

Интересную аналогию киевским событиям имеем в городском восстании в Кельне в 1074 г., почти одновременном с киевским. Оно началось из-за своевольных действий слуг кельнского архиепископа, захвативших корабль одного из горожан. Своеволие слуг и приближенных городских феодалов нередко было поводом к восстаниям в средневековых западноевропейских городах. Кельнское восстание привлекло к себе внимание германского императора Генриха IV, который «поспешил в Кельн, но, заботясь только о себе и своих мелких страстях, ничем не мог помочь кельнским горожанам»²⁰. Позиция Генриха IV определялась его явным сочувствием не к горожанам, а к архиепископу. В данном случае союз горожан и императора держался на необходимости для императора обращаться за помощью к горожанам в борьбе с феодалами. Примерно в таком же положении оказался Всеслав, посаженный на киевский стол восставшими горожанами и вынужденный уступать «людem». Это объясняет нам дальнейшее поведение Всеслава, которого нет никакой необходимости изображать в качестве какого-то князя-«народолюбца».

Княжение Всеслава продолжалось 7 месяцев, причем нет никаких указаний на разногласия его с киевлянами. Но Всеслав явно чувствовал себя в Киеве непрочно: при первом же известии о приближении Изяслава с польскими войсками он тайно бежал, оставив киевлян на произвол судьбы. Это произошло под Белгородом, где ополчение киевлян поджидало войска Изяслава и польского короля Болеслава²¹. Если полагаться на утверждение летописи, что Всеслав княжил в Киеве 7 месяцев, то его бегство произошло в апреле 1069 г. Лишившись князя, киевляне возвратились в свой город и созвали вече, обратившееся за содействием к младшим Ярославичам — Святославу и Всеволоду. Вмешательство князей не спасло, как мы знаем, киевлян от преследования. Победившие феодалы во главе с Мстиславом Изяславичем перебили 70 человек из числа тех людей, которые при-

²⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938, стр. 420.

²¹ В польских источниках говорится, что войско Всеслава состояло из русских, печенегов и валахов (К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века, стр. 120, приложения).

нимали участие в освобождении Всеслава, многих ослепили, других заключили в тюрьму.

Рассказ летописи о киевском восстании заканчивается известием о победе Изяслава над Всеславом. В результате этой победы в Полоцке был посажен на княжение Мстислав Изяславич, вскоре там умерший и замененный младшим братом — Святополком. По-видимому, далее в летописи следовало какое-то продолжение, рассказывавшее о дальнейшей судьбе Всеслава, так как повествование неожиданно обрывается на словах: «Всеславу же бежавшю», после чего указан новый 6578 (1070) год.

Бегство Всеслава связывается Новгородской летописью с пожаром киевского Подола, главного средоточия восставших²². Известие о пожаре Подола, видимо, было помещено в летописи, но по какой-то причине выброшено теми редакторами-монахами, которые включили повествование о киевском восстании под двумя разными годами и снабдили его церковными текстами.

Победа Изяслава над полоцкими князьями была достигнута с большим трудом. Всеслав в год своего бегства из Киева напал на Новгород при поддержке вожан — жителей Водской земли. «О великая была сеча вожаном, и пало их бесчисленное число»²³, — замечает по этому поводу летописец. Непрерывная «рать», поднятая Всеславом, продолжалась и дальше. Всеслав выгнал Святополка из Полоцка в 1071 г., и сам был побежден Ярополком, другим сыном Изяслава, при Голотическе. Таким образом, на севере Руси продолжались непрерывные распри и войны, в которые были втянуты некоторые нерусские народности, в частности водь, жившая у берегов Финского залива. В этих условиях и развернулось восстание суздальских смердов 1071 г.

Киевское восстание 1068—1069 гг. произвело большое впечатление на современников, вызвало народные толки, послужило основой для различных и противоречивых рассказов. Частично это отразилось, как мы видели, в письменных памятниках. Однако все известные нам письменные памятники, говорящие о восстаниях XI в., были обработаны в среде господствующего феодального класса. Если в той или иной форме они были благоприятными для Всеслава и восставших киевлян, то по отношению к крестьянской среде они были не только равнодушны, но и враждебны. Феодальная идеология нашла свое отражение и в «Правде Ярославичей», которая знает крестьян только в качестве подневольных людей.

Но сами общественные низы не были равнодушны к событиям, связанным с народными восстаниями. Через тьму веков они все-таки сохранили память о крестьянском движении XI в.

²² «Новгородская Первая летопись...», стр. 17.

²³ Там же.

Широко известны былины о Волхе Всеславьевиче, содержание которых станет нам понятным, если мы вставим их в рамку событий XI в.

Конечно, с именем былинного Волха Всеславьевича связались различные образы, а не одного только полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Тут и образы вещего Олега и Олега Святославича Черниговского, может быть, даже княгини Ольги, как на это указывали различные исследователи²⁴. Но отчество «Всеславьевич», которое сохранилось до нашего времени в разных былинных текстах, позволяет с уверенностью говорить, что народная память удержала в первую очередь именно образ полоцкого князя. «Слово о полку Игореве» служит для нас достаточной порукой в том, что о Всеславе еще при жизни ходили разные пословицы: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божия не минути», — сложил о полоцком князе, волхве и чародее, свою припевку смышленный Боян.

В другой работе нам приходилось уже говорить о том, что Боян был современником Всеслава, свидетелем, вероятно, участником киевского восстания 1068 г. Освободив Всеслава из «поруба», восставшие «прославили» его на княжьем дворе. Небольшой отрывок из песни, которая прославляла Всеслава, дошел до нашего времени в составе «Слова о полку Игореве» как песня, сложенная «вещим Бояном». Всеслав изображен в ней не только чародеем, но и законодателем: он «людям судил, князьям грады рядил». У него была вещая душа в отважном теле²⁵.

Не случайно целый цикл былин связан с именами Всеслава и его соратника Олега Черниговского. Эти былины возникли если не при участии Бояна, то, по крайней мере, в его время.

Детали былин о Волхе Всеславьевиче показались В. Ф. Миллеру новгородскими особенностями, вероятно, потому, что в его время вечевые порядки Новгорода казались чем-то исключительным в русской истории. Не будем поэтому приводить доказательства о киевском или новгородском происхождении былин о Волхе Всеславьевиче. В конечном итоге трудно сомневаться в том, что русский Север, столько веков связанный с Великим Новгородом, не наложил бы своего отпечатка на былины о Волхе.

Волх Всеславьевич изображен в былине как типичный феодал, окруженный «хороброй» дружиной.

²⁴ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. М. — Саратов, 1924, стр. 155—159; М. Н. Сперанский. Русская устная словесность, т. 2. М., 1919, стр. 1—6, там же указана и литература вопроса.

²⁵ Н. Тихомиров. Боян и Троянова земля. — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М. — Л., 1950, стр. 175—187 [Эта работа М. Н. Тихомирова переиздана в сборнике его избранных трудов «Русская культура X—XVIII веков». М., 1968, стр. 44—58].

Былины о Волхе Всеславьевиче сохранили воспоминание об очень отдаленных событиях. Общая оценка личности Волха Всеславьевича в былинах благоприятная. Он спасает Киев от «нахождения» индийского царя. И это вполне понятно, так как действительный Всеслав должен был казаться для киевлян заступником от Изяслава и поляков.

Было бы странно требовать от русской былины, записанной в XVIII в., полного согласования с действительностью XI в. Множество наслоений осело на песенных мотивах раннего времени, но пристальный интерес народа к событиям, всколыхнувшим город и деревню в 1068 и последующих годах, не прошел бесследно. Отсюда популярность в эпосе личностей Всеслава, Олега Святославича, живших в бурные годы, когда, по образной характеристике «Слова о полку Игореве», «редко ратаи кикали, а часто вороны граяли, созывая на трупы человеческие».

Глава VIII

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОЙ РУСИ 1068—1071 гг.

На первый взгляд киевское восстание 1068 г. может представиться чисто городским выступлением, но в действительности оно имело гораздо больший охват и было тесно связано с крестьянским движением. Первым указал на эту особенность киевского восстания 1068 г., впрочем без приведения доказательств, основанных на анализе источников, украинский историк М. Ткаченко. По его мнению, в восстании принимало участие городское и сельское население¹. Факт тесной связи города с деревней в средние века общеизвестен. Говоря о плебейской оппозиции в городах Германии XVI в., Ф. Энгельс отмечает, что ее превращают в партию только крестьянские восстания, и видит в этом «яркое доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни»². С еще большим правом о зависимости города от деревни можно говорить по отношению к Киевской Руси XI столетия.

Во второй половине XI в. феодальное землевладение сделало в Киевской земле дальнейшие успехи. О порядках крупной феодальной вотчины дает представление «Житие Феодосия», игумена Киево-Печерского монастыря. Автор «Жития» старался представить своего героя в образе типичного подвижника, далекого от забот о мирских удобствах, равнодушного к земным благам. Тем не менее и его повествование вскрывает перед нами

¹ М. Ткаченко. Повстання в Києві в 1068—1069 рр.— «Наукові записки Інститута історії і археології України», кн. 1, 1943, стор. 149.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 355.

тяжелое положение «рабов», как в «Житии» именуются холопы и закрепощенные крестьяне, трудившиеся на монастырских землях.

Родители Феодосия, по словам его биографа, не принадлежали к «властелинам» того города, где они жили, но не были и людьми бедными. Невнимание Феодосия к одежде, нежелание его ходить на пиры рассматривалось ими как своего рода нарушение приличий. Поэтому они настойчиво требовали от сына одеваться в «светлые одежды», как ему полагалось по занимаемому положению в обществе. С тринадцати лет Феодосий стал работать на полях, выходить «с рабы на село», что страшно возмущало его мать.

Биограф всячески старается нарисовать облик Феодосия в виде подвижника, убивавшего свою плоть непосильными трудами, но его нисколько не возмущает само существование «рабов», трудившихся на феодалов. Не возмущало это и самого Феодосия, принявшего иночество. Он приносит с собой в монастырь привычки рачительного феодала, глядящего на своих холопов и крестьян взглядом эксплуататора. Биограф ставит в заслугу Феодосию его непрерывное стремление к обогащению монастыря, увеличению земельной собственности. Монастырю принадлежали села, где жили особые монахи — управители и находились скотные дворы с «хлевами» для содержания скота³. Жизнь игумена проходит в непрерывных заботах о накоплении материальных благ и прокормлении прожорливой братии. Особенно много хлопот доставлял игумену громадный расход муки. Однажды монах, ведавший монастырскими хлебопеками, донес, что в сусеке осталось совсем мало муки, всего лишь две или три пригоршни отрубей. Однако тревога была напрасной. Сусек, якобы по «чудесному» вмешательству, оказался наполненным мукой настолько, что она пересыпалась через стенку на землю. В монастырских закромах и погребках внезапно появлялись бочки, наполненные медом и вином. Часть этих запасов присылали разные «христолюбци» (князь, бояре), часть производилась в монастыре или покупалась на его средства.

Размеры приношений порой поражали и биографа. Однажды вечером, например, в монастырь привезли 3 воза глиняных сосудов — корчаг, наполненных вином. В другой раз келарь, заведовавший монастырским хозяйством, доложил Феодосию, что нечего подавать на стол для братии. Последовало распоряжение: сварить пшеницу и, смешав с медом, подать на обед. И вдруг некий боярин прислал три воза с хлебом, сыром, рыбой, горохом, пшеном и медом.

Дарения от князей и бояр охотно принимались монастырскими властями. Но не эти дары создавали богатство и политиче-

³ «Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. I, стр. 40—96 [«Успенский сборник XII—XIII вв.». М., 1971, стр. 71—135].

ское значение монастырей, а феодальная собственность. Печерскому монастырю принадлежали села, населенные закрепощенными крестьянами. Для присмотра за смердами и холопами были поставлены «тиуны и приставники и слуги», которых Феодосий даже на пороге смерти наставлял «пребывать каждому в порученной ему службе». Монастырское хозяйство имело такую же структуру, как и хозяйство княжеское, оно нуждалось в тиунах и слугах для понуждения холопов и крестьян к работе на феодала⁴.

Ярким показателем приниженного положения крестьян в феодальных вотчинах Киевской земли второй половины XI в. является установление в них средневекового права феодала на выморочное имущество крестьянина, известное в Западной Европе под названием права «мертвой руки». Первое упоминание о существовании этого права на Руси имеем в церковном уставе Ярослава Мудрого, установления которого в основном восходят к середине XI в. В нем читаем следующую формулу, определяющую феодальные права в церковной вотчине: «что сделают монастырские люди, да не вступается в это князь, никакие суда, а безатщина идет митрополичьим слугам» (заказникам)⁵. Безатщина, или безадчина,— это и есть выморочное наследство, оставшееся после смерда, у которого не было сыновей. Безатщина поступала в распоряжение феодала, выдававшего только часть выморочного имущества дочерям умершего смерда. Этот порядок, как показывает Пространная «Русская Правда», существовал не только в церковных, но и в княжеских и боярских имениях.

«Житие Феодосия» дает нам представление о порядках в феодальной вотчине на Руси XI в. в статическом состоянии. Иной характер имеет другое произведение, возникшее в южной Руси второй половины XI в.,— «Правда Ярославичей», которую принято рассматривать как своего рода уставную грамоту большой княжеской вотчины типа средневекового домена.

Происхождение «Правды Ярославичей» относится к определенному времени. Она была составлена в 1054—1073 гг., в первое княжение Изяслава Ярославича в Киеве. Но эта широкая датировка может быть сужена до нескольких годов, в конечном итоге даже до одного года. Княжеский съезд, на котором была утверждена «Правда Ярославичей», состоялся примерно в 1072 г., когда в Вышгороде под Киевом «совокупившиеся Ярославичи»⁶, во всяком случае уже после событий 1068—69 гг.

⁴ Там же, стр. 81, 76, 75, 90 и др. [Изд. 1971 г., стр. 109—111, 116—127].

⁵ «Летописец Переяславля Суздальского». М., 1851, «Суд Ярослава князя, сына Володимирова», стр. 44.

⁶ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, гл. VII, стр. 62—70 («Правда Ярославичей»). К этому же выводу пришел и М. Ткаченко, который не был знаком с моей работой, вышедшей в 1941 г.

Действительно, в «Правде Ярославичей» мы находим указание на виры, которые платятся за убитых княжеских людей — огнищан, тиунов, старших конюхов, княжеских сельских и ратайных старост, рядовичей. Происхождение этих статей «Правды Ярославичей», возникших в обстановке крестьянских выступлений против феодальной эксплуатации, выясняется из самой «Правды». Одна из ее статей говорит о вире за убийство старшего конюха: «а конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудычи»⁷. Речь идет о жителях Дорогобужа, вернее всего — города в Волынской земле, который лежал как раз на пути возвращения Изяслава из Польши в Киев. Таким образом, мы получаем прямое указание на время убийства старшего конюха в Дорогобуже, которое следует относить к 1068 или 1069 г. Дорогобужцы были обложены двойной вирой за убийство княжеского старшего конюха; с этого времени двойная вира за убийство княжеских людей размером в 80 гривен стала законом, заменив собой старую виру в 40 гривен.

«Правда Ярославичей» явилась ответом перепуганной феодальной верхушки на крестьянское движение, развернувшееся на юге Руси в непосредственной связи с восстанием в Киеве. Классовый характер постановлений «Правды Ярославичей» бросается в глаза при чтении первых же ее статей. Речь все время идет о княжеских людях. Если убьют огнищанина «в обиду», то убийца за него платит 80 гривен. За огнищанина, убитого «в разбой», платит община, на территории которой найден был убитый. Но если огнищанина убьют «у клети, или у коня, или у говяды, или у коровье татьбы», т. е. во время попыток самого огнищанина совершить преступление, то его «убити в пса место», также поступать и по отношению к тиуну. За старого, т. е. старшего, конюха, убитого при стаде, следует платить 80 гривен. За убитого княжеского старосту, сельского или ратайного, платят 12 гривен, за рядовича княжеского — 5 гривен, за холопа — 5 гривен.

При рассмотрении постановления о вирах за убитых княжеских людей бросается в глаза громадная классовая дифференциация — от 80 гривен за огнищанина до 5 гривен за холопа. Таким образом, холопы оцениваются в 16 раз дешевле огнищанина.

Для чего понадобилось установление высоких вир? Конечно, для того, чтобы оградить жизнь княжеских людей от возможных нападений. Таким образом, законодательство Ярославичей необыкновенно ярко подчеркивает ту обстановку, в которой эти постановления были созданы, — обстановку крестьянского движения, направленного в первую очередь против княжеских мужей («огнищан») и тиунов.

⁷ «Правда Русская», т. I, стр. 71.

«Правда Ярославичей» возникла в обстановке больших классовых потрясений и отразила колебания феодальных кругов, которые должны были сделать некоторые, впрочем декларативные, уступки восставшим крестьянам. Эти уступки мы видим в статье об убийстве огнищанина: «Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место, а тоже покон и тивуницу». Эта статья давно уже вызывала различные споры, хотя большинство исследователей понимало ее именно как «дозволение убивать огнищанина и тиуна, захваченного на месте преступления» (М. Ф. Владимирский-Буданов). С иным толкованием выступили Б. А. Романов и А. Е. Пресняков. По мнению Б. А. Романова, речь идет о расправе с убийцей огнищанина. Этому толкованию Б. А. Романов отвел достаточно места в комментариях к «Правде Русской». Однако оно опровергается текстом, близким к «Русской Правде», на который мне приходилось указывать еще до появления комментария в «Правде Русской».

Доказательства Б. А. Романова заключаются в указании на неясность самого постановления: «аже убьют... то убити в пса место». «Непонятно, как можно убить во пса место — уже убитого огнищанина», — пишет А. Е. Пресняков, к которому присоединяется Б. А. Романов⁸. Но в этом случае названные исследователи пользовались довольно обычным и в то же время неубедительным приемом анализа текста, который требует от древних рукописей той точности, какой они никогда не имели. При этом совершенно игнорируется существование в языке чисто народных и непривычных с первого взгляда выражений. Истинный смысл фразы «аже убьют... то убити в пса место» становится понятным, когда мы обратимся к источникам, близким по времени появления и происхождению к «Русской Правде». В проекте договора Смоленска с немцами середины XIII в. читаем фразу: «оже имуть русина вольного у вольное жены в Ризе или на Готьском березе, оже убьють, и тот убит»⁹. Смысл фразы совершенно тот же, что и в «Русской Правде»: «если убили, то сделали правильно». Конечно, нет никакого основания думать, что в статье Смоленского договора речь идет не об убийстве вольного русина, пойманного у «вольной жены», а, наоборот, об убийстве того, кто мстил насильнику. Поэтому комментарий Б. А. Романова к рассматриваемой нами статье «Русской Правды» следует отвергнуть.

Нельзя, впрочем, не отметить того, что и комментарий Б. А. Романова не противоречит взгляду на происхождение «Правды Ярославичей» как княжеского устава, возникшего во время кре-

⁸ «Правда Русская», т. II. Комментарии. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947, стр. 154—159.

⁹ «Русская Правда». Вступительную статью и комментарии к текстам составил М. Н. Тихомиров. М., 1941, стр. 42.

стьянских движений и направленного против них. Идет ли речь об убийстве огнищанина или о наказании за убийство огнищанина, все равно перед нами определенное классовое законодательство. Тем более следует пожалеть, что эта классовая сущность постановлений «Правды Ярославичей» обычно опускается нашими исследователями, хотя о ней ясно было сказано в печати¹⁰. Больше того, эта сторона вопроса полностью игнорирована в комментариях к «Правде Русской», где нашему мнению отведено три строчки, причем оно дано в явно искаженной форме. Вдобавок издателями комментариев к «Правде Русской» совсем выброшено указание на происхождение статьи о старом конюхе, убитом дорогобужцами, чем уничтожается у читателя всякое представление о возможности толкования «Правды Ярославичей» как классового законодательства, возникшего во время крестьянских и городских восстаний. Впрочем не без удовлетворения можно сказать, что взгляд на «Правду Ярославичей» как на памятник княжеского законодательства, возникшего в период народных восстаний против феодальной эксплуатации, в основном уже утвердился в нашей литературе¹¹.

Итак, можно полагать, что киевское восстание 1068 г. не являлось изолированным выступлением городского населения, а было тесно связано с движением в деревне на юге Руси, направленным против княжеских людей и феодальной эксплуатации.

От этих волнений в первую очередь пострадало княжеское и боярское хозяйство, а также княжеские люди. Кажется, именно этим следует объяснять появление в «Правде Ярославичей» постановления о вире, которая уплачивается за убийство княжеских рабов — кормилицы и кормиличича («аще роба кормилица либо кормиличич»). Нельзя сомневаться в том, что количество кормилиц и кормиличичей (т. е. дядек, воспитателей из рабов) было небольшим. Поэтому само убийство кормилицы или кормиличича было явлением редким; это такой же казус, случавшийся в каком-либо княжеском имении, как и убийство старшего конюха при стаде. Случаи убийства княжеских кормилиц, кормиличичей, старших конюхов при княжеском стаде были единичными, но они говорят о большом ожесточении крестьян, мстивших приближенным феодала за произвол и издевательства.

Постановления «Правды Ярославичей» указывают и на тех людей, которые выступали против феодального гнета. Статья об убийстве огнищанина «в обиду» говорит о «людях», которые не должны платить виру за убитого, так как в этом случае платит только один убийца («а людем не надобе»). Следующее

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 66—67.

¹¹ С. В. Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 298.

за этим постановление «Правды Ярославичей» устанавливает обязанность платить вирное, «в ней же вири голова начнет лежати». Слово «вири» в Академическом списке «Русской Правды» написано по подчищенному; вероятно, первоначально вместо «вири» было написано «верней», как и в Археографическом списке¹². Но и в том и в другом случае речь идет о крестьянской общине, которая обязана платить дикую виру за тело убитого, найденного на ее территории, в том случае, если общинники не ищут убийцу («или убийца не ищуть»). Так эту статью понимали и составители пространной редакции «Русской Правды», пояснившие, что надо «виревную платити, в чьей же верви голова лежить»¹³.

Не вступая в спор о том, что представляла собой вервь, была ли она первоначально большой семьей или обозначала территориальную крестьянскую общину, отмечу только, что в Пространной «Русской Правде» речь может идти только о крестьянской общине. Откупная Обонежская грамота первой половины XV в. точно так же знает о «верном», которое взималось в пользу князя¹⁴.

В «Правде Ярославичей» перед нами выступает крестьянская община, члены ее «люди», которые ведут борьбу против феодалов и феодальной эксплуатации. Средствами этой борьбы являлись убийства княжеских людей, что приравнивалось феодалами к «разбою». В отдельных случаях движение крестьян принимает формы настоящего восстания и оканчивается разгромом княжеских и боярских имений, причем это сопровождается расправами с княжескими конюхами, кормиличичами, кормилицами, ратайными и сельскими старостами.

Острые восстания направлено против господствующей феодальной верхушки, не в меньшей мере против церковных феодалов, чем феодалов светских. Впрочем, это было обычным для крестьянских движений в средние века. Крестьянское возмущение в такой же мере направлялось против монастырей, как и против рыцарских замков. Холопы и крестьяне, может быть, с еще большей силой ненавидели церковных феодалов, чем бояр и князей, которые по крайней мере не прикрывали свою эксплуатацию чужого труда поучениями о «братской жизни» и «вечном блаженстве». Недаром Ф. Энгельс пишет о высшем духовенстве Германии начала XVI в.: «Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали еще более бесстыдно»¹⁵.

¹² «Правда Русская», т. I, стр. 71, 78.

¹³ Там же, стр. 104.

¹⁴ «Акты Археографической экспедиции», т. I, № 27, стр. 19. В грамоте читаем: «А суд им судити и пошлины имати им по старине и верное им имати».

¹⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 351.

Глава IX

ВОССТАНИЯ СМЕРДОВ В СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ И ГОРОЖАН В НОВГОРОДЕ В 1071 Г.

Рассказ о суздальском восстании помещен в летописи под 1071 г., в непосредственной связи с известиями об изгнании Святополка из Полоцка и поражении Всеслава под Голотическом. В эти времена, рассказывает летописец, в Киеве появился волхв, предсказывавший, что через пять лет Днепр потечет вспять, Греческая земля станет на место Русской, а Русская — на место Греческой. Нашлись невежды («невегласи»), которые его слушали, но волхв в одну ночь погиб безвестно.

Это странное известие служит как бы введением к рассказу о новом «бесовском наущении и действе», выразившемся в восстании суздальских смердов 1071 г. Вслед за рассказом о восстании говорится о кудеснике в Новгороде и о выступлении волхва в том же городе при князе Глебе. Таким образом, под 1071 г. в летописи помещено общее повествование о волхвах, собранное из разных источников, но объединенное общей темой «о бесовской силе». Автор этого повествования, в сущности, объединил несколько рассказов и нехитро их соединил фразами: «в си же времена», «бывши бо единою скудости», «сиця ти есть», «сиць бе волхв».

Рассказ о волхвах, вне всякого сомнения, представлял собой особое произведение. Некоторые его черты говорят о том, что он возник в кругах, близких к черниговскому, позже к киевскому князю Святославу Ярославичу. Известие о восстании в Новгороде при Глебе Святославиче также записано в кругах, связанных со Святославом. Можно даже с некоторым вероятием указать автора рассказа о восстании. Это Ян Вышатиц, посланный в Суздальскую землю для сбора дани от имени князя Святослава. Во время суздальского восстания «Ян был 50-летний дружинник, мало известный в Киеве»¹. Сильный налет церковной учености с ссылками на библейских волхвов, также творивших «чудеса», указывает на ту среду, в которой был записан рассказ Яна; это была церковная, вероятнее всего монашеская, среда, по-своему ученая, в клерикальном смысле этого слова. Поэтому в летописном рассказе реальные черты так причудливо переплетаются с анекдотами о бесовских кознях и наущениях.

Оставив в стороне рассуждения церковного характера, а также изложение верований кудесника, мы будем иметь в сущности два отрывка, посвященных событиям в Суздальской земле и в Новгороде. Ввиду особой ценности этих отрывков для ха-

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 19.

рактеристики народных движений XI в., приводим их в дальнейшем целиком.

«Когда однажды был недород в Ростовской области,— читаем в летописи,— восстали два волхва из Ярославля, говоря: «мы знаем, кто держит обилие». И пошли по Волге; где приходили в погост, там называли лучших жен, говоря: что эта держит жито, а эта мед, а эта рыбу, а эта меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Они же в заблуждении прорезывали за плечом, вынимали любо жито, любо рыбу, и убивали многих женщин и именье их брали себе. И пришли на Белоозеро, и было у них других людей 300. В это время случилось прийти от Святослава для собирания дани Яну, сыну Вышатины. Поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже многих женщин по Волге и по Шексне, и пришли сюда. Ян же расследовав, чьи это смерды, и узнав, что они его князя, послал к тем, кто находился с ними, сказал им: «выдайте сюда этих волхвов, потому что они смерды мои и моего князя». Они же того не послушали. Ян же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки (дружинники) его: «не ходи без оружия, опозорят тебя». Он же велел отрокам взять оружие, и было 12 отроков с ним, и пошел к ним к лесу. Они же стали против него, построившись в боевой порядок. Когда же Ян шел с топором, выступили от них 3 мужа, пришли к Яну, говорят ему: «смотри, идешь на смерть, не ходи». Он же повелел их убить, к остальным же пошел. Они же бросились на Яна, один ударил Яна топором; Ян же, оборотя топор, ударил его тыльем, велел отрокам рубить их, они же бежали в лес; убили же тут попа Янова. Ян же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «если не схватите этих волхвов, не уйду от вас в течение года». Белозерцы же шедше взяли их и привели их к Яну. И сказал им: «ради чего погубили столько человек». Они же сказали: «потому что те держат обилие, так, если мы истребим их, будет гобино; если хочешь, то перед тобой вынем жито или рыбу или иное что».

Далее в летописи следует длительный разговор Яна с волхвами о сотворении мира, после чего читаем продолжение рассказа:

«Они же (т. е. волхвы.— М. Т.) сказали: «нам боги говорят: «не можешь нам сотворить ничего». Он же сказал им: «лгут вам боги». Они же сказали: «нам стать перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Ян же повелел их бить и вырвать у них бороды. После того как их избили и вырвали у них бороды «проскрепом», сказал им Ян: «что вам боги молвят». Они же сказали: «стать нам перед Святославом». И повелел Ян вложить обрубок им в уста и привязать их к «упругу» и пустил их перед собой в лодке, а сам шел вслед на ними». Стали на устьи Шексны, и сказал им Ян: «что вам молвят боги». Они же сказали так: «нам боги молвят: не быть нам живыми

от тебя». И сказал им Ян: «это они вам правду поведали». Они же сказали: «но, если наспустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, многую печаль примешь и зло». Он же сказал им: «если вас пушу, то зло мне будет от бога; если же вас погублю, то награда мне будет». И сказал Ян повозникам: «у кого из вас кто-нибудь из родственников убит от этих». Они же сказали: «мне мать, другому сестра, иному дети». Он же сказал им: «мстите за своих». Они же, взяв, убили их и повесили на дубе, отмщенье получили от бога по правде. Когда же Ян пошел домой, на другую ночь медведь влез, сгрыз их и съел, и так погибли наущеньем бесовским, о других зная, а своей пагубы не ведая»².

Рассказ из «Повести временных лет», приведенный выше, ведет свое происхождение от записей XI в. и тем не менее не

² «Бывши бо единоо скудости в Ростовстей области, всташа два волхва от Ярославля, глаголюща: яко «Ве сведе, кто обиле держить». И поидоста по Волзе, кде приидуча в погост, ту же нарекаста лучшие жены, глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечте прорезавша за плечем, вынимаша любо жито, любо рыбу, и убивашета многи жены, и именье их отымашета собе. И придоша на Белоозеро, и бе у нею людей инех 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющую Яневи, сыну Вышатины; поведаша ему белозерци, яко два кудесника избил а уже многи жены по Волзе и по Шексне, и пришла еста семо. Ян же испытав, чья еста смерда, и уведев, яко своего князя, послав к ним, иже около ею суть, рече им: «Выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам без оружья, и реша ему отроки его: «Не ходи без оружья, осоромят тя». Он же повеле взяти оружья отроком, и беста 12 отрока с ним, и поиде к ним к лесу. Они же стаща исполчившися противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша к Яневи, рекуще ему: «Вида идиши на смерть, не ходи». Оному повелевшю бити я, к прочим же поиде. Они же сунушася на Яня, един грешися Яня топором. Янь же оборота топор удари и тыльем, повеле отроком сечи я. Они же бежаша в лес, убиха же ту попина Янева. Янь же, вшед в град к белозерцем, рече им: «Аще не имете волхву сею, не иду от вас и за лето». Белозерци же шедше яша я, и приведоша я к Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человек?» Онема же рекшема: «яко ти держать обиле, да аще истребиве сих, будет гобино; аще ли хоцещи, то пред тобою вынемеве жито, ли рыбу, ли ино что»... Онема же рекшема: «Нама бози поведают, не можеша нами створити ничто же». Он же рече има: «Лжють вама бози». Она же рекоста: «Нама стати пред Святославомъ, а ты не можеша створити ничто же». Янь же повеле бити я и поторгати браде ею. Сима же тепенома и браде ею поторганепроскепом, рече има Янь: «Что вама бози молвят?» Онема же рекшема: «Стати нам пред Святославомъ». И повеле Янь вложити рубль в уста има и привязати я к упругу, и пусти пред собою в лодье, и сам по них иде. Стаща на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвят?» Она же реста: «Сиче нама бози молвят, не бити нама живым от тебе». И рече има Янь: «То ти вама право поведали». Она же рекоста: «Но аще на пустыни, много ти добра будет; аще ли наю погубиши, многу печаль примеша и зло». Он же рече има: «Аще ваю пушу, то зло ми будет от бога; аще ль вас погублю, то мзда ми будет». И рече Янь повозником: «Ци кому вас кто родин убьен от сею?» Они же реша: «Мне мати, другому сестра, иному рожене». Он же рече им: «Мстите своих». Они же, поимше, убиха я и повесиша я на дубе: отмстье примша от

может считаться наиболее древним по своей редакции. В этом убеждает сравнение его с текстом повествования о событиях в Суздальской земле и в Новгороде, имеющимся в так называемом «Летописце Переяславля Суздальского». Ряд особенностей этого повествования позволяет сделать заключение об его большей древности по сравнению с рассказом «Повести временных лет». Так, о волхве, появившемся в Киеве, в «Летописце Переяславля Суздальского» говорится: «явили ми ся 5 богов, глаголя: «Поведаи людем» и т. д., тогда как только в Ипатьевской летописи есть упоминание о 5 богах. По-разному называется в «Летописце» и в «Повести временных лет» и о гибели волхва.

Особенно интересны отличия «Летописца» от «Повести» в рассказе о голоде в Ростовской земле. В «Повести» названы «два волхва от Ярославля», в «Летописце» — «ярославци... 2 муж прелестнии». Волхвы, по «Летописцу», «яко скомраси» прорезали у женщин за плечами и «выниху пред людьми жито у них с под кожи». К числу предметов, которые вынимали волхвы, в «Летописце» названы веверицы и мед. Люди, сопровождавшие волхвов, названы в «Летописце» глупыми («людий инех 300 глупых»). Белозерцы жаловались на кудесников, убивших много жен и мужей, так что не на ком оставалось брать и дань («много жен и муж погубища, и дани не на ком взяти»). В дальнейшем рассказе «Летописца» особо подчеркивается, что сторонниками волхвов были смерды. Ян послал к белозерцам с требованием, и против него ополчились смерды («а смерди оплочишася против»), «выступиша 3 смерди против», «аще не приведете сих смердов, год хоцю быти сде». Между тем в «Повести временных лет» вместо смердов говорится о волхвах, мужах, употребляется безличное «они». Заключительный рассказ «Летописца» о гибели волхвов также говорит о смердах: «есть ли кого у вас племени убили сии смерды» (в «Повести» — «кто родин убьен от сею»).

В дальнейшем рассказе «Летописца» проводится сравнение между волхвом Симоном и волхвом в Новгороде, «яко ж и в нашем Новеграде при Глебе»³.

Рассказ о суздальских и новгородских событиях, помещенный в «Летописце Переяславля Суздальского», возможно, также не дошел до нас в древнем своем виде, подвергся некоторым сокращениям и правке. Тем не менее дополнительные известия, имеющиеся в нем, не могут быть объяснены позднейшими вставками, так как они органически связаны с текстом. Так, рассказ

бога по правде. Яневи же идущю домови, в другую ночь медведь възлез, угрыз ею и снесть, и тако погыбнуста наушнем бесовским, инем ведуща, а своа пагубы не ведуче» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 117—119). Упруг, по Далю, — ребро судна.

³ «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 47—48.

о Симоне и других волхвах, несмотря на большую краткость, имеет в «Летописце Переяславля Суздальского» некоторые новые детали («и в огонь пременяся и в змию и по водам ходя»). Поэтому следует предполагать существование особой версии рассказа о суздальских и новгородских событиях, более древней, чем версия «Повести временных лет». Рассказ «Летописца Переяславля Суздальского» отличается большей конкретностью деталей и был составлен вскоре после событий в Суздальской земле, «в нашем Новеграде», со слов того же Яна Вышатича, может быть, даже им самим.

Ценность рассказа «Летописца Переяславля Суздальского», который до сих пор оставался в стороне при изучении народных восстаний XI в., усиливается тем, что в нем движущей силой суздальского и новгородского восстаний, гнев которых направлен не только против жен, но и мужей («много жен и муж погубиша»), показаны не волхвы, а смерды. В связи с этим ярче выступает и общая социальная характеристика движения суздальских смердов как движения классового.

Оставляя в стороне рассуждения летописца о бесах, заблуждениях волхвов, антихристе и т. д., постараемся выяснить реальную картину событий в Ростовской области.

Как и в 1024 г., движение смердов началось во время голода («бывши бо единою скудости в Ростовстей области»). Во главе его стояли два волхва из Ярославля, которые пошли по погостам и стали говорить, что они знают, кто держит «обилье». Не вполне ясное упоминание о том, что волхвы прорезали у женщин за плечами и вынимали у них жито или рыбу, находит объяснение в обычаях, существовавших у мордвы еще в середине XIX в. Женщины приготавливали для языческих жертвоприношений припасы в мешочках, которые они надевали за плечами. Сборщики припасов кололи женщин в плечо ритуальным ножом и отрезали мешочки⁴.

Подобный обряд, вероятно, имел распространение не только среди мордвы, но и у славян. Ведь Суздальская земля XI в. была районом смешанного населения. Напомним здесь о длительном существовании Чудского конца в Ростове. Ритуальный обряд был использован волхвами для расправы с «лучшими женами».

Слово «лучшие» в древней Руси было синонимом знатных, старших⁵. В Радзивиловском списке летописи вместо слова «лучшия» написано «добрая». Обозначение «лучшие» или «доб-

⁴ П. И. Мельников. Очерки мордвы. — «Русский вестник», 1867, № 9, стр. 245—249.

⁵ «Поча нарубати муже лучшиие», — читаем о заселении городов по реке Роси при Владимире Святославиче; «начаша сретати лутшии мужи», — говорится о встрече одного смоленского князя («Повесть временных лет», т. I, стр. 83).

рые» является заменой знакомого уже нам термина «старая чадь». «Лучшие» — это зажиточные, знатные, старшие. Против них направлен народный гнев, они держат «обилье» во время всеобщего голода; если их истребить, то будет «гобино» — урожай. В. В. Мавродин правильно пишет, что «во время восстаний смердов в XI в. убивали тех, в чьих руках были запасы, припрятанные во время голода и использовавшиеся с целью закабаления, а именно «больших гобиньных домов», жен «старой чади»»⁶.

Движение, во главе которого стояли волхвы, было классовым, оно направлялось против «лучших людей», выделившихся уже из среды смердов. Суеверные формы, в которые выливалась борьба против «лучших» людей, державших в своих руках «обилье», не мешает нам видеть истинный характер движения в Ростовской земле как движения классового.

В летописи совершенно ясно обозначены те круги населения, которые поддерживали волхвов, — это смерды. На эту сторону суздальского восстания и следует обратить основное внимание, тем более что в нашей исторической литературе исследование восстания смердов 1071 г. нередко смешивается с изучением вопроса о языческом культе, волховании и т. д.

Прежде всего возникает вопрос об общественном положении смердов Суздальской земли, восставших в 1071 г. Суздальская земля рисуется в летописном известии о событиях этого года как край, населенный смердами. Действия разворачиваются на Верхней Волге и Шексне, на пространстве между Ярославлем и Белоозером. Белозерцы оказываются в прямой связи с восставшими, которые под предводительством двух волхвов поднимаются вверх по Шексне.

Характерно, что во всем рассказе о восстании 1071 г. говорится только о смердах. Это та среда, в которой начинается движение против «лучших людей», принимающее религиозные формы. Возможно, что летописец сознательно изображал действия волхвов направленными только против женщин, чтобы представить все народное движение в виде языческого изуверства. В действительности перед нами широкое крестьянское движение, возникшее в такой среде, где еще господствует община, из которой выделилась уже верхушка «лучших людей», по более ранней терминологии — «старая чадь». Так эту среду понимают и другие советские историки, писавшие о восстании 1071 г.⁷

⁶ В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 158.

⁷ Н. Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. — «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 54—61; М. Н. Мартынов. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI века. — «Ученые записки Вологодского педагогического института», т. IV, 1948, стр. 3—36; В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси, стр. 149—163; Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 265—267.

Что речь идет именно о смердах-общинниках, а не о смердах, попавших уже в зависимость от феодалов, доказывается тем, что Ян пришел в Ростовскую область для сбора дани («от Святослава дань емлющую Яневу, сыну Вышатину»). Б. Д. Греков правильно указывает на то, что свободный смерд сам отвечал перед князем за свои преступления⁸. На этом и было основано обращенное к восставшим требование Яна о выдаче волхвов как смердов его князя: «выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя».

Особенностью движения смердов на севере Руси по-прежнему являлась связь его с волхвами — языческими кудесниками. И это происходило почти спустя столетие после официального крещения Руси в Киеве в 988 г. Напрасно представлять себе дело так, будто речь идет о восстании неславянского населения Суздальской земли — мери, мордвы или мешеры. Во всем летописном рассказе о восстании в Суздальской земле нет никакого указания на то, что Ян объясняется с волхвами или смердами с помощью переводчиков; нет даже намека на то, что Ян ходит и действует в краю, населенном каким-то народом, который говорит на другом языке, чем он и его дружинники. Поэтому поспешными являются и выводы о религиозных воззрениях волхвов как о воззрениях, типичных для мордвы и мери.

Перед нами довольно распространенные у многих народов представления о сотворении мира и человека, в которых «доброе» и «злое» противоплагаются друг другу, как и в учении болгарских богомилов. В суздальских волхвах, стоявших во главе восстания смердов 1071 г., мы вправе видеть славянских волхвов, как и в тех смердах, которые примкнули к их движению.

Суздальское движение смердов вскрывает перед нами интереснейшую картину общественных порядков на северо-востоке Руси. Восставшие смерды выступают в качестве смердов-общинников, они смотрят на себя, как на свободных людей; право суда над ними, по их мнению, принадлежит только князю. Отсюда гордая уверенность, что Ян Вышатич ничего им не может сделать: «нама стати пред Святославомъ, а ты не можеши сотворити ничто же».

В свою очередь Ян прежде всего выясняет, чьими смердами являются волхвы. Это и решает вопрос о судьбе волхвов, с которыми так безжалостно расправляется Ян и его дружинники. Перед нами выступают различия северо-восточной Руси с преобладающими здесь общинниками-смердами, с одной стороны, и южной Руси с ее феодалами-землевладельцами, господствующими над закрепощенной крестьянской массой, — с другой.

⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 225.

Наглое поведение Яна становится понятным нам, если мы вспомним, что он пришел за сбором дани из южной Руси, где ему приходилось иметь дело с закрепощенными смердами. Отсюда уверенность Яна в его полной безнаказанности за расправу со смердами, издевательство над напрасной уверенностью волхвов в том, что они подлежат только княжеской юрисдикции и дружинник ничего не может им сделать. В действиях Яна чувствуется привычка смотреть на смердов, как на лиц, беззащитных перед произволом княжеских людей. Победа остается на стороне Яна как представителя нового феодального строя, торжествующего свою победу над пережитками первообщинных отношений.

Размах движения смердов в Ростовской земле становится понятным, когда мы вспомним, что отряд под Белоозером насчитывал 300 человек — цифра внушительная для того времени. Этот отряд состоял из вооруженных и готовых к бою смердов, которые в лесу напали на Яна с топорами. Поражают и размеры территории, захваченной движением. Оно распространилось по погостам, от Ярославля до Белоозера, где жители также поддерживали восставших, что вызвало угрозу Яна остаться в Белоозере на целый год. Итак, перед нами восстание смердов-крестьян, охватившее значительные пространства в Ростовской земле — от Ярославля до Белоозера.

Мы вправе говорить о том, что восстание охватило значительно большую территорию, чем бассейн Шексны и верхней Волги. Сама летопись помещает под одним и тем же 1071 г. свидетельства о борьбе Всеслава со Святополком Изяславичем за Полоцк. События в Суздальской и Полоцкой землях связываются вместе, представляя собой народную борьбу против феодального гнета, развернувшуюся на севере Руси. Но если о движении в Полоцке мы только можем предполагать, то о восстании в Новгороде имеются уже прямые летописные известия.

Летописец начинает свой рассказ о новгородском восстании словами, связывающими повествование о событиях 1071 г. в единое целое: «Тако же волхв восстал при Глебе в Новгороде. Говорит людям, точно изображаясь богом, и многих совратил, мало не весь город, говорит ведь, что он знает все и хулил веру христианскую, говорит ведь «вот перейду по Волхову пред всеми». И был мятеж в городе и все ему поверили и хотели погубить епископа. Епископ же, взяв крест и облачившись в ризы, стал и сказал: «кто хочет верить волхву, то пусть идет за него, если же кто верует, то пусть идет ко кресту». И разделились надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали у епископа, а люди все пошли за волхвом; и был мятеж велик между ними. Глеб же взял топор под плащ, пришел к волхву и сказал ему: «знаешь ли то, что будет утром и что до вечера». Он же сказал: «знаю все». И сказал Глеб: «знаешь ли то, что

с тобою будет сегодня». «Чудеса великие сотворю», — сказал. Глеб же вынул топор, ударил его, и пал (волхв.— М. Т.) мертвым, и люди разошлись»⁹.

Из летописного рассказа выясняется, что почти весь Новгород поддержал волхва, «и бысть мятежь в граде». На стороне епископа оказались только Глеб и дружина, «а людье вси идоша за волхва».

Тут обрисовывается столкновение двух антагонистических классов: с одной стороны, феодалы — высшее духовенство вместе с князем и дружинниками, с другой стороны, «людье», широкие городские массы. Неизвестны реальные поводы к столкновению, но ясна общая картина классово-борьбы в русском городе XI в. Таким образом, перед нами еще одно городское восстание в Киевской Руси, почти одновременное с киевским восстанием 1068 г. Правда, рассказ летописи возлагает всю вину за возникновение восстания на волхва, делает упор на его обещание перейти Волхов «по суху», но это не должно нас отвлекать от сущности самого движения.

Вера в чудеса типична для многих народных движений средних веков, в том числе и для новгородских событий, описанных в летописи под 1071 г. Конечно, причины восстания крылись не в мистических высказываниях волхва и обещаниях его совершить чудеса, а в более реальных интересах, иначе в движение не были бы втянуты все «люди», под которыми наши памятники обычно понимают горожан.

Рассказы о появлении волхва в Киеве, о восстании волхвов в Ростовской земле и в Новгороде помещены летописью под одним годом с явным дидактическим стремлением летописца представить нам связное повествование о восстаниях как действиях, вызванных не феодальным гнетом, а «наущением» дьявола. Но это не может затемнить перед нами картину народного движения, охватившего большие пространства Руси XI в. Это движение втянуло в себя смердов и холопов, городских ремесленников.

В свете того, что мы знаем о Руси, такой вывод не покажется натянутым, он целиком соответствует нашим представ-

⁹ «Сиць бе волхов встал при Глебе Новегороде; глаголетъ бо людем, творсяа акы бог, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеъ бо: «Яко переиду по Волхову пред всеми». И бысть мятежь в граде, и вси яша ему веру, и хотя-ху погубити епископа. Епископ же, взем крест и облекъся в ризы, ста, рек: «Иже хошеъ веру яти волхву, то да идеть за нъ; аще ли веруетъ кто, то ко кресту да идеть». И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь велик межи ими. Глеб же возма топор под скутом, приде к волхву и рече ему: «То веси ли, что утро хошеъ быти, и что ли до вечера?». Он же рече: «Проведи вся». И рече Глеб: «То веси ли, что ти хошеъ быти днесъ?». «Чюдеса велика створю», рече. Глеб же вынемъ топор, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 120—121).

лениям о ней как об одной из передовых стран Европы. Классовый антагонизм между феодалами и крестьянами нашел свое выражение в восстаниях 1068—1071 гг.

Эти восстания совпадают с такими же мощными крестьянскими движениями в Польше. «Очень интересно отметить,— пишет Б. Д. Греков,— что одновременно с движением смердов на Руси происходили такие же движения крестьян в соседней с Русью Польше, причем и там и здесь — под знаменем защиты язычества»¹⁰. Это указывает на общность исторического процесса на Руси и в соседних с ней западнославянских странах.

* * *

Крестьянские и городские восстания 1068—1071 гг. потерпели поражение. Вскоре после ликвидации народных восстаний — в 1072 г. в торжественной обстановке сошлись ранее враждовавшие князья — «совокупишася Ярославичи».

Официальной причиной княжеского съезда было церковное торжество в честь перенесения «мощей» Бориса и Глеба, ближайших родственников Ярославичей, завершившее победу феодалов над крестьянским восстанием, которое затянулось на несколько лет. К сожалению, эта классовая сторона событий 1072 г. нередко затушевывается в наших работах различными рассуждениями, уводящими далеко от действительной обстановки, сложившейся в Киевской Руси около 1072 г. В своей статье о «Повести временных лет» Л. В. Черепнин, например, уверяет, что так называемый летописный свод 1072 г. возник в связи со съездом Ярославичей, собравшихся в Вышгороде для перенесения «мощей» Бориса и Глеба. «Это была,— пишет Л. В. Черепнин,— по мысли составителя, победа христианства над последними вспышками сопротивляющегося язычества. Но этой концепции борьбы христианства с остатками язычества составитель придает политический оттенок и под этим углом зрения воспроизводит события княжеской усабицы 1068 г. Он дает обоснование необходимости быть верным крестному целованию, так как крест побеждает бесов... Итак, мысль автора такова: перенесение мощей национальных русских святых — это символ окончательного поражения бесовских сил и показатель «силы» креста в отношениях между князьями»¹¹.

В действительности съезд Ярославичей в Вышгороде становится понятным только в свете того, что мы знаем о восстаниях 1068—1071 гг. И летопись и «Правда Ярославичей» сохранили нам указания на звериную ненависть господствовавших феодальных кругов к восставшим смердам и «людям». В введе-

¹⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 267.

¹¹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет». — «Исторические записки», т. 25. М., 1948, стр. 330—331.

нии к рассказу о киевском восстании 1068 г., в так называемом «Слове о казнях божьих», летописец старается доказать, что «усобная же рать бывает от соблажнення дьяволя». Поэтому летописец приветствует расправу Яна с волхвами, восклицая, что они «отмestyle приемша от бога по правде». Тот же летописец радуется смерти волхва, убитого Глебом в Новгороде: волхв «погиб телом и душою, предався дьяволу». Таким образом, речь идет не о торжестве «крестной силы» и христианства над язычеством, а о борьбе крестьян с феодалами.

Особое озлобление летописца против волхвов объясняется их близостью к восставшим крестьянам и горожанам, их попыткой обойтись без официальной церкви, как это видим во время известного восстания штедингов в Германии XIII в. Известно, что католическое духовенство объявило штедингов еретиками за их сопротивление рыцарям и церковным феодалам. В своих хронологических выписках К. Маркс пишет о штедингах: «они прогнали *чужих* попов и устроили собственное богослужение; за что *архиепископ Бременский* и его дворянская сволочь провозгласили их закоренелыми еретиками»¹². Как видим, и русская церковь приняла участие в усмирении крестьянского восстания, выступая под лозунгом борьбы с язычниками. Недаром в столкновении с восставшими смердами в Ростовской земле погиб поп Яна Вышатича¹³.

Церковное торжество в Вышгороде было одновременно и торжеством феодалов, подавивших народные восстания 1068—1071 гг. Наше предположение подтверждается совпадением двух следующих дат, на которое не обращалось ранее никакого внимания. По летописи, торжественный въезд Изяслава в Киев после подавления восстания произошел 2 мая; перенесение «мощей» Бориса и Глеба в Вышгород произошло также 2 мая. Таким образом, перенесение «мощей» Бориса и Глеба должно было освятить торжественное возвращение Изяслава в Киев, победу над движением крестьян и горожан. Гражданское торжество феодалов 2 мая 1069 г. перекликалось с церковным торжеством 2 мая 1072 г.

Ко 2 мая 1072 г., по нашему мнению, и должно быть приурочено составление «Правды Ярославичей». В ее заглавии мы находим прямое указание на ее составителей. На первом месте здесь стоят три князя, братья Ярославичи, — Изяслав, Всеволод, Святослав. Далее указаны другие участники совещания: Коснячко, Перенег, Микифор Кыянин, Чюдин, Микула. Почти все эти люди известны по памятникам XI в.: Коснячко — тот самый воевода, против которого был направлен гнев киевлян во время восстания 1068 г. Киевский двор Микифора упоминается в известии летописи как существовавший во второй половине XI в.,

¹² «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 278.

¹³ «Убиша же ту попина Янева», в Ипатьевской летописи — «попа Янева».

Чюдин в 1072 г. «держал» Вышгород, т. е. получил Вышгород в феодальное держание от князя. Между тем совещание Ярославичей состоялось, как мы знаем, в Вышгороде. Микула упомянут как старейшина «огородников» в Вышгороде в те же годы¹⁴.

«Правда Ярославичей», таким образом, была составлена в момент торжества феодалов над восставшими крестьянами и горожанами. Она отражает беспокойство господствовавших феодальных кругов, вызванное движением крестьян, холопов и низов городского населения, которые только что показали свою силу во время памятных событий 1068—1071 гг.

Глава X

КИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1113 Г.

Крестьянские и городские восстания 1068—1071 гг. охватили значительную часть Киевской Руси. Их неудача была вполне естественной в условиях средневековья и привела к дальнейшему росту феодальной эксплуатации.

Феодальная эксплуатация смердов особенно усиливается на Руси в конце XI и начале XII в. Типичной фигурой крупного феодала этого времени был князь Святополк Изяславич. Источники рисуют перед нами образ корыстолюбца, занятого поисками новых средств для пополнения своей казны. О жадности и жестокости этого киевского князя и его сыновей ходили рассказы. Святополк сажал людей в темницу без суда и следствия, «не справив, но послуша облыгающих»¹.

Летопись и Печерский Патерик противопоставляют Святополку фигуру милостивого и мудрого Владимира Мономаха, и это традиционное сопоставление до известной степени вошло в нашу литературу. Нельзя, конечно, отрицать того, что Владимир Мономах был крупной политической фигурой на рубеже XI—XII вв., знаменитым полководцем, заслужившим благодарность современников за свои победы над ордами половцев, но это не мешает нам видеть во Владимире Мономахе вовсе не идеальную фигуру народолюбца, а типичного феодала своего времени. В этом отношении для нас особый интерес имеет послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, следовательно, документ, непосредственно к нему обращенный.

Никифор, грек по происхождению, как и подавляющее большинство русских митрополитов того времени, пишет по всем правилам византийской образованности. Он рассуждает о душе, которая действует с помощью пяти своих слуг, или чувств,—

¹⁴ М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 80.

¹ «Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. 1, стр. 35 [«Успенский сборник XII—XIII вв.». М., 1971, стр. 66].

зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. С чисто византийской ловкостью Никифор льстит своему князю, прославляя его за любовь к простому образу жизни, за простоту в одежде и воздержанность: «что надо говорить к такому князю, который больше спит на земле и избегает домов и отказывается от ношения светлых одежд и, ходя по лесам, носит сиротскую одежду, и по нужде входя в город, ради власти, одевается в одежду властителя»².

За этими льстивыми словами едва можно различить действительные факты из жизни Владимира Мономаха: его необыкновенную любовь к охотничьим подвигам и разъездам по лесам, когда приходилось спать и на голой земле и по нужде носить «сиротскую» одежду — простое и удобное охотничье одеяние.

Однако даже Никифор не может скрыть, что в деятельности прославляемого им князя не все окрашено розовым цветом. Поэтому вежливо, но упорно Никифор указывает своему князю на злоупотребления, которые делаются от его имени. Конечно, князь не может за всем присмотреть лично («не мога сам вся творити очима своима»), злоупотребления идут от княжеских людей («от служащих орудием твоим»), но и князь несет за них ответственность. Никифор обращается к князю с предложением подумать о людях, потерпевших от него наказание: «Вспомни о изгнанных тобой, о осужденных тобой для наказания, о забытых; вспомни о всех, что на кого сказал и кто кого оклеветал». Никифор, впрочем, обеспокоенный тем, что князь может подумать, будто к нему кто-то пришел с жалобой, уверяет, что послание им написано «просто так»³.

В другом своем послании к Владимиру Мономаху тот же митрополит еще резче говорит о его пороках, упрекая князя в лихоимстве и ростовщичестве: «Если постишься и берешь проценты с брата, никакой для тебя нет пользы». Нет пользы в том, что человек постится, а сам берет с людей высокие ростовщические проценты и убивает людей «злым ножом — лихоиманием неправедным»⁴. Так даже устами митрополита-царедворца выставлено грозное обвинение против Владимира Мономаха.

Поэтому хвастливое заявление Владимира Мономаха о том, что он «худого смерда и убогие вдовице не дал... сильным обидети», может быть подвергнуто значительным сомнениям. Ведь сам же Владимир Мономах хвалится тем, что при взятии

² «Что подобает глаголати к такому князю, иже боле на земли спит и дому бегает, и светлое ношение порт отгонить, и по лесам ходя сиротину носить одежду, и по нужи в град въходя, власти деля, во властительскую ризу облачится?» («Русские достопамятности», ч. 1. М., 1815, стр. 68).

³ «О сем испытай, княже мой, о том помысли: о изгнанных от тебе, о осужденных от тебе наказания ради, о презренных; вспомни о всех, кто на кого изрек, и кто на кого оклеветал» («Русские достопамятности», ч. 1, стр. 71—72).

⁴ Макарий, митр. История русской церкви, т. 2. СПб., 1857, стр. 327.

Минска он вместе с черниговцами и половцами не оставил «ни челядина, ни скотины». Таким образом, он приравнивает раба к скоту, как, впрочем, это делали и другие феодалы его времени.

Но Владимир Мономах был все-таки одним из лучших представителей феодальных верхов своего времени, чего нельзя сказать о некоторых его современниках. У нас сохранился памятник, рисующий безудержную феодальную эксплуатацию на рубеже XI—XII вв. — предисловие к Софийскому Временнику.

Автор предисловия противопоставляет прежних князей его современникам. Первые князья боролись за Русскую землю и покоряли иные страны, они не собирали много имущества, не придумывали вир и продаж, но брали только справедливые виры и давали их своей дружине на оружие. А дружина кормилась, воюя с другими странами, и не говорила: «Мало нам, княже, двухсот гривен». Старые князья не накладывали на своих жен золотых обручей, но жены их ходили в серебряных обручах⁵. Так автор предисловия к Софийскому Временнику дает представление об изменении форм эксплуатации сельского населения Киевской Руси. Старая дружина кормилась за счет войны и дани, новая дружина кормится за счет эксплуатации коренного населения. Теперь приходится придумывать «творимые» — вымышленные, искусственно созданные «виры и продажи». Изменился и образ жизни дружины. Ныне дружинники уже не довольствуются серебряными обручами для своих жен, им мало и двухсот гривен; теперь им нужны для своих жен золотые обручи.

Для нас приведенное указание автора предисловия имеет важное значение. Оно показывает, как изменились формы эксплуатации населения. Время обогащения дружины за счет внешних войн отошло в прошлое. Развивающиеся феодальные отношения и рост крупного землевладения в Киевской Руси привели к усилению феодальной эксплуатации закрепощенных крестьян — смердов. В этой обстановке и возникло в 1113 г. новое большое народное движение, центром которого был Киев.

О киевском восстании 1113 г. мы имеем лишь краткие заметки в Ипатьевской летописи. На следующий же день после смерти Святополка Изяславича, происшедшей 16 апреля 1113 г., киевляне обратились к Владимиру Мономаху с призывом занять киевский стол. Владимир отказался. «Киевляне же разграбили двор Путятин тысяцкого, пошли на евреев и разграби-

⁵ «Теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяще правая вира, а ту возмѧ, дааше дружинѧ на оружѧ. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и быющеся и ркуще: «братие, потягнем по своем князе и по Рускои земле»; глаголюще: «мало есть нам, княже, двусот гривен». Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожяху жены их в серебряных; и расплодили были землю Рускую» («Новгородская Первая летопись...», стр. 104).

ли их; и снова киевляне послали к Владимиру, говоря: пойдѣ, князь, в Киев; если же не пойдѣшь, то знай, что великое зло воздвигнется, это тебе не Путятин двор, ни сотских, но и евреев грабить, и еще из-за тебя пойдут на твою невестку и на бояр и на монастыри, и будѣшь ответ имѣть, если из-за тебя разграбят монастыри. Слышав об этом, Владимир пошел в Киев. Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье, встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честию великою, сел на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж прекратился»⁶. Лаврентьевская летопись добавляет, что Владимир вошел в Киев 20 апреля.

Нам приходилось уже дважды писать об этом событии⁷, причем оба раза отмечать то обстоятельство, что киевское восстание 1113 г. не являлось чисто городским движением, что оно связано было с крестьянским восстанием в Киевской земле. Доказательству данного положения и будет посвящена значительная часть этой главы. Однако, как и в 1068 г., наиболее заметным для современников было именно городское восстание, непосредственно угрожавшее киевским феодалам. Поэтому оно и нашло свое отражение в летописях, тогда как о крестьянском восстании мы узнаем только из анализа «Русской Правды».

Восстание киевских горожан в 1113 г. было подготовлено всей политикой Святополка Изяславича. Печерский Патерик так характеризует княжение Святополка: «В дни княжения своего в Киеве Святополк Изяславич сотворил много насилия и дома сильных искоренил без вины, имущество у многих отнял. Из-за этого бог попустил половцам силу имѣть на него. И были рати многие от половцев, к тому же и усобица, и был в то время большой голод и великая скудость в Русской земле во всем»⁸.

Ревностно защищая интересы господствующего класса, Пе-

⁶ «Кияни же разграбиша двор Путятин тысяцкого, идоша на жида и разграбиша я; и послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: «пойди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зла уздвигнется, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жида грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастыре, и будеши ответ имѣл, княже, оже ти монастыре разграбят. Се же слышав Володимер, поиде в Киев... Володимер Мономах седе в Киеве, в неделю, усретоша же и митрополит Никифор с епископы и со всеми кияне, с честию великою, седе на столе отца своего и дед своих, и вси людье ради быша, и мятежь влече» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 198).

⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 194—196 [изд. 2, стр. 190—192].

⁸ «В дньи княжения своего в Киеве Святополк Изяславич много насилие створи и дома сильных искорени без вины, имения многим отым. Сего ради бог попусти поганым силу имѣти на нь. И быша рати многи от половець, к сим же и усобице, и бы в та времена глад крепок и скудота велиа в Руськой земли во всем» («Патерик Киевского Печерского монастыря»; стр. 206—207).

черский Патерик порицает Святополка за то, что он «домы сильных искоренил», т. е. нередко действовал против враждебных ему бояр. Но тот же Патерик рассказывает о жестокой эксплуатации киевских горожан. Во время войны с галицкими князьями прекратился подвоз соли из Галича и Перемышля, «и можно было видеть тогда людей в великой беде, изнемогали от войны, голода, без хлеба и без соли»⁹. Были сделаны попытки заменить соль каким-нибудь суррогатом. Один из монахов Печерского монастыря, Прохор, собрал из монастырских келий пепел и стал его раздавать вместо соли. За пеплом в монастырь стали приходить нуждающиеся: «и бе видети торг упражняем, монастырь же полн приходящих на взятие соли»¹⁰. Это вызвало недовольство продавцов соли, так как ее цена снизилась в пять раз. Узнав об этом, Святополк распорядился вывезти соль из монастыря, которая тотчас же оказалась не чем иным, как пеплом. Когда же монастырская соль была высыпана как ненужный пепел, она тотчас же опять превратилась в соль и была разграблена горожанами: «уведевше же гражане разграбиша соль».

За сказочной оболочкой рассказ о превращении соли в пепел, за повествованием о благодеяниях монастыря, который в голодный год бесплатно, «туне», раздавал соль нуждающимся, можно различить настоящий ход событий. Голод и недостаток соли вызвали повышение цены на соль, чем воспользовались купцы. Монастырь попытался заменить соль пеплом, вероятно смесью соли с пеплом, также спекулируя на общественном бедствии. В дело вмешался князь, увидевший в продаже соли средство для собственного обогащения¹¹. Княжеские «точники», по другому списку — «советники», начали спекуляцию солью. Так феодальные хищники — сам великий князь, его советники, крупнейший киевский монастырь — одинаково стремятся нажиться на народном бедствии. Упоминание о грабжах, разграбивших соль, вероятно, отражает наличие общего недовольства в Киеве спекуляцией князя и его советников, надеявшихся нажиться на дороговизне соли. Как видим, рассказ Патерика указывает, почему верхи киевского общества боялись, что во время восстания 1113 г. дело не обойдется только грабежом двора тысяцких и еврейского квартала, но события затронут и монастыри, как один из центров ростовщичества и феодальной эксплуатации¹².

⁹ «И бе видети в велице беде тогда сущая люди, изнемогаша от рати и от глада, без жита и без соли» («Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 207—208).

¹⁰ Там же, стр. 208.

¹¹ «Свещаваа с своими точники, цену многу соли, да отъемь у черннца, продавец ей будеть» (там же).

¹² Непонятно, на чем основано утверждение, содержащееся в «Очерках истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. 1, стр. 190, о том, что «на-

В летописи восстание 1113 г. представлено как внезапное народное возмущение, которое нашло свой выход тотчас после смерти Святополка Изяславича. Однако и по данным летописи волнения в Киеве начались задолго до смерти Святополка. Рассказав о знамении на солнце, которое бывает «не на добро», летописец говорит, что это знамение предвещало близкую смерть Святополка. Знамение, или затмение, солнца произошло, по летописи, 19 марта, а Святополк умер 16 апреля где-то вне Киева, «за Вышегородом». Характерно, что Святополка хоронили только его бояре и дружина, тогда как в рассказах о смерти других киевских князей обычно сообщается, что их оплакивали все киевляне. Подчеркивается также, что вдова Святополка раздала монастырям, попам и нищим большую милостыню.

Во всех этих летописных известиях чувствуется недоговоренность, желание летописца скрыть какие-то факты, неприятные для господствующего класса. Сам отъезд Святополка из Киева, возможно, был вызван волнениями среди киевлян, нарастанием их недовольства, которое так резко проявилось тотчас же после смерти этого князя.

Вместе с тем совершенно ясно, против кого было направлено восстание в Киеве. От него пострадали дворы тысяцкого Путяты, сотских, а также еврейский квартал. Только приезд Владимира Мономаха остановил дальнейшее расширение восстания, которое должно было направиться против вдовы Святополка, против бояр и монастырей. Следовательно, восстание 1113 г., носившее ярко выраженный антифеодальный характер, было направлено против господствующей феодальной верхушки — против князя, бояр и монашества, против княжеской администрации во главе с тысяцким, руководившим городским ополчением и производившим суд и расправу. Здесь невольно припоминается предисловие к Софийскому Временнику, в котором говорится о «творимых» вирах и продажах, которыми стали облагать население князья в конце XI и начале XII в.

Народная ненависть не ограничилась только ближайшим княжеским окружением. Она была направлена против феодальной эксплуатации во всех ее проявлениях. Ярким проявлением ее были ростовщичество и закабаление разорившихся и опутанных долгами людей. Взимание громадных процентов с должников было постоянным средством для обогащения бояр, купцов и духовенства. Хотя церковные памятники настаивали на том, что «резоимание» (ростовщичество) является греховным делом, все церковные постановления по этому поводу имели чисто декларативный характер. Во второй половине XII в.

пуганная феодальная знать и торгово-ремесленная верхушка Киева собралась в храме Софии и здесь решила вопрос о приглашении на княжение Владимира Мономаха». Источники об этом ничего не говорят.

новгородский архиерей Илья вынужден был угрожать строгим наказанием новгородскому духовенству, занимавшемуся раздачей денег под проценты¹³. Что касается участия монастырей в ростовщичестве, то это явление было самым распространенным и проводилось под разными благовидными предлогами. Недаром в одном древнерусском поучении говорилось о том, что не спасут черные ризы, что можно делать добрые дела и не будучи монахом.

Злоупотребления княжеской администрации и закабаление свободных людей путем взимания громадных процентов и были теми побудительными причинами, которые вызвали восстание киевлян в 1113 г. Возмущение направилось не только против Путяты, но и против сотских и евреев. О близости сотских к ремесленным и торговым кругам в городах говорилось уже ранее. Известно также, что евреи были банкирами средневековья, через руки которых проходили большие денежные суммы. В таком большом и торговом городе, каким был Киев начала XII в., участие евреев в экономической жизни было несомненно деятельным. Евреи должны были принимать участие в ростовщических операциях Святополка и его тысяцкого Путяты. Этим объясняется нападение киевлян на еврейский квартал. Подобные же нападения на евреев делались в Западной Европе в том же XII в. под явным влиянием некоторых кругов католического духовенства.

В церковных русских кругах XII—XIII вв. также появляются сочинения, направленные против евреев и их религии. В этом отношении характерно произведение, озаглавленное в рукописи «Словеса святых пророк», которое уже существовало на Руси в 1234 г., но появилось значительно раньше. Это произведение вскрывает подвластное положение евреев, потерявших свое государство («вам уже работающе в нас»). Это не мешает церковному проповеднику ополчиться против своего князя — возможно, за его покровительство евреям. Князь этот «унець ярк и лют», т. е. бык ярый и лютый. У него «волостителие злии и бояре лютии опалчивии». Составитель говорит о том, что прошло уже более тысячи лет со времени взятия Иерусалима римлянами. По древнерусским сочинениям это событие произошло после 5575 г. от сотворения мира. Следовательно, прибавив тысячу лет, получим 6575, или 1067, год, после которого были написаны «Словеса». Возможно, что речь в них идет именно о Святополке Изяславиче, «быке яром и лютом»¹⁴.

¹³ «Еще слышу и другие попы наим емлюще» (А. Павлов. Неизданный памятник русского церковного права XII века. СПб., 1890, стр. 15).

¹⁴ И. Е. Евсеев. Словеса святых пророк.— «Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества», т. IV, вып. I. М., 1907, стр. 153—200.

Указание летописи на разграбление еврейского квартала характеризует восстание 1113 г. как движение городского люда, направленное не только против феодалов, но и против купцов-менял, занимавшихся ростовщичеством. Действительно, летопись говорит, что Владимиру Мономаху «все люди ради быша». Слово «люди» в данном случае может обозначать киевлян вообще, но еще чаще мы встречаемся с термином «люди» для обозначения горожан.

До сих пор мы говорили о восстании в самом Киеве. Теперь нам предстоит разрешить другой важный и трудный вопрос — о связи восстания киевских горожан с крестьянскими восстаниями в Киевской земле. В другой нашей работе уже указывалось на существование прямого свидетельства о связи восстания в Киеве с крестьянским движением. В сказании о построении церкви Бориса и Глеба в Вышгороде так рассказывается о восстании 1113 г.: «Когда Святополк умер, на второе лето после создания той церкви, были многий мятеж и крамола и молва немалая в людях, и тогда собрались люди, больше же всего большие и нарочитые мужи, пошли собранием всех людей и умоляли Владимира, чтобы он пришел прекратить крамолу в людях. И придя он прекратил мятеж и смятение в людях»¹⁵.

Таким образом, мы имеем прямое свидетельство о широте восстания и «многой крамоле», которая возникла «в людях», а также о смятении среди «лучших и нарочитых людей», т. е. верхушки феодального общества.

Мы имеем и прямое указание на то, что восстание в Киеве происходило одновременно с восстанием в деревне, причем указание, исходящее от самого Владимира Мономаха. В Пространной «Русской Правде» особым заголовком выделен «Устав Володимерь Всеволодовича». В первой же статье устава говорится о причинах его появления: «Володимер Всеволодовичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовемъ: Ратибора Киевского тысяческого, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславльского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа». Указанные лица и «установили» следующие вслед за этим текстом статьи.

По нашему мнению, устав заканчивался словами: «а в мале тяже по нужи възложити на закупа»¹⁶. Однако в литературе имеется и другое представление о размерах устава Владимира Мономаха. Так, С. В. Юшков думает, что устав «первоначально представлял собой отдельный юридический памятник, но за-

¹⁵ «Святополку преставившюся на второе лето по устроению церкви той, и многу мятежу и крамоле бывъши в людехъ и мълве не мале, и тогда съвъкупивъшеся вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедъше причѣтъмъ всехъ людии и моляху Володимира, да възшедъ установитъ крамолу сущюю в людехъ. И възшедъ утоли мятежъ и гълку в людехъ» («Сборник XII века Московского Успенского собора», стр. 39) [изд. 1971 г., стр. 69].

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 206.

тем при переписке был механически присоединен к сборнику, носившему название «Суд Ярославль Владимировича»¹⁷.

Такое представление о «механическом» соединении разных частей краткой и пространной редакций «Русской Правды» не раз выдвигалось и до С. В. Юшкова. Оно кажется наиболее простым и в то же время при ближайшем рассмотрении оказывается самым недостоверным. Отвергая наше мнение о размерах устава Владимира Мономаха, С. В. Юшков совершенно игнорирует то обстоятельство, что во второй части Пространной Правды, озаглавленной уставом Владимира Мономаха, мы находим ряд статей, заимствованных из Краткой Правды и не помещенных в первой части Пространной¹⁸.

А это значит, что для того чтобы принять мнение С. В. Юшкова об отдельном существовании устава Владимира Мономаха как второй части Пространной «Русской Правды», надо объяснить причины, по которым статьи краткой редакции «Русской Правды» вошли и в первую часть пространной редакции и в ее вторую часть, причем речь идет об одновременном использовании составителями Пространной Правды статей, помещенных в краткой редакции.

Во второй части пространной редакции, которую С. В. Юшков считает особым памятником, уставом Владимира Мономаха, находим те статьи краткой редакции, которые не были использованы в первой части Пространной Правды¹⁹. Объяснить это обстоятельство мы можем только тем, что составители Пространной Правды пользовались краткой редакцией Правды как одним из своих источников.

Первая статья устава Владимира Мономаха, судя по ее содержанию, была составлена на совещании Владимира Мономаха с тысяцкими и боярами. Время совещания можно установить почти точно. Совещание должно было состояться еще до въезда Владимира Мономаха в Киев, так как устав Владимира Мономаха носит все черты законодательства, направленного в сторону уступок некоторым требованиям восставших.

Об этом в несколько неясной форме говорит и рассмотренное ранее сказание о «чудесах» Бориса и Глеба. По сказанию, Владимир Мономах, войдя («вшед») в Киев, прекратил «мятеж и шум в людях». Да и в самом уставе Владимира Мономаха имеются прямые указания на то, что совещание князя и тысяцких произошло вне Киева, «на Берестовемъ», т. е. в княжеском селе Берестове под Киевом. Это указание покажется нам непонятным, если мы представим себе, что устав был принят уже после вокняжения Владимира Мономаха в Киеве. Ведь

¹⁷ С. В. Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение, стр. 333.

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 205.

¹⁹ Там же, стр. 211—213, см. таблицу.

тогда возникает вопрос: зачем и какая необходимость заставила Мономаха собрать совещание в окрестностях Киева, а не в самом городе? Поэтому более обоснованно предположить, что Владимир созвал совещание в Берестове тогда, когда он находился еще под Киевом, не решаясь в него вступить.

Местом для созыва совещания было выбрано село Берестово как пункт, расположенный в непосредственном соседстве с Киевом и являвшийся загородной княжеской резиденцией. Приняв это положение, мы можем совершенно точно определить время появления устава Владимира Мономаха. Устав был составлен в Берестове в промежуток времени между смертью Святополка и въездом Владимира Мономаха в Киев, т. е. между 16 и 20 апреля 1113 г.

Такая датировка устава Владимира Мономаха находит подтверждение в самом составе участников совещания, собравшегося в Берестове. В их числе находим трех тысяцких, двух бояр («княжеских мужей»), без обозначения их сана, одного представителя от Олега Святославича, черниговского князя, причем этот представитель назван «Ольговым мужем». Участие в совещании белгородского тысяцкого вполне понятно, так как Белгород был пригородом Киева. Появление на совещании переяславского тысяцкого может быть объяснено тем, что Владимир Мономах был князем Переяславля Русского (ныне Переяслав-Хмельницкий). Сделавшись киевским князем, Владимир Мономах посадил в Переяславле своего сына Ярополка. Ипатьевская летопись относит это событие к тому же 1113 г., когда Владимир Мономах стал княжить в Киеве.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о том, что же представлял собой состав участников совещания в Берестове. У нас для этого имеется тем большее основание, что издатели комментария к «Русской Правде» не рассмотрели список участников данного совещания²⁰.

Как мы знаем, в уставе Владимира Мономаха всего перечислено 6 участников совещания. Из них известен Ратибор, являвшийся в 1079—1081 гг. посадником в Тмутаракани. Он был посажен в Тмутаракани киевским князем Всеволодом Ярославичем, отцом Владимира Мономаха, находился там три года и был взят в плен двумя князьями-изгоями²¹. Имя Прокония, белгородского тысяцкого, неизвестно по другим источникам. Переяславский тысяцкий Станислав может быть отождествлен со Станиславом Добрым Тудковичем, который был убит в 1136 г. в числе других переяславцев во время распри Ольговичей с потомками Владимира Мономаха. По-видимому, и Нажир принадлежал к переяславцам, во всяком случае такое имя мы

²⁰ «Правда Русская», т. II, стр. 425—428.

²¹ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 143.

находим под 1162 г. с прозвищем «Нажир Переяславич»²². Что касается Мирослава, то, видимо, именно о нем идет речь в известии летописи 1134 г. о «доске оконечной от гроба господня», которую принес некий Дионисий, «послал бо бе Мирослав»²³. Это известие не оставляет никакого сомнения в том, что Мирослав принадлежал к верхушке киевского общества, вернее, был одним из знатнейших бояр, так как путешествие в Иерусалим или в Царьград требовало затраты больших средств. Возможно, по имени названного Мирослава получило свое наименование село Мирославское в Киевской земле, находившееся у Витичева²⁴. Во всяком случае совпадение имени знатного боярина с названием села в Киевской земле очень знаменательно.

Последним участником совещания в Берестове указан Иванко Чудинович, «Ольгов муж». В нем мы можем видеть сына того Чудина, который участвовал в составлении «Правды Ярославичей» и «держал» в 1072 г. Вышгород. Упоминание о том, что Иванко Чудинович был Ольговым мужем, содержит определенное датирующее указание, так как черниговский князь Олег Святославич умер в 1115 г. Следовательно, устав Владимира Мономаха при всех условиях возник до 1115 г.

Итак, в совещании в Берестове, накануне въезда Владимира Мономаха в Киев, приняли участие киевские бояре в лице Ратибора и Мирослава, переяславские бояре в лице Станислава и Нажира, белгородский тысяцкий и представитель Олега Святославича как крупнейшего из русских князей после Владимира Мономаха. Таким образом, целиком подтверждаются слова сказания о «чудесах» Бориса и Глеба о том, что «большие и нарочитые люди упрашивали Мономаха войти в Киев, чтобы подавить крамолу сущую в людех». Результатом совещания «больших и нарочитых людей» было появление устава Владимира Мономаха.

Б. Д. Греков первый обратил внимание на то, что законодательные нормы устава Владимира Мономаха отражают необходимость для правящих кругов идти на некоторые уступки. «Следы происхождения законодательства о должниках, закупках и холопах, появившегося в условиях обострения классовых противоречий, очень заметны»²⁵, — пишет Б. Д. Греков. Эта мысль полностью подтверждается анализом самого устава. Поэтому можно только пожалеть, что классовая сторона законодательства Владимира Мономаха, так хорошо вскрытая в исследованиях Б. Д. Грекова, совершенно была игнорирована комментаторами академического издания «Русской Правды».

²² Там же, стр. 354. Нечего, конечно, и говорить, что этого Нажира трудно отождествить с Нажиром, участником совещания в Берестове в 1113 г.

²³ Там же, стр. 212.

²⁴ Там же, стр. 294 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 424].

²⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 270.

В поле внимания составителей устава Мономаха были два главных вопроса: 1) вопрос о купцах и ремесленниках, порабощаемых непомерными ростовщическими процентами, 2) вопрос о положении сельского населения — закупов.

Первые же статьи устава говорят об ограничении ростовщических процентов. Участники совещания «установили» брать проценты «до третьяго реза»²⁶. Как бы ни рассматривать эту статью: видеть ли в ней указание на уплату процентов по третям, или, как полагает В. О. Ключевский, слова «в треть» надо понимать как на два третий, т. е. 50%, — во всех случаях рассматриваемая статья является попыткой некоторого ограничения ростовщических процентов. Впрочем ограничение было очень условным. Это показывает следующее за тем добавление: «аже кто емлет по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати»²⁷. Будем ли мы считать, что речь идет о гривне в 50 кун или о гривне в 25 кун, и в том и в другом случае перед нами будет указание на высокий ростовщический процент: в первом случае 20%, во втором случае — 40%.

Обе следующие за этим статьи устава имеют в виду борьбу с порабощением «неповинных», о чем постоянно говорится в поучениях XI—XII вв. Статья «аже который купец истопиться» ограничивает право взыскания долгов с купца, пострадавшего от нападения ратных людей («рать возьмет»), от пожара («огнь»), от несчастного случая на воде («истопиться»). Такой купец должен платить свой долг «како начнет от лета платити», потому что он «не виноват естъ». Правом немедленного взыскания долга заимодавец пользуется лишь в том случае, если купец «в безумьи чужь товар испортить», пропьет его или проиграет, поставив в заклад. Таким образом, и эта статья создает некоторые гарантии от разорения для купца, пострадавшего от стихийных бедствий или от войны, следовательно, несколько ограничивает произвол заимодавца.

Подобный же характер имеет статья «о долзе». В ней говорится о недобросовестном купце, который «многим должен будет», но все-таки снова берет в долг. Устав предоставляет право в первую очередь получить княжеские деньги, а вслед за тем деньги, принадлежащие купцам-гостям «из иного города» или чужеземцам²⁸.

Рассматривая статьи о резах, о купце и о долге, мы заметим, что их основной лейтмотив — это вопрос о ростовщичестве. Законодательство Владимира Мономаха делает как бы попытку несколько ограничить произвол заимодавцев. В нем прояв-

²⁶ «Уставили до третьяго реза, оже емлет в треть куны; аже кто возьмет два реза, то то ему взяти исто; паки ли возьмет три резы, то иста ему не взяти» («Правда Русская», т. I, стр. 110).

²⁷ Там же, стр. 110.

²⁸ «Правда Русская», т. I, стр. 110.

ляется некоторое стремление участников совещания в Берестове удовлетворить интересы торгового населения Киева — купцов, страдавших от неумолимого взыскания процентов, которые взимались даже после стихийных бедствий.

Совсем по-иному законодательство Владимира Мономаха относится к крестьянам. Главную опасность феодалы видели в широком крестьянском движении, возникшем в Киевской земле. Отголоски борьбы феодалов с крестьянским движением мы и найдем в уставе Владимира Мономаха, в известных статьях о закупах. По-видимому, вопрос о закупах был одним из самых тревожных для участников совещания в Берестове, так как затрагивал обширные круги населения Киевской и прилегающих к ней земель.

Выше мы уже видели, каким шатким было положение смердов. Устав Владимира Мономаха как будто делает некоторые попытки в сторону облегчения положения смердов, сделавшихся закупами. Закупу следует дать «правду», т. е. позволить доказать, что он ушел в поисках управы на своего господина («обида деля своего господина»), а не тайно. Закуп не платит за «войскового» коня. Возможно, здесь имеется в виду случай, когда закуп ходил с ополчением на войну вместе со своим господином. Закупа нельзя сделать холопом, в этом случае он получает полную свободу. Таким образом, перед нами как будто стремление положить границы злоупотреблениям господ по отношению к закупам.

Устав Владимира Мономаха касается и холопов. В статье «а се, аже холоп ударить» мы читаем постановление о холопе со ссылкой на Ярослава и его сыновей. По этому случаю Б. Д. Греков вполне правильно замечает, что «это служит доказательством, что в движении 1113 г. принимали участие и холопы»²⁹.

Б. Д. Греков отмечает и декларативность постановления о закупах в уставе Владимира Мономаха. Действительно, возникший в условиях больших классовых потрясений, непосредственно под впечатлением событий в Киеве и необходимости «утолить мятеж и голку», устав Владимира Мономаха вовсе не ставил своей задачей полностью удовлетворить требования горожан и закупов.

Регламентация отношений между закупам и феодалами ни в какой мере не могла улучшить положение закупа. В конечном итоге, кто мог доказать, избил господин своего закупа «про дело» или просто в озлоблении? Какие судьи XI—XII вв. могли защитить закупа от порабощения его господином, когда знатные дворяне и в XIX столетии ухитрялись обращать в своих крепостных поповичей и однодворцев, не говоря уже о крестьянах?

²⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 270.

Фактически устав еще более ухудшал положение закупов и холопов. Так, устав узаконил превращение закупа в полного, или обельного, холопа в том случае, если закуп бежал от господина или был обвинен в краже какого-либо господского имущества. К «послушеству», свидетельству, закупа можно было прибегать только «в мале тяже по нужи», когда рассматривалось какое-либо маловажное дело, в случае крайней необходимости³⁰. Закуп фактически приравнивался к холопу, который вообще не мог выступать свидетелем. В постановлениях устава ясно видна не только фиксация старого, но и новое — стремление еще более ограничить права закупов и холопов.

Таким образом, устав Владимира Мономаха, возникший под непосредственным влиянием событий в Киеве 1113 г., как и более ранняя «Правда Ярославичей», фактически охранял интересы господствующего феодального класса. Вот почему мы не можем согласиться с мнением Б. Д. Грекова, который пишет: «Совершенно очевидно, что законодатель здесь пошел на компромисс и частично удовлетворил требования деревенского простого люда, страдавшего от произвола богатых землевладельцев»³¹.

Законодательство Владимира Мономаха ставило, на наш взгляд, совсем иные цели. Давая некоторые внешние, чисто декларативные льготы зависимым крестьянам-смердам, это законодательство защищало интересы господствующего класса феодалов. Тут невольно приходят на память замечательные слова Энгельса о расправах феодалов с неугодными крестьянами в средневековой Германии: «И кто бы мог оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги»³².

Устав Владимира Мономаха показывает широкое распространение крестьянских движений. Крестьянские восстания, видимо, происходили не только в Киевской, но и в соседних — Переяславской и Черниговской землях. Поэтому и понадобилось участие в совещании переяславского тысяцкого и представителя черниговского князя.

Некоторые участники событий 1113 г. оставили по себе прочную память в народном русском эпосе в былинах о богатом боярине Путяте и его дочери Запаве, или Забаве Путятишне, — «княженецкой племянницы». В былине о Соловье Будимировиче «славный», богатый гость приезжает на своем корабле торговать «из-за моря, моря синего, из глухоморья зеленого, от славного города Леденца»³³ в город Киев со своими заморскими

³⁰ «Правда Русская», т. I, стр. 112.

³¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 270.

³² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 357.

³³ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», стр. 1—8 [изд. 1958, стр. 1—8].

товарами. Для нашей цели нет необходимости входить в рассмотрение вопроса о происхождении былины о Соловье Будимировиче. Отметим только, что мнение о северном происхождении этого произведения, выдвинутое некоторыми исследователями, едва ли вытекает из текста былины³⁴.

Путята как боярин Святополка нередко упоминается в летописи³⁵, но характер его деятельности слабо вскрывается в источнике. Только известие о разграблении восставшими киевлянами двора тысяцкого Путяты позволяет сделать вывод о хищнической деятельности этого киевского вельможи, вызвавшего ненависть своих сограждан. Народная память о Путяте в этом отношении была более стойкой. Имя его сохранилось в былинах как синоним наущника, коварного советчика, злого интригана. В одной из былин этот интриган назван Мышаточкой Путятиним. В. Миллер пишет по этому поводу: «Кажется, в этой форме имени следует видеть перестановку, известную и в других случаях, имени и отчества: Мишатка Путятич вышло из Путятка Вышатич»³⁶. Напомним здесь же, что летописный Путята действительно носил отчество Вышатича. Он был братом знаменитого боярина XI в. Яна Вышатича.

Появление Путяты в нашем эпосе крайне характерно. Оно показывает, что воспоминание о Путяте и связанных с ним событиях прочно сохранилось в народной памяти, как и та незавидная роль, которая выпала на долю тысяцкого Путяты, двор которого сделался первой жертвой народного гнева в 1113 г. По свидетельству Татищева, «двор Путятин» и «старого Путяты темный лес» упоминались в песнях его времени, т. е. в первой половине XVIII в. Как мы видим, Путятин двор, двор феодала-хищника, заслужил того, чтобы летописец упомянул о его разграблении киевлянами во время восстания.

Глава XI

ВОССТАНИЯ ГОРОЖАН И СМЕРДОВ В КИЕВСКОЙ И ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛЯХ В XII СТОЛЕТИИ

Киевские события 1113 г. были одним из крупнейших антифеодальных народных движений, но отнюдь не единственным восстанием в Киеве XII в. Наоборот, история Киева этого столетия наполнена антифеодальными движениями, которые идут

³⁴ О литературе былин см. А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.—Саратов, 1924, стр. 185—187.

³⁵ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 179, 180, 185, 186 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 247, 249, 256, 257].

³⁶ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, т. II. М., 1910, стр. 29.

на убыль только в связи с общим падением экономического и политического значения Киева.

Борьба горожан с княжеской властью была типичной и для городов Западной Европы. Она сопровождалась ожесточенной внутренней борьбой среди самих горожан, носившей классовый характер. К сожалению, эта особенность киевских восстаний XII в. почти совершенно не вскрыта в специальных работах, посвященных Киевской Руси. Она нередко затушевывается повествованиями о междукняжеской борьбе за киевский престол, о непрерывных распрах Мстиславичей, потомков Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, с черниговскими Ольговичами, представителями «храброго Ольгова гнезда», т. е. родом Олега Святославича Черниговского.

Нет никаких оснований приписывать Мстиславичам, любимцам киевских горожан, черты князей, будто бы отстаивавших народные интересы. Мстиславичи были такими же феодалами, как и соперничавшие с ними Ольговичи. Но было бы неправильно и отрицать всякое различие между теми общественными кругами, на которые опирались враждующие князья. Верхушка феодального общества — бояре и церковные феодалы поддерживали Ольговичей; более слабые Мстиславичи старались найти опору в широких кругах киевских горожан, среди торговцев и ремесленников.

В Киеве и в других южных городах Руси XII в. прочно сложились общественные группировки, мало зависевшие от династических споров между самими князьями. Когда на смену Ольговичей явился Юрий Долгорукий, младший сын Мономаха, симпатии основной массы киевских горожан остались по-прежнему на стороне Мстиславичей. Борьбу общественных группировок в Киеве XII в. с некоторым основанием можно сравнить с тем, что происходило примерно в то же время в итальянских городах, где враждовали гвельфы и гибеллины. «...Как папы и демократические гвельфы старались защитить себя при помощи иностранцев, так и теснимые ими *аристократическо-монархические гибеллины* стремились сохранить значение *Германии* и влияние *императора*»¹, — говорит Маркс об Италии XIII в. Мстиславичи и Ольговичи одинаково опирались на поддержку иностранных войск: Ольговичи призывали на помощь половцев, Мстиславичи — венгров и поляков.

После смерти Мстислава Владимировича борьба за Киев на первом своем этапе окончилась победой Всеволода Ольговича, вступившего в Киев в 1138 г.² Княжение Всеволода продолжалось всего несколько лет, наполненных непрерывными войнами. Сам Всеволод смотрел на Киев как на свое наследственное владение. Это выразилось в его намерении передать Киев в

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 269.

² По Лаврентьевской летописи; по Ипатьевской — в 1140 г.

качестве наследства брату Игорю. При этом Всеволод ссылаясь на пример Владимира Мономаха: «Владимир посадил Мстислава, своего сына, после себя в Киеве, а Мстислав брата своего Ярополка, а вот я говорю: если меня бог возьмет, то я после себя даю Киев брату моему Игорю»³. Дальнейшие события показали трудность передачи Киева по наследству. Неосторожные слова Всеволода послужили только предлогом для агитации против его брата Игоря. «Не хотим быть, как в наследстве»⁴ — так звучал один из лозунгов киевлян, противников Ольговичей.

Кратковременное княжение Всеволода Ольговича было для горожан тягостным временем. По образному выражению летописи, возможно, сохранившей подлинную формулу, сказанную киевлянами на вечевом собрании, княжеские тиуны Ратша и Тудор разорили Киев и Вышгород («Ратша ны погуби Киев, а Тудор Вышегород»).

Грозные события в Киеве развернулись тотчас же после смерти Всеволода Ольговича, последовавшей 1 августа 1146 г. Город тотчас же разделился на две враждующие стороны. Боярская Гора готова была поддержать Ольговичей, тогда как ремесленный и торговый Подол резко выступил против нового князя. Это разделение города выразилось даже в том, что вече собиралось в разных местах. Игорь Ольгович «созвал всех киевлян на гору на Ярославль двор» и там привел их к присяге. Тотчас же после этого «вновь собрались все киевляне у Туровой божницы», местоположение которой надо предполагать где-то в районе Подола, во всяком случае в отдалении от Ярославля двора, стоявшего на Горе.

Дальнейшие события описываются в летописи таким образом: «Игорь же, взяв своего брата Святослава, поехал к ним (киевлянам.— М. Т.), и стал с дружиной своею, а брата своего Святослава послал к ним на вече. И начали киевляне возлагать вину на тиунов Всеволода, на Ратшу и на другого вышгородского тиуна, на Тудора, говоря: «Ратша нам погубил Киев, а Тудор — Вышгород. А ныне, княже Святослав, целуй нам крест, и с братом своим: если кому у нас будет обида, то ты суди». Святослав же сказал «я целую крест с братом своим, что не будет вам никакого насилья, а вот вам и тиун, по вашей воле». И Святослав, сойдя с коня, целовал на этом крест киевлянам на вече. Киевляне же все, слезши с коней, начали говорить: «брат твой — князь, и ты (князь.— М. Т.)». И на этом все киевляне целовали крест, вместе с детьми, чтобы не замышлять на Игоря и на Святослава. А Свя-

³ «Володимир посадил Мьстислава сына своего по себе в Києве, а Мьстислав Ярополка брата свого, а се я мольвлю: оже мя бог поиметь, то аз по себе даю брату своему Игореві Києв» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 227) [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 317—318].

⁴ «Не хотим быти акы в задничи» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 230) [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 328].

тослав, взяв лучших мужей киевлян, поехал с ними к брату своему Игорю, и сказал: «брат, на том я целовал крест, что тебе иметь их по правде и любить». Игорь же, сойдя с коня, целовал крест на всей их воли и на братьни, и поехал обедать. Они же устремились грабить на Ратшин двор и на мечников. И послал к ним Игорь брата своего Святослава с дружиною, и едва успокоили»⁵.

Главной причиной недовольства киевлян, по данным летописи, являлись злоупотребления княжеских тиунов. Но речь не шла только о смене определенных лиц, о Ратше и Тудоре, озлобивших киевских и вышгородских горожан, киевляне требовали гарантий против княжеского произвола. Эти гарантии выражались в требовании киевлян, обращенном к новому князю: «целуй нам крест и с братом своим: если кому из нас будет обида, то ты правь». В ответ на это требование Святослав вынужден был дать присягу от имени Игоря и от себя по такой формуле: «я целую крест с братом своим, что не будет вам никакого насилья, а вот вам и тиун по вашей воле».

Краткий рассказ Ипатьевской летописи о переговорах Святослава с киевлянами оставляет несколько неясное впечатление о том, в чем же конкретно заключались требования киевлян. Поэтому для нас имеет большое значение известие о том же событии Московского летописного свода конца XV в., основанного на древних и частично утерянных свидетельствах XII в.

По Московскому летописному своду, Святослав Ольгович сказал брату, что он принес присягу на следующих условиях: «тебе быть князем по правде, а людей, кому до кого будет обида, так тебе их судить по правде самому, или мне, а тиунам их не судить, не продавать. А что были тиуны брата нашего, Ратша и Тудор, тем не быть, а кто будет тиунами, брать им к суду по «уроку», а своей волей им с людьми не расправляться»⁶. Смысл этих требований заключается в установлении княжеского суда над горожанами, передоверенного раньше тиунам. Тиунский суд должен производиться по «урокам», т. е. по постановлениям, правилам, ограничивающим самоуправство и устанавливающим высоту судебных пошлин.

Запоздалое согласие Игоря на требование киевлян не спасло Ратшу, Тудора и мечников от разгрома их дворов, как позже не спасло оно и самих Ольговичей. При этом мы можем установить, какие круги населения являлись противниками Ольговичей. По сведениям Ипатьевской летописи, в соглашении с Игорем принимали участие «все киевляне». «Все киевляне» со-

⁵ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 230 [СРЛ, т. II, стр. 328].

⁶ «Яко быти тебе князем в правду, а людем, кому до кого будеть обида, ино ти их судити в правду самому или мне, а тиуном их не судити, ни продавати. А что были тивуни брата нашего, Ратьша и Тудор, а тем не быти, а коим будеть быти, ино им имати к суду уроком, а в свою волю им людей не продовати» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 37).

бираются на Ярославле дворе, «все киевляне» сходятся на вече у Туровой божницы, они же ведут переговоры со Святославом. Но к Игорю едут только «лутшие мужи кияне», они же принимают его присягу «на всей их воли». Таким образом, уже здесь обнаруживается стремление Ольговичей опереться на «лучших мужей».

Существенно по-иному говорит о положении в Киеве Лаврентьевская летопись. По ее словам, княжение Игоря было негодно «людем»⁷. Игорь «не стал так делать, как хотели люди», это им «было негодно»⁸, — поясняет Московский летописный свод. Между тем мы знаем, что словом «люди» обычно обозначали горожан. Дальнейшие события показывают, что средоточием борьбы против Ольговичей явился Подол с его ремесленным и торговым населением, т. е. как раз район, населенный «людьми».

Недовольство «людей» было ловко использовано сторонниками Мстиславичей во главе с тысяцким Улебом и боярином Иваном Войтишичем, который раньше был боярином Владимира Мономаха. Эти бояре совместно с киевлянами устроили заговор против Ольговичей и призвали Изяслава Мстиславича с войском.

Битва между войсками Изяслава и Игоря произошла под Киевом, и в самый ее разгар городское ополчение, «многое множество», перешло на сторону Изяслава, решив таким образом исход сражения в его пользу. Игорь Ольгович четыре дня скрывался в болотах около Киева. Там его взяли в плен и посадили в темницу.

Описываемые события развернулись в Киеве на протяжении всего только двух недель. 1 августа умер Всеволод Ольгович, а 13 августа, после победы над Игорем, в Киев вступил уже Изяслав Мстиславич.

Переход власти от одного князя к другому не прошел безболезненно. Дома сторонников Ольговичей были разграблены, их села, стада, имущество — захвачены. «И разграбили киевляне вместе с Изяславом дома дружины Игоря и Всеволода, и села, и стада, взяли много имущества в домах и монастырях»⁹, — пишет летописец. Перед нами — картина больших народных волнений, направленных против феодальной верхушки. Как и в 1113 г., жертвами народного гнева становятся не только бояре и дружинники, но и монастыри как крупнейшие центры феодальной эксплуатации. Указание на разграбление сел выводит нас за пределы собственно города Киева. Оно говорит о тес-

⁷ «И не годно бысть людем» («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 297).

⁸ «Не поча по тому чинити, яко же люди хотяху, и не угодно бысть им» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 37).

⁹ «И розъграбиша кияне с Изяславом дома дружины Игоревы и Всеволоже, и села, и скоты, взяша именья много в домех и в монастырех» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 233) [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 328].

ной связи городских волнений с волнениями крестьян. Восстание, происходившее в Киеве, сопровождалось разорением княжеских и боярских сел.

Режим, установившийся в Киеве после победы Изяслава Мстиславича, характеризовался усилившимся значением вечевых собраний. Вече обсуждало и порой отвергало княжеские предложения. Так, на призыв Изяслава начать войну с суздальским князем Юрием Долгоруким киевляне ответили отказом, мотивируя это тем, что Юрий был сыном Владимира Мономаха: «не можем на Володимирово племя руки поднять».

В краткий период княжения Изяслава фактическим распорядителем Киева сделалось вече, с которым князь вел переговоры при посредстве послов. В исторической литературе были сделаны попытки лишить вечевые собрания в Киеве в 1146—1147 гг. всякого классового смысла, придать им значение неурядицы среди самих феодальных группировок. Именно этой точки зрения упорно придерживался С. В. Юшков. Вот что он писал о вечевых собраниях в Киеве: «Это собрание состояло из «Киян». Но кто они были, летописью очень хорошо выявлено. Вечники были на конях и, конечно, вооружены. Следовательно, это не мелкие торговцы и ремесленники, а основная киевская феодальная группа, тесно связанная с Мономаховичами — в душе оставшаяся вассалами Мономахова дома, что доказано было последовавшими событиями — изгнанием Игоря и приглашением Изяслава. Очень характерны вечевые собрания в Киеве в 1147 г., хотя летопись и не называет их вечем, когда князь Изяслав двоекратно сам созвал бояр, дружину и «Киян всех». А на одном собрании фигурировал и митрополит. Но также ясно, что руководила этим собранием феодальная верхушка»¹⁰.

Приведенные слова С. В. Юшкова только повторяют в еще более категорической форме прежние высказывания того же автора о вечевых собраниях в Киеве, с той же ошибкой в дате: вече у Туровой божницы отнесено к 1139, а не к 1146 г. Но дело не в этой ошибке, а в том, что высказывания С. В. Юшкова грешат явной недооценкой значения классовой борьбы в средневековых городах. Нельзя, конечно, отрицать того, что в переговорах с князем принимали участие «лучшие мужи» как представители боярских кругов Киева. Но ведь «лучшие люди» выступали представителями горожан и в 1113 г. Неизвестно также, почему С. В. Юшков считает, что только бояре и дружинники могли иметь оружие и коней, хотя «Русская Правда» и летописи говорят о «войском» коне, о конях смердов, принимавших участие в походах на половцев. Спрашивается, против кого же восстали киевляне в 1146 г., кого «погубили» княжеские тиуны в Киеве и Вышгороде. Неужели они грабили представи-

¹⁰ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350.

телей феодальных верхов, которые в ответ разгромили дворы тиунов и мечников?

Неправильно и указание С. В. Юшкова на состав веча, собранного во дворе Софийского собора в 1147 г. О составе его имеется точное и неоспоримое летописное свидетельство: «киевляне сошлись все от мала и до велика к святой Софии на двор»¹¹. Неужели все киевляне от мала до велика могут быть причислены только к феодальным верхам? По другому известию, на дворе Софийского собора собралось множество народа; киевляне сидя слушали послов Изяслава Мстиславича¹².

Классовый характер киевских движений 1146—1147 гг. становится особенно ясным в свете событий, происшедших в Киеве вскоре после вокняжения Изяслава. Продолжая борьбу с Ольговичами, Изяслав обратился за помощью к киевлянам, которые обещали ему поддержку. На том же вече было постановлено расправиться с Игорем Ольговичем, постригшимся в монахи Киевского Федоровского монастыря после того, как он опасно заболел в своей темнице — «порубе».

Летописи рисуют картину полной беспомощности княжеских людей перед лицом восставших горожан. «Народы,— как образно говорит летопись,— шли по мосту»¹³, а Владимир, брат Изяслава Мстиславича, пытался перегнать горожан и спасти Игоря. Горожане схватили Игоря, слушавшего обедню, и повели его из монастыря. Тщетно Владимир пытался спрятать его во дворе своей матери. Горожане ворвались во двор, вывели Игоря и убили его в конце лестницы. Ожесточение горожан было настолько велико, что труп Игоря подвергся поруганию, его волочили веревкою за ноги до Десятинной церкви, бросили там на телегу и отвезли на Подол, «на торговище»¹⁴.

Обе летописные версии, рассказывающие об убийстве Игоря, одинаково возлагают вину на «людей». Именно «люди» хотели убить Владимира, заступившегося за свергнутого князя. Спрашивается: что это за люди? Конечно, не феодальная верхушка, как это безуспешно пытался доказать С. В. Юшков, а основная масса городского населения — ремесленники, мелкие торговцы, поденщики. Тогда становится ясным, зачем труп Игоря отвозят на торговую площадь на Подоле. Подол — это центр ремесленного и торгового населения Киева. На Подоле, как и в 1068 г., начинается восстание «людей», направленное против феодальной верхушки. «Вот вы уже Игоря убили» («се уже Игоря есте убили»), — говорят тысяцкие Изяслава и Владимира,

¹¹ «Княном же всим съшедшимся от мала и до велика к святей Софии на двор, вставшем же им в вечи, и рече им Изяславль посол» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 245—246).

¹² «И придоша кыян много множество народа, и седоша у святое Софии слышати» («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 300).

¹³ «Народи идяху по мосту» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 247).

¹⁴ Там же, стр. 249.

упрекая горожан и возлагая на них вину за это убийство. Характерно, что «человек», поднявший киевлян на убийство Игоря, так аргументировал необходимость расправы с ним: «преже», при Изяславе Ярославиче, злые люди воспользовались тем, что в городе сидел в темнице князь Всеслав, освободили его из темницы «и много зла бысть про то граду нашему»¹⁵. Следовательно, восстание 1068 г. не было вытравлено из памяти киевлян в течение почти столетия.

Смерть Игоря от руки горожан произвела громадное впечатление на феодалов, так как убитый был князем и в то же время монахом. Не случайно в одном малоизвестном памятнике читаем похвалу Игорю Ольговичу и укоризну киевлянам: «если киевляне, укоряя, возложили на него честный монашеский образ, и в том восприял он нетленный венец, то без укорной славы они его сподобили, а себя муки вечной». Впрочем проповедник тут же проговаривается о настоящих причинах озлобления «людей» против Игоря Ольговича, обращаясь к князьям с призывом: «спаситесь и вы, князи, правдою, златолюбие отвьргше, спаситесь и вы княгине истинною, а не злобою, сребролюбие ненавидяще»¹⁶. Так выпады проповедника против златолюбия обнаруживают носителей этого порока — князей и княгинь.

Версия о «мученичестве» Игоря Ольговича находит свое отражение и в Ипатьевской летописи, которая вкладывает в его уста благочестивые рассуждения. Позднейшие летописи еще более усугубляют мотив «мученичества», красочно рассказывая о появлении светозарного столпа над телом убитого князя, о громах и молнии, даже о землетрясении¹⁷. Отвратительный образ корыстолюбивого и жестокого князя под пером русских церковников превращается в лик праведника, пострадавшего от свирепых «злодеев». Русская церковь вносит Игоря в свои святцы и оставляет его в них вплоть до нашего времени под именем «блаженного» князя.

Непрерывные войны между киевскими Мономаховичами и черниговскими Ольговичами не могли пройти бесследно для сельского населения южной Руси. Даже летопись говорит по поводу войны Всеволода Ольговича с Владимирком Галицким, что войска Всеволода взяли в плен больше мирных людей, чем ратных¹⁸. Какой урон нанесли крестьянам непрерывные княжеские войны, видно из случайного свидетельства летописи. Рассказав о «великой буре», которая разнесла хоромы и хлеб с гумна, летописец добавляет: «по просту сказать, точно рать взяла». Так грабежи ратных людей приравняются к страшно-

¹⁵ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 246 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 349].

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 199 [изд. 2, стр. 196].

¹⁷ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 176 [фототипическое переиздание. М., 1965].

¹⁸ «И воевавши возвратишася, взявшие боле мирных, неже раатных» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 224) [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 313].

му стихийному бедствию, после которого не остается в домах «ничто же»¹⁹.

К середине XII в., когда развертывалась борьба Мономаховичей с Ольговичами, феодальное хозяйство в южной Руси предстает перед нами в виде крупнейших вотчин типа средневековых западноевропейских сеньорий или маноров. Поэтому Мстиславичи в первую очередь стремятся разорить богатые села своих черниговских противников.

Семьсот человек челяди, обслуживавшей двор Святослава под Путивлем, конечно, нельзя считать только челядью, рабами. Это не только холопы, но и смерды, обслуживавшие феодальное хозяйство, попавшие в полную зависимость, те самые «ратаи» «Слова о полку Игореве», которые так редко «покрикивали» («кыкахуть») на полях во время княжеских междоусобиц. Было бы совершенно напрасно изображать Мстиславичей и киевских горожан смердолюбцами, освобождавшими смердов от феодальной зависимости. Изяслав Мстиславич смотрел на челядь, подобно другим феодалам, как на свое имущество²⁰. Но победы Мстиславичей над Ольговичами и крупными боярами-землевладельцами развертывались в условиях движений смердов, опасных для феодалов, в том числе и для церковных.

Летописи не дают возможности что-либо сказать об участии смердов в событиях 1146—1147 гг. Летописец занят только распрями князей. Он говорит о княжеских селах и взятой в плен челяди, которую делят между собой победившие князья. И это понятно в устах летописца, как бытописателя феодальных неурядиц, непосредственно связанного с интересами князей и бояр.

Княжеские усобицы не проходили бесследно для крестьянского населения, разоряемого бесчисленными «ратями и крамолами». Летопись говорит о необыкновенной активности мелких черниговских городков, действующих в обстановке растерянности черниговских князей на свой страх и риск.

Жители Курска, «куряне», ведут самостоятельные переговоры с князьями²¹. Это относительно большой город Черниговской земли, но так же держат себя и небольшие городки той же земли — Вырь, Выхань, Попашь²². Небольшой городок Глебль оказывает решительное сопротивление войскам Мстиславичей. Осаждавшими командуют сам Изяслав Мстиславич и его брат Ростислав. Битва под стенами города продолжается с утра до вечера и кончается победой осажденных²³. Спрашивается: откуда же маленькие черниговские городки получили помощь, чтобы отбить «сильную рать», как характеризует летопись нападение Мстиславичей?

¹⁹ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 224.

²⁰ Изяслав говорил: «челядь ли, товар ли, то мое» (там же, стр. 239).

²¹ Там же, стр. 250 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 355—357].

²² Там же, стр. 251.

²³ Там же, стр. 252.

Ответ на этот вопрос, видимо, найдем в предположении, что в защите городов принимали участие не только горожане, но и скрывшиеся за городскими стенами крестьяне. Города Черниговской земли, следовательно, сделались уже центрами значительной сельской округи, которая к ним тяготела. Княжеские неурядицы затронули крестьянское население, активно принявшее участие в отражении очередных феодальных набегов.

События 1146—1147 гг. и последующих лет охватили не только собственно Черниговскую землю. Они распространились и на соседних «вятичей». Летописец всюду говорит о вятичах, а не о Вятической земле. В этом наименовании сказывается представление о земле вятичей как о крае, где с еще большей силой сохранялись пережитки родового строя.

Вятичи проявляют большую активность, вступая в соглашение с князьями. Этим пользуются черниговские Давыдовичи, вступившие в соглашение с Изяславом Мстиславичем. Они жалуются вятичам на своих противников и на их союзника Юрия Долгорукого: «созвав вятичей сказали им: «это враг нам и вам»²⁴. Очевидно, такие слова отражают действительные настроения вятичей, упорно сопротивлявшихся феодализации, проводниками которой были черниговские и суздальские князья. Вспомним здесь свидетельство Владимира Мономаха о его борьбе с вятическими старшинами во главе с Ходотой и его сыном²⁵, о смерти от вятичей Кукши, монаха Киево-Печерского монастыря, пытавшегося обратить вятичей в христианство.

Княжеские усобицы не прошли бесследно для сельского населения Киевской и Черниговской земель. Они достигли даже отдаленной страны вятичей. Прямое указание на связь городских восстаний с движениями смердов находим в летописном рассказе о новом восстании киевских горожан после смерти Юрия Долгорукого в 1157 г.

Юрий умер 15 мая и был погребен на следующий же день. «И много зла сотворилось в тот день, разграбили двор его красный, и другой его двор за Днепром разграбили, который он сам называл раем, и Васильков двор, его сына, разграбили в городе. Убивали суздальцев по городам и селам, а имущество их грабили»²⁶.

Татищев добавляет к этому известию Ипатьевской летописи слова киевлян: «Вы нас грабили и разоряли, жен и дочерей наших насильствовали; несть нам братия, но неприятели»²⁷. Нет основания приписывать эти слова самому Татищеву. Они,

²⁴ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 240 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 338].

²⁵ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 239 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 248].

²⁶ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 336.

²⁷ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3. М., 1774, стр. 103 (В. Н. Татищев. История Российская, т. III. М.—Л., 1964, стр. 60).

вероятно, находились в том источнике, которым он пользовался. В суздальцах убитых по селам, мы с полным правом можем видеть приближенных Юрия Долгорукого, получивших киевские села в феодальное держание. Упрек суздальцам в том, что они «грабили и разоряли», вполне уместен в устах горожан и смердов, совместно выступавших против своих и пришлых феодалов.

Краткие известия летописи о событиях в южной Руси XII в. дают возможность вскрыть непрекращающуюся классовую борьбу в деревнях и городах. Поэтому даже церковные авторы, отнюдь не склонные к защите угнетенных слоев населения, вынуждены были писать строки, проникнутые негодованием против бессовестных «душегубцев». «Душегубства различны суть: не только, что человека погубить, но и другое — если озлобить раба или должника, или смерда, если они от нужды погибнут или к поганым убегут»²⁸. Бегство к половцам, к «поганым», делается настолько заурядным явлением на юге Руси, что о нем говорят сборники церковных правил. Так даже в церковных сочинениях выступает перед нами беспощадная феодальная эксплуатация и ее непосредственные следствия — разорение, бегство от долгов и притеснений в чужие страны, даже самоубийства.

Г л а в а XII

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XII В.

Общие причины, вызывавшие народные движения против феодального гнета, были в Новгородской земле те же, что и на юге Руси. Ужасающее бесправие закрепощенных крестьян, их тяжелое экономическое положение, постоянные поборы и издевательства феодалов действовали с одинаковой силой и на севере и на юге Руси. Но в Новгородской земле были и свои особенности, которые придавали народным движениям против феодального гнета своеобразную окраску.

Процесс создания боярского землевладения зашел в Новгородской земле в XI—XII вв. очень далеко. Типичным феодальным хозяйством является, например, «земля», принадлежавшая основателю Хутынского монастыря под Новгородом, боярину, позже чернецу Варлааму. Она состояла из пашни, огорода, лугов, ловищ рыбных и гоголиных¹. Хутынская земля находилась под самым городом и поэтому имела большую ценность. Но Варлааму принадлежало и другое село — «за Слудицею», с церковью, нивами, пожнями и ловищами. На земле Варла-

²⁸ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, стр. 307.

¹ Гоголь — редкая птица с ценным пухом, водившаяся под Новгородом в XII в.

ама жили зависимые люди: Отрок с женою, девка Феврония с двумя племянниками, Волос и Недачь^{1а}. В боярском хозяйстве имелось 6 коней и корова.

Небольшие размеры села, принадлежавшего Варлааму, не должны приводить нас в недоумение, так как селения в Новгородской земле и в позднейшее время не отличались крупными размерами. Вкладная Варлаама, данная им Хутынскому монастырю, не содержит материала для суждения о том, кем являлись по отношению к боярину обитатели четырех дворов, стоявших на его земле. Неизвестно, были ли эти люди холопами, посаженными на землю, или, наоборот, закрепощенными крестьянами. Но это в данном случае не имеет значения.

Тяжелое положение смердов, живущих «по селам», живо выступает перед нами в других новгородских документах XII—XIII вв., в частности в немногих, но красочных замечаниях «Кирикова вопрошания» — новгородского церковного памятника первой половины XII в. В вопросах, задаваемых епископу, Кирик касается главным образом церковной практики, но в них порою проглядывают взгляды Нифонта и самого Кирика на общественную жизнь Новгорода. Это объясняется самим характером записей Кирика. Исследователь «Вопрошания» рисует такую картину бесед Кирика с его патроном: «Кирик, кажется, готовился к беседам и являлся с книгами, читал из них владыке, требуя обсуждения или толкования. Нифонт нередко соглашался с прочитанным, разъяснял Кирику практическое приложение разных статей, иногда же решительно осуждал книги. Кирик, случалось, здесь же и записывал решения владыки. На этих аудиенциях попросту присутствовал домовый священник Нифонта и вставлял свое слово. Бывали тут и другие, может быть, посторонние лица, которых приходилось удалять на время, когда разговор касался некоторых подробностей духовнической практики»².

Это несколько идиллическое изображение бесед Кирика с Нифонтом не мешает нам подметить одну важную черту в записях Кирика — их непосредственность. «Вопрошание» дает нам представление об интимных взглядах высшего новгородского духовенства на общественную жизнь, преломленную через призму церковных обрядов. Кирик и епископ обычно говорят о смердах с некоторой долей презрения, как о людях отсталых и бедных; то речь идет о смердах, живущих «по селом», то смерды едят «веверечину» — мясо мелких лесных зверьков, хорьков и белок. Кирик спрашивает, как поступать в этих случаях, «смердь деля», т. е. применяясь к бедности поселян. Епископ

^{1а} «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 161—162. В этом издании грамота напечатана почти без комментариев. Слово «недачь» я считаю именем собственным.

² С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 113.

разъясняет, что можно есть и веверечину, но только не удавленную в силках. Также разрешается для смердов ношение одежды из звериных шкур — «в чем си хотяче ходити нету беды, хотя и в медведине»³.

Однако ставить знак равенства между смердами южной и северной Руси все-таки неправильно. Даже в XIV—XV вв. в Новгородской земле находим значительное количество крестьян, зависевших от князя, а не от бояр. Положение таких новгородских крестьян существенно отличалось от смердов княжеских сел в других русских областях, так как князья в Новгороде не имели наследственной власти, а новгородцы упорно запрещали своим князьям и их боярам держать села в Новгородской земле⁴.

Верхушка феодального общества в Новгородской земле была заинтересована в том, чтобы смерды, жившие на княжеских землях, не превращались в зависимых людей того или иного князя. Тем не менее и в Новгородской земле количество смердов, зависевших непосредственно от князя, должно было непрерывно уменьшаться. Мы видели уже, как земли пригородных смердов превращались в монастырские вотчины в XII в. Этот процесс, несомненно, продолжался и расширялся в последующие века. Вместе с тем усиливалась феодальная эксплуатация крестьян, становившихся закрепощенными людьми бояр и монастырей. Тем самым создавались условия для возникновения крестьянских движений против феодального гнета, которые шли обычно рука об руку с народными восстаниями в городах.

Новгород представлял собой один из крупнейших русских городов со значительным населением, развитым ремеслом, крупной торговлей.

О производстве новгородских ремесленников XII—XIII вв. красноречиво рассказал в своей книге о русском ремесле Б. А. Рыбаков⁵. Б. А. Рыбаков изучал новгородское ремесло не только по предметам искусства, но и по изделиям повседневного быта, приспособленным для потребностей широких кругов новгородцев.

Повседневная жизнь новгородцев особенно ярко выступает перед нами в археологических находках, сделанных в Новгороде неутомимыми изысканиями А. В. Арциховского. Пожалуй, самыми замечательными в новгородских раскопках являются предметы обывденной жизни с надписями, указывающими на их назначение. Тут найдем «прямолинейную планку правильной формы», на которой небрежно нацарапана надпись: «святого

³ С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 12—14, приложение.

⁴ «Тобе, княже, ни твоей княгыни, ни твоим бояром, ни твоим слугам сел ни държати, ни купити, ни даром примати, и по всей волости Новгородьской» («Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 15. Договор с тверским князем Михаилом Ярославичем 1304—1305 гг.).

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

еваньского». Это «Еваньский локоть» — мера длины в древней Руси. Образец «Еваньского локтя» хранился в церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде. По нему были изготовлены подобные же локти, служившие официальными мерами длины для тканей⁶.

Надписи, сделанные «графити» (острым орудием по сырой штукатурке) на стенах новгородского Софийского собора, новгородские берестяные грамоты, откопанные А. В. Арциховским, вводят нас в среду торговцев и ремесленников XII—XIII вв., не чуждую просвещения и грамотности, во всяком случае очень далекую от представлений о безграмотной сермяжной Руси, которая так часто выступает перед нами на страницах исторических романов и даже исследований.

Средневековые ремесленники были тесно связаны с рынком. Обширная торговля постоянно являлась источником забот для Новгорода. В конечном итоге она и порождала богатство новгородского купечества. Не случайно новгородские былины донесли из глубы веков слова богатого гостя Садко: «Не я Садко богат — богат Новгород всякими товарами заморскими». Былинные слова о богатстве Садко подтверждаются летописным известием о том, что Садко построил каменный храм в новгородском детинце. Раскопки, произведенные А. А. Строковым и В. А. Богушевичем, показали, что этот храм был обширным и богато украшенным зданием. О больших богатствах отдельных новгородцев напоминают постройки Антониева монастыря в Новгороде. Время жизни их строителя, Антония, по вполне уже достоверным сведениям летописи, относится к первой половине XII в.

В XI и начале XII в. происходил быстрый рост городской территории Новгорода, которая уже занимала обширные пространства, почти в пределах земляных валов, еще существующих до нашего времени. Внешними показателями роста Новгорода в это время являются величественные соборы Антониева и Юрьева монастырей, собор Николы на Дворище. Стоит сравнить огромные здания названных соборов с небольшими новгородскими церквями XIV—XV вв., чтобы сразу увидеть различие между строительством XII в. и более позднего времени. Историк вообще останавливается с удивлением перед тем замечательным фактом, что русские города (Галич, Новгород, Чернигов, Владимир, Псков и другие) несравненно богаче монументальными постройками XII и первой половины XIII в., чем XIV столетия, не говоря уже о второй половине XIII в., когда каменное строительство на Руси после монгольских пог-

⁶ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXXIII, 1950; см. также: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

ромов угасло почти на полстолетия. Не надо лучшей иллюстрации для доказательства того, какое страшное разорение произвели на Руси монгольские орды.

Подъем новгородского ремесла и торговли сопровождался углублением классовых противоречий среди городского населения. Из массы ремесленников и торгового населения выделяется купеческая верхушка, добивающаяся участия в политических делах и утверждения своих привилегий. Иногда она идет вместе с остальным торговым и ремесленным населением Новгорода, которое объединяется общим названием «черных людей», но уже в новгородских событиях XII в. замечается большая классовая дифференциация в среде самих городских людей, противоположение «черных людей» боярам и купцам.

Наиболее крупным новгородским восстанием было восстание 1136 г., но его нельзя рассматривать в отрыве от более ранних народных волнений в Новгороде начала XII в. Уже в 1132 г. в Новгороде было «великое восстание в людях»⁷. Новгородцы вместе с ладожанами и псковичами прогнали князя Всеволода, но вскоре вернули его обратно. Летописец не объясняет причины недовольства новгородцев, но указание на «людей» говорит нам о тех кругах, которые выступали против Всеволода.

Летопись рассказывает о народных движениях в Новгороде XII столетия крайне кратко, обычно без мотивировки, разъяснения причин, вызвавших то или иное событие. Но в наших руках имеются и другие документы, которые позволяют несколько подробнее осветить темные страницы истории Новгорода первой трети XII в., — это два устава Всеволода Мстиславича. Первый из них получил название устава о церковных судах, второй называется уставом церкви Ивана Предтечи на Опоках, а в подлиннике носит заглавие «Рукописание князя Всеволода». В дальнейшем мы будем называть первый документ уставом о церковных судах, второй — «Рукописанием». Изучение этих уставов началось давно, в той или иной мере о них говорится во всех работах, посвященных истории Новгорода. Тем не менее их датировка и значение все еще полностью не раскрыты в нашей исторической литературе. Между тем эти документы имеют важное значение для понимания не только истории Новгорода, но и ряда проблем истории древней Руси.

Общие соображения по поводу деятельности Всеволода Мстиславича и его уставов высказывает Б. Д. Греков, который считает, что они стали создаваться «в то время, когда перестраивались новгородские политические порядки вообще, т. е. в 30-х годах XII века»⁸.

⁷ «Бысть встань велика в людех» («Новгородская Первая летопись...», стр. 22).

⁸ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. — «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV. М., 1929, стр. 19.

Более подробно вопрос об уставах Всеволода Мстиславича разобран в специальной работе С. В. Юшкова, главным образом с источниковедческой и юридической точек зрения. Выводы С. В. Юшкова имеют большое значение, как основанные на глубоком и вдумчивом изучении этих источников. С. В. Юшков с достаточной убедительностью показал, что устав о церковных судах в основном заимствовал свой материал из церковных уставов Владимира, причем из какой-то особой, возможно, не дошедшей до нас версии⁹.

Наряду с этим в уставе о церковных судах встречается и такой материал, который не был заимствован из устава Владимира. Отвечая на вопрос, откуда был взят этот материал, С. В. Юшков говорит, что «таким источником являются подлинные постановления Всеволода, подлинная его грамота». Эти грамоты возникли приблизительно между 1130 и 1137 гг., т. е. между временем построения церкви Ивана Предтечи на Опоках и изгнанием Всеволода Мстиславича из Новгорода. Общий вывод С. В. Юшкова заключается в следующем: «Как будто можно считать достаточно установленным, что после издания Всеволодом грамоты церкви Рождества Иоанна Предтечи, где определяется ряд пожалований в пользу этой церкви и создается ряд приходских и экономических организаций при ней, была издана Всеволодом и другая грамота, содержащая пожалования не только церкви Иоанна Предтечи, но и другим новгородским церквям, в частности Софии и Бориса и Глеба».

Итак, по С. В. Юшкову, устав о церковных судах появился после «Рукописания» Всеволода, которое могло возникнуть, в свою очередь, только после построения церкви Ивана.

Однако решение вопроса о происхождении устава о церковных судах и о «Рукописании» Всеволода, предложенное С. В. Юшковым, на деле оказывается не вполне обоснованным. Доказательство этому мы найдем в самом уставе о церковных судах, обратив внимание на имена тех лиц, которые названы в источнике. В их числе находим старосту Болеслава, бирича Мирошку и старосту иванского Васяту. Из трех названных лиц нам известен в сущности один только бирич Мирошка, если отождествить его с посадником Мирославом Гюрятиничем¹⁰.

Основанием для отождествления является то обстоятельство, что в летописях Мирослав Гюрятинич появляется впервые в 1126 г., когда новгородцы «дали посадничество Мирославу Гюрятиничу»¹¹. Это известие является многозначительным, так как

⁹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 218—219.

¹⁰ *Мирослав* и *Мирошка* — это одно и то же имя, только в разной форме. *Мирошка* — уменьшительное от *Мирослав*, чему встречается немало примеров в древнерусских, особенно в новгородских, памятниках.

¹¹ «Новгородская Первая летопись...», стр. 21.

оно свидетельствует об установлении выборности посадников в Новгороде.

До этого года новгородских посадников присылал киевский великий князь: «Приде Борис посадницит в Новгород», — читаем в летописи. Известие о прибытии Бориса относится к 1120 г., а избрание в посадники Мирослава Гюрятинича произошло в 1126 г. Следовательно, за короткий промежуток в шесть лет произошли какие-то серьезные события. Таким событием была смерть Владимира Мономаха в 1125 г. и вступление на княжеский стол в Киеве его сына Мстислава, которого, по сведениям Новгородской летописи, киевляне «посадиша на столе отни».

Под 1127 г. Новгородская летопись сообщает уже о том, что Всеволод Мстиславич, сын киевского князя Мстислава, заложил каменную церковь Ивана Предтечи «на Петрятине дворе». Это и есть церковь Ивана Предтечи на Опоках. В 1135 г. Мирослав Гюрятинич ездил в Киев мирить киевлян с черниговцами, но не добился этого, а 28 января того же года умер¹².

Из немногих сведений о Мирославе становится все-таки ясной одна черта его деятельности — близкая связь с Мономаховичами, со Всеволодом Мстиславичем и его дядей Ярополком, стремившимся удержаться на киевском столе после смерти Мстислава Владимировича (умер в 1132 г.). Трудно отрицать и связь вступления Мирослава на должность посадника с началом строительства церкви Ивана Предтечи на Опоках. Мирослав получил посадничество после возвращения Всеволода из Киева, что случилось 28 февраля 1126 г. В следующем году была заложена церковь Ивана Предтечи на Опоках. Если вспомнить, что в XII в. начало года считалось с марта и что 28 февраля было концом 1126, летописного 6634 г., а церковь Ивана Предтечи заложена была в следующем, 6635 г., то связь между возвращением Всеволода из Киева, посадничеством Мирослава и закладкой церкви Ивана Предтечи станет ясной. Церковь была заложена тотчас же после возвращения Всеволода и в начале посадничества Мирошки.

Все сказанное выше дает основание думать, что бирич Мирошка и посадник Мирослав Гюрятинич — одно и то же лицо. Следовательно, мы получаем определенное датирующее указание на время появления устава о церковных судах. Устав был составлен тогда, когда Мирослав был еще биричем, вернее всего в 1126 г., когда Всеволод ездил в Киев к отцу.

Образцом для устава о церковных судах явился подобный же устав, действовавший в Киеве и соответственно переделанный для новгородских условий. В этом смысле показательна та часть устава, в которой имеется ссылка на грамоты патриарха Фотия: «И я посмотрел в грамоты Фотия, патриарха Цареградско-

¹² Там же, стр. 24.

го, что принес на Русь князь великий Владимир, нареченный в святом крещении Василий, сын Святослава, а внук Игорев и преоблаженной княгини прабабки Ольги, а вот стоит в грамоте: торговые все весы, мерила и скалвы вошанные, и пуд медовый, и гривенка рублевая и всякое взвешивание, что на торгу промежду людьми, от бога так искони установлено, епископу блюсти без повреждения, не уменьшать, ни увеличивать, а каждый год проверять все. А искривит тот, кому приказано, того казнити и до смерти, а имущество его на трою: треть имущества святой Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сотским и Новгороду. А епископу, если он не уследит за этим, ответит в день великого суда; а заботиться ему о том деле, как и о душах человеческих»¹³.

Ссылка на грамоты Фотия была приведена только для подтверждения нововведений, сделанных уставом о церковных судах, по которому наряду с епископом заведование весами и мерами переходило к церкви Ивана Предтечи на Опоках и всему Новгороду с его сотскими.

Этот новый порядок определялся в уставе Всеволода о церковных судах следующим образом: «И созвал я 10 сотских и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванского Васяту, и обсудил с владыкою и со своими боярами и с десятю сотскими и со старостами: дал я суд и мерила, что на торгу, святой Богородице в Киеве и митрополиту, а в Новгороде святой Софии и епископу и старосте Иванскому и всему Новгороду: мерила торговые, скалвы вошанные, пуд медовый, и гривенку рублевую, и локоть Еванский, и свой оброк, кубець черницам, а попу Иванскому Русская пись с Борисоглебским пополам, а сторожу Иванскому Руской порочицы пятно да десять конюхов соли. А не вступаться в те оброки моим детям и моим наместникам, ни моим боярам, на дом святой Софии и святого Ивана. А дом святой Софии владыкам устраивать с сотскими, а старостам и торговцам, докладывая владыке, или кто будет из князей нашего рода устраивать дом святого Ивана. А приказываю своим наместникам и тиунам суда церковного не обидеть, ни судить без владычного наместника»¹⁴.

¹³ «И аз всмотрех в Фотей патриарха цареградскааго грамоты, что принесл на Русь князь великий Владимир, нареченный в святем крещении Василие, сын Святославль, а внук Игорев и преоблаженныя княгини прабабы Олгы, аже стоит в грамоте: торговыя вся весы, мерила и скалвы вошанныя, и пуд медовый, и гривенка рублеваа и всякая известь, иже на торгу промежи людьми, от бога тако исконе установлено есть: епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год извещивати; а скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти, а живот его на трою: треть живота святей Софии, а другаяа треть святому Ивану, а третьяа треть сочским и Новугороду; а епископу не управив того, за все то дати ему слово в день великааго суда; а печаловатися ему о том управлении, яко же и о душах человеческих» («Новгородская Первая летопись...», стр. 487).

¹⁴ «И съзвал есмь 10 сочких и старосту Болеслава, и бирича Мирошку, и старосту Иванскааго Васяту, и погадал есмь с владыкою и с своею княгынею,

Устав о церковных судах вводил в Новгороде новый порядок относительно заведования торговыми мерилami. Вместо одного епископа ими должны были ведать совместно епископ, иванский староста и 10 сотских. Следовательно, новшество устава о церковных судах заключалось в уменьшении значения епископа в пользу сотских и иванских старост как представителей Новгорода. В руки сотских передавалось даже устройство «дома святой Софии», который, казалось бы, должен был находиться целиком в руках епископа: «А все те дела приказал святой Софии и всему Новгороду, моим мужам, и 10-ти сотским. Вы заботьтесь»¹⁵.

В связи с этим роль епископа в общественной жизни Новгорода должна была уменьшиться, так как он терял не только значительную часть своих доходов, но и возможность оказывать влияние на торговую жизнь Новгорода. В 1126 г., когда, по нашему предположению, появился устав о церковных судах, новгородским епископом был Иоанн Попьян, отказавшийся после 20 лет пребывания на епископском столе в Новгороде от епископии по неизвестным причинам (в 1130 г.)¹⁶.

Отречение Иоанна можно поставить в связь с поручением повседневно «строить Софию», т. е. распоряжаться имуществом новгородской епископии, не только епископу, но и старостам и сотским. Эти нововведения обозначали победу торговых и ремесленных элементов Новгорода, так как сотские и старосты стояли во главе торговых и ремесленных объединений Новгорода.

Таким образом, устав о церковных судах отражает собой очень важный и интересный момент в истории Новгорода — победу торгового и отчасти ремесленного населения Новгорода над епископом. В этом случае мы видим перед собой согласованное выступление представителей купеческого и ремесленного

и с своими бояры, и с десятию сочскими и с старостами: дал есмь суд и мерила, иже на торгу, святей богородици в Киеве и митрополиту, а в Новгороде святей Софии и епископу и старосте Иваньскому и всему Новгороду: мерила торговая, скалвы вошаны, пуд медовый, и гривенку рублевую, и локоть Еваньский, и свой оброк, кубец черницам, а попу Иваньскому рускаа пись с Борисоглебским на пол, а сторожю Иваньскому русской порочици пятно да десять конюхов соли. А не вступатися в тии оброки моим детем, ни моим наместником, ни моим бояром на дом святей Софии и святого Ивана; а дом святей Софии владыкам строити с сочскими, а старостам и торговцам докладываа владыкы или кто будет нашего рода князей Новагорода строить дом святого Ивана. А се приказываю своим наместником и тиуном суда церковнаго не обидети, ни судити без владычня наместника» («Новгородская Первая летопись...», стр. 485—486).

¹⁵ «А та вся дела приказах святей Софии и всему Новгороду, моим мужам, и 10-ти сочским: вы блюдите» («Новгородская Первая летопись...», стр. 488).

¹⁶ «Отвержеса архиепископ Иоанн Новагорода», — пишет об этом событии пергаменный список Синодальной летописи («Новгородская Первая летопись...», стр. 22).

населения Новгорода против церковных феодалов. Борьба против церковных привилегий, как указывает К. Маркс, была характерным явлением средневекового времени. К. Маркс говорит, что французские «короли стали присваивать *пошлины городов и судебные деньги аббатов и епископов*»¹⁷. Как видим, этот процесс нашел свое отражение и на Руси.

Значение сотских в новгородской жизни станет понятным, если допустить, что они опирались на какие-то общественные круги, в первую очередь на ремесленников, связанных с городским торгом. Новгородская летопись рассказывает, что Владимир Мономах разгневался на новгородского сотского Ставра и новгородских бояр: «привел Владимир со Мстиславом всех новгородских бояр в Киев и водил их к честному кресту и пустил их домой, а иных у себя оставил; и разгневался на тех, что грабили Даньслава и Ноздречю, и на сотского на Ставра, и заточил их всех»¹⁸. Это произошло в 1118 г., когда Мстислав покинул Новгород, оставив в нем князем своего сына Всеволода. Таким образом, выясняется большое значение сотских в новгородской общественной жизни, а тем самым и участие 10 сотских в совещании с князем по поводу торговых мер.

Эпизод 1118 г. мало привлекал к себе внимание историков, а между тем он очень интересен для объяснения обстановки, сложившейся в Новгороде в начале XIII в. Пострадавшие Даньслав и Ноздреча были новгородскими боярами или крупными купцами. Ноздреча, или Ноздречь, поставил церковь¹⁹, а по имени Даньслава называлась Даньславля улица в Новгороде. О сотском Ставре из текста летописи ничего неизвестно, кроме сказанного выше. Но деятельность его оставила прочный след в народной памяти в былинах о Ставре Годиновиче, заточенном Владимиром и освобожденном женою²⁰.

Исследователь былины о Ставре Годиновиче В. Ф. Миллер считает ее новгородской по происхождению. Он отмечает, что в некоторых случаях Ставр представлен «с замашками купца, вроде новгородского Садка»:

Которы жеребчики получше,
На тех сам езжу;
Которы жеребчики похуже,
Сгоню на рыночек,

¹⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 150.

¹⁸ «Томъ же лете приведе Володимир с Мьстиславомъ вся бояры новгородскыя Киеву, и заводи я к честному кресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгневася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся» («Новгородская Первая летопись...», стр. 21).

¹⁹ «Срубиша церковь нову... святого Дмитрия Ноздрьцину» («Новгородская Первая летопись...», стр. 42).

²⁰ См. «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», стр. 81—92 [изд. 1958 г., стр. 87—94].

Князьям-боярам повыпродам
И возьму за них цену полную.
Оттого у Ставра золота казна не тощится,
Не тощится, малы денежки не держатся.

Освобожденный Ставр получил в награду от Владимира право торговать «в Киеве во граде век беспошлинно»²¹.

По-видимому, краткая заметка в летописи о новгородских боярах и сотском Ставре, заточенном Владимиром Мономахом, сохранила воспоминание о выступлении новгородцев, направленном против княжеских людей или их сторонников. Эта борьба носила кровопролитный характер, по крайней мере об этом говорит разграбление дворов Даньслава и Ноздречи. Само слово «грабеж», возможно, указывает на судебную расправу с Даньславом, совершенную по вечевому постановлению. В значении конфискации имущества «грабеж» упоминается, как известно, в «Русской Правде».

Ставр прочно остался в народной памяти. В отличие от оценки, данной старому Путяте, былина относится сочувственно к Ставру как к жертве княжеского гнева. Жена Ставра, нарядившаяся грозным послом, побеждает киевских богатырей. Таким образом, в народной памяти Ставр остается победителем: у него «широкий двор не хуже города Киева», на семи верстах, «гридни» у него «светлицы белодубовы». Запомнила былина и заточение Ставра: он был посажен в «погребя глубокие», руки и ноги скованы. Заточение Ставра оставило большое впечатление в народной памяти как эпизод из борьбы новгородцев за свои вольности. Несколько фривольный характер былины, возможно, объясняется ее происхождением из скоморошеских кругов.

Поразительно, что народная словесность сохранила память и о другом новгородском сотском начала XII в. — о Сотке Сытиниче²², с именем которого справедливо связывают былинного Садко, богатого гостя. Прозвище «Сотко» — это, видимо, производное от сто («сѣто»). В былине Садко выступает как богатый гость, связанный с «братчиной Никольщиной». Он дает посадским мужикам «сыпь» немалую — «пятьдесят рублев»²³. Эта сумма напоминает нам 50 гривен устава Иванского ста. Как и к Ставру, былина благосклонно относится к Садко, видит в нем героя новгородской вольности.

Движение горожан за установление городских привилегий привело к созданию устава о церковных судах, по которому управление торговыми мерилami перешло в руки купечества и

²¹ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, стр. 281.

²² «Новгородская Первая летопись...», стр. 32. В Археографическом списке Новгородской летописи (стр. 181) он назван Соткой: «поставил Сотке церковь».

²³ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», стр. 185 [изд. 1958 г., стр. 184].

отчасти князя, со всеми торговыми пошлинами, шедшими от этой монополии.

Дальнейший ход борьбы за установление торговой автономии новгородцев от епископа и княжеской власти отразило так называемое «Рукописание» Всеволода или устав церкви Ивана Предтечи на Опоках.

Текст грамоты дошел до нас в двух редакциях: первичная имеется в составе Троицкой Новгородской летописи²⁴, вторичная — в составе Археографического списка Новгородской первой летописи младшего извода²⁵. Отличия между первичной и вторичной редакциями заключаются в ряде вставок во вторичной редакции с указанием на дары, идущие архиепископу, наместнику великого князя и т. д. Эта часть грамоты представляет собой позднейшее пополнение текста, сделанное в XIV—XV вв. Таким образом, вторичная редакция «Рукописания» дает уже отражение тех изменений, которые были сделаны в грамоте в позднейшие столетия. Что касается первичной редакции, то она, на наш взгляд, очень близка к первоначальному оригиналу и может дать представление о тексте XII в., за исключением некоторых мелочей.

Противоположную точку зрения на «Рукописание» Всеволода в недавнее время изложил в своей статье об этом памятнике А. А. Зимин²⁶. Он пришел к выводу, что «так называемая «Уставная грамота князя Всеволода» является памятником, возникшим в конце XIV в. и рисующим картину купеческого объединения в Новгороде Великом этого времени»²⁷. Исследователь приходит к печальным выводам: «Весь памятник настолько пронизан чертами исторической действительности XIV — начала XV в., что говорить о подлинной грамоте кн. Всеволода, положенной в его основу, не приходится»²⁸.

Такое категорическое заявление, казалось, следовало бы подтвердить детальным исследованием. К сожалению, такое исследование заменено Зиминим несколькими сомнительными справками. Разберем кратко его аргументацию.

А. А. Зимин пишет, что собор Преображения в Торжке, названный в «Рукописании», будто бы был построен только в 1364 г. Тут исследователь делает ошибку, принимая за время основания собора возведение его каменной постройки. Под 1364 г. говорится только о постройке каменного собора, который мог быть до этого времени деревянным. Насколько замечание А. А. Зимина является поспешным, видно из того, что собор

²⁴ «Новгородская Первая летопись...», стр. 558—560.

²⁵ Там же, стр. 485—488.

²⁶ А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. — «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 123—131.

²⁷ Там же, стр. 131.

²⁸ Там же, стр. 130.

Спаса в Торжке с притворянами, назван уже в одном летописном отрывке под 1329 г.²⁹

Что касается отдельных анахронизмов, будто бы наблюдаемых в первичной редакции «Рукописания», то к их числу А. А. Зимин относит упоминание ипских сукон, тверского гостя и мордок (денежных единиц). Между тем подобные анахронизмы вполне понятны в памятнике, который пополнялся и исправлялся в течение нескольких веков, являясь документом большого практического значения. Поэтому и сохранились две редакции «Рукописания». На таком же основании и списки «Повести временных лет» в различных летописных сводах XV—XVI вв. можно объявить произведениями этих столетий, базируясь на отдельных поправках и анахронизмах.

К тому же следует еще проверить, является ли ипское сукно анахронизмом для первой половины XII в. Ведь нельзя же датировать время появления ипских сукон в Новгороде только временем их упоминания в числе товаров, продаваемых на шампанских ярмарках, как это делает А. А. Зимин. Ипское сукноделие известно с XI—XII вв.; нельзя сомневаться в том, что оно было рассчитано на вывоз. Между тем отсутствие в других источниках этого термина не дает еще права заподозрить истинность данного памятника.

Наконец, и это самое важное, устав Ивана Предтечи на Опоках принадлежал к числу таких документов, которые неоднократно переписывались и дополнялись. В первую очередь менялись исчисление и названия денег и предметов, даваемых в дар, так как в XIV—XV вв. нельзя уже было измерять денежные суммы по счету XII в. Поэтому, соглашаясь с А. А. Зиминим в том, что устав дошел до нас не в первоначальном виде, а с переделками, мы считаем эти переделки и дополнения мало существенными для понимания первоначальной версии устава. К тому же собственные выводы А. А. Зимина о времени и обстоятельствах возникновения уставной грамоты новгородского купеческого объединения, т. е. памятника большого культурного значения для истории Руси, скажем прямо, поверхностны: «Из летописи выяснили, что основателем церкви Иоанна Предтечи «на Петрятине дворище» был князь Всеволод (ср. известие 1127 г.); ему и приписали уставную грамоту, дающую значительные привилегии купеческой корпорации, существовавшей при этой церкви»³⁰. Такой вывод, конечно, не может быть признан убедительным. Вырванное из той исторической среды, в которой оно возникло, «Рукописание» Всеволода, действительно, ничего не даст для исследователя, видящего в памятнике русской старины подделку, не задаваясь даже вопросом: а в состоянии ли были люди XIV в. ее сделать?

²⁹ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 243.

³⁰ А. А. Зимин. Указ. статья, стр. 130.

Между тем «Рукописание» Всеволода ярко рисует определенный этап в общественной истории Новгорода.

Всеволод передает в церковь Ивана Предтечи на Опоках «вес воцаной» в Новгороде и «пуд воцаной» в Торжке, оставляя половину доходов от воцаного пуда собору Спаса в Торжке. В грамоте устанавливаются и другие доходы, идущие в пользу церкви на Опоках, а также порядок празднования дня рождения Ивана Предтечи как патрона купцов. Но основное значение «Рукописания» не в этом, а в создании купеческой организации, получившей впоследствии название «Иванского ста». О характере этой организации и ее назначении читаем в рукописи следующее: «И я князь великий Всеволод поставил святому Ивану трех старост от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцов двух старост, управлять им всякие дела Иванские и торговые, и гостинные, и суд торговый. А Мирославу посаднику в то не вступаться и иным посадникам, в Иванское ни во что же, ни боярам новгородским. А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцам пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипское; и купцам надо положить в церковь святого Ивана 25 гривен серебра. А кто не вступит в купечество, не даст 50 гривен серебра, так тот не пошлый купец. А пошлым купцом быть по отцу и по вкладу. А вешать им в притворе святого Ивана, где дано, там и держать. А вешать старостам Иванским, двум купцам пошлым добрым людям, а не пошлым купцам старощения не держать, ни весу им не вешать Иванского»³¹.

Основные торговые операции переносятся по уставу в церковь Ивана Предтечи на Опоках, где были сосредоточены меры веса, применявшиеся в торговле: весы, или скалвы, пуды для измерения воска, рублевая гривенка для измерения серебряных гривен и их разновесков, наконец «Еваньский локоть» — мера для измерения тканей. Насколько это явление было новым и подрывало экономическое и политическое положение новгородского епископа, видно из того, что в Киеве, как мы знаем из устава Всеволода, «суд и мерила» остались в ведении Десятинной церкви и митрополита. В Смоленске образец гири («капи») лежал

³¹ «И яз князь великий Всеволод поставил есми святому Ивану три старосты от житых людей, и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякие дела Иванская, и торговая, и гостинная, и суд торговый. А Мирославу посаднику в то не вступатца, и иным посадником, в Ъваньское ни въ что же, ни боярам новгородцким. А хто хочет в купечество вложитися в Ъваньское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипское, ино купцам положить в святой Иван полтретьяцать гривен серебра. А не вложитися хто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купецъ. А пошлым купцем ити им отчиною и вкладом. А весити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дръжати. А весити старостам Иванским, двема купцем пошлым, добрым людем, а не пошлым купцем старощения не дръжати, ни весу им не весити Иванского» («Новгородская Первая летопись...», стр. 559).

в Успенском соборе, а другой образец — в латинской церкви, причем предлагалось эти образцы «обе ровнати». Следовательно, устав Всеволода вводил новые установления в новгородскую жизнь, отражая сдвиги в общественном строе Новгорода и победу торговых элементов города. Это вполне согласуется с нашими сведениями о широком развитии новгородской торговли в первой половине XII в., когда новгородцы совершали поездки на о. Готланд, в Данию, в немецкие и скандинавские города.

Наша датировка и объяснение обстоятельств появления устава Всеволода Мстиславича противоречат приведенному ранее мнению С. В. Юшкова, согласно которому «Рукописание» Всеволода было источником рассмотренного нами устава о церковных судах и торговых мерилах. Впрочем, сам С. В. Юшков цитирует слова М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что церковь Ивана Предтечи не была впервые построена Всеволодом, а существовала ранее. В «Рукописании» Всеволода говорится: «а буювище Петрятино дворище от прежних дверей святого великого Ивана до погреба». «Вполне возможно, — замечает С. В. Юшков, — понимать под дверьми Великого Ивана не двери храма, а двери церковной ограды, которая во время постройки, длившейся несколько лет, могла быть возведена временно»³². Нечего и говорить, что такое объяснение звучит очень натянуто, так как для дверей в оградах в русском языке с давнего времени существует термин — «ворота». Древнерусские памятники прекрасно различают слова «двери» и «ворота»³³.

В «Рукописании» церковь Ивана Предтечи поставлена «на Петрятине дворище». Петрята, вероятно, тот же самый посадник Петрило, который упомянут под 1130 и 1134 гг.³⁴ Из летописи известно, что ему предшествовал посадник Данило. Действительно, в древнем списке новгородских посадников после Данилы поставлен Петрята, а за ним Иванко³⁵. Следовательно, Петрило и Петрята — одно и то же лицо. Петрята, или Петрило, был убит в битве на Ждане горе в 1134 г., после чего посадничество перешло к Мирославу Гюрятиничу, который в следующем, 1135 г., умер³⁶.

В самом «Рукописании» Всеволода Мстиславича имеется указание на то, что оно составлено при Мирославе посаднике, т. е. после 1126 г., когда впервые упоминается о посаднике Мирославе Гюрятиниче, тогда как устав Всеволода знает только

³² С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 220.

³³ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 648. «Двери же суть четверы у врат тех», — читаем в «Хождении» Даниила Паломника.

³⁴ «Новгородская Первая летопись...», стр. 22—23. Более позднее обозначение — «на Опоках» — даже не упоминается в уставе и «Рукописании» Всеволода.

³⁵ «Новгородская Первая летопись...», стр. 164

³⁶ Там же, стр. 23—24.

бирича Мирошку. Следовательно, «Рукописание» возникло между 1126 и 1135 гг.

Грамота Всеволода носит название «Рукописание», что означает духовное завещание. Это позволяет думать, что «Рукописание» было написано перед каким-либо серьезным моментом в его жизни. Событием, которое могло побудить Всеволода Мстиславича к составлению завещания, возможно, была его попытка утвердиться в Переяславле Русском в 1132 г. Прямым отражением этого события являются начальные слова «Рукописания», которые А. А. Зимин вслед за другими авторами считает явным указанием на подложность документа: «владычеству ми (мне.— М. Т.) всею Рускою землею и всею областью Новгородскою». В действительности под «Русской землей» здесь могли иметь в виду не всю Русь, а только область Переяславля Русского, что соответствует словам новгородской летописи: «ходи Всеволод в Русь Переяславлю». Всеволод предполагал удержать за собой и Новгородское княжение, как показывает сообщение о его присяге новгородцам: «яко хощу у вас умерети».

Таким образом, слова «Рукописания» о одновременном владении Всеволода в Русской земле и в Новгороде не являются ошибкой позднейших переписчиков, а отражают собой определенный исторический момент, связанный с попыткой Всеволода утвердиться в Переяславле в 1132 г. Об этом же говорят и слова завещания о передаче заботы о Иванском сте, в случае смерти Всеволода, его брату. Братом его был знаменитый Изяслав Мстиславич³⁷.

«Рукописание» Всеволода Мстиславича является первым известным нам русским уставом купеческих организаций. Значение его заключалось в том, что он окончательно установил права крупнейшего объединения новгородских купцов «управлявати им всякие дела Иваньская, и торговая, и гостиная». Следовательно, Иванскому сту передавалось ведение дел с иноземными гостями и приезжими купцами из других городов. «Рукописание» Всеволода бросает свет на большие политические и общественные сдвиги в новгородской жизни, только отдаленные отголоски которых обнаруживаются в наших летописях.

«Рукописание» обнаруживает еще один факт, очень важный для понимания дальнейших событий, связанных с новгородским

³⁷ «Стояти за дом святого великого Ивана брату моему великому князю всея Руси» («Новгородская Первая летопись...», стр. 559). Если мы вспомним, что поход 1134 г. на Суздальскую землю был совершен Всеволодом Мстиславичем совместно с его братом Изяславом, то ясно, что «Рукописание» отразило в себе определенный исторический факт; Всеволод в случае своей смерти предполагает передать новгородский стол и заботу о доме Ивана Великого брату Изяславу («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 287). Титул «всея Руси» представляет собой позднейшее осмысление слова Русь в применении к Киевской и Переяславской землям XII в.

восстанием 1136 г. Отстраняя бояр и епископа от участия в делах Иванского ста, «Рукописание» в то же время выдвигает на первый план купеческую верхушку. Всеми делами Иванского объединения должны руководить «пошлые купцы», которые сохраняют это положение «вкладом и отчиною». Тут же установлены и размеры вклада, который надо внести, чтобы сделаться пошлым купцом. Тот, кто хочет «в купечество вложиться в Иванское», должен заплатить громадную сумму в 50 гривен. Из числа пошлых купцов выбираются Иванские старосты, тогда как «непошлые купцы» не должны участвовать в управлении Иванским стом.

Таким образом, перед нами выступает законченная классовая структура Иванского ста, представлявшего собой объединение верхушки новгородского купечества, прочно сплоченного «вкладом и отчиною». Правда, в «Рукописании» упоминается и о представительстве от «житых людей» и «черных людей», но сама формулировка относительно этого сделана неясно. В грамоте сказано буквально следующее: «поставил есмы святому Ивану 3 старосты от житых людий и от черных тысяцкого, а от купцев 2 старосты». Непонятно, сколько же людей участвует в управлении Иванским стом — трое или шестеро. Из дальнейшего как будто можно сделать вывод, что в делах Иванского ста принимают участие только двое купеческих старост. Поэтому фразу «3 старосты от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцев 2 старосты» можно понимать в том смысле, что тысяцкий был представителем «житых» и «черных» людей, всех же старост было трое, а не шестеро.

При любом понимании текста «Рукописания» не остается сомнений в том, что черные и «житые» люди практически в делах Иванского ста не принимали участия. Из позднейших документов мы узнаем, что и торговый суд в Новгороде был сосредоточен при церкви Ивана Предтечи на Опоках и действовал под руководством тысяцкого. Таким образом, «Рукописание» Всеволода передавало торговые дела в руки тысяцкого и пошлых купцов, отстраняя от участия в них «черных людей». Следовательно, законодательство Всеволода Мстиславича имело ярко выраженную классовую сущность. Оно проводилось в интересах боярства и купеческой верхушки, которую князь старался привлечь на свою сторону.

Вместе с тем становится все более ясным усиливающееся значение «черных людей», именуемых в летописи и в уставах Всеволода чаще просто людьми. Они добиваются участия в распоряжении торговыми судами и торговыми мерилами, с которыми связаны возможности совершения различного рода злоупотреблений. Борьба за участие во внутренней жизни города переплетается с борьбой за освобождение Новгорода от власти киевских князей.

НОВГОРОДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1136 г.

Политика Всеволода, направленная в сторону дальнейшего усиления феодального гнета, должна была встретить сильнейшее сопротивление среди смердов и «черных людей», что и привело к новгородскому восстанию 1136 г. Следует, впрочем, отметить что восстание этого года было, в сущности, вторым выступлением против Всеволода, так как первое восстание произошло в 1132 г., когда князь вернулся в Новгород после своей неудачной попытки утвердиться в Переяславле Русском.

Летопись определяет движение 1132 г. как восстание: «бысть встань велика в людех»¹. В этой короткой фразе точно указаны как самый характер движения — восстание («встань»), так и среда, в которой оно началось, — «люди». Восстание не ограничилось только Новгородом, в нем приняли участие псковичи и ладожане. Таким образом, имело место широкое движение, направленное против князя и охватившее не только Новгород, но и его пригороды. Результатом восстания было изгнание Всеволода из Новгорода и смена посадников. Посадник Мирослав был отослан посадничать в Псков, возможно, по соглашению с псковичами. Всеволод почти тотчас же после своего изгнания возвратился снова на новгородский стол, но волнения в Новгороде не утихли.

В 1134 г. «начали молвити новгородцы о Суздальской войне и убили своего мужа, сбросили его с моста». Это случилось весной, а зимой новгородцы ходили с Всеволодом походом в Суздальскую землю. Известие о расправе новгородцев с каким-то из своих сограждан («мужем») оставлено в летописи без объяснения. Можно только предполагать, что расправа произошла на вече, где совещались о походе против суздальцев («почаша молвити»). Поход в Суздальскую землю окончился полным провалом. В битве при Ждане горе погибло «много добрых мужей» из числа новгородцев. Это окончательно решило судьбу Всеволода и привело к восстанию 1136 г.

События этого года изложены в Новгородской летописи с позиций, благоприятных для Всеволода. Эта особенность текста летописи, рассказывающего о восстании 1136 г., не может быть оставлена без внимания. Ведь личность летописца сказывается в характере сообщаемых им сведений. На этот раз мы можем с большой точностью определить автора летописных известий 1136 г.

В литературе давно уже было обращено внимание на то, что события 30-х годов XII в. изложены в Новгородской летописи с большой обстоятельностью и особым вниманием к летосчислению, которое обозначается сложным образом — с показаниями

¹ «Новгородская Первая летопись...», стр. 22.

лунного счета и пр. Между тем известны астрономический трактат, написанный одним из монахов Антониева монастыря — Кириком, а также «Вопрошание» Кирика к епископу Нифонту. Сопоставив эти памятники друг с другом, А. А. Шахматов пришел к мысли, что записи 1136—1137 гг. в Новгородской летописи были сделаны именно Кириком². Такое предположение объясняет некоторые особенности летописного рассказа о восстании 1136 г., так как Кирик был приближенным епископа Нифонта, сторонника Всеволода Мстиславича.

Обратимся теперь непосредственно к летописному рассказу о восстании.

«В лето 1136 индикта лета 14, новгородцы призвали псковичей и ладожан и приговорили изгнать князя своего Всеволода. И посадили его на епископском дворе с женою и с детьми и с тещею, месяца мая в 28. И стража стерегла день и ночь с оружием, 30 мужей на день. И сидел 2 месяца, и пустили из города июля в 15, а Владимира, сына его, приняли. А вот вины его указывали: 1. не блюдет смердов; 2. зачем ты хотел сесть в Переяславле; 3. ехал ты с боя впереди всех; а потому много погибших; в начале велел нам, сказал, к Всеволоду присоединиться, а снова от него отступить велит. И не пустили его, пока иной князь не придет»³.

Как видим, возмущение против князя началось 28 мая 1136 г. Новгородцы постановили свергнуть Всеволода и посадили его под стражу на епископском дворе вместе с женою, детьми и тещей. Князь находился в заточении полтора месяца. Только 15 июля он получил свободу и был отпущен из города. Через несколько дней, 19 июля, в Новгород прибыл новый князь — Святослав Ольгович.

В летописном рассказе речь идет о вечевом решении, направленном против князя. Новгородцы приговорили («сдумаша») изгнать Всеволода, изложив его вину в 3 пунктах, а четвертый выдвинув дополнительно. Из этих обвинений три относятся к политической деятельности Всеволода. Его обвиняют в том, что он хотел перейти княжить в Переяславль, первым бежал с поля битвы (имеется в виду битва на Ждане горе), придерживался колеблющейся политики: то присоединялся к киевскому

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 184—185.

³ «В лето 6644, индикта лета 14, новгородцы призваша пльсковиче и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша в епископлъ двор, с женою и с детьми и с тщею, месяца мая в 28; и стражею стражаху день и ношь с оружиемъ, 30 мужъ на день. И седе 2 месяца, и пустиша из города июля в 15, а Володимира, сына его, прияша. А се вины его творяху: 1, не блюдетъ смерд; 2, чему хотел еси сести Переяславлѣ; 3, ехал еси с пълку переди всех, а на то много; на початыи, велев ны, рече, к Всеволоду приступити, а пакы отступити велит; не пустиша его, донележе ин князь приде» («Новгородская Первая летопись...», стр. 24). В печатном издании расстановка знаков препинания несколько иная.

князю Всеволоду Ольговичу, то от него отступал, в зависимости от политической обстановки на юге Руси. Так рассказ Кирика тщательно смазывает классовый характер движения, даже не объясняя, что надо понимать под важнейшим из предъявленных князю обвинений: «не блюдет смерд».

Но из дальнейшего летописного изложения видно, что события 1136 г. были не простой сменой князя, а имели характер крупного народного восстания.

Движение 1136 г. не ограничилось только Новгородом, в изгнании Всеволода приняли участие псковичи и ладожане, как это было при первой попытке изгнания того же князя из Новгорода в 1132 г. Следовательно, политика Всеволода Мстиславича в какой-то мере затрагивала интересы всей Новгородской земли, представляла опасность для определенных общественных кругов не только в Новгороде, но и в Пскове и в Ладоге.

Кто же, собственно, выступал против Всеволода Мстиславича? Ответ на этот вопрос дает дальнейший летописный рассказ. После своего изгнания из Новгорода Всеволод Мстиславич отправился в Киев и получил в княжение Вышгород. Пребывание его на юге Руси было недолгим, так как он получил приглашение от псковичей стать у них князем.

По словам южной летописи, псковичи «отложишася» от новгородцев⁴. Новгородская же летопись сообщает о бегстве посадника Константина «и инех добрых мужь» к Всеволоду, о стремлении сторонников Всеволода опять его вернуть в Новгород, что вызвало новую вспышку народного возмущения против Всеволода. «И мятежь был велик в Новгороде: не захотели люди Всеволода и побежали иные к Всеволоду в Псков, и взяли на разграбление дома их, Коснятин, Нежатин, и иных много; и еще искали тех, кто из бояр, сторонники Всеволода, на тех взяли до полторы тысяч гривен, и дали купцам экипироваться на войну»⁵.

Из сообщений летописи становится понятным, что противниками Всеволода были «люди», а сторонниками — «добрые мужи». Указание на купцов, которые получили деньги на экипировку для войны с Всеволодом за счет бояр, «приятелей» Всеволода, показывает, что часть купечества шла вместе с «людьми». Следовательно, мы имеем перед собой те группы населения, которые принимали участие в составлении устава Всеволода о церковных судах и упомянуты в его «Рукописании». В основном это купцы и ремесленники, выступающие против Всеволода и поддерживающих его бояр.

⁴ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 216.

⁵ «Мятежь бысть велик Новеороде: не въсхотеша людье Всеволода; и побегоша друзии ко Всеволоду Пльскову, и възвзяша на разграбление дома их, Къснѣтин, Нежѣтин и инех много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду приятель бояр, тѣ имаша на них не с полуторы тысяце гривен, и даша купцем крутитися на войну» («Новгородская Первая летопись...», стр. 24—25).

Летопись сообщает о разграблении дворов Константина и Нежаты как сторонников Всеволода. В Константине мы можем видеть посадника Константина Микульчича, который получил посадничество незадолго до майского восстания в Новгороде, но бежал к Всеволоду. Позже мы узнаем о заточении его в Киеве князем Всеволодом Ольговичем, что случилось в 1140 г. Константин вновь сделался посадником после того, как Мономаховичи снова овладели Киевом⁶. В Нежате, двор которого был разграблен в Новгороде, надо видеть Нежату Твердятича, который бежал в Суздаль, «Святослава деля», т. е. от Святослава Ольговича⁷. Таким образом, купцы выступали заодно с «черными людьми», против бояр и княжеской власти. По выражению Маркса, «благородная свобода искала убежища в стенах городов среди лавочников и ремесленников»⁸.

Волнения в Новгороде происходили одновременно с движением в деревне. На это намекает обвинение князя в том, что он «не блюдет смерд». Это обвинение объясняет нам те причины, которые побудили новгородцев призвать для изгнания князя ладожан и псковичей. «Не блюдет смерд» — не оберегает смердов, не заботится о них — вот смысл обвинения, выдвинутого против Всеволода. Эту особенность восстания 1136 г. отмечает и Б. Д. Греков, указавший, что восстание «одними городскими низами не ограничивалось, что в нем принимали участие и смерды»⁹.

Однако доказательств совместного движения городских низов и смердов в 1136 г., кроме слов летописи «не блюдет смерд», мы до сих пор не имели, так как историки мало обращали внимания на один документ, который является почти современным восстанию. Речь идет об уставе новгородского князя Святослава Ольговича, того самого, который был приглашен в Новгород на смену Всеволоду.

Документ носит название: «Устав, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших». В самом уставе имеются указания на время его написания: «в лето 6645, индикта 15», «урядил» его князь Никола Святослав и епископ Нифонт. Причина составления устава объяснена следующим образом: «А здесь в Новгороде я нашел, что есть десятина от даней, установлено прежде меня бывшими князьями. Столько видел десятины от вир и продаж, сколько дней в руке князей в клети его. Нужда была епископу, нужда же князю в этом, в десятой части божией. Ради этого устави я святой Софии, пусть берет епископ за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун, которые выдает домажирич из Онега. Если же не будет сотни

⁶ «Новгородская Первая летопись...», стр. 27, 209—211, 213, 214.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 419.

⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 271.

сполна у домажирича, пусть восемьдесят выдает, а остаток возьмет 20 гривен у князя ис клети»¹⁰.

Текст устава не вполне ясен. В самом деле, что обозначает выражение «толико от вир и продаж десятины зрел, елико днии, в руце княжии в клеть его». По-видимому, смысл этих слов надо понимать так: князь увидел, что столько же поступлений от десятины в пользу церкви, сколько идет в руки князя, в его «клеть», т. е. в казну. Известно, что получение дани и других поступлений в княжескую казну иногда измерялось определенными отрезками времени, в данном случае днями. Такой порядок показался князю неудобным: «нужа же бяше пискупу, нужна же князю в томь, в десятой части божии». Следовательно, затруднения возникали из-за десятины, шедшей в пользу церкви. «Нужда» — необходимость; может быть, слово «нужда» употреблено в смысле бедствия. Поэтому князь постановляет выдавать за десятину от вир и продаж 100 гривен, получая их от домажирича, как правильно указывает Б. Д. Греков, — от княжеского казначея, управляющего. В случае необходимости деньги добавлялись из княжеской казны — «у князя ис клети».

После этого общего постановления в уставе указываются размеры дани в отдельных погостах, причем они указаны в «сорочках» — денежном счете, основанном на исчислении мехов по сорок штук в вязке. Устав был принят в 1137 г. по согласию с епископом и приписан почерком XIV в. к обширной новгородской Кормчей 1280 г. (или 1282), которая принадлежала Софийскому собору в Новгороде. В самом уставе, однако, выражено сомнение в том, что все постановления устава будут сохранены в целости. Поэтому создатели устава грозят его нарушителям: «если кто порушит устав... князь ли или иной кто из сильных новгородцев, будет богу сопротивен и святой Софии».

Появление устава Святослава Ольговича становится понятным в условиях волнений 1136 г., когда вопрос о смердах встал плотную перед правящими новгородскими кругами. Объяснить эту внезапную заботу о смердах мы можем лишь при предположении, что волнения смердов в Новгородской земле охватили большие пространства. Этим объясняется участие ладожан и псковичей в изгнании Всеволода Мстиславича из Новгорода, так как он не заботился о смердах — «не блюдет смерд». Вмешательство нового новгородского князя в распределение даней пред-

¹⁰ «А zde в Новегороде, что есть десятина от дании, обретох уряжено преже мене бывъшими князи. Толико от вир и продажъ десятины зрел, олико днии в руце княжи и в клеть его. Нужа же бяше пискупу, нужна же князю в томь, в десятой части божии. Того деля уставил есмь святой Софьи, ать емлеть пискуп за десятину от вир и продажъ 100 гривен новых кун, иже выдаваеъ домажиричъ из Онега. Аче не будет полна ста у домажирича, а осьмьдесят выдасть, а дополнок възметъ 20 гривен у князя ис клети» (М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 20).

ставляло собой попытку урегулировать вопрос о десятине, которую платили смерды в пользу церкви. Вероятно, была сделана и попытка урегулирования поборов со смердов в пользу князя.

Попытки урегулировать вопрос о взимании податей со смердов, по-видимому, встречали некоторый отпор со стороны бояр и церковных кругов. Отсюда заклятие, содержащееся в уставе Святослава Ольговича против будущих князей и сильных новгородцев, которые вздумают нарушить его постановления. Напомним, что устав был составлен в 1137 г., следовательно, в момент борьбы Святослава Ольговича со Всеволодом Мстиславичем, когда новгородцы ходили на Псков и вернулись с Дубровны¹¹.

Устав Святослава Ольговича показывает, что судьба смердов была тесно связана с восстанием 1136 г., но он все-таки не может дать ответа на два вопроса: во-первых, в чем заключались действия Всеволода по отношению к смердам, вызвавшие упрек, что он не заботится о смердах; во-вторых, какие же доказательства участия смердов в восстании против князя.

Ответ на первый вопрос дают сведения грамот Всеволода, передающих земли и смердов в распоряжение бояр и монастырей. Здесь мы и находим разгадку упрека в том, что Всеволод «не блюдет» — не заботится о смердах, раздавая села и деревни новгородским феодалам. Становится понятным и то обстоятельство, что деятельность Всеволода нашла поддержку у бояр и церкви, объявившей этого князя «святым» уже в том же XII в. Сказание об открытии «мощей» Всеволода, служба, посвященная его памяти, и позднейшее житие его неожиданно переносят нас в гущу событий XII в. Особенно интересен рассказ о перенесении «мощей» в Пскове. Гроб Всеволода «понесоша с великою честью ко вратам градским от Великия реки, иже зовомы Смердии. И ту ста недвижима рака святого не хотяше во врата внии». Ночью князь явился во сне некоему человеку и заявил: «не хочу ити в те врата»¹². Так церковник конца XII в. (перенесение «мощей» состоялось в 1192 г.) оставил нам воспоминание о звериной ненависти Всеволода и его сторонников к смердам, тем самым указывая и на участие смердов в восстании 1136 г.

Восстание 1136 г. стало своего рода гранью в истории Великого Новгорода. До этого времени в Новгороде обычно княжил старший сын киевского великого князя. После 1136 г. на новгородском столе происходит быстрая смена князей, вследствие чего усиливается значение боярского совета, посадника и тысяцкого. Многие ученые датируют начало республиканского строя в Новгороде 1136 годом.

¹¹ «Новгородская Первая летопись...», стр. 25.

¹² М. Погодин. Псков (из дорожных заметок), приложение к протоколу IV общего собрания Псковского Археологического общества 12 февраля 1881 г., стр. 7.

Однако трудящееся население Новгородской земли мало выигрывает от усиления власти и значения новгородских феодалов. Это приводит к дальнейшему разворачиванию классовых конфликтов в Новгородской земле, крупнейшим проявлением которых были события 1161 г.

В летописи они показаны как выступление новгородцев против их князя Святослава Ростиславича. К князю, спокойно жившему в своей резиденции на Городище, в нескольких верстах от города, примчался вестник и сообщил: «князь, великое зло делается в городе, хотят тебя люди взять». Святослав удивился и выразил сомнение в правильности этого известия. «И пока он это говорил, вошло множество народа, людей; схватив князя, они заперли его в избу, а княгиню послали в монастырь, а дружину его заковали, а имущество его и дружины разграбили»¹³.

Ипатьевская летопись далее кратко сообщает о репрессиях, предпринятых киевским князем Ростиславом по отношению к новгородским купцам в Киеве, о появлении в Новгороде нового князя, присланного из Суздаля, и об освобождении Святослава.

Этот рассказ имеет существенное дополнение в той летописи, которой пользовался Татищев. Новгородская «чернь» вскоре восстала и против нового князя — Мстислава. В Киев к Ростиславу было отправлено посольство «просить прощения о учиненном сыну его Святославу бещестии и разорении, полагая вину ту на смердь»¹⁴. Татищев слово «смердь» переводит как «подлость», понимая под этим, по терминологии XVIII в., «подлое», т. е. податное, бедное, население. Но это только доказательство того, что в его источнике было прямое указание на смердов, виновных в выступлении против Святослава. Таким образом, мы имеем намек на выступление в 1161 г. смердов, соединившихся с горожанами, «людьми».

О каких-то волнениях в деревне заставляет предполагать и более позднее летописное известие о выводе из Новгорода князя Ярослава Владимировича в 1184 г. Причиной недовольства новгородцев явились злоупотребления, совершаемые Ярославом в Новгородской земле: «негодовали на него новгородцы, потому что много делали вреда области новгородской» («много творяху пакостии волости Новгородьскей») ¹⁵. Множественное число «творяху» заставляет предполагать, что речь идет о княжеских слугах Ярослава, налагавших на население незаконные поборы и повинности.

Некоторые дополнения к летописному рассказу находим в том же «Слове» о перенесении «мощей» Всеволода Мстиславича. Это произошло в 1192 г. при его внуке, новгородском князе Ярославе

¹³ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 350.

¹⁴ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3, стр. 135 [изд. 1964 г., т. III, стр. 76].

¹⁵ «Новгородская Первая летопись...», стр. 36.

Владимировиче. Тогда-то и свершилось «чудо» с ракой Всеволода, «не желавшей» войти в город через Смердьи ворота. Ярослав остался в городе «донде же врата устроиша», и неговорчивый покойник вошел в псковский кремль через новые ворота, пробитые в стене со стороны реки Псковы¹⁶. Перенесение «мощей» Всеволода понадобилось Ярославу для демонстрации против смердов, волнения которых однажды уже привели к изгнанию его самого из Новгорода.

Глава XIV

ДВИЖЕНИЕ СМЕРДОВ И ГОРОЖАН В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛЕ XII В.

Галицко-Волынская земля занимала окраинное положение по отношению к другим русским областям, расположенным в бассейне Днепра. Так она и рассматривается обычно в научных исследованиях и пособиях. В действительности ее нельзя было ни в какой мере назвать окраинной землей, если под окраиной понимать что-то отдаленное и захолустное. Наоборот, можно с полным правом говорить, что Галицко-Волынская земля находилась на перекрестке оживленных путей, связывавших ее с остальными русскими землями, а также с Византийской империей, Болгарией, Венгрией, Польшей, Чехией и Германией. Не случайно Галицкая Русь под названием *Galizia* хорошо известна средневековым французским романам.

Для хозяйства Галицко-Волынской Руси XI—XII вв. характерны те же черты, что и для соседних русских земель — Киевской и Черниговской. Обширная боярская вотчина выступает перед нами в рассказах о боярине Судиславе. Двор Судислава представлял собой укрепленный замок, где хранилось оружие и пищевые припасы на случай осады¹. Этому боярину, как, впрочем, и другим галицким феодалам, принадлежали укрепленные городки. «Люди Судислава» оказали в одном из таких городков открытое сопротивление княжеским войскам.

Высокомерие и заносчивость феодалов доходили до того, что они нередко оскорбляли своих князей даже на пирах, и князья вынуждены были сносить эти оскорбления. Нигде престиж княжеской власти не падал так низко, как в Галицко-Волынской Руси, нигде боярское своеволие не достигало таких границ. Приведем только один поразительный пример, равного которому не найдем в других областях Руси.

Хорошо известен величественный образ галицкого князя Ярослава Осмомысла в «Слове о полку Игореве», сидящего на сво-

¹⁶ М. Погодин. Псков (из дорожных заметок), стр. 7—9.

¹ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 506 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 758].

ем златокованном столе, отворяющем Киеву ворота. Тем не менее галицкие бояре открыто вмешивались в его личную жизнь, поймали и сожгли его любовницу Настасью, а сына от нее отправили в заточение. Ярослав вынужден был принести присягу в том, что будет жить со своей княгиней «в правду»². Феодальная раздробленность получила в Галицко-Волынской Руси особенно большое развитие. Рядом с Судиславом можно назвать представителей других феодальных фамилий, открыто выступавших против галицко-волынских князей и получавших свои прозвища по названию тех земель, которыми они владели.

Развитие феодальной собственности в Галицко-Волынской Руси происходило одновременно с усилением крепостнического гнета. Именно здесь находим яркое противоположение смердов — боярам, причем в особой, презрительной по отношению к смердам форме. Обозначение «от смердя племени» звучит в устах феодалов ругательством, доказательством отсутствия прав тех или иных бояр на получение в феодальное держание больших городов и замков³.

О положении смердов в Галицко-Волынской Руси и их судьбе подробно говорится в известном труде Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси». Смердов «сильно придавило разросшееся и разбогатевшее могущественное боярство. В XIII веке мало осталось на Руси независимых смердов. А в Галицком королевстве, где тучную землю давно расхватало боярство, независимые смерды едва ли вообще могли уцелеть. Источники, по крайней мере, о них прямо ничего уже не говорят»⁴. Эти слова, на наш взгляд, правильно определяют положение смердов в Галицкой Руси и объясняют причину возникновения в ней мощных крестьянских движений. Они развертывались примерно в те же годы, когда происходили киевские и черниговские события 1146—1147 гг. и также были связаны с движением горожан.

Недовольство галичан своим князем Владимирком Володаревичем проявилось уже во время его распри со Всеволодом Ольговичем в 1144 г. Галичане фактически принудили своего князя заключить мир со Всеволодом, а вслед за этим пригласили на галицкий стол Ивана Ростиславича, пользуясь отъездом своего князя на охоту. Иван являлся племянником Владимирка.

Летописец говорит о галичанах безлично, не называя имен. Но им противопоставляется дружина Владимирка. Захватив свой стольный город и выгнав Ивана, князь «многих людей перебил, а иных показнил казнию злою»⁵. Как уже раньше говорилось, слово «люди», как правило, обозначало широкие круги

² «Летопись по Ипатскому списку», стр. 385 [ПСРЛ, т. II, стр. 564].

³ Там же, стр. 525 [там же, стр. 790].

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. I, стр. 298.

⁵ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 226.

горожан, а отнюдь не боярскую верхушку. С этим определением галичан в летописном известии 1144 г. согласен В. В. Мавродин, которому принадлежит наиболее полный анализ известий о народных движениях в Галицко-Волынской земле XII—XIII вв.⁶

Движение горожан, направленное на поддержку Ивана Ростиславича, с особой силой сказалось через 15 лет после описываемых событий, на этот раз сопровождаясь волнениями смердов. Изгнанный из Галича, Иван Ростиславич утвердился в городе Бырладе, или Берладе, к западу от Прута. Он пытался здесь основать особое княжество. Временем утверждения Ивана в Берладе можно считать примерно 1146 г., когда мы впервые встречаем его с прозвищем «Берладник»⁷.

Княжество Ивана Ростиславича представляло собой небольшую территорию со смешанным русским и молдавским населением. Оно было расположено в центре торговых путей, пересекавших Молдавию. Это был район, населенный подвижным и воинственным населением, «бродниками» наших летописей, прообразом позднейших запорожских и донских казаков. Византийский писатель Никита Акоминат определяет их так: «те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь русских, народ любезный богу войны»⁸. Акоминат не смешивает бродников с половцами или куманами, народом также, по его словам, «непарабощенным и негостеприимным».

Дунайские гирла и притоки, в него впадающие, привлекали к себе различные элементы, позже бежавшие в низовья Дона и Днепра. Сюда не дотягивалась рука феодала, здесь холоп становился свободным бродником, презирающим смерть.

Из кого же состояли эти бродники? Конечно, в первую очередь из беглых холопов и крестьян, бежавших от крепостнической зависимости, предпочитавших опасную, но свободную жизнь рабскому ярму на родине. Возможно, само слово «бродники» представляло собой прозвище, данное феодалами беглым крестьянам и вообще недовольным свободолюбивым людям. «Сброд» — сборище всяких людей — вот каким именем определяли феодальные верхи беглых людей, скопившихся в Берладе и его окрестностях. Близким по смыслу словом, «сбродьни», позже именовали людей, враждебных феодальному обществу. Митрополит Иона в XV в. ополчался против «збродней, пьяничьих и кровопролитных человек». Привилей смоленским жителям требовал выделять «добрых людей, не зброднев»⁹.

Пользуясь удобным расположением на морских и речных путях, берладники мешали («пакостили») галицким рыбакам.

⁶ В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси, стр. 179—191.

⁷ Там же, стр. 182.

⁸ Ф. И. Успенский. Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879, приложения, стр. 35—36.

⁹ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 653.

Из рассказа о взятии ими Олешья в устье Днепра узнаем, что киевские воеводы преследовали берладников в насадах к Дчину, в котором можно видеть Дечин на Дунае, возможно — позднейший Мячин¹⁰. Бродники и берладники нередко вступали в союз с половцами и тогда представляли грозную силу, с которой приходилось считаться русским князьям и венгерским королям.

Таким образом, Берлад представлялся феодалам Руси и Венгрии опасным убежищем для беглых холопов и крестьян. Этим и объясняется то обстоятельство, что против берладского князя поднялись все окрестные феодалы — венгерский король, русские и польские князья. Галицкий князь Ярослав, сын умершего Владимирка, «подмолвил князей русских, и короля, и польских князей, чтобы они были помощниками на Ивана»¹¹.

Феодалы трех соседних стран имели основание бояться берладников как застрельщиков крестьянских волнений. Этим объясняется попытка Ярослава Галицкого объединить феодалов соседних стран в общей борьбе против берладников. Ему удалось создать настоящую феодальную коалицию, которая показывает, как опасались Ивана и его «бродников» соседние феодалы. В коалиции приняли участие южнорусские князья, польские князья и венгерский король. Только один киевский князь Изяслав Давыдович принял сторону Ивана, вероятно из личных интересов, так как нахождение в Берладе претендента на галицкий стол ослабляло Ярослава Владимировича, сильнейшего из южнорусских князей.

Сам Иван Берладник точно так же был очень далек от стремления руководить народным движением. Поэтому заключение В. В. Мавродина о том, что Иван Ростиславич, как и его отец, «связали свою политическую карьеру с движением народных масс, используя их в своих целях»¹², представляется несколько поспешным. Неудачи Берладника в значительной мере и объясняются тем, что он всюду выступал только как претендент на княжеский стол в Галиче, рассчитывая на помощь князей, а не народных масс. Это резко сказалось на исходе его предприятий против галицкого князя.

«Уполошився», т. е. всполошившись, при получении известий о враждебных замыслах Ярослава, венгерского короля, русских и польских князей, Иван Берладник обратился за помощью к половцам, соединился с ними и засел в придунайских городах. Здесь он захватил два корабля, «кубары» с большим количе-

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— «Славянский сборник», М., 1947, стр. 152 [М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, М., 1969, стр. 94—166].

¹¹ «Ярослав бо быаше подмолвил князе руские, и короля, и лядския князя, да быша ему были помочыници на Ивана» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 341).

¹² В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси, стр. 182.

ством товаров, наносил вред рыболовам из Галича. Это произошло, по летописи, в 1159 г. Со всех сторон к нему стекались войска, пришли многие половцы; собралось 6 тыс. берладников. Это было уже по средневековым масштабам значительное войско.

Поход на Галич сразу же вылился в большое военное предприятие, поддержанное горожанами и смердами Галицкой земли. Берладник подошел к передовому городу Галицкой земли — Кучелмину, где его встретили с радостью: «и рады были ему».

Из дальнейшего становится ясным, какие люди были рады приходу Ивана с его берладниками. Войска Ивана Ростиславича подошли к Ушице, довольно значительному городу на юге Галицкой земли. Там находился гарнизон Ярослава, отбивший первое нападение берладников. Однако смерды, загнанные в город, явно сочувствовали берладникам. Они переходили на сторону осаждавших, перелезая через городскую стену. «И вошел отряд Ярослава в город, и начали биться крепко из города, а смерды скачут через стены к Ивану, и перебежало их 300»¹³, — пишет летописец.

Летописец оставил нам только свидетельство о сочувствии смердов претенденту на галицкий стол, но и это говорит о многом. Конечно, не только смерды Ущицы, перебежавшие к берладникам в количестве трехсот человек, были их сторонниками. Среди галицких смердов началось массовое движение в пользу берладников. И если движение смердов быстро замерло в 1159 г., то этому способствовала позиция самого Ивана, который никак не пытался опереться на смердов, стремясь только к удовлетворению своих династических притязаний. Он отказался захватить Ущицу силой и был покинут половцами, надевшимися на богатую добычу в городе. Отъезд половцев, по словам летописи, был главной причиной неудачи похода Ивана Берладника на Галич. Но ведь та же летопись говорит, что вокруг Ивана скопилось 6 тыс. берладников. Куда же делся этот мощный по тому времени отряд? По-видимому, и он разбежался вследствие нерешительности или неспособности своего предводителя.

Известие о бегстве смердов в полки берладников показывает нам широту крестьянских волнений на юге Руси в XII в. Хотя эти волнения имели разрозненный характер, типичный в особенности для времени феодальной раздробленности, но они отражали собой протест крестьян и горожан против феодального гнета, против князей и бояр, епископов и монахов, бесспорно пользовавшихся чужим трудом для собственного благополучия.

¹³ «И вошла бяше засада Ярославля в город, и начаша ся бити крепко засадници из города, а смерди скачуть черес заборола к Иванови, и перебеже их 300» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 341).

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Киевские восстания XII в. были выдающимися событиями в истории Руси. Тем более представляется странным, что эти восстания оказались совершенно неизвестными летописцам северной Руси. Так, по крайней мере, можно судить по тому факту, что восстания 1113 г. и 1146—1147 гг. не упоминаются ни в Лаврентьевской летописи, ни в Новгородских летописях старшего и младшего изводов.

Однако этот факт представится нам вполне объяснимым, если мы вспомним, что в XII столетии связи между отдельными русскими землями были слабыми и каждая из них жила своими местными интересами.

Та разрозненность крестьянского движения в средние века, о которой говорит Ф. Энгельс, становится особенно заметной в длительный период феодальной раздробленности на Руси. Причины, порождавшие выступления крестьянских и городских низов, не исчезли. Следовательно, оставалась та почва, на которой вырастали движения, происходившие во всех русских землях XII—XIII вв.

С наибольшей силой восстания смердов и горожан происходили в Новгородской земле. Гораздо труднее проследить их в других русских землях — в Полоцкой, Смоленской и Владимиро-Суздальской. В специальной монографии В. В. Мавродина не упоминается вовсе о народных восстаниях в этих землях. А между тем анализ летописных известий показывает, что и в них развертывалась ожесточенная классовая борьба, выражавшаяся в выступлениях горожан и смердов против феодалов. Остановаемся прежде всего на событиях в Полоцкой земле.

Обособленное положение Полоцка на северо-западной окраине Руси, а также приобретенное им крупное экономическое значение способствовали раннему выделению его из числа других русских городов. С начала XI в. в Полоцке княжила особая династия, которая вела свой род от Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды. Во второй половине XII в. заметно уже некоторое ослабление прежнего могущества полоцких князей, что было связано с далеко зашедшим феодальным раздроблением¹.

Главной причиной ослабления полоцких князей, по «Слову о полку Игореве», были внутренние раздоры: «Ярослав и вси внуки Всеславовы, уже склоните стяги свои, спрячьте свои мечи

¹ У Всеслава было 7 сыновей, известных по летописи (П. Строев. Ключ или алфавитный указатель к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина. СПб., 1844, стр. 13 и 21, родословные таблицы).

поврежденные; уже потеряли вы дедовскую славу. Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых на землю Рускую, на достояние Всеславова»². По мнению автора «Слова о полку Игореве», лучшие времена Полоцкой земли уже миновали. В конце XII столетия «Двина болотом течет под кликом» литовцев.

К сожалению, наши источники очень неясно и отрывочно рисуют положение в Полоцкой земле, а памятники собственно полоцкие до нас почти не дошли, если не считать жития Евфросинии. Тем не менее и отрывочные данные позволяют говорить о том, что в Полоцкой земле происходили примерно те же явления, какие мы наблюдали на юге Руси. Правда, связь крестьянского движения с движением горожан прослеживается с большим трудом. Но выступления горожан против полоцких князей имеют связь с движением в деревне. Это прежде всего относится к событиям, развернувшимся в Полоцкой земле в середине XII в.

Археологические данные показывают, что Полоцк и другие города Полоцкой земли были уже значительными центрами в XI—XII вв. Кроме Полоцка можно назвать еще Минск, Витебск, Борисов и Оршу, известные по письменным источникам этого времени. Раскопки в Минске показали существование на его «Замчище» остатков каменного храма, построенного примерно в начале XII в.³

Развитая городская жизнь предстает перед нами, когда мы развернем чуть ли не единственный дошедший до нас памятник полоцкой литературы XII столетия — житие Евфросинии Полоцкой. Местом своего поселения Евфросиния делает «голбец» в соборе Софии («голбец» — это род чулана, пристройки, отгороженной от другого помещения загородкой), тут она пишет книги для продажи. Пребывание княжны-монахини шокирует богомольцев, и епископ переводит Евфросинию в свое село. «Ведь это церковь соборная, где ты сидишь, тут все люди собираются», — мотивирует он свое решение. На празднество освещения новой церкви приходят и князья, и сильные мужи, и простые люди. На проводы Евфросинии сходятся «все граждане» и т. д.

Как ни ограничен кругозор автора жития только церковными интересами, даже его краткие замечания дают картину жизни средневекового города⁴. Они объясняют нам ряд явлений в городской жизни Полоцкой земли.

² Слово «жизнь» А. С. Орлов переводит как «богатство» (А. С. Орлов. «Слово», стр. 73).

³ В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского замчища в 1950 г. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. 44. М., 1952, стр. 125—132.

⁴ «Памятники старинной русской литературы». Изд. Гр. Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, стр. 172—179.

Хуже обстоит дело с источниками, рисующими феодальные отношения в полоцкой деревне. Здесь мы с трудом найдем только несколько отрывочных замечаний. Так, Владимир Мономах рассказывает о своем походе к Минску: «захватили город и не оставили у него ни челядина, ни скотины»⁵. Тут речь идет, конечно, не только о самом городе, но и о его ближайшей округе. Слово «челядин» как будто указывает на то, что жертвами бранных подвигов князя и его дружины сделались холопы и закрепощенные люди княжеских и боярских вотчин. В одном полоцком акте второй половины XIII в. уже встречается формула о выдаче поручников, должников и холопов, которую найдем и в новгородских договорах («поручныки, и должники, и холопы выдати») ⁶.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к изучению народных движений в Полоцкой земле, насколько мы знаем о них по скудным известиям наших источников.

Первые сведения о волнениях в Полоцкой земле относятся к 1151 г. Полочане «взяли своего князя Рогволода Борисовича и послали в Минск и там его держали в великой нужде, а Глебовича увели к себе»⁷. Во время этих волнений полочане разграбили имущество князя и его дружины, выдав Рогволода его соперникам «на великую муку». Летопись по обыкновению не дает возможности точно сказать, кого надо понимать под полочанами, изгнавшими Рогволода Борисовича,— бояр или полоцких горожан, но дальнейшие события совершенно ясно показывают, что решающей силой в этих событиях были горожане.

Борьба между соперничавшими князьями с особой силой развернулась в 1159 г., когда Рогволод Борисович вновь появился в Полоцкой земле. Он тотчас же был принят жителями Друцка, где княжил Глеб, сын Ростислава Глебовича. На этот раз мы можем определенно сказать, что Рогволода встречали в Друцке не бояре, а горожане; по словам летописи, «рады были ему людие».

Навстречу князю выехало более «30 людей дрыючан и полочан». Рогволод въехал в город «с великой честью», тогда как Глеб был выгнан из Друцка. «И двор его разграбили горожане и дружину его»,— говорится об изгнании Глеба из Друцка. Итак, «горожане», народ, «людие»,— вот кто выступает против Ростислава Глебовича и поддерживает его соперника Рогволода. Из Друцка волнения перекинулись в Полоцк. «И был мятеж великий в городе среди полочан, многие хотели Рогволо-

⁵ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 239.

⁶ «Русско-Ливонские акты». СПб., 1868, стр. 13.

⁷ «Яша Полотчане Рогволода Борисовича князя своего и послаша Меньску, и ту и держаша у велице нужи, а Глебовича к собе уведоша» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 307—308). Рогволод Борисович и Ростислав Глебович были двоюродными братьями, внуками Всеслава.

да, едва успокоил людей Ростислав и одарив их многими дарами, привел к присяге»⁸.

Условия этой присяги указываются самой летописью. Полочане давали клятву по формуле: «ты нам князь, и дай бог нам с тобою пожити и не изменять тебе и до присяги»⁹. Впрочем, наш перевод присяжной формулы полочан может быть подвергнут некоторому сомнению. Слова подлинника «извета никакого же до тебе доложить» остаются несколько непонятными. Более ясный текст в Хлебниковском списке: «и съвета никакого же до тебе доложить». Иными словами, полочане обещали князю не устраивать против него заговоров, совещаний.

Дальнейшие события показали крайнюю непрочность власти Ростислава. Полочане затеяли тайные переговоры с Рогволодом, находившимся в Друцке, и пытались обманом захватить Ростислава. В городе собралось вече; Ростислав бежал в Минск, а его соперник Рогволод начал княжить в Полоцке.

События, подготовившие победу Рогволода, описаны летописцем в виде драматического рассказа о злом совете («совет зол»), который полочане замыслили против своего князя. Полочане тайно снеслись с Рогволодом, пребывавшим в Друцке; там находились и его сторонники, беглые полочане. Характерно само обращение полочан к тому князю, которого они ранее выгнали из своего города: «если теперь ты забудешь обо всем том, что мы сотворили своим безумьем, и крест к нам поцелуешь, то мы люди твои, а ты наш князь».

Полочане хотели захватить Ростислава обманом. О дальнейшем читаем в летописи следующее: «И были у Ростислава друзья среди полочан,— и они известили Ростислава, что его хотят захватить. И начали Ростислава звать обманом на братчину к святой Богородице, к старой, на Петров день, чтобы тут его захватить. Он же поехал к ним одевшись в броню под одеждой, и не посмели на него напасть. На другой же день начали его призывать к себе, говоря: «князь, приезжай к нам, у нас к тебе есть речи, поезжай же к нам в город». Князь в это время был на Бельчице. И сказал Ростислав послам: «а вчера был у вас, так почему не говорили со мной, а что у вас были за речи?» Однако без всякого подозрения поехал к ним в город. И вот из города примчался навстречу ему детский его: «не езди, князь, вече на тебя в городе, а дружину твою избивают, а тебя хотят захватить»¹⁰.

⁸ «И мятежь бысть велик в городе в Полчанех, мнози бо хотяху Рогьволода; одва же установи людье Ростислав и одарив многими дарами и води я к хресту» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 339).

⁹ «Яко ты нам князь еси, и дай ны бог с тобою пожити, извета никакого же до тебе доложить и до хрестного целования» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 339).

¹⁰ «И бяху приятели Ростиславу от полочан, и известиша Ростислава, оже хотят и няти. И начаша Ростислава звати льстью у братьщину к святей

В этом рассказе наиболее интересно указание на братчину, куда звали князя. Братчина должна была состояться в церкви «святой Богородицы старой», на Петров день, т. е. 29 июня по старому стилю. Братчины были широко распространены в крестьянском быту более позднего времени. Это пир, устраиваемый в канун какого-либо праздника на общие средства, в складчину. Братчины устраивались также купеческими и ремесленными объединениями; они начинались обычно церковной церемонией, как показывает новгородский устав Ивана Предтечи на Опоках. Указание на «старую Богородицу» в Полоцке ведет нас к братчине, организованной какой-либо купеческой или ремесленной организацией. Старая Богородица противопоставляется новой. Речь идет, вероятно, о старом Софийском соборе в Полоцке, в противоположность новой церкви или новому собору. Если мы вспомним о том, что «люди», «горожане», свергнули власть Ростислава в Друцке, то у нас будет основание догадываться, что «люди» являлись главными противниками этого князя и в самом Полоцке.

Княжеские междоусобицы сопровождались усилением классовой борьбы в городах Полоцкой земли середины XII в. Горожане, «люди», не были пассивными зрителями борьбы феодалов, а принимали в ней активное участие. Поэтому совершенно неправильно представлять горожан как своего рода послушное стадо в руках феодалов и «торгово-ремесленной верхушки», как это делается, например, в «Очерках истории СССР». Параграф о Полоцком княжестве в XII и начале XIII в. переносит центр тяжести с горожан на бояр. Полоцкие события 1151 и 1159 гг. уложены буквально в две строчки и сведены к борьбе князей за полоцкий стол¹¹.

Между тем в XII столетии в Полоцке складывается тот политический строй, который нам знаком по Великому Новгороду. Позднейшие белорусские летописи признавали, что полочане «стали управляться вечем, как в Великом Новгороде и Пскове, государя над собою не имели»¹².

Во второй половине XII в. Полоцкая земля почти выпадает из внимания наших летописей. Но и отдельные, отрывочные сведения позволяют установить, что в Полоцке и других горо-

богородици к старей, на Петров день, да ту имуть и. Он же еха к ним изволочивъся в броне под порты, и не смеша на нь дързнути. На утрий же день начаша и вабити к собе, рекуче: «князь, поеди к нам, суть ны с тобою речи; поеди же к нам в город». Бяшетъ бо князь в то веремя на Беллице. И рече Ростислав послом: «а вчера есмь у вас был; а чем есте не молвили ко мне, а что вы было речи?» Обаче без всякого извета еха к ним у город. И се погна из города детьский его противу ему: «не езди, княже, вече ти в городе, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 340).

¹¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. 1, стр. 386.

¹² «И полочане потом почали вечом справоватис как в Великом Новеграде и во Пскове, государя над собою не имели» (ПСРЛ, т. XVII, стр. 363).

дах Полоцкой земли шла ожесточенная внутренняя борьба. В 1162 г., по сведениям Ипатьевской летописи, известный уже нам Рогволод Борисович совершил поход с полочанами к Городцу против Володаря Глебовича. «Володарь не дал ему битвы днем, но ночью выступил на него из города с Литвою, и много зла сотворилось в ту ночь, одних убили, а множество других в плен взяли, больше, чем убитых»¹³. Рогволод не посмел после этого вернуться в Полоцк, «потому что погибло множество полочан». Полочане посадили у себя князем Всеслава Васильковича.

В этом известии перед нами выступает подчиненное положение князя. Полочане распоряжаются княжеским столом, «сажают», у себя князем Всеслава Васильковича — поступают так же, как новгородцы и киевляне. Этот порядок казался современникам изначальным для Новгорода, Смоленска, Киева и Полоцка. Жители этих городов, как «на думу, на веча сходятся, что старейшие постановят, на том и пригороды их станут»¹⁴.

Всеслав Василькович недолго продержался в Полоцке и был выгнан Володарем. Но Володарь вошел в Полоцк, предварительно заключив договор с полочанами. Князь «целовал крест с полочанами», т. е. скрепил соглашение взаимной присягой, целованием креста¹⁵. Постоянные усобицы ослабляли в Полоцке княжескую власть, и нет никакой возможности, да и надобности, скрупулезно следить за хороводом князей, сменявшихся на полоцком столе. К концу XII в. княжеская власть в Полоцке стала настолько слабой, что летописи перестают называть полоцких князей по имени, обозначая их безлично. Ходил князь Ярослав на Луки, «позван полочкою князью и полочаны»¹⁶, — читаем в летописи о переговорах новгородского князя с полочанами. Слово «князью» звучит в данном случае полупрезрительно, употребленное в качестве какого-то обобщающего термина, оно напоминает позднейшие названия — шляхта, княжата. Во время ссоры со смоленским князем полочане вовсе обходятся без князя, они ведут от своего имени переговоры и кончают дело миром¹⁷.

Внутреннее положение в Полоцке начала XIII в. рисует нам повесть о Святохне, помещенная в «Истории Российской» В. Н. Татищева. Следует, впрочем, заранее оговориться, что подлинность этой повести была подвергнута сомнению. Н. П. Лыжин увидел в ней произведение XVII в., подобное известной Иоакимовской летописи. По его мнению, Татищев вставил эту

¹³ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 355.

¹⁴ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 358 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 377—378].

¹⁵ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 360 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 526].

¹⁶ «Новгородская Первая летопись...», стр. 230.

¹⁷ «И слышаша полочане, и здумаши рекуще» («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 383) [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 403—404].

повесть в свою «Историю Российскую», так как она якобы должна была явиться памфлетом против господства Бирона и немецких выходцев при дворе Анны Ивановны¹⁸. Такой взгляд на повесть о Святохне довольно прочно утвердился в русской историографии, несмотря на то, что последующие исследователи, в том числе В. О. Ключевский, склонялись к признанию ее достоверности.

Мнение Н. П. Лыжина опирается главным образом на то обстоятельство, что повесть о Святохне была доставлена В. Н. Татищеву известным деятелем того времени Еропкиным. Об этом пишет в примечании сам Татищев: «выписано из летописца Еропкина, который видно, что пополнивав в Полоцке; ибо в нем много о полоцких, витебских и других литовских князях писано, токмо я не имел времени всего выписать, и потом его видеть не достал, слыша, что отдал списывать». Еропкин же был одним из приверженцев Артемия Волынского, казненно-го при Анне Ивановне по обвинению в государственной измене. Это и позволило Лыжину сделать вывод, что повесть о Святохне, покровительствовавшей иноземцам, вставлена была В. Н. Татищевым в его «Историю», чтобы напомнить о немецком окружении Анны Ивановны.

В действительности параллель между положением Святохны, обрисованным в повести, и положением Анны Ивановны настолько отдаленна, что данное произведение может быть сочтено памфлетом только при помощи гипертрофированной критики, желающей видеть то, чего нельзя увидеть. К тому же Святохна изображена в повести католичкой, тогда как Анна Ивановна оставалась всегда ревностной последовательницей православия, несмотря на свое немецкое окружение. В построениях Лыжина нет даже элементарной точности. Считая повесть о Святохне памфлетом времен правления Анны Ивановны (1730—1740), автор в то же время относит возникновение этого произведения к XVII в., не объясняя, какими же источниками пользовался сочинитель. Между тем подробности, содержащиеся в повести о Святохне, свидетельствуют о ее подлинности и раннем происхождении¹⁹. В повести нет ни одного слова, ни одной фразы, которая позволила бы говорить о позднейшем подлоге. Наоборот, даже ее вступительная фраза звучит как на-

¹⁸ Н. П. Лыжин. Два памфлета времен Анны Ивановны.— «Известия Академии наук», отделение русского языка и словесности, т. VII, вып. 1. СПб., 1858, стр. 49—64.

¹⁹ В повести имеются имена, выдумать которые составителю XVII в. было невозможно. Так, полоцким князем назван Борис Давыдович. Полоцкий князь Давыд неизвестен по летописи, но его знает «Житие Евфросинии Полоцкой». Его сыновья, Василько и Вячко, известны по «Хронике Ливонии», написанной Генрихом Латышем. Василько и Вячко боролись против Литвы, «которые их область Двинскую беспокоивали», что соответствует действительности. Замечательнее всего, что в предполагаемом памфлете нет ни слова о нападениях немцев, против которых якобы он был написан.

чало рассказа XII—XIII вв.: «В сие же время приключилось в Полоцкой земле великое зло и смятение». Повесть о Святохне должна быть признана ценнейшим литературным памятником наряду с житием Евфросинии Полоцкой, возможно того же или несколько более раннего времени.

Повесть о Святохне рассказывает о князе Борисе Давыдовиче Полоцком, женившемся вторым браком на княжне Святохне, дочери Казимира, князя Поморянского. Она была «веры папешской». Приняв православное вероисповедание, Святохна продолжала держать у себя католического попа и покровительствовать пришедшим с нею поморянам. Святохна родила сына Владимира и всячески пыталась очернить перед отцом своих пасынков, Василька и Вячка. Несмотря на ее интриги, пасынки восторжествовали²⁰.

Повесть показывает подчиненное положение князя в Полоцке. В борьбе Святохны с пасынками выясняется значение полоцких «людей»²¹. После того как поморяне убили нескольких полоцких бояр, поддерживавших молодых князей, обвинив их в заговоре против князя и княгини, «как скоро свет стал, князь велел звонить на вече, и сошлось народа множество». Сторонники Святохны обвинили на вече убитых бояр в злодейском замысле. «Народ, не ведая истины, и не спрося никого от домашних вельмож тех, хотя некоторые о том советовали, но возбуждены доброжелателями княгини, пошед дома их разграбили, а жен и детей неких побили, иных изгнали»²².

Однако господство поморян продолжалось недолго. На Спасов день (1 или 6 августа) сторонники молодых князей созвали вече и произвели переворот: полочане «приступя ко двору княжеву взяли княгиню и посадили под крепкую стражу в заточение, а поморян и сообщников ея, исследовав о всех умыслах и облича, всех побили, и дома их разграбили, а иных изгнали»²³.

Повесть о Святохне датирована Татищевым 1217 г., но это сделано условно, так как повесть имеет все черты законченного произведения, лишь потом вставленного в летопись. Хроноло-

²⁰ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3, стр. 403—409 [изд. 1964 г., т. III, стр. 201—206].

²¹ «Люди же полоцкие, познав коварство Святохнино, все стали сожалеть, что молодые их князи отлучились, и стали просить Бориса, чтоб послал по них, и призвал паки в Полоцк, и о делах распорядок учинил, понеже Василько мог уже совершенно княжение управлять, а наипаче, что Литва многия пакости области Полоцкой набегами чинила, а без князя войском управлять не так способно, понеже воевод не всяк слушает, и принуждены были в помощь минских, друцких и витепских призывать» (В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3, стр. 405—406) [изд. 1964 г.— стр. 202].

²² В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 3, стр. 408 [изд. 1964 г., стр. 203].

²³ Там же, стр. 409 [изд. 1964 г., стр. 203—204].

гически она охватывает довольно большой промежуток времени.

Правда, были сделаны попытки приурочить повесть о Святохне именно к 1217 г., но они не отвечают исторической действительности²⁴. Для нас вопрос о генеалогическом происхождении полоцкого князя Бориса Давыдовича и его сыновей в данном случае не имеет значения. Важнее отметить значение повести о Святохне как источника по истории народных движений в Полоцкой земле. Восстание в Полоцке, описанное в повести, носило классовый характер. Поморян обвиняли в том, что они «злодействуя неповинно людей губят», «города разоряют и народ грабят, пределы оные пустошат». Призывы расправиться с поморянами, как с пришельцами, были агитационными лозунгами их врагов.

Бурная жизнь полочан только с трудом восстанавливается нами, но и скудные показания источников говорят о непрекращающихся классовых конфликтах в Полоцкой земле.

Глава XVI

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

С большой силой антифеодальные движения «людей», горожан и смердов проявились в Смоленской земле XII—XIII вв. Больше того, мы вправе говорить об особой остроте классовой борьбы в этой земле, которая нашла яркое отражение в литературных произведениях смоленского происхождения.

История Смоленской земли во второй половине XII в. относительно полно отражена в наших источниках. Смоленская земля представляла собой довольно обширную область, лежавшую по верхнему течению Днепра. К ней обычно относилось и Торопецкое княжество в верховьях Западной Двины и Ловати.

Феодальное хозяйство получило в Смоленской земле большое развитие. О значительном распространении в ней крупного землевладения говорит известное уже нам письмо Климента Смолятича, относящееся к XII в. Климент ополчается против «славы хотящих», которые присоединяют дом к дому, села к селам, сябров, борти, пожни, ляда и старины, изгоев порабащают¹. «Славы хотящие», как мы видим, порабащали изгоев, какую бы категорию крестьян мы ни понимали под этим названием. Изгои указаны также в уставной грамоте Смоленской митрополии жившими в некоторых селах, их «прилагали», порабащали смоленские феодалы.

²⁴ См. примечание 48 в кн. «Хроника Ливонии». Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938, стр. 487—490.

¹ Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 104.

Уставные грамоты Смоленской епископии говорят о быстром обояривании сел, ранее населенных сябрами — смердами-общинниками, бортниками, изгоями. Передача сел «в собственность епископии означает тем самым и превращение в монастырских людей основного населения этих сел — смердов»², — пишет в своей статье, посвященной изгоям, И. И. Смирнов. И с этим нужно согласиться. Ранее свободные общинники становятся закрепощенными людьми, «истужниками», работающими по принуждению. В церковных памятниках слово «истужание» является переводом латинского *figor* — страх, угроза³.

Смоленск в XII—XIII вв. был одним из крупнейших русских городов. Развитое ремесло и торговля объясняют нам появление таких замечательных документов, как договор Смоленска с Ригой и немецкими городами, сохранившийся в нескольких редакциях XIII в. В него включена «Правда», судебник, который действовал в Смоленске и по своим нормам близко стоит к Пространной «Русской Правде».

В таком крупном городе, как Смоленск, горожане, «люди», естественно, имели большое влияние на политические дела. Немногочисленные смоленские документы XII в. определенно указывают на совместную деятельность князя и «людей». В уставной грамоте Смоленской епископии (1151 г.) князь говорит о своем совещании с людьми: «приведох епископа Смоленску, сдумав с людьми своими». Уже П. В. Голубовский справедливо указывал, что смоленское вече имело «право законодательное» в XIII в.⁴ Именно в Смоленске возникли официальные документы, в которых отразился тот факт, что «люди» совместно с князем принимают участие в политических делах. Князь утвердил уставную грамоту Смоленской епископии, «сдумав с людьми своими», т. е. после совещания с горожанами. Об этом же говорят ее заключительные слова: «да сего не посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие»⁵. Участие горожан в учреждении епископии в Смоленске станет понятным, если вспомнить о том, что городские веса и меры веса, «мерила», находились в распоряжении епископа. В соборе Богородицы лежала образцовая «капь» — гирия⁶.

Смоленские горожане принимали участие в составлении договора 1229 г. Договор был составлен по соглашению князя с вечем: «чтобы во веки стояло, и князю было бы любо и смо-

² И. И. Смирнов. К вопросу об изгоях. — «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 106.

³ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 1154.

⁴ П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, стр. 214—215.

⁵ Там же, стр. 257.

⁶ «Капь, чимь то весять, излъмлена будет, а любо легче будетъ» («Русско-Ливонские акты», стр. 436—437).

лянам»⁷. В составлении договора со смоленской стороны принимал участие Тумашь Михалевичъ. Послами в Ригу ездили из Смоленска поп Иеремей и Пантелей — сотский, называемый в других списках договора «умным мужем». Как мы знаем, сотские были теснейшим образом связаны с городскими ремесленниками и купцами. В посольстве смоленского князя Ростислава Мстиславича представителем Смоленска являлся Иван Ручечник⁸. Прозвище «Ручечник», вероятно, указывает на его ремесленную или торговую специальность. Слово «ручка» обозначало в древней Руси сосуд, в том числе и драгоценный сосуд⁹, а слово «ручник» — полотенце. Для определения специальности Ивана Ручечника ближе всего подходит первое слово: ручечник, вероятно, — мастер, выделявающий металлические сосуды.

Непосредственное указание на «крамолы» в Смоленске имеем в летописи под 1186 г.: «в то же время восстание в Смоленске между князем Давыдом и смолнянами, и много пало голов лучших людей»¹⁰. Причины распри князя с жителями Смоленска неизвестны, неясно также, жертвой чего пали многие «лучшие мужи»: было ли это результатом их борьбы с князем, или, наоборот, «лучшие люди» поддерживали князя против восставших смолян.

В 1232 г. князь Святослав Мстиславич утвердился на своем наследственном столе в Смоленске только силой, с помощью полочан. Он взял Смоленск и отдал на «щит», т. е. на разграбление, перебил много жителей, а сам сел на княжение¹¹.

Смоленские князья относительно прочно и долго сидят на своем столе, но не столько по праву происхождения и наследования, сколько по соглашению с феодалами и «людьми» Смоленской земли. Смоляне также выгоняют от себя и вводят к себе на стол представителей княжеской династии¹². Вспомним и характерные слова в плаче княгини над гробом смоленского князя Романа Ростиславича: «многия досады принял от смолян, и не видела тебя, господин, никогда воздающим зло за их зло»¹³. Постоянные ссоры смолян с князьями отмечаются летописью и для самого конца XII в. В это время они враждо-

⁷ «Абы в веки стояло, и князю любо бы и всем смолняном».

⁸ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 344.

⁹ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 200: «Возьми ручку злату» (в других списках — сосуд).

¹⁰ «В то же время встань бысть Смоленське промежи князьмъ Давыдомъ и смолняны, и много голов паде лудьших мужъ» («Новгородская Первая летопись...», стр. 38).

¹¹ «В то же лето взя Святослав Смолньск на щит с полочаны на Боришь день, исеце смолняны, а сам седе на столе» (там же, стр. 72).

¹² «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 355. В 1175 г. смоляне «выгнаша» Ярополка и «введоша» княжить Мстислава.

¹³ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 417—418 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 617].

вали со своим князем Давыдом. На этом строили свои расчеты недоброжелатели смоленского князя. «Сказывают мне взятые в плен смоляне, что их братья недобро живут с Давыдом; а у нас вновь такого времени не будет», — писал один князь другому, предлагая напасть на Смоленск.

Летописи не дают возможности проследить, какие круги населения враждовали с князьями, но это поясняют разобранные выше официальные документы Смоленского княжества. Они обнаруживают большое значение в жизни Смоленска «людей» — горожан в широком смысле этого слова. Конечно, и масса горожан, в том числе ремесленников, не представляла что-либо единое. В ней существовало также общественное неравенство. Во многих народных движениях «люди» выступают вместе с боярами, как это позже увидим в Новгороде, хотя цели и интересы трудового населения и феодалов были разные. Внутренние распри в Смоленске не были только борьбой за городские привилегии, они имели определенное классовое содержание.

Борьба горожан против феодального гнета часто сочеталась с антифеодальной борьбой крестьян.

Как ни скудны и как ни трудны для расшифровки указания наших источников о классовой борьбе в Смоленской земле, у нас все-таки имеется некоторое основание говорить, что восстание («встань») в Смоленской земле не ограничивалось только городом, а распространялось и на деревню. Недаром смоленские церковные произведения прославляли тех, кто терпеливо переносил «прогнание и разграбление без правды от вельмож и от судей неправедных». Призывы к покорности и терпению прикрывали собой существование безудержной феодальной эксплуатации закрепощенных людей и холопов.

К счастью, мы обладаем таким источником, который вводит в гущу городской жизни в Смоленске конца XII — начала XIII в.: это — известное, но малоизученное житие Авраамия Смоленского.

Произведение это написано замысловатым и вычурным языком, старательно скрывающим за хитросплетением словес настоящие причины возмущения против Авраамия. Но и за цветистыми фразами и риторическими отступлениями перед нами во весь рост встает будничная жизнь большого средневекового города.

Авраамий произносит проповеди, обращенные «к малым же и к великим, рабам же и свободным и рукодельным». Этим он привлекает к себе смоленских жителей и вызывает ненависть городских священников, теряющих свою паству и вместе с ней свои доходы.

Слово «рукодельные» очерчивает нам ту среду, в которой вращался Авраамий. Рукоделие — ручной труд, ремесло; рукодельник, или рукодельный, — занятый ручным трудом, ремеслен-

ник¹⁴. Средством воздействия на своих слушателей Авраамий избрал не только проповеди, но и искусство. Он написал две иконы; на одной — страшный суд, на другой — «воздушные мытарства». В «мытарствах» изображались блуждания грешной души через 20 мытарств, связанных с различными грехами. Картина мытарств должна была вызвать большое недовольство среди знатных и богатых людей; ведь второе мытарство было оклеветание, восьмое — ростовщичество, грабление, насилие и мздоимство, а двадцатое — немилосердие, в частности «на рабы и рабыни». Проповеди Авраамия сопровождалась коленопреклонениями, бием в грудь и криком.

Не удивительно, что деятельность Авраамия вызвала недовольство духовенства, обвинившего ретивого проповедника в еретичестве. Против Авраамия поднялась «крамола», и его вызвали на княжеский суд.

Сцена суда над Авраамием поражает своей картинностью: «Собрались же все от мала и до велика, весь город на него. Одни говорят — заточить, а другие — пригвоздить к стене и сжечь, а другие — побить его. Провели его через город. Когда же на двор владычень собрались игумены и попы и чернецы, князья и бояре, дяконы и все церковники, тогда послали за блаженным, когда уже все собрались. Посланные же слуги, взяв его, влчили его, как злодея, одни издевались над ним, другие насмехались над ним и бросали ему бесчинные слова, и весь город и на торгу и на улицах везде полно народа, и мужчины, и женщины, и дети, и было тяжко смотреть это зрелище»¹⁵. Собище, на которое вели Авраамия, названо в житии «снемом», т. е. совещанием, съездом.

Авраамий был оправдан на суде, но это оправдание объяснено в житии как-то неясно. Составитель жития только дает понять, что в оправдании Авраамия принимал участие некий Лука Прусин, получивший свое прозвище, видимо, от Пруссии, с которой Смоленск в это время вел сношения. Лука Прусин назван блаженным и преподобным; это прямое указание на то, что он принадлежал к духовенству.

История с Авраамием Смоленским рисует перед нами «шатание» в городе, вызванное необычными проповедями чернеца. Впоследствии словами «шатание» и «шатость» будут обозначать

¹⁴ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 193—194.

¹⁵ «Събраша же ся вси от мала и до велика, весь град на нь. Инии глаголють заточити, а нини к стене ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе град. Всем же собравшимся на двор владычень, игуменом же и попом и черньцем, князем и боляром, дякони и вси церковници, внегда послаша по блаженаго, уже всем собравшимся. Посланыя же слугы, емше, яко злодея влачаху, овии ругахуся ему, инии же насмехахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь град и по торгу и по улицам — везде полна народа, и мужи же, глаголю, и жены и дети, и бе позор тяжек видети» (С. П. Розанов. Жития преподобного Авраамия Смоленского. СПб., 1912, стр. 10).

народное волнение. Именно в таком смысле и употреблено слово «шатание» в каноне Авраамия, откуда оно нами и взято.

Житие Авраамия изобилует ссылками на церковную литературу. Автор его — ученый книжник, ополчившийся на «крамольствовавших» против Авраамия. Но церковная форма повествования не может окончательно затемнить сущность рассказа о «крамоле» в Смоленске. В то время как игумены и попы «рычали, подобно волам» на Авраамия, князь и бояре вынесли ему оправдательный вердикт. В житии это представлено как доказательство невиновности Авраамия, но автор жития тут же проговаривается о волнениях в городе. По словам жития, к Авраамия запрещено было приходить: «такое же бе и сему их запрещение, яко и никому же не приходит к нему; мнози же мечници на всех путех стрежааху, а неции разграблены быша». Перевод этой фразы будет звучать приблизительно так: «Так же было и с этим их запрещением, чтобы никому не приходить к нему; многие же мечники на дорогах стерегли, а некоторые разграблены были».

Кто был разграблен — неясно, но ясно, что в городе шли волнения, заставившие княжеских людей, «мечников», стеречь дороги. Так чисто церковный по форме памятник вводит нас в гущу городской жизни и городских волнений на Руси XII—XIII вв.

Глава XVII

ВОССТАНИЕ ГОРОЖАН И СМЕРДОВ ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ 1175—1177 гг.

Владимиرو-Суздальская земля до княжения Андрея Боголюбского нередко изображалась в исторической литературе как своего рода захолустье. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что летописные свидетельства X—XI вв. об этой земле крайне отрывочны. Но эти известия говорят о многом, в частности о больших классовых осложнениях, о восстаниях смердов в Суздальской земле уже в XI столетии. Мы имеем в виду восстания смердов 1024 и 1071 гг., о которых говорилось выше.

Летописные известия о восстаниях этих годов рисуют нам край, преимущественно заселенный смердами, зависевшими от князя и подчиненным княжескому суду. Пройдет менее столетия и во второй половине XII в. мы уже встретимся во Владимиро-Суздальской земле с существенно иными порядками.

Во второй половине XII в. «села боярская» с конями и прочим скотом — явление, распространенное в Суздальской земле¹. Любопытное предание об одном из феодалов, владевшим

¹ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 362. Боярские села упоминаются и дальше [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 382].

под Ростовом укрепленным городком, сохранилось в Тверской летописи. Это «некто от ростовских жителей», Александр Попович, прототип былинного Алеши Поповича. Ему принадлежал «город обрыт под Гремячим колодезем на реце Где, иже и ныне той соп стоит пуст»². Иными словами: городок под Гремячим колодезем на реке Где, окруженный валом.

Слова о пустой осыпи («той соп стоит пуст») относятся, вероятно, к XVI в., когда сложилась Тверская летопись как особый сборник. Но время деятельности Александра Поповича относится к началу XIII в., к эпохе борьбы ростовского князя Константина с его братом Юрием. Составитель Тверской летописи имел под руками какой-либо письменный источник, рассказывавший о княжении Константина и его войнах³.

Боярское землевладение получило наибольшее развитие в районе Ростова и Суздаля, там, где с давнего времени существовали большие села, в районе ополей с их плодородными почвами. Могущество бояр ярко проявилось после смерти Андрея Боголюбского. Молодые князья Ростиславичи «слушали бояр», а бояре учили их на многие захваты («на многое имение»). «Бояре князей тех держались крепко»⁴,— добавляет летописец.

О том, как происходил рост феодального землевладения во Владимиро-Суздальской земле, дает представление краткая летописная справка о владимирском епископе Федоре, приведенная выше: в «держаньи его» пострадали многие люди, одни потеряли села, оружие и коней, другие же попали и в неволю, испытали заточение и «грабление»⁵.

Перевод слова «держание» как «задержка» явно здесь не подходит⁶. В древней Руси был хорошо известен термин «держать» в смысле владеть, править. Поэтому слово «держание» можно перевести словами «в правление», «во владение». От этого слова происходит распространенный в Литовском великом княжестве термин «державец» для обозначения феодала, владевшего на временном условном праве какой-либо землей.

Летописное известие о епископе Федоре рисует типичную картину феодальных захватов. Епископ не брезгует никакими средствами для захвата сел, принадлежавших мелким феодалам.

² ПСРЛ, т. XV, стр. 336—338 [фототипическое переиздание. М., 1965].

³ Различного рода легендарные рассказы о владельцах ростовских сел помещены в так называемых летописях Хлебникова и Артынова. Но это только сказочные произведения XVIII—XIX вв., впрочем рассматриваемые в виде подлинных свидетельств в кн.: А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885, стр. V—VIII.

⁴ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 257.

⁵ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 337 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 355].

⁶ И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стр. 773—777.

лам, отнимая у них вместе с селами оружие и коней. Слова «и роботы добыша» говорят о порабощении им свободных людей. Федор не брезговал насильственными захватами и расправами с сопротивляющимися ему людьми. «Желая отнять от всех имение», епископ немилосердно мучил людей, резал языки, выжигал глаза, распинал на стенах, издевательски приказывал остригать бороды и волосы на голове.

Пусть в летописных словах о Федоре, наказанном «рукою благочестивою» Андрея Боголюбского, мы заподозрим чрезмерное старание летописца очернить свергнутого епископа. Все-таки фигура своевольного церковного феодала, князя церкви, захватывавшего чужие земельные владения, предстает перед нами во всей своей неприкрытой наготе. «Грабление» чужих сел — это как раз то явление, о котором говорил как о характерном для Смоленской земли митрополит Климент, порицающий «славы хотящих», присоединявших к своим владениям дома, села, сябров и изгоев.

Прямое указание на порабощение «сирот» феодалами Владимиро-Суздальской земли встречаем в летописной похвале Всеволоду Большое Гнездо. Всеволод творил «суд истинен и нелицемерен, не смущаясь сильных своих бояр, обидящих меньших и порабощающих сирот и насилье творящих»⁷.

Замечательной особенностью Владимиро-Суздальской земли являлся быстрый рост городов, в первую очередь Владимира. По характеристике летописца, в нем жили «люди мезинии володимерстии». О них ростовские бояре пренебрежительно отзывались: «то суть наши холопы каменьщики».

Но эти «холопы-каменьщики» удачно сражались в составе владимирского ополчения и одерживали победы над ростовцами. Поэтому прозвище «мезинии», младшие, каким их наделяли противники, звучит в устах владимирского летописца почти гордо.

Крупнейшее народное движение во Владимиро-Суздальской земле тесно связано с княжескими междоусобицами после смерти Андрея Боголюбского. Оно явилось прямым следствием тех классовых противоречий, которые порождены феодальным строем, хотя заговорщики, убившие Андрея, принадлежали к княжеской дружине и не были горожанами или смердами.

Волнения, развернувшиеся во Владимиро-Суздальской земле, в Боголюбове и других городах в 1175—1177 гг., тотчас же приняли широкие размеры и охватили не только городское население, но и деревню. Им предшествовал заговор против Андрея Боголюбского, в котором принимало участие 20 человек. В их числе находим Петра Кучкова зятя и Якима Кучковича. Позднейшие легенды связывали обоих названных лиц с боярином Сте-

⁷ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 415, [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 437].

фаном Кучкою, легендарным владельцем Москвы. Здесь не место рассматривать вопрос о степени достоверности этих легенд⁸, но следует отметить, что заговор против Андрея Боголюбского был тесно связан с борьбою владими́ро-суздальских бояр против княжеской власти. Только поздние предания рассказывают о наказаниях, постигших «поганных» Кучковичей и других княжеских убийц, современные же летописные известия молчат о преследовании заговорщиков. «Так уже сотворилось, князь наш убит, а детей у него нет»⁹, — рассуждают собравшиеся ростовцы, суздальцы и переяславцы, тем самым признавая факт совершившимся, но избегая дать его оценку.

Летописи согласно указывают на участие в заговоре ключника Анбала, державшего ключи от всего княжеского хозяйства. Таким образом, очерчивается круг заговорщиков, принадлежавших к княжеским слугам, министрам, или, по-русски, «милостникам».

Убийство Андрея Боголюбского вызвало волнения среди боголюбовских горожан, грабивших княжеский двор вместе с дворянами¹⁰.

Летописи рисуют обстановку полного безвластия, водворившуюся в Боголюбове после убийства Андрея. «И разошлись и начали грабить, страшно смотреть», — восклицает летописец¹¹.

Вслед за убийством Андрея Боголюбского началось движение против княжеских людей по всей Владимиро-Суздальской земле. Только так можно понять слова летописи: «и много зла сотворилось в его волости, посадников его и тиунов его дома пограбили, а самих перебили, детских и мечников перебили, а дома их пограбили». В Троицкой сгоревшей летописи, кроме детских и мечников, указаны были также княжеские постельники¹². Посадники, тиуны, детские и мечники осуществляли княжеский суд и расправу. Они были виновниками грабежей и расправ, испытываемых населением от представителей княжеской

⁸ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 11—13.

⁹ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 352.

¹⁰ В Ипатьевской летописи (стр. 402): «Горожане же боголюбьци разграбиша дом княжь, и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволоки, имение, ему же не бе числа». Конструкция фразы не очень ясна. Кто грабил — горожане и дворяне, ограбившие «делателей», или сами «делатели»? Датой убийства Андрея Боголюбского оставлен 1175 г., как в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. То же известие, поставленное в Новгородской пергаменной летописи под 1174 г., носит черты несколько позднейшей записи. Тут же помещено известие о том, что Роман Ростиславич сел княжить в Киеве («Новгородская Первая летопись...», стр. 34), помещенное в Ипатьевской летописи под 1175 г.

¹¹ «И развидошася и вьлегоша грабить, страшно зрети» («Летопись по Ипатьевскому списку», стр. 400).

¹² «И много зла створиша в волости его, посадник его и тиунов его дома пограбиша, и самех избиша, детьские и постельники и мечники избиша, а дома их пограбиша» (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 254).

администрации. По выражению летописи, восставшие грабили их дома, «не ведуче глаголемаго: иде же закон, ту и обид много». Так в устах русского книжника закон связывается с обидами как какое-то неразрывное целое.

Выступления против княжеских людей не были результатом сознательных действий. Скорее это были стихийные выступления горожан и смердов, ненависть которых против князя и его администрации раньше сдерживалась только боязнью. Важнее отметить широкое недовольство в различных кругах населения Владимиро-Суздальской земли жестким правлением Андрея Боголюбского. Об этом говорят слова, обращенные заговорщиками к владимирцам об убийстве князя: «не у нас ведь одних замысел, но в нем (принимают участие.— М. Т.) и из числа ваших»¹³.

Следовательно, заговор против князя имел поддержку и в самом Владимире, а не только в кругах княжеских приближенных. Этот вывод подтверждается кратким добавлением Ипатьевской летописи о разграблении княжеских людей во владениях Андрея Боголюбского: «грабители же и из сел приходяче грабили, также было и во Владимире, пока не стал ходить Микулица в ризах с иконою святой богородицы по городу, тогда не стали грабить»¹⁴. Итак, волнения в Боголюбове и Владимире продолжались некоторое время. Во Владимире, как и в Боголюбове, также происходил разгром дворов княжеских людей, ставленников Андрея Боголюбского.

Особый интерес событиям 1175 г. придает участие в них смердов. «Грабители же и из сел приходяче грабили».

Это замечание летописца позволяет говорить о связи восстания горожан во Владимире и Боголюбове с движением смердов. Термин «грабители» в данном случае никак нельзя отождествлять с позднейшим значением этого слова. Таким термином представители господствующего класса нередко обозначали вообще людей, выступавших против феодального порядка. Обидное прозвище «грабитель», позднее — «вор», так же мало соответствует в некоторых случаях обычному пониманию этих слов, как и название декабристов «злодеями» в царских документах. «Грабители» из сел не могли бы действовать в городах, защищенных укреплениями, если бы они не находили поддержки среди самих горожан. За убийством Андрея Боголюбского, таким образом, последовало широкое движение горожан и смер-

¹³ «Не нас бо одних дума, но и о вас суть же в той же думе» («Летопись по Ипатскому списку», стр. 400).

¹⁴ «Грабители же и ис сел приходяче грабяху, тако же и Володимери, оли же поча ходити Микулица со святою богородицею, в ризах, по городу, тождь почаша не грабити» (там же, стр. 402). Знаки препинания расставлены мною, так как в печатном издании летописи они поставлены произвольно.

дов; антифеодальное движение в городах сопровождалось таким же движением в сёлах.

Внимание летописцев все время фиксируется на Владимире и Боголюбове, но это вовсе не говорит о местном характере волнений 1175 г. «И много зла сотворися в волости его», — пишет летописец, показывая этим широту антифеодального движения, охватившего всю «волость», всю область, подчиненную убитому князю. Всюду убивали посадников и тиунов, а дома их грабили. Посадники были княжескими правителями в городах, тиуны действовали и в городах и в сельских местностях. Здесь снова получаем указание на широту народных восстаний 1175 г., охвативших и города и села Владимиро-Суздальской земли.

Дальнейшие события во Владимиро-Суздальской земле иногда изображаются как столкновение старых и новых городов: с одной стороны, новый город Владимир, с другой — старые города Ростов и Суздаль. В этой традиционной постановке вопроса немного места остается для противопоставления «мизинных» владимирских людей ростово-суздальским боярам. Уже всякий социальный смысл теряется в утверждениях А. Н. Насонова, что в событиях, последовавших после смерти Андрея Боголюбского, речь шла о господстве «Русской земли» над Северо-востоком¹⁵.

Между тем события 1175—1177 гг. представляются большим социальным кризисом, охватившим всю Владимиро-Суздальскую землю. Главными противниками Михалка и Всеволода, младших братьев Андрея Боголюбского, выступают бояре. При этом ростовцы отнюдь не отождествляются с боярами, а изображаются только их союзниками. Отождествлять ростовцев и суздальцев с боярами, как это делает А. Н. Насонов, — это значит совершенно игнорировать ясные показания источников.

Помещая соответствующие места из летописей в примечаниях, чтобы не загромождать текста, приведу только одно летописное замечание, которое показывает, что под ростовцами имелись в виду в первую очередь горожане, жители Ростовской земли: Мстислав Ростиславич, «совокупив ростовци и бояре, гридьбу и пасынки и всю дружину, поеха к Володимерю»¹⁶. Тут ростовцы совершенно четко отделены от бояр и от дружины.

¹⁵ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 187. Говоря о княжении Юрия Долгорукого, А. Н. Насонов замечает: «Таким образом, господство «Русской земли» над Северо-востоком должно было, по сути, возобновиться, что, конечно, не отвечало интересам ростовско-суздальского боярства».

¹⁶ Приведем летописные свидетельства, в которых ростовцы четко отделены от бояр: «приведоша ростовци и бояре»; «ростовци привели и бояре»; «послушав речи ростовское и боярьское»; «ростовци и бояр все повязаша»; «ростовци и бояре» («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 360, 361, 362) [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 380—382].

Летописец подчеркивает, что Ростиславичи, соперники Михалка и Всеволода, «слушали бояр, а бояре учили их на многое имение» (в других списках — «имание», т. е. на захваты)¹⁷. Борьба владимирцев против бояр — это в первую очередь социальная борьба. Михалко и Всеволод опираются на «людей», следовательно, в основном на широкие городские круги. «Вси людье» встречают этих князей, когда они вступают во Владимир после победы над князьями-соперниками.

Симпатии владимирского летописца целиком на стороне братьев убитого князя — Михалка и Всеволода Юрьевичей. Но летописец выступает не против смоленских Ростиславичей, претендующих на княжение во Владимиро-Суздальской земле, а против бояр: «не против Ростиславичей бьются владимерци, но не желая покориться ростовцам»¹⁸. Главное обвинение против Ростиславичей заключается в том, что их чиновники «многоу тяготу людям этим сотворили продажами и вирами». Они смотрят на ту землю, где сели княжить, не как на свою, а как на чужую землю¹⁹.

Конечно, было бы неправильно изображать Михалко и Всеволода борющимися за права «мизинных людей». В еще меньшей мере это можно сказать о владимирском летописце, упорно проводящем мысль о необходимости подчинения феодалам. «Противящийся власти — противится закону божию»²⁰ — вот смысл летописных рассуждений о событиях 1175 г.

Владимирские бояре и купцы восстают против Всеволода в 1177 г. Они требуют выдать им пленных рязанских князей, поддерживавших Ростиславичей. «И на третий день был мятеж великий в городе Владимире: восстали бояре и купцы, говоря: «князь, мы тебе добра хотим, и за тебя головы свои складываем, а ты держишь врагов своих на свободе, а вот враги твои и наши»²¹.

Прошло несколько дней, и «всташа опять людье вси и бояре», требуя расправы с пленными князьями. На этот раз дело дошло до открытого возмущения против князя, вынужденного уступить шумному выступлению горожан. Верхушка феодального общества в лице князя и дружины старается удержать горожан от расправы с пленными, но «холопы каменницы», как называли владимирских горожан ростовские и суздальские бояре, настаивают на своих требованиях. Вместе с ними высту-

¹⁷ «Слушая боляр, а боляре учухуть я на многое именье» («Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 355) [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 375].

¹⁸ Там же, стр. 354—355 [там же, стр. 374].

¹⁹ «Яко не свою волость творита» (там же, стр. 355—356) [там же, стр. 375]

²⁰ Там же, стр. 351.

²¹ «И на третий день бысть мятежь велик в граде Володимири: всташа бояре и купци, рекуще: «княже, мы тебе добра хотим, и за тя головы свое складываем, а ты держишь ворогы свое просты; а се ворози твои и наши» (там же, стр. 365).

пает и городская верхушка, патрициат и купцы («бояре и купцы»). Они, по летописи, проявляют активность во время великого «мятежа» 1177 г., хотя не они составляли то «многое множество» людей, которое пришло с оружием на княжеский двор.

Свидетельства летописей о народном движении во Владимиро-Суздальской земле 1175—1177 гг. скупы и часто противоречивы, но и они вскрывают ожесточенную классовую борьбу, раздиравшую феодальное общество XII в. «И великий мятеж был в земли той и великая беда, и множество паде голов, так что и числа нет»²². Такими словами заканчивает новгородский летописец известие об убийстве Андрея Боголюбского. «Великий мятеж» во Владимиро-Суздальской земле по праву может быть отнесен к крупнейшим народным движениям XII в.

Глава XVIII

НОВГОРОДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1209 Г.

Новгородские восстания первой половины XIII в. особенно интересны тем, что в них ярче, чем в каком-либо другом движении на Руси того времени, проявился классовый антагонизм «вятших» и «меньших». Иногда термин «вятший» в новгородских документах заменялся словом «большими», а «меньших» людей называли «худшими», по свойственному феодальным временам стремлению прикрывать подобными категориями вопиющее общественное неравенство.

К началу XIII в. классовый антагонизм в новгородском обществе достиг большой остроты. Возросшее значение ремесла и торговли в хозяйственной жизни позволяло отдельным новгородцам создавать крупные богатства, основой которых по-прежнему были обширные земельные имущества, а в городах — торговля и особенно ростовщичество. Имущественное неравенство вызывало резкие классовые контрасты в Великом Новгороде. Появились богатые боярские фамилии, в руках которых сосредоточивались большие земельные имущества и капиталы, переходившие по наследству. Пожалуй, наиболее типичной из таких боярских семей были Мирошкиничи.

Основателем благосостояния этой боярской семьи был Мирошка Нездиничь, получивший посадничество в 1189 г. Уменьшительное имя Мирошка не должно вызывать представление о малом значении его носителя. Это был просто обычай называть людей уменьшительными именами, обычай, который позже войдет во всеобщее употребление в Московской Руси, где самые знатные бояре будут обращаться к великим князьям, называя себя Васьками, Алексашками и т. п.

²² «И велик мятеж бысть в земли той и велика беда, и множество паде голов, яко и числа нету» («Новгородская Первая летопись...», стр. 34).

Посадник Мирошка умер в 1203 г. и был похоронен в Юрьеве монастыре под Новгородом. Раскопки, произведенные в Юрьевском соборе, великолепном здании XII в., обнаружили каменные саркофаги Мирошкиничей. Прямой наследник Мирошки, его сын Дмитрий, по-новгородски Дмитр, одно время был самовластным распорядителем в Новгороде. Это и привело к бурным выступлениям народных масс против семьи Мирошкиничей и поддерживавших ее боярских кругов.

Конечно, Мирошкиничи не были единственным боярским родом, который выдвинулся в Новгороде конца XII — начала XIII в. С ними конкурирует семья Михалковичей, родоначальник которой Михаил Степанович получил посадничество в 1180 г. Этот боярский род состоял в постоянных сношениях со старшей ветвью Мономаховичей — киевскими и смоленскими Ростиславичами. В деятельности Мирошкиничей и Михалковичей заметно яркое различие. Н. А. Рожков доходил даже до утверждения, что Мирошкиничи и Михалковичи представляли как бы две политические партии. Мирошкиничей он считал представителями аристократической партии, Михалковичей — демократами. «XII век, — пишет Н. А. Рожков, — был временем, когда слагались первоначальные новгородские политические партии. Следующее затем столетие, как сейчас увидим, внесло значительные перемены в партийную группировку и в политические программы борющихся сторон»¹. Терминами «демократы» и «аристократы» Н. А. Рожков наделяет представителей той и другой боярской группировки в Новгороде. В изображении событий в Новгороде конца XII — начала XIII в., сделанном Н. А. Рожковым, сказалась сильная модернизация. Он приписал боярским группировкам средневековья то, чем эти группировки никогда не обладали, — характер политических партий. Между тем Маркс в своих хронологических выписках, говорящих о распри гвельфов и гибеллинов во Флоренции, замечает, что распри патрициев Флоренции — это «в сущности только ссоры враждебных друг другу родов, а не борьба политических партий»².

То же самое мы находим и в средневековом Новгороде. Мирошкиничи и Михалковичи, как и другие патрицианские фамилии в Великом Новгороде, одинаково стремились к захвату власти в свои руки, однако разными средствами и опираясь на различные общественные круги. Отсюда и выступает то яркое различие между Мирошкиничами и Михалковичами, которое проглядывает в рассказе летописи о новгородских событиях начала XIII в. Мирошкиничи действуют как представители боярских кругов, опиравшихся на поддержку крепнувшего Владимиро-Суздальского княжества.

¹ Н. А. Рожков. Из русской истории. Очерки и статьи, т. I. Пг., 1923, стр. 141.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 269.

Постоянные связи и поддержка Мирошкиничей со стороны суздальских князей обеспечили этому боярскому роду господство в новгородском управлении. Вскоре же после смерти посадника Мирошки посадничество перешло в руки его сына Дмитра. Характер правления Дмитра Мирошкинича в Новгороде был почти деспотическим. В центре Новгорода посадничий брат Борис Мирошкинич приказал убить «без вины» Олехсу Сбыславича. Расправа произвела на новгородцев тяжелое впечатление³. В следующем, 1209 г. негодование против Дмитра и его приспешников вылилось в большое восстание.

Восстание 1209 г. было подготовлено глухой борьбой в среде новгородцев. Об этой борьбе дает представление сообщение летописи, что Всеволод Большое Гнездо пожаловал новгородцев вольностями за их участие в походе на Рязань: «дал им волю и уставы старых князей, чего хотели новгородцы, и сказал им: «кто вам угоден, того любите, а злых казните»»⁴. Раненный во время войны с Рязанью, посадник Дмитрий Мирошкинич остался во Владимире вместе с 7 «вятшими» мужами. Таким образом, создалась удобная обстановка для выступления новгородцев против ненавистного посадника.

Летопись ставит восстание 1209 г. в непосредственную связь с соглашением между Всеволодом и новгородцами: «Новгородцы же, придя в Новгород, устроили вече на посадника Дмитра и на братью его, потому что те повелели на новгородцах брать серебро, а по волости кур брати, на купцах виру дикую, и повозы возити и все зло; пошли на их дворы грабежом, а Мирошкин двор и Дмитров зажгли, а имущество их взяли, а села их распродали, и челядь, а сокровища их изыскали и взяли без числа, а избыток разделили по зубу, по 3 гривны по всему городу, и на щит; если кто тайно захватил, про то один бог ведает, и от того многие разбогатели, а что на досках, то князю оставили»⁵.

Ожесточение против посадника Дмитра Мирошкинича было настолько велико, что новгородцы хотели скинуть его труп с моста в Волхов. Вскоре после этого события в Новгород пришел княжить Святослав, сын Всеволода Большое Гнездо. Посадиничество получил соперник Дмитра — Твердислав Михалкович,

³ «Новгородская Первая летопись...», стр. 50.

⁴ «И вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци, и рече им: «кто вы добр, того любите, а злых казните»» (там же, стр. 50).

⁵ «Новгородьци же, пришьдше Новугороду, створиша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на новгородьцих сребро имати, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло; идоша на дворы их грабежьмь, а Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша, а житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бешчисла, а избытък розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит; аще кто потаи похватил, а того един бог ведает, и от того мнози разбогатеша; а что на дъщках а то князю оставиша» («Новгородская Первая летопись...», стр. 51).

при котором князю отданы были захваченные у Дмитра доски⁶. Сторонники Дмитра были заточены, а имущество их подвергнуто конфискации.

В летописи отсутствует точная дата восстания; только отмечено, что оно произошло в 1209 г. Случилось это, по-видимому, зимой 1209 г., до масленицы, так как новый князь Святослав пришел в Новгород уже после восстания, незадолго до масленицы (на мясопустной неделе), значит, примерно в феврале. Расправа с Дмитрием носила характер наказания по закону провинившегося посадника. Новгородцы разорили его двор по постановлению веча⁷. Однако это не мешает видеть в новгородских событиях 1209 г. народное восстание, притом восстание антифеодального характера. В этом нас убеждают те обвинения, которые были выдвинуты против Дмитра и его сторонников. «Все зло», причиненное Дмитрием с его приспешниками, указано в 4 пунктах. Дмитр приказал: 1) на новгородцах брать серебро, 2) по волостям брать кур, 3) с купцов взимать дикую виру, 4) «повозы возити».

В этих обвинениях чувствуется раздражение в первую очередь новгородских купеческих кругов. Постановление о взимании «дикуй виры» с купцов приравнивало их к остальному населению. «Дикая вира» раскладывалась среди населения общины, когда на ее территории находили мертвое тело, а убийца оставался неизвестным. Купцы, тянувшие в свои купеческие объединения, естественно, должны были находиться вне общины, так как, по выражению «Русской Правды», они «не прикладывали» к ней вирую, т. е. не обязаны были нести повинности вместе с общиной. Попытки Дмитра Мирошкинича и его сторонников заставить купцов платить «дикую виру» вместе со всей общиной (вервью) резко нарушали купеческие интересы.

Более широкое значение имело обвинение Дмитра в том, что он заставлял «повозы возити». Здесь имелась в виду обязанность населения перевозить за свой счет людей и грузы для князей и других феодалов. Эта повинность была не только тяжелой, но и свидетельствующей о зависимом положении людей, возивших повоз. Не случайно Даниил Заточник сравнивал людей, подчинявшихся своим женам, с теми, кто возил повоз⁸.

Купцы упорно добивались свободы от повоза, вследствие чего договоры Новгорода с великими князьями твердо постановляли: «у купцев повозов не имати»⁹. Право требовать от купцов перевозки грузов и людей во время следования купече-

⁶ «Даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бяше на них бещисла» (там же, стр. 51).

⁷ «Створиша вече на посаднике Дмитра и на братью его» (там же, стр. 51).

⁸ «Не робота в роботах под женками повоз возити» («Слово Даниила Заточника», стр. 26).

⁹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 11.

ских караванов открывало громадные возможности для произвола.

Повоз касался широких кругов населения, являясь разорительной феодальной повинностью. Особенно тягостен был повоз для сельского населения, на котором в основном падала и другая повинность, названная в обвинениях, выдвинутых против Дмитра, — «по волости кур брати».

В некоторых летописных списках вместо «кур» поставлено «кун», следовательно, речь идет о взыскании денег. Но в этом надо видеть явное осмысление не вполне понятного текста, так как слово «кур» стоит в древнейших списках Новгородской летописи.

Но что значит «брать кур»? Некоторое количество кур обычно входило в состав того, что получали князья и их представители в деревнях в качестве подати или приношения. По данным краткой редакции «Русской Правды», вирник получал по двое кур на день. В 1289 г. Мстислав Романович наложил на жителей Берестья «ловчее» — по 20 кур со всякой сотни, заменив для горожан натуральную подать деньгами¹⁰. Следовательно, в требовании брать по волостям кур не было ничего неожиданного, так как поставлять определенное количество кур входило в обязанности сельского населения. По-видимому, новость была в том, что, во-первых, количество кур, собираемых по волостям, было несоразмерно повышено и, во-вторых, эта повинность населения давала место для различных злоупотреблений в сельских местностях, «по волости». Повозы и соби́рание кур по волостям, таким образом, касались не столько горожан, сколько сельского населения.

Всех новгородцев касалось соби́рание «серебра» — самое первое и, видимо, главное обвинение против Дмитра. Речь идет о сборе какой-то, может быть, даже единовременной подати, которая отяготительным бременем легла на население.

Но не эти официальные обвинения были главными причинами, вызвавшими ожесточение широких новгородских кругов против Мирошкиничей. Основное внимание летописца направлено на богатства Дмитра. Дворы, села и челядь Мирошкиничей были распроданы новгородцами, часть оставшихся денег роздана по всему городу и разделена на каждого новгородца «по зубу» «и на щит». В данном случае новгородцы поступили с усадьбой Дмитра, как с вражеским городом, разграбили ее, взяли «на щит».

В событиях 1209 г. замечается, с одной стороны, стихийность, дававшая возможность некоторым людям тайно обогатиться, а с другой стороны, налицо организованное вмешательство государственной власти. Имущество распродается, деньги собраны в казну и распределены между жителями («по зубу»), заемные

¹⁰ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 613.

документы, «доски», сохранены в целости и переданы князю. Это не противоречит указанию летописи на то, что новгородцы пошли на дворы Мирошкиничей грабежом. Слово «грабежь» имеет в данном случае значение наказания, как в «Русской Правде», где за поджог гумна предполагалось наказание преступника: «на поток, на грабежь дом его».

Восстание 1209 г. было важной вехой в истории Великого Новгорода. Вероятно, к этому времени относится создание пространной редакции «Русской Правды». Она была основана на более ранних «Правдах», что позволило ее создателям озаглавить всю «Правду» как «Суд Ярославль Владимиричь»¹¹. В числе других аргументов в пользу составления Пространной Правды в Новгороде вскоре после восстания 1209 г. укажем на следующее обстоятельство. Обвинение против Дмитра Мирошкинича, состоявшее в том, что он приказал брать «дикую виру» с купцов, совпадает с одной статьей Пространной Правды. В «Правде» читаем постановление о «дикой виро», согласно которому убивший в ссоре («в сваде») или на пиру платит вместе с вервью: «то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирую»¹². Слово «ныне» указывает на определенное время, когда стали платить «по верви» только те, кто к ней «прикладывають вирую». Ранее же, по-видимому, платили все люди, жившие на территории общины-верви.

О времени составления Пространной Правды говорит и статья, которая указывает виры, установленные при Ярославе. В них указывается право вирника брать по двое кур на день, т. е. имеется прямая ссылка на постановление Ярослава, которому новгородцы приписывали краткую редакцию «Русской Правды» в ее целом виде. Введение этой статьи было прямым ответом на незаконное увеличение поборов (в данном случае — кур) с населения, что ставилось в вину посаднику Дмитру.

Во всяком случае летопись дает указание на какие-то изменения в новгородском законодательстве, произведенные с согласия Всеволода Большое Гнездо. Всеволод, отпуская новгородцев после похода на Рязань, «дал им волю всю и уставы старых князей, чего хотели новгородцы»¹³. Уставы старых князей — это и была Краткая «Русская Правда» вместе с уставом Владимира Мономаха, которые легли в основу Пространной Правды.

Имя Мирошки, возможно основателя дома Мирошкиничей, сохранялось еще в былинной поэзии XIX в. в виде смутного воспоминания о Мирошке-богатыре, победившем бабу-ягу¹⁴.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Глава «Время, место и причины возникновения Пространной Правды», стр. 215—230.

¹² «Правда Русская», т. I, стр. 104.

¹³ «Новгородская Первая летопись...», стр. 50.

¹⁴ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 82.

Глава XIX

БОРЬБА «МЕНЬШИХ» И «БОЛЬШИХ» ЛЮДЕЙ В НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XIII В.

Большое значение различных народных движений в Новгороде начала XIII в. заключается в том, что на примере их легче всего проследить классовую борьбу в русских городах этого времени. Уже восстание 1209 г. показало, какие глубокие классовые конфликты возникали в Новгороде XIII в. Народный гнев направляется не против князя и его дружины, а против собственного выборного правителя — Дмитра Мирошкинича. В последующие годы борьба «меньших» и «вятших» принимает все большее ожесточение и приводит одно время даже к временной победе «меньших» людей.

История этой борьбы не изучена в нашей исторической литературе, хотя о ней упоминают многие сочинения. О классовых конфликтах между «большими» и «меньшими» говорится, как правило, суммарно, сваливаются в одну кучу все народные волнения XIII—XV вв. Между тем в истории борьбы «больших» и «меньших» в Новгороде были свои этапы. Начало борьбы может быть прослежено уже с XI в., но оформление ее в виде мощного движения происходит в XIII в., почти одновременно с таким же движением во Флоренции. Это и дает нам право сделать некоторые сопоставления одновременных флорентийских и новгородских событий как типичных для больших средневековых городов.

Дворянско-буржуазная историография отказывалась видеть в новгородских волнениях проявление классовой борьбы. В этом смысле особенно показательны взгляды Н. И. Костомарова. В конечном счете, по мысли Костомарова, все сводится к борьбе Новгорода с суздальскими князьями. Новгород стремится защитить «свою областную самостоятельность». В этом и заключается основной смысл конфликтов между суздальскими князьями и Новгородом. Особое внимание Костомаров уделяет Мстиславу Мстиславичу Удалому, сражавшемуся вместе с новгородцами против соединенных суздальских сил под главенством Юрия и Ярослава Всеволодовичей. Он изображен в образе древнерусского рыцаря: «Мстислав бескорыстно ратовал за новгородские интересы; новгородцы помогали Мстиславу в его родовых делах»¹.

Впрочем, и Костомаров вынужден признать, что новгородцами руководило не только стремление отстоять свою независимость, но и «торговые интересы». Новгород нуждался в хлебе, а его легче и дешевле было подвозить из Суздальской

¹ Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства.— Собр. соч., кн. 3. т. VII—VIII, стр. 55.

земли. Это и заставляло будто бы преодолевать «древнее народное нерасположение» к суздальцам, которых Костомаров рассматривает в свете своей порочной федеративной теории как «особый народ».

По-иному рассматривает вопрос о внутренней борьбе в Новгороде начала XIII в. Н. А. Рожков, по мнению которого в Новгороде существовали две «партии» — аристократическая и демократическая. «Демократическая партия продолжала упорную и стойкую борьбу в пользу власти веча и против верховенства князей и достигала в этом отношении значительных и пророчных успехов»².

Противоположение аристократической и демократической «партий» характерно для Рожкова, охотно переносившего понятия своего времени в глубь веков. Между тем к новгородским событиям начала XIII в. очень подходит характеристика, данная К. Марксом борьбе гвельфов и гибеллинов в Италии. Победа гвельфов, которых К. Маркс называет «демократическими», не обозначала победы демократии. Гвельфы «противопоставляют себя народу, как и гибеллины, обнаруживая наглую гордость, зверскую личную месть, освобождая себя от приговоров суда, вопреки демократическому духу горожан»³.

События во Флоренции XIII в. находят себе значительную аналогию в Великом Новгороде того же времени. И в Новгороде XIII столетие отмечено ожесточенной борьбой двух группировок, опирающихся на помощь враждующих князей. И здесь понятие аристократической и демократической группировок имеет условный характер. Так называемая демократическая группировка старается опереться на помощь отдаленных южных князей против более близких к ним и поэтому более опасных суздальских властителей. Победа этой группировки сопровождается зверскими расправами над противниками, стремлением поставить себя выше общепринятых законов, «вопреки демократическому духу горожан».

Внутренняя борьба в Новгороде начала XIII в. осложнялась, как и во Флоренции, внешним вмешательством. С одной стороны выступали сильные суздальские князья — Ярослав Всеволодович, князь Переяславля Залесского, и его брат владимирский князь Юрий Всеволодович, с другой — южнорусские, по преимуществу черниговские, князья.

При их поддержке действовал упомянутый ранее Мстислав Мстиславич Удалой. Военные удачи этого князя не могли все-таки обеспечить прочное господство южных князей в Великом Новгороде. Поэтому политика Мстислава сводилась к стремлению постоянно ладить с новгородцами. «Пришел к вам, слы-

² Н. А. Рожков. Из русской истории, т. I, стр. 144.

³ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 269.

шав насилье от князей, и жаль мне своей отчины»⁴, — демагогически заявляет Мстислав в 1210 г. Но сам Мстислав далек от желания быть новгородским князем и охотно признает право новгородцев свободно выбирать князей. «А вы волни в князех»⁵, — заявляет он новгородцам, отправляясь для устройства своих дел в южную Русь. Позже это же положение высказывает новгородский посадник Твердислав Михалкович, обращаясь к вече со словами: «а вы, братье, в посадничестве и в князех»⁶. Другими словами, Твердислав ставит на одну доску князя и посадника; и тот и другой выбираются вечею, «Великим Новгородом».

На какие же круги опирался в своей политике Мстислав Мстиславич Удалой? Некоторый ответ на этот вопрос дает рассказ о битве на реке Липице в 1216 г. Среди убитых новгородцев названы 5 человек, в их числе находим двух ремесленников — Иванка Прибышинича опонника, Онтон котельника⁷. Опонник и котельник принадлежали к числу новгородских ремесленников, яростно сражавшихся и победивших на реке Липице. Участие ремесленников в походе Мстислава на Суздальскую землю отчасти объясняет нам, почему в битве на реке Липице новгородцы бились в пешем строю. В данном случае оказалась привычка ремесленников к пешему бою, тогда как феодалы сражались на боевых конях. По летописному рассказу, новгородцы соскочили с коней, скинули с себя лишнее платье, сбросили с ног сапоги и помчались, «как олени»⁸. Эти подробности с необыкновенной четкостью рисуют новгородское ополчение, составленное из ремесленников, которые имели только оружие и щиты, тогда как феодалы прикрывали себя броней и бились на конях.

Прямым следствием победы на реке Липице была передача посадничества Твердиславу Михалковичу. Бывший посадник Юрий Иванович ушел из Новгорода вместе с Мстиславом, отправившимся к Киеву. В Новгороде осталась княгиня, жена Мстислава, и его сын Василий. «Демократические князья», как Рожков называет Мстислава Удалого и Святослава Мстиславича, сына киевского князя, повели себя в Новгороде примерно так же, как и их противники, суздальские ставленники.

Одним из средств расправы с врагами сделалась ссылка и конфискация имущества — «поток и разорение». Мстислав приказал схватить Станимира с сыном «и оковав заточил его, а имущество поимал у него без числа, и опять пустил»⁹. То же

⁴ «Пришьл есмь к вам, слышав насилье от князь, и жаль ми своєю отчины» («Новгородская Первая летопись...», стр. 51).

⁵ Там же, стр. 53.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ Там же, стр. 257.

⁸ Там же, стр. 256.

⁹ Там же, стр. 57.

самое он делает в Торжке по отношению к Бориславу — «и захватив имущество многое, пустил его»¹⁰. В обоих случаях говорится о захвате имущества враждебных князю новгородцев, после чего их отпускают на свободу. Конечной целью княжеских действий, видимо, являлся захват имущества («товара»), а не просто расправа с противником.

Так же ведет себя и посадник Твердислав Михалкович, глава предполагаемой Н. А. Рожковым «демократической партии» в Новгороде. К нему и его сторонникам вполне применима характеристика так называемой демократической группировки во Флоренции с ее стремлением поставить себя выше общепринятых законов. Это приводит к новгородским событиям 1218 г., когда междоусобная борьба вызвала кровавые столкновения в самом городе.

По рассказу летописи, дело происходило следующим образом: «И было на зиму, побежал Матей Душильевич связав Моисеича, бирич, ябедник... И распространилась ложь в городе: выдал Твердислав Матей князю, и созвонили вече у святого Николы ониполовцы¹¹ ночью, а Неревский конец у 40 святых, также собирал людей на Твердислава»¹². Утром князь выпустил Матея, узнав о волнениях в Новгороде («учюв голку и мятежь»). Но это не остановило волнений. Против Твердислава поднялась Торговая сторона и Неревский конец, за него вступились Прусская улица и Людин конец, а «загородци», будущий Загородский конец, остались нейтральными.

Ожесточение враждующих сторон было страшным. «Ониполовцы» вышли на битву в бронях, со своими детьми. Столкновение произошло у городских ворот¹³, где нападающие потерпели поражение. Часть их побежала обратно на Торговую сторону, часть — в Неревский конец, а мост через Волхов, соединявший обе новгородские стороны, был раскидан. «Ониполовцы» переправились через реку на лодках и пошли на своих неприятелей силой. Бои, шедшие с таким озлоблением, временно прервались. «И тако быша вече по всю неделю». Враждующие стороны пришли к соглашению, «и съидошася братья вкупе однодушно».

Комментируя новгородские события 1218 г., Н. А. Рожков вынужден был отметить расхождение Неревского конца с другими частями Софийской стороны. Причину этого Рожков видел в том, что «в демократической партии становится заметным разделение; можно догадываться, что купцы стали расходиться

¹⁰ Там же.

¹¹ Ониполовцы — т. е. жители другой стороны, или половины, Новгорода, в данном случае Торговой стороны. Следовательно, летописец жил на Софийской стороне.

¹² «Новгородская Первая летопись...», стр. 58.

¹³ Речь идет о новгородском городе — Кремле. Битва, очевидно, происходила у ворот Кремля, выходивших на Волхов.

с черными людьми». По Рожкову, «мы можем даже различить мотивы этого раскола: купцы усмотрели в выдаче Матая князю склонность Твердислава к усилению княжеской власти, т. е. нарушение старинных традиций демократической партии»¹⁴. В связи с этим дальнейшее обострение внутреннего положения в Новгороде рассматривается Н. А. Рожковым как «кризис» или «разлад» в демократической партии, а Матей Душильевич — как «один из видных членов боярской партии». Впрочем, никаких доказательств того, что Матей и его брат Иван были «членами» боярской партии, т. е. принадлежали к числу бояр, Н. А. Рожковым не приводится, и в этом можно сомневаться.

Между тем события 1218 г. предстанут перед нами в несколько ином свете, если мы расшифруем слова летописи о том, что Матей бежал, «связав Моисеица, бириць, ябетниць». «Бирич, ябедник» — это представитель князя, выступавший от его имени по судебным делам. Одна из новгородских грамот на бересте, найденная при раскопках А. В. Арциховского, наглядно рисует значение княжеских людей, «дворян», в судебных делах. Власть князя в начале XIII в. была в Новгороде уже ограничена действиями посадника. Отсюда обвинение Твердислава в пособничестве князю и обвинение со стороны князя против посадника, который под давлением новгородцев вступился за Матая, бывшего княжеским обвинителем — ябедником.

В действиях Твердислава не было определенной линии, хотя он в некоторых случаях и опирался на «демократические» слои Новгорода, так же как это делали патрицианские фамилии в итальянских или фландрских городах XIII в. Насколько непрочны были «демократические» симпатии Твердислава, видно из того, что уже в следующем году (1219) он совместно с тысяцким Якуном предупредил владимирского князя Юрия Всеволодовича о готовящейся экспедиции новгородцев в Заволочье, на Таймокары. Прямым следствием этого акта, сделавшегося известным в Новгороде, явилась смена посадников и тысяцких. Посадником сделался Семен Борисович, а тысяцким — Семен Емин. Внутренняя борьба в Новгороде получила в 1218 г. некоторое подобие столкновения Торговой и Софийской сторон. Это дало Рожкову повод считать Софийскую сторону демократической частью города, а Торговую — носительницей аристократических тенденций. Но такое представление о демократическом характере Софийской стороны стоит в противоречии с тем, что мы знаем о Прусской улице как об одном из оплотов боярства на Софийской стороне.

Противопоставление Софийской стороны Торговой не выдерживает критики и потому, что Торговая сторона нередко выступала совместно с Неревским концом, находившимся на

¹⁴ Н. А. Рожков. Из русской истории. Очерки и статьи, т. I, стр. 144.

Софийской стороне. Так было и в 1218 г. Значит, речь должна идти о чем-то ином, а не о простейшем делении Новгорода на аристократическую и демократическую части.

Объяснение причин борьбы одной стороны Новгорода против другой, как правильно отметил А. В. Арциховский, надо видеть не в аристократическом или демократическом составе населения сторон Новгорода, а в чем-то другом. На наш взгляд, борьба «Прусов» и Людина конца против Торговой стороны и Неревского конца была борьбой феодальных группировок, как и борьба гвельфов и гибеллинов во Флоренции. Отсюда быстрое ожесточение враждующих сторон и такое же быстрое восстановление единодушия, когда надо было бороться против внешних врагов.

Отвергая мнение, что Торговая и Софийская стороны в Новгороде имели специфические особенности, делавшие одну сторону аристократической, а другую демократической, нельзя в то же время не признать существования среди новгородцев определенных антифеодальных группировок, действия которых особенно ярко проявлялись во время внутренних столкновений в Новгороде.

Эти группировки зародились в среде новгородских ремесленников и ставили себе примерно те же цели, что и цехи во Флоренции XIII в., совершившие переворот и захватившие власть в свои руки. Борьба «меньших» людей за свои права с особой силой проявилась в Новгороде в 1224 г.

С 1222 г. в Новгороде стали сидеть князья из числа потомков Всеволода Большое Гнездо. Они выступали сплоченно и мало считались с новгородскими порядками. В 1224 г. Всеволод Юрьевич, княживший в Новгороде, тайно бежал из города в Торжок. Сюда с полками пришел его отец Юрий вместе с братом Ярославом, ростовским князем Василием Константиновичем и черниговским Михаилом. Новгородцы решили сопротивляться «о посаднице о Иванце о Дмитровици», следовательно, под начальством того самого посадника, которого Н. А. Рожков считает представителем боярской партии.

Данные, содержащиеся в летописи, в какой-то мере позволяют сделать заключение о том, на кого именно опирался Иван Дмитриевич. Князь Юрий требовал выдачи ему новгородцев: Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савинича, Вячка, Иваца, Радка. Указатель к новому изданию новгородских летописей отнес трех из названных лиц к числу бояр, трое последних обозначены просто новгородцами. Действительно, последние три новгородца названы уменьшительными именами без отчеств. Позднее имена Вячки, Иваца и Радки в летописи не встречаются, и это тоже может служить доказательством того, что они принадлежали к числу незнатных новгородцев, упомянутых только в связи с княжеским требованием об их выдаче.

Новгородцы отказались исполнить требование Юрия и все-таки добились с ним соглашения. В Новгороде был посажен шурин великого князя, Михаил Всеволодович. И «было легко по волости Новгороду»¹⁵. Михаил уже в 1225 г. покинул Новгород, в котором начал княжить Ярослав Всеволодович.

Княжение Ярослава в Новгороде отмечено крупнейшими народными волнениями, в которых выступает «простая чадь» в качестве главной активной силы. К сожалению, новгородское восстание 1228 г., происшедшее при Ярославе, осталось слабо отмеченным в литературе, хотя оно и является одним из крупнейших событий в истории классовой борьбы в России периода феодальной раздробленности.

Наращение классовой борьбы в Новгороде происходило в условиях трех голодных лет. Рассказывая о наступившей «на торгу» дороговизне, летописец связывает ее с приходом к Ярославу Всеволодовичу полков из Переяславля. Но эта связь чисто внешняя, так как сам же летописец замечает, что дороговизна продолжалась в течение трех лет («и тако ста по 3 лета») ¹⁶. Следовательно, недостаток съестных припасов в Новгороде был вызван не случайными причинами, а длительными неурожаями. Непрерывные дожди заливали новгородскую округу. В 1228 г. они лили с Успеньева дня до Николина дня: «дождь велик, и день и ночь, на Госпожин день, вплоть до Николина дня, не видели светлого дня, ни сена людям нельзя было добыть, ни нивы делати»¹⁷.

Летописец рисует перед нами типичную голодовку средневекового времени: «брат над братом не сжалился, ни отец над сыном, ни мать над дочерью, не отламывал хлеба и сосед соседу, не было милости между нами, но была нужда и печаль, на улице скорбь друг перед другом, дома тоска, при виде детей, одних плачущих о хлебе, других умирающих». Голодовка сопровождалась усилением классового гнета. «И отдавали отци и матери детей своих в холопство гостям за хлеб»¹⁸, — продолжает летописец. Гости, в данном случае, возможно, зарубежные купцы, покупали детей у родителей за хлеб, «одерень», в полное холопство.

Эта красочная картина относится к несколько более позднему времени, к голоду 1230 г., когда наступило уже третье неурожайное лето. Но она в какой-то мере подходит и к более раннему периоду, когда развернулись события 1228 г. и появились предвестники голодовки после первого неурожайного года.

В летописи новгородские события 1228 г. представлены в

¹⁵ «Новгородская Первая летопись...», стр. 64.

¹⁶ Там же, стр. 66.

¹⁷ Там же, стр. 66—67. Госпожин, или Успенев, день был 15 августа, Николин — 6 декабря. Следовательно, дожди без перерыва шли почти 4 месяца.

¹⁸ «Новгородская Первая летопись...», стр. 71.

виде необоснованного, стихийного возмущения черни, «простой чади», против чернеца Арсения, занимавшего в это время кафедру архиепископа в Новгороде, но еще не возведенного в епископский сан. «Окаянный дьявол» поднял крамолу против Арсения, донимавшего дьявола своими ночными молитвами, «стоянием и пением». Дьявол подвинул «простую чадь» выступить против чернеца с нелепыми обвинениями. Арсения выгнали с владычного двора, а на следующий день возмущился весь город.

Но расскажем о возмущении 1228 г. словами самого летописца: «Дьявол... въздвиг на Арсения, человека кроткого и смиренного, крамолу великую, простую чадь. И созвали вече на Ярославле дворе и пошли на владычень двор, говоря: «из-за того стоит долго тепло, что выпровадил Антония владыку на Хутынъ, а сам сел, дав мзду князю». И как злодея, взяв за ворот, выгнали, едва бог уберег его от смерти: затворился в церкви святой Софии, ушел на Хутынъ. А на утро ввели опять Антония архиепископа и посадили с ним двух мужей: Якуна Моисеевича, Микифора щитника. И не сыты были злом, но еще более того возмущился весь город, и пошли с вече с оружием на тысяцкого Вячеслава, и разграбили двор его и брата его Богуслава и Андреичев, владычного стольника, и Давыдков Софийского и Судимиров. А на Душильца на Липенского старосту послали грабить, а самого хотели повесить, но убежал к Ярославу; а жену его взяли, говоря, что «эти на злое князя наводят». И был мятеж в городе велик»¹⁹.

Как видим, народное возмущение было направлено не только и, может быть, даже не столько против самого Арсения, сколько против тысяцкого и «софийан» — зависимых людей владычного дома. Известно, что «домом святой Софии» пышно именовалась вся совокупность владений архиепископа, крупнейшего феодала Новгородской земли. «Святой Софии» принадлежали большие земельные владения.

Владычень двор, дворец архиепископа, находившийся в новгородском Кремле, обладал большим штатом различного рода

¹⁹ «Диявол... въздвиге на Арсения, мужа кротка и смерена, крамолу велику, простую чадь. И створше вече на Ярославли дворе, и проидоша на владычьнъ двор, рекуче: «того деля стоить тепло дълго, выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю». И акы злодея, пыхающе за ворот, выгнаша, мало ублюде бог от смерти: затворися в церкви святен Софии, иде на Хутино. А заутра въведоша опять Антония архиепископа и посадиша с нимъ 2 мужа: Якуна Моисеевица, Микифора щитник. И не досыти бы зла, нъ еще боле того: възмаетея всъ город, и поидоша с веца в оружии на тысяцкого Вяцеслава, и розграбиша двор его и брата его Богуслава и Андреичев, владычня стольника, и Давыдков Софийского, и Судимиров. А на Душильца, на Липньского старосту, тамо послаша грабить, а самого хотеша повесити, но ускоци к Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водятъ». И бысть мятежь в городе велик» («Новгородская Первая летопись...», стр. 67).

слуг, живших в «околотке», в непосредственной близости к Кремлю. Во время военных походов софийский полк выступал под своим знаменем и составлял одну из лучших воинских частей новгородского ополчения. Обширные земли архиепископа были организованы по типу других крупных феодальных владений. В числе «софиян» найдем владычных бояр и различного рода мелких «прислужников». Против них и было направлено возмущение 1228 г. Среди них были: Андрей, владычный стольник, Давыдка Софийский, Судимир и липенский староста Душилец.

«Дом святой Софии» обладал большими материальными ресурсами, в частности житницами. В условиях голода эгоистическая политика владычного двора во главе с Арсением и его слугами задевала широкие круги голодавшего новгородского населения. Таким образом, дело шло о совершенно реальных интересах. Комиссия от «простой чади» должна была наблюдать за расходом хлеба из богатых житниц новгородского архиепископа. «Кроткий чернец» Арсений напоминал своей деятельностью пресловутого епископа Гаттона, героя известной баллады Жуковского. «Моление и пощение» не мешали ему морить голодом своих соотечественников. Так, видимо, надо понимать причины возмущения «простой чади» против этого кандидата на архиепископский престол.

Арсений был избран кандидатом на архиепископский престол после смерти Митрофана. Но в 1225 г. вернулся архиепископ Антоний, временно переведенный в Перемышль, и снова занял место архиепископа в Новгороде. В 1228 г. Антоний добровольно ушел в Хутынский монастырь, так как был тяжело болен, «онемел», и в таком параличном состоянии прожил еще 6 лет.

При этих условиях возведение Антония вновь на архиепископскую кафедру было чистой фикцией. К нему были приставлены два опекуна для заведования делами «Софийского дома».

Кто же были эти опекуны? Летописец называет двух лиц: Якуна Моисеевича и Микифора щитника. Имя Якуна Моисеевича не дает никаких указаний на его социальное происхождение, разве только указание на его отчество в какой-то мере может свидетельствовать о его относительно выдающемся общественном положении, хотя и этот признак является мало существенным. Впрочем, прозвище Моисеевич, может быть, позволяет его связать с тем Моисеевичем, который был схвачен в 1218 г. Матеем Душильевичем.

Другое дело «Микифор щитник», посаженный в качестве опекуна параличного владыки. Его прозвище не оставляет сомнений в том, что он был ремесленником-щитником, представителем одной из самых видных ремесленных специальностей в средние века. Никифор щитник являлся, таким образом, представителем «простой чади».

По-видимому, о том же Микифоре, или Никифоре, идет речь и в других летописных известиях конца XII — начала XIII в. Известен Микифор сотский, направленный в 1195 г. послом к Всеволоду Большое Гнездо²⁰. В 1224 г. Юрий Всеволодович требовал выдачи ему Микифора Тудорковича²¹. В указанных случаях под разными именами летопись, видимо, говорит об одном и том же лице.

Отметим также, что среди новгородских улиц известна Щитная улица. Надо сказать, что это одна из немногих улиц, которая названа в Новгороде по ремесленной специальности. Щитная улица находилась в Плотницком конце на Торговой стороне²².

Микифор упоминается не один в летописи с прозвищем «щитника». В 1234 г. в битве при Омовже был убит «Гаврила щитник»²³. Несколько ранее упомянут «Гаврила на Лубяници», посланный в 1228 г. к князю Михаилу в Чернигов²⁴. Вероятно, это одно и то же лицо. Таким образом, участие «щитников» в восстании 1228 г. становится несомненным.

Как же выступали щитники — в виде определенного объединения или разрозненно? Иными словами, случайно ли участие в восстании двух щитников — Микифора и Гаврилы? Некоторый ответ на этот вопрос дает изучение одного несколько неясного известия Новгородской летописи: «поставиша церковь святая Троица щетицинищи»²⁵.

Комментируя это известие в другой своей работе, я присоединялся к мысли Геденова о том, что в «щетицинищах» следует видеть «купцов, торговавших с Щетиным (Штецином)»²⁶. Этот вывод нуждается в пересмотре после нового, более точного издания Новгородских летописей. «Щетицинищи» Синодального списка находят варианты в других, более поздних списках XV в. В Комиссионном списке читаем — «щетинищи», в Академическом — «щетенищи»²⁷. Составители указателя к новому изданию Новгородских летописей считают, что речь идет о Троице на Щитной улице, но это едва ли так. «Щетицинищи» или «щетенищи» не обязательно должны обозначать какую-либо местность, речь идет о людском объединении. Ставили же новгородские прасолы каменную церковь в Русе. «Щетинищи», «щетицинищи» — это производное от слова «щитьники», несколько испорченное в Синодальной летописи, где в этом месте даже слово

²⁰ «Новгородская Первая летопись...», стр. 42.

²¹ Там же, стр. 64.

²² Там же, стр. 423.

²³ Там же, стр. 73.

²⁴ Там же, стр. 67.

²⁵ Там же, стр. 31.

²⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 151, [изд. 1956 г., стр. 121].

²⁷ «Новгородская Первая летопись...», стр. 219.

«троица» написано испорченно, как «црця», с титулом сверху ²⁸.

Летописное известие указывает на существование объединения ремесленников-щитников. Микифор щитник, вошедший в число опекунов большого новгородского владыки, был представителем крупнейшего ремесленного объединения в Новгороде. Вспомним о тех 6 знатнейших цехах, которые захватили власть во Флоренции, и тогда аналогия между новгородскими и флорентийскими событиями XIII в. станет еще более оправданной.

Победившие ремесленники взяли в свои руки управление «Домом святой Софии» и стали действовать от имени новгородского архиепископа. В этом и был смысл восстания 1228 г. и низвержения Арсения с его приспешниками.

Участие ремесленников в событиях 1228 г. подчеркивается и тем обстоятельством, что восставшие разгромили двор тысяцкого Вячеслава. Тысяцкие производили суд над «черными людьми»; по уставу Иванского купеческого объединения тысяцкий был в нем представителем «черных людей». Вячеслав был смещен, и новым тысяцким сделался Борис Негочевич. Смена тысяцкого произошла, несомненно, под давлением «черных людей» и может считаться их победой.

Движение «черных людей» в городе было тесно связано с движением в деревне, с какими-то волнениями среди смердов. Об этом мы узнаем из дальнейших событий. После выбора нового тысяцкого новгородцы потребовали от Ярослава Всеволодовича, чтобы он правил «на всех грамотах Ярослава». «Приезжай к нам, забожничье отмени, судей по волостям не посылать, на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь, или ты себе, а мы себе» ²⁹.

Не вполне ясно, что значит «забожничье», отмены которого добивались новгородцы.

По Далю, «забожить — присвоить неправую божбою, где нет улик, забожиться — начать божиться, стать клясться» ³⁰. Не идет ли речь о землях и людях, захваченных князем и его людьми путем односторонней «клятвы» перед судом, что допускалось в ряде случаев судебными обычаями того времени. Требование не посылать княжеских судей по волостям имеет прямое отношение к событиям в деревне. Оно имело целью ослабить поборы со смердов, которые были установлены князем. В ответ на требование новгородцев Ярослав вывел из Новгорода своих двух сыновей, тайно бежавших из города ночью.

На смену им весной 1229 г. пришел черниговский князь Михаил Всеволодович, занявший княжеский стол в Новгороде.

²⁸ «Новгородская Первая летопись...», стр. 31, примечание 7.

²⁹ «Поеди к нам, забожничье отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь, ибо ты себе, а мы себе» («Новгородская Первая летопись...», стр. 67).

³⁰ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1935, стр. 569.

Он принял все новгородские предложения и стал княжить «на всей воли новгородской и на всех грамотах Ярославлих»³¹.

В литературе нет согласия по вопросу о том, что представляли собой «грамоты Ярославли». Л. В. Черепнин считает, что под «Ярославлими грамотами» надо понимать не только «Русскую Правду», но и грамоты, возникшие при другом князе — Ярославе Владимировиче, княжившем в Новгороде в конце XII в. и оставившем после себя некоторые следы в новгородском законодательстве. Тот же исследователь связывает «Ярославли грамоты» с княжением Ярослава Всеволодовича в Новгороде³². Вполне соглашаясь с тем, что деятельность обоих Ярославов (конец XII — начало XIII в.) нашла отражение в новгородских памятниках, не могу согласиться с общей постановкой вопроса о «Ярославлих грамотах».

Прежде всего эти грамоты явно не имеют никакого отношения к Ярославу Всеволодовичу, так как новгородцы предлагали как раз этому князю целовать крест «на всех грамотах Ярославлих»³³. Ясно, что Ярослав Всеволодович и тот Ярослав, который составил грамоты, были разными лицами. Можно, конечно, задать вопрос: нет ли связи между этими грамотами и Ярославом Владимировичем, княжившим в Новгороде в 1182—1199 гг.? Но нельзя отрицать и того, что этот князь был ставленником могущественного владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. Таким образом, кроме совпадения имени и отчества Ярослава Владимировича, жившего в конце XII в., с Ярославом Мудрым в деятельности этих князей нет ничего общего.

Трудно думать и о том, что новгородцы спутали названных князей. Ведь Ярослав княжил в Новгороде в последний раз в 1197—1199 гг., т. е. за 30 лет до первого упоминания о «Ярославлих грамотах». Следовательно, в Новгороде еще живы были люди, которые застали княжение Ярослава Владимировича в пору своей полной зрелости, 20—30 лет, даже 40 лет от роду; они были активными деятелями времени Ярослава Владимировича. Никакой путаницы между Ярославом Мудрым и Ярославом Владимировичем, свояком Всеволода Большое Гнездо, произойти не могло. Сама деятельность Ярослава Владимировича была очень далека от того, чтобы его «Ярославли грамоты» могли сделаться документом, определявшим жизнь Великого Новгорода.

Между тем имеются ясные свидетельства о существовании старых уставов, данных новгородцам князьям. Указания на

³¹ «И целова крест на всеи воли новгородъстеи и на всех грамотах Ярославлих» («Новгородская Первая летопись...», стр. 68).

³² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. I. М.—Л., 1948, стр. 249—254.

³³ «Новгородская Первая летопись...», стр. 278.

них приводит сам Л. В. Черепнин. Известно свидетельство Лаврентьевской летописи, содержащееся в ней под 1169 г., о новгородских вольностях, идущих от «прадеда князь наших». Всеволод Большое Гнездо дает новгородцам «уставы старых князей, волю всю». Прочная память об особых правах новгородцев сохранила даже Степенная Книга, вовсе не склонная умалять московское самодержавие. Она подчеркивает, что права новгородцев были княжеской милостью, пожалованием Ярослава Мудрого «за великое их к нему исправление».

Эти факты общеизвестны, но есть и другие, гораздо менее известные указания на то, что под «Ярославлими грамотами» имели в виду обычно «Русскую Правду», может быть в обеих ее редакциях. Во Владимирском летописце под 1019 г. читаем известие: «а новгородцев одарив отпусти их, дасть им судебную грамоту, почему им ходить»³⁴. Владимирский летописец составлен был сравнительно поздно, но он представляет собой извлечение из большого летописного свода начала XV в. И тем не менее его составители не сомневались в том, что Ярослав дал новгородцам «судебную грамоту», т. е. «Правду». Не сомневались в этом и сами новгородцы середины XV в., когда они внесли краткую редакцию «Русской Правды» в Новгородскую первую летопись младшего извода (Академический и Археографический списки).

Наконец, отметим официальное значение пространной редакции «Русской Правды», которая была внесена в конце XIII в. в Софийскую Кормчую, куда был записан и устав Святослава Ольговича о десятинах. Внесение «Правды» в состав Кормчей было мероприятием официальным, показывавшим, что речь идет не о частном памятнике, а о законодательном документе, так как сама Кормчая, как известно, была составлена по распоряжению новгородского архиепископа и новгородского князя³⁵. Поэтому упоминание в летописи «всей воли новгородской и всех грамот Ярослава», на которых князя приносили присягу, обозначало то, что князя признавали новгородские порядки по «Ярославлими грамотам», под которыми понималась прежде всего «Правда Русская».

Главный вопрос, который стоял перед новым князем, был вопрос о смердах. Михаил Всеволодович освободил смердов от уплаты дани в течение 5 лет, позволив беглым смердам остаться там, куда они бежали. Впрочем, текст летописи здесь настолько неясен, что его надо привести в подлиннике: «и вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжую землю, а

³⁴ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (патриаршего) собрания.— «Исторические записки», т. XIII, 1942, стр. 259 [«Владимирский летописец».— ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 43].

³⁵ См. об этом М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 81—88.

сим повеле, кѣто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань»³⁶. Думается, что приведенный текст следует читать таким образом: «и дал свободу смердам: на 5 лет даней не платить; кто сбежал на чужую землю, тем повелел, кто здесь живет, как уставили прежние князья, так платите дань».

Таким образом, князь освободил смердов от платежа дани на 5 лет. Те смерды, которые бежали на чужую землю, должны платить дань там, где они живут. Постановления Михаила Всеволодовича были явным ответом на требования новгородцев, предъявленные прежнему князю Ярославу Всеволодовичу — не посылать своих судей по волостям. Данное постановление является вместе с тем свидетельством о каких-то волнениях среди смердов и о переходе их на землю других владельцев.

Прямым следствием вступления Михаила Всеволодовича на княжеский стол были преследования сторонников Ярослава Всеволодовича, с которых взято было много денег, отданных на построение нового, «великого», моста через реку Волхов. Посадником был избран Вонезд Водовик, а на архиепископский престол возведен монах Спиридон.

Внутренняя распря в Новгороде привела к новым волнениям. В кратких сообщениях летописи мы находим только намеки на происшедшие в Новгороде события, смысл которых, впрочем, более или менее ясен. Вскоре после избрания Вонезда Водовика посадником между ним и Степаном Твердиславичем началась распря. Степан Твердиславич, сын прежнего посадника Твердислава, поддержал Иванку Тимошкинича, против которого выступили слуги посадника («паробчи посадници»). Это происшествие случилось на Городище, в княжеской резиденции под Новгородом, в 1230 г. Противники Вонезда Водовика на следующий день созвали вече на Ярославле дворе и разграбили двор посадника. Вонезд поднял тогда весь город («възъвари город весь»)³⁷. Одного из его врагов убили на вече, дворы других были разграблены, Иванка Тимошкинич несколько позже был пойман и брошен в Волхов.

К внутренним распрям прибавились неурожай и голод, которые повели к общему недовольству и свержению Водовика. Стоило только посаднику вместе с княжичем Ростиславом, сыном Михаила Черниговского, уйти в Торжок, как в Новгороде произошли волнения. Сторонник Водовика, Семен Борисович, был убит, дворы посадника, тысяцкого и некоторых бояр разграбили, сам Водовик вместе со своими сторонниками бежал в Чернигов. Имущество Водовика и Семена было разделено по сотням³⁸. Вернувшийся «вборзе» Ярослав Всеволодович вновь сел на княжеский стол.

Победа «черных людей» была кратковременной. Но события

³⁶ «Новгородская Первая летопись...», стр. 68.

³⁷ Там же, стр. 69.

³⁸ Там же, стр. 69—70.

в Новгороде начала XIII в. все-таки очень показательны для возросшего значения «черных людей». Обычным становится разграбление дворов новгородских феодалов и раздел их имущества среди новгородцев. В особенности интересен способ раздела имущества Водовика и Семена: «добыток их по стом разделиша». По этому поводу летописец замечает: «они трудились, собирая, а эти в труд их вошли»³⁹. Сотни, представлявшие объединения ремесленников и торговцев, одержали победу, но на короткое время. Дальнейшему их усилению помешали татарские погромы, нанешие непоправимый вред русским городам XIII в. Новые волнения «черных людей» в Новгороде и других городах произошли уже после нашествия Батыя.

Глава XX

БОРЬБА «МЕНЬШИХ» И «ВЯТШИХ» ЛЮДЕЙ В НОВГОРОДЕ СЕРЕДИНЫ XIII В.

Татарское нашествие опустошительным ураганом пронеслось по Русской земле. В особенности пострадали земли восточной и южной Руси. Только Новгородская, Псковская и Полоцкая земли спаслись от татарских погромов. Но разорение соседних русских областей не прошло бесследно для Полоцкой земли, которая вынуждена была подчиниться литовским князьям уже во второй половине XIII в.

В более благоприятных условиях оказалась Новгородская земля, сохранившая свою самостоятельность как от татар, так и от немецких рыцарей. Это было достигнуто ценой больших материальных и людских жертв, так как одно время положение новгородцев было отчаянным.

Вскоре после Невской битвы 1240 г. «на землю Новгородскую напала Литва, Немци, Чюдь». В этих затруднительных обстоятельствах только народный подъем и полководческий талант Александра Невского помогли одержать победу над обнаглевшими неприятелями. Летописец так и пишет: «нельзя было пахать по селам, да и нечем, пока Ярослав не дал опять своего сына Александра»¹.

В грозных событиях середины XIII в., в моменты страшной опасности, угрожавшей Новгороду с востока и с запада, ярко проявилась своекорыстная политика новгородских феодальных кругов. Классовая борьба в Новгороде приняла в середине XIII столетия формы неприкрытого конфликта между «большими» и «меньшими» людьми. Город делится на две половины: «меньший» и «вятший» собираются отдельно и противостоят

³⁹ «Новгородская Первая летопись...», стр. 70.

¹ Там же, стр. 78.

друг другу как враждующие стороны. Это явилось прямым продолжением классовой борьбы, развернувшейся в Новгороде еще до прихода на Русь татарских полчищ.

Столкновение «вятших» с «меньшими» приняло особо острые формы в 1255 г., когда татарские завоеватели стали устанавливать новые поборы в русских землях. Для этой цели великий хан приказал сделать «исчисление народу в России»². При этом сама система обложения создавала возможности для злоупотреблений, так как плательщики должны были облагаться данью в зависимости от своего имущественного положения, которое определялось хищными и продажными ханскими чиновниками.

А. Н. Насонов, написавший обстоятельное исследование о монгольском владычестве на Руси в XIII—XIV столетиях, ограничивается только кратким пересказом летописных известий о том, что произошло в Новгороде в 1257 г., когда татары явились туда производить перепись — «число». При этом он даже не ставит вопроса, почему в Новгороде произошел «мятеж велик», а «чернь» так решительно сопротивлялась «числу». Более того, А. Н. Насонов рисует дело так, будто «вятские» новгородцы, т. е. феодалы, выступали радетелями интересов родной страны.

«Александру Невскому,— пишет А. Н. Насонов,— волей-неволей пришлось вместе с татарами усмирять взбунтовавшихся»³.

Между тем дело обстояло совсем по-иному. Выразителями патриотических идей были как раз «меньшие», а не «вятские» люди, а политика Александра Невского не стояла в противоречии с интересами широких масс русского народа.

В 1255 г. новгородцы прогнали своего князя Василия, сына Александра Невского, и посадили на княжение его дядю Ярослава Ярославича. Это вызвало ответные действия Александра, двинувшегося на Новгород с войском. По-видимому, причины, вызвавшие столкновение новгородцев с Александром, заключались не только в обиде, нанесенной сыну великого князя. Конфликт не закончился и после бегства Ярослава Ярославича из Новгорода; следовательно, дело шло не только о княжеском столе, но и о каких-то других разногласиях между новгородцами и князем.

Дело дошло до вооруженного сопротивления новгородцев. Основной новгородский полк был поставлен у церкви Рождества Христова «в концы», вероятно там, где и теперь стоит каменная церковь XIV в. по прозвищу «Рождество на кладбище», непосредственно у дороги, ведущей из Твери в Новгород. «Пешцы» стали заставой у «Ильи», «противу Городища», видимо у церкви Ильи на Славне. Указание на пеших воинов, ставших

² А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 13.

³ Там же, стр. 22.

заслоном от княжеской резиденции в Городище, говорит об определенной социальной среде. Пешее новгородское войско состояло из ополченцев, главным образом из ремесленников. Все эти мероприятия были проведены под давлением «меньших людей», решивших сопротивляться княжеским требованиям:

«И сказали меньшии у святого Николы на вече: «вдвур как скажет князь, выдайте моих врагов». И целовали святую богородицу меньшии, как стать всем, либо жизнь, либо смерть, за правду новгородскую, за свою отчину. И был в вятших совет зол, как побить меньших, а князя ввести на своей воле. И побежал Михалко из города к святому Георгию, а должен он был со своим полком ударить на нашу сторону и смять людей. Об этом узнал Ананий и желая ему добра послал к нему втайне Якуна. И уведав об этом черные люди, погнались за ним, и хотели идти на двор его, и не дал Ананий: «братья, если его убьете, то убейте прежде меня». Не знал он, что о нем мысль злую задумали — самого захватить, а посадничество дать Михалку»⁴.

В Лаврентьевской летописи новгородские события 1255 г. представлены как крамола против князя: «бысть крамола в Новгороде»⁵, но это краткое определение событий в Новгороде показывает только отношение к ним суздальских и феодальных кругов.

Историк классовой борьбы в древней Руси в первую очередь должен отметить необыкновенно четкое деление Новгорода на две враждующие стороны: с одной стороны, «меньшие», с другой — «вятские» люди, замышляющие против «меньших» «совет зол», враждебный заговор. В этом делении нет и намека на борьбу концов или сторон Торговой и Софийской, это деление чисто классовое: «меньшии» и «вятские». При этом летопись отождествляет «меньших людей» с «черными людьми», следовательно, с основной массой трудящегося, новгородского люда.

Резко очерчена и вероломная деятельность феодалов — «вят-

⁴ «И рекоша меншин у святого Николы на вечи: «братье, ци како речеть князь: выдайте мои ворогы»; и целоваша святую Богородицу меншии, како стати всем, либо живот, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. И бысть в вятших свет зол, како побети меншин, а князя вввести на своей воли. И побежа Михалко из города к святому Георгию, како было ему своим полком уразити нашу сторону и измяти люди. Уведав Онанья, хотя ему добра, посла по немь втайне Якуна; и уведавше чернии люди, погнаша по немь, и хошеша на двор его, и не да Онанья: «братье, аже того убьете, убийте мене переже»; не ведяше бо, аже о немь мысль злу свещаша самого яти, а посадничество дати Михалку» («Новгородская Первая летопись...», стр. 80—81). В древнейшей Синодальной летописи читаем — «побети», через «ять», что можно читать, как побити, принимая во внимание новгородскую смену «ята» и «и». В более позднем списке — «победити». Смысл известия от этого не меняется. В позднейших летописях «совет зол» исправляется на «совет благ» в связи с общей феодальной тенденцией, враждебной народным движениям (см. ПСРЛ, т. XXV, стр. 142).

⁵ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 450.

ших людей». Тайный кандидат в посадники Михалко Степанович, внук Твердислава, побегал к «святому Георгию», в Юрьев монастырь, расположенный на другой стороне Волхова, против Городища, после того как ему не удалось напасть на Торговую сторону и смять «меньших людей», выставленных заставой у церкви Ильи. Тут летописец дает понять, что Торговая сторона, где стояли заслоны «меньших людей», была «нашей» стороной, в данном случае оплотом «меньших людей». Ананий вступился за Михалку, даже не предполагая, что за его спиной затевается заговор, что его самого предполагают захватить, а посадничество дать Михалке.

Круг заговорщиков оказывается довольно широким. «С переветом» — изменою бежит к князю Ратишка. У князя собираются «крестопреступники» — новгородцы, нарушившие присягу и бежавшие к князю. Летописец дважды называет их «злодеями», подстрекающими князя на вражду с «меньшими». «Меньшии люди» стойко стоят за свои интересы и умеют отстоять свои права.

Новгородский полк стоял 3 дня «за свою правду». На четвертый день было заключено соглашение. Александр потребовал только, чтобы посадник Ананий был лишен своей должности. Посадничество перешло к Михалке Степановичу, вскоре погибшему. Летописец провожает умершего Михалку следующей эпиграфией: «Если кто добро другому делает, то добро ему бывает; а кто копает другому яму, сам в нее ввалится».

«Меньшии», или «черные», люди в событиях 1255 г. выступают сплоченной силой, с которой не могут справиться бояре, даже при поддержке князя. Летописец не пишет уже о новгородцах в целом, а именно о «меньших людях», противопоставляя их «вятшим». Это само по себе указывает на организованность и сплоченность «меньших людей», без чего толпы простых новгородцев, лишённые организованного руководства, не могли бы сопротивляться испытанным суздальским войскам, да еще во главе с таким полководцем, как Александр Невский. Эту сплоченность «меньших людей» мы наблюдали и раньше, во время волнений 1228—1230 гг.

Организованность «меньших людей» проявилась и в последующих событиях, связанных с введением «числа» в Новгороде.

В 1257 г. татарские численники провели перепись по всей Русской земле. В Суздальской, Рязанской и Муромской землях создана была сложная организация «числа», поставлены были десятники, сотники, тысячники и темники (над 10 тысячами)⁶. А. Н. Насонов предполагает, что названные выше должности представляли собой «командный состав (т. е. десятники, сотники, тысячники, темники) полков, набравшихся из населения завоеванных областей», в данном случае из русских областей.

⁶ Там же, стр. 451.

При этом А. Н. Насонов ссылается на историю других народов, подчиненных монголам, и делает вывод: «с уходом численников на Русь были сформированы (набраны) особые отряды, частью из местного населения, с пришлым командным составом, которые поступали в распоряжение баскаков»⁷.

Никто, конечно, не будет отрицать существование особых баскаческих отрядов. Нельзя отрицать и того, что в этих отрядах принимали участие некоторые русские. Но простая параллель между положением тюрок, киданей и других народов, подчиненных монголам, и положением русского народа представляется несколько упрощенной. Ведь кидани и тюрки были непосредственно подвластны монголам и потеряли свою государственность, а этого нельзя сказать про Русь даже в самые тяжелые годы татарского ига. Летописное свидетельство также не дает никаких указаний на то, что десятники, сотники, тысячники и темники, поставленные татарами в 1257 г., были командирами татарских отрядов. В позднейших известиях также упоминаются численные люди как особый разряд населения XIV в., относящегося к населению податному. Можно предполагать другое: была создана организация взимания податей по десяткам, сотням, тысячам и тьмам (десяткам тысяч) плательщиков, которая, как правильно пишет А. Н. Насонов, должна была, по замыслу монголов, поддерживать их владычество. О такой организации и говорят летописи, рассказывая о восстании в Ярославле, о чем будет идти речь далее.

Как прошла татарская перепись в русских землях — неизвестно, но в Новгороде сопротивление татарам приняло организованные формы. В 1257 г. «пришла весть злая из Руси, что хотят татары тамгу и десятину (брать.— М. Т.) на Новгороде, и волновались люди все лето»⁸.

Дальнейший рассказ летописи представляется несколько неясным. «В ту же зиму приехали послы татарские с Олександром, а Василий побегал в Псков. И начали послы спрашивать десятины, тамги, и не согласились новгородцы на это, дали хану дары и отпустили их с миром». Александр Невский выгнал из Пскова своего сына и послал его в Суздальскую землю, жестоко казнив некоего Александра с его дружиною.

Из летописи совершенно неясно, кем был названный Александр и его товарищи или единомышленники («дружина»). Составители указателя к Новгородской летописи сделали его «воеводой дружины князя Василия Александровича»⁹. Но он с таким же успехом мог быть и простым новгородцем. Впрочем, имеется одно слабое указание на то, что Александр не принадлежал к числу «меньших людей». Новгородский летописец, пере-

⁷ А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 16, 17.

⁸ «Новгородская Первая летопись...», стр. 82.

⁹ Там же, стр. 568.

живавший вместе с «меньшими людьми» смятение в Новгороде и распрю его с князем в 1255 г., дает понять, что симпатии его на стороне Александра Невского. Поведение Василия он называет «злом», а о тех людях, которые ему советовали, отзывается недоброжелательно: «всяк бо злый зле да погибнет», следовательно, примерно в тех же словах, как ранее говорилось о смерти Михалки Степановича.

Из дальнейшего же изложения мы узнаем, что «меньшие люди» сопротивлялись введению «числа» в Новгороде в 1259 г. Поэтому отрицательное отношение летописца к Василию и его советникам, бежавшим в Псков, может быть, указывает на какие-то иные причины разногласия Александра Невского с сыном, чем вопрос о собирании татарской дани. В договоре Ярослава Ярославича с Новгородом, составленном уже после смерти Александра Невского, имеются указания на то, что он «деял насилие на Новгороде», в частности имеется указание на захват им пожней и пр.¹⁰

Вопрос о татарской переписи вновь возник в Новгороде в 1259 г., когда остальные русские земли, подвластные монголам, были уже положены в «число». В исторической литературе имеется представление, что «число» в Новгороде было введено по настоянию Александра Невского и при сопротивлении черни. Но это представление основано на явно тенденциозном чтении летописей, остающемся неизменным со времен Карамзина. «Чернь» считается недальновидной, сопротивляющейся «числу», тогда как князь и бояре стоят за перепись, понимая бесполезность сопротивления татарам. Между тем летописный рассказ о проведении «числа» в Новгороде в 1259 г., в сущности, не дает права для вышеприведенных заключений.

«В ту же зиму,— читаем в летописи,— приехал Михаил Пинежич из Низу со лживым посольством, говоря так: «если не согласитесь на число, то уже полки в Низовской земле»; и согласились новгородцы на число. В ту же зиму приехали окаянные татары, сыроядцы, Беркай и Касачик с женами своими, и иных много. И был мятеж велик в Новгороде, и по волости много зла учинили, беря туску окаянными татарам. И начали окаянные бояться смерти, сказали Александру: «дай нам стражу, чтобы нас не перебили». И князь велел стеречь их сыну посаднику и всем детям боярским по ночам. И сказали татары: «дайте нам число, или уйдем прочь». И чернь не хотела дать число, но сказали: «умрем честно за святую Софию и за дома ангельские». Тогда раздвоились люди: кто добрые, те за святую Софию и за правую веру. И сотворили сопротивление вятский, велят меньшим согласиться на число. И хотел окаянный побежать, гоним духом святым. И умыслили злой заговор, как уда-

¹⁰ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 11.

рять на город на эту сторону, а другие озером на эту сторону. И очевидно помешала им сила Христова и не смели. И убоявшиеся (новгородцы) начали перевозиться на одну сторону к святой Софии, говоря: «положим главы свои у святой Софии». И было завтра; съехал князь с Городища и окаянные татары с ним, и по совету злых согласились на число, творили ведь бояре себе легко, а меньшим зло. И начали ездить окаянные по улицам, пишучи дома христианские, потому что навел бог за грехи наши из пустыни зверей диких есть тело сильных и пить кровь боярскую. И уехали окаянные, взяв число, а князь Александр после поехал, посадив сына своего Дмитрия на столе»¹¹.

Из летописного рассказа вытекает, что новгородцы согласились на перепись («яшася новгородцы по число») еще до приезда татарских послов в Новгород. Следовательно, вопрос стоял не об отказе новгородцев от переписи, а о борьбе с злоупотреблениями татарских послов. Появление Беркая и Касачика сопровождалось многими насилиями в городе и в новгородских землях, так как помимо обычной дани татары собирали еще «туску». Это слово, оставленное А. Н. Насоновым без объяснения, имеет совершенно определенное значение у монголов: «тузгу — *тюрк.* провиант и подарки для прибывающих владетелей или послов, вероятно, то же, что «туску» в русской летописи»¹².

Насилия татарских послов вызвали возмущение в Новгороде — «мятеж велик» и отказ «черных», или «меньших», людей

¹¹ «Той же зимы приеха Михаило Пинешинич из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: «аж не имееся по число, то уже полкы на Низовской земли»; и яшася новгородцы по число. Той же зимы приехаша оканьнии татарове, сыроядци, Беркай и Касачик с женами своими, и инех много. И бысть мятежъ велик в Новгороде, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ татаромъ. И нача оканьнии боятися смерти, рече Олександрю: «дай намъ сторожи, ать не избыють насъ». И повеле князь стречи ихъ сыну посадничю и всемъ детемъ боярскимъ по ночемъ. И реша татарове: «дайте намъ число, или бежимъ проче». И чернь не хотеша дати числа, но реша: «умремъ честно за святую Софью и за дома ангельския». Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тот по святой Софии и по правой вере. И створиша супоръ вятшини, велятся яти меншимъ по числу. И хотя оканьнии побужати, гонимъ святымъ духомъ. И умыслиша светъ золъ, како ударити на городъ на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону. И възбрани имъ видимо сила Христова и не смеша. И убывшеся, почаша ся возити на одну сторону к святой Софии, рекуще: «положимъ главы своя у святой Софии». И бысть завтра; съеха князь с Городища и оканьнии татарове с нимъ, и злыхъ светомъ яшася по число, творяху бо бояре себе легко, а меншимъ зло. И почаша ездити оканьнии по улицамъ, пишуче дома христьянския, зане навелъ богъ за грехы наша ис пустыня звери дивная ясти силныхъ плъти и пити кровь боярскую. И отъехаша оканьнии, вземше число, а князь Олександръ поеха после, посадивъ сына своего Дмитрия на столе» («Новгородская Первая летопись...», стр. 82—83). Тот же рассказ с незначительными вариантами помещен в Новгородской летописи младшего извода (там же, стр. 310—311).

¹² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 304.

(в летописи «черни») от самой переписи. Этот отказ станет понятным, если мы объясним летописные слова: «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Речь идет о неправильном распределении налогов среди новгородцев, вследствие чего татарские поборы всей своей тяжестью падали на маломощных «меньших людей», а бояре сравнительно легко несли это бремя. Следовательно, «меньшие люди» сопротивлялись не установлению переписи, а ее условиям, отягощавшим именно бедные слои населения.

Как и за два года до этого, в Новгороде наблюдается резкое классовое расслоение, подчеркнутое самим летописцем: «тогда издвоишася люди» — все новгородское население разделилось на две части. Смысл этого раздвоения указан тут же: «вятиши велят ся яти меншим по числу». Феодалы делали попытки заставить «меньших» подчиниться вооруженной силе. Говорили даже о нападении на город с двух сторон. Смятение в городе было настолько большим, что новгородцы стали переезжать со своим имуществом в укрепленный Кремль.

Победа осталась за «вятишими людьми», действовавшими вероломно и опиравшимися на татар. Перепись населения была проведена по дворам, или домам: «начали окаянные ездить по улицам, пишуци домы христианские». Татары покинули Новгород, «вземше число» — собрав подати с новгородцев.

Возникает вопрос: было ли сопротивление «меньших людей» бесполезным или оно дало свои плоды? Ответ на этот вопрос дает рассуждение летописца: «в то же лето, накануне Борисова дня был мороз большой по области. Но господь, не хотя места сего святой Софии оставить пустым, отвратил ярость свою от нас и призрел оком милосердия своего»¹³. Эти слова относятся не только к морозу, угрожавшему на Борисов день (вероятно 2 мая) побить озимые хлеба, но и ко всему повествованию о событиях 1259 г. «Ярость» была отведена от Новгорода главным образом сопротивлением «меньших людей», добившихся каких-то уступок от татарских послов. Летописец совершенно умалчивает о позиции Александра Невского, однако согласие новгородцев на «число» является как бы выводом из того, что «съехал князь с Городища». Здесь сказался громадный авторитет Александра Невского. Недаром тот же новгородский летописец, говоря о смерти Александра, умершего через четыре года, сопровождает его в могилу прочувствованными словами: «иже потрудися за Новгород и за всю Русскую землю»¹⁴.

Новгородские события 1255—1259 гг. дают яркую картину классовой борьбы в древней Руси. Неизвестный автор оставил нам рассказы об этих событиях, проникнутые мыслью о правоте дела «меньших», о «злом совете», который феодалы замыслили

¹³ «Новгородская Первая летопись...», стр. 83.

¹⁴ «Иже потрудися за Новгород и за всю Русскую землю» (там же, стр. 84).

против «меньших». Таким образом, мысль о глубоких классовых противоречиях между «вятичами» и «меньшими», эксплуататорами и эксплуатируемыми, мелькала в умах древнерусских людей. На это их наталкивала повседневная действительность. Новгородские волнения 1255—1259 гг. показывают, какая ожесточенная классовая борьба развертывалась в русских городах XIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша работа заканчивается изложением событий середины XIII в., и для этого имеется основание. Классовая борьба не прекратилась, даже не смягчилась после нашествия монголов, но она приняла существенно иные формы. Почти все известные восстания XIV—XV вв. развертываются в условиях борьбы русского народа с внешними врагами. Таковыми являются крупнейшие московские восстания 1382 и 1480 гг. Непрерывающаяся классовая борьба, происходившая в эти столетия, засвидетельствована многочисленными источниками¹. Но все эти события выходят за пределы нашей книги и заслуживают особого исследования.

Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., которые мы рассмотрели выше, представляют собой величественное зрелище борьбы угнетенных трудящихся масс против угнетателей-феодалов. Летописи сохранили сведения лишь о крупнейших событиях своего времени. Нередко в них находим только краткие и не всегда ясные заметки о причинах народных движений, но картина ожесточенной классовой борьбы, характерной для феодального времени, остается яркой и незабываемой. Она служит одной из иллюстраций к замечательным словам «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу...»²

¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. 2. М., 1953, стр. 115—131 (Классовая борьба в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв.).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.— Сочинения, т. 4, стр. 424.

УСЛОВНОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ДЕРЖАНИЕ НА РУСИ В XII в.

В русских землях XIV—XVI вв. хорошо было известно так называемое «кормление». Кормленщик получал во владение доходы с города или волости, но пользовался своими правами временно и на определенных условиях. Такой вид условного феодального пожалования отмечается в наших источниках по крайней мере с XIV в.; с более же раннего времени можно судить только предположительно. Настоящая статья и ставит своей задачей показать, что условное феодальное держание уже существовало в XII в. под другими названиями — «милость», «придаток», «хлеб», а сами феодальные держатели носили название милостников.

В источниках XII в. слово «милостник» встречается хотя и не часто, но и не настолько редко, чтобы остаться в полном забвении. И если все-таки разряд людей, известных под этим названием, остался в стороне от научного изучения, то это объясняется прежде всего тем, что «милость» «Русской Правды» почему-то не сопоставлялась с милостниками летописи, хотя это слово употребляется в летописи в применении к совершенно определенной категории людей — к княжеским слугам.

Рассказывая о борьбе Всеволода Мстиславича со Святославом Ольговичем за новгородское княжение, летописец сообщает, что «милостьники Всеволожи» стреляли в Святослава, но князь остался жив. В указателе к новгородской летописи слово «милостьники» объясняется как любимцы, но такое объяснение в сущности ничего не поясняет¹, так как термин «любимцы» не обозначает какую-либо общественную категорию. Настоящий смысл слова «милостник» объяснен в той же новгородской летописи с ясным указанием на то, что «милостьники» были княжескими слугами. Говоря об убиении Андрея Боголюбского, летописец прямо замечает, что его убили его «милостьники»². Неизвест-

¹ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 632.

² Там же, стр. 34.

но, каким путем краткое сообщение о смерти могущественного владимирского князя дошло до Новгорода, вероятнее всего — в виде устного рассказа какого-либо новгородца, заехавшего в Суздальскую землю. На это, в частности, указывает географическая неточность известия. По летописному известию, князя убили во Владимире, но он спал («спящу ему») в Боголюбове. Между тем Владимир находится от Боголюбова в 15 км, Андрей же не только спал, но и был убит в Боголюбове. Тут новгородский летописец показывает явную неосведомленность в топографии Владимира и Суздаля. Однако основная деталь обстоятельств убийства Андрея запомнилась летописцу: князь был убит своими милостниками.

Действительно, в подробном рассказе об убийстве Андрея Боголюбского, помещенном в Ипатьевской летописи, мы находим указание на то, к какой категории княжеских людей принадлежали заговорщики. Зачинщиком убийства был любимый «слуга» Андрея Боголюбского, а одним из заговорщиков — «Анбал Ясин ключник». Всех убийц, которых летописец далее называет паробками князя, насчитывалось до двадцати. Обстоятельства убийства не оставляют сомнения в том, что паробки принадлежали к дворцовым слугам. Незадолго до убийства они пировали в княжеской медуше. Ключник Анбал выкрал у князя его меч. Заговорщики принадлежали к княжеским слугам. Летописец указывает, что после убийства князя, они убили также «Прокопья, милостника его», ограбили княжескую казну, положили награбленное «на милостные кони», взяли «милостное» княжеское оружие и стали собирать дружину, чтобы бороться с владимирской дружиной³. Таким образом, слова новгородской летописи о том, что убийство было совершено «милостниками» Андрея Боголюбского, вполне подтверждается Ипатьевской летописью.

Если даже считать «милостника» Прокопия просто княжеским любимцем, то как надо понимать указание летописи на «милостных» коней и на «милостное» оружие. И. И. Срезневский со свойственной ему осторожностью переводит эти термины словами «жалованный», «любимый», ставя знак вопроса. Слово «любимый» здесь явно не подходит, а второй термин — «жалованный» — гораздо ближе к истине. На этом особом значении прилагательного «милостный» мы остановимся ниже. Здесь же отметим, что и третье известие летописи о милостниках, которое находим в Ипатьевской летописи, также совершенно четко связывает их с княжескими слугами. Рассказывая под 1180 г. о войнах Святослава Всеволодовича, летописец замечает, что он начал свой поход, «сдумав с княгиней своею и с Кочкаремь, милостником своим», не сообщив о своем решении «мужем сво-

³ «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 397—402 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 585—593].

им лучшим». В этом кратком известии находим уже прямое указание на то, что милостник Кочкарь не принадлежал к числу феодальной знати, к лучшим, или «лепшим», княжеским людям, т. е. к боярам⁴.

Все рассмотренные нами летописные известия одинаково говорят о милостниках как об особой категории княжеских людей. Эта категория занята непосредственно в княжеском дворцовом хозяйстве. К их числу принадлежат ключники и слуги. Этим, кажется, можно объяснить поправку Ипатьевской летописи к более раннему летописному тексту, сохранившемуся в Лаврентьевском списке. По Лаврентьевской летописи, Владимир Святославич был сыном Малуши, ключницы княгини Ольги; по Ипатьевской летописи, он родился от Малуши «милостьнице Ольжины»⁵. Здесь слово «милостьница» явно заменило собой почти однозначный термин «ключница».

Итак, милостники — это не просто княжеские любимцы, а особый разряд княжеских слуг, занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве, в первую очередь ключники и слуги, — разряд, соответствующий средневековым министриалам в Западной Европе⁶. По-видимому, милостники XII в. — те же княжеские слуги, какие нам известны по «Русской Правде» под именем огнищан. Возможно, что само слово «огнищанин» имело местное, ограниченное хождение. Ведь этот термин встречается только в Новгородской летописи и в «Русской Правде», которая сохранилась в списках новгородского происхождения. Напомним, что слово «милостник» употребляется в той же Новгородской летописи только в рассказах о Святославе Ольговиче и Андрее Боголюбском, т. е. о черниговском и владимирском князьях. Да и вообще слово «милостник» могло иметь короткий период хождения, так как, по-видимому, уже в XIII в. оно было заменено словом «дворянин».

Княжеские слуги, как и министриалы Западной Европы, нередко выходили из числа рабов, что не мешало им выдвигаться впоследствии в ряды знати, вступать в число феодалов и накапливать большие земельные богатства. Именно таких людей следует видеть в «милостниках» Андрея Боголюбского, во главе с Кучковичами и ключником Анбалом. Этот Анбал, по словам летописи, «ключь держашеть у всего дома княжа»; Андрей Боголюбский «надо всеми волю ему дал бяшеть»⁷. Следовательно, Анбал фактически заведовал всем дворцовым хозяйством в Боголюбове. Из летописного свидетельства узнаем о происхождении этого княжеского слуги. Анбал пришел к князю в рублище,

⁴ Там же, стр. 416 [там же, стр. 614].

⁵ Там же, стр. 45 [там же, стр. 57].

⁶ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 250—254.

⁷ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 401 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 590].

а впоследствии стал ходить в шелковых одеждах. «Помнишь ли ... в которых порьтех пришел бяшеть», — обращается к нему в летописи некий киевлянин, оказавшийся в Боголюбове⁸. Фигура Анбала живо напоминает нам ключника в «Русской Правде», который делается холопом, если он «привяжет ключь к собе». Характерно, что летопись ничего не сообщает о расправе с убийцами Андрея Боголюбского, и только позднейшие легенды уверяют, что главные инициаторы убийства — Кучковичи были жестоко наказаны. Эти дворцовые слуги подчас становились могущественными феодалами, что показывают позднейшие легенды о Москве как о вотчине боярина Кучки. Это подтверждается вторым названием Москвы — Кучково, еще известным в XII в.

Итак, милостники — княжеские слуги. Это позволяет по-новому отнестись к термину «милость», имеющемуся в «Русской Правде». Нет никакого сомнения в том, что слово «милостник» является производным от слова «милость». Кроме общего значения — милосердие, благорасположение, это слово имело и свой особый, узкий смысл, очень близкий по значению к средневековому термину «beneficium» — пожалование на условиях временного держания. В таком смысле слово «милость», возможно, и употребляется в Пространной редакции «Русской Правды»: «а в даче не холоп, ни по хлебе работают, ни по придатце, но оже не доходят года, то ворочати ему милость; отходит ли, то не виноват есть»⁹.

Наиболее интересный и обоснованный комментарий к этой статье дал Б. Д. Греков. Он говорит: «Не следует игнорировать и термина «милость», который, несомненно, может приблизить нас к правильному пониманию всей статьи. Милостью тут называется хлеб или деньги, вернее все то, что бедный человек в тяжелую для него минуту получил от зажиточного или богатого хозяина, и что он обязан ему отработать»¹⁰.

К этому правильному замечанию можно сделать и дополнение, так как слово «милость» встречается не только в «Русской Правде», но и в других памятниках, которые говорят не только о бедных людях. Так, «милость» в значении пожалования встречается у Даниила Заточника в той редакции его «Слова», которая обращена к новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу: «всякому дворянину имети честь и милость у князя», «коблязи бо и ковриели... и те имеют честь и милость у поганных салтанов»¹¹.

Здесь слово «милость» соединено с «честью». «Честь и милость», на которые имеет право рассчитывать каждый дворянин, — это его почетное место при княжеском дворе и пожалова-

⁸ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 401 [ПСРЛ, т. II, М., 1962, стр. 590].

⁹ «Правда Русская», т. I. Тексты. М. — Л., 1940, стр. 116.

¹⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 204.

¹¹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника, Л., 1932, стр. 68, 70—71.

ние (*beneficium*, милость) определенными денежными или земельными получениями. Действительно, слова «милость» и «милостник» в смысле условного держания и его держателя известны в сербском языке XIV в. В Законнике Стефана Душана «милостью» называется участок земли, пожалование от царя: «Ако тько дасть милость цареву и рече: даль ми есть господинь царь, како есть дрьжаль мой другь пре с мене». Законник знает также милостников и милостную книгу¹².

Напомним здесь же о милостных конях и милостном оружии, захваченных у Андрея Боголюбского. Это и могло входить в состав той «милости», которую получал княжеский слуга. Как видим, статья «Русской Правды» о запрещении поработать за дачу и придаток может получить несколько иной, более расширенный смысл, чем ранее. В этом смысле очень интересно мнение Н. А. Максимейко, который, указывая, что «дача» позже, в Русском государстве обозначала земельный надел, сопоставляет этот термин с упомянутой статьей в «Русской Правде». Следовательно, речь может идти не только о бедных людях, зарабатывавших себе пропитание, но и о других разрядах населения. Об этом же говорит и слово «придаток», которое тоже обозначало какое-то пожалование. Таким только образом можно понимать известие Новгородской летописи об изгнании из Пскова сторонников Ярослава Всеволодовича, бравших от него «придаток»: «поидите по князи своему, нам есте не братья»¹³. Изгнанные псковичи, конечно, не принадлежали к беднякам, отработавшим милость, полученную от князя. Перед нами скорее всего люди, вступившие в зависимость от князя, получившие от него «придаток» в виде оружия и коней; иными словами, люди, вооруженные и экипированные князем, его сторонники, ставшие опасными для псковичей, поссорившихся с Ярославом.

Нашему толкованию статьи «Русской Правды» как будто противоречит то обстоятельство, что в ней говорится о «хлебе», за который некоторые поработали людей, получивших его в ссуду. Но слово «хлеб» имело и другой смысл, очень близкий к понятию «милость» как пожалование, в смысле временного держания, бенефиция. «Братья, вам челом бую, вам живот дати и хлеба накормити», — обращается владимирский князь Юрий Всеволодович к победившим его князьям. Здесь речь идет, конечно, не о хлебе, а о пожаловании Юрия. Победители дают ему Радилов городец в княжеский удел. С такой же фразой обращается к старшему брату и Ярослав Всеволодович: «а сам, брате, накорми мя хлебом»¹⁴.

Слово «хлеб» в ясном значении временного пожалования, кормления употребляется в переговорах Новгорода с тверскими

¹² «Svod zákonů slovanských». Praha, 1880, str. 286—287.

¹³ «Новгородская Первая летопись...», стр. 272.

¹⁴ «Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1872, стр. 475.

князьями. В начале XIV в. новгородцы жаловались тверскому великому князю Михаилу Ярославичу на Федора Михайловича: «Князь великий Андреи на весь Новгород дали Федору Михайловичу город стольный Пльсков, и он ед хлеб. А како пошла рать, и он отъехал, город повьргя». Новгородцы требовали от князя дать Федору Михайловичу кормление у себя, а не за счет Новгорода: «тобе, княже, не кормити его новгородским, хлебом, корми его у собе»¹⁵. Здесь «новгородский хлеб» выступает как новгородский удел. Федор Михайлович держал в кормлении Псков, брал с него доходы («ед хлеб») и не выполнил своих обязанностей — бежал из города, когда началась война. Поэтому нет никаких оснований настаивать на том, что в «Русской Правде» говорится обязательно о хлебе как ссуде, которую получали бедные люди. Наоборот, хлеб, дача, придаток могут быть поняты как виды феодального условного держания, объединяемого общим названием «милости». Не лишним будет здесь же отметить, что слово «год» также не обязательно обозначает годовой промежуток времени, а может быть просто обозначением срока. Слова «оже не доходят года, то ворочати ему милость» обозначают обязанность держателя вернуть полученное держание («милость», бенефиций) обратно, если держатель (милостник) уходит от своего господина раньше определенного срока. Он не обязан возвращать придаток, дачу, милость, если выполнил свое обязательство.

Предложенное понимание статьи «Русской Правды» о «милости» существенно меняет взгляд на происхождение статей о холопстве. Эти статьи обычно представляют как своего рода заботу о том, чтобы феодалы не могли поработать свободных людей. Источники холопства в «Русской Правде» сведены к трем случаям: 1) добровольная самопродажа свободного человека в холопство; 2) женитьба на рабе без договора; 3) принятие на себя без договора обязанностей тиуна или ключника. Но ключники и тиуны — уже не рядовые холопы, это верхушка среди княжеских слуг, державшая в своих руках княжеское хозяйство, распоряжавшаяся холопами и смердами. Вот к ним-то и относится статья «Русской Правды», ограничивающая возможность обращения их в холопство. Даже ключник, обычно холоп, не делается холопом, если заключил договор: «съ рядомь ли, то како ся будеть рядил, на том же стоить»¹⁶. Здесь мы видим ту же заботу о княжеских и боярских слугах, как и в статье о наследстве боярском и дружинном. Наследство смерда идет князю, «аже в боярех, любо в дружине, то за князя задница не идеть»; наследство боярина или дружинника достается их дочерям¹⁷.

¹⁵ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 18.

¹⁶ «Правда Русская», т. I, стр. 116 (Троицкий список XIV в.).

¹⁷ Там же, стр. 114.

Таким образом, статья о «милости» вовсе не опекает бедных людей, которых голод и нужда заставили взять ссуду у богатого человека. Эта статья ставит своей задачей охранять от порабощения мелких феодалов, занявших холопские места при боярском и княжеском дворе, но стремившихся сохранить свою свободу. Подобная статья типична именно для «Русской Правды» как кодекса феодального права.

Милостники XII в. — это предшественники позднейших дворян. Они составляли один из разрядов княжеских слуг. Наши источники характеризуют их в тот момент, когда дворцовая служба уже принимала новый характер обеспечения. Место «придатка» — милостных коней и милостного оружия все более и более занимает новая форма держания — земельное пожалование, позднейшая московская «дача».

Таким образом, историю поместной системы и служилого землевладения надо начинать искать гораздо раньше, чем в XIV—XV вв. Поместная система была только частью феодальной системы. Она начала складываться на Руси уже в XII—XIII вв., когда появляются милостники.

О ЧАСТНЫХ АКТАХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В 1937 г. вышел в свет сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», в котором помещена статья С. Н. Валка «Начальная история древнерусского частного акта»¹. Рассматривая дошедшие до нас акты XII—XIII вв., С. Н. Валк приходит к печальным результатам. Из рассмотренных им документов 5 актов (духовная и купчая Антония Римлянина, вкладная Варлаама Хутынского, духовная Лазаря, данная княгини Марины) признаны С. Н. Валком подложными. Подлинными частными актами XIII в. он считает только духовную Климента и рядную Тешаты. «Первый из актов относится к Пскову, либо, как предполагал Напиерский, к Полоцку, второй — к Новгороду, т. е. к тем двум центрам, развитие которых в эти века шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной Руси», — пишет С. Н. Валк. Для центральной России временем появления частного акта С. Н. Валк считает еще более поздний период — вторую половину XIV в.² Таким образом, из числа наших исторических источников выпадают ценнейшие документы, которыми пользовались и продолжают пользоваться многие исследователи. В особенности важное значение как исторический источник имела для историка вкладная Варлаама Хутынского. Ведь это единственный документ, рисующий вотчину знатного землевладельца конца XII — начала XIII в. Между тем, заключение С. Н. Валка о подложности вкладной Варлаама Хутынского нашло уже последователей. В самом Новгороде незадолго до войны вкладная Варлаама была убрана из витрин ризницы и одно время спрятана среди второстепенных исторических документов как поддельная грамота.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о подложности некоторых древних русских грамот был поставлен впервые. Уже Н. П. Лихачев отрицал подлинность некоторых грамот, включенных в

¹ С. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. — «Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. статей. М.—Л., 1937, стр. 285—318.

² Там же, стр. 310 и 316.

издание А. И. Юшкова «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ». На подложность древнейшей грамоты Троицкого монастыря указывал Арсений. Вопрос о подлинности купчей и духовной Антония Римлянина был поднят Е. Е. Голубинским. Н. П. Павлов-Сильванский убедительно доказывал подложность известной местнической грамоты XIV в. и т. д. Но, в отличие от других исследователей, С. Н. Валк произвел не только дипломатический анализ заподозренных актов, но и выставил ряд общих положений о времени появления древнерусских частных актов, которые он для центральной России приурочивает к XIV в. Таким образом, время появления частных актов на Руси, по мнению С. Н. Валка, относится к несравненно более позднему времени, чем в какой-либо другой культурной стране Европы и Азии. Между тем, вопрос о подлинности тех частных актов, которые признаны С. Н. Валком подложными, не может считаться окончательно решенным. Так, вопрос о подлинности духовной Климента Новгородца разрешен С. Н. Валком положительно на том основании, что Сахаров, в собрании которого был найден этот документ, не мог подделать денежный счет XIII в. Но ведь духовную Климента мог подделать не Сахаров, а кто-нибудь другой, — признает же автор подложность вкладной Варлаама Хутынского, хотя и относит время подлога к концу XIV — началу XV в. Нелогичность аргументировки С. Н. Валка в данном случае бросается в глаза, а это заставляет с особенной осторожностью отнестись и к другим его построениям.

В данной статье я предполагаю рассмотреть вопрос о подлинности только четырех документов: вкладной Варлаама Хутынского, данной Марины, духовной и купчей Антония Римлянина, имея в виду, что рядная Тешаты и духовная Климента признаны подлинными самим С. Н. Валком, а духовная Лазаря требует особого исследования.

ВКЛАДНАЯ ВАРЛААМА

С. Н. Валк считает, что время появления этой грамоты надо отнести «скорее всего к концу XIV — началу XV века» (стр. 306). Возникновение вкладной Варлаама он связывает с существованием ряда «поддельных» предметов, приписываемых Варлааму. Так, ссылаясь на мнение Толстого и Кондакова, С. Н. Валк относит поручи Варлаама Хутынского к XIV в. и даже к более позднему времени: концу XIV — началу XV в. Уже одно это замечание вызывает недоумение, так как Толстой и Кондаков сравнивали шитье и рисунок поручей с молдаво-валашскими облачениями XIV в., но относили их к более раннему времени, вернее всего к XIII в. Вот что эти исследователи пишут о поручах Варлаама: «Рисунок и все орнаменты носят византийский характер тяжелого пошиба, в типе шитых облаче-

ний XII—XIII века, притом скорее последнего, чем первого»³. Можно только удивляться, каким образом это точное указание исследователей могло быть переделано на конец XIV — начало XV в. Нет никакого сомнения, что многие монастырские «реликвии» нередко бывали подложными. Таковы многочисленные вериги, кресты, ризы и прочие вещи основателей разных монастырей. Но это еще не дает права огульно признать подложными предметы, связанные с именем Варлаама Хутынского и других новгородских игуменов. Поручи и епитрахиль Варлаама представляли значительную материальную ценность и могли сохраняться в ризнице монастыря с XIII в.

Элементы подлога С. Н. Валк находит и в известных печатях Варлаама Хутынского. Он рассматривает их как подделку под имя Варлаама, но смысла этой подделки так и не объясняет. С. Н. Валк ссылается на мнение крупнейшего знатока сфрагистики А. В. Орешникова, что «палеографические признаки подписи не допускают возможности видеть такую искусную подделку букв XIV или начала XV в., к которому я бы отнес печать». Из этого замечания С. Н. Валк делает совершенно неожиданный вывод, что печати являются «прямою подделкою под имя Варлаама» (стр. 304). Но речь может идти вовсе не о подделке печати, весьма распространенной (известно 7 экземпляров) в XV в., а об ее культовом назначении. Русская сфрагистика изучена так слабо, что было бы поспешно делать выводы о значении того или иного памятника без детального исследования.

Перейдем, однако, к основным доказательствам подложности грамоты Варлаама. Этих доказательств в сущности два: 1) формат вкладной; 2) употребление восьмиконечного креста в начале грамоты. Рассмотрим первое доказательство. С. Н. Валк пишет: «При несомненной дороговизне пергамена неудивительно, что за единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты, первостепенной государственной важности, не имеют полей; их обрез совпадает довольно точно с краями записанного текста. В противоположность этому, нижний неиспользованный край варлаамовской грамоты равен более четверти ее высоты; левое поле тоже достаточно широко, но оно, как увидим, заполнено» (стр. 305).

Что пергамен как писчий материал был очень дорог, известно, но дороговизна не мешала возникновению пергаменных рукописей из многих сотен листов, какой является, например, Новгородская Кормчая конца XIII в. (Синодальная № 132). Дороговизна не мешала и тому, чтобы целые листы пергамена в рукописях оставались чистыми (например, Чудовская Кормчая XIV в.). Чистые листы вовсе не редкость в пергаменных сборниках. Этим объясняется существование подложных рукописей, написанных в XIX в. на чистых листах, вырезанных из древ-

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. VI. СПб., 1899, стр. 171.

них книг. Как бы ни был дорог пергамен, стоимость земли, подаренной Варлаамом Хутынскому монастырю, во много раз превосходила стоимость маленького куса пергамена, а небольшая полоска пергамена, оставшаяся незаписанной, не могла иметь практического применения. На оставшемся чистом поле вкладной поместилось бы не более четырех строк. Ясно, что первая «палеографическая» примета, выдвинутая С. Н. Валком, не имеет никакого значения, тем более, что древнейшие грамоты писались на кусках пергамена разного размера.

Другим доказательством подложности вкладной С. Н. Валк считает употребление восьмиконечного креста, поскольку И. А. Шляпкин утверждал, что восьмиконечные кресты появились в Новгороде не раньше XIV в. Но сам же С. Н. Валк говорит, что замечание Шляпкина нуждается в дополнительной проверке, так как на одной из фресок церкви Спаса в Нередице мы находим уже восьмиконечный крест, который имеется и на антиминсе 1149 г. И все же восьмиконечный крест на вкладной Варлаама окончательно заставляет С. Н. Валка отнести эту грамоту «скорее всего к концу XIV — началу XV в.». Но вывод совсем не вытекает из доказательств, тем более, что уже Шляпкин считал восьмиконечный крест на вкладной Варлаама переправленным из четвероконечного. Действительно, очертания креста на вкладной говорят в пользу того, что современный восьмиконечный крест был переправлен из четвероконечного, что ясно видно на подлиннике и хороших снимках документа. Вместе с тем употребление креста перед началом грамоты характерно для новгородского памятника XII в. Такой же четвероконечный крест мы находим в начале грамоты Мстислава Юрьеву монастырю.

Казалось бы, С. Н. Валк должен был с особой тщательностью изучить другие, более бесспорные палеографические приметы, которые дает почерк вкладной. Ведь вкладная Варлаама Хутынского написана уставом, который не вызвал никаких сомнений в его принадлежности к концу XII в. у таких знатоков палеографии, как И. И. Срезневский⁴, В. Н. Щепкин⁵, Е. Ф. Карский⁶. Вкладная Варлаама не была заподозрена в подложности и со стороны языка. Ф. И. Буслаев, А. И. Соболевский, а в последнее время С. П. Обнорский⁷ одинаково пользовались этой грамотой. При этих условиях детальное палеографическое исследование грамоты было обязательным, и совершенно непонятно заявление С. Н. Валка, что «для XIV века и

⁴ И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1882, стр. 72.

⁵ В. Щепкин, Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 98 [изд. 2. М., 1967, стр. 112, примеч. 42].

⁶ Е. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 52.

⁷ С. Обнорский и С. Бархударов. Хрестоматия по изучению русского языка, ч. 1. Л., 1938, стр. 29.

даже для XV века существуют рукописи и акты с теми же начертаниями букв, что и в варлаамовой грамоте» (стр. 305). Это решительное заявление следовало бы подтвердить ссылкой на определенные акты, а не голословным утверждением.

В действительности письмо конца XIV — начала XV в. резко отличается от почерка вкладной Варлаама, имея особые яркие и характерные признаки. Можно прямо сказать, что письмо конца XII — первой половины XIII в. не может быть спутано с характерными почерками конца XIV — начала XV в.

По словам В. Н. Щепкина, «русский XIV век завершает эволюцию XIII века; среди начерков остаются в употреблении по большей части только новообразования». Между тем, почерк, которым написана вкладная Варлаама Хутынского, не противоречит ее датировке концом XII — началом XIII в.

Интересные результаты дает сравнение палеографических показаний трех новгородских памятников: грамоты Мстислава Юрьеву монастырю около 1130 г., вкладной Варлаама Хутынского и духовной Климента Новгородца второй половины XIII в. В Мстиславовой грамоте буква «ж» имеет еще древнюю форму, во вкладной Варлаама «ж» отличается более неровной формой, верхушка «ж» явно укорачивается и нижняя половина удлинняется. По словам В. Н. Щепкина, в XIII в. устанавливаются новые и различные способы написания этой буквы⁸. Любопытные изменения происходят с буквой «и». Первоначально она пишется наподобие современной буквы «н». Такое начертание, сохраняющееся в XI и XII вв., мы находим в Мстиславовой грамоте. Во вкладной Варлаама перекадина в букве «и» порой начинает делаться в виде косой черточки слева направо, в духовной Климента перекадина в букве «и» явно поднимается выше середины и проводится в виде косой черточки. По наблюдениям В. Н. Щепкина в XIII в. «прибывают новые типы [и]: «и» с лежащей перекадиной сверху, «и» с косой перекадиной в середине и, наконец, «и» с косой перекадиной сверху»⁹. Наши наблюдения над палеографией вкладной Варлаама подкрепила своими наблюдениями М. В. Щепкина, много лет работающая над рукописями Исторического музея.

В подлинности грамоты убеждает нас и ее орфография, типичная для конца XII — начала XIII в. (въдале Варламе, рьль, Вьлос и т. д.). Эта орфография находит аналогию в орфографии списков Смоленского договора 1229 г., в котором «е» нередко употребляется на месте «ь» и даже «ъ», что находит объяснение в известном факте падения глухих. Невозможно предполагать, чтобы в конце XIV — начале XV в. новгородцы столь блестяще умели подделывать почерк и орфографию XII — XIII вв., что даже такие ученые, как И. И. Срезневский, не суме-

⁸ В. Щепкин. Указ. соч., стр. 102—104 [изд. 2, стр. 115—117].

⁹ Там же, стр. 103 [изд. 2, стр. 115].

ли бы отличить позднейшей руки, а разоблачение многочисленных подделок XIX в. показывает, что подлоги являются и в наше время делом нелегким.

Нельзя также не удивляться утверждению автора, что «с точки зрения дипломатической, вкладная написана по формуляру, сходному с тем, который характеризует новгородские позднейшие частные акты XV в.» (стр. 305), причем никаких примеров опять не приводится. В действительности дипломатический анализ вкладной также не противоречит признанию ее подлинным документом конца XII — начала XIII в. Вкладная Варлаама имеет прямое сходство с известными нам новгородскими памятниками XII—XIII вв. Таково прежде всего начало грамоты, где имя Варлаама поставлено в третьем лице. Подобное же начало читаем в рядной Василия Матвеева на земли Шенкурского погоста, датируемой 1315—1322 гг.: «се би(ли) челом староста Азика и Харагинец и Ровда»¹⁰. Такое же начало находим в более раннем документе — рядной Тешаты, написанной до 1299 г. («се порядися Тешата с Якимомъ про складьство») ¹¹. Конец грамоты с заклятием («аще кто диаволом... и злыми человеки наважен цю хочет отъяти» и т. д.) совершенно сходен с такими же заклätиями грамоты Мстислава около 1130 г., грамоты Всеволода Юрьеву монастырю на Мячино до 1137 г.¹² и т. д. Совершенно иное наблюдается в новгородских данных и вкладных XV в., где подобные заклätия обычно отсутствуют¹³. Эта важная дипломатическая особенность грамот XII—XIII вв. осталась почему-то вне поля наблюдений С. Н. Валка. Ряд слов, употребляемых во вкладной Варлаама Хутынского, также говорит о ее древности. Таково слово «божница», употребляемое в значении церкви. Характерно, что в таком значении слово «божница» упоминается в Новгородской летописи («испсаша божницу Антонову»), а также в Хождении архиепископа Антония в Царьград («въ бозницы святаго Самсона»). В Новгородской летописи XIV—XV вв. православные храмы обычно именуются церквами. Позднейший подделыватель конца XIV — начала XV в., вероятно, поставил бы более употребительное в его время слово «церковь». Точно так же обозначение «гоголиных» ловищ, упоминаемых во вкладной, для позднейшего времени являлось анахронизмом, тогда как в XII в. ловля гоголей на Волхове еще являлась важным промыслом. Наконец, подделыватель конца XIV — начала XV в. не назвал бы Варлаама просто «Варлам Михалев сын», а наверняка приписал бы ему прозвище «преподобного», как Варлаам именуется уже в житиях и летописи.

¹⁰ Г. Е. Кочин. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1935, стр. 125.

¹¹ «Русско-ливонские акты». СПб., 1868, стр. 15.

¹² См. Г. Кочин. Указ. соч., стр. 46.

¹³ «Акты юридические». СПб., 1838, № 110 (1, 2, 3, 5, 6, 7), стр. 143—145.

Но и помимо палеографических и дипломатических указаний, за подлинность вкладной Варлаама Хутынского говорит еще одно обстоятельство — само содержание грамоты. В известном нам виде вкладная Варлаама явилась бы для конца XIV — начала XV в. совершенно беспредметной подделкой прежде всего потому, что она не обозначала границ Хутынской земли. Характерно, что в громадном большинстве новгородских вкладных и данных имеются указания на такие границы даже для XII в. Прекрасным примером являются грамоты Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю и Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, в подлинности которых не сомневается и сам С. Н. Валк¹⁴.

Построения С. Н. Валка, объясняющие причины предполагаемой подделки грамоты, мало обоснованы. Ссылаясь на Е. Е. Голубинского, автор относит начало почитания Варлаама к концу XIV — началу XV в., когда это почитание послужило, по его словам, «мотивом не только к построению церкви имени Варлаама и к сочинению его жития, но и к поискам реликвий, которые частью были собраны среди вещей XIV—XV вв., как поручи, и, возможно, крест, частью же были тогда же фальсифицированы под XII век, как, несомненно, фальсифицированы были в то время печати и, вероятно, фальсифицирована грамота» (стр. 306).

К сожалению, С. Н. Валк не дал себе труда подробнее рассмотреть вопрос о жизни Варлаама Хутынского и его посмертном почитании, а рассмотрение этого вопроса может дать для историка значительный и интересный материал. Древнейшее свидетельство о жизни Варлаама Хутынского находим в его житии, встречающемся уже в пергаменных рукописях. В. О. Ключевский относил это житие к концу XIII в. С. Н. Валк считает, что мнение Ключевского «теперь должно быть оставлено», так как А. И. Пономарев указал, что это житие впервые появляется только в прологах XV в. (стр. 303). Нельзя не поинтересоваться этому заявлению почтенного ученого, который прекрасно знает, что время появления списка еще не решает вопроса о времени появления того или другого памятника, дошедшего в данном списке. Известно, что древнейший список начальной летописи относится ко второй половине XIV в., а краткой редакции «Русской Правды» — даже к половине XV в., хотя никто не сомневается в подлинности этих памятников. Ведь и Ключевский аргументировал свое мнение не древностью списка жития Варлаама, а его содержанием. Между тем, в древнем проложном житии Варлаама есть сведения, любопытные для исследователя древней русской письменности.

По словам жития, Варлаам получил некоторое образование, «и грамоту извыче, и книги вся и пслѣмская толкования из-

¹⁴ Г. Кочин. Указ. соч., стр. 46—47 и 49—50.

выче». Житие точно называет ближайших наставников Варлаама, который ушел «в пусто место», имея наставника «бога и отца Перфирья и брата его Феодора и иную братию». Постриг принял Варлаам «въне града в пусе месте от прозвутера мниха некоего». Во вновь построенном монастыре он воздвиг «клетку малу» и жил здесь, «древо посекая и нивы творя». Слова жития о возделывании нив и рубке леса, возможно, следует относить к обычным житийным шаблонам, но в конце XII в. монастырь был уже построен. По словам того же проложного жития, Варлаам «възградив церковь малу во имя Преображения святого спаса и бысть монастырь честен и черньци быша мнози молитвою его». О построении этой церкви сохранилось указание в Новгородской древней летописи под 1192 г.: «постави църковь вънизу на Хутине Варлаам църнець, а мирьскимъ именемъ Алекса Михалевиць въ имя святого Спаса Преображения; и святию владыка архепископ Гаврила на праздник и нарече манастырь»¹⁵. По словам проложного жития, Варлаам умер вскоре после того, как «приде ис Константинаграда сверьстник его Аньтонию». В 4-й Новгородской и 1-й Софийской летописях 1193 г. показан годом смерти Варлаама. Рядом с этим стоит известие позднейшего жития, что Варлаам умер, успев достроить церковь только до верха дверей. Но древнее житие связывает смерть Варлаама с приездом Антония из Царьграда, о чем так сообщается в Новгородской летописи под 1211 г.: «пришьл Добрына Ядрейковиць из Царяграда и привезе с собою гроб господень, а сам пострижесе на Хутине у святого Спаса...» Более доверяя указанию жития и летописи, как свидетельствам древнейшим, приходится признать, что Варлаам умер около 1211 г., так как еще в 1207 г., по летописи, Прокша Малышевич постригся на Хутини «при игумене Варламе»¹⁶. Следовательно, вкладная Варлаама должна датироваться примерно 1211 г., а не 1192 г., как обычно.

Показания древнего жития подтверждаются Новгородской летописью, и притом в ее древнейшем списке, написанном не позднее половины XIV в. Следовательно, у нас имеются все основания думать, что житие было составлено не в конце XIV — начале XV в., как думает С. Н. Валк, а гораздо ранее, возможно при жизни Антония. Вместе с тем житие и летопись позволяют установить, до некоторой степени, тот круг общества, из которого вышел Варлаам. Сам он в миру звался Алекса Михалевиць и принадлежал к богатому роду. В летописи под 1176 г. упоминается Михаль Степановиць, поставивший церковь на Чудинцеве улице. О нем как о посаднике говорится под

¹⁵ «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888, стр. 164—165 [«Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 40].

¹⁶ Там же, стр. 187, 189 [там же, стр. 50, 52].

1180 и 1186 гг. О посаднике Михалке, а не Михале Степановиче сообщается и под 1203 и 1206 гг. Характерное отчество Варлаама «Михалевиць» сближает его с посадником Михалем Степановичем. В таком случае Варлаам был сыном виднейшего новгородского боярина — родоначальника целого рода посадников. Антоний, сверстник же Варлаама, впоследствии Новгородский владыка, в миру Добрыня Ядрейкович, был сыном воеводы Ядрея, ходившего в 1193 г. на Югру. В монастыре Варлаама постригся Прокша Малышевич, в иночестве Порфирий — тоже новгородец знатного рода. Все это цвет тогдашнего новгородского общества, и это обстоятельство в немалой мере способствовало славе и процветанию Хутынского монастыря. Эти знатные новгородцы были связаны между собою тесными узами. Прокша Малышевич постригся на Хутыни и умер в 1207 г. В 1211 г. сын его Вячеслав Прокшиничь создал каменную церковь 40 мучеников. Вячеслав также постригся на Хутыни в 1243 г. На Хутыни постригся Добрыня Ядрейкович, позже Новгородский архиепископ Антоний, снова вернувшийся в монастырь в 1228 г. «по своей воле». В 1223 г. на архиепископство был введен чернец Арсений «с Хутыни». К этой среде знатных новгородцев принадлежал и Варлаам Хутынский. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после Варлаама остались некоторые дорогие предметы. Сохранился же, например, крест его друга архиепископа Антония. Тот же Антоний, по крайней мере, два раза был в Царьграде и оставил описание своего «хождения», в котором он не без удивления замечает о монастыре Иоанна Предтечи в Константинополе: «а сел не держат, но божиею благодатию и пощением и молитвами Иоанна питаеми суть»¹⁷. Замечание очень типичное для русского монаха, привыкшего питаться за счет сел. Следует ли удивляться тому, что в подобной среде могла возникнуть мысль о закреплении монастырских прав на землю особым письменным документом?

Таким образом палеографические, орфографические, дипломатические и исторические показания неопровержимо свидетельствуют о подлинности вкладной Варлаама Хутынского, составленной около 1211 г. и являющейся ценнейшим документом по истории земельных отношений Руси XII—XIII вв.

КУПЧАЯ И ДУХОВНАЯ АНТОНИЯ

Вопрос о подлинности купчей и духовной Антония Римлянина, дошедших в поздней копии XVI в., является весьма трудным. Е. Е. Голубинский и В. О. Ключевский считали купчую грамоту поддельной, а духовную — древней, но подновленной. С. Н. Валк считает оба памятника поддельными и возникшими

¹⁷ «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12 столетия». СПб., 1872, стр. 41.

в конце XVI в. в связи с тяжбой посадских людей с властями Антониева монастыря. Историю возникновения этих подложных, по мнению С. Н. Валка, памятников можно представить примерно следующим образом: «Ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. не было почитания памяти Антония ни общего, ни местного, и потому-то Антоний не попал в число святых. Несомненно, что это и послужило толчком к агиографической работе. Уже в 1550 г. «находят» в Новгороде тот камень, на котором Антоний «приплыл» сюда из Рима. Только с этого времени его начинают называть Римлянином; в 1573 г. Ивану IV предъявляют духовную уже как «чудотворцеву» грамоту, чего в 1549 г., по-видимому, сделать не могли бы еще. Таким образом, вслед за камнем чудотворца была обретена его духовная и еще через несколько лет составлено житие» (стр. 300).

Попробуем рассмотреть, к какому времени относится появление купчей и духовной Антония Римлянина. В 1573 г. эти документы уже существовали, как показывает правая грамота 1573 г., на которую ссылается С. Н. Валк и которая вместе с другими документами напечатана в «Истории Российской иерархии» Амвросия.

В грамоте 1573 г. говорится, что игумен Мисаил с монахами «с духовной список Онтонья чудотворца клали, что деи были чудотворцова купля Онтоньева, пашенная земля и луг под монастырем, и ту де землю и луг отняли ноугородцы при прежних днаках без моего царева и великого князя ведома насильством, а не ведомо почему припустили к пасьбе; а купил деи ту землю Онтоний чудотворец пречистые в доме (!) у Семена да у Прокша у Ивановых детей посадничь, а дал на той земле и на лугу сто рублев».

Посадские люди ссылались на свои правые грамоты, о которых имеются сведения в грамоте царя Федора Ивановича 1591 г., где указывается, что игумен Антониева монастыря Кирилл жаловался на то, что посадские люди завладели «старою их пашенною землею и лугом релью, что им тое землю купил у Смехна да у Прохна у Ивановых детей посаднича при себе в дом Онтоний чудотворец». Пятиконецкие старосты, представлявшие интересы людей Софийской и Торговой сторон, называли эту землю городovým пастбищем. Обе тяжущиеся стороны представили оправдательные документы: посадские люди положили «правые грамоты, что им дали судьи Григорий Воынской да Иван Соколов в 68 (1560) году», а монастырские власти — списки «с духовных, купчих, с ободных грамоты Онтония чудотворца» и жалованную грамоту Ивана IV. Дело было решено в пользу монастыря. При этом в грамоте 1591 г. характеризовались документы тяжущихся: «В списке с духовных грамоты Онтонья чудотворца написано: «купил землю Онтоней чудотворец при себе в дом Рожеству Пречистые богородицы у посадни-

ков новгородских у Семена да у Прокофия у Ивановых детей посадничих, и дал на той земли сто рублей новгородских, а обод той земли написан... А хто на сию землю наступит, и то управит божия мати, или хто сию духовную преступит и начнет творити насильство на месте сем, да будет проклят тремя sty святыи отец и осьмию на десять и буди ему со Иудею причастие». В числе же доводов, выдвинутых против доказательств посадских людей, фигурировал следующий мотив: «Да и потому новгородских посадских людей приговорили обинити, что правая у новгородских людей драна, верх у ней отодран». Посадские люди говорили, что грамоты у крепости были, да утерялись в новгородский разгром, но и до разгрома в правой грамоте 1560 г. на ту землю и рель ничего не было написано, кроме обысков посадских людей¹⁸.

Замечательно, что посадские люди не оспаривали подлинности купчей и духовной, хотя споры о подлинности документов вовсе не редкость в тяжёбных делах XVI в. Спор шел не о праве владения землей, а касался обвода спорной межи. Поэтому обвод земли и был сделан в 1560 г. обыском посадских людей, а в 1591 г. этот же обвод производили заново при помощи представителей от посадских людей и попов, так как показания купчей Антония были очень неопределенны, что говорит само по себе, конечно, больше в пользу подлинности, чем подложности этого документа, так как поддельватели были бы заинтересованы в установлении постоянной межи.

В тех же документах имеются указания на спорную землю. Так, грамота 1591 г. отметила, что «в том же обODE, что Онтоней чудотворец в своей духовной грамоте обод земли написал,— живут изстари новгородские посадские черные тяглые люди, солодожники и кузнецы и котельники». Эти тяглые люди платили подати с новгородским посадом вместе, а поземом и судом тянули вместе с монастырем¹⁹. Действительно, в Новгороде XVI в. существовал особый Антоновский конец. В 1541 г. «бысть пожар в Оньтоновском конци...выгорело 100 дворов да полмонастыря у Пречистой в Радоговицах под самой ручей»²⁰.

В 1549 г. «в Онтоновском конци и Молодожниках» («Молодожник» — по-олонецки молодой лес) снова произошел пожар. Упомянутый монастырь в Радоговицах стоял за внешним валом по береговой дороге в Антоново. Здесь же протекает река Витка, упоминаемая в грамотах 1573 и 1591 гг. и в купчей Антония Римлянина²¹. Таким образом подтверждаются слова грамоты 1591 г. о том, что на земле Антоњева монастыря сидели по-

¹⁸ Амвросий, архим. История Российской иерархии, т. III. М., 1811, стр. 154—162.

¹⁹ Там же, стр. 174, 175.

²⁰ «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 70, 78.

²¹ В. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 88—89.

садские люди. Следовательно, монастырь пользовался своими правами на землю задолго до предполагаемой С. Н. Валком даты возникновения купчей Антония Римлянина. Купчая вовсе не внезапно появилась в 1573 г., а существовала раньше.

Теперь обратимся к вопросу об отношении купчей и духовной к житию Антония Римлянина. Прежде всего возникает вопрос, когда было написано житие. Известно, что Е. Е. Голубинский приписывал составление этого жития монаху Нифонту, написавшему в 1598 г. похвальное слово Антонию и принимавшему деятельное участие в открытии мощей Антония в 1597 г. К этому мнению безоговорочно, без дополнительной проверки, присоединяется С. Н. Валк. Но вопрос вовсе не решается так просто, как думают названные ученые. Житие помещается в рукописях обычно вместе с похвальным словом и сказанием о преложении мощей и о чудесах Антония. Эти составные части одного целого возникли явно в разное время. Так, некоторые описания чудес относятся к первой половине XVI в. Заметна и разница между стилем жития и сказания Нифонта. Поэтому надо думать, как это высказывалось уже в литературе, что житие возникло ранее сказания об открытии мощей и было только переделано Нифонтом. Следы переделки заметны в том, что в житии об игумене Андрее говорится в третьем лице, а в надписании житие приписывается его авторству. В рукописях житие обычно помещается вместе со сказанием об обретении мощей Антония, написанным в 1597 г. и очень любопытным по своему панегирическому тону в отношении Бориса Годунова. В одном из лучших списков жития и сказания, помещенном в Чудовских Минеях 1600 г. (ГИМ, собрание Чудовское, 310, январская книга) находим ссылку на автора жития: «Списано тоя же обители учеником священноиноком Андреем, иже бысть отец его духовный» (л. 755). Ту же ссылку находим в другом списке конца XVI в. (Чудовское, № 21/323). Андрей, упомянутый в летописи под 1147 г., конечно, не мог быть автором жития, носящего все черты позднейшего сочинительства. Но автор жития имел под руками не только легенды, но и текст купчей и духовной. Так, в житии сказано: «Имения же преподобный ни от кого же не восприят, ни от князь ни от епископа». В духовной читаем: «Не приях ни имения ото князя, ни от епископа». Ниже в житии говорится: «Аще лучится избрати игумена, но избирати от братии, иже хто на месте сем тръпит» (л. 772). В духовной: «А кого изберут братья и от братьи ниже хто в месте сем терпит». Далее в житии Антоний говорит: «О братия моя, егда седох на месте сем, купил есмь село сие и землю и на реци сей рыбную ловитву... и аще хто начнет обидити вас или наступати на сию землю, ино им судит мати божия». В купчей: «А кто на сию землю наступит, то управит мати божия». Во всех приведенных случаях в житии встречаемся с более новым текстом, чем в купчей и духовной.

Таким образом с несомненностью выясняется, что житие пользовалось купчей и духовной Антония Римлянина как источниками. Следовательно, эти документы уже существовали ко времени возникновения жития. Не житие вызвало появление купчей и духовной, а наоборот.

По своему характеру житие Антония напоминает известную повесть о белом клобуке и написано было «римляном на угрозу и проклятие», а своим сказочным характером перекликается с такими памятниками конца XV — начала XVI в., как сказание о князьях владимирских, повесть о граде Вавилоне и т. д. В этих условиях принимает особый смысл указание на Андрея как автора жития, так как известен Андрей, игумен Антониева монастыря в 1499 г.²² Нифонт мог уже не знать, о каком Андрее шла речь, и сделал автора жития современником Антония. Действительно, некоторые черты жития говорят, что автор его, кроме купчей и духовной Антония, пользовался некоторыми другими источниками. Так, в житии указывается, что Антоний приплыл в Новгород при епископе Никите и князе Мстиславе Владимировиче. Эта дата совпадает с записью в Летописце новгородским церквам Божиим под 1106 г.: «Приплыл в Великий Новгород из Рима преподобный отец наш Антоний, жил 40 лет»²³. Между тем, житие сообщает, что Антоний жил «до игуменства лет 14, в игуменстве же бысть лет 16 и всех лет поживе во обители 30». По ранее же приведенному счету, он должен был со времени пришествия прожить 40 лет. Такая путаница легко объясняется тем, что Нифонт сделал поправки к житию на основании летописи, из которой он выписал сведения об Антонии, так как Антоний по 1-й Новгородской летописи умер в 1147 г., а впервые упоминается в 1117 г.

Поправки, внесенные в житие, создали полную хронологическую путаницу, ибо источники жития связывали прибытие Антония с епископом Никитой, а в 1117 г. был уже не Никита, а Иван. Но в источниках жития была другая, и притом точная, дата прибытия Антония в Новгород: цитируем ее по похвальному слову: «Бысть же в лето шесть тысящное шестьсот четвертое на десять, месяца сентября в пятый день на память святого пророка Захарии, отца Предотечева, во дни княжения, благоверного и христолюбиваго во православии всеа вселенныа на концех восиявшему, наипаче же во царех присветлейшему и преславному государю великому князю тогда Святополку Изяславичю, внуку премудраго великаго князя Ярослава киевскому и всеа Руси, в Великом же Новеграде бе у них тогда князь Мстислав Владимеричь Манамахов сын, внук Всеволодов; правящу же тогда кормила церковная святейшему гос-

²² «Новгородские летописи», стр. 60.

²³ Там же, стр. 187.

подину епископу Никите чудотворцу»²⁴. При всем хитросплетении словес автора похвального слова перед нами выясняется точная дата прибытия Антония — 5 сентября 6614, т. е. 1105 г., когда в Киеве действительно княжил Святополк, в Новгороде — Мстислав, а новгородским епископом был Никита.

Так похвальное слово внезапно обнаруживает перед нами какой-то письменный и притом достоверный источник, которым оно пользовалось. Из этого источника и попала цифра 40 лет монашества Антония в некоторые летописи. Не менее интересно и другое обстоятельство. Похвальное слово написано было на основании жития, так как начинается словами: «Сего преподобного отца житие ясно сказахом». Между тем в похвальном слове говорится, что мощи Никиты были обретены через 450 лет и три месяца после его смерти, которая произошла в 1108 г. Сложение (1108+450) дает 1558 г., время начала Ливонской войны, что объясняет нам выражение похвального слова: «Воинство ж его во всех языцех супостатых укрепи, агарьяньский язык и германьский род покори под нозе его»²⁵. Значит, житие существовало уже до 1558 г. Не является доказательством позднего происхождения жития и то обстоятельство, что Антоний не был канонизирован в 1547 и 1549 гг., так как на этих соборах не были канонизированы и другие святые, даже Иосиф Волоцкий, хотя существовало по крайней мере два жития Иосифа.

Есть указание, что празднование памяти Антония происходило уже в 1533 г. Именно, в отрывке Новгородской летописи под 1533 г. сообщается следующее: «Того же лета, месяца августа в 2 день, основана бысть церковь камена Сретение Господа нашего Исуса Христа во Антониеве монастыре, ту же престол и преподобного отца Антония, трапеза камена, при игумене Геронтии». Еще яснее говорится об освящении этих церквей в 1537 г.: «В лето 7045 (1536) сентеврия в 8 день, на честный праздник Рожества святых Богородицы, освящена бысть церковь каменная в Антонове монастыре, в трапезе Сретение Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, того же дни преподобного Антония, тут то же служба, единого дни оба храма священы»²⁶. Известно, что другого Антония (египетского) всегда именovali Антонием Великим. С этим согласуется сведение о том, что в монастыре в XIX в. было еще цело евангелие с припискою: «Лета 7045 (1537) евангелие сие дал в дом рожества пречистой и к преподобному отцу Антонию»²⁷. С большим вероятием можно думать, что ко времени празднования существ-

²⁴ Житие Антония Римлянина, л. 61 об.—62 по рукоп. Востряковского собрания № 1053, ГИМ, полуустав XVII в.

²⁵ Там же, л. 74.

²⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 291 и 300.

²⁷ Филарет. Русские святые. Чернигов, 1864, август, стр. 19, прим. 26.

вовало и житие. А так как купчая и духовная были источниками жития, то, следовательно, эти документы существовали уже в первой половине XVI в., задолго до 1573 г., предполагаемой даты их «подделки».

Что автор жития мог пользоваться древними источниками, видно из его пояснения к непонятному термину «готфин», которого он считает грецином. В более раннее время в Новгороде жители острова Готланда были постоянными гостями и имели свой готский двор. Таким же древним воспоминанием являлось прозвище Антония «Римлянин». Со свойственной ему категоричностью Голубинский отверг мнение о западноевропейском происхождении Антония: «Монахи монастыря, современные Нифонту (и во главе их он сам), заключили по сим вещам (реликвиям, оставшимся после Антония.— М. Т.), что он был иностранец западного латинского языка». Но слово «римлянин» применялось не к одному Антонию и в XII—XIII вв. имело определенный смысл. Так, в житии Александра Невского, которое, по общему мнению, является памятником XIII в., ярл Биргер назван королем части «Римьскыя от полунощныя страны»²⁸. «Часть Римская» — это часть Священной Римской империи (в широком смысле слова все католические земли), о существовании которой было известно в Новгороде и к которой могли причислять и Швецию. Римлянин-латынянин — это прозвище не было выдуманно монахами, а наоборот, дало толчок к созданию легенды о приплытии Антония из Рима. Недаром же и лиможские эмали, хранившиеся в монастыре, относятся к XII в., а фрески Антоньева монастыря, в отличие от других новгородских росписей, особенно близки к западным (указание члена-корреспондента Академии Наук СССР В. Н. Лазарева).

Житие Антония возникло не в конце XVI в., а значительно раньше, в начале этого столетия. Это мнение не опровергается отсутствием жития Антония в Макарьевских Четях-Минеях. Теперь ясно, что Четьи-Минеи включили далеко не все жития, известные в то время. Достаточно сказать, что древнее житие Ефросина Псковского, написанное в XV в., не попало в Четьи-Минеи, как и некоторые другие памятники.

Обратимся теперь к личности автора купчей и духовной. Для биографии Антония у нас есть памятник краткий, но зато вернейший — 1-я Новгородская летопись.

В летописи Антоний появляется впервые под 1117 г. «Игумен Антон заложи церковь камяну святыя Богородицы монастырь». В 1119 г. церковь эта была построена, в 1125 г. «испсаша божницу Антонову», а в 1127 г. «обложи тръπεζницу камену Антон игумен Новегороде». В 1147 г. сообщается уже

²⁸ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития.— ЧОИДР, 1915, кн. 3, разд. II, приложение, стр. 111 [В. И. Малышев. Житие Александра Невского.— ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 189].

о смерти Антония²⁹. Другие летописи добавляют еще одну дату: в 1131 г. архиепископ Нифонт поставил Антония игуменом³⁰. История монастыря, при всей ее краткости, позволяет все же говорить об его основателе. Антоний, по словам духовной, каково бы ни было ее происхождение, «не приял имения ото князя, ни от епископа», следовательно, строил монастырь на свои средства. Тем более следует удивляться великолепию монастырских строений и предполагать, что в лице Антония мы встречаемся с монахом из богатого рода. Вероятно, он вышел из новгородских бояр, связанных с иноземной торговлей, откуда возникло предание об его римском происхождении. Большое значение Антониева монастыря уже в XII в. доказывается тем, что монастырь упомянут в известной грамоте Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опоках, наряду с Юрьевым монастырем: «а на третий день пети игумену святей богородици из Онтонова монастыря, взять ему полгривне серебра». Как видим, личность Антония привлекала к себе достаточно внимания еще в XII в. за несколько столетий до предполагаемой подделки реликвий, связанных с его именем.

Обратимся теперь к непосредственному изучению купчей и духовной Антония Римлянина.

Купчая Антония Римлянина обычно заподозревается в подложности на том основании, что денежный счет ее ведется на рубли, тогда как древний счет шел не на рубли, а на гривны. Однако такая поправка древнего текста вовсе не редкость в наших источниках. При переписке купчей денежный счет в ней был подновлен и переведен на рубли, из ста гривен (в духовной — «на селе есмь дал гривен сто») получилось сто рублей. Наряду с этим в купчей имеются черты, указывающие на древность первоначального текста. Таково начало купчей: «се труд, госпоже моя, пречистая богородица». Слово «труд» в значении работы, труда, деятельности, старания, заботы, встречается в древних памятниках³¹. Так, в поучении Мономаха читаем: «А се вы поведая, дети моя, труд свой». В вводном поучении к Мерику Праведному, в списке XIV в., которое, по-видимому, восходит уже в XII в., читаем: «Се труд мой пред тобою».

В той же купчей находим слово «обвод той земли», или обод, которое в других грамотах заменяется словом «завод». В данной Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю читаем: «а завод той земли», т. е. совершенно ту же формулу, что в купчей Антония. Добавим здесь же, что сама купчая является в сущности не купчей, а вкладной («се труд,

²⁹ «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку», стр. 121, 123, 124, 137 [«Новгородская Первая летопись...», стр. 20, 21, 27].

³⁰ «Новгородские летописи», стр. 6—7.

³¹ И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 1007—1008.

госпоже моя, пречистая богородица»), в которую внесен другой документ, собственно купчая, со слов «купил есми». В купчей говорится, что Антоний купил землю «у Смехна да Прохна у Ивановых детей у пасадничьих»³². Термин «дети посадничьих» является сравнительно поздно, примерно в XIV в., но ранее этот термин мог просто обозначать родство. Под новгородской формой имен Смехна и Прохна, т. е. Семена и Прокопия, могут скрываться действительные люди XII в. Не лишне отметить, что заклятие в конце грамоты («а кто на сю землю наступит, а то управит мати божия») является типичным для XII—XIII вв. Устав церкви Ивана на Окопах закликает именами Ивана и Захария (в храме был его придел), данная Мстислава Юрьеву Монастырю — св. Георгием, данные Всеволода тому же монастырю — также св. Георгием, данная Изяслава Пантелеймонову монастырю — св. Пантелеймоном. Стоит только проглядеть новгородские купчие XIV—XV вв., чтобы увидеть в них отсутствие подобных заклятий³³. Что касается купчих XVI в., к которому С. Н. Валк относит подделку документа, то они еще более отличны от примитивной формы документов XII в. Здесь мы опять подходим к вопросу, каким образом предполагаемый «составщик» XVI в. мог так ловко подделать купчую, что сохранил некоторые особенности документов XII в., — вопрос, на который и не пытается ответить С. Н. Валк.

Что касается духовной Антония, то она еще меньше может быть заподозрена в подложности, так как в ней даже денежный счет ведется на гривны. Этот документ, впрочем, представляет гораздо больший интерес для историка, чем обычно думают. Мы знаем уже, что духовная совершенно правильно называет имя епископа Никиты, при котором Антоний начал строить монастырь. Для подлинности грамоты характерно титулование Никиты просто епископом, а не архиепископом, что, вероятно, сделал бы позднейший подделыватель, знавший, кроме того, о канонизации Никиты, о чем в духовной нет и намека, тогда как житие Антония уже называет Никиту чудотворцем.

Отдельные выражения духовной также не противоречат ее древности. В ней говорится, например, о сиротах в смысле холопов или зависимых людей («и братии и сиротам и zde крестьяном досажая»). В поучении новгородского архиепископа Илии читаем: «а сиротам не мозите великой опитеми давати: пишеть бо в заповедех: сущим под игом работным на полы даяти заповеди». Чрезвычайно интересно употребление в духовной слова «свобода» и «и даю я свободу и поручаю место се на игуменство». Уже церковный устав Владимира в числе церковных имений называет «свободы» («и по свободам, где нъ суть христиане») в одинаковом смысле слова с духовной Антония.

³² Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 48, 49.

³³ «Акты юридические», № 71, стр. 110—119.

Характерно, что слово «свобода» по словарю И. И. Срезневского показано лишь для XI—XIII вв. и не заходит далее 1333 г. Наоборот, «слобода» упомянута впервые под 1237 г., да и то в позднем академическом списке Суздальской летописи; это слово господствует в XIV—XV вв., на месте старого термина «свобода». Здесь предполагаемый подделыватель XVI в. опять обнаруживает непостижимое знание термина XII столетия, а не более позднего времени. Характерно, что и слово «терпеть» («хто в месте сем терпит») типично для ранних памятников XI—XII вв., как это видно из подборки в материалах И. И. Срезневского.

Итак, текст духовной ничего не дает в пользу признания ее подложным документом и, наоборот, полон архаизмов. Таковым является и заклятие 318-ю святыми отцами (Никейского собора). Наконец, и слово «причастье» в смысле соотношения, связи, характерно также для ранних памятников XI—XII вв.³⁴

Резюмируем все сказанное: 1) Житие Антония Римлянина было составлено не в конце XVI в., а значительно раньше (в конце XV или начале XVI в.) на основании легенд и письменных источников; 2) в числе этих источников были купчая и духовная Антония; 3) оба эти памятника были составлены в XII в. и являются подлинными, а не подложными.

ДАННАЯ ЧЕРНИЦЫ МАРИНЫ

С. Н. Валк считает подложной и данную «рабы божией Марины черницы» суздальскому Васильевскому монастырю, так как особенностями этой грамоты внушают некоторые сомнения в ее подлинности. Грамота сохранилась только в списках XVI в., причем на обороте ее показано «рукоприкладство духовного села Романовского попа Семена». С. Н. Валку эта грамота известна по копиям XVI в. из собрания Головина и Румянцевского сборника. Однако существовала третья копия, хранившаяся в библиотеке Васильевского женского монастыря в Суздале. Копия написана «красивым старинным скорописным почерком с титлами и без знаков препинания, на столбце» и завершена подписью архимандритом Феодосием³⁵.

Основное доказательство, которое приводит С. Н. Валка к мысли о подложности данной, заключается в несоответствии ее содержания с датой. В списках грамота датирована 6761 (или 6760), т. е. 1253 г., в грамоте же упомянут князь Дмитрий Константинович Суздальский. Валк считает, что в грамоте речь идет о суздальском великом князе Дмитрие Константиновиче,

³⁴ И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 278, 358—359, 414.

³⁵ «Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии». Владимир, 1913, стр. 235—236.

умершем в 1383 г. и названном в монастыстве не Дионисием, как указывает грамота, а Федором. Таким образом, не помогает и попытка считать дату грамоты (6761—1253 г.) испорченной (из 1353 г.). Следует отметить, что и другие историки считают дату грамоты испорченной, но относят ее к XIV в., впрочем не сомневаясь в ее подлинности. Так, в учебнике истории СССР для вузов эта грамота отнесена к 1353 г.³⁶ Кроме того, по мнению С. Н. Валка, «дипломатические признаки грамоты, наличие датировки и рукоприкладства, относят грамоту ко времени не ранее конца XV века» (стр. 307). Нельзя отрицать, что доводы для признания грамоты Марины подлогом относительно убедительны, но эти доводы тотчас же начинают относиться, если мы откажемся от необходимости связать имя Дмитрия Константиновича с XIV в. Уже в упомянутой статье «Спутника по древнему Владимиру» князем Дмитрием Константиновичем нашей данной признается углицкий князь, умерший в 1249 г.

Углицкий князь Дмитрий Константинович в наших летописях зовется также Владимиром. Мы можем именами этого Дмитрия Константиновича и его жены Марины объяснить происхождение нашей данной. В известии о смерти Дмитрия Константиновича в 1249 г. говорится, что он умер «в Володимери декабря 27»³⁷. Таким образом устанавливается непосредственная связь этого князя с Владимиром и соседним с ним Суздалем. Жену этого Дмитрия (Владимира) Константиновича звали Евдокией³⁸, но она могла носить и второе, иноческое имя Марины, кстати распространенное в XIII в. в Суздальской Руси.

Но можно выдвинуть и другую гипотезу, еще более удовлетворительно объясняющую происхождение данной Васильевского монастыря. Известна княгиня Марина, которая, по нашим летописям, умерла в 1279 или 1280 г.³⁹ Она была женой убитого в 1238 г. князя Всеволода Константиновича Ярославского. Против этого можно возразить, что грамота знает не Всеволода, а Дмитрия Константиновича, однако обычай носить двойные имена общеизвестен. В роде суздальских князей вторым именем Всеволода обычно было Дмитрий. Таков был Всеволод—Дмитрий Большое Гнездо, Всеволод—Дмитрий Юрьевич (ум. в 1237 г.). Тогда мы находим обоих искомых лиц: князя Всеволода—Дмитрия Константиновича и его жену Марину. Во всяком случае, поиски княгини Марины и ее мужа Дмитрия Константиновича не могут быть бесполезными. Грамота упоминает не вымышленных, а действительных лиц, и уже это ука-

³⁶ «История СССР», т. I. Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина. М., 1939, стр. 202.

³⁷ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 69.

³⁸ Там же, стр. 76.

³⁹ Там же, стр. 77.

зывает, что к ней надо отнестись осторожнее, чем это делает С. Н. Валк. Придумать же в XVI в. имена Дмитрия Константиновича и его жены Марины, как это полагает С. Н. Валк, так, чтобы эти имена совпали с подлинными деятелями XIII в., во всяком случае, было трудно ⁴⁰.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «РЯД»

Одним из решительных доказательств в пользу позднего появления русских частных актов является отсутствие, по мнению С. Н. Валка, документальных указаний на письменную запись частных актов, так как слово «ряд» в «Русской Правде», как думает названный автор, обозначает только словесное действие. Конечно, статьи «Русской Правды» не дают возможности сказать, имеем ли мы в «ряде» письменный документ или просто словесную сделку, но у нас есть способ узнать, что обозначал ряд в древней Руси: для этого следует посмотреть словоупотребление этого термина в древних источниках. «Ряд» принадлежит к числу слов, имеющих много значений: строй или ряд, строка, пространство между строками, боевой порядок, торговый ряд, порядок, черед, очередь, степень и чин, разряд, управление, благоустройство, устав, правило, распоряжение, завешание, дело, договор, уговор и условие, работа, назначение и пр.⁴¹ Из этого длинного списка выделяются те термины, которые относятся определенно не к словесным действиям, а к письменным документам. Так, духовные грамоты московских князей XIV в. знают слово «ряд» в значении письменного документа. Иван Калита пишет в своей духовной: «Даю ряд сыном своим, княгини своей». Такое же значение этому слову придает еще более ранний документ — проект договора Смоленска с немцами первой половины XIII в.: «А ряд мой с немьци таков» ⁴². Еще раньше то же значение этого слова находим в летописи по отношению к договору Олега с греками: «Посла Олег мужи свои построить мира и положить ряды межи Греки и Русью». Конечно, можно заявить, что термин «ряд» употребляется в значении письменного документа только в публичных актах, но и это в корне неверно. В известной «рядной» Тешаты читаем: «а кто сии ряд переступить, Яким ли, Тешата ли, тот дасть 100 гривен серебра» ⁴³. В том же значении письменного договора термин «ряд» употребляют другие документы ⁴⁴.

⁴⁰ Недавно нами найден еще один список данной Марины (в Отделе письменных источников ГИМ). По почерку он относится к XV в. Цифра 700 (ф — «пси») в дате написана так, что напоминает 900 (ц). Не является ли настоящая датой 6961 (1453 г.)? Тогда Марину надо искать в XV в.

⁴¹ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 231—235.

⁴² «Русско-ливонские акты», стр. 451.

⁴³ Там же, стр. 15.

⁴⁴ И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 234—235.

В свете подобного значения слова «ряд» по-новому представляются и некоторые статьи «Русской Правды». «А второе холопство — читаем мы в ней, — поймать робу без ряду, поймать ли с рядомь, то како ся будеть рядил, на том же стоять; а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду; с рядомь ли, то како ся будеть рядил, на том же стоять»⁴⁵. Если Тешата и Яким могли рядиться о складстве, нет ничего невероятного, что «ряд» о холопстве в «Русской Правде» представлял собой письменную запись. В статье о малых детях дается предписание передать их на руки родственников «с добытком и с домом», «а товар дати перед людьми», в конце же добавляется: «аче же и отчим приметь дети с задницею, то тако же есть ряд». Так как возвращение детям имущества мыслится после их совершеннолетия, т. е. спустя много лет, то слово «ряд» в данном случае лучше всего подходит к письменному документу.

Что «Русская Правда» знала уже письменные записи, доказывается тем, что в числе расходов («накладов») включены были пошлины в пользу писца: «писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногате»⁴⁶.

Подведем некоторые итоги нашему исследованию. Русские уже в XII в. производили запись частных актов. Драгоценным свидетельством этого являются вкладная Варлаама, дошедшая в подлиннике, купчая и духовная Антония, сохранившиеся в поздних и поновленных по языку копиях. Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а, вероятно, и ранее — в XI столетии, что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время.

⁴⁵ «Правда Русская», т. I, стр. 452.

⁴⁶ Там же, стр. 434.

НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Установление христианства на Руси было крупнейшим историческим событием. Оно отметило важный этап в развитии феодальных отношений на Руси и победу новых феодальных отношений над отживающим родовым строем с его язычеством. В культурной жизни древней Руси утверждение христианства обозначало присоединение ее к традициям Византии и эллинизма с их замечательной письменностью и искусством.

Таковы громадные последствия утверждения христианства на Руси, ясные и заметные для историков. Значительно менее, однако, ясны ход утверждения христианства на Руси и даже время его появления, хотя этому и посвящен ряд исторических трудов. Из них особенно выделяются две многотомные монографии Макария и Голубинского. Но со времени выхода даже более близкого к нам по времени труда Голубинского прошло уже полсотни лет, и многие положения, высказанные в нем, устарели и требуют пересмотра. Среди исследователей, занимающихся этим вопросом, следует упомянуть М. Д. Приселкова, Н. М. Никольского и С. В. Бахрушина. За последние же годы выходили только статьи, затрагивавшие отдельные вопросы истории христианства на Руси. Даже в известных трудах Б. Д. Грекова, посвященных истории Киевской Руси, кратко говорится о крещении Руси в 989 г. Правда, истории христианства на Руси посвящены и некоторые работы, напечатанные за пределами СССР. Но нельзя без горечи не отметить крайней тенденциозности некоторых из этих работ (Пашкевича, Стендер-Петерсена, Баумгартена), построенных почти на полном отрицании русских источников, хотя авторы и трактуют историю Руси, обнаруживая слабое знание русской церковной практики и литературы. Поэтому новейший исследователь истории христианства на Руси находится в более неблагоприятных условиях по сравнению с другими исследователями, изучающими иные вопросы истории Руси IX—X столетий.

Официальной датой установления христианства на Руси считается «крещение Руси» в 989 г. при князе Владимире Свято-

славиче. Но эта дата в сущности обозначает лишь наиболее заметный исторический факт: признание христианства официальной религией Киевской Руси. Этому предшествовал длительный период утверждения христианства на Руси, так как распространение религиозных воззрений является процессом гораздо более длительным, чем признание той или иной религии официальным вероисповеданием.

В свою очередь крещение Руси в 989 г. не было окончательным триумфом христианства на Руси, и потребовалось длительное время, прежде чем христианство сломило язычество. Этот период утверждения и распространения христианства в древнерусских землях продолжался, примерно, столетие с лишним.

Древняя русская письменность знала 3 версии источников христианства на Руси. По одной из них, христианство было принесено на Русь апостолом Андреем, проповедовавшим в Скифии. Андрей воздвиг крест на киевских холмах и предсказал, что на них будет стоять великий град и «воссияеть благодать божия». Другая версия связывала христианство на Руси с апостолом Павлом и его учеником Андроником, на престол которого был поставлен епископ Мефодий. Тем самым появление христианства на Руси связывалось с деятельностью «первоучителей словенских» Кирилла и Мефодия. Третья версия источником христианства на Руси делала Византию. Эта версия впоследствии признавалась русскими церковными кругами официальной.

Красивая легенда об апостоле Андрее, льстившая самолюбию киевлян, явно возникла в Киеве. Она была основана на представлении о том, что апостолы проповедовали христианство по всей вселенной («и во все концы земли вещание прейде»). Вопрос о проповеди христианства в Скифии, естественно, выходит за пределы этого доклада. Труднее сделать выбор между ролью Византии и «моравской миссией» Кирилла и Мефодия, но было бы неправильно делать этот выбор на основании разрозненных известий. Этот вопрос, кажется, легче всего решить, сделав краткий обзор положения восточнославянских племен в IX—X вв. по отношению к христианским странам того времени.

Русская письменная традиция исходила в основном из мысли, что христианство распространялось на Руси в первую очередь на юге, тогда как северные и восточные русские земли оставались еще долгое время языческими. И эта традиция отражает действительный факт.

Племена славян и кривичей, населявших позднейшие Новгородскую, Полоцкую, Смоленскую и Ростово-Суздальскую земли, были отделены от Западной Европы обширными пространствами, населенными западными славянами и народами Прибалтики и Литвы. Скандинавские народы, с которыми северные русские племена вели оживленные сношения, также не

были еще обращены в христианство, и процесс христианизации Швеции и Норвегии скорее шел замедленным, чем ускоренным путем по сравнению с Киевской землей. Во времена составления «Русской Правды», даже в XI столетии, варяги считались на Руси язычниками («варяг крещения не имея»). Обращение в христианство новгородцев произошло только после того, как христианство уже прочно утвердилось на юге Руси.

В более благоприятных условиях оказались западнорусские племена, соседившие с Польшей, Чехией и Венгрией. Но не следует забывать, что Польша сама христианизировалась только во второй половине X в. Поэтому непосредственное распространение христианства из ее пределов и пределов более отдаленной от Руси Чехии могло идти только, примерно, с этого времени. Предполагать же непосредственное влияние миссии Кирилла и Мефодия на древнерусские земли крайне затруднительно ввиду отдаленности расстояния, хотя эта миссия высоко почиталась в древнерусской письменности.

В наиболее близком соседстве с христианскими странами оказались славянские племена, жившие в районе Понта — Черного моря.

Ближайшим к Руси византийским владением был Таврический полуостров со старинным Херсонесом, по-русски — Корсунью. Археологические исследования установили присутствие большого славянского элемента в Херсонесе уже в X в. Несомненным свидетельством постоянной заинтересованности киевских князей в «Корсунской стране» в это столетие являются статьи договоров Руси с греками. В них определялось право херсонесцев-корсунян ловить рыбу в устье Днепра. Те же договоры запрещали русским зимовать в Белобережье, стоявшем при днепровском устье. Здесь земли, населенные славянами, смыкались с владениями Византийской империи. Присутствие славян в Крыму объясняет, почему византийские авторы называли русских «тавроскифами». Широкое распространение на Руси имело почитание корсунских икон и крестов, возможно, производимых в херсонесских мастерских. Высоко почиталась на Руси и память херсонесского святого — папы Климента.

Значительный славянский элемент находим и на Таманском полуострове, где в XI в. существовало самостоятельное русское княжество в Тьмутаракани. Византийские владения в Крыму были ближайшими к Киевской земле районами, откуда могли идти первоначальные миссионеры христианства среди восточнославянских племен. Не забудем, что земли двух славянских племен в IX—X вв. — уличей, или угличей, и тиверцев — непосредственно примыкали к Черному морю. Как ни противоречивы сведения об этих племенах, можно утверждать, что уличи первоначально жили по нижнему течению Днепра («и беша сидяще углице по Днепру въниз»), если верить Новгородской летописи, сохранившей в этом случае более старый текст, чем

«Повесть временных лет». Это известие тем более ценно, что оно относится к середине X в.

Летопись рассказывает, что другое славянское племя, тиверцы, жило по Днестру до моря и Дуная. По летописи тиверцев прозвали «толковинами». Из различных объяснений этого слова наиболее вероятным остается представление о том, что слово «толковины» обозначает толмачей, переводчиков, в данном случае людей, знакомых с другим, нерусским, языком, в частности с греческим.

Поселения тиверцев непосредственно примыкали к Болгарии. Вдоль берегов Черного моря шел морской путь из Руси в Болгарию и Византию. Этим путем русские совершали свои походы на Константинополь, как об этом говорят летописные рассказы о походах 943 и 1043 гг. Этот путь подробно описан Константином Багрянородным.

К южным славянским племенам и относится известие о первом крещении Руси в середине IX в. Это событие связано с нападением Руси на Константинополь, которое летопись относит к 866 г., а новейшие исследования к 860 г. Обстоятельства первого крещения Руси подробно рассмотрены в книге М. В. Левченко о русско-византийских отношениях. Наиболее спорным остается только вопрос о том, какая Русь крестилась в IX в., но сам факт обращения Руси в христианство в это время остается бесспорным, так как о нем сообщает в своих посланиях современник и деятельное лицо этого события патриарх Фотий. Он говорит о неудачном нападении «безбожной» (языческой) Руси на Константинополь и последующем за тем принятии Русью христианства. Византийские писатели (Скилица и Кедрин) рассказывают об этом событии с легендарными подробностями. В Никоновской летописи XVI в. также находим рассказ о крещении Руси во времена Аскольда и Дира. О крещении Руси и о князе Бравлине (Бравливе и пр.) рассказывает и житие Стефана Сурожского (Сурож — Судак в Крыму), дошедшее в русском переводе. Не все ясно в житии Стефана, но предположение о подложности этого жития, будто бы сочиненного каким-то русским автором в XV в., является невероятным, так как древнерусская письменность не знала подложных житий святых, а подробности, помещенные в житии Стефана, не могли быть выдуманы в XV в., так как они соответствуют действительности IX в.

Некоторые авторы считают «безбожную Русь», крестившуюся при Фотии, Киевской Русью. В частности, они ссылаются на то, что на могиле Аскольда была поставлена церковь, но древние летописи молчат о христианстве Аскольда и Дира. Вопрос о том, где надо помещать Русь, крестившуюся при Фотии, остается пока открытым. Но во всяком случае, ее надо искать в странах, сопредельных с Черным морем и Византийской империей. Можно с основанием предполагать, что первые христиан-

ские общины на Руси возникли уже во второй половине IX столетия.

Крещение Руси при патриархе Фотии оставило большой след в русской церковной традиции. Еще в XI—XII вв. христианство на Руси считалось утвердившимся при патриархе Фотии в IX в. Поэтому в некоторых произведениях этого времени имеем странный анахронизм, по которому современником Фотия был князь Владимир, крестивший Русскую землю в 989 г. «Крестися Владимир и взя у Фотиа патриарха Цареградцкого первого митрополита Киеву», — читаем в некоторых летописях. Патриарха Фотия как просветителя Русской земли называет и такой ранний памятник, как церковный устав князя Всеволода XII в.

Точная локализация «безбожной Руси», напавшей на Константинополь в 860 г. и принявшей вслед за тем христианство, пока невозможна, — была ли это Крымская, Азово-Черноморская или Киевская Русь? Но нельзя не отметить того, что византийцы считали, что эта Русь жила поблизости от Тавра в Крыму, и называли ее скифским народом. Между тем и русская летопись, перечислив народы и племена, собранные в начале X в. князем Олегом в поход на Константинополь, замечает: все они назывались греками Великая Скифия («си вси звахуся от грек Великая Скуфь»).

Начатки христианства установились на Руси уже во второй половине IX в., и можно предполагать, что новая религия в какой-то мере удержалась среди славянского населения Крыма и южной Руси, а, может быть, и Киевской земли. Во всяком случае мы уже находим вполне сформированную христианскую общину в середине X столетия в Киеве. Договор 944 г. киевского князя Игоря с византийскими императорами рисует перед нами картину совместного существования в Киеве двух религий: «христианая» и «некрещеная» Русь уживаются рядом. Язычники клянутся выполнять договор на холме перед идолом Перуна, христиане присягают в церкви св. Илии. Летописное добавление к договору сообщает, что это была соборная церковь («се бо бе сборная церковь»). Последние слова ценны для определения времени летописного известия о договоре 944 г. Летописец писал уже после утверждения христианства в Киеве. Он указывал в прошлом на холм, где стоял Перун и в настоящем времени на церковь св. Илии («яже есть»), которая раньше была соборной церковью. Значит, во время составления летописной записи соборной церковью была другая, предположительно, Десятинная церковь, освященная в 996 г. Известие о церкви Илии было написано после этого года, и, видимо, вскоре, так как память о том, что церковь Илии была некогда соборной, оставалась еще свежей.

Церковь Илии стояла «над Ручаем, конец Пасинче беседы», то есть над ручьем. Пасинками в Киевской Руси назывались

дружинники, беседа — легкое строение, место для беседы. Таким образом, соборная церковь стояла поблизости от княжеского дворца и домов дружинников, и это отчасти объясняет нам причины княжеской терпимости к христианству. Летописец тут же поясняет, что многие варяги были христианами («мнози бо бша варязи хрестеяне»). Впрочем, широкие обобщения, делаемые на основании этих слов, о варягах-дружинниках как о своего рода пионерах христианства на Руси не имеют опоры в источниках. Большинство дружины сохраняло языческую веру, как видно из того, что Игорь и его «люди» клялись по-язычески («ходи Игорь рото и люди его, елико поганых Руси»).

Посвящение соборной церкви в Киеве X в. пророку Илье вводит нас в обстановку борьбы христианства с язычеством. Христианская церковь на Руси заменяла языческих богов соответствующими святыми, придавая им некоторые языческие атрибуты. Так, пророк Илья, изображаемый на иконах едущим по небу на огненной колеснице, явно был призван заменить Перуна-громовержца. В древних русских городах мы почти всюду находим церкви в честь Ильи. Почитаемый язычниками Велес объединился с таким же покровителем скота св. Власием. На новгородских иконах Власий изображался окруженным скотом еще в XIV в.

В 944 г. христианство уже было если не господствующей, то терпимой религией в Киеве. Но появление христианства в Киеве надо отодвинуть к более раннему времени. Так, сообщив о договорах Олега с императорами, летопись добавляет, что русским послам в византийской столице были показаны христианские реликвии. Греки старались обучить их своей вере («учаще их к вере своей»). Если даже это только предание, то и в этом случае оно интересно как свидетельство о непрекращающихся попытках греческой церкви обратить русских в христианство.

Свидетельство договора 944 г. о существовании христиан в Киеве тем более ценно, что этот договор — источник официальный, бесспорность которого несомненна. Недавно польский ученый С. Микуцкий доказал соответствие договора византийской дипломатической практике X в.

Христианство пустило еще более глубокие корни на Руси при княгине Ольге, сделавшейся регентом государства после смерти Игоря. По летописи, Ольга приняла христианство в Константинополе, но некоторые исследователи считают, что она была уже христианкой, когда приезжала в византийскую столицу. По Голубинскому, Ольга приняла христианство около 954 г., а в 957 г. посетила Константинополь. Константин Багрянородный описывает церемониал приема Ольги с ее спутниками и отмечает, что при ней был священник (пресвитер). По летописи, Ольга держала при себе пресвитера, который ее и похоронил.

Эти указания ценны для понимания того, как была организована на Руси христианская церковь. По-видимому, на Руси в это время еще не существовало епископии, и вопрос об ее создании являлся возможной причиной прибытия Ольги в Константинополь.

Вопрос об установлении постоянной церковной организации на Руси, возглавляемой епископом, сделался уже назревшим. Этим, видимо, объясняется обращение Ольги (Елены) к германскому императору Оттону I, о чем имеем известия в германских хрониках. По просьбе княгини в 961 г. был послан на Русь епископ Адалберт, но он был изгнан язычниками. Посольство к Оттону I могло явиться результатом разногласий русских князей с византийскими императорами. На них намекает и наша летопись в форме иронического ответа Ольги на домогательства императора прислать к нему рабов, воск и мед, а также воинов «в помощь». Время обращения Ольги к германскому императору совпадает с христианизацией Польши и усилением польско-чешских связей. К этому времени и может относиться начало русско-чешских связей, нашедших отражение в появлении на Руси легенд о Людмиле, Вячеславе и других чешских святых. Славянская письменность, созданная Кириллом и Мефодием, с этого времени и начинает оказывать свое влияние на христианскую Русь.

Княжение Ольги можно считать той эпохой, когда христианство окончательно утвердилось на Руси. Молодой князь Святослав, сын Игоря и Ольги, не препятствовал исповеданию христианства. По словам летописи, он не запрещал креститься, но только осмеивал принимавших христианство. В ответ на упрашивание матери принять новую веру Святослав ссылался на дружину, которая начнет смеяться, если он примет христианство. Ссылка на дружину крайне интересна, так как она обнаруживает ту среду, которая сопротивлялась принятию новой веры.

Русские книжники справедливо видели в Ольге предшественницу Владимира, крестившего Русскую землю. Она была,— читаем в древнем источнике похвалу Ольге,— впередищей в Русской земле, как денница перед солнцем и как заря перед светом.

Какова же была обрядность и каково было устройство русской церкви во второй половине X в.? К сожалению, на этот вопрос можно ответить только гипотетически. Как известно, христианская обрядность неразрывно связана с письменностью, так как христианское богослужение не мыслится без церковных книг, без апостола, евангелия и т. д. На каком же языке составлялись эти книги? Были предположения, что они были написаны на греческом языке, но нет никаких доказательств, что первоначальные киевские христиане по какой-то причине отвергали вошедшее уже в обиход богослужение на их родном языке. Предположение об этом тем более необоснованно, что в X сто-

летию усилились сношения Руси с Болгарией, с ее уже достаточно богатой славянской письменностью. Единственный пока памятник русской письменности X в. — надпись на сосуде, найденном в Гнездове у Смоленска и относящемся к первой половине X в., написана кириллицей и имеет сходство с эпиграфическими памятниками Болгарии того же времени. В русскую летопись вставлены некоторые известия болгарского происхождения, а древнейшие месяцесловы русских святых знают не только греческих святых, но и Параскеву Пятницу и Иоанна Рыльского, почитаемых в Болгарии. На Руси были распространены многие рукописи болгарского происхождения, в том числе роскошные сборники (Изборник 1073 года, Златоструй), составленные при болгарском царе Симеоне в первой половине X в. Большинство исследователей древнерусской литературы прямо говорит о переносе болгарской письменности на Русь. Есть все основания предполагать, что русская церковная обрядность X в. опиралась на болгарскую письменность. Во всяком случае, никаких намеков на какую-либо другую письменность в русской церковной практике X в. мы не имеем.

Меньше 20 лет отделяют кончину Святослава от крещения Руси при Владимире. События на Руси после смерти Святослава характеризуются непрерывными столкновениями между его сыновьями: Ярополком, Олегом и Владимиром. Победа осталась за Владимиром, опиравшимся на варягов, приведенных из Скандинавии, «из-за моря». Эта победа была ознаменована Владимиром установлением официального языческого культа в Киеве. На холме были поставлены идолы Перуна и других богов, Перун имел серебряную голову и золотые усы. Создание идольского святилища в Киеве сопровождалось языческими жертвоприношениями. Жертвой их стали два варяга, отец с сыном, причем летописец подчеркивает, что этот варяг пришел из Греции. Общая картина торжества язычества в Киеве напоминает языческую реакцию в Болгарии в середине X в. Проводниками языческой реакции были Владимир и его дружина, приведенная с севера, основу которой составляли варяги. Языческая реакция и явно демонстративно устроенное идольское святилище на холме были ответом на сопротивление, оказанное Владимиру его братом Ярополком. Два известия отчасти поясняют, каково было отношение Ярополка и его брата Олега к христианству. Ярополк был женат на греческой монахини, которую Святослав взял в плен в Болгарии и выдал замуж за сына. Характерно, что летописец называет монахиню женой Ярополка, а не его наложницей, как это подчеркивает, говоря о происхождении самого Владимира, сына Святослава и ключницы, рабыни Малуши, следовательно, «рабичича». Таким образом, женой Ярополка оказывается христианка. Хотя летопись ничего не говорит об отношении Ярополка к христианству, но под 1044 г. сообщает о том, что «кости» Ярополка и Олега были вы-

копаны из могил, окрещены и положены в Десятинной церкви. Этот акт станет наиболее понятным при допущении, что оба князя считались потенциальными христианами, но еще не успевшими принять крещение.

Владимир утвердился в Киеве в 980 г., а уже через 9 лет принял христианство. Объяснить такой быстрый переход от язычества к христианству легче всего тем, что Владимир нашел в Киеве среду, прочно связанную с христианством. Перемена веры была явно связана с тем, что Владимир путем обмана удалил из Киева пришедших с ним варягов, требовавших с Киева откуп как с побежденного города. Тем самым опровергаются домыслы (Баумгартена) о совете варяжских вождей Владимиру принять христианство. Варяги и были той средой, которая поддерживала язычество и по удалении которой Владимир обратился к христианству.

Рассказ о дальнейших событиях, приведших к крещению Руси в 989 г., крайне запутан в летописи так называемой «корсунской легенды». Она оказалась настолько живучей, что и в настоящее время рассказ о крещении Руси неизменно связывается с походом Владимира на Корсунь. Между тем этот поход был только звеном в завоевательной политике Владимира в первые годы его княжения. В 981 г. Владимир взял польские города Перемышль и Червень. В том же году произошло покорение вятичей, а вслед за тем ятвягов и радимичей. В 985 г. Владимир ходил походом на Камскую Болгарию. В 988 г. начался поход на Корсунь, где Владимир будто бы крестился. Однако и летописец говорит о существовании других рассказов о крещении Владимира, по другим версиям Владимир крестился в Киеве или Василеве. И эти версии не менее вероятны, чем корсунская легенда. В частности, рассказ о крещении Владимира в Василеве имеет некоторое подтверждение в самом названии города — как города Василия, от христианского имени самого Владимира или Василия.

Летопись сохранила повествование о колебаниях Владимира, какую религию он должен избрать: мусульманство, иудейство или христианство, но это только воспроизведение религиозных споров на Руси X—XI вв. Правда, проф. Захoder опубликовал известие Марвази о крещении Руси и посольстве Владимира к хорезмшаху с просьбой наставить русских «в законах ислама», но этот факт отражает главным образом сношения Руси с Хорезмом в Средней Азии. Самый факт обращения за миссионерами мусульманства в Хорезм невероятен, так как никаких сведений о мусульманской пропаганде на Руси мы не имеем. Христианство по греческому обряду давно уже утвердилось на Руси, и выбор веры не зависел от единоличной воли князя.

Обстоятельства похода Владимира на Херсонес достаточно известны, как и подробности обращения киевлян в христианство. Обряд крещения киевлян был совершен сразу над многоты-

сячной толпой, сошедшейся по приказу князя к Днепру. Люди стояли в воде, а священники читали молитвы. При такой массовости совершения обряда не могло быть речи о каком-либо глубококом наставлении в новой вере, и летописец сохранил воспоминание о том, что язычники («невернии люди») оплакивали уничтожение идола Перуна, ввергнутого в Днепр.

Красочным рассказом о крещении киевлян в Днепре очень часто заканчивается повествование об утверждении христианства на Руси в 989 г. Распространение христианства в других русских землях изображается почти в виде триумфального шествия. В действительности же христианство долгое время оставалось религией общественных верхов и встречало ожесточенное сопротивление. Языческие «требища», святилища, были разорены в Новгороде посадником Добрыней, но сила языческих воззрений была еще так велика, что даже в 1071 г. языческие жрецы, «волхвы», перетянули на свою сторону почти всех горожан, а епископ и князь оказались без их поддержки.

С еще большими затруднениями проповедники христианства встретились в Ростово-Суздальской земле. Позднейшие сказания о первых епископах Ростово-Суздальской земли, Исаии и Леонтии, дают картину жестокого сопротивления язычества христианству, жертвой которого пал Леонтий. Житие Авраамия, архимандрита Богоявленского монастыря в Ростове, рассказывает о почитании идола Велеса в «Чудском конце» в Ростове. Голубинский потратил много усилий, чтобы доказать позднее возникновение жития Авраамия, в котором упоминается князь Борис (умер в 1015 г.), так как совершенно невероятно относить время жизни Авраамия к такому раннему времени. Но он не знал о существовании особого жития Авраамия, в котором его современниками названы князья Борис и Ярослав и великий князь Владимир. Между тем князья Ярослав и Борис Святославичи действительно жили в начале XII в., при великом князе Владимире Мономахе. Придумать имена этих двух малоизвестных князей позднейший автор не мог, исказить же их имена, спутав с прославленным святым Борисом, было нетрудно. Сила язычества особенно проявилась в Ростово-Суздальской земле во время восстания «волхвов» в 1071 г. Еще раньше такое же восстание языческих жрецов произошло там же в 1024 г.

Еще позже христианство утвердилось в Муромской земле. Старое предание рассказывало о страшной битве под городом. Язычники («неверные люди») сражались с князем Константином Святославичем. Время княжения этого князя относится к концу XI или началу XII в. Совсем поздно приняли христианство вятичи. И здесь обращение язычников в христианство было запечатлено мученичеством (монаха Кукши). Археологические раскопки в стране вятичей показали, что в XII—XIII вв. у них сохранялись языческие погребения, и даже в XIV в. в непосред-

ственном соседстве с Москвой, куда была перенесена русская митрополия, сохранились языческие обряды. Эти обряды сохранялись на Руси еще многие годы, и современный русский человек, празднующий масленицу, следует древнему славянскому обряду проводов зимы.

Религиозные воззрения русского, украинского и белорусского народов, происшедших от одного корня древнерусской народности, долгие годы отличались двоеверием: сочетанием христианских верований и обрядов с языческими. Почитание рода и рожаницы, тайные моления в овинах, жертвы для богов, моления и гадания у языческих волхвов становятся темой церковных обличений. Двоеверие особенно упорно держится среди крестьян, в кругах же феодалов устанавливаются христианские мировоззрение и обряды, впрочем, чаще всего соблюдаемые только формально.

Установление христианства как официальной религии на Руси привело к важным последствиям. Первым из них было установление прочной церковной организации. К сожалению, начальная летопись по неясной причине умалчивает об установлении митрополии на Руси и говорит безлично: «и нача ставити по градам церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градам и садом». Отсюда проистекает неясность, какое имя носил первый русский митрополит. Новгородские летописи называют его Леонтом, а особая повесть о крещении Руси — Михаилом.

Причины умолчания летописи о первом митрополите, видимо, кроются в каких-то недоразумениях между греческой и вновь образованной русской церковью. Оставляя в стороне запутанный вопрос о русских митрополитах при Владимире, отмечу только, что существование епископии на Руси при Владимире несомненно, так как о совещании князя с епископами говорит летопись. Впрочем, какие-то особые узаконения первоначальной русской церкви при Владимире видны в том, что Десятинная церковь, строительство которой было закончено в 996 г., получила в пожалование десятину, которая в некоторых рукописях характеризуется как «десятая векша» (белка, денежная единица) от всякого княжеского суда, десятая неделя от каждого торгового и десятая доля от дани. Сбор десятины был вручен Анастасу Корсунянину, который по летописи был священником.

В общем списке греческих епископов русская митрополия, как известно, занимала невысокое место. Русские митрополиты ставились константинопольским патриархом и по преимуществу были греками. Поставление на митрополию Иллариона, родом «русины», особо отмечено летописью. Попытки свергнуть высшую юрисдикцию константинопольского патриарха, приведшие к поставлению на митрополию Климента Смолятича в XII в., кончились неудачей и были осуждены самими русскими епископами. Это стремление сохранить зависимость от далекого и

чужеземного церковного главы проявлялось не только на Руси, но и в других средневековых странах. Оно соответствовало стремлению духовенства сохранять свое привилегированное положение и особый суд, находившийся в руках высшего иерарха. Константинополь для русской церкви имел то же значение, что и Рим для европейских католических стран. Следствием подчинения константинопольскому патриарху и назначения греческих епископов на Русь явилась постоянная связь русской церкви с константинопольской патриархией, связь очень прочная, в силу чего русская церковь усиленно поддерживала греческую церковь в ее борьбе с католической. Поэтому уже в летописный рассказ о крещении Руси в 989 г. вставлены выпады против католической церкви. Католическая церковь обвиняется в том, что она развратила веру, священники ее будто бы берут по одной жене, а другие совершают церковные службы, имея и седьмую жену. По словам Макария, такое обвинение против католиков можно было выдвинуть только до реформ папы Григория VII, т. е. не позже середины XI в.

Греческая письменность при посредстве болгарской письменности и легла в основу русской церковной обрядности. Однако уже в XI в. появляются многие переводы непосредственно с греческого на русский. Эта переводческая деятельность особенно развилась при Ярославе Мудром. Он собрал многих писцов и переводил с греческого на славянское письмо. Действительно, церковная русская литература поражает обилием книг греческого происхождения. Среди них находим жития святых и труды церковных авторов первых веков христианства — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Широко были развиты философско-монашеские произведения: различного рода патерики, жития святых, поучения Исаака Сирина и т. д. К сожалению, переводная церковная русская литература еще плохо изучена. В еще меньшей степени она изучена по сравнению со своим главным источником — греческой литературой, и здесь возможны интересные открытия, если отказаться от навязчивой идеи о второстепенном значении русских переводов по сравнению с греческими подлинниками, особенно, когда такие греческие подлинники вообще не сохранились.

От XI в. дошли до нас памятники оригинальной русской церковной литературы, которая также изучена еще очень слабо. В рукописях имеется большое количество слов и поучений русского происхождения ранней эпохи. В русской церковной литературе появляются крупные произведения. К их числу, например, относятся произведения Кирилла Туровского с их поэтическими сравнениями.

С конца X в. начинает развиваться русское церковное искусство, быстро приобретающее свои национальные черты. По своей архитектуре русские церкви первых веков христианства на Руси примыкают к византийским, но отсюда поспешно делать

вывод о несамостоятельном характере русского искусства. С таким же правом можно было бы упрекать в несамостоятельности и искусство многих стран Западной Европы, так как, например, романский стиль отнюдь не является принадлежностью какой-либо одной страны. Русь примыкала по своему искусству к обширной сфере византийского, точнее говоря, эллинистического искусства, сохранив многие замечательные традиции этого великого искусства, свойственного странам, примыкавшим к восточным берегам Средиземного моря и области Черного моря.

Принятие Русью христианства по церковному греческому обряду связало в дальнейшем русскую церковь с православным востоком. Когда же Византийская империя и страны Ближнего Востока были завоеваны Турецкой империей, русская церковь приняла самостоятельную организацию, вначале автокефальную митрополию, позже патриаршество.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА В КИЕВСКОЙ РУСИ

(рецензия на книгу С. В. Юшкова¹)

В книге С. В. Юшкова, почти одновременно вышедшей на русском и украинском языках, заново рассматривается вопрос о феодализме в Киевской Руси с учетом всей вышедшей за это время литературы, в том числе и книги акад. Б. Д. Грекова — «Киевская Русь». Книга проф. Юшкова написана почти на ту же тему, что и работа Б. Д. Грекова. Но оба указанных труда ни в какой мере не дублируют друг друга, а скорее, взаимно дополняют и контролируют. Это два новых исследования, совершенно независимых по своим исследовательским методам и выводам. В частности, книга С. В. Юшкова ставит и принципиально новые положения, отсутствующие в работе акад. Грекова². Таковы главы о возникновении и первоначальном развитии феодальной монархии и о возникновении и развитии иммунитета. Ценной особенностью работы С. В. Юшкова является полное, почти исчерпывающее использование предшествующей литературы, посвященной истории Киевской Руси.

В 1-й главе труда проф. Юшкова рассматриваются основные черты общественно-экономического строя Киевской Руси. Как и акад. Греков, автор приходит к мысли, что «доказательства в пользу взгляда о земледелии как основной отрасли хозяйства восточного славянства в IX—X вв. многочисленны, разнообразны и, как нам кажется, исчерпывающи» (стр. 6). Эта общность взглядов на значение земледелия в Киевской Руси у обоих исследователей очень показательна. Впрочем, раздел 1-й этой главы, посвященный вопросу о развитии земледелия в Киевской Руси, в книге С. В. Юшкова невелик и является как бы введением к последующим разделам о сельской общине и ее разложении, о возникновении городов, возникновении патриархального рабства и т. д. В отличие от других исследователей С. В. Юшков возвращается к мнению Леонтовича о том, что «вервь-задруга — большая семья» (стр. 11). К сожалению, доказательства проф. Юшкова имеют несколько неуверенный ха-

¹ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

² Уже в 1925 г. С. В. Юшков напечатал интересную работу: «Феодальные отношения в Киевской Руси». — «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. III, вып. 4, Саратов, 1925, стр. 1—108.

раakter: он не столько приводит доводы в пользу своего мнения, сколько старается показать, что тексты источников могут быть истолкованы по-разному и, в частности, не так, как их интерпретирует Б. Д. Греков. Общий же вывод С. В. Юшкова, что вервь можно считать «большой семьей, находившейся в процессе разложения и превращавшейся в совокупность больших патриархальных семей, непосредственно входящих в состав сельской общины» (стр. 12), недостаточно обоснован. Точно такую же ответственность за преступления, совершенные на территории общины, какую знает «Русская Правда», знают и белорусские документы о копных судах XVI—XVII вв. Эти документы сохраняют даже терминологию «Русской Правды». А признание верви «большой семьей, находившейся в процессе разложения», фактически сводит вопрос к терминологическим различиям, так как речь идет уже не о задруге, а о чем-то ином, переходном к сельской общине.

Интересен у проф. Юшкова в 1-й главе раздел, трактующий о возникновении городов, очень содержательный при всей своей краткости. Но вопрос о возникновении патриархального рабства (стр. 24) изложен неконкретно, о чем можно пожалеть вдвойне, так как и в книге Б. Д. Грекова этот вопрос остался без должного рассмотрения, а между тем без изучения роли рабства остается неясным и вопрос о генезисе феодализма в Киевской Руси. К тому же в своих заключительных замечаниях (стр. 42) С. В. Юшков говорит, что уже в IX—X вв. началось разложение сельской общины, с чем он связывает возникновение рабства. Между тем источники X в. рисуют нам рабство сильно развившимся в Киевской Руси. Трудно представить, чтобы рабство в Киевской Руси получило свое развитие так поздно — только в IX—X вв.

Во 2-й главе труда С. В. Юшкова изучается «возникновение и развитие феодального землевладения, феодальной ренты и феодальной зависимости» (XI—XII вв.). Свое изложение проф. Юшков начинает с изучения княжеского землевладения. Автор совершенно правильно отмечает, что «развитие княжеского домена является одним из основных моментов феодализации в Киевской Руси» (стр. 50). Весьма наглядно представлено и развитие церковного землевладения, но раздел 2-й главы, трактующий о боярском землевладении, явно не удался автору: он не приводит ни одного примера боярского землевладения, за исключением позднего известия 1240 г.

Раздел о возникновении и развитии феодальной ренты и феодальной зависимости интересен стремлением автора говорить о формах феодальной зависимости в их динамическом развитии. Главы о превращении холопов в крепостных крестьян и закабалении сельского населения также очень богаты содержанием. По мнению С. В. Юшкова, «памятники определенно говорят о том, что основная масса холопов, за вычетом дворных (домаш-

них) холопов, живет не в рабских казармах, а в отдельных дворах, вместе со своей семьей, в своем доме» (стр. 61). Впрочем, в этой главе удивляет несколько странное использование «Русской Правды», неожиданное в книге, написанной знатоком и издателем текстов «Правды». Так, проф. Юшков на протяжении трех страниц заново пересматривает вопрос о «свойском» и «войском» коне. Но ведь сам же С. В. Юшков указывает, что все древнейшие списки «Русской Правды» говорят только о войском коне. Какую же цену может иметь новообразование XV в., сохранившееся в списках Карамзинской группы «Русской Правды», позднее происхождение которой доказано уже в новейшей литературе? Зачем же повторять весь спор о «войском» и «свойском» коне — спор, который давно просится в архив?

На стр. 64—65 без всяких оговорок говорится об уставе Владимира Мономаха, как о второй половине «Русской Правды». В свое время так высказывался и Ланге. Но ведь мнение Ланге, которое в недавнее время поддерживал опять-таки С. В. Юшков, было оспорено и не принято в науке. Взгляд на вторую часть пространной редакции «Русской Правды» как на особый устав Владимира Мономаха был опровергнут еще Карамзиным. Если С. В. Юшков вновь восстанавливает этот взгляд, то следовало бы его хотя бы кратко подтвердить. Здесь же отметим только то, что так называемый устав Владимира включал в свой состав и материал Краткой Правды, причем именно тот материал, который не вошел в первую часть пространной редакции Правды. Это является явным доказательством того, что первая и вторая части Пространной Правды возникли одновременно, с использованием одного общего источника. Пестрота и неслаженность второй части «Русской Правды», выделенной С. В. Юшковым в особый устав, особенно бросается в глаза именно тем, что известия о холопах разбросаны в ней по всему тексту. Вообще можно пожалеть, что С. В. Юшков не всегда прибегает к критике различных текстов «Русской Правды», а только приводит бесчисленные мнения историков—юристов (В. И. Сергеевича и др.).

Очень любопытен IV раздел 2-й главы под названием «Патронат». К сожалению, существование в Киевской Руси наиболее интересной группы патронируемого населения, закладников и прикладников, недостаточно доказано автором, так как все свидетельства, приведенные им, относятся к XIII в., и притом к его второй половине. Проф. Юшков делает ссылку на устав Владимира, но почему-то не приводит подлинного текста этого устава, хотя и подробно разбирает возможные значения слова «прикладник». Между тем в уставе Владимира находим следующее перечисление церковных людей: «вдовица, калика, сторонник, задушный человек, прикладник». Напомним, что слово «прикладывать» в значении «вступать в какие-то зависимые отношения» встречается и в «Русской Правде» («прикладывати к верви»), поэто-

му понимание С. В. Юшковым термина «прикладник» как зависимого и находящегося под патронатом церкви человека очень удачно. Именно в церковных кругах в первую очередь мог развиваться патронат. Наоборот, мало удачно объяснение проф. Юшковым термина «прошеник» как обозначающего должника, превращенного в холопа и получившего свободу; лучше объяснение этого термина, данное акад. Грековым: прошеник — человек, получивший исцеление и оставшийся под юрисдикцией церкви. «В самом деле, — спрашивает С. В. Юшков, — зачем нужна была «чудесно исцеленным» особая защита церкви?» (стр. 119). Ведь к таким исцеленным могли относиться и лица, принадлежавшие к верхушке общества (стр. 119). Но речь идет вовсе не о боярах и не просто об излечившихся больных. В Западной Европе были категории больных, которые после выздоровления оставались при церквях. На Руси такие «прошеники» (под другими названиями) и в XIX в. временно работали, например на Соловецкий монастырь. Вероятно, в древности их было значительно больше.

В специальном разделе С. В. Юшков говорит о возникновении и первоначальном развитии феодального города (стр. 131). Эта часть рассматриваемой книги затрагивает ряд больших и сложных проблем, связанных с изучением города. Замечания автора очень интересны, в частности интересно указание на «замковый» характер городов, к которым тянули городские округа. Но утверждение, что русский город в XII в. не имел собственного самоуправления, явно противоречит показаниям источников об участии в политической жизни горожан даже небольших городов, не говоря уже о Новгороде и Киеве. Допускает же С. В. Юшков возможность существования цехов уже в IX—XII вв. (стр. 140), что очень сомнительно.

В 3, 4-й и 5-й главах С. В. Юшков изучает возникновение и развитие класса феодалов и феодально зависимого крестьянства, феодальной монархии и иммунитета. Рассмотренные в этих главах вопросы большей частью поставлены впервые и получили интересное разрешение. Таков V раздел 3-й главы о развитии бенефициальной и ленной системы в Киевской Руси (стр. 153). С. В. Юшков приходит к выводу: «Есть все данные предполагать, что все основные формы служебно-поземельных отношений раннего западноевропейского средневековья — и феодалы и бенефиции — существовали в Киевской Руси с XII в.» (стр. 158). Действительно, только такой вывод и можно сделать при чтении русских памятников XII в. Значительно слабее выяснен С. В. Юшковым вопрос об оформлении класса феодально зависимого крестьянства (стр. 160). С. В. Юшков готов отнести к очень раннему времени создание из феодально зависимого крестьянства наследственного сословия. Он указывает, что исчезают названия: «изгой», «прикладник», «прошеник», «пущеник», «задушный человек». Они поглощаются новым термином «сиро-

ты», а затем названием «крестьяне» (стр. 162). Но ведь термин «крестьянин» появляется не ранее XIII в., а термин «сирота» в XII в. вовсе не обозначал только земледельцев, причем он упоминается уже в поучении новгородского архиепископа Илии второй половины XII в. в значении зависимого человека вообще. В Киевской же Руси в основном господствует термин «смерд». Вообще «установление принципа сословности» (стр. 163) едва ли началось на Руси ранее XII в., и совсем напрасно С. В. Юшков ссылается на случай с новгородским архиепископом (а не епископом) Сергием, относящийся к концу XV в. А что и в начале XV в. класс феодалов не превратился в замкнутое сословие, доказывает история о Колоцком монастыре, основатель которого сделался типичным феодалом без пожалования от князя, а только благодаря своему богатству. С особой полнотой С. В. Юшков разработал вопрос о феодальной монархии. Эта область в истории Киевской Руси фактически разработана в науке впервые. Юшков указывает, что уже при Владимире и Ярославе сложилась «система семейных по форме, вассальных по существу территориальных отношений» (стр. 175). С этим можно согласиться. Но вызывает серьезные возражения тезис о создании «сюзеренитета великого князя, который не прикрывается властью отца» (стр. 177) и «внешним выражением которого является владение киевским столом» (стр. 179). Каким же сюзереном является, например, Изяслав Мстиславич по отношению к другим князьям, по отношению к Юрию Долгорукому и известному галицкому князю Владимиру? Здесь аналогия с феодальными порядками некоторых западноевропейских стран, например с Францией, будет очень натянута. Поэтому и сам С. В. Юшков говорит, что «подчинение младших князей иногда выражалось в одном формальном признании старейшинства» (стр. 180). Настоящая феодальная лестница (стр. 181), о которой говорит С. В. Юшков,— дело позднейшее.

Последняя, 5-я глава говорит о местных особенностях феодализации. Эту попытку С. В. Юшкова осветить историю феодализма в отдельных княжествах следует приветствовать.

В целом книга С. В. Юшкова должна быть признана свежим, ценным и интересным исследованием. Ясность изложения, стремление делать определенные выводы из сложных построений очень облегчают ее чтение, хотя это иногда и ведет к излишней социологизации изложения. С. В. Юшков дает широкую картину экономической и политической жизни Киевской Руси, наиболее полно освещая рассматриваемые вопросы примерами XII в. Многие из положений проф. Юшкова будут пересмотрены, но общая картина феодальных отношений в Киевской Руси, нарисованная им, останется ценным вкладом в науку.

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

(рецензия на книгу Б. Д. Грекова¹)

Труд академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь» выходит уже 4-м изданием, что является несомненным показателем читательского интереса к этой работе. Новое издание не представляет собой простого воспроизведения старого: книга не только пересмотрена в отдельных своих частях, но и дополнена главой об организации военных сил восточных славян и Киевского государства, а также главой об истоках русской культуры и культуры Киевской Руси. Впрочем, автор заранее предупреждает, что он не считал нужным менять что-либо в основных своих положениях, надеясь переубедить своих оппонентов или заставить их еще раз задуматься над спорными вопросами.

Книга Б. Д. Грекова делится на три основные части. В первой рассматривается вопрос о феодальных отношениях в Киевской Руси, во второй дается краткий очерк политической истории Киевского государства, в третьей — очерк культуры Киевской Руси. Первая часть не только наиболее обширная, но и наиболее важная, потому что в ней автор излагает свои взгляды на общество Киевской Руси как на общество феодальное; две другие, в сущности, служат дополнением к первой части.

Основное положение автора об обществе Киевской Руси как обществе феодальном в настоящее время стало общепринятым в науке. Исследование характера общественных отношений в Киевской Руси на основе принципов марксистско-ленинской науки является несомненной заслугой Б. Д. Грекова, как и определение того места, какое занимало восточное славянство и образованное главным образом им Киевское государство во всемирно-историческом процессе. Некоторые вопросы истории Киевской Руси поставлены и разрешены академиком Б. Д. Грековым заново. Так, впервые с особой полнотой исторических, археологических и лингвистических доказательств рассматриваются воп-

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь. М., 1944. В дальнейших ссылках на это издание в тексте указываются только страницы рецензируемой книги.

росы о земледелии в Киевской Руси, о времени появления на русской почве землевладения и землевладельцев, об организации крупной вотчины X—XI вв.

Ценность книги Б. Д. Грекова заключается в том, что в ней Киевская Русь показана как важный этап мировой истории и истории СССР в частности. Автор изучил основные вопросы хозяйственной, политической и культурной жизни восточнославянского общества в период создания громадного государства. Сельское хозяйство и сельскохозяйственная техника, организация крупной вотчины и землевладения, общественные классы и группы, политический строй и основные черты культуры Киевской Руси рассмотрены автором с большой полнотой. Нельзя не отметить и того, что Б. Д. Греков пользуется не только письменными свидетельствами, но и всей совокупностью письменных, археологических, лингвистических и этнографических данных на основе больших работ, выполненных советскими учеными за последние годы.

Громадные знания автора, тонкий анализ отдельных исторических памятников, привлечение большого числа разнообразных источников, умение даже на основании скурых исторических данных развернуть перед читателем широкую панораму общественных отношений в Киевской Руси делают книгу Б. Д. Грекова ценным трудом по истории СССР.

Б. Д. Греков правильно считает, что для понимания процесса, приведшего к образованию в средневековой Европе большого Киевского государства, необходимо проследить развитие производительных сил в восточнославянском обществе. Поэтому он подробно останавливается на сельском хозяйстве и сельскохозяйственной технике древней Руси. Общий вывод Б. Д. Грекова таков, что в Киевской, Новгородской и Суздальской Руси основным занятием было земледелие. Вывод этот неоспорим, особенно в свете археологических изысканий, осуществленных в советское время.

Но нельзя не пожалеть, что характеристика сельского хозяйства осталась в книге Б. Д. Грекова несколько односторонней. Задача исследователя заключалась не только в том, чтобы показать преобладание земледелия в Киевской Руси, но и в том, чтобы показать место земледелия во всем хозяйстве страны, в ряду других хозяйственных отраслей, ибо, кроме земледелия, в Киевской Руси важное значение имели рыболовство, охота и пчеловодство (бортничество). Господство земледелия также не установилось одновременно. Раньше, чем в других русских землях, оно утвердилось в Южной Руси, в стране полян. В этом, может быть, и надо видеть одну из причин раннего возвышения Киевской Руси.

Важнейшим в работе Б. Д. Грекова является тезис о непосредственном переходе восточных славян от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческий строй. При

этом Б. Д. Греков считает, что феодализму предшествовал особый строй, который он называет дофеодальным периодом. Для этого периода характерно, по его мысли, то, что в основе производства «лежит еще не крепостной труд, а труд свободного общинника, однако систематически закрепощаемого крупными землевладельцами, как выросшими из родовой знати, так и появившимися другими путями (завоеватели, осевшие на землю дружинники и др.). Рост крупного землевладения и закрепостительного процесса знаменовал собою наступление феодальных общественных отношений» (стр. 67).

К сожалению, Б. Д. Греков не останавливается более подробно на характеристике этого дофеодального периода, ограничиваясь указанием на аналогию между дофеодальным периодом у германцев и восточных славян. Нельзя не отметить также, что в характеристике дофеодальных и феодальных отношений у Б. Д. Грекова имеется некоторая неясность: в конце концов оказывается, что между ними не качественное, а только количественное различие. Наступление феодальных общественных отношений Б. Д. Греков характеризует как «рост крупного землевладения и закрепостительного процесса».

Академик Б. Д. Греков исходит из мысли о существовании боярского землевладения на Руси уже в IX—X вв. (стр. 76), полемизируя с другими историками, которые относят «процесс освоения общинных земель будущими феодалами» к более позднему времени (к концу X в. и позднее). Следует отметить, что страницы труда Б. Д. Грекова, посвященные доказательству раннего боярского землевладения на Руси, особенно интересны. Исследователь, стесненный крайней скудостью исторических свидетельств, вынужден пользоваться не прямыми, а косвенными доказательствами и делает это с большим мастерством. Однако автору не удалось полностью доказать наличие боярского землевладения в IX в., ибо письменные свидетельства, какими мы располагаем, говорят только о X в. По-видимому, именно в X в. и зародилось княжеское, а вслед за ним — боярское землевладение.

Напомним, что Маркс считал характерным для державы Рюриковичей наличие «вассальной зависимости без ленов или ленов, заключавшихся только в уплате дани». Б. Д. Греков приписывает установление ленов в виде дани пришлым норманским князьям, стоявшим на более низкой ступени развития, чем князья славянские, но это — искусственное объяснение. Не правильное ли видеть в характере вассальной зависимости, столь проницательно подмеченном Марксом, отражение действительности, когда землевладение еще не получило того развития, с каким мы встречаемся в более позднее время? В конечном итоге с этим сходятся и наблюдения самого автора, в частности очень остроумная догадка Б. Д. Грекова о связи имен русских послов, упомянутых в договоре Руси с греками в 944 г., с назва-

ниями некоторых новгородских погостов по уставу Святослава Ольговича 1137 г.

Мы еще слишком мало знаем о внутренней жизни Киевской Руси IX в. Письменные свидетельства об этих временах недостаточны и малодостоверны, а глубоких археологических изысканий почти не производилось. Поэтому «тайны Руси IX и начала X в.» (стр. 70), о которых говорит Б. Д. Греков, нам фактически еще не доступны. О X в. можно говорить более определенно, имея договоры Руси с греками, свидетельства летописи, а также византийские, арабские и западноевропейские памятники.

Отсутствие четкой периодизации развития феодальных отношений в Киевской Руси и нередкое смешение разнородных известий, хронологически мало друг с другом связанных, являются и в новом издании наиболее существенным недостатком рецензируемой книги. Боярская и княжеская вотчина предстает перед нами в книге Б. Д. Грекова в совершенно законченном виде, но история образования этой вотчины в IX—X вв. остается неясной. Между тем, при более осторожном отношении к хронологии известий можно было бы наметить пути к разрешению этого трудного вопроса.

Мы целиком согласны с Б. Д. Грековым в том, что общество Киевской Руси было феодальным, а не рабовладельческим. Но развитие феодальных отношений на Руси, несомненно, получило бы более глубокое объяснение, если бы автор полнее обосновал свой тезис о непосредственном переходе восточных славян от первобытно-общинного строя к феодализму. Особенно важно было бы установить действительное место рабства в древней Руси, имея в виду высказывания ряда историков о наличии в Киевской Руси рабовладельческого строя. Между тем, этому важному вопросу Б. Д. Греков уделяет очень мало места и в особых разделах о челяди и рабах обращает внимание больше на общественное положение этих групп населения, чем на хозяйственное их значение.

Много нового и ценного внесено Б. Д. Грековым в понимание важнейших черт политического строя Киевской Руси. Принципиально важным является утверждение автора о том, что Киевская Русь была государством. Эту мысль Б. Д. Греков совершенно четко проводил и в первых изданиях своей книги, одно из которых называлось даже «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1935). При этом он основывался на следующем высказывании Маркса об империи Рюриковичей: «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествовала образованию нынешней Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей явилась предшественницей образования Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самой Московии» (К. Маркс. «Секретная дипломатия»). Возражая своим оппонентам, Б. Д. Греков утверждает, что империя Рюрикови-

чей — «это период в истории европейских народов... Но это период все-таки государственный» (стр. 166).

Некоторые историки считали, что политический строй империи Рюриковичей отличался господством одного князя над рядом волостей без внутренней органической их связи в единое государство. Б. Д. Греков решительно протестует против подобного понимания начального периода русской истории.

Бесспорным доказательством существования прочной государственной власти на Руси могут служить хотя бы договоры с греками. Не имело бы смысла заключать договоры с бесписменным и безгосударственным народом: кто-то не только писал эти договоры на славянском языке, но и хранил их, умел их прочесть и пользоваться ими. На эти договоры ссылались и греки, помнившие о гибели Игоря и неудачных походах Руси на Царьград. Константин Багрянородный оставил нам описание приема княгини Ольги в императорском дворце. Ольга вела переговоры с византийским двором, с германским императором и т. д.

Конечно, всякая государственная организация развивается постепенно и носит различные формы. Ведь и в истории других государств Европы найдутся разные этапы государственного развития. Может ли, например, государство Аспаруха, основанное в 679 г. в Болгарии, считаться государством? Болгарские ученые в этом несколько не сомневаются, хотя первоначальное Болгарское царство было ничуть не более слаженным, чем империя Рюриковичей. Отрицать существование русского государства, столица которого — Киев — прямо названа в летописи «матерью городов русских», значит попросту вносить путаницу в понимание русского исторического процесса, пытаться объяснить создание державы Владимира и Ярослава не внутренним развитием народной жизни, а внешними явлениями, например, принятием христианства, как это делали некоторые историки.

Взгляды Б. Д. Грекова на Киевскую Русь как на вполне сложившееся, мощное для своего времени государство, бесспорно существовавшее уже в X в., вполне правильны, как и общий его вывод: «История Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны» (стр. 8). Желание Владимира Святославича породниться с византийским императорским двором становится понятным в свете взаимоотношений между Русью и Византией как между двумя государствами. Даже монеты Киевской Руси XI в. изображают русских великих князей в императорском византийском уборе, в этом выражалось высокое представление великих князей киевских о своей власти.

Новой в труде Б. Д. Грекова является глава об организации вооруженных сил восточных славян и Киевского государства.

Перед нами, в сущности, новое ценное исследование. Сравнительный метод, к которому автор вообще прибегает нередко, дал положительные результаты в разборе вопроса о сотенной организации у славян. Б. Д. Греков основательно полагает, что сотенная организация возникла у славян «в период военной демократии, когда вооруженный народ выступал в военных предпрятиях» (стр. 193).

Некоторое недоумение вызывает только преувеличенное представление автора о русских военных силах, действовавших в Болгарии. Б. Д. Греков почему-то считает, что численность войск Святослава в Болгарии не могла быть значительно меньше греческого войска, принимая цифру в 60 тыс., данную Львом Диаконем. Непонятно, почему Б. Д. Греков игнорирует ясное показание летописи о том, что Руси было «10 тысящ только». Ведь Лев Диакон был прямо заинтересован в преувеличении численности русского войска, а свидетельства о войнах в самой Руси, относящиеся к XI—XII вв., все время указывают наличие 3—5 тыс. воинов. На этой частности можно было бы и не останавливаться, если бы она не имела некоторого общего интереса: дело в том, что собрать и содержать 60-тысячное войско в древности было нелегко, и такое утверждение нуждается в доказательствах. Сам дунайский поход Святослава получает иное и не вполне благоприятное для русского полководца освещение, если признать правильной численность русского войска, указываемую Б. Д. Грековым.

Вторая часть рецензируемого труда посвящена политической истории Киевского государства. Автор поставил себе малоблагодарную задачу изложить на 70 страницах сложные и запутанные события, развертывавшиеся на протяжении многих веков. Естественно, что его замечания о народах Кавказа, начиная с царства Урарту в XIV—VI в. до нашей эры (!), о греках в Причерноморье и т. д. носят слишком беглый и конспективный характер. Пожалуй, не следовало при наличии вузовских учебников рассказывать на двух страницах о народах Средней Азии — от персидских Ахеменидов до нашествия монголов, пытаясь охватить период в 2 тыс. лет. Гораздо полнее описана политическая история собственно Киевского государства.

Академик Б. Д. Греков принадлежит к числу тех наших историков, которые особенно внимательно изучали раннюю историю восточных славян и их предков — антов. Общая концепция Б. Д. Грекова, высказанная им более полно в книге «Борьба Руси за создание своего государства», сводится к утверждению о самостоятельном возникновении государственности у восточных славян задолго до появления варягов в Восточной Европе. Эта концепция совершенно правильна. Ее придерживались и ранее лучшие русские историки, понимавшие, что государства не образуются по мановению руки заезжего викинга. Эту концепцию Б. Д. Греков проводит и в рецензируемой книге.

Однако в вопросе о происхождении Руси в книге Б. Д. Грекова нет полной ясности. Автор пытается примирить противоречивые взгляды признанием существования Руси норманского происхождения на севере и другой, славянской Руси — на юге. Но эта теория в сущности ничего не объясняет и только запутывает и без того сложный вопрос о начале Руси, требующий специального исследования.

Подводя итоги, мы должны сказать, что основные положения Б. Д. Грекова не встречают возражения, необходимо лишь уточнить ряд его высказываний. Нельзя ставить в вину автору, что он не разрешил всех вопросов, связанных с историей Киевской Руси. Но один важнейший вопрос должен был все-таки найти отражение в его труде — это вопрос о городах и городском населении. Без сомнения, некоторые выводы Б. Д. Грекова получили бы иное освещение, если он хотя бы поставил вопрос о значении городов в Киевской Руси. Без истории городов нельзя рассматривать историю государственности и культуры, ибо города всегда были передовыми носителями культуры.

Отметим также, что Б. Д. Греков односторонне цитирует литературу вопроса, иногда упоминая о работах, имеющих мало отношения к его теме, иногда обходя молчанием довольно крупные работы, если их выводы несходны с его выводами. Это очень затрудняет чтение труда Б. Д. Грекова, тем более что самые взгляды автора подверглись некоторым изменениям на протяжении четырех изданий.

В 4-е издание книги включен ряд новых материалов, значительно обогащающих ее. Однако текст старых и новых частей книги оказался не вполне согласованным. Так, в одном случае о первой статье древнейшей «Правды» говорится, что части ее «относятся во всяком случае к IX в.» (стр. 58), а через три страницы так же категорически сказано: «обе «Правды», содержащие тексты о верви, — документы не IX—X, а XI—XII вв.» (стр. 61). Конечно, один и тот же памятник не может относиться к IX и XI вв. одновременно. О походах Святослава в Дунайскую Болгарию упоминается дважды, причем тоже несогласованно (см. стр. 206—207 и 266—268). По-разному говорится о начале русского летописания, в частности о редактировании игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром «Повести Временных лет», составленной Нестором.

Противоречия между отдельными высказываниями Б. Д. Грекова, к сожалению, не ограничиваются приведенными примерами, и это затрудняет восприятие мысли автора даже читателю, обладающему специальными знаниями, не говоря уже о малоискушенной читательской массе. Новое издание книги Б. Д. Грекова значительно выиграло бы в результате более тщательного редактирования.

В 4-м издании, как и в предыдущих, содержится ошибочный термин, появившийся в науке случайно, в результате пло-

хого чтения текстов. Мы имеем в виду термин «вдач». Автор говорит: «Самый термин «вдач» не может считаться точно установленным, так как в ряде редакций «Русской Правды» вместо «вдач» (Троицкий IV список) мы имеем разночтение «в даче» (Толстовский, Троицкий IV списки и др.), «вда цену» (Пушкинский список) (стр. 121). Нельзя не подивиться этим строкам, которые давно уже вызывали возражения рецензентов. Обратимся за справками к академическому изданию «Правды Русской», вышедшей под редакцией самого же Б. Д. Грекова. В приведенных в этом издании древнейших списках мы читаем: «а в даче не холоп» (Троицкий, Синодальный, Новгородско-Софийский, Рогожский, Розенкамповский списки). Иными словами, сам же Б. Д. Греков согласен с тем, что никакого термина «вдач» в древней Руси не было, что такое чтение результат ошибки. А в рецензируемой книге термин «вдач» приравнен к бесспорным древним терминам («челядь», «смерд» и т. д.).

Наши критические замечания не умаляют достоинств книги Б. Д. Грекова, за которым остается заслуга разработки важных и труднейших вопросов истории Киевской Руси. Основные положения, высказанные Б. Д. Грековым в его книге «Киевская Русь», не подлежат сомнению. Труд академика Грекова нашел широкое применение в практике наших вузов, сделавшись обязательным пособием при изучении раннего периода русской истории. Исследование Б. Д. Грекова — крупное положительное явление в нашей исторической литературе.

К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АКАДЕМИКА БОРИСА ДМИТРИЕВИЧА ГРЕКОВА

Всего пять лет отделяют нас от того времени, когда советская наука и советская общественность потеряла такого крупного ученого и общественного деятеля, каким был покойный академик Борис Дмитриевич Греков. Он являл собой редкий пример ученого-общественника, удачно соединявшего в своем лице обширную и многообразную общественную деятельность с научной работой, изучением глубоких исторических проблем. Многие годы Борис Дмитриевич был академиком-секретарем Отделения исторических наук Академии наук СССР, директором Института истории, а одно время и директором Института славяноведения.

Борис Дмитриевич Греков (1882—1953) начал свою научную деятельность в первое десятилетие нашего века, и уже первые печатные труды покойного ученого показали его особый и незаурядный интерес к истории крестьянства. Такова была одна из его ранних статей — статья о новгородских бобылях в XVI и XVII вв., подкрепленная изданием новгородских бобыльских порядных¹. Тема о бобылях может показаться несколько узкой и специальной, но нельзя забывать того, что вопрос о бобылях был тесно связан с пониманием самой сущности бобыльства как особой категории непашенных крестьян, связанных с ремеслом и торговлей. Следовательно, вопрос о бобылях неминуемо приводил к необходимости изучить перемены, происходившие в крестьянской среде в связи с выделением ремесла. Молодому ученому пришлось выступать по вопросу, которым в то время занимались такие видные представители науки, как акад. М. Дьяконов и др., и Б. Д. Греков с честью выдержал полемику с учеными более старшего поколения. Тогда, в сущности, уже вполне выявился особый интерес Бориса Дмитриевича к истории крестьян, которой он потом занимался всю жизнь.

¹ Б. Д. Греков. Новгородские бобыльские порядные. — «Чтения ОИДР», 1912, кн. 2, стр. 1—35; он же. Новгородские бобыли в XVI и XVII веках. — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1912, июль, стр. 43—79.

Вопрос о новгородских бобылях был только частью обширного труда, который в это время подготавливал к печати Б. Д. Греков. Его глубоко интересовала история Великого Новгорода. Великий Новгород пленил воображение молодого ученого, и Борис Дмитриевич не только писал об его истории, но и впоследствии с великой любовью охранял его седую старину.

Обширная двухтомная монография Бориса Дмитриевича Грекова была посвящена «Новгородскому дому святой Софии»². Необычно прежде всего даже название этой книги. В нем выразилось яркое представление о новгородском архиепископе как о крупнейшем феодале русского средневековья. Само слово «дом», как известно, аналогично такому же западноевропейскому термину для обозначения средневекового кафедрального собора не как архитектурного сооружения, но как церковно-феодалного комплекса, с ризницей и библиотекой, со штатом церковных служителей, зависимых слуг и холопов.

В своей монографии Борис Дмитриевич изучает феодальное хозяйство XVI—XVII вв. и различные категории феодально зависимых людей, подчиненных дому св. Софии. Монография Б. Д. Грекова представляла и тот несомненный интерес, что она была основана на громадном архивном материале.

Перед нами рисуется яркая картина Софийского дома с его палатами и мастерскими. Владыке, как почтительно величают своего епископа новгородцы, служат различные придворные чины. Тут и дворецкий, и казначей, и ключники, и тиуны, и различные «старцы», заведовавшие житницей, конюшней и т. д., даже особый ясельничий, «всегда светское лицо», подчиненный конюшему старцу. Особую главу Б. Д. Греков посвящает служилым людям Софийского дома, этим знаменитым «софиянам» новгородских летописей, низший разряд которых назывался «владычными» молодцами, специфический термин, хорошо известный в торговой практике даже в начале нашего века, когда «молодцами» называли младших приказчиков. В предисловии к своей монографии Борис Дмитриевич писал, что выбранная им тема имела для него индивидуальный интерес: «Сам Великий Новгород, окутанный легендарным туманом, манил меня своей неизвестностью... Хотелось ближе подойти к св. Софии, сумевшей взять в свои руки судьбу всего государства». Ис некоторым разочарованием он писал, что «последнее желание оказалось неосуществимым». Но это разочарование было, в сущности, продиктовано только глубокой требовательностью ученого. На самом же деле монография Б. Д. Грекова воссоздала исключительную по живости картину русского феодального хозяйства. По полноте и выразительности изображения хозяйства феодалов она не имеет себе равных в русской историографии.

² Б. Д. Греков. Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины), ч. 1. СПб., 1914.

Уже в «Новгородском доме святой Софии» с особой силой проявился тот большой интерес, который Борис Дмитриевич Греков всегда имел к истории крестьян. Свои взгляды на историю крестьян он суммировал в большой и хорошо известной монографии «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века». Книга Б. Д. Грекова проникнута глубоким уважением к трудовому подвигу русского крестьянства, подвигу незаметному, совершенному в борьбе с природой и с постоянным врагом крестьян — феодалами, использовавшими труд их для обогащения.

«Эта история многосторонняя и содержательная, — пишет Борис Дмитриевич Греков в введении к своей книге. — Русский крестьянин со своим топором и сохой привел в культурное состояние и необозримые пространства восточноевропейской равнины и сумел перенести свои трудовые навыки на Урал, в далекую Азию. Крестьянин с оружием в руках оборонял свою родную землю в борьбе с многочисленными врагами и заслужил славу непобедимого. Крестьянин, несмотря на очень неблагоприятные условия, в которых он веками жил, дал своей стране сотни великих людей в области науки, искусства и литературы»³.

«Крестьяне на Руси» покойного Бориса Дмитриевича — это образец глубокого монографического изучения одной из важнейших проблем мировой истории, при этом не только истории русских крестьян. Это монография и по истории украинских, белорусских и польских крестьян, истории, столь сходной для всего многострадального крестьянства, жившего от Угорских гор до «дышучего» Белого моря. Перед глазами читателя проходит история крестьян на протяжении ряда веков, с IX в. до Соборного уложения 1649 г., оформившего крестьянскую крепость. Одна эта монография дала бы право Борису Дмитриевичу на почетное место среди русских историков. Ведь если не считать устаревшей книги Беляева, без этой книги мы не имели бы ни одной монографии, посвященной истории крестьянства в целом до середины XVII в.

Читатель, желающий ознакомиться с обширной монографией Бориса Дмитриевича Грекова, найдет в ней не только историю крестьянства, но и крайне поучительную картину того, как крестьянский вопрос волновал и беспокоил русское общество, начиная с XI в.

Экскурсы Б. Д. Грекова в область публицистики, помещенные в этой книге, представляют собой громадный интерес для истории русской общественной мысли. Такова, например, глава «Крестьянский вопрос в публицистике XVI в.». Свои наблюдения над русской публицистикой этого времени Борис Дмитриевич

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1. Изд. 2. М., 1952, стр. 3.

вич Греков обобщает в замечательных словах: «Размышления по крестьянскому вопросу построены на точных наблюдениях над фактами. Это последнее обстоятельство особенно ценно, так как дает нам возможность глубже понять имеющийся в нашем распоряжении многочисленный актовый материал и лаконический язык писцовых книг»⁴.

Так глубокий исследователь истории крестьян показывает и те пути, по которым должно идти изучение положения крестьян, давая пример блестящей комплексной обработки актового и повествовательного материала.

Мы видели уже, как новаторски подходил Б. Д. Греков к разработке актуальных тем русской истории, таких монографических тем, которые неразрывно связаны со всей историей России, Украины и Белоруссии на протяжении многих столетий. Ведь история крестьян неотделима от истории трех братских народов, поскольку крестьяне составляли абсолютное большинство населения. Этот дух новаторства с еще большей силой сказался в разработке другой темы, всегда актуальной для историков нашей необъятной родины. Я имею в виду работы Б. Д. Грекова о возникновении феодализма и государства на Руси.

Начальная история Руси всегда была предметом изысканий историков. Уже великий Ломоносов вынужден был выступить против Миллера и Байера, впервые выдвинувших норманскую теорию образования первого государства на Руси. Это было время господства в русской исторической науке приезжих ученых. Контраст между уровнем просвещения в России и Западной Европе был тогда слишком заметен. Сама Академия наук посылала обучаться своих учеников в Германию; среди них был и Ломоносов. Приезжие академики неплохо устроились в России XVIII в. и готовы были приписать себе руководящее значение в разработке русской исторической науки. Не забудем, что в правление Анны Ивановны и ее фаворита Бирона все русское вызывало подозрение, даже если речь шла о переименовании немецких терминов в горной промышленности на русский лад. В этой обстановке и развернулась деятельность Байера и родилась норманская теория, доказывавшая, что до прихода норманов славяне были сущими дикарями. Как известно, норманская теория происхождения государства на Руси была особенно поддержана зарубежными учеными, нашла она и ярых защитников в России, подобных М. П. Погодину.

Основной особенностью построений русских историков, писавших о возникновении государства на Руси в дореволюционное время как дворянских, так и буржуазных, было полное разграничение вопроса о создании государства от вопроса о том, какой строй существовал у восточных славян ко времени образования у них государства.

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., кн. II. М., 1954, стр. 229.

Все дело сводилось в конечном итоге к толкованию летописного сказания о приходе варягов, и перед авторитетом историка XI—XII вв., передавшего легенду о призвании князей в 862 г., почтительно склонялись маститые ученые царского времени.

Заслугой Б. Д. Грекова явилось то, что он впервые переместил центр тяжести с политической истории на историю социально-экономическую, впервые поставил вопрос о том, к какой общественной формации принадлежала Киевская Русь, и доказал, что это была феодальная формация.

Существование феодализма на Руси отрицалось многими крупными русскими историками, и в этом отношении такие историки оставались непоколебимыми даже после работ Павлова-Сильванского. Сам уровень жизни восточных славян во время образования у них государства рисовался весьма неопределенно. Крупнейший буржуазный историк конца XIX — начала XX вв. В. О. Ключевский, например, отрицал земледельческий характер Киевской Руси, построив на этом основании свою красочную антитезу черноземного Юга, где главными занятиями были охота и рыболовство, и неплодородного Северо-Востока, где земледелие сделалось преобладающим занятием жителей.

Б. Д. Греков высказал мысль, что именно земледелие лежало в основе хозяйства Киевской Руси уже в IX—X столетиях, и блестяще это доказал.

Редкой исторической теории удавалось так быстро приобрести общее признание, как теории Бориса Дмитриевича Грекова о возникновении феодализма на Руси. Если 20 лет тому назад, когда вышла книга покойного академика о феодальных отношениях на Руси, в нашей науке держалось представление о Киевской Руси как о стране охотников и рыболовов, то в настоящее время ни один серьезный ученый уже не сомневается в земледельческом хозяйстве древней Руси. Археологические данные успешно подкрепили построения Б. Д. Грекова. И это было не только торжеством догадки ученого, но и торжеством новых методологических приемов. Борис Дмитриевич решительно отказался от попыток доказать тезис о земледельческом хозяйстве Киевской Руси на основе только старых источников — летописей и сказаний. Он смело перешел к свидетельствам других видов источников, таких, как археология и лингвистика.

Археология блестяще подтвердила предположения ученого. Почва городищ Украины, Белоруссии, России оказалась переполненной земледельческими орудиями: плугами, серпами, сохами, лопатами и прочим. Можно было спорить о том, к какому веку надо отнести летописное известие о нивах у древлян, но археологические находки говорили сами за себя и свидетельствовали о всеобщем развитии земледелия. А теоретические построения Б. Д. Грекова, в свою очередь, явились мощным толчком для русской археологии, изучавшей IX—XIII вв. и получившей такое блестящее развитие в наше время.

Блестящим был и лингвистический анализ, проведенный Борисом Дмитриевичем. Впервые в нашу историческую науку вошло множество новых фактов. Летописи и сказания вдруг заговорили другим языком, стали понятными их случайные намеки и высказывания. Стало ясным также и то, что историческая наука — это наука комплексная, основанная на всех достижениях истории, археологии, археологии, лингвистики, этнографии, и только очень недалекие люди могут думать о приоритете какой-либо из этих исторических дисциплин. Стало ясным, что только следуя по пути, проложенному Б. Д. Грековым, можно дать полноценное исследование древнерусской жизни.

Книга Б. Д. Грекова о феодальных отношениях в древней Руси выдержала несколько изданий, постепенно вырастая в объеме, так как автор ее вводил в свое исследование все новые и новые темы. Но дело вовсе не в том, что в своем последнем издании книга уже почти в четыре раза стала обширнее первоначального своего варианта, дело в том, что этот объем соответствовал росту и углублению самой проблемы. Если в I-м издании своей книги⁵ Борису Дмитриевичу приходилось впервые ставить и защищать свои тезисы о возникновении феодальных отношений в древней Руси, то в последних ее изданиях эти положения могли считаться уже доказанными⁶. Редкий случай в исторической науке, когда еще при жизни исследователя его предположения признаются большинством ученых бесспорной истиной.

Разрешение вопроса о хозяйственном и общественном строе Киевской Руси позволило Б. Д. Грекову заново представить начало первого государства на Руси. Его небольшая книжечка «Борьба Руси за создание своего государства», вышедшая в 1942 г., явилась результатом той громадной работы, которую Борис Дмитриевич провел над изучением возникновения феодализма на Руси. Начало государственности на Руси он возводит к VI—VIII вв. и видит ее в тех славянских племенных объединениях, которые возникали в это время как у западных и южных, так и у восточных славян.

Выше уже говорилось о замечательной особенности исторических трудов Б. Д. Грекова, о том широком охвате источников и исторической литературы, который характеризует его работы. И «Крестыяне на Руси» и «Киевская Русь» основываются на изучении обширного круга источников, не только собственно русских, украинских и белорусских, но славянских в широком смысле этого слова.

Интерес Б. Д. Грекова к истории славянских стран был постоянным и вполне закономерным. Ведь историк древней Руси

⁵ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1936.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949.

сталкивается с рядом фактов, объяснение или, по крайней мере, аналогию которым он находит в славянском мире. Таков, например, вопрос о характере древнерусской «верви», общины, по-разному решавшийся в литературе. Сама «Русская Правда», изучением которой так долго и плодотворно занимался Борис Дмитриевич, становится особо понятной в свете древних славянских памятников права. Вот почему такие замечательные источники по истории славянского права, как, например, Вислицкий статут, привлекали внимание покойного ученого; им он отводит немало места в своих монографиях.

Но Б. Д. Греков этим не ограничился и выпустил два специальных исследования об общественном строе Винодола и Полицы. Обе книги посвящены двум славянским городам на побережье Адриатического моря с их замечательными статутами, сохранившими черты древнего славянского права. «Вместо предисловия» Борис Дмитриевич набрасывает целую программу изучения древних славянских памятников: «Настоящее исследование предпринято мною с целью преодолеть изолированность усилий отдельных историков и историков права в разрешении неясных для каждого из них вопросов старой славянской жизни. Ученый хорват, углубившийся в изучение Полицкого Статута, рассматривающий этот замечательный памятник изолированно от других аналогичных памятников славянской старины, также ограничивает свои возможности, как и русский исследователь «Русской Правды», не привлекающий данных других славянских Правд и не только одних славянских»⁷.

Эти слова, я бы сказал, являются своего рода предостережением для историков, которые захотели бы, как это иногда бывает, свести свои монографические изыскания только к изучению одного памятника вне его связи с другими. Б. Д. Греков зовет к широким обобщениям, основанным на тщательном изучении разнообразных источников. И результатом таких обобщений явился труд Б. Д. Грекова о «Русской Правде» и ее славянском окружении.

Крупнейшие наши историки всегда были не только авторами монографий, но и историографами, источниковедами. Историографические темы занимают в трудах Б. Д. Грекова большое и почетное место. В своей речи на общем собрании Академии наук СССР в феврале 1944 г. — «Ленин и историческая наука» — покойный академик показал определяющее значение трудов В. И. Ленина для исторической науки. В них он справедливо увидел «образец исторического исследования, образец сочетания теории с изучением конкретного материала». В статье «В. И. Ленин о некоторых вопросах истории России» Борис

⁷ Б. Д. Греков. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951, стр. 3.

Дмитриевич дал дальнейшее развитие своих положений, высказанных на общем собрании АН СССР⁸.

Вопросы историографии вообще занимали немалое место в трудах Б. Д. Грекова. Пристальное внимание Бориса Дмитриевича к историографии ранней истории Руси и Северного Причерноморья показывают его статьи, посвященные трудам В. Г. Васильевского и С. А. Жебелева. Замечательны и плодотворны были его выводы и о трудах М. В. Ломоносова⁹.

Мы остановились главным образом на крупнейших монографиях Б. Д. Грекова, так как понадобилось бы очень много места, чтобы перечислить все научные труды покойного ученого. Достаточно сказать, что одна библиография трудов Б. Д. Грекова занимает 16 страниц большого формата.

Интересы Бориса Дмитриевича были разнообразны. Он не замыкался в круг двух-трех проблем. Его пристальное внимание привлекали и история Камских болгар и Золотой Орды¹⁰, и история России XVIII в. И едва ли не одной из лучших работ по истории хозяйства в России XVIII в. является большое исследование Б. Д. Грекова, обследующее хозяйственные анкеты XVIII в.¹¹

Перу Б. Д. Грекова принадлежит работа о хозяйстве декабриста М. С. Лунина¹² и ряд других публикаций, посвященных декабристам. Что касается других многочисленных статей Б. Д. Грекова, то на них всех лежит отпечаток незаурядного таланта и глубокой эрудиции. Многие из них — это как бы этюды, подготовляемые художником для большого полотна. Таковы статьи о помещичьем хозяйстве в XVI—XVII вв. в Новгородской области, «Рабство и феодализм в древней Руси» и т. д.

Особо следует отметить громадную и неутомимую деятельность Бориса Дмитриевича по публикации новых исторических источников. Крупнейшим трудом Бориса Дмитриевича в этой области было издание двух томов, посвященных «Русской Прав-

⁸ Б. Д. Греков. Ленин и историческая наука.— «Общее собрание Академии Наук СССР 14—17 февраля 1944 г.» М.—Л., 1944, стр. 22—37; он же. В. И. Ленин о некоторых вопросах истории России.— «Вопросы истории», 1952, № 1, стр. 52—64.

⁹ Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского.— «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 338—351; он же. Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны.— «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 173—176; он же, Ломоносов — историк.— «Историк-марксист», кн. 11, 1940, стр. 18—34.

¹⁰ Б. Д. Греков, А. А. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

¹¹ Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века.— «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35. Л., 1929, стр. 39—104.

¹² Б. Д. Греков. Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в. (Материалы к вопросу о разложении крепостной системы хозяйства), ч. 1—2.— «Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, 1932, № 6, стр. 481—520; № 7, стр. 623—648.

де». Из них особенно важное значение имеет первый том, где помещены тексты «Русской Правды» с вариантами из всех тогда известных списков. Библиографическая справка, перечисляющая лиц, подготовлявших Правду, и называющая Б. Д. Грекова редактором, мало соответствует действительности, потому что Борис Дмитриевич был не просто редактором издания, а организатором и руководителем, сумевшим воодушевить всех участников этого предприятия¹³.

Но Борис Дмитриевич не ограничился изданием только наиболее любимого им памятника. Советская наука обязана ему изданием ряда источников. Уже в начале своей научной деятельности он опубликовал опись Торговой стороны Великого Новгорода в XVI в. Позже под редакцией и непосредственным наблюдением Б. Д. Грекова выходит целый ряд ценнейших источников (судебники, материалы крепостных мануфактур и пр.). Особо следует отметить интерес покойного ученого к источникам зарубежного происхождения. Так, «Хроника Ливонии» и другие подобные сочинения вышли в свет только при содействии Б. Д. Грекова.

Всегда проявлялась необыкновенная исследовательская чуткость Бориса Дмитриевича, умение выбрать к изданию наиболее ценные источники, обогащающие советскую науку новыми историческими фактами.

В лице Бориса Дмитриевича Грекова советские источниковеды потеряли лучшего друга, тонкого знатока, умелого организатора. И можно только пожалеть, что после его смерти остались неизданными и незаконченными даже такие работы, как третий том «Русской Правды». Советская наука вправе ждать завершения ценных начинаний покойного ученого.

Было бы очень трудно перечислить и назвать все издания, в той или иной мере связанные с именем Б. Д. Грекова, его многочисленные статьи, популярные книги, труды, вышедшие под его редакцией, но нельзя не отметить одной замечательной особенности в направлении работы покойного академика — его особенного интереса к истории русской культуры, как раз к той стороне русской жизни, которая так часто остается в забвении в наших исторических работах. Под общей редакцией Бориса Дмитриевича вышел двухтомный труд «История культуры древней Руси (Домонгольский период)». Его перу принадлежит книга по истории культуры Киевской Руси, переведенная на французский и другие языки, и т. д.

Борис Дмитриевич Греков был не только ученым, но и педагогом. Этой стороне своей деятельности он придавал большое значение, умея привлечь и заинтересовать своих учеников.

¹³ «Правда Русская», т. I. Тексты подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. А. Гейерманс и Г. Е. Кочин под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940.

И ученики платили ему привязанностью, называя его не иначе, как просто «Борис Дмитриевич»; в этом простом обращении звучали любовь и уважение. Его преподавание было безыскусным, но некоторые слова Бориса Дмитриевича оставались в памяти на всю жизнь. И я сам помню, какое впечатление на меня, тогда семнадцатилетнего юношу, произвели его слова о древнерусской письменности. Он показал мне, и с какой любовью, альбом древнерусской скорописи, зародив во мне навсегда интерес к русской письменности. В это время Борис Дмитриевич готовился к магистерским экзаменам и с большим воодушевлением говорил о реформации в Германии. Счастливы те люди, которые могут вызвать в молодых душах интерес к науке, к знанию. Таким был покойный Борис Дмитриевич.

Ленинградский и Московский университеты были теми учебными заведениями, в которых широко развернулась деятельность Б. Д. Грекова. Он принял участие в написании первого советского учебника истории СССР для высшей школы как автор и редактор, он был также автором ряда учебных пособий и никогда не забывал о нуждах высшей и средней школы.

Широка и многообразна была общественная деятельность Бориса Дмитриевича. Он был депутатом Моссовета, депутатом Верховного Совета РСФСР, депутатом Верховного Совета СССР. Всем известна его плодотворная деятельность в деле защиты мира в качестве члена президиума Советского комитета защиты мира, его работа в Славянском комитете, во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей. Борис Дмитриевич Греков в своих поездках за рубеж много сделал для укрепления наших общественных и научных связей со странами народной демократии. Болгарская и Польская Академии наук выбрали Б. Д. Грекова своим действительным членом.

Правительство дважды наградило Бориса Дмитриевича Грекова орденом Ленина, а также орденом Трудового Красного Знамени; Б. Д. Греков — трижды лауреат Государственной премии.

Неутомимый труженик, Борис Дмитриевич Греков был поистине образцом замечательного ученого и общественника. И в жизни он был образцом хорошего советского человека, внимательного к другим, отзывчивого на чужую нужду и горе.

Советская наука потеряла в Борисе Дмитриевиче Грекове крупного ученого и общественного деятеля. О нем можно сказать словами древней русской письменности, что такие люди «во веки живут». Борис Дмитриевич Греков умер, но труды его живут и будут служить источниками знания и вдохновения на многие годы.

**ОТКРОВЕНИЯ ЧАДВИК
О НАЧАЛЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ
(рецензия)¹**

В издании Кембриджского университета вышла книжка Н. К. Чадвик под многообещающим названием «Начало русской истории. Разыскания в источниках». Книжка размером в 180 небольших страниц убористой печати, изящно изданная, с научным аппаратом, приложениями, указателем,— одним словом, с полным видом учености и добропорядочности. Названия глав также звучат заманчиво: «Древнейшие известия», «Ранняя история Киева», «Греческие и восточные свидетельства», «Владимир I», «Договоры с греками и русское язычество», «Ярослав Мудрый», «Воевода и кормилец», «Владимир Мономах». Судя по названиям глав, можно было бы думать, что автор хотел дать краткий очерк русской истории с раннего периода, примерно с IX до начала XII в. Но такое заключение было бы поспешным: никакой связной истории Руси за названные века в книжке Чадвик мы не найдем; перед нами, в сущности, записи мыслей автора по поводу того или иного вопроса русской истории, расположенные в довольно хаотическом беспорядке. В силу этого о договорах Руси с греками X в. говорится после главы о Владимире Святославиче, а о воеводах и кормильцах X в.— после главы о Ярославе Мудром. Впрочем, автор и не стремится быть последовательным, его заключения иногда так неожиданны и необоснованны, что затрудняешься сказать, с какого рода произведением имеешь дело. Требованиям, предъявляемым к исследованию, как будет видно далее, книга явно не отвечает, популярным очерком она также названа быть не может,— скорее всего книжка похожа на записи дум и высказываний автора, сделанных им за чайным столом, в беседе с таким же дилетантом в области истории, как и сам автор.

Однако беседы за чайным столом не всегда бывают невинными. Нельзя назвать невинной болтовней и названную книгу,

¹ N. K. Chadwick. The Beginning of Russian History. An Enquiry into Sources. Cambridge. At the University Press, 1946, p. 180.

написанную с определенной и, надо сказать, неприглядной целью: доказать, что начальная русская история — это собственно история скандинавских завоевателей, а не великого славянского племени. Поэтому в книге меньше всего говорится о славянах и очень много о скандинавах, греках и хазарах. Нет ничего нового в такой постановке вопроса — новым является только способ «разыскания в источниках», которым пользуется автор в своем изложении.

Поскольку в подзаголовке книги Н. К. Чадвик помещает слова «разыскание в источниках», мы и остановимся прежде всего на вопросе о том, как и какими источниками пользовался автор. К нашему удивлению, первое же ознакомление с книгой обнаруживает, что ее автор владеет поразительно убогим историковедческим багажом. Основной источник по истории Киевской Руси — «Повесть Временных лет» — Чадвик цитирует по изданию Миклошича 1860 г., а также по переводу Русской начальной летописи, сделанному Кроссом (см. примечание к стр. 5: «The only form of the text of the Povest, which has been accessible to me is the Chronica Nestoris»).

Надо сказать, что издание Миклошича вызвало серьезные критические замечания уже при своем выходе в свет, почти 100 лет назад, так как он издал Повесть с произвольными поправками в тексте и правописании. Теперь, после выхода в свет прекрасных изданий Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, после печатного воспроизведения самих рукописей, содержащих текст Повести, изданием Миклошича пользуются разве только в учебных целях или по незнанию научных изданий летописей. Странно видеть книжку, основанную на такой источниковедческой базе, в университетском издании...

В книжке нет ни слова о работах А. А. Шахматова, сделавших эпоху в области изучения русского летописания, хотя даже начинающий студент-историк нашей высшей школы не решится что-нибудь писать о летописях без знакомства с трудами Шахматова. Не ясно ли, что «разыскание в источниках» основано на крайне зыбком базисе и обнаруживает в его авторе столько же самонадеянности, сколько невежественности и недобросовестности.

После сказанного мы с известной подозрительностью отнесемся к познаниям автора и в области источников нерусского происхождения. Чадвик считает себя специалистом скандинавского эпоса и ссылается на свои исследования в этой области, но не странно ли, что во всей рассматриваемой книжке мы не находим ни слова по вопросу об исторической ценности скандинавских саг — источника, как известно, крайне прихотливого и мутного. Поставить же в один ряд записанную песенную традицию и письменный источник без всякой критики может разве ученик старших классов, а не солидный ученый, каким, видимо, считает себя г-жа Чадвик.

Автор приступил к своей работе, плохо зная источники русской истории, в первую очередь летопись (о существовании иных письменных источников по истории России X—XI вв. Н. К. Чадвик, очевидно, и не подозревает), имея превратные понятия об исторической ценности скандинавских саг, почерпнув из вторых и третьих рук сведения о восточных источниках. Но, может быть, плохая подготовка в области знания источников восполняется хорошим знанием литературы вопроса? Вот здесь-то мы и встречаемся с явлением, характерным сейчас для многих западноевропейских авторов,—полным их незнанием или игнорированием современной исторической науки, в первую очередь советской.

Н. К. Чадвик не знает даже самых крупных русских работ по истории Киевской Руси, например известную книгу Б. Д. Грекова «Киевская Русь», не говоря уже о более мелких работах. Всю свою ученость она черпает из книжек и статей белых эмигрантов и иностранных авторов, которые усердно, но бесплодно занимались древней русской историей, изучая, подобно Н. К. Чадвик, летопись по изданиям Миклошича или «Школьной библиотечки».

Нет ничего удивительного, что выводы в таких работах соответствуют их научному уровню. Поэтому и книжка Н. К. Чадвик изобилует множеством курьезов и нелепостей, рассчитанных на то, что английские читатели поверят автору на слово, не зная ни русской истории, ни русского языка.

Чтобы не быть голословными, углубимся немного в рецензируемое «разыскание в источниках». Основной метод исторического исследования, которым пользуется автор,—это метод произвольных догадок. Был князь Олег, затем была княгиня Ольга, значит, Ольга была дочерью Олега, заключает автор (стр. 10), скромно добавляя, что летописец молчит об этом обстоятельстве. Действительно, летописец умалчивает о родстве Олега и Ольги, молчат об этом и русские историки по той простой причине, что им было известно о происхождении Ольги из русского города Пскова². Был древлянский князь Мал, была у княгини Ольги ключнице Малуша, по сему случаю Малуша — дочь Мала (стр. 66). Опять очень просто. Плохо только то, что летопись прямо называет отцом Малуши и ее брата Добрыни некоего Малка Любчанина («отец им был Малк Любечанин»), т. е. «жителя» города Любеча³.

Но приведенные исторические упражнения Н. К. Чадвик кажутся весьма невинными по сравнению с тем, что автор проделывает при сопоставлении некоторых других известных летописи со скандинавскими сагами. В Швеции и Норвегии, поучает ав-

² ПСРЛ, т. 1, стр. 12.

³ Там же, стр. 29.

тор, поблизости от королевского жилья воздвигали каменные строения, служившие святилищами и местами погребения (так называемые *barrow*). Тожественным строением в Киеве, оказывается, был терем. Видите ли, летопись говорит, что один княжеский двор стоял в городе, а другой — вне города. Этот второй двор и имел каменный терем. А раз он был каменным, то он, значит, напоминает (*recalls*) *barrow* (стр. 29). У автора все это причудливо смешано с берегом реки (понимай Днепра) и киевским Подолом, — одним словом, все причудливо и фантастично. И это построение автора опровергает летопись, свидетельствующая, что каменный терем «вне града» находится за св. Богородицей, т. е. за Десятинной церковью, и что на его месте стоит двор domestikов, т. е. двор одного из церковников Десятинного собора⁴, следовательно, терем стоял на высокой горе, а вовсе не на низменном Подоле у Днепра. Сообщим под строгим секретом Н. К. Чадвик, что остатки древнего терема, а не *barrow*, найдены советскими археологами у Десятинной церкви.

Но самое пикантное Н. К. Чадвик приберегает на конец. Автор объясняет обращение Ольги в христианство желанием ее избежать погребения заживо с умершим мужем. Эта версия сопровождается почтенной ссылкой на некую шведскую принцессу (стр. 30—31).

Так выдающееся по своему значению событие мировой истории — принятие христианства самым многочисленным славянским племенем — безнадежно опошляется вследствие привычки рассматривать исторические события с точки зрения личных мотивов царей и королей. Недаром же некоторые английские историки до сих пор серьезно уверяют, что отделение англиканской церкви от римского престола было вызвано личными желаниями Генриха VIII, как будто реформация не была подготовлена всем ходом английской истории.

Отметим здесь же, что автор твердо уверен в том, что всю русскую древность IX—XII вв. можно легко объяснить скандинавскими сагами.

Русские, т. е. восточнославянские, племена для Чадвик как бы не существуют, да и вообще народа не существует, существуют только князья, в лучшем случае — бояре. Автор даже не пытается задать себе вполне законный вопрос: на каком же языке говорили первые князья, когда и как славянский язык восторжествовал над скандинавским, если первые князья были норманнами? Ведь памятники русской письменности (договоры с греками) известны с X в.; ведь если бы первые князья были скандинавами, которые, по словам Н. К. Чадвик (стр. X, предисловие), были столь замечательными организаторами государства, то скандинавский язык повлиял бы на русский, а это невозможно установить. Известно, какое значение для создания

⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 23.

современного английского языка имело завоевание Англии норманскими рыцарями из Франции, а ведь Англию XI в. никак нельзя назвать малокультурной страной средневековья. Почему же так ничтожны и спорны следы скандинавского языка и культуры в русском языке и культуре? Этот законный вопрос нельзя устранить воплями о том, что основание Русского государства норманнами доказано. Понимает это и наш автор, говоря в предисловии: «Моя работа убедила меня, что роль, сыгранная скандинавами в русской истории, ясно не понята» (стр. X). Н. К. Чадвик пускается в пространные рассуждения, чтобы объяснить эту роль. Так, в главе о договорах Руси с греками и русском языке она поставила перед собой задачу доказать, что языческие боги древней Руси — это, в сущности, боги скандинавского Олимпа, хотя в источниках нет никаких указаний на сходство названий какого-либо русского или славянского языческого бога с названиями скандинавских божеств. Это не представляется автору трудным: стоит только немного пожонглировать названиями и именами. В древней Руси, например, знали Волоса, скотьего бога, знали Велеса и чешские памятники, — кажется, речь идет о бесспорном славянском божестве, но автора это мало устраивает, и вот из залежалого запаса скандинавских языческих божеств добывается некий северный божок Волси (стр. 86), и дело кончено. Велес получает скандинавскую марку, а отсюда его нетрудно отождествить с Фреем (стр. 88).

Еще замечательнее происхождение другого божества у славян, Хорса, которого, по словам автора, еще никто не отождествил (стр. 89). Оказывается, Хорс — это просто «horse» — лошадь («is an exact equivalent of the A. S. hors, O. N. hross, a horse»). Вот вам и вся проблема!

Конечно, автор стремится тотчас проявить свою ученость: она делает даже ссылки на персидские слова (неизвестно, впрочем, понимает ли Н. К. Чадвик по-персидски) и глубокомысленно замечает, что производить слово «хорс» из персидского языка невероятно. Далее следуют рассуждения о готах, литовцах и др., — одним словом, о каких угодно народах, только не о славянах, хотя даже Н. К. Чадвик не возражает, что «Повесть Временных лет» была написана на русском языке, языке восточных славян, а не датчан, норвежцев, готов, хазар или греков. Автор чрезвычайно уверен в новизне своих выводов, но (увы!) мы должны его огорчить. «Лошадиная» теория Н. К. Чадвик не является новой. В плохой книжке А. С. Фаминцына «Божества древних славян» (СПб., 1884, стр. 201) читаем: «На английском языке конь и ныне называется horse... отсюда заключаем, что хорс Марс — конь Марс». Над этим конем-хорсом у нас потешались еще за 60 лет до Н. К. Чадвик.

Надо заметить, что лингвистическая эквилибристика Н. К. Чадвик является типичной не только для данного автора: она ха-

рактерна и для более осведомленного в русской истории г-на Вернадского и для других «ученых» западноевропейского и американского капиталистического мира, показывая, в какой тупик зашла история, преследующая отнюдь не научные цели. Спрашивается, чем отличаются труды Чадвик и Вернадского от сочинений провинциальных русских батюшек, уверявших, что название города Каргополь греческого происхождения, ибо «карго» — это греческое «арго» (корабль), произносившееся с придыханием как карго, тогда как «поль» — греческий полис, то бишь город и т. д. и т. д.

Насколько Н. К. Чадвик недалеко ушла от почтенного каргопольского краеведа, видно из ее рассуждений по поводу имени Бандюка, одного из дружинников Владимира Мономаха. Бандюк принимал участие в убийстве в 1096 г. половецкого хана, и вот каким потоком глубокомысленных замечаний по его адресу растекается наш автор. Коварное приглашение Владимира к Итларю было сделано дружинником Бандюком, имя которого «было бы правильно писать, как Бан Дюк — Ban Dyuk» (стр. 125). Для чего автору понадобилось разделить одно имя на два? А вот для чего: слово «бан» употребляют югославы для обозначения правителя области или города, а Дюк, как свидетельствует былина, — это имя галицкого князя. Ну, а кто такой, по мнению Н. К. Чадвик, княжеский боярин Ратибор? Ответить на это уже совсем просто: имя Ратибора составлено из двух северных слов: «rath» — совет, «bera» — приносить, — следовательно, обозначает «советника» (стр. 125)...

Но позвольте, решимся мы все-таки скромно заметить: во-первых, в Лаврентьевской летописи стоит не Бандюк, а Бяндюк, а в Ипатьевской летописи и других списках и совсем нет Бандюка, а есть Байдук. Может быть, автору следовало бы хоть немного вспомнить о критике текстов, тем более, что Дюк Степанович наших былин является галицким князем только в воображении Н. К. Чадвик, русские же былины отсылают его к князю Владимиру, о чем есть превосходные статьи русских ученых. Но что будут означать наши возражения для современного английского ученого, который снизойдет разве только к научным изысканиям такого же толка, как его собственные... Поэтому приведем и два других изыскания об имени Ban Dyuk, надеясь, что Кембриджский университет их увенчает соответствующей похвалой. Быть может (ведь вся книжка Н. К. Чадвик соткана из предположений) Ban Dyuk — это фламандское имя Van Dyuck, которое носил художник XVII в., хорошо известный в Англии; а может быть, Van Dyuk это сочетание двух французских слов «van» (провозглашение) и «duc» — герцог, вождь. Думается, что при всей его шуточности наше объяснение русского Бандюка или Байдука ничем не хуже приведенного в книге Н. К. Чадвик.

Книжка Н. К. Чадвик — плод самонадеянной и невежественной стряпни...

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С НЕМЕЦКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ В XII—XV ВВ.

Вопросу о продвижении на восток, так называемому *Drang nach Osten* отводится немало места в фашистской литературе. Завоевание Прибалтики рассматривается в ней как необходимое звено расширения немецкого владычества на Восточную Европу. При этом немецкое господство и зверства рыцарей объясняются в фашистской литературе необходимостью распространения культуры в «диких» прибалтийских странах. Меченосцы — эти звероподобные воины — выставляются в фашистской немецкой литературе как носители культурного начала.

Нечего и говорить, как далеки подобные построения от действительности. История завоевания Прибалтики является тяжелой страницей, заполненной описаниями убийств, грабежей и насилий, которые принесли с собой немецкие захватчики в Прибалтику.

В планах фашистов, направленных против Советского государства, Прибалтика занимает особенное место. Продвижение на восток, в первую очередь в Прибалтику, является частью фашистской захватнической программы. Поэтому советскому читателю немаловажно знать, какой сокрушительный удар получили немецкие захватчики, пытавшиеся вторгнуться в русские пределы, даже в тот тяжелый период, когда большая часть русских земель лежала в развалинах после татарских погромов и была лишена всякой помощи извне.

История знаменательной борьбы русского народа с немецким нашествием начинается с конца XII в., когда свободные племена эстов, ливов, латышей и куров, поработанные немецкими завоевателями, «...получили...крепостное право, и их стали истреблять» (Маркс)¹. Вслед за ливами и леттами, населявшими бассейн нижнего течения Двины, наступила очередь эстов. Завоеватели сравнительно быстро справились с туземным населением и подошли к границам Руси. Здесь начался новый

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 340.

акт в драматической борьбе прибалтийских племен и русских против надвигавшегося немецкого порабощения.

История борьбы Руси с немецкой агрессией на востоке крайне поучительна. Немецкое движение на восток остановилось на русских рубежах, и только тяжелые времена татарского ига помешали русским помочь народам Прибалтики сбросить немецких завоевателей в море.

ПЕРВЫЕ СНОШЕНИЯ РУСИ С ПРИБАЛТИКОЙ

Сношения русских земель с Прибалтикой начинаются с давнего времени. Наша древняя летопись в числе соседей славян называет зимеголу, корсь, летьголу и любь (или либь). В этих названиях нетрудно узнать племена, населявшие Прибалтику в XI—XII вв., — семигалов, куров, летгалов и ливов.

Географическое расположение этих племен было следующее. Ливы жили в устье Западной Двины и, по-видимому, были довольно многочисленны. Летты (позднейшие латыши), селы (зимеголы летописей) и летгалы населяли также бассейн Западной Двины к востоку от ливов. Корсь или куроны занимали современный Куронский полуостров, омываемый Балтийским морем и Рижским заливом. Кроме того, русские источники знают народ «чудь». Летопись говорит, что чудь «приседяхуть к морю Варяжскому»², т. е. жила на побережье Балтийского (Варяжского) моря. «Чудью» летописец называл многие северные народы, говорившие на финских языках, в первую очередь эстов. Само имя «чудь» древнего происхождения и уже упоминается Иорданом, писателем VI в. н. э. Упоминание в летописи семигалов, куров, летгалов и ливов отдельно от эстов (чуди, сидевшей у Варяжского, или Балтийского моря) до известной степени объясняет нам пути, по которым шло знакомство русских с народами Прибалтики. Поселения куров, семигалов, летгалов и ливов примыкали к нижнему течению Двины, по которой шел древний торговый и военный путь от Днепра к Балтийскому морю. Этот водный путь по Западной Двине был связан с великим путем «из Варяг в Греки», вдоль которого располагались древнейшие русские города: Киев, Смоленск, Новгород и Ладога. Путь «из Варяг в Греки» начинался в Финском заливе и далее шел по Волхову, Ловати и Днепру в Черное море. Таким образом, он соединял страны Прибалтики с богатыми южными странами и центром средневековой торговли — Византией, или Царьградом нашей летописи. Этот путь существовал с отдаленной древности.

На пересечении пути «из Варяг в Греки» с водной дорогой по Западной Двине возник город Полоцк, один из древнейших русских городов.

² «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1872, стр. 3, 10 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 4].

В конце X в. в Полоцке сидел князь Рогволод, отец Рогнеды. По словам летописи, Рогволод «пришел из замория», вследствие чего в исторической литературе установилось мнение, что имя «Рогвольд» получилось путем переделки скандинавского имени «Рангвальд». Однако это мнение нельзя считать доказанным, так как в летописной передаче имя «Рогволод» носит не только славянские черты, но уже имеет и характерное русское полногласие. Имя же Рог встречается в отчестве новгородца Гюряты Роговича, рассказ которого приводится летописью под 1097 г.

Во всяком случае, проникновение русских в бассейн нижнего течения Двины, несомненно, произошло очень рано, и притом из Полоцкой земли, населенной кривичами.

Косвенное доказательство сказанному можно видеть в том, что латыши называли русских именем «кревст» или «креви» с уменьшительным «кревины», а всю Русскую землю — «Кревуземме»³. Рифмованная немецкая хроника XIII в. также указывает, что на берегах Двины имели свои поселения ливы, селы, русские и другие⁴.

Власть полоцких князей, по-видимому, очень рано распространилась на область нижней Двины. Во всяком случае во второй половине XII в. ливы посылали на помощь полоцким князьям вспомогательные войска. Так, в 1180 г. полоцкому князю Всеславу Васильковичу помогала «либь», т. е. ливы. Впоследствии вассальную зависимость ливов и латышей от полоцких князей признавали сами рижские епископы, условно согласившиеся платить им дань с области, занятой немцами в устье Двины в конце XII в. «Хроника Ливонии» на первых же своих страницах утверждает, что ливы, еще язычники, платили дань полоцкому князю⁵. Впрочем, зависимость прибалтийских племен от полоцких князей выражалась главным образом лишь в платеже дани. Позднейшие немецкие завоеватели восточной Прибалтики с удивлением отмечали, что русские не стремились к порабощению прибалтийских племен. Поэтому прибалтийские племена охотно обращались к русским князьям за помощью против немецких завоевателей.

Полоцкие князья были заинтересованы в охране водного пути по Двине, на которой уже в XII в. стояли два русских города — Герцике, или Гарцике, и Куkenойс. Герцике находился на реке Двине, недалеко от прежней железнодорожной станции Царьград. Здесь до сих пор указывают древнюю замковую гору, а название урочищ Герзак или Бирзак и теперь напоминает о старом городе, когда-то здесь находившемся. Название Герцике

³ Ф. И. Видеман. О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кревинов. — «Записки Академии наук», т. XXI, № 3, приложение. СПб., 1872, стр. 47, 115.

⁴ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I. Riga und Leipzig, 1853, p. 525.

⁵ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. — Л., 1938, стр. 71.

можно объяснить искажением слова Городище. Действительно, словом Герцике немцы обозначали «городище» в Новгороде⁶, служившее княжеской резиденцией. Возможно, что слово Герцике является искажением и какого-либо другого русского или латышского названия.

В конце XII — начале XIII в. Герцике был еще русским городом, в котором сидел русский князь Всеволод, женатый на литовской княжне, дочери некоего Даугерута. Герцике являлся довольно значительным городом. При первом взятии этой крепости в начале XIII в. немцы захватили большую добычу, в том числе колокола и иконы из церквей⁷. Замок Герцике находился на возвышении и был окружен рвом. К городу примыкала значительная область со многими населенными пунктами, из которых один носил русское название — Речица⁸. Вероятно, население княжества Герцике было смешанным; в нем жили русские и наряду с ними латыши и ливы.

Еще ниже по течению Западной Двины, в непосредственной близости к морю, находился Куkenойс, или Куkenос. Свое название этот город получил от речки Кокны, впадающей в Двину. Слово Куkenойс и обозначало «мыс Кокны». Город был построен на полуострове, образованном Западной Двиной и Кокной. Город имел внутреннее укрепление («замок короля», по выражению немецкой хроники), находившееся на горе и окруженное валом⁹. Здесь сидел князь Вячко, прославившийся своей упорной борьбой с немцами. Население Куkenойса отличалось пестротой, в нем жили не только немцы, летты и селы, но и русские¹⁰. Даже немецкие источники указывают, что бассейн Двины был заселен не только прибалтийскими племенами, но и русскими. Археологические находки подтверждают существование здесь древних русских поселений. Ниже Куkenойса (в окрестностях Ашерадена на Двине) были найдены монеты с обозначением родовых знаков Рюриковичей (так называемого трезубца).

Связи русских земель с соседними прибалтийскими племенами к северу от Западной Двины также могут быть прослежены с раннего времени. Почти на границе поселений эстов возник город Изборск, упоминаемый уже в предании о призвании варягов в IX в. Здесь сидел легендарный князь Трувор. Русские поселения распространялись и дальше на запад. Западный берег Чудского озера носил русское название Соболицкого (Sobolitz). Здесь в XIII в. существовали русские селения Узмень и Воронье. Этот край, по-видимому, был отчасти

⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 471—484.

⁷ Там же, стр. 125—126.

⁸ В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, стр. 28; F. G. Bunge. Liv, Esth und Curländisches Urkundenbuch, t. 1, № 23, 28. Reval, 1853, S. 6—8.

⁹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 92, 114—116, 123, 246.

¹⁰ Там же, стр. 487—489.

заселен русскими уже очень рано. Ярослав Мудрый в 1030 г. основал в Эмбахе, или Омовже наших летописей, город Юрьев. По весьма вероятному предположению, на месте Юрьева ранее существовало эстонское поселение; река Эмбах (по-эстонски Эмайыги — Мать Вод), на которой он стоит, прославлена в эстонском эпосе. Ярослав назвал новый городок по своему христианскому имени (Юрий — Георгий). Юрьев был построен на старинном водном пути, который начинался от Пскова и шел по реке Великой, Чудскому озеру и реке Эмбах (Эмайыги) к ее верховью и оттуда волоком по Койве (Аа) или по Салису до моря. Этот старинный торговый путь отмечен относящимися к различным векам находками, начиная с монет римской эпохи¹¹.

Юрьев был самым западным русским городом в Прибалтике, но в летописях встречаются указания на походы русских князей и далее на запад, в Эстонию. В 1054 г. новгородцы во главе с Изяславом Ярославичем ходили на Чудь и взяли осек (городище эстов) Кедипив, или Солнечную Руку. В начале XII в. новгородцы взяли город Медвежья Голову. Летописи упоминают также о чудском городе Воробине.

Местоположение всех этих городищ устанавливается довольно точно. Кедипив отождествляется с городищем Кедепне. Буквальный перевод слова Кедепне с эстонского означает «руки голловка». Некоторые авторы указывают, что в соединении с разветвляющимися горными кряжами это городище имеет некоторое сходство с кистью руки¹². Городище Варбола, по-видимому, — летописный город Воробин. Варбола — «величайшее из сохранившихся городищ» с внутренним пространством приблизительно в 5 тыс. квадратных сажен¹³. Русские летописи знают названия некоторых эстонских племен, известных по немецким источникам: чудь — сысоло (сакалане), чудь — ерева (ервен) и т. д.¹⁴ Названием Медвежья Голова летописи называют один эстонский город (в немецком переводе — Оденпе). Так называлось городище в гористой местности к югу от Юрьева.

В известиях о походах русских князей любопытно стремление летописца перевести непонятные чужеземные названия на русские. В этом обнаруживается знание русскими языка эстов. Следовательно, сношения с Прибалтикой в это время не ограничивались только военными походами и сбором дани. Русские купцы не были случайными гостями в Прибалтике. Несомненным свидетельством торговых связей является находка на острове Эзеле (Сааремаа) серебряника Ярослава Мудрого (1019—

¹¹ Н. Харузин. Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. — «Временник Эстляндской губернии», 1893, кн. 3. Ревель, 1894, стр. 95.

¹² Ю. Труман. Русские элементы в Эстляндии в XIII—XV вв. — Там же, стр. 73.

¹³ Н. Харузин. Указ. соч., стр. 130.

¹⁴ И. Ф. Чешихин. История Ливонии, т. I. Рига, 1884, стр. 8.

1054 гг.). Необходимо отметить, что монеты Ярослава такого типа, какой был найден на Эзеле, насчитываются единицами. Распространение «Ярославля серебра» в Прибалтике объясняет загадочный факт существования скандинавских монет, подражающих монетам Ярослава. Подобные деньги могли найти распространение в Прибалтике, очевидно, потому, что русское влияние здесь во времена Ярослава было очень сильным⁵.

Русские поселения встречаем в Эстонии и позже, в первой половине XIII в. В булле римского папы от 1234 г. говорится о русских, живших в Ревеле¹⁶. В этом же городе был русский конец Вендерфер.

В языке эстов обнаруживается ряд древних заимствований из русского языка. Таковы названия ремесленников (kupuwal — коновал), повинностей (tats — дача, в смысле натуральной повинности; obruk — оброк), оружия (topper — топор, look — лук) и т. д.¹⁷ В разных местах Эстонии при земляных работах были найдены мелкие кресты с русскими надписями. В развалинах древней часовни в Сага сохранился каменный крест древнего новгородского типа (диск с ножкой и четырьмя отверстиями в середине, образующими форму креста). По-видимому, первоначально христианство появилось в земле эстов из пределов соседней Новгородской области.

Христианство появилось в Прибалтике задолго до прихода немцев. Об этом убедительно говорят заимствования из русского языка, заметные в латышском языке. Так, латыши называют церковь словом бозница (русское «божница») и пост — гаваэть, гавани (русское «говение»); крещение — крустайне и т. д.

«Часовня» в Сага в Эстонии была построена и содержалась местными жителями, находившимися в близких сношениях с Новгородской областью. Таким образом, сношения русских с эстами, ливами и латышами уже в XI—XII вв. надо считать оживленными. Северо-западные русские княжества были кровно заинтересованы в связях с Прибалтикой. Вместе с тем отношение туземного населения к русским не было враждебным. Поэтому в борьбе с немецкими завоевателями местное туземное население всегда искало помощи в русских землях. Давние сношения Руси с Прибалтикой отразились и в наших былинах, знающих «бабу латыгорку». Латыгорка — это произвольное слово от Латыголы (страны летгалов), пограничной с Псковом. Нередко встречается в былинах сказочный град Леденец, в котором видят эстонский город Линданиссу, находившийся на месте современного Таллина.

Таким образом, народы Прибалтики были тесно связаны с русскими землями задолго до прихода немцев.

¹⁵ А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, стр. 44—52.

¹⁶ Ю. Трусман. Указ. соч., стр. 90—98.

¹⁷ Я. Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в IX—XIV веках. — «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 55.

НАЧАЛО НЕМЕЦКИХ ЗАВОЕВАНИЙ В ПРИБАЛТИКЕ

Немецкие источники связывают появление немецких купцов в устье Двины со случайностью. В 1158 г. буря занесла купеческий корабль в страну ливов, и с этого времени начинаются регулярные поездки немцев в область нижней Двины¹⁸. Но появление немецких кораблей в устье Двины не было случайностью, а явилось следствием продвижения немецких торговых факторий по направлению на восток. Наибольшее значение для торговли с востоком получил немецкий город Любек. Баварский и саксонский герцог Генрих Лев дал Любеку значительные привилегии. В середине XII в. немецкие купцы становятся постоянными гостями в восточной Прибалтике, которая одновременно привлекает к себе внимание Швеции и Дании. В это время уже наметился раздел сфер влияния в восточной Прибалтике. Шведские короли направляли усилия к захвату Финляндии. В 1157 г. король Эрик Эдвардсон совершил поход в Финляндию и основал город Або. К тому времени некоторые извещения относят поход датчан в Эстонию и первое появление немцев в устье Двины. Захватчики пытались обосновать свою борьбу против свободных эстов и финнов религиозными мотивами. Освящая насилия крестоносных воинов, папа Александр III призвал шведского и норвежского королей к крестовому походу против «язычников», пообещав всем участникам похода отпущение грехов на целый год¹⁹. Лозунг крестового похода для водворения христианства становится с этого времени наиболее излюбленным средством для оправдания захватов в Прибалтике и порабощения ее жителей.

Одновременно со шведским нашествием в Финляндии происходил захват немецкими купцами устья Двины, которое являлось важным торговым пунктом; отсюда начиналась ближайшая и удобная дорога на восток. Первая же попытка немцев утвердиться в устье Двины имела характер настоящей военной экспедиции. Во главе экспедиции 1184 г. стоял монах воинствующего католического ордена — Мейнард. Эта экспедиция описана в первой половине XIII в. Генрихом Латвийским в его «Хронике Ливонии», повествующей о немецких завоеваниях в этой стране. Мейнард будто бы прибыл в страну ливов с купцами «просто ради дела христового и только для проповеди». В действительности пришельцы, которые фактически были вооруженными рыцарями, тотчас же решили утвердиться покрепче и вскоре привезли с острова Готланда каменщиков²⁰. Для постройки замка были необходимы крупные средства, значит все предприятие в Ливонии было заранее задумано и субсидировано

¹⁸ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., стр. 52.

¹⁹ О. Далин. История Шведского государства, т. II, кн. 1. СПб., 1805, стр. 161.

²⁰ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 71—72.

немецкими купцами. Сам Мейнард, по известию того же Генриха, мог оплатить из своих средств только пятую часть стоимости нового замка. Так была построена прибывшими первая немецкая крепость в Ливонии — Икесколь, или Икскюль, а вслед за тем был воздвигнут и другой замок — Гольм.

Мейнард получил посвящение в епископы и таким образом сделался первым католическим епископом Ливонии. Быстрое посвящение Мейнарда в епископы могло быть сделано только с согласия римского папы. С этого времени началась тяжелая и продолжительная борьба прибалтийских народов с поработителями.

Отношения между ливами и немецкими рыцарями тотчас же приняли враждебный характер. Ливы с ненавистью принимали крещение из рук немцев. Этого не скрывают и немецкие источники: «Крещение, полученное в воде, они (ливов) надеялись смыть, купаясь в Двине, и отправить назад в Тевтонию». Мейнард придерживался еще выжидательной политики, но после его смерти завоевание Ливонии пошло быстрыми темпами. Новый епископ Бертольд также принадлежал к воинствующему монашескому ордену. Он видел только одно средство для покорения непокорных ливов — меч и огонь, и обратился за помощью к папе, который тотчас же «даровал отпущение грехов всем, кто примет на себя знак креста и вооружится против... ливов». Но Бертольд был убит в 1198 г. во время битвы с восставшими ливами, которые вновь стали обливаться водой в Двине, говоря: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство»²¹. Место Бертольда занял новый епископ Альберт фон Апфельдерн.

Альберт стал тотчас же готовить новые захваты ливонских земель. В Дании он виделся с королем Вальдемаром и получил от него дары, в Магдебурге он встретился с германским королем Филиппом. Там же было постановлено, что крестоносцы, отправляющиеся в Ливонию, принимаются под покровительство римского папы, который, «назначая пилигримство в Ливонию с полным отпущением грехов, приравнял его пути в Иерусалим»²².

Завоевание Ливонии стало проводиться планомерно и сопровождалось жестоким подавлением всех попыток местных племен к восстанию. В устье Западной Двины в 1201 г. был построен город Рига, сделавшийся резиденцией епископов и крупным торговым центром. Но силы епископов были ограничены. Поэтому Альберт решил создать особый рыцарский орден для покорения ливов и других народов Прибалтики. Подобные рыцарские ордена существовали в Палестине и ставили своей задачей борьбу с мусульманами. Новый орден в Ливонии должен

²¹ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии*, стр. 76—77

²² Там же, стр. 78.

был огнем и мечом обращать в христианство «язычников» Прибалтики, обращая их в рабов немецких завоевателей.

В 1202 г. был основан Орден меченосцев, «которому господин папа Иннокентий дал устав храмовников (тамплиеров — М. Т.) и знак для ношения на одежде — меч и крест, велев быть в подчинении своему епископу»²³. Первоначально новых рыцарей называли по-латински «братьями воинства христового», а в немецких текстах — просто «братьями». Употреблялось и другое название: «божьи воины», или «божьи рыцари», что буквально переводилось русскими источниками, как «божьи дворяне». Название «меченосцы» рыцари получили позже — по своей одежде. Они носили белый плащ, на котором был нашит красный меч и над ним такой же крест. Эта эмблема вполне соответствовала мрачной и кровавой деятельности рыцарей, прославившихся своими зверскими преступлениями.

Орден имел аристократический состав. В состав высшей группы, называвшейся «братьями», допускались только люди, у которых уже отцы имели рыцарское звание. В состав низшей орденской братии, или «служащих братьев», могли входить простолюдины, впрочем, за исключением рабов или слуг²⁴. Все управление находилось в руках рыцарей, или «братьев». Глава ордена носил титул магистра (по-немецки мейстера).

В дальнейшем именно Орден меченосцев был проводником немецких завоеваний в Прибалтике. По словам Маркса *«Иннокентий III призвал христианское рыцарство к крестовому походу против ливов; юнкерам такая охота была по душе; северонемецкие купцы добровольно давали деньги и корабли, потому что в этих местах торговля была выгодна; по прошествии года епископ отпускал рыцарей, и тогда вместо них приходили из Германии другие. Жаждающие добычи и приключений рыцари принимают за дело»*²⁵.

Создание Ордена меченосцев ускорило завоевание страны ливов. Пользуясь раздорами между отдельными племенами, немцы покорили поодиночке племена ливов. Вероломство и обман были постоянными средствами Альберта и его приспешников. Мирная Ливония была разорена и залита кровью.

Завоеватели уже делили свою добычу. Епископ Альберт выделил третью часть земли меченосцам — область реки Койвы (Аа), где меченосцы построили замок Венден, сделавшийся резиденцией провинциального магистра, или ландмейстера²⁶. Орден быстро продвинулся еще далее на север и построил замок Вильянди (Феллин). Жестокий отпор местных племен заставил Альберта обратиться за помощью к датским феодалам, кото-

²³ Там же, стр. 82.

²⁴ F. G. Bunge. Orden der Schwertbrüder. Leipzig, 1875, S. 24—33.

²⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 341.

²⁶ C. Mettig. Baltische Städte. Riga, 1905, S. 115—129.

рым были обещаны земли северной Эстонии. Датский король Вальдемар II взял замок эстов Линданиссу и построил на его месте город Ревель. Одновременно шло покорение земель летгалов и эстов. В 1227 г. немцы окончательно покорили жителей острова Эзеля, показавших чудеса храбрости при обороне своей родины²⁷.

В трагической борьбе прибалтийских племен с немецкими и датскими захватчиками поражает одна особенность, которую упорно избегала отмечать немецкая официальная литература, рассказывающая о покорении Ливонии — это непрерывные восстания туземцев и столь же непрерывные обращения их к русским с просьбами о помощи.

Прибалтийские племена с трудом сносили ненавистное иго немецких и датских феодалов. Мы видели, как ливы старались смыть, точно грязь, католическое крещение. Но и сами крестоносцы очень мало стеснялись по отношению к своей религии. Датские рыцари вешали жителей, если они принимали крещение от рижан²⁸, хотя и датчане и немцы одинаково были католиками. Целью немецких захватов являлось не обращение язычников в христианство, а присоединение земель и порабощение населения. Немецкий историк XIII в. Генрих Латвийский избегает говорить о неприятных вещах и словесными хитросплетениями старается представить немецкое владычество в благоприятном свете. Но и он устами ливов, леттов и эстов свидетельствует о зверствах и ненасытной жадности крестоносцев.

Но у нас есть неоспоримый свидетель тягостного положения покоренных народов Прибалтики уже в первые времена немецкого владычества — это послания самих вдохновителей и покровителей кровавых походов, — римских пап. В 1238 г. папа Григорий IX писал своему легату в Ливонии о том, чтобы принявшие христианство «язычники не были обращены в рабство, как это делают братья св. Марии (т. е. меченосцы) и некоторые другие».

Ничего нет удивительного в том, что прибалтийские племена с ненавистью смотрели на своих угнетателей и поднимали непрерывные восстания, обращаясь за помощью к русским. Зависимость ливов, леттов и эстов от русских князей ограничивалась лишь сбором дани и номинальным подчинением. Немцы же стремились не только к владычеству, но и к полному порабощению ранее вольных народов Прибалтики. Те же цели они ставили себе при нападении на русские земли.

²⁷ Н. Н. Грацианский. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. — «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 90—91.

²⁸ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 208.

БОРЬБА ЗА НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Немецкие завоеватели, высадившиеся в устье Двины, уже в самом начале столкнулись с русскими. Епископ Мейнард в 1184 г. получил разрешение полоцкого князя Владимира поселиться в Икесколе (Иксюль), в устье Двины, и построить церковь. По циничному выражению Рифмованной немецкой хроники, «язычники страны Икесколе... не подозревали, что впоследствии должно отсюда распространиться»²⁹. Действительно, из небольшого замка, основанного в устье Двины, распространилось порабощение и тяжкое немецкое иго для всех прибалтийских племен.

Мирные отношения между немцами и окружающим населением продолжались недолго. Постройка каменного Икескольского замка показала окрестному населению, что новые пришельцы устраиваются на прочное жительство. Представляется странным, каким образом полоцкие князья позволили немцам утвердиться в подвластных им областях. Объяснение этому мы прежде всего находим в слабости полоцких князей и немногочисленности русского элемента в устье Двины. Куkenойс был не чем иным, как передовым русским оплотом среди разнородного нерусского населения. Полоцкие князья считали себя заинтересованными больше всего в сборе дани с ливов и леттов, а рижские епископы в тот период времени не оспаривали у них этого права. Вероятно, некоторую роль сыграли и выгоды, открывшиеся для полоцкой торговли с немецкими городами, в частности с Бременом и Любеком. Поэтому полоцкий князь проявлял на первых порах дружбу и расположение к немецким пришельцам.

Первые столкновения русских с немцами на Двине, по-видимому, произошли уже при епископе Бертольде. Об этих столкновениях Генриху Латвийскому ничего не известно, но немецкая Рифмованная хроника конца XIII в. говорит, что при Бертольде «против христиан (т. е. немцев) в Лифляндии поднялась война со стороны литовцев и русских. У Кокенгаузена произошло сражение, 300 христиан остались убитыми, и множество язычников, число которых не сочтено, пало на месте битвы»³⁰. Последующая история немецких захватов действительно показала, что первые удары против русских земель были направлены в сторону Куkenойса как наиболее далеко выдвинувшегося русского города, завоевание которого было необходимой предпосылкой для успехов немецких захватов на Западной Двине.

К началу XIII в. немецкие владения приблизились к самому Куkenойсу. В непосредственной близости от него был построен замок Леневарден, данный в 1201 г. епископом Альбертом во

²⁹ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 526.

³⁰ Ibid., p. 531.

владение одному немецкому рыцарю. После построения Риги устье Двины оказалось наглухо запертым для русской торговли.

К этому времени относится и начало борьбы полоцких князей против наступавших немцев. Одна из немецких хроник (хроника Арнольда) говорит о первых столкновениях: «Король русский из Полоцка имел обыкновение от времени до времени собирать дань с ливов, в которой ему епископ... отказал. Оттого делал он часто жестокие нападения на поименованный город» (Ригу) ³¹.

В 1203 г. полоцкий князь Владимир пришел в Ливонию и осадил Икесколу, которая откупилась деньгами. Была сделана попытка взять другой немецкий замок — Гольм. В общем же действия русских князей ограничились обычными схватками и приобретением добычи. Князь Гердике, не названный «Хроникой Ливонии» по имени, угнал скот из Риги, а Владимир получил денежный откуп ³². Такой способ войны, характерный для многих предприятий русских князей и в позднейшее время, не мог обеспечить завоевание края на длительный срок.

Немцы, наоборот, вели чрезвычайно жестокую агрессивную политику, строя замок за замком и покоряя область за областью. Епископ Альберт, кроме того, умел искусно пользоваться противоречиями, существовавшими в отношениях между полоцкими князьями и литовцами. Когда семигалы вступили в союз с Владимиром, немцы заключили соглашение с литовцами, которые предприняли затем военный набег в Семигалию. Только появление в литовских пределах полоцких войск, вступившихся за семигалов, вызвало поспешное отступление литовцев ³³.

Почти одновременно Альберт заискивает перед Владимиром и начинает войну против «ненавистников христианства» — литовцев. Таким образом, вероломство является постоянным приемом немецкой политики в Прибалтике.

В этот период немцы были еще не настолько сильны, чтобы раздражать полоцких князей; однако они пользовались всеми средствами для подрыва русского влияния в стране ливов и латышей. Вскоре такая политика дала ощутительные результаты. Владимир Полоцкий собрался походом непосредственно против Риги только в 1206 г. Перед этим в Полоцк приходило посольство сперва от ливов, а затем от Альберта. Ливы видели в русском князе освободителя, и даже немецкий автор признает, что рижский епископ с его людьми для ливов — «великая тягость, а бремя веры нестерпимо» ³⁴.

Владимир Полоцкий со значительным войском спустился на кораблях вниз по Двине и осадил замок Гольм. Это было пер-

³¹ Ф. Кейслер. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900, стр. 9.

³² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 85.

³³ Там же, стр. 81.

³⁴ Там же, стр. 95.

вое крупное столкновение между русскими и немцами. Немцы стреляли камнями из метательных орудий (балисты) и ранили многих осаждавших. «Русские со своей стороны, не знавшие применения балисты, но опытные в стрельбе из лука, бились много дней и ранили многих на валах»³⁵. Наиболее характерным в этой войне был постоянный союз ливов с русскими. Генрих Латвийский замечает, что тевтоны боялись «предательства» со стороны ливов, которые искали «способа, как бы, захватив их хитростью, предать в руки русских». Но и в этот раз осада продолжалась всего 11 дней, после чего Владимир Полоцкий вернулся с войском обратно.

В 1208 г. немецкий рыцарь Даниил из Леневардена с отрядом сделал ночной набег на Куkenойс и захватил в свои руки князя Вячко. Епископ Альберт освободил Вячко, вероятно, боясь полоцкого князя. Но Вячко понимал, что немцы только временно отказались от военных действий. В том же году русский князь сделал набег на Ригу, что, не дождавшись помощи из Полоцка, сжег Куkenойс и ушел в Русь. В этой войне летты и селы по обыкновению боролись вместе с русскими против немцев. При известии о сожжении Куkenойса «летигаллы и селы, жившие там, скрылись в темные лесные трущобы»³⁶.

В 1209 г. на месте Куkenойса был основан немецкий замок Кокенгаузен, построенный в виде треугольника из каменных стен и башен. Так неудачно завершилась борьба за устье Двины, которым овладели немецкие рыцари. Полоцкие князья были недостаточно сильны, чтобы удержать в своих руках отдаленный Куkenойс и его округ, а ливы и летты слишком разрознены, чтобы оказать решительное сопротивление немцам.

После падения Куkenойса наступила очередь Герцике, где сидел князь Всеволод. Немцы ставили в вину Всеволоду его близость к литовцам, так как он был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев и постоянно снабжал их съестными припасами. Герцике был взят приступом в 1209 г. и сожжен, а все семейство Всеволода попало в плен. В том же году Всеволод вынужден был признать себя вассалом рижского епископа, по-видимому, перейдя в католичество, так как признал «всех латинян братьями по христианству». Сохранился подлинный акт ленного пожалования Всеволоду, данный Альбертом.

Вскоре после этого был заключен «вечный» мир между полоцким князем Владимиром и епископом Альбертом, который добивался доступа рижских купцов в русские земли. В заключении этого мира были заинтересованы торговые круги Полоцка и Смоленска. Послом от Владимира в Ригу был некто «Лудольф», «разумный и богатый человек из Смоленска»³⁷.

³⁵ Там же, стр. 102, 103.

³⁶ Там же, стр. 116.

³⁷ Там же, стр. 125, 127, 136.

Вскоре состоялись новые переговоры между Альбертом и полоцким князем Владимиром. Оба они явились в Герцике в сопровождении своих войск. Владимир отказался от взимания дани с Ливонии, «чтобы укрепился между ними вечный мир, а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине»³⁸. Этот мир развязал руки немцам в деле захвата бассейна нижней Двины. Последствия сказались уже в 1214 г., когда немцы снова взяли Герцике и захватили его жителей в плен³⁹. В том же году рыцари вторично взяли Герцике, но были разбиты подошедшими литовцами и уничтожены⁴⁰. Новый поход Владимира, который он вынужден был предпринять против Риги, был в самом его начале прерван смертью этого князя⁴¹.

С этого времени между Полоцком и немцами устанавливается длительный период относительного спокойствия. Немцы не решаются продвинуться далее вверх по Двине, удовлетворившись захватом Герцике и Куkenойса. Всеволод, ранее боровшийся с немцами, теперь спешит в Ригу приветствовать прибывшего в 1225 г. папского легата Вильгельма Моденского. В качестве католика он дарит монастырю в Дюнамюнде земли на берегах Двины. В немецком документе он назван «король Виссесальде из Церике». По-видимому, после его смерти город Герцике достался окончательно рижскому епископу и пяти рыцарям.

Занятый борьбой с литовскими князьями, Полоцк не мог избежать потери своих земель в устье Двины. Это было тяжелое время для Полоцкой земли, когда-то грозной для своих соседей. Литовцы делали непрерывные набеги на Полоцкую землю и подвергали ее разорениям. Времена славы Полоцка давно отошли в вечность. Уже певец «Слова о полку Игореве» писал в конце XII в. о потерянной дедовской славе полочан: «Двина болотом течет оным грозным Полочяном под кликом поганных» (т. е. литовцев).

«Дедовская слава» была в конце XII в. отдаленным воспоминанием для полоцких князей. Борьба с Литвой и Орденом была непосильна для Полоцка, и он пытался опереться на более сильный Смоленск, князья которого распространили свою власть и на Полоцк. Смоленский князь посадил в Полоцке князем своего младшего родственника⁴².

Но и немецкие рыцари не в состоянии были продвинуться в глубь Русской земли. Полоцк сделался передовым русским оплотом и задержал под своими стенами немецкое наступление. Однако выход водной дороги по Западной Двине в Балтийское море остался в немецких руках.

³⁸ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 153.

³⁹ Там же, стр. 164.

⁴⁰ Там же, стр. 168—169.

⁴¹ Там же, стр. 179.

⁴² В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 105—108.

В 1229 г. немцы заключили торговый договор со Смоленском, Полоцком и Витебском. Представителем от Риги и Готского берега был рыцарь Ордена меченосцев, названный в тексте договора «божьим дворянином». Договор 1229 г. послужил образцом для ряда последующих договоров Смоленска с немцами ⁴³.

НАЧАЛО НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Падение Кукуенойсы и Герцике имело печальные последствия. Кукуенойс и Герцике были своего рода бельмом на глазу растущей немецкой агрессии. Укрепив за собой нижнее течение Двины, немецкие рыцари обратили внимание на области, лежащие к северу от Двины.

За весь период борьбы полоцких князей с немцами Новгород и Псков хранили полный нейтралитет. По-видимому, борьба в устье Двины казалась для новгородцев и псковичей чем-то отдаленным. На первых порах новгородская и псковская торговля даже выигрывала от устройства немецких замков в устьях Двины, так как старинный «горный путь» — сухопутная дорога из Пскова к Рижскому заливу была теперь более безопасна, чем раньше.

В непосредственной связи с немецким наступлением на земли леттов и эстов, примыкавшие к области Пскова и Новгорода, стоят новые походы новгородцев и псковичей в Эстонию. Целью этих походов являлся укрепленный город Оденпе (или Медвежья Голова наших летописей). По словам Генриха Латвийского, «великий король Новгорода, а также король Пскова со всеми своими русскими пришли большим войском в Унгавнию, непосредственно граничащую с Псковской землей, осадили замок Оденпе и бились там восемь дней». Осажденные эсты стали просить мира и приняли крещение из Пскова. Но и на этот раз русские князья ограничились полумерами и отступили обратно, не укрепившись в Унгавнии ⁴⁴. Новгородские летописи относят этот поход к 1212 г. Мстислав Мстиславович Удалой ходил вначале на Торму (к северу от Юрьева), а позже — «на град рекомый Медвежья Голову», взяв с эстов дань ⁴⁵.

То обстоятельство, что новгородцы, совершая походы в Прибалтику, не закрепляли свои успехи постройкой укреплений, только увеличивало бедствия эстов. В том же году немцы взяли Оденпе и сожгли замок эстов. Это было осуществлено Орденом меченосцев, который рассматривал пограничные с Псков-

⁴³ L. K. Goetz. Deutsche-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 230 und ff. Тексты договора по разным спискам напечатаны в «Русско-ливонских актах».

⁴⁴ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 129, 130.

⁴⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1. Изд. 2. Пг., 1915, стр. 184.

ской землей области Толову и Унгавнию как свою собственность.

Немецкие рыцари подбирались к псковским границам.

Казалось, грозная опасность должна была вызвать немедленный отпор со стороны псковичей. Но Генрих Латвийский, наоборот, сообщает нам странное известие. В 1210 г. немцы ходили на эстов вместе с вспомогательным отрядом русских из Пскова⁴⁶. В несомненной связи с этим стоит известие летописца о том, что псковичи «изгнали князя Володимира от себе». Причины изгнания объясняет Генрих Латвийский: «Русские во Пскове возмущились против своего короля Владимира, потому что он отдал дочь свою замуж за брата епископа рижского» Теодориха⁴⁷. Бжавший к немцам Владимир получил судейское место в Идумее, но вскоре опять вернулся в русские земли.

Альберт и меченосцы искусно пользовались всеми способами, чтобы натравливать эстов и русских друг против друга. Незадолго до изгнания из Пскова Владимира эсты напали на Псков, пользуясь тем, что русские войска находились в Эстонии, и нанесли большой ущерб. В 1214 г. новгородский князь Мстислав Мстиславович ходил с большим войском против эстов, дошел до Балтийского моря и стоял под городком Варбола, или Воробьиным наших летописей. Мстислав взял с эстов дань и вернулся с новгородцами обратно. Набег 1214 г., сделанный эстами Унгавнии на Псков, был вызван какими-то закулисными действиями меченосцев.

Через два года между Псковом и жителями Унгавнии произошла новая ссора. По словам Генриха Латвийского, «русские из Пскова разгневались на жителей Унгавнии за то, что те, пренебрегши их крещением, приняли ливонское и, угрожая войной, потребовали у них оброка и податей». Меченосцы обещали поддерживать жителей Унгавнии, «подтвердивши, что Унгавния как до крещения всегда была независима от русских, так и ныне остается независима». Этот лозунг «независимости» той или иной страны неоднократно выдвигался немцами, но понимался чисто «по-тевтонски». Через самое короткое время эсты Унгавнии были обращены пришлыми немецкими завоевателями в рабов. Для лицемерия немцев крайне типично одно обстоятельство: они тотчас же произвели раздел всей Эстонии, нарушив не только ее независимость, но и ее территориальную целостность. Треть эстонских земель получил эстонский епископ, треть — рижский и треть — меченосцы⁴⁸.

⁴⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 136.

⁴⁷ По Новгородской летописи это событие произошло в 1213 г. (стр. 195); по Генриху Латвийскому — в 1211 г. (стр. 151). В Новгородской Пятой летописи князь Владимир назван Торопецким. В той же летописи под 1214 г. указан «торопецкий князь Давид Володимиров брат». — ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Изд. 2. Пг., 1917, стр. 183.

⁴⁸ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 181.

Владимир, успевший в это время опять утвердиться в Пскове, с большим войском псковичей успешно вторгся в Унгавнию и стал лагерем на горе Оденпе. Но, как действовали и в других случаях русские князья, он не укрепил свой поход построжкой постоянного укрепления. Поэтому тотчас же после ухода псковского войска меченосцы заняли Оденпе и построили в нем крепкий замок. Таким образом, немецкие владения оказались в непосредственной близости к русским городам — Изборску и Пскову.

Захват Оденпе немцами преследовал прежде всего стратегические цели, так как дорога из Пскова и Изборска в Ливонию шла мимо Оденпе. В 1216 г. — по Генриху Латвийскому, а по псковской летописи — в 1217 г. началась ожесточенная борьба между русскими и немцами. Немецкий отряд, состоявший из епископских людей и рыцарей-меченосцев, сделал опустошительный набег в новгородские пределы, воспользовавшись рождественскими святками, когда «русские больше всего заняты пирами». Для вероломного поведения меченосцев характерно следующее событие, предшествовавшее набегу: взятые незадолго перед тем немцами в плен русские воины были освобождены магистром и с почетом отпущены в Русь. Таким образом, новгородцы могли совершенно не ожидать нападения из Ливонии.

В ответ на набег русские войска вторично вторглись в Ливонию и осадили Оденпе. На 17-й день немцы принуждены были сдаться на условиях свободного прохода к себе домой. Так рассказывает Генрих Латвийский. Новгородская летопись рисует нам другую картину. Когда новгородцы во главе с Владимиром и посадником Твердиславом осадили Оденпе, немцы внезапно напали на русский обоз. Новгородцы и псковичи, собравшиеся на вече, взяли оружие и отбили немцев. В плен попал и брат епископа Альберта Теодорих — зять Владимира, который увел Теодориха в Псков. Новгородцы взяли Теодориха и увели его в плен к себе. Рассказывая об осаде Оденпе (Медвежьей Головы), Новгородская летопись говорит, что во время осады убили двух немецких воевод, а третьего взяли в плен⁴⁹. Этим пленником, вероятно, и был Теодорих.

Борьба под Оденпе показала новгородцам необходимость более решительных действий. Как и раньше, Альберт пытался предотвратить неминуемый поход русских войск и отправил в Новгород посольство, но предложение немцев о мире было отвергнуто. Поводом к войне была все возрастающая активность меченосцев. Новгородцы рассчитывали на поддержку эстов, которые просили русских прийти с войском.

⁴⁹ «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888, стр. 205.

Готовилось всеобщее восстание эстов против невыносимого гнета немецкого владычества. «И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале... и явились к ним роталийцы, и гариионцы, и виронцы, и ревелицы, и гервенцы, и люди из Саккалы, было их шесть тысяч и ждали все пятнадцать дней в Саккале прибытия русских королей»⁵⁰. Но немцы успели опередить русских и нанесли главным силам эстов полное поражение. Таким образом восстание эстов было подавлено в самом начале.

Только в следующем году с опозданием началось наступление новгородцев. Генрих Латвийский с обычным для него преувеличением говорит, что новгородский князь два года собирал лучших своих воинов и собрал 16 тыс. войска. Опасность для немцев представляли не только русские силы, но и перспективы всеобщего восстания эстов и жителей Ливонии. Альберт обратился за помощью к датскому королю Вальдемару II. Но еще раньше в Ливонии начались военные действия, рассказ о которых находим у Генриха Латвийского. Русские послали по эстонским деревням гонцов созывать эстов в ополчение.

Битва русских и немцев имела неопределенный исход. После осады Вендена, который не удалось взять, русские войска удалились в свои пределы, возможно, получив известие о разорении окрестностей Пскова литовскими отрядами.

Битва между русскими и немцами произошла под Иммекулле (современная эстонская деревня Иммевилле). Генрих Латвийский относит ее к 1218 г. и рисует ее как немецкую победу. Об этом же событии рассказывает немецкая Рифмованная хроника. По ее словам: «Русские стали замечать, что христианство расширилось в земле, они хотели его уничтожить, потому что оно было им неприятно». Конечно, дело шло не о христианстве (русские сами были христианами), а о немецкой агрессии в Прибалтике и на северо-западных границах русских земель. Навстречу русским вышел сам мейстер с рыцарями, ливами и леттами. По немецким известиям, много богатых знамен бросили русские на поле битвы, и так как они спасались по плохой тропинке, то многие из русских погибли в битве и при отступлении. Новгородская летопись относит эту битву к 1219 г. и, наоборот, замечает: «Пособи бог новгородьцем, идоша под город и стояща 2 недели, не взяша города и придоша сторови» (здоровы)⁵¹.

Битва при Иммекулле не изменила положения. Период времени с 1219 по 1224 г. отмечен особой активностью немцев, покорявших земли эстов в непосредственном соседстве с Псковской землей. На севере эсты подверглись нападению датчан,

⁵⁰ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии*, стр. 185.

⁵¹ «Новгородская летопись...», стр. 210.

разорявших северную Эстонию. Без всякой помощи извне, разрозненные между собой, разоряемые немцами и датчанами с двух сторон, эсты задыхались от непосильной войны.

Утвердившись в Оденпе, немецкие отряды, подкрепленные леттами, стали делать набеги на псковские земли. Псковская земля была разорена набегом отряда леттов из Куkenойса во главе с двумя немецкими рыцарями. Летты поселились в русской земле, устраивали засады на полях, в лесах и в деревнях, захватывали и убивали людей, уводили коней и женщин⁵².

Из всей земли эстов более или менее независимой областью оставался только район Юрьева (Дерпта) на Эмбахе. Епископ Альберт отправил сюда своих миссионеров, которые обосновались под самым Юрьевым, номинально считавшемся по-прежнему новгородским владением. Обратившись к новгородцам с мирными предложениями, Альберт в то же время «не преминул послать других священников в Эстонию»⁵³.

Юрьев, по-видимому, уже не имел постоянного русского гарнизона, но все еще находился в союзе с Новгородом. По крайней мере, нет никаких указаний на то, что псковичи и новгородцы совершали походы против Юрьева, подобно тому как они делали это против Оденпе. Фактически Юрьев был таким же небольшим княжеством, каким являлся Куkenойс. По словам Генриха Латвийского, в это время в Юрьеве сидел уже судья, посаженный немцами. Город находился в каком-то странном положении. Основное население его было еще, видимо, русским, но уже сказывалось новое, немецкое владычество.

Военные действия возобновились в 1220 г. Новгородцы напали на Венден (Кесь наших летописей) и на всю его область. В войне на стороне русских принимали участие литовцы⁵⁴. Немцы и летты в ответ сделали набег на Новгородскую область и вернулись обратно с большой добычей. В том же году был сделан новый набег из Ливонии на Русь, теперь уже направленный на северные части новгородской земли, Нарву и Ижору. В этих набегах принимали участие не только немцы, но и эсты и летты из разных областей. Таков был результат изменнической политики немцев, которые обещали жителям Ливонии покровительство и натравливали их против русских.

Насилия и зверства завоевателей вызывали все больший отпор среди прибалтийских племен. Вначале восстали воинственные жители острова Эзель, вслед за ними поднялись эсты на материке. «По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из тех областей,— с горечью сообщает Генрих Латвий-

⁵² *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии, стр. 198, 199.

⁵³ Там же, стр. 208.

⁵⁴ Этот год указан в Новгородской 5-й летописи (ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, стр. 196). По Генриху Латвийскому — 1221 г.

ский.—Русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь»⁵⁵. Немцы были перебиты в Оденпе и Юрьеве, а вслед за этим русские отряды, призванные эстами, разместились в Юрьеве и в некоторых замках в других местах.

В 1223 г. большое русское войско вступило в Ливонию. По немецким сведениям, это войско насчитывало 20 тыс. человек. Во главе его стоял «брат суздальского короля». Это сообщение соответствует действительности, потому что по нашей летописи главой русского ополчения был Ярослав Всеволодович, брат великого князя Юрия и отец Александра Невского.

В лице Ярослава Всеволодовича немцы встретились с крупным политическим деятелем и полководцем. Ярослав понимал, что мимолетные набеги не могут обеспечить победу над немцами. Поэтому он стремился удержать в русских руках Юрьев как важнейшую крепость, дававшую доступ в центр Эстонии.

После вступления в пределы Эстонии русское войско сделало остановку в Юрьеве, где Ярослав оставил гарнизон, «чтобы иметь господство в Унгавнии и во всей Эстонии. Другой гарнизон был поставлен в Оденпе. Таким образом, русские войска закрепили за собой два важнейших стратегических пункта в стране эстов, на границе с русскими землями. Отсюда Ярослав двинулся к Ревелю (Колывани наших летописей) и осадил датский замок. После четырех недель осады и попыток взять замок русское войско вернулось обратно. Во время похода было взято множество пленных и добычи, но могущество немцев и датчан осталось несокрушенным, что отмечает и летопись: «Ярослав повоева всю землю Чудскую, и полона приведе бещисла, но города не взяша, злата много взяша».

Во время похода сказались все особенности феодальной раздробленности Руси XIII в. Крутой и властный, Ярослав не поладил с новгородцами. Усиление княжеской власти было не в интересах новгородцев, а Ярослав готов был рассматривать завоеванные земли в Ливонии как свою собственность. В том же году Ярослав покинул Новгород и отъехал в свое княжение в Переяславль Залесский. Новгородский летописец сообщает, что Ярослав будто бы оставил Новгород по своей воле, после чего новгородцы взяли к себе в князья его племянника Всеволода. Но истина была гораздо более тяжелой. Вскоре после отъезда Ярослава между Новгородом и суздальскими князьями началась ожесточенная война. Новгород был занят своими делами и оставил на произвол судьбы завоеванные земли. Только в Юрьеве укрепился князь Вячко с гарнизоном в 200 человек.

Прекрасно осведомленные о внутренних делах Новгорода и Пскова, немцы собрали большое войско и осадили Юрьев, оставшийся последней крепостью, еще не подчинившейся немец-

⁵⁵ *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии, стр. 226. Генрих Латвийский упоминает, что в Вилиенде сидел некий глава русских Варемар (стр. 229).

ким рыцарям в стране эстов. Войско епископа Альберта и меченосцев подступало к Юрьеву. Немцы выставили множество военных орудий и подкатили к стенам Юрьева крепкую осадную башню, сколоченную из толстых и высоких бревен. Осаждавшие не давали отдыха русским и эстам, оборонявшимся в городе. «Подкоп велся день и ночь без отдыха, и башня всё больше приближалась к замку. Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками: ливы и летты кричали, ударяя мечами о щиты; немцы били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах, русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна»⁵⁶.

Между тем Вячко тщетно ждал помощи из Новгорода, отвергая предложения немцев о капитуляции даже с правом выхода из крепости. Этот старинный враг меченосцев, бежавший от них из Куkenойса и прозванный немцами за свою храбрость «настоящим дьяволом», руководил действиями гарнизона. Наконец, немцы, пользуясь подавляющим перевесом сил, ворвались в город и произвели страшную резню. Русский гарнизон оборонялся дольше всех и был целиком уничтожен во главе с Вячко. Остался в живых только один слуга великого князя, отпущенный немцами в Новгород и Суздаль «сообщить о происшедшем его господам».

Падение Юрьева было кратко отмечено Новгородской летописью: «Того же лета убиша князя Вячка Немцы в Гюргеве, а город взяша»⁵⁷. Внимание русских было отвлечено первым приходом татар и битвой при Калке, когда «языци незнаеми» разгромили русское войско. Поражение русских при Калке не без удовольствия было отмечено Генрихом Латвийским; так как «король смоленский, король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире».

Падение Юрьева, так мало отмеченное Новгородской летописью, в самом деле было очень важным этапом в развитии немецкого наступления на Прибалтику. Немцы подошли теперь к самым новгородским и псковским пределам. Завоевание северной части Прибалтики немцами можно было считать законченным. Потеря Юрьева отнимала у русских единственный оплот к западу от Чудского озера и отдавала эстов и латышей в полную власть немцев-поработителей.

Особое эстонское епископство было образовано немцами еще в 1211 г. Из этого видно, что немецкие завоеватели уже тогда рассчитывали на покорение всех эстов. Впрочем эстонский епископ перенес свою резиденцию в Юрьев, получивший название Дерпта, только в 1234 г., а до этого времени жил в Оденпе.

⁵⁶ Там же, стр. 238—240.

⁵⁷ «Новгородская летопись...», стр. 214 [«Новгородская Первая летопись...», стр. 61].

В Юрьеве был выстроен новый замок и построен большой католический собор. Немцы устраивались в Юрьеве на продолжительное время, и уже в грамоте короля Генриха 1225 г. епископом Дерпта назван Герман, брат рижского епископа Альберта.

Русские были вытеснены из Эстонии. Но Куkenойс, Герцике и Юрьев были только небольшими передовыми пунктами, далеко выдвинутыми на запад. Упорная и долголетняя борьба этих городов против немецкой агрессии не привела к успеху только благодаря полному неравенству сил. Феодалная раздробленность в самих русских землях, а потом и татарское иго не дали возможности другим русским землям выступить на подмогу полочанам, новгородцам и псковичам.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ ПОД УГРОЗОЙ НЕМЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Падение Юрьева создало непосредственную угрозу для русских земель. В особенно опасном положении оказался Псков и его передовой пригород — Изборск.

Отсутствие источников не позволяет сказать с достаточной ясностью, какие отношения создались между Псковом и немцами рыцарями тотчас после падения Юрьева. По-видимому, среди некоторых кругов псковского боярства и купечества возникло стремление к соглашению с немцами. Помимо желания избежать военных осложнений псковские бояре и купцы могли иметь и другие мотивы для поддержания мирных отношений с немцами. Через Юрьев шел старинный торговый путь к Балтийскому морю. Вероятно, немцы прибегли к своей обычной тактике заманчивых обещаний и одновременных угроз. Во всяком случае, в отношениях между Псковом и Новгородом обнаружилась опасная трещина.

Ярослав Всеволодович, собравший большое войско для нового похода на Ригу, встретил решительное сопротивление со стороны псковичей, ссылавшихся на неудачу похода Ярослава под Ревель: «К Колываню есте ходивше, серебро поимали, а сами поидосте в Новгород, а правды не створися, города не взясте, а у Кеси (Вендена) такоже, а у Медвеже Голове тако же, а за то нашу братью избиша на озере, а инии поведени»⁵⁸. Псковичи, несомненно, больше всего страдали от «розмирья» (военных столкновений) с немцами и от отсутствия мирного договора («правды») с ними. Немцы нападали на псковских рыболовов, выезжавших в Чудское озеро, и уводили их в плен.

Ярослав пытался опереться на Новгород, но напрасно. Поход на Ригу был мало популярен и в Новгороде, тем более

⁵⁸ «Новгородская летопись...», стр. 226—227 [«Новгородская Первая летопись...», стр. 66].

что «розмирье» с немцами вызывало повышение цен на товары — «вздорожиша все по торгу». Тем не менее Ярослав задумал военный поход в большом масштабе. Из Переяславля Залесского были приведены вспомогательные полки, раскинувшие шатры у княжеской резиденции — Городища, под Новгородом. Тогда Псков заключил с немцами настоящий союз и получил от них вспомогательные войска, в которых приняли участие «немьци и Чюдь, Лотыгола и Либь»⁵⁹.

Еще ранее Псков заключил мир с Ригой без согласия Новгорода, предоставив новгородцам самим договориться с немцами. Этот мир носил характер не сделки равных сторон, а признания Псковом зависимости от немцев. Рига взяла 40 псковичей в заложники, пообещав Пскову помощь против Новгорода. Через 10 лет этот временный союз окончился захватом Пскова немцами.

В совместном выступлении псковичей и немцев, которое представляет господствующие круги Пскова в очень неприглядном свете — как изменников интересам русских земель, все же было много случайного. Личность Ярослава Всеволодовича, жестокого и властного, не внушала псковичам никакого доверия. Поэтому они изгнали от себя и всех людей, ставших в зависимость от Ярослава, взявших у него «придаток». В самом Новгороде также одержала верх враждебная Ярославу группировка во главе с тысяцким Борисом Негочевичем. Последовавшие затем неурожай и голод также не способствовали подготовке больших походов в Прибалтику.

Однако и немцы не смогли развить широкого наступления против русских земель. В Эстонии шла борьба между датскими и немецкими завоевателями. После поражения, нанесенного датскому королю Вальдемару графом Гольштинским, Орден меченосцев захватил Ревель и прилегающую к нему область. В следующем году на юге Ливонии началась длительная война немцев с курами и семигалами, а в 1229 г. умер епископ Альберт, и начались споры между претендентами на епископский престол⁶⁰.

Новая попытка вторгнуться в русские земли была сделана немцами только в 1232 г. И на этот раз немецкие рыцари стремились использовать внутренние раздоры в Новгороде и Пскове. Ярослав Всеволодович, вновь утвердившийся в Новгороде, встретил яростное сопротивление враждебных ему бояр, опиравшихся на черниговских князей. Как и раньше, Ярослав надеялся на вспомогательные войска, приведенные им из Переяславля. В Новгороде же «бысть мятежь велик», и город успокоился только после приезда Ярослава. Представители враждебного Ярославу боярства во главе с упомянутым Борисом

⁵⁹ Там же, стр. 227.

⁶⁰ Л. А. Арбузов. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912, стр. 34.

Негочевичем бежали в Псков и пытались оказать сопротивление. Тогда князь не пустил купцов в Псков, который был вынужден заключить с Ярославом мир, взяв у него в князя его сына Федора. Псковичи показали путь «Борисове чади», бежавшей в Медвежью Голову (Оденпе) ⁶¹.

Бегство в Оденпе показательно для характеристики «Борисовой чади». Оденпе находилось в непосредственной близости к псковскому рубежу. Это был центр немецких нападений, направленных против Пскова. В немецких пределах беглецы нашли претендента на псковский престол в лице бывшего псковского князя Ярослава Владимировича. Таким образом, немецкие завоеватели имели в руках готовое и послушное орудие своих замыслов. Действительно, в следующем же году «Борисова чадь», т. е. слуги Бориса Негочевича, и князь Ярослав Владимирович вместе с немцами взяли Изборск во время внезапного набега. Но попытка утвердиться в Псковской земле не удалась. Псковичи окружили и вновь захватили Изборск, причем в плен попал сам Ярослав Владимирович, отосланный в оковах в Переяславль Залесский. Почти одновременно немцы напали на Тесово в окрестностях Новгорода. Только помощь Ярослава Всеволодовича помогла отбросить немцев из новгородских пределов. Летописец отмечает, что Ярослав был в это время в Переяславле и только по возвращении в Новгород «выправи» положение ⁶².

В следующем, 1234 г. князь Ярослав Всеволодович, собрав войско и приведя полки из Суздальской земли, воевал под Юрьевом и Оденпе. Ярослав разбил немцев на реке Эмбах (Омовже наших летописей). Эта битва была маленьким прообразом Ледового побоища, так как происходила на льду, который провалился и вызвал гибель многих немцев. «И истопе их много, а инии язвни (т. е. раненые) въбегоша в Гюргев, а друзии в Медвежю Голову». Военные действия завершились миром, который Ярослав Всеволодович заключил с немцами «на вьсей правде своей» ⁶³. Нам неизвестны условия мира, но едва ли они были столь выгодны для Новгорода и Пскова, как об этом пишет летописец, так как к этому времени замечается усиление немецкой группировки в Пскове в среде бояр. Псковский вспомогательный отряд в 200 человек ходил вместе с немцами против литовцев. Таким образом, псковичи помогали своим заклятым врагам ⁶⁴. По-видимому, уже в это время была подготовлена почва для захвата Пскова, осуществленного немцами четыре года спустя.

⁶¹ «Новгородская летопись...», стр. 240—241.

⁶² Там же, стр. 242—243.

⁶³ Там же, стр. 243; «Новгородская Пятая летопись». — ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, 1917, стр. 207.

⁶⁴ «Новгородская летопись...», стр. 246.

Между тем немецкие захватчики также переживали тяжелое время. Усилившиеся распри между Орденом меченосцев и рижским епископом ослабляли обе стороны. Рыцари были столь озлоблены против епископа, что даже сам магистр Фолькуин (или Волквин) попал однажды в тюрьму по обвинению в тайных сношениях с Ригой. Но еще более катастрофические последствия для меченосцев имело поражение при Сауле (может быть, Шауляй в Литве). Литовцы наголову разгромили немецкое войско, несмотря на то, что в литовский поход немцы ходили «в силе велице». Поход в Литву был организован по образцу крестовых походов. Летописец говорит, что немцы прибыли «из заморья в Ригу и ту совокупившиеся вси, и рижане, и вся Чюдская земля». Сам Фолькуин и 50 «братьев» (рыцарей) пали под ударами литовцев. Магистр и рыцари сражались на конях, пока не были убиты их кони, потом они вынуждены были биться пешими⁶⁵. Из вспомогательного псковского отряда, помогавшего немцам, домой вернулся только «кождо десятый». По словам Маркса, «обнаглевшие меченосцы, рассчитывая на толпы своих ливов и эстов и на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь, при своем *последнем магистре Фолькуине предприняли крестовый поход против Литвы; этих псов жестоко отдули, и сейчас же после поражения им грозило нападение со стороны литовцев, датчан и русских*»⁶⁶.

Разгром немцев при Сауле послужил сигналом к восстанию эзельцев, куров и семигалов. Насколько опасно было положение немцев в Прибалтике, показывают следующие события. Ревель и северная Эстония опять перешли под власть Дании (в 1238 г.). Еще ранее прекратил самостоятельное существование Орден меченосцев, соединившийся с Тевтонским орденом в Пруссии.

По словам прусского хрониста начала XIV в. Дуисбурга, магистр Фолькуин уже шесть лет вел переговоры с великим магистром Тевтонского ордена Германом фон Зальца, чтобы влиться со своим орденом в Тевтонский. Магистр долго не соглашался на слияние двух орденов, считая положение меченосцев почти безнадежным. Слияние орденов состоялось после известия о гибели магистра с рыцарями, пилигримами и людьми в сражении, после чего папа сам окончил переговоры.

Только 12 мая 1237 г. в Витербо (около Рима) была опубликована соответствующая папская булла, несмотря на протесты датского короля Вальдемара II⁶⁷. Остатки меченосцев приняли устав и одежду тевтонских рыцарей, а Герман Балке был сделан провинциальным магистром, или ландмейстером. По словам очевидца, «тогда пришли рыцари из Лифляндии и прекло-

⁶⁵ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 556.

⁶⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 343.

⁶⁷ *Seraphim. Liflandische Geschichte*, Bd. I, Reval, 1897, S. 101.

нили колени перед папой. Папа отпустил им все грехи... и дал им белый плащ с черным крестом». Для поддержки ордена в Ливонию была отослана помощь в составе 60 рыцарей в полном вооружении на конях.

Решительный удар, если бы он был нанесен немцам в Прибалтике с востока, мог бы послужить сигналом к освобождению эстов и других прибалтийских народов от немецкого владычества, которое висело на волоске, но в этот решительный момент русские были совершенно бессильны. Для Руси 1237—1238 годы были эпохой страшного татарского погрома. Владимиро-Суздальская земля лежала в развалинах. Новгород и Псков трепетали перед нашествием Батые. Татары шли Селигерским путем, т. е. верховьем Волги, на Новгород, «все люди секущи аки траву за 100 верст до Новгорода». Псков и Новгород на некоторое время лишились поддержки Владимиро-Суздальской земли, и это тотчас отразилось на положении их западных рубежей.

Несчастье Русской земли было использовано немцами для организации нового крестового похода против Руси, ограбленной и разоренной татарами. О положении в русских землях Западная Европа была прекрасно осведомлена, так как на Лионский собор, обсуждавший вопрос об обороне Западной Европы от татар, явился некий русский епископ (или архимандрит) Петр⁶⁸.

НЕВСКАЯ БИТВА И ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Идеологическим прикрытием крестового похода против русских явилось обвинение русских в еретичестве и помощи язычникам. Папская булла поручала шведскому королю начать крестовый поход против Новгорода. Кроме того, отпущение грехов давалось крестоносцам за поработение финнов — тавастов. Поход шведов на Новгород был частью большого плана, ставившего своей задачей покорение русских земель.

Кроме шведов в походе приняли участие датские вспомогательные отряды. Датская помощь была обусловлена отказом ордена от большей части Эстонии. По Стэнбийскому договору 7 июня 1238 г. Эстония, находившаяся с 1228 г. во владении меченосцев, была отдана Дании. Переговоры с датским королем вел сам магистр Герман Балке, а за выполнением договора следил папский легат (посол) Вильгельм Моденский⁶⁹. Уступка Эстонии датскому королю, по-видимому, была обусловлена соглашением короля с меченосцами, направленным против русских земель.

⁶⁸ И. И. Пташицкий. Рецензия на книгу: W. Abracham. Powstanie organizacyi Kościoła tacińskiego na Rusi, t. I. Lwów, 1904.— «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1905, т. X, кн. 3, стр. 404.

⁶⁹ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 68, 69.

Таким образом, составила настоящая коалиция немцев, датчан и шведов против разгромленной и обессиленной Руси. Это был самый критический момент в борьбе русского народа с немецким наступлением. Обращение «язычников» в христианство было только предлогом, скрывавшим своекорыстные цели рыцарей. Немецкие рыцари готовили удар против Пскова, падение которого открывало для немцев путь на Новгород с юго-запада. Шведы стремились к захвату устья Невы и города Ладоги, ставя под угрозу северные новгородские области. Наконец, датские силы были направлены на Копорье, к северу от Новгорода. Вражеское наступление на Новгород могло идти концентрически. Одновременный поход немцев, шведов и датчан являлся выполнением одного и того же, широко задуманного плана, вдохновителем которого был папский престол. Существует известие, что Тевтонский орден готовился принять участие и в шведском походе в устье Невы⁷⁰.

В такой сложной и опасной обстановке у новгородцев нашелся выдающийся вождь — князь Александр Ярославич. В исторической литературе личность Александра нередко изображается в виде удальца, который внезапным нападением разрешает все трудности и одерживает победы. В действительности это изображение очень далеко от истинной правды. Александр Невский умел сочетать смелость с дальновидным расчетом политика, и только это соединение большого политического ума и боевой храбрости позволило ему одержать победу над неприятелями. Детство и ранняя юность Александра прошли большей частью в Новгороде. Здесь умер его брат Федор «еще млад», накануне своей свадьбы. Отец Александра — великий князь Ярослав Всеволодович, как мы видели, неоднократно ходил в походы против немцев. Возможно, юный Александр сопровождал своего отца во время походов в Ливонию, где познакомился с западноевропейскими способами ведения военных действий. Современники говорят, что Александр очень любил свою дружину и был милостив к своим врагам «паче меры». Они сравнивают его по мудрости с царем Соломоном, по силе — с библейским Самсоном, а по храбрости — с Александром Македонским, любимым героем средневековых повестей.

Надвигавшаяся со стороны Ливонии угроза была вовремя замечена молодым князем. Уже в 1239 г. началось строительство городков на реке Шелони: «Князь Александр с Новгородци сруби городци по Шелоне». Укрепления по Шелони были построены в прямой связи с готовившимся нападением немцев на Псков. Таким образом, Новгород укреплял свои рубежи с юго-запада, на границе с Псковской землей, так как псковские бояре по-прежнему поддерживали сношения с немцами.

Действия крестоносцев открылись походом шведских войск,

⁷⁰ Л. А. Арбузов. Указ. соч., стр. 42.

высадившихся в устье Невы летом 1240 г. Вместе с шведами в походе принимали участие норвежцы и финны. Крестоносцы остановились при впадении в Неву реки Ижоры, предполагая далее двинуться на Ладогу. Таким образом, план шведов заключался в том, чтобы захватить наиболее важный новгородский пригород, запиравший путь из Ладожского озера в Волхов.

Во главе шведских войск стоял фактический регент Швеции — ярл Биргер. Звание ярла в Швеции принадлежало первому лицу в государстве после короля. Ярл Биргер упоминался в официальных бумагах тотчас после короля и по своему значению и полноте власти напоминал майордомов при последних Меровингах. Сам же шведский король Эрик Картавый был отстранен от управления государством. Нет ничего удивительного в том, что русские летописи называют ярла Биргера королем «части Римские», считая Швецию областью Священной Римской империи и объединяя под названием «римлян», или «латинян» всех католиков ⁷¹.

В биографии Александра Невского, написанной его младшим современником, утверждается, что Биргер прислал в Новгород своего посла с надменными речами и требованием обращения новгородцев в католичество. Но древнейшие источники подобного известия не имеют. Вернее предполагать, что поход Биргера явился неожиданностью для новгородцев. К счастью, при устье Невы постоянно находилась «морская стража», во главе которой стоял некий Пелгусий, старейшина в Ижорской земле, вероятно, представитель местной знати. Та же биография, которая говорит о посольстве Биргера, указывает, что Александр не мог получить помощи из Суздальской земли и не успел даже известить о нападении шведов своего отца — Ярослава Всеволодовича, «уже бо ратнии приближашися». При известии о движении шведов на Ладогу новгородское войско под командой Александра спешно двинулось на север. Из дальнейшего рассказа выясняется, что русское войско было конным, следовательно, должно было идти сухим путем. Соединившись с ладожанами, новгородцы спешно двинулись к берегам Невы.

Краткий, но выразительный рассказ о Невской битве читаем в древнейшем списке Новгородской летописи: «И ту бысть велика сеча сеем, и ту убиен бысть воевода их именем Спиридон; а инии творяху, яко и пискуп убиен бысть ту же; и множество много их паде; и накладше корабля два вятших мужь, прежде себе пустиша и к морю, а прок их, ископавше яму, вметаша в ню бесчисла; а инии мнози язвѣна (т. е. ранены) быша; и в ту ночь не дождавше света понеделника посрамлени отыдоша». Битва произошла 15 июля 1240 г.; на месте сражения пало всего 20 новгородцев и ладожан ⁷².

⁷¹ E. G. Geyer. Histoire de Suède. Paris, 1844, p. 64—65.

⁷² «Новгородская летопись...», стр. 256—257.

Этот рассказ в более расширенном виде приводится в житии Александра Невского и во многих позднейших летописях. В них добавляется повествование о подвигах шести храбрых русских мужей ⁷³.

Первый из них, Гаврило Олексич, въехал по сходням на корабль самого Биргера, и когда его столкнули вместе с конем в воду, выбрался на берег и напал на неприятельского воеводу. Другой герой, Сбыслав Якунович, «не имея страха в сердце, сражался одним топором». Третий, Яков Полочанин, ловчий Александра Невского, налетел на неприятелей с мечом. Новгородец Миша пешим бился вместе с товарищами и уничтожил 3 корабля шведов. Некто Савва подсек столб златоверхого шатра Биргера, шестой, Ратмир, бился пешим среди шведов один и, окруженный врагами, пал смертью героя.

Описывают источники и геройство самого Александра Ярославича, проявленное им в битве. Он сам ранил своим копьем начальника шведского войска ярла Биргера.

Невская битва имела громадное значение для борьбы Руси с немецкими завоевателями. В ближайшие годы, особенно тяжелые для Руси, шведские войска уже не принимали большого участия в нападении на русские земли. Между тем они могли бы оказать существенную поддержку немецким рыцарям, стремившимся укрепиться на западной границе Новгородской и Псковской земель.

Но худшие времена еще были впереди. Несмотря на опасное положение, новгородцы поссорились с Александром. Зимой того же года «выиде князь Олександр... с матерью и с женою и со всем дворомъ своимъ, роспревсѣ с Новгородци» ⁷⁴. Как и ранее в ссорах с Ярославом, новгородцы отстаивали свою «правду»; узкие интересы местного характера, по-видимому, и на этот раз взяли верх в Новгороде. Бояре боялись усиления княжеской власти, которое было неизбежным при организации борьбы против страшного противника. Разрыв с Александром тотчас же бедственно отразился на военных делах, как раз в момент начала похода немецких рыцарей.

В том же 1240 г. немцы взяли приступом Изборск и вслед за этим нанесли поражение псковичам. По псковской летописи, в битве было убито 600 псковичей, а по немецким данным — даже 800.

Подробный, но несколько путанный рассказ об этом событии читаем в немецкой Рифмованной хронике. Епископ Герман Дерптский начал сражаться с русскими, которые и ранее хотели подняться будто бы «против христианства». К нему пришли на

⁷³ М. Н. Тихомиров. Сражение на Неве.— «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 96—102.

⁷⁴ «Новгородская летопись...», стр. 258.

помощь люди датского короля⁷⁵. Немцы вторглись с войском в Русскую землю и имели успех. Они подошли к одному городу, и прибытие их не было приятным для этого города. Затем они начали приступ и взяли этот город, называвшийся Изборским (Isburc). Никто из русских не был оставлен в покое, и по всей земле поднялся плач и вопль. Известие о взятии Изборска достигло Пскова — «так называется в Руси один город, в котором живут очень свирепые (bosharte) люди».

Рифмованная хроника конца XIII в. говорит о выступлении псковичей в поход. Русские шли «со многим вооружением ярких цветов», «их шлемы сияли, как стекло, и с ними было много стрелков». Началась битва. «Немцы нанесли много ударов, русские потерпели большое поражение, у них было убито 800 человек, оставшихся в поле у Изборска, остальные обратились в бегство и были преследуемы»⁷⁶.

Поражение псковичей под Изборском отмечают и наши летописи. Новгородская летопись говорит, что после взятия Изборска немцами «выидоша пльсковичи вси и бишася с ними, и победиша я немцы. Ту же убиша Гаврила Гориславича воеводу». Поражение под Изборском вскоре вылилось в настоящую катастрофу для псковичей. Оставленные без помощи, получая вести о разгроме Суздальской Руси татарами, они находились в отчаянном положении. При этих условиях опять подняли голову изменники, стоявшие за соглашение с немцами. В немецких войсках находился бывший псковский князь Ярослав Владимирович. Некоторые псковичи поддерживали изменнические сношения с немцами — «держаше перевет». Во главе изменников стоял некий Твердило Иванович. Таким образом, оборона Пскова оказалась в ненадежных руках.

Немцы подошли к самому городу. «Рыцари поставили свои палатки перед самим Псковом на прекрасном поле, и епископы и люди (датского) короля расположились там же». Рифмованная хроника говорит, что Псков был передан немцам князем Герполтом (Gerpolt), который передал Псков во владение ордена. Имя Герполт некоторые расшифровывают, как Ярополк, хотя псковский князь с таким именем неизвестен. Однако важно отметить, что сдача города была произведена феодальными кругами во главе с князем. Народные круги были противниками такого предательства, многие псковичи спаслись бегством в Новгород.

В Пскове были посажены два немецких фогта (по русской летописи — тиуна). По немецким известиям, «для охраны земли осталось двое рыцарей и небольшой отряд немцев». Немецкое название «фогт», как и русское «тиун», показывает, что немцы

⁷⁵ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 744. Во главе их стояли сыновья датского короля Вальдемара II — Абель и Канут.

⁷⁶ Ibid., p. 558—560.

обращались с Псковом, как с завоеванным городом, посадив своих управителей.

Рифмованная хроника, крайне ненадежная по своей хронологии, считает, как и Новгородская летопись, падение Пскова непосредственным следствием битвы при Изборске⁷⁷. Но некоторые русские источники говорят, что Псков был занят значительно позже — по Псковской летописи, только через год: «в лето 6748 избиша немцы пскович под Изборском 600 муж месяца сеньтября в 16 день; и по сем пришедше немцы и взяша град Псков и седоша немцы в Пскове два лета»⁷⁸.

Падение Пскова создало крайне опасное положение для Новгорода. Изменники во главе с Твердилой не только владели вместе с немцами Псковом, но уже воевали новгородские села. Стратегическая обстановка изменилась для русских земель в крайне невыгодную сторону. Вся система обороны Новгородской земли с юго-запада держалась на Пскове. В этом легко убедиться, взглянув даже на современную карту. Псковская земля была отделена от Ливонии лесистой и болотистой полосой, малодоступной для большого войска. Единственная удобная дорога из Ливонии в Псков шла через Оденпе и Изборск. Далее на восток, за Псковом, наоборот, открываются большие и свободные пространства, без видимых естественных рубежей, вплоть до самого Новгорода.

Взятие Пскова было выполнением только части плана крестоносцев. Новый удар был обращен на область Води, прилегающую к Финскому заливу. В этом районе не было еще никаких русских укреплений. Незадолго до падения Пскова датский вассал (Дитрих), владевший землями у реки Наровы, доносил папе, что язычники, жившие к востоку от Наровы (т. е. Водь), готовы принять католичество. В папской булле, предлагалось идти походом против язычников⁷⁹. Этот поход был осуществлен после падения Пскова. На этот раз немцы не ограничились набегом, а приступили к прочному закреплению захваченной территории. На крутой и скалистой горе в погосте Копорье был построен крепкий замок. Немцы «повоеваша» жителей Води «и дань на них возложиша, а город учиниша в Копорье погосте». Таким образом, Копорье сделалось базой для дальнейшего немецкого наступления на Новгород. Вскоре после этого немцы заняли Тесово, важный торговый пункт в Новгородской земле, и появились уже в 30 верстах от Новгорода. Земли по реке Луге были совершенно разорены, кони и другой скот отняты, поля остались невспаханными, «нелзе бяше орати по селом и нечим». Как и в других случаях, немцы использовали противоречия между нов-

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ «Псковские летописи», вып. 1. М., 1941, стр. 13. По мнению издателей, падение Изборска произошло еще в 1238 г., а Пскова — в 1239 г., при жизни фон Зальца, но основания для такого заключения очень шатки.

⁷⁹ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. I, стр. 356.

городцами и вожанами, среди которых, как и в Пскове, оказались изменники.

При этих условиях Новгород должен был или стать жертвой немецкого захвата или вновь обратиться за помощью к другим русским землям. Крестьяне не могли даже пахать землю до того времени, пока не «вда Ярослав сына своего Александра опять»⁸⁰, снова вернувшегося княжить в Новгород.

План войны, выработанный Александром Невским, был прост и в то же время совершенно правилен. Копорье представляло собой опасность не только для новгородцев, но и для соседних ижорцев и карелов. Между тем карелы были постоянными союзниками русских в борьбе с финскими племенами и шведами, что признается самими историками Финляндии⁸¹.

Новгородцы во главе с Александром, вернувшимся в Новгород, захватили и разрушили новый немецкий замок в Копорье. При этом попали в плен в замке немцы, которые были отосланы в Новгород. Изменники («переветники») из числа вожан и чуди (эстов) были повешены. Осада Копорья была проведена столь стремительным образом, что немцы не могли оказать никакой помощи гарнизону крепости.

Победа на Неве и разрушение Копорья обеспечили северо-западные границы Новгородской земли. Но оборона Новгородской земли не могла быть обеспечена, пока Псков оставался в руках немецких рыцарей. Поэтому важнейшим военным предприятием новгородцев и Александра явился поход за освобождение Пскова.

Обстоятельства этого похода рассказаны в наших летописях очень кратко, сведения же об этом походе, приведенные в наших исторических работах, во многом неверны. Прежде всего поход на Псков не был простым набегом, а был подготовлен очень тщательно. Вместе с Александром шли не только новгородцы, но и суздальские полки, приведенные его братом Андреем. Новгородская летопись говорит, что Александр пошел на Псков «с новгородци и с братом Андреем и с низовци». В этом известии подчеркивается роль «низовцев», или «суздальцев». Без их помощи новгородцы, возможно, не справились бы со своим врагом. Таким образом, освобождение Пскова было делом Русской земли в целом. Лаврентьевская летопись, совсем не упоминающая о Невской битве, дает следующую заметку под 1242 г.: «Великий князь Ярослав посла сына своего Андреа в Новгород Великий, в помочь Олександрови на немци, и победиша я на Плесковом озере, и полон мног плениша; и възвратися Андрей к отцю своему с честью»⁸².

Заняв все пути к Пскову, Александр взял Псков «изгоном», т. е. внезапным нападением, отослав пленных немцев и «чудь»

⁸⁰ «Новгородская летопись...», стр. 259.

⁸¹ J. Koskinen. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 40.

⁸² «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 447.

в Новгород. Рифмованная хроника так рассказывает о взятии русскими Пскова: «Когда король новгородский узнал о взятии немцами Пскова, то поднялся с большою силою на освобождение Пскова к радости псковичей. Найдя в Пскове немцев, он свергнул двух орденских братьев, отняв у них фохтейство... и изгнал всех их кнехтов (слуг), так что ни одного немца тут не осталось и страна отошла к русским. Так пострадала тут орденская братья...»⁸³.

Из Пскова русское войско пошло на «чудь», т. е. в Эстонию. Путь на чужд шел через Изборск, за которым начинались земли эстов. Летопись говорит, что Александр «яко быша на земли, пусти полк весь в зажития», т. е. распустил своих воинов для набега на села и деревни неприятеля, вступив на чужую территорию. Это была обычная военная тактика XIII в.: нападение на чужую территорию всегда соединялось с ее разорением. Известие о движении русских войск достигло Дерпта, епископ которого обратился за помощью к ордену⁸⁴. Немцы вместе с вспомогательными войсками эстов ждали «у моста» и разбили один из русских отрядов. Место поражения русского отряда можно установить только приблизительно. Определение «у моста» указывает на какое-то известное урочище. Таким мог быть мост через значительную реку, например через Эмбах.

Тогда Александр, собрав свои отряды, отступил на Чудское озеро и здесь «на Узмени, у Воронья Камня», поставил полк.

В исторической литературе существует два мнения о месте битвы на Чудском озере. Согласно первому (Трусман)⁸⁵, бой происходил на западном берегу озера. По предположению Ю. Трусмана, «Вороний Камень» — это громадная скала около устья Эмбаха. Второе мнение (А. И. Бунин)⁸⁶ переносит место боя на восточный берег Чудского озера, где находится группа островов, в том числе Вороний остров. Но первое мнение, несомненно, заслуживает большего внимания. После поражения «у моста» русское войско возвратилось на озеро, где выстроилось на Узмени, у «Воронья Камня». Русское войско наступало по направлению к Юрьеву (Дерпту). Следовательно, путь отступления вдоль реки Эмбах вел непосредственно к берегам Чудского озера. Русские стояли на озере, повернувшись лицом к северу и имея в тылу дорогу на Изборск. Так только можно понять летописное известие о бегстве немцев после проигранного сражения по льду к Суболическому (т. е. Соболицкому) берегу, который начинался к северу от Эмбаха.

⁸³ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 560; И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. I, стр. 354—355.

⁸⁴ Ibid., p. 561.

⁸⁵ Ю. Трусман. О месте Ледового побоища в 1242 году. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, январь, стр. 45.

⁸⁶ А. И. Бунин. О месте битвы русских с немцами. — «Труды X археологического съезда в Риге», т. I. М., 1896, стр. 214—219.

Летопись прямо указывает, что русские войска находились на чужой земле. Кроме того, трудно предполагать, чтобы Александр решил двинуться по льду через озеро в такое позднее время зимы (5 апреля по старому стилю), когда на середине озера лед мог быть особенно непрочен. Между тем даже в самом узком месте Чудского озера, где Бунин ищет место перехода русских войск, расстояние между берегами достигает нескольких километров. Узкий пролив, соединяющий Чудское озеро с Псковским, называется теперь Теплым озером. Переезд по льду зимою возможен только в Псковском и Теплом озерах, в Чудском же озере прокладываются лишь береговые тропы к рыболовным местам. Озеро вскрывается при теплой погоде в половине апреля, при холодной же погоде лед держится на нем до самого мая (по старому стилю). Трудно опять-таки предположить, чтобы тяжеловооруженные рыцари рискнули перейти по тонкому апрельскому льду через такое большое водное пространство, каким является Чудское озеро⁸⁷.

Как ни странно, сами обстоятельства знаменитой битвы на Чудском озере, или Ледового побоища, изложены в нашей исторической литературе в ряде случаев также неправильно. Н. И. Костомаров говорит, что «по способу тогдашней тактики Александр поставил свое войско свиньею: так называлось построение треугольником, образовывавшим острый конец, обращенный к неприятелю»⁸⁸. В действительности же так построились немцы. Они «прошибошася свиньею сквозе полк». Построение в виде треугольника, обращенного острым концом против неприятеля, очень характерно для военных приемов немецких рыцарей. При таком построении стороны движущегося треугольника составлялись из конных рыцарей в тяжелом вооружении, а внутри треугольника помещались легковооруженные воины.

Чтобы разбить рыцарей, необходимо было расстроить ряды «великой свиньи». Русские воины, по-видимому, ударили на немецкое войско с обоих флангов. Вспомогательные войска ливов и леттов первые не выдержали русского натиска и побежали. Рифмованная хроника сообщает, что «у русских было много стрелков, которые поражали ливов и леттов, не имевших хороших панцырей».

Разгром был полный. На поле битвы погибло «чуди бесчисла» и пало 400 немцев, а 50 было взято в плен⁸⁹.

Эта знаменательная битва произошла 5 апреля 1242 г., начавшись на рассвете. Большое количество по тому времени убитых и взятых в плен немцев подчеркивает значение события.

⁸⁷ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V. СПб., 1875, стр. 732.

⁸⁸ Н. И. Костомаров. Северно-русские народоправства. СПб., 1904, стр. 201.

⁸⁹ Даже Рифмованная хроника признает, что на поле сражения осталось 20 рыцарей и 6 попало в плен («Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 561).

В Ледовом побоище пал лучший цвет немецких войск в Ливонии. При въезде Александра в Псков после битвы перед ним шли пленные «ритори»⁹⁰, т. е. рыцари (от немецкого Ritter).

В истории борьбы с немецкими завоевателями Ледовое побоище является величайшей датой. Эту битву можно сравнить только с Грюнвальдским разгромом тевтонских рыцарей в 1410 г. Борьба с немцами продолжалась и далее, но немцы никогда не могли уже нанести сколько-нибудь существенного вреда русским землям, а Псков оставался грозной твердыней, о которую разбивались все последующие нападения немцев.

Маркс высоко оценивал победу на Чудском озере: *«Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы»*⁹¹.

РАКОВОРСКАЯ БИТВА

После Ледового побоища наступил некоторый период затишья. Разгромленные рыцари не осмеливались нападать на русские земли, ограничиваясь незначительными набегами. Военные действия на русской границе с новой силой возобновились только с 1253 г. И на этот раз действия крестоносцев против русских земель носили комбинированный характер, немцы выступали в союзе со шведами и датчанами. Некоторую поддержку они получили и со стороны литовского князя Миндовга. Мимолетный союз немцев с литовцами станет нам понятным, если вспомнить, что летом того же года Миндовг принял католическое крещение и был венчан королевскою короною епископом Кульма. Наставником Миндовга был орденский священник, поставленный тогда же по просьбе князя в епископы. Таким образом, литовская помощь была куплена ценой королевской короны. Впрочем, литовцы ограничились только набегом на новгородские пределы.

Действия же крестоносцев разворачивались по знакомому уже нам плану. На севере крестоносцы ставили своей задачей захват устья Невы и берегов Финского залива, на юге — завоевание Пскова. Римский престол с необыкновенным упорством поддерживал эти попытки; даже после провала похода 1253 г. папа Александр IV назначил особого епископа для Ватланда (Води), Ингрии (Ижоры) и Карелии⁹². Немецкие войска снова подступили под Псков. Об этом событии рассказывает Новгородская летопись, по словам которой немцы сожгли посад под Псковом, «но самех много их плъсковичи биша». Известие о приходе новгородского ополчения заставило немецких завоевателей по-

⁹⁰ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 65.

⁹¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 344.

⁹² И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 78—79.

вернуть обратно; немцы «побегоше проче»⁹³. Одновременно шведы с помощью датского вассала Дитриха фон Кивеля (или Дидмана наших летописей) подошли к реке Нарове. По возвращении из Пскова новгородские полки вместе с карельскими отрядами razорили области у Наровы и таким образом прочно укрепили северо-западную границу. После этого был совершен новый, уже совместный поход новгородцев и псковичей в Ливонию, окончившийся поражением немецкого войска⁹⁴.

Неудача второго похода на русские земли не остановила папский престол в его попытках поднять крестовый поход против Руси. Папа Александр IV снова призвал рыцарские ордены всего католического мира к крестовому походу против татар. Настоящая цель этого похода, впрочем, не имела ничего общего с освобождением русских земель от татарского ига. Папа заранее объявил Русь данницей римского престола и отдавал ее во владение рыцарей. На этот раз момент для нового крестового похода был избран крайне неудачно. Миндовг отказался от католичества и нанес решительное поражение тевтонским рыцарям при Дурбене⁹⁵. Орден опять попал в затруднительное положение, тем более, что на Эзеле началось новое восстание против немцев. В свою очередь, Миндовг желал использовать выгоды своего положения и предложил Александру Невскому союз против немцев. По Рифмованной хронике, Миндовг отправил послов в Русь, так как русские радовались его отпадению от католичества. «Наконец, прибыл посол от русских к князю Миндовгу, обещавший ему большую помощь, и это известие обрадовало короля»⁹⁶.

Но согласовать действия Миндовга и Александра было очень трудно. Поход Миндовга в Ливонию окончился неудачей. После безуспешной осады Вендена он повернул обратно. Согласно Рифмованной хронике, Миндовг жаловался на русских, которые опоздали прийти к нему на помощь. Значительно успешнее был поход новгородцев и псковичей в 1262 г., когда они подступили к Юрьеву. Город был хорошо укреплен, «бьяше град тверд Юрьев, в 3 стены, и множество людей в нем всяких». Рифмованная хроника рассказывает об осаде Юрьева следующее. Русские явились под Юрьев столь внезапно, что немцы не успели подготовиться к обороне; в один день русские перебили много народа и сожгли город дотла, спаслись только те, кто бежал в замок. Дерптский епископ, каноники и немецкие рыцари заперлись в замке. «Русское войско было очень велико, епископ же был крайне недоволен, что оно подступает к замку, попы очень ведь боятся смерти, это уже их старинный нрав, которому они

⁹³ «Новгородская летопись...», стр. 274—275 [«Новгородская Первая летопись...», стр. 307].

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 55.

⁹⁶ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 632.

не изменили и теперь: хоть они и говорят, что нужно храбро защищаться, но сами охотно спасаются бегством»⁹⁷. Рыцари стали стрелять по русским, но русские стрелки храбро отстреливались. Только известие о сильном немецком ополчении, собранном магистром, заставило русское войско отойти от Юрьева. По летописи, во главе русских войск стоял сын Невского, новгородский князь Дмитрий Александрович. Новгородцы вернулись домой с громадной добычей, «взяша товара бесчисла и полона»⁹⁸.

Осада Юрьева в 1262 г. уже показала всю слабость немецкого ордена. Попытка нанести решительный удар датскому владчеству в Прибалтике была сделана русскими вскоре.

Русский поход 1268 г. в Ливонию — важная дата в истории борьбы русских с немецкими завоевателями. Еще зимой в Новгороде и Пскове начались сборы к походу в Ливонию. Эти сборы показывали, что на этот раз русские готовились к крупным военным действиям. Новгородцы «изыскаша мастера порочные и начаша чинити пороки в владычни дворе». Пороками называли осадные машины. Следовательно, русское войско готовилось к осаде укрепленных городов. Поход носил общерусский характер. Князь Дмитрий Александрович привел полки из Переяславля, а Ярослав Ярославович Тверской прислал ему вспомогательный отряд.

История похода под Раковор особенно интересна тем, что в ней рельефно вырисовывается предательская, коварная политика немецких рыцарей. Для них договоры были только «клочками бумаги». Когда немцы услыхали о больших военных приготовлениях русских, в Новгород прибыло большое немецкое посольство, в котором участвовали представители трех важнейших феодальных сил Ливонии: епископа Риги, немецкого ордена и дерптского епископа. Немецкие послы принесли присягу в том, что они не будут помогать датчанам (ревельцам и везенбергцам) против русских⁹⁹.

Русские войска вступили в датские владения 23 января 1268 г. О дальнейшем мы имеем два противоположных рассказа. Рифмованная хроника, автор которой мог уже писать по личным воспоминаниям, говорит следующее: русские вторглись в землю датского короля с большим войском в 30 тыс. человек. Они шли сильными отрядами «со многими разноцветными знаменами». К магистру собралось многочисленное ополчение.

⁹⁷ Ibid., р. 634—635. И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 81.

⁹⁸ «Новгородская летопись...», стр. 281—282.

⁹⁹ Там же, стр. 287. «Пришлаша немцы послы свои Рижане, Вельжане, Юрьевци и из инех городов, с лестью глаголюще: «Нам с вами мир, перемогаете с колыванци и с раковци, а мы к ним не пристаедем, а крест целуем. И целоваше послы крест; а тамо ездив Лазарь Моисеевич водил всех их к кресту, пискупов и божних дворян, яко не помогати им колыванцем и раковцем».

«Поле было широко и обширно, поражение русских велико... 5 000 русских легло на поле битвы...С этого времени русские с ненавистью смотрели на «братьев» (рыцарей), и эта ненависть продолжается на многие годы». Впрочем даже по Рифмованной хронике псковский князь Довмонт (Dunctve) был героем. Он принял бой вместе с 5 тыс. русских, в то время как остальное войско будто бы бездействовало¹⁰⁰.

Но Рифмованная хроника — очень ненадежный источник, тенденциозно составленный в похвалу деяниям немецких рыцарей. Гораздо подробнее и точнее рассказывает о походе под Ревель Новгородская летопись. Она прямо указывает, что Новгород заключил мирный договор с епископами (рижским и дерптским) и божьими дворянами (рыцарями). В походе принимали участие семь русских князей, в том числе новгородский князь Дмитрий Александрович и Довмонт Псковский. Разделившись на три отряда, русские войска воевали в Эстонии и осадили в непроходимой пещере «чудь», т. е. эстов. Порочный мастер, т. е. мастер по осадным работам, пустил в пещеру воду и заставил «чудь» бежать. Наконец, войска подошли к Раковору (современному Раквере) и остановились на реке Коголе, называемой и теперь эстонцами Когала-мойс¹⁰¹.

К своему удивлению русское войско встретило здесь немецкое ополчение. По образному выражению летописи, немецкая сила стояла как лес поднимающихся копий, потому что против русских выступала вся Немецкая земля («бе бо съвкупилася вся земля Немецкая»). Немцы выстроились по своему обычаю клином. В немецком войске было много рыцарей, закованных в латы. Поэтому летописец называет немецкий полк железным. Против железного полка «великой свиньи» стали новгородцы, имея справа псковичей во главе с Довмонтом и княжескую дружину, а слева — тверской отряд. Под Раковором, по словам летописца, бывшего или свидетелем этой замечательной битвы или писавшего по рассказам очевидцев, произошло страшное побоище, какого не видали ни отцы, ни деды. На месте сражения пало много бояр и «черных» людей, т. е. участников русского ополчения. Князь Дмитрий Александрович все-таки победил и на протяжении семи верст гнал немцев по трем дорогам до Раковора. Почти одновременно другой немецкий отряд, также построенный «великой свиньей», ворвался в обоз. Новгородцы намеревались ударить на противника, но, боясь в ночной темноте перепутать своих и чужих, решили дожидаться рассвета. Ночью немцы покинули место боя, а русские остались стоять «на костях» в знак победы. Раковорская битва произошла 18 февраля 1268 г.¹⁰² После поражения немцев большинство

¹⁰⁰ «Scriptores rerum Livonicarum», b. I, p. 652—653.

¹⁰¹ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 84—85.

¹⁰² «Псковские летописи», стр. 13.

русских воинов вернулось на родину. Но Довмонт с псковичами углубился в Эстонию, разорил Виранландию и дошел до моря¹⁰³.

Сравнивая рассказы Рифмованной хроники и Новгородской летописи, мы видим между ними определенное сходство. Правда, Рифмованная хроника, а вслед за ней и ливонские историки считают Раковорскую битву немецкой победой, тогда как Новгородская летопись говорит, что новгородцы «стояша на костех 3 дни», т. е. остались победителями. Но оба источника говорят о тяжелых потерях как русских, так и немецких войск. С немецкой стороны пало множество людей и сам епископ Александр Дерптский, но и для новгородцев «створися зло велико»¹⁰⁴. Раковорская битва, как и многие другие великие сражения, обессилила обе стороны. Уже по одному этому она могла быть названа русской победой, так как русскому войску пришлось биться в непредвиденной обстановке против противника, вероломно нарушившего недавнюю присягу и надеявшегося на неожиданность нападения.

В непосредственной связи с Раковорской битвой стоит большой поход немцев против Пскова в 1269 г. По Рифмованной хронике, мейстер Отгон фон Роденштейн собрал до 18 тыс. войска. Разделившись на несколько отрядов, немцы начали грабить Псковскую землю. Изборск был взят и сожжен, и немцы пошли под Псков. «Русские сами сожгли посад (stat) и засели в своем городе (burg), который был хорошо укреплен ими. Город назывался Плесковым, вокруг него лежит прекрасная страна. Их город (Псков) настолько укреплен, что с ним ничего нельзя сделать, если бы остался хотя бы один защитник...Погода была холодная и сырая, так что нельзя было штурмовать. Войско после совещания пошло прочь, многие сели на суда, а войско рыцарей отъехало прочь. Князь Юрий заключил с мейстером мир»¹⁰⁵. Так рассказывает об осаде Пскова немецкая Рифмованная хроника. По Новгородской летописи, немцы стояли под Псковом десять дней, но бежали при известии о приходе новгородцев во главе с князем Юрием.

Позднейшие ливонские хроники рисуют этот поход как большое предприятие. Магистр ордена собрал громадное по тому времени войско в 18 тыс. человек. Немцы везли с собой стенобитные орудия. По словам жития Довмонта, немцы пришли под Псков «и на кораблех и в лодиях и на конях». Но псковичи во главе с Довмонтом оказали мужественное сопротивление. Псковское духовенство торжественно освятило меч, поднесенный Довмонту. Выехав из города с небольшой дружиной, Довмонт

¹⁰³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития святых.— ЧОИДР, 1915, кн. 3, разд. II, приложение, стр. 140—141.

¹⁰⁴ «Новгородская летопись...», стр. 288—290.

¹⁰⁵ «Scriptores rerum Livonicarum», b. 1, p. 653—654; И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 87—88.

ринулся на врага, обратив его в бегство. Автор жития уверяет, что сам магистр был ранен мечом Довмонта. Немцы погрузились на суда и 8 июня сняли осаду ¹⁰⁶.

Раковорская битва и осада Пскова немцами заключила длинный период борьбы русских с немецкой агрессией, показав, что русские земли успели уже несколько оправиться от татарских погромов.

НОВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ РУСИ

Прошло почти 30 лет, прежде чем произошла последняя решительная попытка организовать новый крестовый поход против русских земель. Выход к Финскому заливу всегда имел жизненное значение не только для Новгорода, но для всей Руси. Поэтому сюда и были направлены удары немецких рыцарей и шведских королей, пытавшихся утвердиться в устье Невы и на Ладожском озере.

Особое значение получил город Копорье. Новгородцы долгое время отказывались построить в Копорье настоящее укрепление, так как Копорье, будучи взято немцами, превратилось бы в опасную базу для их дальнейшего укрепления на берегах Финского залива. Князь Дмитрий Александрович «испроси у новгородцев... поставити себе город Копорье». Дмитрий поставил в начале деревянный город, а в 1280 г. выстроил каменный замок. По исследованию В. А. Богушевича, Копорье представляет собой естественную крепость. Новый замок был построен на известковой скале, окруженной со всех сторон глубокими естественными оврагами. «При отсутствии огнестрельного оружия и вследствие чрезвычайной выгодности и недоступности своего местоположения, крепость Копорье была чрезвычайно сильна, даже при своих земельных и деревянных укреплениях» ¹⁰⁷. Дмитрий Александрович считал замок в Копорье своим личным достоянием на том основании, что уже его отец, Александр Невский, пользовался какими-то особыми правами на Копорье. После не вполне ясных междоусобий, заставивших Дмитрия Александровича удалиться из Новгорода, новгородцы снова «разгребоша», т. е. разорили, Копорье ¹⁰⁸.

К этому времени относятся попытки немцев делать набеги в устье Невы на судах. Обе попытки были отбиты новгородцами. В свою очередь, шведы были разбиты Корелюю и Ижорою

¹⁰⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1830, стр. 114—115.

¹⁰⁷ В. А. Богушевич. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье.— «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 25.

¹⁰⁸ «Новгородская летопись...», стр. 299 [«Новгородская Первая летопись...», стр. 324]; С. С. Гадзяцкий. Вотская и ижорская земли Новгородского государства.— «Исторические записки», т. VI. М., 1940, стр. 107—112.

в 1292 г. Все эти мелкие стычки тем не менее со стороны шведов направлены были против одного и того же пункта— устья Невы, казавшегося особенно заманчивым для завоевателей.

В конце XIII в. положение северо-восточной Руси опять ухудшилось. Царевич Дудень разорил множество русских городов, в том числе Владимир и Москву. «Дуденева рать» надолго осталась памятной для русских земель, и само имя Дуденя до последнего времени сохранялось в народных песнях как врага русского народа. Вскоре после нападения Дуденя замечается новое усиление немецкого и шведского наступления на русские земли. По Новгородской летописи, некий Титманович возобновил отцовский («отний») город на русской стороне Наровы. Этот Титманович был сыном ранее упомянутого Дидмана фон Кивеля, датского вассала¹⁰⁹. Новгородцы взяли городок и сожгли «великое» село, принадлежавшее Титмановичу. В следующем году шведы построили город в Кореле, также взятый и разоренный новгородцами.

Все это было только вступлением к новому комбинированному походу против русских земель, развернувшемуся в большую войну. В 1298 г. немцы внезапным набегом выжгли неукрепленный посад Пскова. Об этом событии подробно говорится в житии Довмонта. Немцы напали на псковский посад 4 марта, перебили жен и детей, а также монахов Снеготорского монастыря. На следующий день неприятель осадил псковскую крепость. Не дожидаясь прихода подкреплений, Довмонт выехал против врагов вместе с Иваном Дорогомиловым. Немцы не ожидали нападения и устремились к реке Великой, бросаясь с крутых берегов. Во время боя был ранен в голову сам командор немецких рыцарей. В плен попали некоторые «велневицы» (т. е. рыцари из города Феллина—центра Ливонского ордена), а остальные бежали, испугавшись «грозы мужества Довмонтова» и мужей «псковичь»¹¹⁰.

Еще опаснее, чем под Псковом, сложилась военная обстановка на севере Новгородской земли, где шведским войскам удалось укрепиться в устье Невы. Здесь шведы начали строительство нового городка. Новгородская летопись утверждает, что шведы «из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит». Следовательно, этот поход снова был вдохновляем римским престолом. Новая крепость была поставлена при впадении реки Охты в Неву, где впоследствии находилась шведская крепость Ниеншанц, взятая Петром I. Новый городок получил название Ландскроне, что означало «венец земли». Летописец

¹⁰⁹ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. II, стр. 129.

¹¹⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, стр. 250. Житие Довмонта.— Н. Себрянский. Древнерусские княжеские жития.— ЧОИДР, 1915, кн. 3, приложения, стр. 153.

говорит, что городок был укреплен «твердостию несказанною», но это — несомненное преувеличение.

Шведские источники дополняют рассказ нашей летописи ценными сведениями. Шведское войско выступило из Стокгольма на 1100 или 1200 судах, нагруженных людьми и припасами. Шведский флот вошел в устье Невы и остановился при впадении в нее реки Охты. Здесь существовала естественная и безопасная гавань, так что суда могли подходить к самому берегу. Шведы стали сооружать замок Ландскроне, строившийся из сырого кирпича. Передовой шведский отряд в 800 воинов вошел на судах в Ладожское озеро. Застигнутые бурей, шведы вынуждены были высадиться на берег и устремились грабить карельские селения. При первом же столкновении с русскими, вышедшими из Ладоги, передовой шведский отряд обратился в бегство и скрылся в Ландскроне.

Русские подступили к новому шведскому замку. По шведским хроникам, войско русских насчитывало 31 тыс. человек. Хронист с большим уважением отзывается о русских воинах; ярко блестящие их шлемы и панцири, мечи и копья, озаренные солнцем. Русские направили в гавань Ландскроне зажженные плоты, чтобы уничтожить шведский флот, но шведы предусмотрительно заперли гавань железной цепью. Осажденные оказались в тяжелом положении. Привезенное продовольствие гнило в сырых складах только что построенного замка. Русские день и ночь не давали покоя шведскому гарнизону¹¹¹. Попытка запереть для Руси выход к морю окончилась полным провалом. 18 мая 1301 г. новгородцы взяли шведскую крепость, перебили и взяли в плен ее гарнизон, состоявший из 300 человек, сожгли и разорили укрепления Ландскроне. «Твердость та ни во что же быть, за высокоумье их, зане все труд их», — замечает новгородский летописец о немцах.

Взятием Ландскроне закончился и самый тяжелый период в борьбе русского народа с немецким наступлением. Русские границы устанавливаются прочно, борьба с немецким орденом продолжается, но уже не имеет такого размаха, как раньше. По мере же усиления Руси в XIV—XV вв. и северо-западные границы нашей страны становятся все более недоступными для любителей пограбить чужие земли и чужое имущество.

БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ В XIV В. И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

Разбойничьи набеги немецких рыцарей разбились об упорное и героическое сопротивление русских. В XIV—XV вв. Русь уже никогда не переживала такой опасности со стороны немцев,

¹¹¹ А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, ч. 1. СПб., 1909, стр. 105—112.

как в эпоху Невской битвы и Ледового побоища. Прежде всего сама русская земля уже успела несколько оправиться от последствий Батыева нашествия. В центре Руси образовалось сильное Московское великое княжество, которое всегда готово было поддержать Новгород и Псков в борьбе против немецких завоевателей. Традиции Ярослава Всеволодовича и Александра Невского прочно держались в Москве.

С другой стороны, ослабела наступательная сила самих немцев. Поработители Ливонии находились в постоянных раздорах друг с другом. Тевтонский орден, город Рига, епископы рижский и дерптский, датский король не могли миролюбиво поделить захваченную добычу и, как коршуны—стервятники, рвали изо рта друг у друга добычу и дрались между собой за лучшие куски. Самый опасный противник русских земель — Тевтонский орден переживал тяжелые времена. Богатство и распутство орденских рыцарей вызывали всеобщее отвращение, в начале XIV в. даже римский папа был вынужден осудить орден и временно отлучить его от церкви. В свою очередь, поработенное рыцарями население с ненавистью глядело на завоевателей, ожидая только удобного времени для открытого восстания.

В XIV в. по-прежнему немецкое и шведское наступление обращалось на два главных театра военных действий. Первым из них был район Пскова, вторым — район Невы и Финского залива. На юге главным врагом Руси в Прибалтике были немцы, на севере — шведские феодалы. В это время шведская агрессия в Финляндии отличалась особенной интенсивностью. Маркс пишет о маршале Торкеле Кнутсоне, завоевателе Финляндии начала XIV в.: *«Торкель завершает подчинение и обращение в христианство финнов и распространяет шведское владычество и христианскую заразу на соседний народ, карелов; для закрепления этого в Карелии основан тогда Выборг; шведы пришли, таким образом, в соприкосновение с русскими; на последних также часто нападали датские вассалы в Эстляндии, так что скандинавы и германцы с двух сторон теснят русских своими набегами. Военные походы против русских стоили шведам больших потерь людьми и не дали положительных результатов»*¹¹².

Захват Карелии шведами был очень опасен для русских земель. Поэтому новгородцы стремились к укреплению своих северных рубежей, одновременно поддерживая карелов в их борьбе со шведскими завоевателями. Уже в 1310 г. «ходиша новгородци в лодях и лойвах в озеро (Ладожское) и идоша в реку Узерву, срубиша город на пороге нов, ветхий сметавше»¹¹³. Новый город на пороге (Кексгольм) был поставлен при впадении реки Узервы в Ладожское озеро.

¹¹² «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 338.

¹¹³ «Новгородская летопись...», стр. 311.

В следующем году новгородцы вторглись в глубь Финляндии, сделав морской набег и войдя в устье Купецкой реки. Разорив окрестные села, новгородское войско взяло город Ванай и осадило его внутренний замок или, по выражению летописи, «детинець». Замок стоял на высокой скале и был неприступен. Простояв под ним 3 дня и 3 ночи, новгородцы сняли осаду и вернулись на родину¹¹⁴. В Купецкой реке нашей летописи финские историки видят реку Каупайоки. По мнению Лерберга, город Ванай — это местечко Ване, лежащее в центре южной Финляндии¹¹⁵.

Смелый поход новгородцев, впрочем, не принес особых выгод. Уже в 1313 г. шведы во время внезапного набега сожгли Ладогу, а в следующем году карелы перебили русский гарнизон, сидевший в Кексгольме, и пустили в город шведов. Однако этот случай не показателен для отношений между русскими и карелами. Подоспевшее новгородское войско двинулось к новому городку, и карелы тотчас же передались на русскую сторону «и убиша новгородци немецъ и корелу переветников»¹¹⁶. Как и раньше, карелы всегда стояли на стороне русских и искали у новгородцев поддержки, без которой их ожидала бы участь поработенных жителей Ливонии.

Взаимные нападения русских и шведов могли бы продолжаться бесконечно без решительных результатов. Но русские находились в более невыгодном положении, чем шведы, обладавшие прекрасной базой для своих нападений почти на самой русской границе — городом Выборгом. Потеря области, прилегавшей к Выборгу, была крайне чувствительна для новгородцев, которые решили взять этот город осадой. Поход 1322 г. против Выборга напоминает нам походы Ярослава Всеволодовича в Ливонию в XIII в. Во главе русских войск стоял великий князь Юрий, призванный новгородцами. Юрий велел чинить осадные машины. Таким образом, речь шла о приготовлениях к длительной осаде Выборга. Русские войска осадили Выборг и разрушали его стены 6 осадными машинами, но не были в состоянии взять город, «тверд бо бе». Прямым следствием этого похода было построение в следующем году города Орехова или Ореховца (современного Шлиссельбурга). Город «на усть Невы на Ореховом острове» был построен новгородцами совместно с великим князем Юрием. Тогда же великие послы шведского короля заключили мир с Новгородом по старой пошлине¹¹⁷. Это был так называемый Ореховецкий договор, текст которого нам известен.

¹¹⁴ «Новгородская летопись...», стр. 312.

¹¹⁵ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению русской истории. СПб., 1819, стр. 148—152.

¹¹⁶ «Новгородская летопись...», стр. 313—314.

¹¹⁷ Там же, стр. 320.

Договор был заключен на равных основаниях. Великий князь Юрий заключил его «с братом своим с князем свейским» Магнусом. По договору устье Невы осталось за Новгородом, с условием не ставить никаких новых шведских и русских городков в Карелии. Ореховецкий договор был в сущности невыгоден для Новгорода, но он все-таки обеспечивал минимум новгородских прав и свободу торговли с Западной Европой. Поэтому в договоре отмечено участие в его составлении купцов с Готского берега и особенно оговорено, чтобы «гости гостити без пакости из всей немецкой земли: из Любка (из Любека), из Готского берега с Свейской земле по Неве в Новгород горою и водою»¹¹⁸ (т. е. сухим и водным путем). Впоследствии Ореховецкий договор лег в основу позднейших соглашений Новгорода и даже Московского государства со Швецией.

Борьба новгородцев со шведами отвлекла русские силы далеко на север. Это вызвало немедленную попытку немецких рыцарей захватить Псков. Еще в бытность великого князя Юрия в Пскове немцы напали на псковичей, несмотря на мирный договор, и захватили псковских рыбаков, ловивших рыбу в Нарове. В ответ псковичи сделали набег на северную Эстонию и дошли почти до Ревеля. По словам немецкого хрониста, «русские из Пскова с помощью литовцев разорили землю короля Дании и умертвили около 5 тысяч человек»¹¹⁹. Борьба разгорелась с еще большей силой после отъезда Юрия из Пскова. Весною 1323 г. немцы два раза осаждали Псков. В первый раз осада продолжалась всего 3 дня. Через 2 месяца (11 мая) немецкие войска снова оказались под Псковом, на этот раз «со многим умыслением». Осада продолжалась 18 дней. Немцы разбили городские стены осадными машинами, придвигая к ним движущиеся башни. Несколько раз немецкое войско ходило на приступ и приставляло к стенам лестницы для приступа. Немцы плотно обступили город со всех сторон. Они стояли в Завеличье (на левой стороне реки Великой), в Запсковье и в Полонищи, т. е. в пределах самого Пскова, по другую сторону Великой. Псковичи отсиживались за стеной так называемого Середнего города. Для военных действий характерна еще одна особенность. Немецкое войско подошло к Пскову, миновав оплот Псковской земли — город Изборск. Таким образом, Псков являлся основной целью нового немецкого нашествия. Но такой план захвата города сам по себе таил опасность. Псковский служилый князь Остафей, собрав изборян, напал на немцев с тыла и нанес им большой ущерб: «немци не успеха ничто же, ово (одних) их избиша, а инии в реце истопоша». Прибытие

¹¹⁸ «Записки Академии наук», т. XXXI, № 3. СПб., 1877, приложение, стр. 3. [М. Н. Тихомиров дает свой перевод текста. Новейшее издание документа см. «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 67—68].

¹¹⁹ «Scriptores rerum Pussicarum», b. I. Leipzig, 1861, p. 284.

князя Давыда из Литвы решило исход осады, немцы убежали «со стыдом и срамом»¹²⁰.

Между тем положение ордена в Ливонии было крайне ослаблено непредвиденным событием, показавшим всю непрочность положения немцев в Прибалтике. После сотни лет подчинения немцам эсты подняли восстание, начавшееся в Гаррии (район Ревеля). Даже немецкие источники признают, что причиной восстания были притеснения немецкого дворянства. Ливонский хронист XVI в. Руссов рисует нам картину издевательств немецких дворян над своими крестьянами, обращенными в подлинных рабов. После смерти крестьянина и его вдовы крестьянские дети лишались наследства и владели жалкое существование. Каждый дворянин пользовался в своем владении судебными правами над крепостными и даже правом смертной казни. Нередки были случаи, когда дворяне меняли своих крестьян на охотничьих собак. Произвол и распутство немецких завоевателей в Прибалтике были потрясающими¹²¹.

Между тем старинная храбрость и свободолюбие эстонского народа, несмотря на целый век рабства, не могли мириться с постоянными насилиями и грубым произволом немецких завоевателей. В ночь перед днем Георгия (23 апреля 1343 г.) «крестьяне в Гаррии произвели ужасные и злые дела и убийства, перебив и безжалостно уничтожив почти всех немецких дворян, старых и молодых, женщин и девушек, знатных и слуг, всех, кто были немцами». То же самое повторилось и в других областях Эстонии, а также на острове Эзель. Немецкое дворянство поспешно спасалось бегством, укрываясь за стенами Ревеля и крепкого орденового замка Вейсенштейна. Восстание носило характер не только освободительной, но и крестьянской войны, направленной одинаково против духовных и светских феодалов. В монастыре в Падисе было убито 28 монахов, дворяне же уничтожались без жалости. Ливонские хроники говорят, что восставшие крестьяне выбрали четырех королей, или вождей. Можно только поражаться прекрасной подготовке восстания, вспыхнувшего неожиданно. Большой отряд восставших численностью в 10 тыс. человек осадил Ревель, где находился датский наместник. Но силы восставших были слишком недостаточны против прекрасно вооруженного войска немецкого ордена. Рыцари во главе с самим мастером напали на восставших и 14 мая нанесли им тяжелое поражение. Но восстание не было еще подавлено. Как и в других случаях, эсты надеялись на помощь русских. Ливонские хроники сообщают, что эсты обращались к русским за помощью, обещая повиновение и дань¹²². Но для большого похода в Ливонию необходимо было крупное войско,

¹²⁰ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 11.

¹²¹ «Scriptores rerum Livonicarum», b. II. Riga — Leipzig, 1853, p. 28.

¹²² Ibid., p. 457.

а Псков мог выслать только небольшой отряд, который и вступил в Ливонию.

Псковичи воевали в районе Медвежьей Головы (Оденпе) и взяли большое количество пленных, отбив напавших на них немцев¹²³. На этот раз немалую помощь немцам оказало союжение двух пограничных с Псковской землей замков — Нейгаузена и Мариенгаузена, мешавших свободному продвижению русских войск в глубь Ливонии. К тому же Псков был слишком слаб, чтобы без новгородской помощи нанести серьезный ущерб немцам. Новгород же был занят военными приготовлениями к походу в Карелию и борьбой с литовским великим князем Ольгердом. Предоставленные самим себе, эсты были подавлены численным и материальным превосходством своих врагов, получивших подкрепление от Пруссии. Впрочем, отдельные отряды восставших продолжали сражаться еще в течение двух лет.

Борьба с Литовским великим княжеством, несомненно, крайне ослабляла Новгород, лишенный в это время поддержки из Владимиро-Суздальской Руси. Это ослабление русских земель привело к попытке комбинированного похода немцев и шведов против Пскова и Новгорода. Обстоятельства этого похода напоминают более ранние попытки крестоносцев утвердиться в русских пределах.

Крестовый поход был задуман очень широко. Людвиг, маркграф бранденбургский, приглашал польского короля Казимира к примирению с немецким орденом и к совместному походу против русских, сравнивая их с сарацинами¹²⁴. В свою очередь, папа Климент VI призывал шведов в своей булле к крестовому походу против русских как покровителей язычников. На этот призыв откликнулся шведский король Магнус, явно терявший опору у себя на родине. Но папский престол желал загребать жар только чужими руками. Когда Магнус вздумал обратить на расходы для крестового похода подать, собираемую в пользу папы, шведское духовенство резко запротестовало. Новгородская летопись отмечает, что Магнус требовал от новгородцев прислать «философы» для обсуждения вопроса о вере. Это требование, впрочем, было пустой формальностью. Оно так и было понято новгородцами, рекомендовавшими шведам обратиться за разрешением споров в Царьград, откуда была принята ими христианская вера, а пока прислать послов на примирительное совещание — «коя будет обида межи нами». Как и следовало ожидать, Магнус ответил: «Обиды ми с вами нетуть ни коей; придите в мою веру, а не пойдете, иду на вас со всею моею силою». Это наглое и в то же время нелепое требование показывало намерение Магнуса начать войну при всех условиях. Требование перемены веры было политическим лозунгом, кото-

¹²³ ПСРЛ, т. V, стр. 13.

¹²⁴ «Supplementum ad Historiae Russiae Monumenta», SPb., 1848, p. 285—286.

рый меньше всего был вызван религиозными взглядами Магнуса, а преследовал определенные цели. Крестовый поход казался Магнусу прекрасным средством для поднятия своего престижа на родине в качестве защитника католической веры. В 1348 г. Магнус со всем своим войском вторгся в новгородские пределы, осадил Ореховец и стал насильно «крестить» православную Ижору в католичество. В Ижорской земле нашлись изменники, действовавшие в пользу Магнуса, но большинство ижорцев сохраняло верность Новгороду. Между тем новгородцы во главе с Онцифором Лукиничем разбили крупный шведский отряд: «избиша немцев 500, а иных живых изимаша, а переветников казниша».

Крестовый поход выполнялся совсем не так, как предполагал Магнус, добившийся, впрочем, некоторых успехов. Однако Магнус удовлетворился взятием Ореховца, в котором он оставил шведский гарнизон, после чего с войском возвратился в Швецию. После ухода Магнуса новгородцы немедленно осадили Ореховец и с необыкновенным упорством стояли под ним всю зиму. Наконец 24 февраля Ореховец опять вернулся в руки новгородцев. Через два года новгородцы уже стояли под самым Выборгом и нанесли шведам большой урон¹²⁵.

Крестовый поход против Руси еще раз, и теперь уже окончательно, потерпел неудачу. Немцы пытались помочь Магнусу, пользуясь тем, что псковский вспомогательный отряд стоял под Ореховцем. Они напали на псковские земли, воевали под Псковом, Изборском и Островом, причинили «много зла», но не спасли шведов от поражения. В 1349 г. немцы внезапно снова напали на Изборск и во время сражения убили князя Юрия Витовтовича. Позже немцы выступали посредниками между русскими и шведами и произвели обмен шведских и русских пленных в Юрьеве¹²⁶. Набеги против Пскова, совершенные немцами и окончившиеся для них неудачно, были частью большого предприятия Тевтонского ордена. Немецкий поэт XIV в. Петер Зухенвирт воспел в одном из своих произведений двух странствующих рыцарей, принимавших участие в осаде Изборска в 1348 г. Немецкий поэт дал Изборску характерное наименование Ейзенбурга (Eysenburk), т. е. Железного города¹²⁷.

Во второй половине XIV в. военные действия с немцами все более приобретают характер пограничных столкновений. Уже в 1367 г., воспользовавшись размолвкой между Новгородом и Псковом, немецкие рыцари разграбили окрестности Изборска и сожгли посад вокруг Пскова. «Се же зло,— по словам московского летописца,— подеялося того деля, занеже не бяше тогда в

¹²⁵ «Новгородская летопись...», стр. 350.

¹²⁶ Там же [ПСРЛ, т. V, стр. 14].

¹²⁷ F. Adelung. Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland, B. I. SPb.—Leipzig, 1846, S. 132—134.

городе ни князя Александра, ни посадника Леонтея, ни иных лучших мужей и добрых людей, но мнози бяху тогда в розъезде»¹²⁸. Псковичи прислали жалобу в Новгород со словами: «Како печалуетесь нами, своею братьею». И на этот раз новгородцы не пожелали нарушить мир с немцами, что имело немедленные последствия. В последующие годы немцы трижды делали набеги на Псковскую землю¹²⁹.

К концу XIV в. на новгородских и псковских рубежах установилось относительное спокойствие. Новгородцы в это время плотнее укрепили свои границы. Они построили каменный город на реке Луге «на яме» (так называемый Ям, позднее Ямбург), а также каменный город Порхов, запиравший путь литовцам в пределы Новгородской земли. Постройка этих городов была связана с отсутствием крепкого мира с немцами. Только в 1391 г. в Изборске был заключен новый договор с немцами.

В XV в. пограничные стычки продолжаются из года в год. В 1406 г. псковичи одержали победу под Новым городком, но не вторглись далеко в Эстонию и взяли ливонский город Порх. На следующий год немцы сами подошли к Пскову, и им удалось разбить псковичей «на Камне». В битве пало три псковских посадника: «одолеша немцы». Мир между Псковом и немцами был заключен только в 1409 г.¹³⁰, а в следующем году (15 июля 1410 г.) произошла знаменитая Грюнвальдская битва, кончившаяся сокрушительным разгромом немецкого ордена в Пруссии. С этого времени немецкое владычество в Прибалтике начало клониться к упадку. В 1417 г. Псков заключил мир с ливонскими войсками на 10 лет. Псковичи предложили разрешить споры между ними и Ливонией на основании старых договоров, а не войнами. Однако войны и отдельные стычки продолжались всю первую половину XV в.

НЕМЕЦКАЯ АГРЕССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

Со второй половины XV в. начинается последний период борьбы русского народа с ливонскими немцами. Победа Василия Темного над коалицией князей и бояр во главе с Дмитрием Шемякой укрепила положение великого князя. Псков и Новгород начинают опираться в своей борьбе с немцами на могущественную помощь московских великих князей. Русские земли становятся неизмеримо сильнее немецкого ордена и всех его союзников, что немедленно сказывается на взаимоотношениях Новгорода и Пскова с орденом.

В 1463 г. произошли новые столкновения. По обыкновению ссора началась взаимными притеснениями купцов. Вслед за этим

¹²⁸ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 107.

¹²⁹ «Новгородская летопись...», стр. 359—361; ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 46.

¹³⁰ «Новгородская летопись...», стр. 397; ПСРЛ, т. V, стр. 20.

весной того же года немецкое войско подошло к одному из псковских пригородов. Пушки стали громить стены городка, а отдельные немецкие отряды—разорять псковские села и деревни. Псковское войско немедленно освободило городок. Вскоре немцы перешли через Чудское озеро. Псковские воеводы были в полном недоумении, где находятся немцы. Тогда нашелся «доброхот из зарубежья, чюдин» (по-видимому, эст), сообщивший, что немцы хотят ночью напасть на Колпино. Застигнутый врасплох, немецкий отряд ожесточенно сопротивлялся, но был опрокинут и бежал, преследуемый на протяжении 15 верст. Погибло множество немцев, а псковичи остались почти без потерь. «Дивно бе се, братие,—говорит летописец,—чюда и дива исполнено и достойно памяти: коль велице и страшне сущи брани, ни один человек псковской рати не паде»¹³¹.

Между тем перевес в силах все более склонялся на сторону русских. Постоянный союз и поддержка создавшегося Московского государства опрокинули расчеты немецких завоевателей, показав легковесность их претензий на русские земли. В 1463 г. сам мейстер прислал послов в Псков и заключил мир на старых основаниях. Однако в мирном договоре впервые после двух столетий непрерывной борьбы были заявлены и подтверждены самими немцами права русских на Юрьев. Дерптский (юрьевский) епископ обещал не обижать «Русский конец» (т. е. квартал) в Юрьеве и православные церкви и, что еще важнее, платить великому князю «пошлину» с Юрьева. Так впервые после падения Юрьева немцы вновь вынуждены были признать «по старине» особые права великих князей в восточной Эстонии¹³². Вскоре после заключения мира псковичи поставили город Красный для защиты своих владений с юга.

Московская, или вернее общерусская, помощь еще сильнее сказалась в 1473 г., когда кончилось перемирие и псковский посол немедленно отправился в Москву с просьбой о помощи. Ответ великого князя гласил: «Рад есмь стояти и боронити дом святыя Троица и вас свою отчину Псков, и на конь сести со всеми силами Русскими, аже вас почнут немцы». Это были не пустые слова. Осенью того же года русские войска стали подходить к Пскову. Полки шли непрерывно два дня; здесь были отряды из Ростова, Дмитрова, Муром, Костромы, Коломны, Переяславля и других городов. Орден немедленно заключил мир с Псковом и великим князем на 20 лет. Колебался только дерптский епископ, но и он был вынужден согласиться заключить мир на 30 лет, как только узнал, что в Псков пришло вспомогательное войско из Новгорода. Мир был заключен в Пскове, и послы Юрьева целовали крест на вече перед псковичами. Даже псковский летописец принужден был написать, что

¹³¹ «Новгородская летопись...», стр. 225.

¹³² ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 223.

этот мир был заключен «здоровием и счастьем великого князя Ивана Васильевича». Но Иван III и сам не скрывал своих взглядов на Псков как на часть своей отчины и прислал сказать Пскову: «Рад есми отчину свою устроене держати, аже ми положите прежних князей великих грамоты пошлинные»¹³³.

Прошел значительный период времени, прежде чем начались новые военные действия на псковских границах. Как обычно, им предшествовали пограничные инциденты и аресты русских купцов в Ливонии. Война началась в 1480 г. Псковичи с московской помощью сами вторглись в Эстонию и три дня осаждали Юрьев, захватив множество пленных и добычи. Война, казалось, должна была кончиться, но произошло внезапное осложнение. Псковский князь, ставленник Москвы, выехал из Пскова. Тогда «услышавше немцы, что воевода выехал из Пскова на Москву», тотчас подступили к Изборску. Не успев взять Изборск, немцы подошли к Пскову и, перейдя реку Великую, стали громить городские стены с восточной стороны. Псков усердно оборонялся, и после пяти дней осады рыцари во главе с мейстером повернули обратно: «отбегоша посрамлени прочь». Получив помощь от великого князя, псковское войско четыре недели воевало в Ливонии и взяло Феллин, важнейший орденский замок в Ливонии (Вельяд наших летописей) «и много добра из тых городов выносиша от золота и от серебра, а иного не мочи изчести»¹³⁴. Немцы заключили мир и впервые обратились с просьбой пропустить их послов в Москву, понимая, что решение войны и мира зависело теперь уже не от Пскова, а от Ивана III.

Переход к Московскому государству укрепил северо-западные границы русских земель. В 1492 г. на Нарове был построен крепкий Ивангород, выстроенный на горе против Нарвы. Границы Московского государства на долгое время оказались закрытыми наглухо от врагов. Последняя попытка немцев вторгнуться в русские земли кончилась позорным провалом.

ПОХОД ПЛЕТТЕНБЕРГА

Предприятие Плеттенберга становится понятным только при знакомстве с общим положением Московского государства и Псковской земли в начале XVI в. Иван III, начав войну со своим зятем великим князем литовским Александром, крайне нуждался в псковской помощи. Большое псковское ополчение вышло из Пскова «в пособие великим князем». Это весьма ослабило Псковскую землю и облегчило Плеттенбергу его поход на Русскую землю. Мейстер рассчитывал на отвлечение русских

¹³³ Там же, стр. 247—250.

¹³⁴ Там же, стр. 263—266.

сил в сторону Литвы и в 1501 г. заключил с Александром союз на 10 лет. Союзный договор предусматривал военные действия против Московского государства, но с оговоркой, что присоединение каких-либо московских городов не может быть сделано без ведома и согласия обеих договаривающихся сторон¹³⁵.

В том же году немцы приступили к враждебным действиям, по своему обыкновению не объявляя о начале войны и захватив псковских купцов, торговые суда псковичей и 150 человек в плен. Обращение в Юрьев с требованием вернуть людей и товары было встречено издевательством. Немцы отпустили взятого в плен гостя и задержали посла, по прибытии второго посла отпустили первого и задержали второго, повторив то же самое после прибытия третьего посла из Пскова. Псков обратился за помощью к великому князю Ивану III, который прислал войско во главе с князьями Данилом Щеня и Василием Васильевичем Шуйским.

27 августа 1501 г. русское войско встретилось с немцами у Сериц, в 10 километрах за Изборском, и потерпело поражение. Причиной поражения было превосходство немецкой артиллерии. Немцы «навернуша на московскую силу пушками и пищальями и бысть туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального»¹³⁶. Вечернее время и усталость людей и лошадей помешали Плеттенбергу преследовать русских. Попытка взять Изборск кончилась неудачей, и немцы двинулись на юг к Острову. Появление немецких войск под Островом было частью большого плана, согласованного между Плеттенбергом и Александром Литовским. Немцы взяли Остров почти на виду у московских воевод, которые не помогли осажденному городу и «только смотрели». Но соединение немцев с литовским войском не состоялось, так как литовцы задержались под Опочкой. Плеттенберг вынужден был повернуть обратно. К тому же в немецком войске свирепствовала дизентерия, и сам Плеттенберг заболел и долгое время лежал больным.

Насколько ничтожны были успехи Плеттенберга, показывает то обстоятельство, что уже осенью того же года русское войско сделало блестящий поход в Ливонию. Под городком Гельметом в самом центре Ливонии русские разбили немецкое войско и гнали его на протяжении 10 верст. По образному выражению псковской летописи, не саблями светлыми убивали немцев, но били их москвичи, как свиней, шестоперами. Русское войско победно прошло мимо Дерпта к Ивангороду. Вышли на родину «все здрави, москвичи и псковичи»¹³⁷.

¹³⁵ «Supplementum ad Historiae Russiae Monumenta», р. 315—318. Арбузов относит заключение договора к 21 июня, но издатели датируют его 28 февраля.

¹³⁶ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 274

¹³⁷ Там же, стр. 275.

Русский поход в Ливонию оставил после себя настолько тяжелые следы, что в следующем году сам магистр Тевтонского ордена писал: «Прошлой зимой великий князь московский вошел с многочисленным войском в Лифляндию, что принесло много вреда для этой страны и для войск, пожара, убийств и разорений»¹³⁸.

Времена немецких успехов остались позади. Последняя решительная попытка немцев взять неодолимый Псков относится к тому же 1502 г. Виновником этой попытки был тот же Плеттенберг, превозносимый немецкой литературой как замечательный полководец и государственный деятель. Но послушаем, что говорят о походе Плеттенберга сами немецкие источники.

На ландтаге, происходившем в январе 1502 г. в Вольмаре, Плеттенберг, хотевший продолжать войну, достиг после долгих и бурных прений того, что была принята новая подать. Между тем требование Плеттенберга было явно нелепым. Даже современникам было ясно, что великий князь литовский Александр только на словах готов был помогать ордену, так как серьезно поддерживать орден было не в его интересах. Дерптский епископ также не прочь был вступить в переговоры с русскими. Города требовали мира, а средства Ливонии были истощены. Настаивать на войне мог только человек, лишенный государственного ума, или фанатик.

Средства для войны были изысканы Плеттенбергом крайне сомнительным путем. Папа разрешил продажу в пользу ордена индульгенций, дававших прощение за совершенные и даже за будущие грехи. В числе продавцов был и доминиканец Иоанн Тецель, впоследствии разоблаченный Лютером. На деньги, полученные таким грязным путем, были наняты не менее грязные немецкие профессионалы-воины — ландскнехты. «То были дикие непослушные, вечно пьяные и жадные люди, думавшие лишь о жалованье и добыче»¹³⁹.

2 сентября 1502 г. Плеттенберг подступил с войском к Изборску, но не смог взять городка и двинулся на Псков. Об этом походе сохранились различные рассказы. В немецкой хронике Бальтазара Руссова, изданной в 1578 г., сообщается, без всяких ссылок на источники, следующее: «Плеттенберг вступил в русские пределы с 2 тыс. всадников и 1500 ландскнехтов и подошел к Пскову. Услыхав о прибытии большого русского войска, Плеттенберг повернул против него и будто бы одержал победу, в которой было убито много тысяч русских. По словам Руссова, «эта победа лифляндцев была настоящим, удивительным чудом божьим», так как русское войско насчитывало 90 тыс. человек.

¹³⁸ «Supplementum ad Historiae Russiae Monumenta», p. 319—320.

¹³⁹ Л. А. Арбузов. Указ. соч., стр. 119.

Подобный же рассказ и почти теми же словами повторяют за Руссовым другие ливонские историки¹⁴⁰. Между тем Руссов писал в эпоху Ливонской войны, когда важно было поддержать падающий дух ливонцев рассказами о победах над русскими. Действительно, рассказ Руссова носит все черты позднейшей легенды. Русские не могли выставить на второстепенном театре войны 90 тыс. войска. Даже в битве при Ведроше в 1500 г. на самом важном участке войны у русских было не более 40—50 тыс. человек. По-видимому, у страха были глаза велики, и обыкновенный московский отряд показался немецким рыцарям громадным полчищем, а происшедшая стычка превратилась в большую победу.

Но послушаем, что пишут об этой «победе» немцев русские летописи. Псковская летопись говорит, что псковское и московское войско гналось за немцами, отступавшими от Пскова. Немцы поставили свой обоз отдельно от войска в надежде, что на него ударят русские. Русские взяли обоз, и тогда псковичи и москвичи затеяли между собой драку из-за немецкой добычи. «И немцы в то время сступишася с москвичи и со псковичи и бысть с немцы сеча, а не велика». Псковский князь Иван Горбатый, московский ставленник, стал созывать псковичей в полк, а они ругались, называли его «опремом» и «кормихном»¹⁴¹. Так пишет несомненный современник событий, не заметивший никакой «победы» немцев и Плеттенберга. Ничего не знают об успехах Плеттенберга и другие русские летописи. Архангелогородская летопись только отмечает факт битвы: «и с немцами билися»¹⁴².

Еще более рельефно описывается тот же бой в другой летописи¹⁴³: «И послышаша немци воевод великого князя, что идут к Пскову, и поидоша от Пскова, и доидоша их воеводы великого князя на Смолене, и сказаша воеводам великого князя... что немци бежат, а люди великого князя многие ис полков погониша, а полки изрушали и кошевых (обозных.— М. Т.) людей немецких многих побили, и пришли на немецкие полки, а немци стоят полки вооружены, и великого князя людей не многих избиша, которые пришли изрывкою, а сами ся отстояли». В другом летописном своде читаем, что русские воеводы обошли немцев со стороны Изборска: «И учинишася им бой, месяца сентября 13 день, и бишася и розидошася обои...И от-

¹⁴⁰ «Scriptores rerum Livonicarum», b. II, p. 33—34, 463—464.

¹⁴¹ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 276. По словам летописи, это было сделано с таким расчетом: «толке де Русь ударися на кош [обоз], и мы де выйдем из Псковской земли; а толке де и на нас [ударят] ино туто нам головы покласти своя».

¹⁴² «Летописец (архангелогородский), содержащий в себе российскую историю». М., 1781, стр. 176 [«Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». М.—Л., 1950, стр. 102].

¹⁴³ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 242; т. XXIV, стр. 215.

толе немцы отъидоша в свояси, а воеводы великого князя разоидошася и с своим воинством себе».

Таковы разнообразные свидетельства русских летописей, носящие все признаки достоверности и современности. Из них выясняется картина битвы 1502 г. Русские выпустили немцев, погнавшись за добычей. Никакой победы Плеттенберга и поражения русских не было.

У нас есть и еще одно современное свидетельство, которое не может быть заподозрено в пристрастности. Австрийский путешественник Герберштейн, беседовавший с очевидцами сражения 1502 г., говорит, что Плеттенберг, встретив большое московское войско, напал на него. «При первом натиске ему удалось рассеять русских... Но так как победители были слишком немногочисленны, сообразно с количеством врагов, и к тому же, будучи обременены тяжелым вооружением, не могли очень далеко преследовать врага, то москвиты, узнав про это и собравшись с духом, снова возвращаются в ряды и, сделав храбро нападение на пехоту Плеттенберга, которая оказывала сопротивление врагу, выстроившись фалангою в количестве тысячи пятисот человек, подвергают ее сильному избиению...» В связи с этим Герберштейн, рассказывая о переходе некоего Гамерштетера на сторону русских, добавляет: «Вследствие этого перехода почти четыреста пехотинцев (немецких) были жалким образом перебиты врагами, а остальная толпа с конницею, сохранив ряды, невредимо вернулась к своим»¹⁴⁴.

Как видим, даже Герберштейн признает, что Плеттенберг не одержал никакой победы и сумел лишь вернуться домой без полного разгрома. Впрочем, главным виновником слухов о немецкой победе в 1502 г. был сам Плеттенберг, рассылавший письма с извещением о своем успехе. Однако в ответных поздравлениях литовского великого князя Александра и великого магистра Тевтонского ордена заметна некоторая неуверенность. Александр поздравляет Плеттенберга с удачной борьбой, сообщая как бы в утешение слухи о смерти Ивана III. А сам магистр пишет о своих дальнейших действиях в помощь Ливонии¹⁴⁵.

Значение всякой действительной победы познается прежде всего ее последствиями. Между тем в 1503 г. ливонские послы подписали в Новгороде договор с Московским великим княжеством, признав за московским государем право на получение дани с Юрьева (Дерпта). Поход Плеттенберга показал только бессилие немцев и выросшее могущество русских земель, уже объединенных в могучее Московское государство. Свое бессилие и унижение ясно чувствовал сам Плеттенберг. Он извещал великого магистра Тевтонского ордена о возвращении

¹⁴⁴ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 182—183.

¹⁴⁵ «Supplementum ad Historiae Russiae Monumenta», p. 331—333.

своих послов из Московского государства, называя шестилетнее перемирие с Иваном III жалостным и постыдным для польского короля. При дворе Ивана III послы Плеттенберга оказались на положении бедных родственников и ждали, пока литовские делегаты заключат перемирие с Москвой.

Немцы могли завоевать Прибалтику, пользуясь ее раздробленностью, могли в XIII в. угрожать Русской земле, ослабленной татарами, но они были бессильны против объединенной России, с которой вскоре им пришлось столкнуться в Ливонской войне, следствием которой было окончательное падение немецкого владычества в Прибалтике.

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ РУССКОГО НАРОДА

Весь XIII в. продолжалась ожесточенная борьба Руси против немецких завоевателей. Немцы опирались на постоянную поддержку многочисленных «пилигримов», приходивших не только из Германии, но и из других стран Западной Европы. Рыцарские ордена и могущественный папский престол поддерживали их в борьбе против Руси, а Дания и Швеция оказывали непрерывную помощь и посылали свои войска против русских. Германия, спасенная от татарских погромов мужеством русских, погибавших на развалинах своих городов, тщетно боролась с обессиленной Русью, которая не только оборонялась, но и нападала совместно с литовцами, ставя под угрозу немецкое владычество в Прибалтике.

Какие же причины обеспечили успех обороны Руси в самые тяжелые века русской истории? Здесь прежде всего необходимо отметить глубокую основную разницу между экономическим и социальным развитием прибалтийских племен и соседней Руси. Прибалтийские народы в XIII в. продолжали жить разрозненными племенами, которые управлялись старшинами. Уровень развития производительных сил у них был еще невысоким. Генрих Латвийский с некоторым презрением говорит о военной технике ливов, эстов и леттов. Каменные замки, построенные немцами, были почти неприступны для нападений местных племен. Только жители Эзеля научились строить осадные машины наподобие немецких. Например, при осаде Феллина «тевтоны устроили осадную машину и метали камни днем и ночью, проламывая укрепления, в замке они перебили бесчисленное множество людей и скота, так как эсты, никогда не выдавши ничего подобного, не укрепили своих жилищ против таких ударов»¹⁴⁶.

В Прибалтике еще не было городов в нашем смысле слова, ремесла были в зачаточном состоянии, отсутствовала письменность и т. д.

Между тем против разрозненных прибалтийских племен вы-

¹⁴⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 139.

ступали крестоносные полчища Германии, Дании и Швеции под покровительством и по прямому наущению римского престола. Папские буллы запрещали ввоз оружия в «языческие» страны, стремясь, таким образом, использовать все преимущества западноевропейской военной техники против плохо вооруженных туземцев. Толпы жадных и распутных «пилигримов» приходили в Прибалтику и разоряли ее прекрасные селения. Сам Генрих Латвийский постоянно сообщает об уводе в плен женщин и детей, считавшихся лучшей добычей рыцарей. В XIII в. прибалтийские племена были задавлены численным и техническим превосходством немецких, шведских и датских рыцарей, и только литовцы, опиравшиеся на русские земли, отстаивали свою независимость. Отчаянные попытки эстов сбросить немецкое иго также остались безрезультатными.

Совсем в ином положении находились русские земли. Уже в XI—XIII вв. Новгород и Псков были богатыми и культурными городами. Каменное строительство в Новгороде и Пскове достигло высокого развития. Об этом свидетельствуют громады соборов Юрьева и Антониева монастырей в Новгороде, Спасо-Мирожского монастыря в Пскове. Стены церквей были покрыты великолепной живописью, сохранившей при посредстве византийских мастеров лучшие традиции эллинизма. Прекрасны фрески Спаса-Нередицы конца XII в., но еще великолепней были росписи Софийского, Антониевского и Юрьевского соборов. Только высокие культурные запросы могли вызвать к жизни эти шедевры русской живописи.

Ко времени немецкой агрессии русские земли имели большую и оригинальную литературу, представленную летописями, повестями и поэтическими произведениями, подобными «Слову о полку Игореве». На Руси составлялись переводы греческих сочинений. Многие из этих переводов возникли в Новгороде, о чем свидетельствуют их словарные особенности. Русь XII—XIII вв. не могла быть названа захолустьем, а Новгород являлся подлинным культурным центром. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся памятники архитектуры, живописи и прикладной техники.

В области военного дела русское войско стояло также на высоком уровне. Победы татар над русскими объяснялись их громадным численным превосходством. Но и татарам пришлось с боя брать каждый русский городок. Русские сражались с татарами буквально до последней капли крови, и мы почти не имеем известий о добровольной сдаче на милость татар... В вооружении русские, несомненно, уступали немецким рыцарям, но разница между немецким ополчением, в котором тяжелооруженные рыцари составляли лишь небольшую часть, и русским войском была вовсе не столь велика, чтобы обеспечить немцам постоянный успех. Рифмованная хроника не раз говорит с похвалой о вооружении русских. Шлемы русских блесте-

ли, как стекло, оружие у них было украшено золотом и серебром, развевались многоцветные знамена.

Та же хроника, как и Генрих Латвийский, особо отмечает прекрасную стрельбу русских лучников. Меткая стрельба русских воинов из лука нередко наводила панику в немецких рядах, подобно тому, как английские стрелки были виновниками поражения тяжеловооруженных французских рыцарей при Креси и Азинкуре. Во время битвы в Унгавнии в 1218 г. ливы и летты «бежали, видя летящие на них русские стрелы». Поэтому странно читать, когда в современной, хотя бы и популярной, исторической литературе вооружение русского войска описывается как крайне бедное в техническом отношении, а Ледовое побоище — как своего рода счастливая случайность.

Нельзя забывать и другую особенность, резко отличавшую русское войско от немецких отрядов. Основу немецких ополчений составляли рыцари, или «братья». Кроме высшего орденского состава, или братьев-рыцарей, на войну ходили слуги ордена¹⁴⁷. Но они составляли только часть войска, остальная масса которого складывалась из вспомогательных отрядов ливов, эстов, леттов и т. д. Эти отряды оказывали большую помощь немцам при завоевании Прибалтики, а также во время набегов на Русь. Но во время крупных сражений немецкие союзники, шедшие на войну нередко только по приказу своих господ, не выдерживали упорной битвы и обращались в бегство. Так было во время похода русских в Унгавнию в 1218 г., когда немцы были брошены своими союзниками. Так случилось и позже, в разгар Ледового побоища, когда «чудь» побежала с поля битвы.

Примеров нетвердости вспомогательных войск, набранных из прибалтийских племен, в боях с русскими можно указать много. Однако напрасно было бы объяснять бегство «чуди» отсутствием храбрости. Эсты, летты, ливы, куры, семигалы и эзельцы героически погибали при защите своих родных деревень. В 1210 г. немцы три дня осаждали Венден, и несмотря на громадные потери от немецких осадных машин, метавших камни и стрелы, защитники города упорно держались. Когда немцы осаждали Зонтагену, эсты бросались в бой с исключительной смелостью.

При осаде немцами Мезиоте семигалы, «сами уже едва живые», отбили нападение немцев и отклонили предложение о сдаче. Но эсты и другие племена, погибавшие при защите родных деревень, неохотно боролись за чуждое дело и нередко бросали своих господ на поле битвы. Ненависть к немецким угнетателям была постоянным явлением среди эстов и леттов. Во время эстонского восстания 1343 г. гонцы восставших при-

¹⁴⁷ И. Ф. Чешихин. Указ. соч., т. I, стр. 100—102.

были в Псков и горячо призывали русских прийти к ним на помощь.

Совсем иное мы видим в русском войске. Даже немецкие источники отмечают необыкновенное упорство русских воинов в бою. При взятии Юрьева в 1224 г. русский отряд оборонялся дольше всего. Свободолюбивый русский народ стойко отстаивал независимость своей родины, своих земель и мужественно боролся с немецкими захватчиками.

Во время Ледового побоища «бысть у Александра множество храбрых, сильных и крепких»¹⁴⁸. Русские сражались, по летописи, как львы. Наши источники сообщают множество примеров героизма русских воинов. Между тем вместе с князьями шла в поход не одна их дружина, но и ополчение. В битвах с немцами сражались не только профессионалы-дружинники, но и простые ремесленники. Так, в Невской битве погиб «Нездылов сын кожевника»¹⁴⁹. Русские воины прекрасно знали, что они боролись против иноземного ига, несравненно более тяжелого и позорного, чем зависимость от татар.

После Ледового побоища русские войска также неоднократно одерживали победы над немцами. Такова была Раковорская битва и ряд других сражений. Знаменитая Грюнвальдская битва 1410 г. была выиграна также благодаря мужеству русских отрядов, в особенности героического Смоленского полка, принявшего на себя немецкий удар. Маленький Изборск казался немецким рыцарям неприступной твердыней, и мы отмечали, как немецкий поэт XIV в. называл его «железным городом».

Но еще большее значение имело единство Русской земли и народа в борьбе с немецкой агрессией. В то время как в Прибалтике немцы имели дело только с отдельными и разрозненными племенами, они встречали единодушный отпор, сталкиваясь с Русью. Одной из основных причин успеха немецкой агрессии в Прибалтике являлось отсутствие единства в ней.

При завоевании Ливонии немцы пользовались раздорами среди племен этой многострадальной страны. Искусно натравливая ливов против леттов, леттов против эстов и т. д., немцы пользовались отсутствием единства у этих племен, осуществляя знаменитую римскую пословицу «разделяй и властвуй».

Немцы, в особенности рыцари, пытались применить эти методы и в русских областях. Но изменники — бояре во главе с псковским князем Ярославом Владимировичем не нашли себе настоящей опоры даже в Пскове. Не случайно Псковская судная грамота, может быть частично восходящая ко времени Александра Невского, требует, чтобы «переветникам» не было пощады. Короткое владычество немцев в Пскове могло вызвать толь-

¹⁴⁸ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 64.

¹⁴⁹ «Новгородская летопись...», стр. 257.

ко отвращение к захватчикам. Даже Рифмованная немецкая хроника отмечает, что Александр пришел в Псков «к радости псковичей».

В Русской земле немцы имели дело не с разрозненными племенами ливов и эстов, а с большой страной, никогда не терявшей своего единства. Правда, в XII—XIII вв. русские земли были раздроблены на множество больших и мелких княжеств. С начала XIII в. южнорусские земли, представленные Киевским, Черниговским, Галицким и другими княжествами, были слабо связаны с Новгородской и Владимиро-Суздальской землей. Но все эти земли еще не жили совершенно разрозненной жизнью.

Особенно важное значение для Новгорода имели его экономические связи с Владимиро-Суздальской землей. Укрепление этих связей относится уже к XII в. Новгородские летописи отмечают, что новгородцы нередко получали хлеб с «низа», т. е. из Владимиро-Суздальской земли. Отбив нападение крупных суздальских сил в 1169 г., новгородцы вынуждены были все-таки заключить мир с Андреем Боголюбским, потому что в Новгороде «бысть дороговъ»¹⁵⁰. Из Владимиро-Суздальской земли шел не только хлеб, но и такие важные продукты торговли с границей, как воск и мед. Во время упомянутой выше «дорогови» цена на мед стояла особенно высоко. Через Владимиро-Суздальскую Русь шел великий водный путь по Волге, имевший важнейшее значение для Новгорода. В 1216 г. во время войны с Новгородом Ярослав Всеволодович заключил в тюрьму в Переяславле 150 купцов, «иже бяху зашли гостьбою в земли его». Торговые связи Новгорода с Владимиро-Суздальской Русью усилились еще более в XIII в., когда ясно обнаружилось запустение Киевской Руси, а старинный торговый путь по Днепру потерял свое прежнее значение.

С начала XIII в. устанавливается постоянная политическая зависимость Новгорода от владимирских великих князей. Великий князь обычно сажает в Новгороде своих родственников. В начале XIII в. в Новгороде еще сидели князья, пришедшие из южной Руси. Со второй половины XIII в. в Новгороде сменяются только князья Владимиро-Суздальской Руси.

Экономические и политические связи Новгорода усилились в результате немецкой агрессии. Новгород опирался на суздальскую помощь. Ярослав Всеволодович вел активную борьбу против немцев в Ливонии. Его сын Александр Невский продолжал эту борьбу. Ледовое побоище было событием, спасшим от немецкой агрессии не только Новгород, но и всю северо-восточную Русь. Падение Пскова и Новгорода заперло бы с запада Русь наглухо и имело бы для нее тягчайшие последствия. Немцы обычно пользовались для своих нападений моментом раз-

¹⁵⁰ «Новгородская летопись...», стр. 149.

рыва отношений между Новгородом и великими князьями. И летопись, говоря о немецких нападениях, постоянно замечает, что князя в Новгороде в это время не было. Наиболее удачные русские походы в Ливонию производились соединенными силами новгородских и суздальских полков.

В XIV—XV вв. связи Новгорода с Суздальской, теперь уже Московской, Русью все более усиливаются. Город Ландскроне был взят новгородцами, действовавшими вместе с войсками великого князя Андрея Александровича. Город Орехов был поставлен новгородцами и великим князем Юрием Даниловичем. Во время похода Магнуса Симеон Гордый «сѣбра вся многи и поиде боронити своея отчины». При известии о приходе послов из орды он вернулся обратно. Тем не менее Симеон отправил новгородцам помощь, и пленные немцы были приведены в Москву¹⁵¹.

Дмитрий Донской уже включает в договоры с Новгородом обещание помогать против немцев: «А доколе ся Новгород с литовским князем и со тферьским князем Михаилом, не умирит, или с немцы, мне князю великому Дмитрию Ивановичу всеа Руси, и моему брату князю Володимеру Новгорода не метати»¹⁵².

В 1407 г. «псковичи приходиша к великому князю на Москву просити помощи себе на немцы». Великий князь Василий Дмитриевич послал к ним своего брата Константина, остававшегося в Пскове почти год¹⁵³.

Со второй половины XV в. сношения Москвы с Псковом и Новгородом еще более усиливаются. Политика Новгорода и особенно Пскова по отношению к Ливонии диктуется в это время Москвой. Этот постоянный союз Московской Руси с Новгородом и Псковом, несомненно, имел громадное значение для успеха борьбы русских земель с немецкими завоевателями. Против крестоносцев выступали не разрозненные племена, как в Прибалтике, а единый народ, объединенный общей культурой, языком и горячей любовью к родине.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ О БОРЬБЕ РУСИ С НЕМЕЦКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ

Вековая борьба русских с немцами не могла пройти бесследно и нашла свое отражение в литературных памятниках древней Руси XIII—XV вв., которые показывают отношение русского народа к немецким завоевателям.

Лучшим источником, наиболее полно отражающим историю борьбы русского народа с немецкими завоевателями, является

¹⁵¹ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 96.

¹⁵² ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 4, № 8.

¹⁵³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 153.

летопись. Особенно часто и подробно говорят о войнах с немцами псковские летописи. Для Пскова война с немцами была делом исконным. Даже в XVII в. псковичи в своих челобитных ссылались на старых героев, погибших в войнах с немцами, могилы «и до сего дне» видимы по всей Псковской земле. Псковские летописи подробно говорят о войнах с немцами в областях, непосредственно прилегавших к Пскову, изредка упоминая о событиях к северу от Чудского озера. Более широкий кругозор был у новгородских летописцев, которые одинаково интересовались событиями как на северной новгородской границе, так и в районе Псковской области. Новгородские летописи особенно важны для истории борьбы с немецкой агрессией в XIII в., так как псковские летописи дают вполне самостоятельный рассказ лишь с начала XIV в. Значительно меньшее значение имеют московские, тверские и ростовские летописные заметки, только отрывочно говорящие о войнах с немцами.

Для новгородских и псковских летописей характерно сознание постоянной немецкой угрозы на западных рубежах. Летописцы радуются русским успехам, говорят о набегах и походах «поганых» немцев, нередко отмечая, что завоеватели убежали «с многим стыдом и срамом». Вместе с тем летописи не теряют и характера объективности. Летописи не скрывают русских поражений и нередко объясняют их причины. Например, псковский летописец, говоря о немецком набеге в 1368 г., замечает: «Но вся силы быша по грехам нашим, тогда бо не бысть в граде князя Александра, ни посадников, но по селом в розъезде». Летописи не стыдятся говорить даже о таких тяжелых и обидных событиях, как ссоры Пскова с Новгородом, не скрывают и русских поражений. Псковский летописец отмечает, что в 1407 г. за Камном на Логовицком поле пало 700 псковичей, в то же время немцы разбили псковичей на Псковском озере, «и псковичи пометавше 7 насадов и прочии посуди, и побегоша, и прибегоша ко Пскову пешь».

Этот характер наших летописей — их правдивость — особенно бросается в глаза при сопоставлении их с ливонскими хрониками. Как известно, древнейшим историком Ливонии является Генрих Латвийский. Тщетно стали бы мы искать у него какого-либо подобия объективности. «В сущности вся Хроника — панегирик завоевателям — немцам»¹⁵⁴.

Значительно слабее как исторический источник Рифмованная немецкая хроника, неправильно приписанная Дитлебу фон Альнпекке и, по-видимому, написанная каким-то орденским слугою в конце XIII в. Рифмованная хроника отличается крайне ненадежной хронологией и основана на еще более ненадежных источниках. Тем не менее она послужила основным источ-

¹⁵⁴ Вступительная статья С. А. Аннинского «Хроника Ливонии», стр. 51.

ником для более поздних хроник в рассказе о событиях XIII в. Позднейшие хроники, в том числе и знаменитая хроника Бальтазара Руссова, являются не столько историческими, сколько публицистическими сочинениями, прославляющими успехи немцев и скрывающими их поражения¹⁵⁵.

Таким образом, русские летописи являются несравненно более точным историческим источником по сравнению с ливонскими хрониками.

Кроме летописей отражение борьбы русского народа с немцами находим и в ряде русских литературных произведений XIII—XV вв.

Историки литературы давно установили, что список «Слова о полку Игореве», сгоревший в 1812 г., носил на себе черты псковского говора. И это, конечно, не случайность. «Слово о полку Игореве» с его призывами к борьбе за Русскую землю прекрасно гармонировало общим положением Псковской земли, непрерывно подвергавшейся набегам немцев, а по их понуждению или натравливанию — и эстов, леттов и литовцев.

Как раз к описываемой нами эпохе относится один мало изученный памятник, также дошедший в единственной рукописи и также псковского происхождения, носящий название «Слово о погибели Руския земли и смерти великого князя Ярослава». Как и во многих других случаях, историки мало интересовались этим памятником, предоставив его изучение историкам литературы¹⁵⁶. Между тем «Слово о погибели» крайне характерно для традиции, продолжавшей идеи певца «Слова о полку Игореве». Характерно само начало «Слова о погибели Русской земли»: «О светло светлая и украсно украшена земля Руская и многими красотами удивлена еси». Говоря о былой славе Русской земли, автор «Слова» очерчивает следующие ее границы: от Угор (Венгров) до Ляхов и Чахов, от Чахов до Ятвягов, Литвы и Немцев, «от немцев до Корелы» и далее до Устюга, за дышущее море, оттуда до Болгар, Буртасов, Черемисов и Мордвы «то все покорено было богом крестияньскому языку... великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Киевскому, деду его Володимеру (Мономаху)». В те времена «немци радовахуса, далече будуче за синим морем».

Историки литературы находят в «Слове о погибели Русской земли» черты сходства со «Словом о полку Игореве», но затрудняются его точной датировкой. Однако на время возникновения «Слова о погибели» указывает фраза: «и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго»¹⁵⁷. В «Слове» нет еще указаний на татар, но зато го-

¹⁵⁵ «Scriptores rerum Livonicarum», b. II, p. 1—157.

¹⁵⁶ Н. И. Серебрянский, Указ. соч., стр. 154—174.

¹⁵⁷ Там же, приложение, стр. 109 [В. И. Малышев. Житие Александра Невского.— ТОДРЛ, т. V, стр. 188].

ворится о немцах. Границы Русской земли очерчены в «Слове» с хорошим знанием севера и без знакомства с югом Руси. Автор знает, что немцы владеют землей от Литвы «до Корелы», знает «Устюг и дышущее море», упоминаемое в новгородских памятниках. Правда, заглавие памятника говорит о смерти великого князя Ярослава, но само «Слово» упоминает о нынешнем Ярославе и брате его Юрии, убитом на Сити в 1237 г. Таким образом, этот памятник возник еще до 1246 г. (когда умер в орде Ярослав Всеволодович), вероятнее всего, в Новгороде или в Пскове. Памятник этот продолжает традиции «Слова о полку Игореве» и отражает тревожное и печальное положение Новгородской земли, разоряемой немцами. Для нас «Слово о гибели Русской земли» важно как памятник, ярко отражающий идею об единстве Русской земли, никогда не забывавшуюся на Руси даже в период феодальной раздробленности.

Борьба русского народа с немецкой агрессией является главной темой двух других литературных памятников XIII—XIV вв. — сказаний об Александре Невском и о псковском князе Довмонте. Исследователь сказания об Александре Невском (или его жития) связывает этот памятник со «Словом о гибели Русской земли» и считает, что его автором был дружинник князя Александра, который на княжьем дворе занимал то же место, какое при дворе Игоря Святославича занимал автор «Слова о полку Игореве». Впрочем, эта светская биография Александра не дошла до нас в чистом виде и рано была заменена ее переделкой, написанной во Владимире Суздальском в конце XIII или в начале XIV в.¹⁵⁸ Однако и подобная переделка позволяет судить о первоначальном содержании биографии Александра.

Главной темой первоначальной биографии являются подвиги Александра Невского в борьбе со шведскими и немецкими завоевателями. Автор биографии обнаруживает неплохую осведомленность в событиях. Так, он пишет о приходе к Александру некоего мужа «от западных стран, иже нарицаются слуги божии». Название «слуги божии» является простым переводом с немецкого. В имени этого слуги божьего «Андреяша» мы видим точную передачу имени Андреас, распространенного в XIII в. в Ливонии. С этим именем известны два провинциальных магистра Тевтонского ордена в Ливонии (*magister per Livoniam*) Андреас фон Вальвеа (1240—1241 гг.) и Андреас фон Стирланд (1248—1253 гг.)¹⁵⁹.

Биография Александра рассказывает о Невской битве, когда Биргер, «шатаясь безумьем», послал своих послов к Александру с требованием покорности. Победа над Биргером пред-

¹⁵⁸ Н. И. Серебрянский. Указ. соч., приложение, стр. 210—211.

¹⁵⁹ Л. А. Арбузов. Указ. соч., стр. 285.

ставляется биографу победой всей Русской земли. Слова летописи «король части Римьския», применяемые к Биргеру и кажущиеся странной ошибкой, в действительности характерны для новгородцев, причислявших всех католиков к римлянам. В таком смысле этот эпитет, вероятно, был применен и к Антонию Римлянину, основателю монастыря под Новгородом в первой половине XII в.

Не менее ярко описывается в сказании Ледовое побоище. Биограф говорит, что против Александра «гради совокупишася немечьстии». У воинов Александра были сердца, как у львов, и он одержал победу, не дав немцам выполнить их обещание: «укорим словенский язык». В целом нельзя не признать, что биография Александра является памятником, прекрасно отражающим эпоху Невской битвы и Ледового побоища¹⁶⁰.

Не менее замечательно житие Довмонта. Биография Довмонта, малозначительного псковского князя, была интересна только тем, что она красочно рассказывала о победах этого князя над немцами. Биография Довмонта была составлена в Пскове на основании более ранних источников не раньше второй половины XIV в. и носила также светский характер¹⁶¹. В ней рисуется перед нами образ храброго воина, всю жизнь сражавшегося как со своими соотечественниками-литовцами, так и с немцами, нападавшими на Псков. Довмонт сражался с немцами «на поле чистом» в Раковорской битве. Позже он отражал набеги немецких отрядов. Когда же сам «местер земле Римския» напал на Псков, Довмонт вышел против него с малою дружиною «во множестве ярости мужества своего», опоясанный мечом, который был освящен духовенством. Последним подвигом Довмонта была война с меченосцами, снова прогнанными от Пскова. Псковичи так высоко ценили Довмонта, что считали его выше других князей. Новые князья, садясь на псковский стол, получали в руки «Довмонтов меч», сохранившийся до сих пор и имеющий латинский девиз «чести моей никому не отдам», — меч, может быть, отнятый на поле битвы у какого-либо немецкого рыцаря.

Оба героя древнерусских сказаний — Александр Невский и Довмонт жили в XIII в. И не случайно подвиги их нашли отражение в нашей литературе. Они жили в самую тяжелую и героическую эпоху борьбы русского народа с немецкими и другими агрессорами. Александр и Довмонт вели непрерывные войны, но это были войны героические, войны справедливые, как справедлива всякая война, имеющая целью защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения.

¹⁶⁰ Н. И. Серебрянский. Указ. соч., приложение, стр. 109—120 [В. И. Малышев. Житие Александра Невского. Приложения. — ТОДРЛ, т. V, стр. 188—193].

¹⁶¹ Там же, стр. 274—275 [текст Жития Довмонта — стр. 138—156 в приложении].

О МЕСТЕ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА

5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера произошла памятная битва, прозванная в наших летописях «Ледовым побоищем». К. Маркс, как известно, считал эту битву поворотным моментом в истории немецкой агрессии на русские земли, после которого псы-рыцари «...были окончательно отброшены от русской границы»¹. Обстоятельства битвы более или менее установлены, но вопрос о том, где она произошла, до сих пор остается открытым.

Обычно местом Ледового побоища считается Вороний остров, находящийся в числе других мелких островов в небольшом заливе на юге Чудского озера. Впервые с доказательствами того, что именно здесь произошла памятная битва, выступил А. И. Бунин². По предположению Бунина, немецкое войско перешло узкий пролив, соединяющий Чудское озеро с Псковским (так называемое Теплое озеро), и у Вороньего острова было встречено русскими войсками во главе с Александром Невским. Однако предположение Бунина в сущности опирается только на летописное указание, что битва произошла у Вороньего камня. Никаких доказательств в пользу того, что Вороний камень наших летописей и Вороний остров могут быть отождествлены, названный автор не привел. Более того, А. И. Бунин игнорировал указания летописи, по которому Ледовое побоище произошло «на узмени у Вороньего камня», а селение Узмень или Исмень (Исменка) находится на западном берегу Чудского озера, примерно в 12—15 км по прямой линии от Вороньего острова, тогда как в летописи определение «узмень» тесно связано с Вороньим камнем. К тому же Вороньих островов в Чудском и Псковском озерах имеется несколько, а не один, как можно сделать вывод из статьи Бунина.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 344.

² А. И. Бунин. О месте битвы русских с немцами.— «Труды X археологического съезда в Риге», т. I. М., 1899, стр. 214—219.

Гипотеза Бунина может считаться общепринятой. Однако высказывались и другие предположения о месте Ледового побоища. Наиболее интересно мнение Ю. Трусмана³. Трусман видит летописное урочище Узмень в селении Исьмень на западном берегу Чудского озера поблизости от впадения в него реки Эмайыги (Омовжи нашей летописи, по-немецки Эмбах). Здесь, по словам Трусмана, возвышается огромная скала, на которой часто отдыхают птицы. Эта скала и является Вороньим камнем нашей летописи. Приняв гипотезу Трусмана, мы представим себе ход событий следующим образом. Немецкое войско направлялось от Юрьева по Омовже и далее вдоль берега Чудского озера на юг по направлению к Пскову. Русские полки перегородили ему путь. Битва произошла у западного берега Чудского озера в 7—10 км к югу от впадения в озеро названной реки.

Соображения Ю. Трусмана казались мне очень убедительными, и я присоединился к ним в одной своей работе⁴. Позже моя уверенность поколебалась, и это отразилось в появлении той схемы Ледового побоища, которая дана в военной хрестоматии⁵. Настоящая статья является уточнением моей схемы на основании новых изысканий и личного посещения района Чудского озера.

В ранних редакциях жития Александра Невского мы не встречаем еще никаких точных топографических указаний на то, где произошло Ледовое побоище, упоминается только, что «множество обоих вой покрыша озеро, глаголемое Чудское». Иное находим в летописях. Наиболее древним летописным свидетельством надо считать запись о битве на Чудском озере в Синодальном харатейном списке XIV в. Летописец говорит, что Александр Невский пошел на немцев с новгородцами и низовцами (под последними понимаются суздальцы). Заняв изгоном (внезапным набегом) Псков, Александр «сам поиде на чюдь». Вторгнувшись в землю чуди («и яко быша на земли»), Александр отправил своих воинов «в зажития», как это обычно делалось во время походов во вражеские земли. Один из русских отрядов во главе с Домашем и Кербетом был «в разгоне» и столкнулся с немцами у моста («и усретоша я немци и чюдь у моста»). Русские потерпели поражение, и остаток их вернулся к Александру, «князь же въспятися на озеро» и поставил свои полки «на Чюдьском озере, на Узмени, у Вороня камня», где и произошла битва. Немцы и чюдь не выдержали русского удара и побежали, «биша их на 7-ми верст по леду

³ Ю. Трусман. О месте Ледового побоища в 1242 году.— «Журнал министерства народного просвещения», 1884, январь, стр. 44—46.

⁴ М. Н. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкими интервентами XII—XV вв. М., 1941, стр. 32—33 [см. стр. 335—336 настоящего издания].

⁵ Л. Г. Бескровный. Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946, л. 4.

до Суболичьского берега»⁶. Заметка новгородской летописи — самая древняя по происхождению и сделана каким-либо новгородцем, судя по термину «низовци», которым в Новгороде обозначали жителей Владимиро-Суздальской земли. Об этом же говорит и характерная фраза: «узрев же князь Олександр и новгородци», а также отсутствие упоминания о псковичах, которые были только что освобождены от немецких захватчиков.

В записях Синодальной летописи мы и находим основные топографические указания, которые только дополняются позднейшими летописями. Эти указания следующие. Александр с войсками вошел в землю чуди, следовательно, действовал к западу от Пскова и Чудского озера. В земле чуди «у моста» был разбит передовой русский отряд Домаша и Кербета. Получив известие о поражении передового отряда, Александр «въспятися» на озеро. Слово «въспятися» имеет определенный смысл — возвратиться, отступить. Русское войско построилось на Узмени у Вороньего камня, где произошла битва. Итак, у нас три топографических указания: мост; Узмень, или Уземень; Вороний камень. Эти топографические указания дополняются словами о том, что немцев и чудь гнали по льду на протяжении 7 верст до Суболичьского берега.

Приведенные выше топографические указания повторяются и в других летописях без изменений. Замечательнее всего, что псковские летописи не сообщают ничего дополнительного об этой памятной битве и только в числе участников битвы вставляют псковичей («поможе бог князем новгородцким и плесковичем»)⁷. Впрочем, еще одно немаловажное, при всей его краткости, известие читаем в Лаврентьевской летописи: «великий князь Ярослав посла сына своего Андреа в Новгород Великий, в помощь Олександрови на немци, и победиша я за Плесковым на озере, и полон мног плениша, и възвратися Андрей к отцу своему с честию»⁸. Известие Лаврентьевской летописи интересно тем, что оно сохранило суздальскую версию о битве на Чудском озере. В этой версии ни слова не сказано о новгородцах и только упоминается о главном герое битвы — Александре, вся честь битвы приписана Андрею, об участии которого в битве в свою очередь молчат новгородские летописи. Таким образом перед нами несомненно суздальское известие, причем известие древнее, потому что князь Андрей Ярославич не представлял собой фигуры, которая оставила по себе благодарный след у потомков и современников. В этом известии и находим дополнительное топографическое указание

⁶ «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888, стр. 259—261.

⁷ См. сводный текст псковских летописей. — «Псковская летопись», изданная М. Погодиным. М., 1837, стр. 10.

⁸ «Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1872, стр. 447.

на то, где происходила битва. Она имела место «за Плесковым на озере». Слова «за Плесковым» в устах суздальца могли обозначать только то, что битва произошла к западу от Пскова, так же как обозначение «за Казанью» в устах москвича может только обозначать местность к востоку от Казани. Таким образом, свидетельство Лаврентьевской летописи говорит против теории Бунина, так как предполагаемое им место битвы на Чудском озере никак не может быть обозначено находящимся за Псковом, если смотреть на Псков с востока, из Суздальской земли.

Наши изыскания пока остановились только на установлении трех топографических обозначений, которые могут помочь нам в установлении места Ледового побоища. Обычно исследователи ищут местоположение Вороньего камня. Но как раз найти этот камень труднее всего, потому что под Вороньим камнем надо, видимо, понимать какое-то урочище, память о котором могла уже забыться у местного населения. Вспомним и то, что на левом берегу Чудского озера живут теперь эстонцы, которые называли бы Вороний камень на своем языке. Поэтому мы свои поиски начнем не с Вороньего камня, а с установления таких обозначений как «узмень» и «мост».

Слово «узмень» может считаться названием местности, но в древнерусском языке оно имело специфическое понятие узкого места, пролива или залива⁹. В хронике Георгия Амартола под узменью понимается Суд, то есть Босфорский пролив. «Узменью» вполне могло быть названо узкое место протяжением в 2 км в Теплом озере, соединяющем Псковское озеро с Чудским. Здесь-то, действительно, стоит современное село Измень или Изменка, находящееся на самом берегу Теплого озера (эстонское Мехикорми). Это и есть летописная «узмень», понимать ли под ней узкое место, пролив или селение, получившее свое название от местоположения на берегу пролива.

Что наше предположение имеет под собой достаточно солидное основание, видно из того, что в XVI в. среди псковичей еще существовали предания о месте Ледового побоища. Псковский священник Василий, составивший несколько житий святых, написал и житие Александра Невского. Василий не принадлежал к числу авторов, которые тщательно выбирали свои источники, но он был псковичем и знал устную традицию о битве на Чудском озере, которая названа у него Ледовым побоищем. Поэтому он пишет, что битва произошла «на езере Чюдском, на месте глаголемем Измена, у Ворония камени»¹⁰. Следовательно, уже в XVI в. селение Узмень называлось Изменой,

⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912, стр. 1171.

¹⁰ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, — ЧОИДР, 1915, кн. 3, отд. II, приложение, стр. 130.

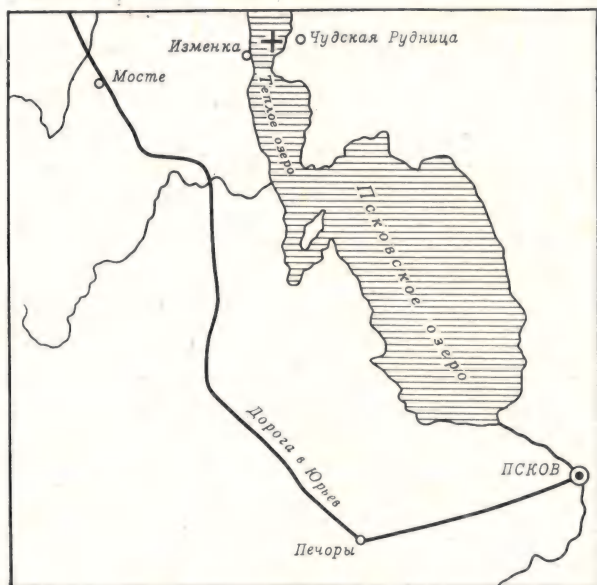

Схема места Ледового побоища. Крестом отмечено место битвы

Изменью или Изменкой, как и теперь, может быть, под влиянием соседнего эстонского населения.

Если местоположение «узмени» или Узмени устанавливается довольно точно, то определение местоположения «моста», у которого были разбиты Домаш и Кербет, значительно труднее. Не случайно и Бунин и Трусман одинаково оставляют это топографическое определение без всякого приурочивания. А между тем «мост» или Мост, т. е. урочище с таким названием действительно существует. На большой дороге из города Петсери (Печоры) в Тарту (Юрьев Ливонский) находим местечко, ранее почтовую станцию Мосте (по-эстонски Moõsti). В настоящее время здесь находится небольшая низина, по которой протекает ручеек, сбоку видно небольшое озеро. Есть все основания предположить, что это и есть летописный Мост или «мост». Примерно в 20 км к востоку от Мосте находится село Изменки или летописное «узмень».

Если принять наше приурочивание, то станет понятным движение русских войск под начальством Александра Невского. Войско шло по льду Чудского озера на север, к устью Омовжи, которая выводила к Юрьеву (немецкому Дерпту или современному Тарту). Передовые отряды расходились в «зажитье». Один из таких отрядов дошел до «Моста» или моста и был разбит. Прибежавшие к Александру Невскому воины из разбитого отряда сказали, что они встретились с немецким войском. После этого Александр, двигавшийся с войском вслед за передовым

отрядом Домаша и Кербета, отступил («въспятися») на Чудское озеро и остановился на «узмени», в самом узком месте Теплого озера, загородив таким образом путь по льду к Псковскому озеру как наиболее удобную дорогу во время начинающегося весеннего бездорожья (битва произошла 5 апреля).

Значит, место Ледового побоища надо искать не у Вороньего острова у восточного русского берега Чудского озера, а в самом узком месте Теплого озера, «на узмени».

К сказанному можно добавить некоторые сведения о Чудском озере, которые еще раз подвергнут сомнению гипотезу Бунина. Вот что читаем о замерзании Чудского, Псковского и Теплого озер: «Замерзание озера при сильных морозах бывает в половине ноября, а при слабых в декабре; переезд по льду зимою возможен только в Псковском и Теплом озерах, в Большом же прокладываются лишь береговые тропы к рыболовным местам. При теплой погоде озеро вскрывается в половине апреля, при холодной же погоде лед держится до самого мая. Вскрытие сопровождается нередко наводнениями, наносящими большой вред береговым селениям, как это случилось в 1844, 45 и 51 годах, когда были залиты сады, огороды, сенокосы и поля, и разрушены жилые и хозяйственные постройки в береговых деревнях»¹¹.

Категорическое указание на то, что переход через Чудское озеро невозможен, лишний раз подрывает гипотезу Бунина и заставляет обращать внимание на район Теплого и Псковского озер, где только и могла произойти битва.

В подтверждение нашего предположения приведем показание псковского старожила и сотрудника Псковского музея Ивана Николаевича Ларионова. По моей просьбе он дал такую справку, которая здесь приводится целиком: «К вопросу о месте Ледового побоища. 1. У одного эстонца (фамилию не помню) в с. Изменка (Узмень) была собрана довольно солидная коллекция фрагментов вооружения, собранная им на берегах Теплого озера. 2. У селения «Чудская Рудница» близ восточного берега Теплого озера имеется холм, на вершине которого находился валун с изображением Голгофы (XIII—XIV вв.) и каменный крест XV—XVI вв. По сообщению старого рыбака, сюда до революции ежегодно весной приходил крестный ход из Печерского монастыря и духовенство совершало панихиды по убиенным воинам (записан в 1930 г.). 3. У селения Самолва (колхоз «Волна») в 2 километрах к западу находился Вороний остров. До 1921 г. на поверхности воды выделялся большой валун, который рыбаки называли «Вороньим камнем». Этот камень был взорван рыбаками для свободного судоходства. В нескольких километрах к югу от Чудской Рудницы на берегу Теплого

¹¹ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V. СПб., 1885, стр. 732.

озера имеется большой валун, который рыбаки называют «Вороньим камнем»».

Показания И. Н. Ларионова, как видим, имеют большой интерес. На словах он добавлял, что остатки оружия выбрасывало на берега Теплого озера после бури. Это еще раз ведет нас к Теплому озеру и «узмени», самому узкому месту в Теплом озере. Селение «Чудская Рудница» находится на правом берегу озера, в 3—4 км севернее «узмени». Не является ли Вороний камень, находящийся у Чудской Рудницы, летописным «Вороньим камнем», у которого произошла памятная битва 1242 года? Добавим здесь же, что глубина в проливе Теплого озера простирается местами до 85 и даже до 90 футов и в нем замечается постоянное течение воды с юга к северу. Отмечается также, что у самых берегов воды мало; нужно удалиться по крайней мере на 75—100 или даже 300 сажен, чтобы дойти до глубины 4—5 футов¹². В местах, где проходит такое течение, лед тоньше, чем на остальной поверхности Теплого озера, и этим может быть объяснен финал битвы, когда незадачливые немецкие завоеватели стали проваливаться сквозь лед.

Все сказанное выше позволяет думать, что место Ледового побоища надо искать в самом узком месте Теплого озера, поблизости от современного села Изменка, где-то в этом районе. Будущим летом я предполагаю произвести дальнейшее изучение топографии Ледового побоища на месте, в частности, и в районе Изменки и Чудской Рудницы, а также «Вороньего камня». Занятия эти не бесплодны, ведь речь идет о мировом событии, о героическом прошлом русского народа, связанном с памятью великого русского полководца Александра Невского, именем его назван боевой орден, которым Советское правительство награждает своих доблестных воинов.

¹² П. Семенов. Указ, соч., стр. 731.

ИЗДЕВКА НАД ИСТОРИЕЙ (о сценарии «Русь»)

В журнале «Знамя» № 12 за 1937 г. напечатан литературный сценарий «Русь», составленный П. Павленко совместно с режиссером С. М. Эйзенштейном. Главной темой сценария является Ледовое побоище — тема очень интересная и важная в историческом отношении. Ледовое побоище 1242 г. явилось поворотным моментом в борьбе Руси с немецкой агрессией. Поэтому постановку картины на тему о Ледовом побоище надо приветствовать, но, к сожалению, разрешение этой темы в рассматриваемом сценарии приветствовать никак нельзя. Авторы сценария, как мы далее увидим, сделали множество фактических ошибок, непростительных для людей, хотя бы сколько-нибудь знакомых с русской историей, и дали совершенно искаженное представление о Руси XIII в.

Сценарий начинается «предисловием», в котором его авторы дают общее понятие о разработанной ими теме. Уже это краткое предисловие (полторы страницы) полно множества ошибок. «В XIII столетии, — пишут авторы сценария, — монголы поработили Русь. Ее северо-запад, Новгород остался последним углом свободной Руси. Сюда отовсюду собирались русские патриоты, здесь накапливались силы для будущего освобождения».

Таким образом, авторы выдвигают новую концепцию, по их мнению, центром движения за освобождение от татарского ига являлся Новгород. Но такая концепция противоречит всему историческому процессу. Борьба против татар велась не Новгородом, а северо-восточной Русью во главе с Москвой. Это поняли и авторы сценария, выдвинув в конце его (стр. 136) воспоминания о Куликовской битве. Дальше оказывается, что немцы, стремясь завладеть Новгородом, тем самым хотели запереть «монголам рынки Европы» (стр. 103). В самом же сценарии магистр заявляет рыцарям и «пасторам»: «Итак, Новгород ваш. Крестите его, как хотите. Волга ваша, Днепр, церкви. В Киеве я не трону ни бревна, ни человека» (стр. 115). Авторы, видимо, совершенно не понимают, что орден даже не в состоянии был поставить себе подобные задачи.

В предисловии как бы нарочно спутаны все исторические факты. По мнению авторов сценария, «Дмитрий Донской завершил на Куликовом поле дело, начатое Невским» (стр. 103). Но, во-первых, Куликовская битва еще ничего не завершила, хотя и имела громадное значение для истории Руси, во-вторых, борьба с немцами не прекратилась и после Ледового побоища. Совсем уже странно звучит заявление авторов сценария: «Русь, вырастающая в боях против Азии и Запада — вот тема картины» (стр. 103). Кого надо понимать под Азией и Западом, авторы не говорят. Но обобщать Запад с немцами, а Азию с татарами, идейно противопоставлять Русь Западу и Азии совершенно неуместно.

Тексту сценария предпослан список действующих лиц, в нем перечислено 22 лица, но из них только о немногих можно сказать, что они действительно могли участвовать в Ледовом побоище. Оставив в стороне действующих лиц, выведенных авторами, остановимся только на тех персонажах, имена которых заимствованы авторами сценария из каких-то источников. К их числу принадлежат: Александр Невский, Василий Буслаев (!), Гаврило Олексич, Твердило Иванович — псковский воевода, Брючиславна — жена Александра Невского, Иван Данилович Садко, Пелгусий, Амелфа Тимофеевна, Герман Балк, Берке — хан орды. К сожалению, из всех этих персонажей только один Александр Невский может считаться действительно историческим лицом, остальные, как мы увидим, наделены авторами сценария такими чертами, которые уведут нас далеко от описываемых в сценарии исторических событий. Прежде всего можем уверить авторов сценария, что в 1242 г. ханом Золотой Орды был не Берке, а Батый. Берке же сделался ханом значительно позднее. Пелгусий, по сказанию о Невской битве, был старейшиной в Ижорской земле, а не монахом. Твердило, действительно, предал Псков немцам, но воеводой в Пскове он не был просто потому, что никаких воевод в Пскове в XIII в. не было, так как город управлялся посадниками. Иван Данилович Садко, если когда и существовал, то, во всяком случае, в XII в., а не в XIII в., к тому же он был новгородцем, а не поволжским купцом. Летопись знает некоего Сотко Сытинича, поставившего в XII в. в Новгороде церковь Бориса и Глеба. Этот Сотко и был прообразом былинного Садко, но зачем былинный герой попал в исторический фильм, непонятно.

Еще более непонятно появление совсем уже легендарного героя — Василия Буслаева с его матерью Амелфой Тимофеевной. А между тем авторы сценария могли бы найти настоящие исторические персонажи, если бы источником для них служили летописи, а не либретто оперы «Садко» и отдаленные воспоминания о былинах, прочитанных в детстве.

Перейдем к разбору самого сценария, разделенного на главы, или эпизоды. «Лес осенью. Рыцари, построившись клином,

«свиньею», врываются в села под Псковом» — так начинается сценарий. Вполне соглашаемся с авторами сценария, что в строю «свиньею» (т. е. клином), да еще в латах трудно грабить села, этим и объясняется, по-видимому, «тяжелое дыхание рыцарей». Но продолжаем дальше. В Пскове тревога: «На крепостной стене воеводы, владыко бранят начальника обороны Пскова боярина Твердилу Ивановича». Тут же и «пятисотенный» Павша, который предлагает «епископу» снять меч с изменника Твердилы. Можем уверить авторов сценария, что епископ в Пскове появился лишь с конца XVI в., о должности же «пятисотенного» известно только авторам сценария: такой должности в Пскове и Новгороде не было.

Во второй главе сценария описывается Переяславль. Пять человек тянут невод и поют. Впрочем, среди рыбаков и сам Александр Невский. Он спорит с каким-то ордынцем, который, по-видимому, не знает князя, хотя к нему и послан. Сусальная, насквозь неверная картина, заставляющая русского феодала XIII в. тянуть невод с рыбаками. Впрочем, и жена «князя-лапотника», упомянутая уже Брячиславна, сама варит щи и ходит за водой.

Третья глава начинается с описания торгового ярмарочного дня в Новгороде. Это описание стоит привести целиком: «Новгород справляет пышный торг. Как в праздник, весел город. Шумят ряды. Купцы поют у прилавков. Там перс бьет в бубен, там индус играет тягучую песню на странной дудке; там варяжин поет, там швед выставил тройку певцов, за ним старается грек. Половчанин показывает дрессированного медведя. Хором поют поволжане-хлебовики. Венецийский купец в атласе играет на мандолине, поет серенаду. Иноземные купцы, сидя в кружале, пьют эль. Шумно, весело, беспечно на ярмарке. Грудами лежат кожи, лисьи и собольи меха, зерно, плотничьи поделки. Богомазы торгуют иконами и тут же пишат их на удивление всем проходящим. Кузнецы куют кольчуги и, как портные, сняв мерку с покупателя, тут же изготавливают ему, что надо» (стр. 109). Город, конечно, может быть, как «в праздник весел», но кого только не привело в Новгород полное невежество авторов сценария, и притом в 1242 г., когда вся Европа боялась татарского нашествия. Приехал сюда венецианский купец, хотя Новгород не торговал с Венецией. Через пожарища южнорусских городов добрался грек. Половчанин приехал тоже. Он привел с собой из безлесной степи медведя, так как в этих зверях на лесистом севере, по-видимому, ощущался больший недостаток. Приехал и какой-то «варяжин». Не путайте его с варягом, ведь варяги — скандинавы, а между тем только что было сказано, что швед уже выставил трех певцов, шведы же, как известно, — тоже скандинавы.

Зачем же явились эти разноплеменные купцы? Торговать? Нет. Они приехали в Новгород, преодолев великие опасности,

чтобы устроить дивертисмент в подражание соответствующему акту из оперы «Садко»: веницейский гость с мандолиной, перс с бубном, индус с дудкой. Тут же на базаре делают кольчуги удивительно ловкие мастера, которым могут позавидовать наши «холодные» сапожники. Но лучше всех торгует Садко, у него на лабазе вывеска: «Иван Данилович Садко, из персидских земель прибыл». Совсем Кит Китыч из пьесы Островского или из рассказов Горбунова! Дело только в том, что о вывесках в XIII в. нам ничего не известно, а вывески XIX в. уже давно и многократно описаны.

Впрочем, авторы быстро кончают с ярмаркой и тут же, на площади, устраивают вече, которое решает призвать князя Александра для борьбы против немцев. Свое путешествие по историческим дебрям авторы продолжают и далее во всех 18 эпизодах, или главах, сценария. Скучно следить за всеми несообразностями сценария.

В пятой главе на мосту через Волхов бьются меньшие и большие. «Меньшие» — за призыв Александра, «большие» — за «сговор с немцами» (стр. 113). В действительности и большие и меньшие шли против немцев, князя же Александра поддерживали не меньшие, а большие. Вообще авторы сценария совершенно напрасно придают Александру несвойственные ему демократические черты. В драке на мосту, конечно, участвует Василий Буслай.

В шестой главе показано, как немцы распоряжаются в Пскове. Твердило ездит в саних, запряженных девушками, как легендарный обрин начальной летописи. Редкие прохожие падают на колени при проезде Твердилы и т. д. И это русский гордый древний Псков! Только полное историческое невежество и извращенное воображение авторов сценария могло позволить себе так унижить великий народ, который и в самые тяжелые годы своей истории не позволял над собой издеваться.

В одиннадцатой главе происходит таинственный обряд: Твердилу «рукополагают» в рыцари. В числе присутствующих находятся и некие «нормандские рыцари», происхождение которых известно только авторам сценария.

В двенадцатой главе по полям несется кибитка. «В ней посол хана. Он сидит, заглядывает в ящик. Там перстень, аркан и кинжал. Улыбаясь глядит он на разгромленную Русь» (стр. 122). Сомневаемся, чтобы посол хана мчался в кибитке. Не только воины, но даже духовенство на Руси обычно ездили верхом на конях: за отсутствием хороших дорог трудно было мчаться в кибитке. Перстень, аркан и кинжал взяты авторами сценария из какого-то романа; непонятно, зачем они понадобились в историческом сценарии.

В тринадцатом эпизоде бедные «княжата», то есть дети Александра Невского, «в потешных латах спят вповалку на печи, бормоча во сне» (стр. 122). Авторы сценария могли бы

хоть раздеть детей, ведь спать хотя и в потешных латах, да еще на печи очень неудобно. Но центр этого эпизода — описание Ледового побоища. И вот оказывается, что главным героем его является Василий Буслай, сражающийся под конец боя оглоблей. Александр Невский кричит по-латыни и отсекает руку магистру Герману Балку. Особенно странно описана «зверино одетая чужь», какие-то полулюди, призванные авторами сценария изображать предков латышей и эстонцев. Вся эта фантастическая сцена достойно заканчивается картиной поля сражения, по которому ходит некая Ольга, она же Петровна (ранее Ярославна), в отличие от Брячиславны называемая по имени и отчеству. Она ищет с фонарем (!) Василия Буслая.

В дальнейших эпизодах рассказывается о том, что Александр едет в Орду и на обратном пути умирает на Куликовом поле. На поле появляются призраки войска Дмитрия Донского... Нужды нет, что Александр Невский умер в Городце на Волге, — Куликовым полем можно эффектно кончить картину, а отсюда и все выводы! Мы перечислили только небольшую часть ошибок и искажений, допущенных авторами сценария...

Следует остановиться также и на языке сценария. Язык древней Руси отличался рядом особенностей и не всегда поддается современной интерпретации. Авторы сценария вовсе не обязаны были стилизовать язык, которыми говорят действующие лица, под язык XIII в. Но они обязаны были найти способ передать характерные особенности языка XIII в. У авторов сценария был прекрасный образец воспроизведения древнерусского языка, правда более позднего времени, — это язык «Бориса Годунова» Пушкина. А ведь Пушкин писал более 100 лет тому назад, когда русская филология почти не существовала. Однако он не сделал ни одного анахронизма, и не только потому, что он был гениальным художником, но и потому, что он старательно изучал древнерусский язык. Иначе поступили авторы сценария. Они решили, что древнерусский язык — это язык лавочников Лейкина и купцов Островского, одобренный кроме того жаргоном Остапа Бендера из «Двенадцати стульев». Так, например, Буслай говорит: «Ну, как так — не знаю... Чего вола за хвост тянуть» (стр. 110). В сценарии находим такие перлы: «Нам, брат, война ни к чему» (стр. 111); «У—у, оголец» (!); «И мертвых нас не возьмете, душу вашу язви» (стр. 127). А вот как разговаривает сам Александр Невский: «В чем их секрет?» (стр. 121); «Я князь-лапотник. Не как вы, зля (!) не пивал, сластей заморских не пробовал» (стр. 117); или «войну воевать — не комедь ломать» (стр. 118). Что можно прибавить к этому языку, разве сказать вместе с авторами: «Сценарий писать — не комедь ломать». Заметим, что само понятие комедии не было известно на Руси XIII в. Совсем уж странным языком говорят татары. Авторы сценария заставляют их беседовать ломаным языком, заимствованным из шовинистических

анекдотов: «Орда наша езжай, там работа много есть» (стр. 108); «Буюк адам, якши адам»; «Он шведов бил, а нас чехи били» и т. д. (стр. 119). От татар не отстают и немцы: «Зер гут лошадка. Корош, корош» (стр. 116); или «О, шорт» (стр. 116); не отстает и перс: «Весели город, красива город» (стр. 112).

Но, может быть, недостатки сценария искупаются его идейным содержанием? Увы, и эта сторона также хромает в сценарии. Авторы сценария не случайно сделали Александра Невского лапотником, не случайно славное историческое событие превратили в какое-то «чудо»: Русь XIII в. рисуется им бедной и убогой. Представители этой Руси — легендарные и притом разнужданные богатыри подобно Василию Буслаю или нищие и монахи. В Пскове ратных людей созывает нищий Аввакум, он поет: «Вставайте, люди русские». Старый нищий говорит: «Велим русское дело помнить. Встань, народ русский. Встань, ударь» (стр. 107). Особенно большая роль отводится некоему монаху Пелгусию, в которого авторы сценария превратили старейшину в Ижорской земле. Пелгусий — главный агитатор.

Во время Ледового побоища «в новгородских полках шептали, ахали, ругались» (стр. 123); «закричали, заматерились новгородские ловкачи» (стр. 124). Убогая, лапотная Русь глядит отовсюду у авторов сценария. Все народы сильнее ее, все культурней, и только «чудо» спасает ее от немецкого порабощения. Как все это далеко от исторической действительности. Железные полки новгородцев и псковичей побеждали немцев и шведов не «чудом», как это хотят доказать авторы сценария, а своим мужеством и любовью к родине. Ледовое побоище — это только важнейшее звено в цепи побед русских над немцами. И это прекрасно понимали современники.

Вот в каких словах современник описывает Ледовое побоище: «По победе Александрове, яко победи короля (шведского), в третий год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в силе велице, да не хвалятся рекуще: «укорим словенский язык». Уже бо бяше взят город Плесков и тиуни у них посажени. Тех же князь Александр изыма, и град Псков свободи и опленив землю их повоева и пожже и полону взят без числа, а овых изсече. Инии же гради совокупишася немечьстии и реша: «поидем, победим Александра и имам его руками своими». Егда же приближишися и очютиша их стражие, князь же Александр ополчився поиде противу их и множеством обоих вои покрыша озеро, глаголемое Чюдское... Тако у князя Александра множество храбрых людей... бе суббота тогда, восходящу солнцу, и соступишася обои войска и бысть сеча велика и зла... возвратися с победою князь Александр славною». Если бы авторы сценария серьезно поработали над историческими источниками, они сумели бы понять красоту и величие нашего прошлого и могли бы создать сценарий, достойный имени «Русь» и великого исторического прошлого русского народа.

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С МОНГОЛО-ТАТАРСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ. ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Редко переживала наша Родина более тяжелые времена, чем в период монгольского завоевания. Несчастье, павшее на голову русского народа, казалось современникам совершенно неожиданным. В летописях того времени говорится, что на окраинах Руси появились «языци незнаемые», которые обрушились на Русскую землю.

Татарское нашествие совпало с шведско-немецкой агрессией в Прибалтике, разгромленной Александром Невским.

Однако победа на Неве и Чудском озере, освободившая на долгое время русский народ от возможной угрозы со стороны Запада, не спасла его от другого страшного завоевателя на Востоке — монголов.

В 1237 г. татары внезапно появились на границе Рязанской земли, разорили ее и двинулись в глубь страны. Татары прошли сначала по Оке и Москва-реке в центр Суздальской Руси, взяли Москву и от нее повернули на восток, к Владимиру.

Невероятным ужасом дышат страницы, рассказывающие об осаде Владимира, когда владимирцы поняли, что «городу быть взяту и разорену». И действительно, Владимир был разорен татарами. Остатки жителей, пытавшихся спастись в Успенском соборе, были перебиты или задушены дымом от костров. Великий князь Юрий Всеволодович, решивший оказать отпор татарам, потерпел поражение на реке Сити и был убит.

В течение трех последующих лет были разорены остальные русские земли, в том числе Киев. Осада Киева была отмечена величайшим мужеством русских людей, стойко защищавшихся до последнего вздоха. Когда была взята основная твердыня, киевляне продолжали защищаться на стенах большой Десятинной церкви, построенной в конце X столетия. Своды церкви не выдержали тяжести, рухнули и увлекли за собой последних защитников Киева. Так началась пора, известная у нас под названием татаро-монгольского ига.

Попытаемся присмотреться к тому, что принесло с собой

татарское иго, а также ответить на вопрос, почему русские не в состоянии были сопротивляться татарам.

Вся тяжесть татарского ига и все бедствия, которые свалились в то время на нашу Родину, станут понятными, если мы ознакомимся с условиями, при которых произошло завоевание Русской земли.

Русская земля до завоевания ее татарами была разбита на отдельные княжества, князья которых часто враждовали. Перед татарским нашествием феодальная раздробленность получила на Руси большое развитие. Достаточно привести такой пример. На территории междуречья Оки и Волги центрами отдельных княжеств были не только Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль и Ярославль, но даже такие небольшие города, как Дмитров, Коломна, Углич и пр.

Что же надвигалось с Востока против феодально-раздробленной Руси? Против нее шла одна из самых передовых армий того времени, поддерживаемая могущественной империей Чингисхана.

В державу Чингисхана входили Северная и Средняя Азия, часть Восточной Европы и Китай с его старинной техникой военного дела. Татары широко применяли осадные машины. Особенный ужас и смятение в войсках противника вызывали орудия, выбрасывавшие сосуды, наполненные горючей жидкостью, в состав которой входила нефть. Такая жидкость, попадая на деревянные постройки, вызвала пожары и казалась на Руси невиданным новшеством. Стенобитные машины долбили деревянные стены наших городов. К валам враги подвозили специальные осадные башни, а к стенам присыпали большое количество земли, чтобы облегчить штурмующим войскам подъем на стены. Чрезвычайно любопытны способы осады городов. Татары пускали впереди себя отряды, набранные в покоренных странах, а когда защитники города уставали, появлялись новые свежие полки, которые обрушивались на осажденный город. К этому присоединялось еще необыкновенное умение татар сеять раздоры среди своих врагов и систематический террор, который проводили татарские полчища. Террор вошел в обиход войск Чингисхана и был неотъемлемой частью его политики. Вот почему в русских летописях мы находим слова о том, что в том или другом городе сожжено и поругано все, чего коснулись татары. Эту тактику, которую татары успешно проводили в Средней Азии и других странах, они применяли и в русских землях. Однако нужно сказать, что на Руси татары впервые столкнулись с таким ожесточенным сопротивлением...

Мы не знаем русского города, который сдался бы на милость победителя. Даже незначительные города татарам приходилось брать силой, и дело доходило до того, что маленький Козельск задержал громадную рать Батия под своими стенами на несколько недель. Защитники его нанесли татарам такой ущерб,

что Батый назвал его «злым городом», запретив впредь называть Козельском.

Какие порядки приносили татары на Русские земли? Вот второй вопрос, который подлежит нашему рассмотрению. По этому поводу в нашей литературе были разные мнения. Например, у М. Н. Покровского мы находим замечание, что татары якобы способствовали развитию русской государственности. Это, конечно, не так. В действительности татарское нашествие было чрезвычайно тяжелым для России, что засвидетельствовано самыми различными источниками. Ярче всего тяжесть татарского ига отражена в русском эпосе. Можно обмануть какого угодно историка, но народную память не обманешь, а именно в народном эпосе мы встречаем указания на тяжесть татарского ига.

Монголы прежде всего стремились к тому, чтобы в Русской земле не существовало единства. С этой целью они сеяли раздоры между князьями. Один из князей получал так называемый «ярлык» на великое княжение. Центром великого княжения в XIII в. был Владимир. Позже, в XIV—XV вв., ярлык на великое княжение обычно получал московский князь.

Великий князь имел некоторые права. Главным его правом являлось собирание выхода, т. е. дани, за которую он отвечал. Это давало ему некоторые денежные выгоды и выделяло его из числа остальных князей. Сама дань была поголовной, от уплаты ее освобождалось только духовенство. Льготу духовенству татары давали со специальной целью — держать на своей стороне церковь, имевшую большое влияние на население.

Не так страшна была сама дань, как способы ее собирания. Дань обычно отдавалась на откуп, т. е. кто-либо покупал право вносить дань целиком, а потом уже собирать ее с населения. Ясно, какие громадные возможности открывались для злоупотребления. Недаром примерно через 20 лет после завоевания Русской земли, прокатывается волна восстаний в больших городах тогдашней Владимиро-Суздальской Руси.

Кроме дани, была еще одна из страшнейших повинностей — своего рода повинность кровью, так как русские должны были поставлять вспомогательные войска для участия в войнах, которые вели татары. В XIII в. русские войска участвовали в некоторых походах на Кавказ. Если вспомнить, что эти войска стояли во время сражения в передовой линии, то можно представить себе, насколько тяжела была обязанность помогать татарам во время войны. Недаром один летописец записывает, что Александр Невский сам ездил в Орду, чтобы «отмолить людей от беды», а беда заключалась в том, что татары требовали от русских вспомогательных отрядов.

Сказанное не исчерпывает всех бедствий, которые свалились на Русскую землю. Татары вели себя в России, как в завоеванной стране. Дань их не удовлетворяла, им нужны были пленни-

ки, которых они обращали в рабов и продавали на своих рынках. Поэтому малейший повод к неудовольствию приводил к тому, что какой-либо очередной царевич или князь нападал и разорял русские земли. И наша летопись пестрит такими выражениями: «Неврюево пленение», т. е. поход Неврюя на Русь; «Дуденева рать», т. е. набег царевича Дуденя; «Туралыково пленение» и т. д.

Русская земля была только частью громадной Монгольской империи, которая начиналась на востоке, у берегов Тихого океана. В нее входили Китай, современная Монголия, Северная Азия, Средняя Азия, Иран, Кавказ, наконец, почти вся Восточная Европа до Карпатских гор. Естественно, что в XIII в. попытки свергнуть татарское иго остались безуспешными. Мы не знаем ни одной битвы того времени, которую бы русские выиграли у татар за пределами своей земли. Они только оборонялись от нападения татар, которые двигались на Русь с юго-востока.

В начале XIV в. обстоятельства несколько меняются. На Руси замечается стремление к объединению народа для борьбы с татарами. Во главе этого объединения становится вначале Тверское княжество. Оно ведет борьбу с татарами, но неудачно. Разорение Твери явилось ответом на попытки свергнуть татарское иго.

Теперь центром объединительных тенденций русского народа становится Москва и возглавляет его борьбу за независимость.

Московские князья ведут свой род от Александра Невского, внуком которого был Иван Данилович Калита, княживший с 1325 по 1341 г.

По отношению к татарам Калита продолжал политику, завещанную Александром Невским. Необыкновенно храбро и решительно сражавшийся против немцев, Александр вел по отношению к татарам примирительную политику, потому что знал, что с ними Русская земля еще не в состоянии справиться. Следуя его примеру, Калита старался создать условия, при которых татары как можно меньше разоряли бы русские земли и особенно московскую. Маркс писал, что Калита пользовался ханом, как послушным орудием для своих целей, а не целей татарской политики.

При князе Дмитрии Ивановиче Донском, внуке Калиты, русские, скопив достаточно сил, пошли в наступление против татар. Дмитрий Иванович стал князем девятилетним ребенком. Он княжил в Москве 30 лет (с 1359 по 1389 г.). Тем не менее, за 40 лет своей жизни он достиг того, чего не могли добиться другие князья за гораздо больший срок, показав себя и одаренным полководцем, и замечательным дипломатом.

Малолетством Дмитрия могли бы воспользоваться другие князья, но этого не произошло, потому что фактическим прави-

телем государства в то время был московский митрополит Алексей. Этот митрополит, родом из московских бояр, обладал большим образованием, ездил в Константинополь и хорошо знал греческий язык (у нас остались некоторые рукописи, которые восходят к временам Алексея). Он крепко держал в руках бразды правления, и на первых порах молодой князь следовал его советам.

Одним из важных мероприятий Дмитрия были работы по укреплению Москвы. В Москве создается каменный Кремль, от которого теперь, впрочем, ничего не осталось. Он был построен из белого камня, отчего и Москву стали называть белокаменной.

Постройка каменного Кремля произвела большое впечатление в тогдашней Руси, где не знали ни одного каменного кремля, за исключением Новгородской и Псковской земель. Тверской летописец с неудовольствием пишет, что на Москве стали строить каменный город и под свою власть приводить других князей.

Каменный Кремль скоро понадобился, так как Дмитрий Донской стал решительно проводить политику объединения русских земель вокруг Москвы. Когда между Москвой и соседней Тверью началось междоусобие, на помощь Твери пришло Литовское великое княжество. Дважды литовский князь Ольгерд подступал к Москве, но потерпел поражение. Орда хана не вмешивалась в эту борьбу, потому что в ней самой происходило «замятие», т. е. мятежи. Но могущество Дмитрия Донского уже беспокоило золотоордынских ханов. В Орде в это время выделяется князь Мамай. Ханы Золотой орды были лишь игрушками в его руках, действительная же власть принадлежала Мамаю. В наших летописях его иногда называют «темником». Так назывались военачальники, командовавшие десятью тысячами или по-русски «тьмой».

Первое столкновение между Мамаем и Дмитрием произошло из-за Мордовской земли. Татары утвердились в Мордовской земле и пытались сделать ее опорным пунктом для нападений на Русь.

Со своей стороны русские князья понимали, что Мордовская земля является преддверием к Руси, и хотели держать ее крепко в своих руках. В 1377 г. татары совершили нападение на Русь под начальством царевича Арабшаха, которого русские называли Арапшой. Низкорослый татарский наездник, смелый и дерзкий в боях, Арабшах вторгся в Мордовскую землю, где в это время у реки Пьяны находилось русское войско. Русские были уверены в своей безопасности и ехали налегке, сняв оружие, которое везли за собой на возах. В результате внезапного татарского удара русское войско было уничтожено.

На следующий год татары попытались двинуться непосредственно на Москву, опираясь на помощь рязанского князя

Олега. Дмитрий вышел им навстречу. В 1378 г. на реке Воже, в Рязанской земле, произошла битва, закончившаяся полным поражением татар. Татарские обозы попали в руки русских. Татары увидели, что с Русской землей, во главе которой стоит такой человек, как Дмитрий, справиться нелегко.

Тогда Мамай начал собирать силы, чтобы вторгнуться в Русскую землю. Он наберёвал не только татар, но и иностранцев. В его войске участвовали и наемники из генуэзских колоний в Крыму. По тому времени Мамай вел огромное войско, насчитывавшее, вероятно, десятки тысяч человек.

Весть о наступлении татар пришла из поля, т. е. из степи, где в это время находились русские сторожевые станицы. Дмитрий немедленно отправил по Руси гонцов, которые должны были известить о сборе русского войска. В Москву стали прибывать отряды из различных городов и земель.

Однако в этом ополчении принимали участие не все русские земли. Так, рязанский князь Олег занял позицию нейтралитета. Татар он считал опасными, так как они могли разорить его землю, а усиление Москвы было ему также нежелательно. Новгород и Псков не успели прислать свое войско. Смоленск находился в то время под влиянием Литовского великого княжества.

Не вполне ясен вопрос об участии Твери. Остальные русские земли, объединенные вокруг Москвы, принимали участие в походе против татар.

Какой план борьбы с татарами сложился у Дмитрия Ивановича? До него наши предки обычно сражались с татарами на территории своей страны. Казалось, что такой план защиты должен был принять и Дмитрий. Это означало, что он должен был выступить со своими войсками куда-нибудь по направлению Коломны или Серпухова, чтобы помешать татарским полчищам перейти через Оку.

Дело в том, что татарская конница нуждалась в хороших бродах и всегда старалась оставить удобные пути отступления. Поэтому Ока стала естественным препятствием для татарских войск на пути к Москве.

Величие полководческого таланта Дмитрия Донского и заключалось в том, что он наметил иной план войны с татарами. Зная, что против русских шли не одни татары, а и литовское войско, и что соединение литовцев с татарами должно было произойти у верховьев Оки, Дмитрий решил предупредить это соединение и двинулся в степь.

Русское войско было довольно многочисленно. Оно не могло уместиться на одной дороге и, выходя из трех кремлевских ворот, шло по трем дорогам, чтобы соединиться под Коломной, недалеко от впадения реки Москвы в Оку. Поэтические памятники того времени с большой похвалой отзываются о русском войске. Особенно казались «урядными белозерские пол-

ки», а белозерских князей поэт того времени сравнивает с соколами, которые летят под небеса, чтобы бить там гусей, уток и лебедей.

Русское войско сошлось у Коломны, откуда двинулось дальше и, перейдя Оку, там, где в нее впадает река Лопасня, направилось по Рязанской земле.

Для характеристики действий Дмитрия Донского интересно одно обстоятельство, показывающее его дипломатический и политический талант. Не желая озлоблять население, он строго запретил трогать рязанцев. Такая заповедь была дана русскому войску, вопреки обычаям того времени.

Когда русские подошли к верховьям Дона, встал вопрос, на какой его стороне остановиться войску и ждать Мамаю. Для боя было выбрано Куликово поле при впадении реки Непрядвы в Дон.

Присмотримся к выбору места для боя, сделанному Дмитрием Донским. Куликово поле расположено так, что позади русских находилась излучина реки Непрядвы. Недаром Дмитрий говорил своим воинам, что убегать некуда. Так с самого начала и был поставлен вопрос: умереть, либо победить.

Между тем, пришло известие о приближении Мамаю. Татары остановились на другой стороне Куликова поля, и, таким образом, битва между обоими войсками стала неизбежной.

Наступило утро 8 сентября 1380 г., мгlistое и туманное. Когда туман поднялся, перед русским войском показались бесчисленные полчища татар.

Расположение русского войска на месте боя было также не вполне обычным. В центре его стоял великокняжеский полк, над которым поднималось черное знамя. Здесь, около стяга, можно было видеть фигуру, которая напоминала собой великого князя. Однако это не был Дмитрий Иванович. Перед боем в броню великого князя был одет его любимый боярин Михаил Андреевич Бренко. Это было сделано по следующей причине: татары неизбежно должны были ударить на великокняжеский полк, и если бы великий князь был убит, то победа для татар оказалась бы обеспеченной.

Однако Дмитрий Донской вовсе не уклонялся от битвы: он сражался как простой воин.

Отдельный отряд из лучших воинов был отправлен князем в засаду в зеленой дубраве, сбоку от главного места битвы. Во главе этого отряда стоял Владимир Андреевич Серпуховской, двоюродный брат и почти однолетка князя Дмитрия. Он отличался большой храбростью, за что наша летопись наградила его прозвищем Храбрый. К нему был приставлен воевода Дмитрий Боброк-Волынский, обладавший большим опытом в сражениях.

Назначение Серпуховского и Боброка-Волынского начальниками засадного полка показывает, как самоотверженно отно-

сился Дмитрий к делу. Ясно было, что лавры победы достанутся засадному полку, а главная опасность и потери угрожали основному войску. Битва началась с единоборства богатырей. Со стороны татар выступил богатырь, который стал вызывать русских на единоборство. Тогда из русских войск выделился необычный всадник Пересвет — монах Троицкого монастыря, в юности известный наездник. Богатыри вступили в единоборство, и ожесточение схватки было настолько велико, что противники, сбросив копьями друг друга с коней, пали оба мертвыми на землю. Тогда татары устремились на русское войско, и началась страшная сеча. После нескольких часов битвы русские стали отступать. Сам великий князь был сброшен с трех коней и, будучи ранен, вынужден был уклониться в сторону дубравы.

Когда русские начали отступать, а некоторые обратились в бегство, засадный полк пришел в волнение. Однако Боброк-Волынский удерживался от преждевременного выступления. Наконец, наступил удобный момент, и засадный полк ударил в тыл татарам. Они не выдержали удара. Это был поворотный момент в битве. Куликовская битва кончилась решительной победой русских. Литовский князь Ягайло, узнав о победе русских, вынужден был повернуть обратно.

Итак, 8 сентября 1380 г. произошло великое событие: русские полки разбили на Куликовом поле полчища татар, положив этим начало освобождению Русской земли.

Впрочем, напрасно мы стали бы говорить, что Куликовская битва разрешила все трудности, связанные с татаро-монгольским нашествием. Спустя два года после знаменитого Мамаева побоища Москва была выжжена новым ханом Тохтамышем, после чего великий князь должен был возобновить уплату дани татарам. Только спустя столетие после Куликовской битвы, в 1480 г., татарское иго было окончательно сброшено. Тем не менее значение Куликовской битвы чрезвычайно велико. Она была поворотным моментом в той великой битве народов, которая резко изменила международное положение, она развеяла легенду о непобедимости татарских войск.

Интересно, что сведения об этой битве распространились во многих странах: и в генуэзских колониях в Крыму, и в Италии, и в Константинополе, столице Византийской империи, и даже в Тырнове, столице последнего Болгарского царства.

Куликовская битва произошла в тот момент, когда на Балканском полуострове наши братские народы, сербы и болгары, терпели великое бедствие — турецкое завоевание. В 1389 г. сербы были разбиты на Косовом поле. И как раз в это время происходило другое событие: Русская земля, поработанная татарами, начала сбрасывать с себя иноземное иго.

Интересна и другая особенность Куликовской битвы. До последнего времени трудно было сказать, кто сражался на Кули-

ковом поле: только ли дворянские полки, или всенародное ополчение. Не так давно удалось найти первую повесть о Куликовской битве. Из нее мы узнаем, что на Куликовом поле бились не только дружинники, не только бояре, не только военные люди того времени, но и московское ополчение. В ополчении участвовали все те, кто был заинтересован в избавлении Русской земли от татар.

Таким образом, на Куликовом поле было заложено начало освобождению русского народа от татарского ига и показана возможность объединения Русской земли. В этом величайшее значение Куликовской битвы. Дмитрия Донского мы находим в числе тех великих русских полководцев, образы которых всегда будут воодушевлять русских людей на новые победы.

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ Г. МОСКВЫ XII—XIV ВВ.

(доклад на заседании группы по истории г. Москвы)

Известно, что история Москвы по-настоящему до сих пор не написана. Громадный труд И. Е. Забелина остался незаконченным, да и в той части, в какой он доведен, дает ценнейший материал, но не отвечает на многие вопросы, связанные с изучением Москвы как города, а не как политического центра. Поэтому многие вопросы, связанные с историей Москвы, до сих пор весьма слабо освещены. К числу таких вопросов принадлежит прежде всего вопрос о начальной истории Москвы — города, о причинах возвышения Москвы как города, а не как политического и экономического центра. Свой доклад я построил на рассмотрении, главным образом, этой древней истории Москвы, имея в виду, что история Москвы, как большого, важнеего, я бы сказал, политического, экономического и культурного центра во всей Восточной Европе в XIV—XV вв. должна являться темой особого доклада.

Первое, с чего приходится начать, когда говоришь об истории Москвы, это необходимость прежде всего ограничить тот круг вопросов, который связан с историей самого города. У нас как-то вошло в обиход, что историю Москвы мы начинаем с истории Московского великого княжества. Поэтому мы говорим все время о возвышении Москвы, понимая под этим нередко возвышение Московского княжества и образование вокруг него, как большого такого центра, впоследствии Русского национального государства. Только А. Е. Пресняков, насколько мне помнится, очень ярко в своих работах показал, что по существу нельзя путать эти два вопроса: нельзя говорить о возвышении Москвы как города в одних и тех же словах, как и о возвышении Московского великого княжества.

Эта оговорка нужна мне для того, чтобы было ясно, что в дальнейшем я буду говорить о возвышении Москвы как города, о причинах, почему Москва сделалась центром Северо-Восточной Руси, так как рассказ об общеполитических событиях, связанных с историей Москвы, завел бы нас чрезвычайно далеко и от области истории собственно города Москвы, перевел бы нас на рельсы пересказа общенсторических, нередко давно известных фактов.

Как известно, первые упоминания о Москве относятся к половине XII в. В 1146 г. происходила большая феодальная война. И вот во время этой феодальной войны черниговский князь Святослав Ольгович постепенно двигался на Север, пока, наконец, не остановился при устье Протвы или Поротвы, в г. Лобынске. Союзник Святослава Ольговича, Юрий Долгорукий, велел ему воевать Смоленскую волость. Тогда Святослав, как говорит летописец, «взя люди Голядь, верх Поротве», т. е. пошел дальше по Протве вверх.

Юрий Долгорукий прислал к нему предложение приехать к нему для встречи: «Приди ко мне, брат, в Москов». «На утрий же день повеле Гюрги устроить обед силен и сотвори честь велику им, и да Святославу дары многие, с любовью»¹. Из Москвы Святослав вернулся обратно в Лобынск.

Вот краткое и скудное известие, в котором мы впервые читаем сообщение о Москве. Это известие записано в Ипатьевской летописи, которая, в сущ-

¹ «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стб. 240—241 [ПСРЛ, т. II, стр. 339—340].

ности говоря, мало интересовалась северными событиями. Но само это известие было бы для нас не вполне понятным, если бы мы себе не представляли, в каких условиях происходила встреча в Москве.

Летописец отмечает, что Святослав Ольгович двигался на север, переходя от одного населенного пункта к другому, и оказывается для нас совершенно неожиданно, что страна вятичей, считавшаяся еще в начале XII в. чрезвычайно дикой, отдаленной, в это время покрыта уже была целым рядом населенных пунктов и отдельных городов. Эти города перечислялись и затем в наших летописях. В частности, они вошли в знаменитый географический отрывок, составленный, по-видимому, в конце XIV — начале XV в. А позже многие из названий, упомянутых в Ипатьевской летописи, совершенно исчезают.

Для того чтобы понять значение этого известия, мы должны представить себе, что Святослав Ольгович, двигаясь на север, шел каким-то новым путем. Двигаясь вверх по Протве, Святослав Ольгович должен был дойти до верховьев Москвы и от верховьев Москвы двинуться в самую Москву. Следовательно, путь, впоследствии известный, идущий по Протве, уже существовал в XII в.

Обычно перед нами рисуют Москву этого времени, как своего рода большое село, напоминающее нам те большие боярские села, центры боярских доменов, о которых говорится в Ипатьевской летописи. Скорее можно думать, что в Москве, как называлась тогда она, мы уже имели не только какое-то село, но укрепленный пункт. Характеристику такого укрепленного пункта, к которому сходятся с разных сторон дороги из отдельных частей, окружающих Москву, мы встречаем и в других замечаниях летописи, относящихся к XII в., которые я позволю себе привести.

В 1175 г. после убийства Андрея Боголюбского князя Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич из Чернигова «приехали на Москву. Слышавше Ростовцы негодоваше о том, рекоша Ярополку: «ты поеди само», а Михалко рекоша: «пожди мало на Москви». Ярополк же поеха отай брата, к дружине, к Переяславлю. Михалко же видевше брата ехавша, и еха к Володимерию»².

Опять-таки мы встречаем замечательный рассказ, показывающий нам, что в это время Москва, как и раньше, представляла собой действительно перекресток путей. Здесь съезжаются, здесь ожидают решения ростовцев, отсюда князья разъезжаются: с одной стороны, — к Переяславлю, с другой стороны, — к Владимиру. Неизвестно, каким образом попал сюда Михалко, каким путем он шел. Он мог идти одним путем — через Протву к верховьям Москвы, но мог идти и вторым путем, т. е. обычным: к устью реки-Москвы и дальше по Москве-реке вверх.

Любопытно, что уже в это время мы замечаем, что к Москве ведут не только водные пути, но, несомненно, и пути сухопутные. На это указывает рассказ 1176 г. Михалко, направлявшийся из Чернигова во Владимир, шел на Москву («идущим к Москве»), а Ярополк хотел на них напасть и не пустить во Владимир — «и божьим промыслом минустаня в лесех»³. Следовательно, они шли какими-то сухопутными путями, иначе, если бы они шли водой, одной и той же водной дорогой, они, конечно, не могли бы миновать друг друга, а должны были встретиться.

И действительно, в известии 1176 г. мы видим уже, что Москва перед нами встает как довольно значительный центр. Здесь мы читаем следующее известие, говорящее о том же Михалко. Михалко шел из Чернигова (в мае) — «уя и болезнь велика на Свине, и възложивше на носилище несехуть токмо лежива, идуща с ним Кучкова, рекше до Москвы, и ту сретоша и володимерьци с Андреевичем Юрьем, одини бо Володимерци бяху ему добри. Седшую ему обедати, и приде ему весть, оже сыновець его Ярополк идет на нь, и вынидоша из Москвы и поидоша к Володимерию. Услышав же Ярополк, и уступил им на сторону. Москвляни же слышавше, иже идет на не Ярополк, и

² Там же, стр. 404 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 596].

³ «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1872, стр. 356 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 375].

взвратишася въспять, блюдуче домов своих»⁴. Бой между князьями произошел дальше на р. Кулешке, впадающей в Клязьму.

Если принять во внимание все эти первоначальные известия, то перед нами совершенно ярко встает значение Москвы. Уже в это время Москва представляла собой несомненный перекресток путей. Несомненно, Москва в это время уже имеет военное значение. Хотя неизвестно, имеет ли Москва в это время кроме военного значения точно так же еще какое-либо торговое значение.

Любопытно отметить, что в том же 1177 г. указывается, что кругом Москвы находились села, которые были пожжены во время феодальных войн.

Таковы краткие известия о начале Москвы, которые помещены в наших древнейших летописях — Ипатьевской и Лаврентьевской. Надо сказать, что историки нередко преувеличивают указания других летописей. Но следует отметить, что другие летописи, в частности Воскресенская, Ермолинская, даже Львовская, дают материал явно недоброкачественный и представляют собой не что иное, как переделку известий, помещенных в более древних летописях. Так, под тем же 1177 г. говорится в Воскресенской летописи: «Глеб же тоя осени иде к Москве и пожже Московъ всю, город и села»⁵.

Все это представляет собой не что иное, как домысел автора. А Никоновская летопись еще более расширяет этот домысел и добавляет следующие слова: «Князь же Глеб Рязанский... поиде ратию к Москве и пожже Москву всю, и град, власть, и села, все пленоваше»⁶, т. е. повторяет то, что под 1177 г. мы читаем в других древних летописях.

Возникает вопрос: что же мы можем привлечь к этим древним сведениям о Москве? Не имеется ли еще чего-либо другого? Надо заметить, что действительно у нас имеются еще некоторые сведения. К ним принадлежит любопытная запись, относящаяся к 1156 г. и помещающаяся в Тверской летописи. В этой записи мы встречаем следующее: «Того же лета (т. е. 1156) князь великий Юрий Володимерич заложи град Москову на устьниже Неглинны, выше реки Аузы»⁷. Это известие было заподозрено в правильности, но, по-видимому, оно имеет значительные права гражданства.

Если мы присмотримся к этому известию, весьма попорченному, надо сказать, вы отметите одну замечательную особенность. Оказывается, что г. Москва заложен был на устье Неглинной и ниже Неглинной, но почему-то сказано: «выше реки Яузы». В свое время И. Е. Забелин указывал на то, что действительно древнейший путь, который от Клязьмы шел к Москве, несомненно должен был идти по Яузе. И вот оказывается, что существовало древнее московское предание о том, что на устье Яузы существовал когда-то город. Достаточно сказать, что в XV в. место, которое теперь занято церковью Никиты Мученика, находящейся на горе, называлось не иначе, как городище. Об этом городище мы встречаем любопытную заметку у писателя конца XVII в. Каменевича-Рбовского. Этот писатель заслуживает внимания к себе вот почему. В сущности говоря, это был первый московский краевед, который интересовался различного рода московскими древностями, и не только московскими древностями, но и древностями, относящимися к Мологе, к Дмитрову. Между прочим, он записал следующее любопытное предание о князе Мосохе (что Мосох — легендарное лицо, доказывать не приходится): «И созда же тогда Мосох князь и градец себе малый над превысоцей горе той над юстии Явузы реки, на месте оном первоприбытном своем, имено Московском, идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты»⁸. Такова запись конца XVII в. Что мы можем привлечь еще к сведениям о старой Москве? Пожалуй, наиболее интересным является само название Москвы.

⁴ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 407 [ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 600].

⁵ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 93.

⁶ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 3 [фототипическое переиздание. М., 1965].

⁷ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стр. 225 [фототипическое переиздание. М., 1965].

⁸ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. СПб., 1878, стр. 27.

В свое время С. Ф. Платонов в своей замечательной как по конкретности, так и по содержательности статье о начале Москвы, анализируя первые летописные известия о начале Москвы, заканчивал: «Эти известия, не оставляя уже никаких сомнений в существовании города Москвы, в то же время дают один любопытный намек. В них еще не установлено однообразное наименование города: город называется то «Московь», то «Кучково», то «Моск-ва»; не доказывает ли это, что летописцы имели дело с новым пунктом поселения, к имени которого их ухо еще не привыкло»⁹.

Эти замечания Платонова сохраняют для нас по-прежнему большой интерес. Но я должен заметить, что здесь мы приходим к вопросу о названии самой Москвы.

Лично для меня название «Москва» представляется возникшим в непосредственной связи с рекой Москвой. Я думаю, что старое название Москов произошло примерно таким же образом, как произошло название Донков — город на Дону, тут мы как бы говорим Москов — город на Москве. Но для нас сейчас интереснее другое название — это Кучково. Тот же С. Ф. Платонов замечает, что по существу говоря, разбор вопроса о какой-либо исторической основе предания о Кучковичах выходит за пределы исторической критики. Но Платонов в данном случае не находит целиком сторонников своего мнения. И замечательный наш историк, историк именно отличающийся высоким критицизмом, Н. И. Павлов-Сильванский, наоборот считает, что в этом названии мы находим отзвуки каких-то давних событий. Как мне представляется, это мнение Павлова-Сильванского, при всей неожиданности, единственно правильно. Несомненно, конечно, что все указания о Кучке, которые мы встречаем в летописях XVII в., это указания сплошь легендарные. Я встречал несколько летописей, до сих пор еще не известных по отдельным своим деталям. И на меня там произвело впечатление, что эти сказания, записанные в XVI—XVII вв., взяты из древних сказаний о Москве, о Кучке, о пустынноике Вукале, так же как и некоторые другие рассказы. Особенно обращают на себя внимание слова Н. М. Карамзина, что несмотря на то, что эти известия записывал иногда настоящий невежда, все-таки в них вкраплены различного рода исторические высказывания. Но ведь с другой стороны, мы можем сказать, что имена Кучковичей являются вовсе не какой-либо выдумкой, а совершенно определенным историческим фактом, о котором записано в Ипатьевской летописи. Там, например, говорится о том, что «окаянные» Кучковичи — Петр и Яким были убийцами Андрея Боголюбского. Для нас, пожалуй, всего интереснее здесь другая черта, которая обычно не отмечалась до сих пор. Это предание о Кучковичах Владимира Суздальского. Так, например, в летописи XV в. мы находим интересную для нас запись — чрезвычайно любопытное упоминание о том, что на третий год после смерти Андрея Боголюбского «Всеволод мсти обиду брата своего Андрееву: Кучковичи поимал, и в коробы саждал, в озере истопил». Эти слова XV в. находят подтверждение в том, что во Владимире, вернее недалеко от него в XIX в. имелось большое озеро, на котором наблюдалось интересное биологическое явление: на этом торфяном запущенном озере плавали «острова» — большие куски торфа.

Сказания XVIII—XIX вв. говорили, что это Кучковичи плавают в коробах, пущенных по поверхности озера. Это характерное предание находит еще одно подтверждение в существовании в пределах Юрьевского и бывшего Александровского уездов двух сел Кучковых: волости Кучковой и села Покровского-Кучкова. Первая упоминается в духовной Грозного второй половины XVI в. Если принять во внимание и Кучково поле в Москве, то нужно сказать, что в этом упорном упоминании и в самом предании имеется какое-то зерно истины.

Тогда, принимая во внимание все эти замечания, мы, может быть, несколько перестроим и начальную историю Москвы. По-видимому, известия 1146—1147 гг. о Москве говорят уже не совсем о новом городе, и, может быть, именно о городе, а не о селе. Указания на села и на Кучковичей показывают, вероятно, что это поселение было довольно давним и, возможно, являлось

⁹ С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1912, стр. 80.

в свое время доменом какого-то боярина Кучки, что находит подтверждение и в других замечаниях наших летописей, относящихся к другим областям Руси XII—XIII вв.

Тогда ясным становится и известие 1156 г. о создании Кремля, городища в устье Неглинной. Это известие показывает дальнейшее развитие Москвы, говорит о том, что древняя Москва, которая, по-видимому, находилась на устье Яузы, перенесена была на устье Неглинной. Перенос этот несомненно связан был теснейшим образом с необходимостью найти более крепкое место для замка, а с другой стороны, также очень важной с тем, что сама Москва перестала уже быть новым городом, к которому не известны были пути, и что старая дорога по Яузе потеряла уже значение только водного пути, которое она имела раньше, и сделалась уже постоянной сухопутной дорогой по направлению к Клязьме и дальше к Владимиру.

Вот таковы скудные замечания о Москве, которые мы можем отнести к XII в. Она выступает перед нами действительно так, как характеризовал ее в свое время С. Ф. Платонов. Он говорит по этому случаю таким образом: «Москва — пункт, в котором встречаются друзей и отражают врагов, идущих с юга. Москва — пункт, на который прежде всего нападают враги суздальско-владимирских князей. Москва, наконец, — исходный пункт военных операций Суздальско-Владимирского князя, сборное место его войск в действиях против Юга. Цель обороны с юга преследовалась, вероятно, и построением города Москвы»¹⁰.

Я думаю, что к этому замечанию надо добавить, что военное значение города сейчас же стало тесным образом связываться с его торговым значением. Рост города, однако, по-видимому, происходил довольно медленно. Тем не менее мы можем сказать, что уже к началу XIII в. Москва выделяется из ранга небольших городов Владимиро-Суздальской земли и начинает уже в это время привлекать к себе внимание.

С этой целью нам необходимо рассмотреть известие 1213 г., которое обычно редко привлекается нашими историками, как указание довольно малоизвестного памятника — Летописца Переяславля Суздальского. Когда сыновья Всеволода Большое Гнездо стали делить отцовское наследство, то «Володимир Всеволодович не хотя княжити в Юрьеве (т. е. Юрьеве-Польском. — М. Т.) и бежа на Волок, а с Волока на Москву и седе ту в брата своего городе в Юрьове»¹¹, т. е. предпочел Юрьев и Волок заменить Москвой. Если представить себе, что в начале XIII в. Юрьев представлял собой один из крупнейших городов тогдашней Владимиро-Суздальской земли, то это известие является чрезвычайно любопытным. Оно показывает, что Москва, вопреки общепринятому мнению, уже в начале XIII в. начинает довольно решительно выделяться из разряда других городов. Дальнейшие события показывают, что это действительно было так.

В следующем же году, во время войны Константина с Юрием и Ярославом, Владимир «пойде с Москвичи и с дружиною своею к Дмитрову к Ярославлю городу брата своего, а Ярославу тогда сущю из Ростова». Отбитый Дмитровичами, Владимир «седе на Москве», а Юрий пришел против него «и оседа Москву, свои ему город»¹², и уговорил Владимира идти в Переяславль Русский. Таким образом, вы видите, что результатом были переговоры с Владимиром, который предпочел идти в Переяславль Русский, чем оставаться на севере, в Юрьеве. Таков был неожиданный финал этих переговоров, показывающих значение Москвы как города.

Любопытно отметить, что в этом известии начала XIII в. мы уже начинаем замечать и другую особенность московской политики: Москва постепенно берет верх над окружающими городами. В первую очередь внимание князей направляется на Дмитров; почему, об этом я скажу позднее. Отмечу только, что Дмитров уже в это время являлся важнейшей северной гаванью для

¹⁰ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 83.

¹¹ «Временник Общества истории и древностей российских». М., 1851, стр. 111.

¹² Там же, стр. 111—112.

Москвы. Постепенный рост Москвы мы наблюдаем и дальше. Уже в 1237 г. по поводу нашествия татар говорится опять-таки о Москве, причем на этот раз известие небезымянное. В Москве сидит молодой князь Владимир, воевода Филипп Нянка. Известие говорит о Москве, как о уже довольно значительном городе. Татары взяли город, «а люди избиша от старьца и до сущего младенца; а град и церкви святые огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много именья вземше отъидоша»¹³. Таким образом, Москва, в этот период времени, как это видно из данного известия, уже настоящий город, который окружен селами, в котором имеется много имущества, принадлежащего горожанам.

И мы все-таки должны сказать, что Москва этого времени, выделяясь уже несколько среди других городов, чрезвычайно отстает от больших городов. В самом деле, если в 1236—1237 гг. Москва упоминается после разорения татарами, как довольно значительный, но все-таки еще ординарный город, то конец XIII в. и начало XIV в. дают какой-то взлет, какой-то рост в истории Москвы. Москва при Данииле Московском, как называют его летописцы, представляет еще удел второстепенный. Затем Даниил, как известно, становится великим князем, а Москва, по выражению летописца XIV в., становится «городом многонародным». Следовательно, что-то произошло в эти 50, примерно, лет, которые отделяют нас от известий 1237 г., времени татарского нашествия, от начала XIV в.

Обычно, изображая этот рост Москвы XIV в., историки переходят к изложению географического положения Москвы. К этому и я перейду, потому что история города не может рассматриваться вне его географического положения. Но историк вправе задать себе вопрос: почему же географическое положение в XII в. не создало из Москвы центра Северо-Восточной Руси, а географическое положение в XIV в. создало этот центр? Тут дело не только в географическом положении, как думал Забелин, но и в целом ряде каких-то других явлений.

Ответ на вопрос, почему возвысилась Москва именно к началу XIV в., мы встречаем у М. К. Любавского, который весьма остроумно говорит о том, что Москва в это время, как и Тверь, представляла собою город, наиболее удаленный от татарских нашествий и тем самым якобы не терпевший таких бедствий, какие испытывали окраинные земли, в частности Владимир. Но, резюмируя это замечание Любавского, мы должны задать другой вопрос: а почему же наряду с Москвой поднимается в это время Нижний Новгород, который находился в такой близости к татарам, что при движении по Волге в первую очередь татары должны были нападать на него? Почему возвышалась Рязань, которая находилась как раз в самом «чистом поле» и которая, однако, в XIV в. переживала свой расцвет? Следовательно, нельзя, по-видимому, говорить о том, что только прилив населения, уход его в более обеспеченные лесные места, хотя это в значительной мере и правильно, создавал такой рост городов.

Мы должны ответить и на другой вопрос. Ведь, в сущности говоря, если мы говорим о возвышении Тверского, Рязанского, Московского и Нижегородского княжеств, то мы должны ответить и на вопрос: а почему возвышались именно центры этих княжеств? Т. е. мы должны ответить на вопрос об экономическом значении городов, сделавшихся центрами больших княжеств.

И действительно, во второй половине XIII в. мы наблюдаем замечательное явление. Старые центры Суздальской земли — Владимир, Ростов, Переяславль — постепенно хиреют, они еще не потеряли абсолютно прежнего значения, но уже сошли на ступень второстепенных. Они переживают, если не период упадка, то, во всяком случае, период весьма далекий от расцвета, а растут новые города — Рязань, Новгород, Тверь, Москва.

¹³ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 438 [ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 461].

Оценивая положение этих городов, мы видим, что оно тесно связано с их нахождением на больших речных путях. Однако почему-то эти речные пути до второй половины XIII в. не были стимулом для того, чтобы возникли Нижний Новгород и Тверь как большие, крупные, торговые города. Следовательно, мы должны думать, что произошли какие-то события. Я думаю, что ответ тут может быть единственный — образование Золотой Орды и создание, таким образом, громадного торгового пути по Волге. Именно поэтому здесь и возникают города. Местоположение Нижнего Новгорода говорит само за себя. Он являлся уже в это время центром, к которому сходились товары со всей Северо-Восточной Руси.

Тверь отличалась благодатным положением, потому что она являлась прямым передатчиком дальше, на Запад. За Тверью находился уже Великий Новгород. А мы знаем из грамоты Менгу-Темира о том, что хан распоряжался в Русской земле и требовал, чтобы «гости его путь чист», т. е. чтобы путь мог свободно проходить через Тверские и Нижегородские пределы.

Менее ясно положение с Рязанью. Однако есть основания полагать, что Рязань была, по-видимому, тесным образом связана с торговыми путями, которые шли с Дона на Оку.

Из всех этих городов, несомненно, в смысле своего торгового и экономического положения впереди всех стояла Москва. И вот для того, чтобы оттенить это положение Москвы, я попробую дать краткий обзор географического положения Москвы и тех путей, которые к ней вели.

Мне представляется несомненным, что самый важный московский путь, который поднимал значение Москвы, был тот путь, который шел от Москвы дальше к Рязани по Дону вниз, к Сурожу и на Царьград. Не нужно забывать, что через Сурож и Азов шла громадная торговля, которая связывала Восточную Европу и Азию со Средиземноморьем и с Персией. И этим путем, по которому двигалось большое количество товаров, который имел значение и для Западной Европы, этим путем, несомненно, мог быть тот путь, который шел от Новгорода и дальше по Балтийскому морю к ганзейским городам.

Этим, я думаю, объясняется существование в Москве купцов-сурожан, которые именно в XIV—XV вв. выделяются как наиболее богатые купцы. Название «сурожан» они получили от Сурожа, т. е. современного Судака, который действительно являлся торговыми воротами в Восточную Европу. В своей замечательной работе о гостях-сурожанах В. Е. Сыроечковский показал, что в XIV в. в Москве существовала, вероятно, итальянская колония, — по крайней мере некоторые из купцов по своим фамилиям могут восходить к итальянцам¹⁴.

Путь от Москвы отмечен и нашими памятниками. Существует знаменитое сказание о путешествии митрополита Пимена в 1339 г. из Москвы в Царьград. В этом сказании описывается, что Пимен отправился водными путями: сначала он ехал по Москве-реке, дальше до Переяславля Рязанского по Оке, затем от Переяславля двинулся сухим путем: «Проводиша же с нами и 3 струга да насад на колесах». Пришли к Дону в четверг 29 апреля «и спустиша суды на реку Дон». Затем стали спускаться, добрались до Азова, затем по Азовскому морю, затем миновали Судак и добрались до Царьграда. Этот путь был совершен в два с половиной месяца¹⁵.

Из рассказа о путешествии Пимена для нас становится совершенно ясным, что этот путь не представлял собою чего-то нового. Как только русские духовные лица явились в Царьград, они тотчас же нашли людей, которые согласились ссужать их «по заборам», т. е. по записям, составленным на великого князя, деньгами. Но записи были составлены так, что великий князь отказался впоследствии платить по этим займам, и летописец отмечает, что долг этот растет и до сих пор, т. е. проценты увеличиваются, а никто по ним не платит. Но характерно здесь то, что в Царьграде сейчас же нашлись люди, которые субсидировали эти сделки.

¹⁴ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., 1935, стр. 18.

¹⁵ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 95—97 (фототипическое переиздание. М., 1965).

Мне кажется, что это станет ясным для нас, если мы представим себе и другие пути, которые сходились к Москве и которые создавали из Москвы действительно тот торговый фокус в XIV в., из которого все эти товары должны были идти на юг, в Средиземное море.

Если взглянуть от Москвы немного к северу, мы найдем здесь г. Дмитров, находящийся теперь на канале Москва—Волга. В XV—XVI вв. Дмитров представлял собою настоящую северную гавань Москвы. Об этом значении Дмитрова говорят многие документы не только летописного характера, но и акты. От Дмитрова шел путь, которым двигались дальше в разные стороны, в разные места—до устья Дубны, поднимаясь в Тверь, дальше по Тверце к Новгороду. Этот путь на Тверь существовал и в XVI в.

Еще более важный путь шел на север мимо Княтина. Он проходил дальше к устью Мологи и к Холопьюму городку, который являлся в то время крупнейшей ярмаркой. Предание об этой ярмарке, очень любопытное, записано у того же Каменевича-Рбовского. Другой путь на север шел по Шексне, затем от Шексны до Белоозера, поднимался по Сухоне и Сев. Двине. Я должен заметить, что этот путь имел настолько важное значение, что он объясняет нам те причины, по которым Белоозеро тянуло не к Новгороду, а к Москве.

В Дмитров стекались различного рода товары, в силу чего этот город стал действительно крупнейшим центром своего времени. Когда С. Герберштейн посетил в первой половине XVI в. Москву, он обратил внимание на значение Дмитрова и, между прочим, записал: «Город Дмитров с крепостью, отстоит от Москвы на 12 миль, с легким уклоном к Западу. Мимо него протекает река Яхрома, которая впадает в реку Сестру, затем Сестру принимает Дубна, которая изливается в Волгу. Благодаря такому великому удобству рек тамошние купцы имеют великие богатства, так как они без особого труда ввозят из Каспийского моря по Волге товары по различным направлениям и даже в самую Москву»¹⁶.

Надо заметить, что мы встречаем целый ряд указаний в различных источниках о дмитровских дорогах. Так, например, чрезвычайно любопытным является указание, что в 1480 г. княгиня София Фоминишна во время наступления Ахмета бежала на Север на судах к Белоозеру из Дмитрова.

Характер Москвы как транзитного пункта, связывавшего Юг с Севером, подчеркивается еще и тем, что к этому времени к Москве стали тянуть и соседние земли. Одним из таких важнейших путей, не столько торгового, сколько военного и военно-политического характера был путь по Клязьме. Я думаю, что появление митрополита в Москве было тесным образом связано с тем, что, собственно, Владимиро-Суздальская земля тяготела к Москве. Если раньше, в XII—XIII вв. Москва тяготела к Владимиру Суздальскому, то в XIV в. произошло обратное.

Наконец, не следует забывать и о других путях, которые в Москве появились очень рано. Это—старинный путь, которым шел Святослав Ольгович на Можайск и дальше от Можайска по Протве, и другой путь—от Можайска на Коломну, к Брянску, к устью Десны. Этот путь, между прочим, отмечен в наших посольских книгах XVI в. Работая в этом году над турецкими делами, я встретил там много указаний, что именно этими путями по Днепру шли турецкие купцы. Таким образом, мы можем сказать, что Москва в этот период времени являлась как бы стыком путей; с одной стороны, в начале XIV в. купцы шли от Азова, а с другой стороны—поднимались по Днепру и дальше через верховья Оки направлялись к Москве.

Исключительное богатство водных путей (их близость и связь между собой), которым отличается Москва уже с раннего времени, начинает пополняться отдельными сухопутными путями. Несомненно, конечно, что возникновение сухопутных путей относится к более позднему времени. Однако некоторые из них появились очень рано. Не нужно забывать и о том, что в зимнее время сухопутные дороги представляли собой чрезвычайно удобный путь.

¹⁶ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 122.

Вспомним, как иностранцы XVI—XVII вв. рисуют перед нами путь, которым из Архангельска, через Вологду ездили зимой в Москву. Некоторые из этих путей могут быть прослежены уже в XIV в. Такова дорога, которая шла на Переяславль и дальше на Ярославль. На этой дороге очень рано уже возник город Радонеж. Несомненно очень древним городом был Владимир. Дорога эта отмечена большим количеством городищ. Дорога на Коломну и Переяславль отмечается в сказаниях о Мамаевом побоище, причем существовало даже две дороги. Когда в 1386 г. Дмитрий Донской подошел к Москве, он разделил свое войско: одна часть войска пошла путем на Котлы, другая пошла сначала по другой стороне Москвы-реки, мимо Андроньева монастыря, а потом перебралась через красный перевоз Боровский (может быть, это около современного Боровского кургана на Москве-реке).

Древнейший путь шел несомненно на Волок-Ламский. Это была, в первую очередь, несомненно, дорога сухопутная. Тот, кто бывал в Волоколамске, согласится со мною, что по той Ламе разве ореховая скорлупка проплывает, а едва ли в состоянии было проплыть какое-нибудь судно.

Наконец, еще две старинные дороги, проложенные в XIV в.: на Можайск — Смоленск и Боровск — Калугу. Это тоже старинные дороги, не считая дороги на Серпухов и Тулу, известную нам также в XIV в.

Если представить себе такое географическое положение Москвы, то станет совершенно ясным, почему именно здесь создавался центр со второй половины XIII в. По существу говоря, Москва XIV в. являлась таким же центром для средиземноморской торговли, каким являлся Новгород для ганзейских городов и для Балтийского моря. Такое замечание покажется, может быть, несколько претенциозным, но мне кажется, оно будет правильным.

К замечаниям о географическом положении Москвы следует добавить еще целый ряд особенностей Москвы как центра, которые стали замечаться именно со второй половины XIII в. Здесь я напому вам ту теорию М. К. Любавского, о которой я говорил в самом начале. Если бы мы стали смотреть на карту того времени, мы увидели бы, что Москва по своему положению действительно занимала одно из наиболее безопасных мест во всей Северо-Восточной Руси. Обычно обращают в этом смысле внимание на Тверь, но в Тверском княжестве были свои особенности, на которых я остановлюсь несколько дальше. Одной из ценных особенностей Московского княжества для этого времени, предохранявших Москву от нападений, являлось обилие леса. Известно, что обилие леса и водных путей, которые пересекали путь татар по направлению к Москве, являлось постоянным препятствием для набегов.

Ничего подобного мы не встречаем ни в Рязани, ни во Владимирской земле и, конечно, тем более в Нижнем Новгороде. Исключением, пожалуй, была Тверь. Но Тверское княжество представляло собой княжество, расположенное на неплодородных суглинках, которые очень часто не в состоянии были прокормить его население. В сущности единственный в Тверском княжестве район, который отличается от соседних действительным плодородием, — это отдельное Кашинское княжество. С этой стороны Москва опять-таки располагала чрезвычайно благоприятными условиями для экономического развития.

К югу от Москвы было расположено пространство относительно плодородной земли. Поблизости от нее находятся Переяславль, Юрьев, Владимир, с их почвами, приближающимися к чернозему. Характер плодородия этих земель и по настоящее время еще очень отличается от остальных. Это видно хотя бы из того, что до сих пор, например, жители Дмитровского района считают, что соседний Переяславский район — это, де, Украина, хотя Переяславль находится на севере. Но они его называют Украиной, потому что в Переяславской земле, во всяком случае в тех районах, которые приближаются к Переяславу, хорошо родится хлеб.

Эти дополнительные соображения, связанные вместе с тем с торговой спецификой города, как мне кажется, создали условия, предпосылки для возникновения Москвы как города, для превращения его в важнейший городской центр, который уже нельзя уничтожить никакими разорениями, никакими феодальными войнами. А в конце концов предпосылки создания большого

центра являлись одной из предпосылок для возвышения всего Московского великого княжества в целом. Я говорю — «одной», потому что говорить о других предпосылках не входит в задачу моего доклада.

Я, товарищи, на этом и окончу, потому что решил остановиться на древней истории Москвы, подведя ее к началу XIV в.

* * *

Участниками заседания М. Н. Тихомирову было задано 16 вопросов, характер которых соответствовал выступлениям в прениях М. И. Александровского, П. В. Сытина, П. П. Смирнова, Н. П. Розанова и др. Наибольший интерес представляет ответ М. Н. Тихомирова на вопрос Полякова и реплика по поводу этого ответа Куликова. Ниже приводится эта часть стенограммы.

Поляков. Неужели вы считаете, что Нижний Новгород был окраиной?.. Я не согласен, что Среднее Поволжье и Нижний Новгород, где очень удачно выбрано было место для построения города — при впадении Оки в Волгу, должны рассматриваться как глухая окраина.

Тихомиров. Окраина Русской земли. Мы говорим о некотором географическом центре Северо-Восточной Руси. Этим географическим центром является Москва. Как бы ни пытались превратить в такой географический центр Нижний Новгород, Рязань, Тверь, это не удастся вам сделать. Мы имели бы очень странную карту, где показывалось образование большого государства или большого города, а центр был где-то в стороне от этого города, от этой территории.

Положение Москвы чрезвычайно сходно с положением Парижа. Иль-де-Франс — это долина, которая террасами сходится к Парижу. Это и есть то, откуда начинается образование города. Можно считать это какой-либо случайностью? Я думаю, что если мы будем трактовать всё с точки зрения случайности и будем объяснять это пожалованными грамотами, жалованной политикой князей и пр. и пр., мы наши споры перенесем в такую область, которая будет совершенно неверной. Мы будем опираться на такую основу, на какую ни в коем случае не должны опираться. Мы видим, что в это время одни города, в частности тот же Владимир, начинают чрезвычайно быстро терять свое значение. А Москва сделалась столицей, усилилась как экономический, культурный и отчасти как политический центр. Это, конечно, не случайно.

Куликов. Тут основное заключается в людях, которые стояли во главе Москвы, а вовсе не в ее положении!

Тихомиров. Тогда Вы становитесь на такую точку зрения, что если бы на месте Ивана Калиты был бы не Иван Калита, а Иван Дурак, то тогда ни Москвы, ни Московского великого княжества не было бы! Я думаю, что становиться на такую точку зрения весьма опасно.

Прения по докладу М. Н. Тихомирова

М. И. Александровский. Ваш доклад, Михаил Николаевич, главным образом касается именно вопроса о возвышении Москвы в XIII—XIV вв. Это, конечно, очень интересно, очень исторично. Но Вы почему-то в основном останавливались только на письменных источниках и совершенно отвлеклись от археологии и филологии. Мне кажется, что для историка обязательным является применение высказываний филологии и лингвистики, археологии, в особенности, когда имеешь дело с таким вопросом, как история Москвы. Поэтому-то Ваше объяснение и возвышения Москвы и других моментов, с этим связанных, возбуждает сомнения. Что в таких вопросах филология крайне необходима, это Вы сами доказали. Говоря о происхождении слова «Москва». «Москов», Вы сказали, что в данном случае мы имеем нечто схожее с тем, что мы имеем в Ростове — «Донков» от слова «Дон». Из этого Вы выводите чрезвычайно важный обстоятельство, а именно, что слово «Москва» — это слово не финского происхождения. А это страшно много нам может помочь в понимании вообще возникновения города Москвы. Но мне кажется, что в данном случае Вы не совсем правы. Если бы «Донков» происходил от «Дона», то мы сказали

бы не Донков, а Донов, и было бы не Московь, а Москов. В этом отношении чрезвычайно многое нам дают те указания, которые мы находим в сарматском языке.

Археологические данные никоим образом не могут быть упущены из вида историком. Если мы по археологии знаем, что в Москве нашлись такие-то предметы, напоминающие скифскую культуру, то это показывает, что дело началось очень давно, приблизительно в V в. и даже, может быть, в IV в... Москва началась слишком давно, а если так, то возможно, что и возвышаться она начала очень давно. Как известно, в Москве нашли диргеи IX в. Значит, в 862 г. (год появления Русского государства) русские гости бывали в Мерве. Значит, в это время Москва не только была, но, очевидно, были в Москве и богатые люди. Мы имеем чрезвычайно важные археологические раскопки, которые показывают, что вал городища сохранился до строения кремлевского дворца. Городище-то было — это чрезвычайно важно. Значит, Москва с самого начала никакой усадьбой, никаким селом не была, а с самого начала была укрепленным городом, имеющим кремль.

Мало того, там находили семилопастные серги и ожерелья и, как говорил И. Е. Забелин, эти вещи, найденные в Кремле, отличались богатством. Прочие вятичские вещи представляют собой сплав, а эти вещи почти чистого серебра относятся к X в. и к началу XI в. Это был богатый, возвышавшийся город... Вместо того чтобы обратиться к археологии и лингвистике, Вы обратились к таким вещам, к которым не следовало бы обращаться, а именно к польским басням. Если Вы уже их упомянули, то надо было бы непременно упомянуть, кроме сказания о том, что город был будто бы в устье Яузы, что у Забелина дана польская басня о том, что город был не в устье Яузы, а на Крутице...

Вы говорили, что Ваш доклад построен не на археологических данных, что археология — это дело археологов, а дело историка — это письменные источники. Но в своем докладе Вы очень много говорили относительно дорог. Совершенно возможно, это можно считать бесспорным, что через Москву проходили дороги во все четыре стороны. Но дело не только в том, чтобы сказать это, а в том, чтобы доказать, что проходили именно эти дороги, что они именно здесь существовали. А доказать это на основании письменных источников невозможно. Можно только доказать, что по такой-то дороге один раз или два проходил тот-то и тот-то. Вы говорите, что дороги были, потому что Москва находилась в более благоприятных условиях, чем другие города. Но это все из области предположений.

Мне хочется сказать несколько слов относительно Яхромы. Яхрома немного больше, чем Лама в теперешнем Волоколамске. Там была дорога. Она шла на р. Лунь и р. Рузу, которую называли маленькой Мологой. Может быть, как раз тут и проходил торговый путь через Волго-Окское междуречье, который и объясняется возвышение г. Москвы.

П. П. Смирнов. Я хотел бы только заметить, Михаил Николаевич, предвзвительно, что совершенно правильно, — и филология, и археология имеют первостепенное значение в истории каждого города, и Москвы в частности. Между прочим, года два-три тому назад акад. [А. И. Соболевский] указал на совершенно несомненное, по его мнению, нефинское происхождение названия «Москва», он считает его или славянским, или сарматским. Все это весьма важно в смысле изучения самого того места, того города Москвы, в котором мы с Вами живем. Совершенно ясно, что тут когда-то был какой-то населенный пункт, а затем возможно были какие-то перерывы в историческом развитии. Таким образом, мне представляется, что мы имеем полное право говорить отдельно о той Москве, о которой говорил М. Н. [Тихомиров].

Теперь по поводу доклада. Я должен сказать, что я выслушал его с большим интересом. Материал — известный, хотя все-таки М. Н. [Тихомиров] этот материал освежил некоторыми интересными бросками. Вспомните хотя бы об этих Кучковичах — это вариант, о котором я до сих пор, по крайней мере, нигде не слышал. Таким образом, доклад получился очень интересным и живо построенным.

Тем не менее я все-таки не могу согласиться с М. Н. [Тихомировым] до конца в его конструкции происхождения и возвышения г. Москвы. Он сделал

попытку свести все к одному решающему фактору — торговле. Надо сказать, что эта попытка не нова. Скажем, она проведена у И. Е. Забелина. И она страдает одним недостатком, который был отмечен, — она игнорирует производство. Конечно, для того, чтобы чем-то торговать, что-то вывозить нужно было что-то делать. И вот здесь мы не видим, как и что делалось. Таким образом, мне представляется, что все-таки недостаточно будет сказать, что Москва представляла собой центр транзитной торговли, которая сильно повысила значение Москвы. Надо показать и местное производство.

Совершенно верно, Москва в XIV в., конечно, не то, что, вероятно, Москва в XIII в. Но нельзя просто обойти историю ее быстрого возвышения в XIII в., в частности, попытку Михаила Хоробрита овладеть великим княжеством, опираясь на какие-то местные средства. Я должен сказать, что возвышение Москвы не является первым возвышением городов. Мы имеем, например, возникновение Владимира, возвышение его против старинных Ростова и Суздаля в конце XII в. Здесь тоже приходится этот вопрос ставить и искать какой-то другой момент в вопросе о падении старых и возвышении новых, молодых городов. Этот момент в свое время отметил еще С. М. Соловьев, но данный вопрос остался неразработанным. Как факт — это совершенно бесспорно, и М. Н. Тихомиров сегодня это прекрасно показал. Но причина возвышения объяснена лишь большой дорогой по Волге, что едва ли может быть главным.

Я сторонник работы А. Е. Преснякова «Московское царство». Он там подчеркнул роль Кучковичей и прямо бросил мысль, что Москва выделялась в ряду современных городов тем, что была владельческим княжеским городом, т. е. представляла собою новый тип поселения, такой же как и Владимир на Клязьме. Между старыми городами Киевского княжества, которые представляли собою своеземские центры, и новыми городами, возникавшими именно в руках крупных феодалов как центры крупных хозяйств, была существенная социальная и экономическая разница. Здесь природа была другая. Это как раз и отмечается в XII—XIV вв. В это время вече во всех городах, за исключением четырех, уничтожается, и растут новые города. На этом пути смены социальной природы городов, связанной, конечно, с новой экономикой, с новыми приемами производства, будет понятна и густая сеть торговых дорог. Не надо забывать, что торговля в раннем средневековье имела характер только внутреннего. Гости-сурожане ездили в Сурож, даже дальше, за Черное море, за привозными редкими товарами, которые оправдывали бы столь дорогое путешествие, но эти товары могли быть куплены только очень богатыми людьми. Такой характер торговли согласуется с новой социальной природой крупных новых городов....

Мне кажется, что, избрав такой путь, можно было бы еще больше осветить тот материал, который так красиво, я бы сказал, показал нам Михаил Николаевич относительно Москвы.

Н. П. Розанов. Михаил Николаевич довольно пренебрежительно отнесся к разным мнениям относительно происхождения старой Москвы. Но нужно быть справедливым и принять во внимание мнение такого выдающегося лингвиста, как проф. Гр. Ильинский или акад. А. И. Соболевский. Вы совершенно игнорировали их рассуждения о происхождении названия Москвы... Мне представляется чрезвычайно ценным то указание, которое делает А. И. Соболевский в своих «Скифских этюдах» относительно самого происхождения названия «Москва». Это все-таки высказывания людей, весьма компетентных в лингвистике.

П. В. Сытин. Мне кажется, что М. Н. [Тихомиров] слабо отметил влияние татарского ига и татарской налоговой политики на возвышение Москвы, в силу чего население скапливалось именно здесь. Население именно здесь могло заниматься мирным трудом сравнительно продолжительное время, в силу чего и могли здесь скопиться богатства. То, что Москва имела множество дорог и собирала «мыт» со всех купцов, — это тоже обогащало московского князя, который был первым купцом среди других купцов. На это следовало бы обратить внимание больше, чем Вы это сделали.

Заключительное слово М. Н. Тихомирова

Начну с замечания П. П. Смирнова. Я очень благодарен за его замечания. Вы, конечно, правы, что Москва — это стык путей, стык товаров, стык обмена. Я не брал этой стороны вопроса, потому, что вообще не рассматривал XIV в. В один доклад все вопросы вложить очень трудно. Но ваше замечание совершенно правильно. Без внутреннего обмена сама Москва, конечно, не могла бы существовать, и ее международные связи вытекают из этих внутренних связей. Я очень благодарен за это замечание. Я должен был это отметить.

Дальше буду отвечать М. И. Александровскому, который является главным моим оппонентом. М. И. Александровский со свойственной ему страстностью указывает, что я поверил польским басням, с другой стороны, сам М. И. [Александровский] развил такую яркую картину, перед которой я только в недоумении могу становиться. В самом деле, он знает сарматский язык, а я не знаю. Что же?

Александровский. Я знаю про него, но не его.

Тихомиров. Тогда почему говорите, что «Москов» — это слово сарматского языка? Нельзя, не зная языка, говорить о языке. Дальше Вы указали очень решительно на то, что Москва возникла в связи с волоком. Никаких доказательств вы не привели. Высказали мысль, бросили ее и отошли в сторону. Волок появляется впервые в XIII в.

Александровский. В 1136 г. упоминается.

Тихомиров. В каком документе?

Александровский. В какой-то летописи.

Тихомиров. Именно, в какой-то летописи! Нужно цитировать не «какую-то» летопись, а определенную. Если же это только «какая-то» летопись, то и пользоваться ею нельзя. Мы знаем, что дороги идут через всякую деревню, но не всякая деревня становится городом: одна становится, а другая не становится. Почему-то Москва на берегу Москвы-реки стала городом, Тверь стала городом, Нижний Новгород при впадении Оки в Волгу стал городом, а деревня, находящаяся в десяти километрах от города, не стала городом. Если заглянете в учебник, хотя бы военный, то увидите, что не все деревни имеют одинаковое стратегическое значение: одна деревня имеет стратегическое значение, а другая не имеет.

Вы сами признаете, что Москва, действительно, центр путей, ничем этого положения не опорожили, а начинаете сравнивать систему волоков и говорите, что Яхрома одинакова с Ламой. Между тем, если Вы были на Волоке и были на Яхроме до проведения канала, то скажете, что Яхрома гораздо больше и долину имеет иную, чем Лама. Нельзя же говорить против очевидности.

Дальше о вятичах. Вы о них ничего не знаете, также как и я. Город вятичей находится в совершенно другом месте. Туда шли через... [пропуск в стенограмме] пути. Это совершенно несомненно, потому что первоначально люди шли по наиболее удобным путям, а не по наименее удобным. Таким образом, то, о чем Вы говорите, не может быть принято как абсолютная истина.

Перехожу сейчас к Вашим словам о том, что представляло слово «Москва». Вы здесь в качестве авторитета ссылаетесь на А. И. Соболевского. Я лично знал А. И. Соболевского и всегда его очень уважал и уважаю, больше того, до некоторой степени я могу считать себя его учеником. Но отсюда вовсе не следует, что всякое слово А. И. [Соболевского] — закон, потому что он в своих «Скифских этюдах» много написал такого, что ему как лингвисту судить об этом — так-ли это или нет — очень трудно. Я не знаю, повторяю, сарматский язык и не надеюсь его узнать. Поэтому я ничего не могу сказать — может быть, так, а может быть, вовсе и не так!

Вы говорите о том, что на территории Москвы были жилые поселения, что тут были найдены во время раскопок всевозможные предметы, которые свидетельствуют о ее глубокой древности. В частности, Вы ссылались на то, что были найдены семилопастные серьги. Очень хорошо. Жили люди и в дру-

гих местах, где не было таких древних поселений, тоже находили серьги, такие же самые. Следовательно, не в одной только Москве эти серьги находились. Я не берусь этих вопросов сейчас рассматривать в той плоскости, как это Вам бы хотелось. Я не могу заниматься изысканиями в тех вопросах, в которых я не чувствую себя достаточно компетентным. Вы хотите, чтобы я поставил вопрос несколько в обратном порядке. Мы знаем, что Москва существует с глубокой древности. И Вы хотите, чтобы я все свое внимание уделил этой древней истории Москвы, Вы хотите, чтобы я признал, что Москва — это самый древний город. Но я думаю, что не скажу ровным счетом ничего обидного для москвичей, если укажу, что есть города более древние, чем Москва. Ничего не поделаешь — приходится в этом признаваться! Но у меня имеется много данных о том, что именно в период XII—XIII вв. Москва была растущим городом.

Дальше мне представляется, что совершенно неправильно Вы трактуете Каменевич-Рбовского. Я вовсе не говорю о том, что у него абсолютно все правильно. Я считаю, и это подчеркиваю, что он написал довольно легендарное произведение, но в каждом легендарном произведении имеется некоторый намек на действительность. И в данном случае дело обстоит именно таким образом. Дело в том, что у нас очень часто историки совершенно не обращают внимания на то, что в легендарных повествованиях может содержаться зерно истины. В самом деле, приведу один пример. В свое время считали, что рассказ о Миносе — это самый настоящий миф. А вот недавно в Академии наук ученые люди сидели и обсуждали вопрос относительно державы Миноса без всякого смеха. Следовательно, то, что раньше расценивалось как миф, сейчас рассматривается как действительность. Точно также и мне представляется, что в рассказе о Кучковичах имеется известное зерно истины. По-видимому, это не только одна сказка, не только одна легенда. Но я боюсь сейчас совершенно точно это утверждать. Я Вам приволил относительно этого некоторые данные, сказал, что об этом говорит летопись XV в. Таким образом, можно сделать тот вывод, к которому прихожу я.

В нескольких словах я хочу ответить П. П. Смирнову. Я считаю, что Вы правильно поставили вопрос относительно того, что надо начинать историю Москвы с XIII в., в частности, Вы правы были, поставив вопрос относительно Михаила Хоробрита и о всем том, что было связано с княжением Даниила. Это все совершенно верно. Но дело в том, что в своем и так уже затянувшемся на полтора часа докладе я не мог всех вопросов охватить. Но все-таки я согласен с Вами, что именно об этом следовало бы сказать.

Я думаю, что Ваше замечание относительно того, что Москва потеряла как владельческий город, требует еще особой проверки. Далеко не всякий владельческий город может сделаться, Павел Петрович, большим. Пример — Владимир и Боголюб. И Боголюб — владельческий город, на Владимир мало похож. Во Владимире были свои ремесленники и горожане, которые играли большую роль.

Думаю, что Ваше замечание о том, что вече гибнет и остается только в немногих городах, неправильно. В Москве вече наблюдается долго. Последнее вече в Москве собрано было в 1382 г. по случаю нападения Тохтамыша, т. е. позже, чем в других городах. К вецу нужно осторожно подходить. Мне лично представляется, правда, может быть, это неправильно, что вече в этих городах тесно связано со стремлением городов сделаться своего рода городами-коммунами, как это было в Западной Европе, конечно, при других нескольких условиях.

Я должен заметить, что тем не менее общие Ваши замечания чрезвычайно ценны. Вы, конечно, совершенно правильно говорите, что нужно обратить внимание на внутреннюю структуру города. Но я предполагаю, что о внутренней структуре города нужно говорить тогда, когда будем говорить о XIV—XV вв., потому что о XII—XIII вв. тут нечего говорить.

Вы совершенно правы, что тут был не один международный обмен. Я ведь говорил о предпосылках к созданию, а тогда, когда город создается, он живет не одними купцами, — он живет своею жизнью. Он связан с окружающей его округой, о чем говорит Е. Ф. Дюбюк, иначе представить его себе нельзя.

Вы совершенно правы, что это проблема, на которую нужно обратить внимание, потому что по существу истории Москвы как города XIV—XV вв. у нас нет. Это надо прямо сказать. Я же говорил о предпосылках создания этого города. И, как Вы помните, остановился на начале XIV в.

Теперь остается ответить Н. П. Розанову, который говорил о каком-то моем пренебрежении к Ильинскому и А. И. Соболевскому. Об этом говорить странно, но дело в том, что и Ильинский, и Соболевский, как и остальные лингвисты, делают свои домыслы, очень, может быть, почтенные, но для нас, историков, они тогда становятся играющими роль, когда приобретают доказательность в среде самих лингвистов. Нельзя требовать от историков, чтобы они сделались лингвистами. В противном случае они оказываются доморощенными лингвистами. Я не хочу быть таковым, скажу вам откровенно. Так что дело здесь не в пренебрежении. Не надо думать, что при всех его знаниях Ильинский дает что-то абсолютно решенное. У него есть, например, статья о том, что значит «Самбатос», в которой он утверждает, что это название киевской крепости у Константина Багрянородного,— большая статья со множеством ссылок. Но какой историк может ее принять в том виде, как она дана? Подобные статьи таковы, что мы о них говорим: «по остроумному предположению Ильинского» или «по остроумному предположению Соболевского» и т. д. Но вот, когда из области остроумных предположений мы переходим в область лингвистики, то тут мы должны сказать: неужели все дело в том, от какого слова произошло название «Москва»? Ведь история Москвы не изменится от того, произошло ли ее название от одного, другого, или третьего. Мы к истории Москвы должны подойти иначе, чем это мы делаем в отношении других наших городов, того же, например, Ленинграда. Мы можем сказать, как возник первоначально Петербург, в двух строчках. Этими двумя строчками можно открыть целые тома, которые будут написаны о Петербурге. Таким образом, я считаю, что тут у меня нет никакого пробела.

Тов. П. В. Сытин поставил вопрос относительно налоговой политики Золотой Орды. Но Вы опять-таки забыли, что общеполитических вопросов возникновения Москвы как княжества я сегодня не касался. О налоговой политике внутри Москвы надо будет тогда говорить, когда мы будем делать сообщение относительно Москвы в XIV—XV вв.

ИЗ ДНЕВНИКА ПОЕЗДКИ НА ЧУДСКОЕ ОЗЕРО

(1958 г.)

30 июня. ...Псков произвел большое впечатление и на этот раз даже не своей древностью (я был в Пскове третий раз), а своим явно преуспевающим благоустройством и зеленью. Цементируют кремлевскую и городскую стену. Это портит ее внешний вид, но сейчас это способ спасти ее от неминуемого разрушения...

1 июля. Утром неудача. Пришли в музей и так ничего и не добились. Зато около 4 часов дня добился разговора с Демочкой (И. Н. Демочка — зампред Облсполкома. — *Ред.*) и по его приглашению приехал в Облсполком. Он повел меня к Богданову, председателю Облсполкома и потом ко второму секретарю Обкома Михаилу Степановичу (первый секретарь М. Н. Канунников был в отъезде). Прием везде был прекрасный, работами нашими интересуются, обещают помочь, а Демочка и так помогает. Вечером в номер пришла И. К. Голунова, работник музея в Пскове, наша бывшая студентка, и рассказала об экспедиции, из которой только что вернулась, предлагала нам лететь на вертолете, но мы решили ехать на пароходе.

2 июля. Ночь почти не спал, а в 4 часа 30 мин. утра пришла машина от Облсполкома и повезла на речной вокзал. В 5 час. 30 мин. «Александр Невский» отошел от пристани. Это небольшой пароход с салоном на носу, двумя каютами в трюме и несколькими скамейками на корме и по бокам трубы. Народу относительно немного, везут мебель, нравы патриархальные, но не грубые, ехали школьники (лет 10—12) из интерната... Вот и Великая с

ее высокими берегами, Снеготорским монастырем и храмами, рукава и простор Псковского озера. В Самолве нас встречал настоящий руководитель экспедиции Г. Н. Караев. На газике доставил нас в село, где уже снята для меня комната у Якова Ивановича и Евгении Тимофеевны Калининных. После отдыха был на отчете участников экспедиции, которые ежедневно в 8 час. 30 мин. вечера проводит Караев. Дело очень сложное. Металлоискатели показывают металл, но пока еще ничего нет; аквалангисты заняты, но со дня поднимают ил и пр. Часто металлоискатели показывают металл, а на деле оказываются валуны.

3 июля. На вертолете летали в Гдов. Там нас водил местный учитель средней школы Николай Владимирович Иванов, небольшой подвижный старичок, моих лет или немного постарше. Крепость в Гдове расположена своеобразно на небольшом возвышении у берега Гдовы. Это почти четырехугольник. Сторона, обращенная к реке, не имеет уже стены, зато стена сохранилась на значительном протяжении на противоположной стороне. Там очень ясно выражен и ров. Стена состоит из известковых плит, обложенных снаружи валунами, сильно осыпалась и попорчена. Ее древняя часть под валунами. На месте собора и других зданий — пустыри. Собор был взорван фашистами, непонятная подлость, бесцельная злоба мелких людей, мечтавших угнетать мир.

Характерная особенность: Гдов расположен в нескольких километрах от озера. Наша чудесная машина привлекала множество мальчишек, заполнивших лужок до отказа и два часа атаковавших вертолет. Экипаж вертолета состоит из молодых и очень милых людей от 22 до 25. Чем больше я сейчас встречаюсь с молодежью, тем больше ее начинаю любить. Это новое и хорошее племя, пусть же растет и возвышается (плагиат из Хронографа). Н. В. Иванов заслуживает всяческого уважения, собрал коллекцию монет с 1700 г., топоры, ядра и пр. Немного, но как это почтено, — живая душа.

Раньше Гдова спускалась у Городища. Возможно, там и было городище, но выражено это слабо, к тому же стоит оно одиноко, вдалеке от озера и реки. Есть большой лужок, заболоченный, и остаток какого-то протока, остальное дополняется воображением. Г. Н. Караев ищет здесь волок от названия «Волонья», и я не спору. Думаю, впрочем, что волока не было... В школе показывали песок с примесью железа. Вот в этом разгадка валунов, которые показывают примесь металла.

4 июля, пятница. Летали на вертолете в Пнево, стоящее на самом узком месте Теплового озера, на другом берегу Мехикорми с красивым белым маяком. Пнево стоит рядом с мысом, вытянутым к озеру, теперь голо, но еще недавно, по рассказам стариков, был здесь сосновый бор с вековыми деревьями. У самого мыса песчаные холмики, и в одном из них находят много человеческих костей, а как рассказал Иван Николаевич Светцов (ему 75 лет, рыбак), его мать находила там медные пряжки и булавки. Молодой парень подтвердил, что и при нем там находили ржавые железные пожи. Гулявшие школьники принесли керамику с орнаментом, найденную там же. Видимо, тут было когда-то кладбище, но известие о нем крайне сбивчиво; говорили даже о чугунных ядрах. Светцов сказал, что есть предание о том, что Измена (Мехикорми) получила название потому, что там была «смена» (!) войск.

Из Пнева мы прилетели в Мехикорми. Здесь все называли селение и русским названием — Измена, упоминая, что к северу от него имеется Пикузице или «Старая Узмень», но было уже поздно, и в Узмень мы не попали, возвращались вдоль эстонского берега над о. Пересари... Вечером состоялся мой доклад в клубе. Собралось много народу, дважды хлопали. Доклад, видимо, понравился...

6 июля, воскресенье. Ясный, но холодный день, в 4 час. вчера ходили на Кобылье городище. Теперь оно, впрочем, довольно красиво и в то же время нелепо называется «Курганом Александра Невского». Городище стоит на небольшом холме, на берегу озера. В центре его церковь, а кругом низкая каменная ограда из валунов с прекрасным кладбищем. Существование здесь городища доказано раскопками П. И. Раппопорта. Он откопал две деревянных бревенчатых стены к северу от церкви, наружная стена была обуглена, что соответствует рассказу летописи 1463 г. о сожженном немцами городке. Видимо, про-

странство между деревянными стенами было набито землей. Городище было значительно пространнее нынешней церковной ограды, но повышение его над окружающей территорией очень незначительно. Церковь, вернее, ее старый прямоугольник с пофронтонным покрытием, прекрасно сохранилась, только сделаны наличники у боковых окон и растесано окно в алтаре. Глава покрыта по-московски в виде луковичы, а не псковского шлема. Особенно хорошо сохранилась абсида (вернее 3 абсиды — для престола, жертвенника и диаконника). Церковь украшена по абсиде и главе обычным псковским узором из чередующихся углублений. Внутри обычная тесная псковская церковь с открытой главой и толстыми столбами, в куполе, на стенах, в алтаре много голосников. В целом это великолепный образец псковской архитектуры (построена церковь в 1462 г.). К четырехугольнику пристроен притвор и колокольня XIX в. Все содержится в прекрасном порядке...

Городище — место поэтичное, стоит на крутом берегу озера. И широкий его простор и тихая деревня с ладными, хотя и бедными домами, и белая древняя церковь, и блеклое вечернее небо с ослепительным солнцем, уже топящим в озерных водах, все это так много говорит воображению.

7 июля. Пасмурный холодный день, вертолет не прилетел. В час дня поехали на озеро с Г. Н. Караевым на катере, приспособленном для водолазов. Останавливались в воротах между островами, у Вороньего острова. Водолаз Горун, молодой коренастый человек южного типа (он украинец, но дед его был турком). Горун трижды был в воде. В воротах под водой лежит большой камень, метров в 11 длиной, в 4—5 шириной, видимо, взорванный, потому что, по словам водолаза, он покрыт обломками и даже заметны остатки шурфов. Поверхность его скрыта под водой, примерно на 2 метра: Горун стоял на камне с лопатой в согбенной руке и лопата высовывалась наполовину. Высота камня от дна 4—5 метров (более точно в материалах). Это, возможно, и есть Вороний камень на дороге из Пскова к Гдову и Кобыльему Городищу, а в другую сторону к Дерпту (Тарту). К камню под водой примыкает стена, метров в 7 шириной (длина и ширина ее пока точно не выяснены). Горун достал из-под воды камень из стены, это бурый известняк, с одной стороны он явно обработан. Вернулись раньше обычного — к 7 час. вечера...

9 июля, среда. ...В 11 час. вылетели на вертолете. Летели через озеро к Эмайги (Омовже наших летописей) до моста на ней, потом обратно и сели на Перисари. Местность в устье Омовжи пустынная, но дальше начинается красивая равнина с распаханными полями и селениями, а вдали маячит возвышенность... К. А. Смирнов рассказал следующее со слов стариков (ему самому 55 лет), слышал он этот рассказ мальчиком 8—10 лет (значит, до мировой войны) от деда (а не от отца, как он сам подчеркнул): «Старики говорили, что немцы стояли в Парапале (парапал), а русские у Вороньего камня; немцев было больше, и русские пошли на хитрость, разделившись на два отряда (один сел в засаду). Немцы начали наступать, а русские заманили их на плохой лед. Место для немцев было чужое, и они не знали состояния льда; не столько немцев было побито, сколько утонуло». Вот смысл рассказа, очень вероятно рисующего битву. Но что это, легенда или позднейшее припоминание, сказать трудно...

10 июля, четверг. ...Вечером я ходил к Ив. Ив. Колосову, рыбаку. Он читал картошку вместе со своей старухой и был воинственно настроен, сдав свой тон только тогда, когда узнал, что мне уже 65 лет. В моей фигуре и лице так все посредственно, что это вредит мне всю жизнь. «Маленькая собачка — всю жизнь щенок». Из рассказа его я вынес одно важное указание: на эстонском берегу стояла деревня Старая Узмень (к северу от Измены, или Мехикорми), километрах в двух от нее к Чудской Руднице существовал перевоз (Г. Н. с удивительным упорством отвергает эту узмень, выдвигая свою). Спросил его о слабом льде. Он показал его так: слабый лед от Вороньего камня к Городищу («большие ворота»), от Вороньего камня к о. Станок («малые ворота»); напротив Чудской Рудницы третий слабый лед, где «тина», «гороб» — возвышения; внизу Вороний камень всегда был под водой метра на полтора...

11 июля, пятница. Утром киношники увлекли меня с Г. Н. Караевым в путь, снимали зачем-то в лесной деревушке за Козловым и, наконец, доставили в Колу, где хотели сделать снимок с креста с соответствующим кадром, но пошел сильный дождь. Скрылся у некоего десятиклассника Валерки, который принес крест к аппарату. Посидели 2 часа и уехали. Мать Валерки вначале ему говорила, что не надо кончать школу, а после моего разговора с ним столь же горячо увещала его кончить ее. Оказалось, что десятилетка в Самолве закрылась и надо ехать учиться в Ям... По моей просьбе Валерка отнес крест в часовню, а мы с Г. Н. Караевым уехали в Самолву. Вороний камень и здесь знают. Вечером пришли аквалангисты во главе с Кипкало с просьбой помочь им организовать лабораторию при Академии наук. Придется помочь, еще одно дело к сотне других, а помочь надо.

12 июля, суббота. Выехали из Самолвы на буксирном катере «Судак» в 6 час. утра. За о. Перисари озеро несколько взволновалось, но в целом было чудесное, хотя и холодноватое утро. Ехал всю дорогу на палубе и даже не заходил в каюту... Интересно устье Эмайыги (Омовжи), все в рукавах и необозримых полях камыша, пустынно, летают дикие утки и чайки. Затем берега становятся выше, к ним начинают подходить рощи. Только с остановки «Кастры» становится оживленнее. Название «Кастры» симптоматично, не говорит ли оно о «немецком костре», укреплении, о разорении которого сообщает псковская летопись. Вид на Тарту с реки некрасивый, но сам город хорош...

ЯРОСЛАВОВО ДВОРИЩЕ¹

...В сущности говоря, в нашей историографии вопрос о городах XII—XV вв., пожалуй, самый неосвещенный. По крайней мере, нельзя указать сколь-нибудь полную монографию по этому вопросу. Между тем известно, что в западноевропейской историографии вопрос о средневековых городах занимает очень видное место. У нас отсутствие таких монографий объясняется в значительной мере тем, что наши письменные источники по городам незначительны. Отсюда возникает необходимость использовать не только эти письменные источники, но и целый ряд материальных памятников. В этом смысле работа А. А. Строкова и представляет громадный интерес.

Тов. А. А. Строков рассматривает и изучает Ярославово дворище, с которым связано не только в новгородской, но и вообще в русской истории множество исторически важных моментов.

Мне думается, что самый выбор темы очень правильный. Пожалуй, в самом Новгороде, кроме Кремля, не найдешь другого, столь же интересного места. В некотором смысле изучение Ярославова дворища даже интереснее, чем изучение Кремля, потому что Ярославово дворище имело характер определенного правительственного центра в Новгороде, центра, не связанного прямым способом с церковью, тогда как подобные центры, связанные с церковью, с отдельным епископом, монастырем, нам известны больше, чем комплекс, подобный Ярославову дворищу.

Я считаю, что эта работа вносит очень много нового. Прямо надо сказать, что свойственная А. А. Строкову скромность даже мешает до некоторой степени понять важность этой работы.

Дело в том, что когда приезжаешь в Новгород, смотришь раскопки, которые там произведены, становится все яснее, что эти раскопки, это изучение ставят задачу очень большую: восстановление облика древнерусского города. Укажу, например, на то, что не далее, как в этом году в Кремле раскопан был целый древний город XVI в. и передо мною воочию предстал древний настил мостовой, расположенные по бокам улицы различные деревянные срубы, колодцы, т. е. то, о чем мы читаем обычно в описании города XVI в., но чрезвычайно плохо восстанавливаем в своем зрительном воображении.

¹ А. А. Строков. Ярославово дворище. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1939.

Рассматривая работу А. А. Строкова, я укажу, что ему удалось доказать целый ряд интереснейших вещей. С одной стороны, конечно, несомненно, что самая территория Ярославова дворища становится для нас гораздо яснее после этого изучения. Становится несомненным и то, что здание Вечевой грядницы, которое все время было в забросе и сейчас незаслуженно плохо содержится, хотя это исключительное по своему историческому значению здание, стало для нас гораздо яснее по своему характеру и значению.

Для нас очень интересны наблюдения над самой площадью Ярославова дворища. Они, по-моему, приводят к самым серьезным результатам. Если действительно в X в. на месте Ярославова дворища, на месте Новгорода, пока не было еще большого поселения, для нас ясным становится существование более древнего поселения в районе Ладоги или Старой Руссы. Опять-таки вопрос чрезвычайно интересный и чрезвычайно важный.

Очень любопытными являются и наблюдения над внутренним обликом города. Ведь вопрос о мостовых представляется как будто бы очень небольшим, но в действительности он раскрывает нам интересные страницы в бытовой истории древнего города.

Дело в том, что уже «Русская Правда» знает об этой мостовой. Устав Ярослава говорит о мостовой определенно. Есть и еще памятники, не привлеченные А. А. Строковым, которые показывают, что эти мостовые существовали и в других городах. Например, в XIII в. существовали такие мостовые в Ярославле. В сказании о перенесении мощей [ярославских князей] говорится, что люди убивались от плача, ударялись о помост мостовой. Следовательно, там тоже есть подобное же замощение улиц.

Если принять во внимание все, что написано в этой диссертации, то ясно, что в ней мы имеем очень большое положительное серьезное явление. Но, как и во всякой работе, не обошлось, конечно, и без некоторых увлечений, несколько «новгородского характера», что и естественно для А. А. Строкова как человека, постоянно работающего в Новгороде...

Для меня остается непонятным, каким образом произошло переселение из Кремля в Ярославово дворище, из Ярославова дворища на Рюриково городище. По тезисам и по самой работе выходит так, что в Кремле сидели до конца XI в., потом переехали на Ярославово дворище, потом, после восстания 1136 г., переехали на Рюриково городище. Тогда возникает вопрос: с чем связаны эти переезды? Что было раньше на Ярославовом дворище? Все-таки оно носит имя Ярослава, но появилось тогда, когда приписать его название Ярославу Всеволодовичу (XIII в.) невозможно. Поэтому и замечание о том, что вечеые собрания в начале XV в. на поле созывались, может быть, на месте Ярославова дворища, где якобы было поле, представляется мне недоказанным.

Неясными остаются частные вопросы, которые требуют дальнейшего изучения. Например, взять вопрос о мостовой из челюстей. Это факт, против которого нельзя возражать. Мы имеем значительную площадь, замощенную этими челюстями, — свидетелями являются все присутствующие и целая армия студентов МГУ. Это, действительно, так. Но все-таки самый способ мощения изумительный: собирать челюсти и мостить ими определенный участок — это что-то странное, и как-то объяснить это нужно. Во всяком случае, это факт, выходящий из обычных наших представлений.

Далее, вопрос с водопроводом — очень серьезный вопрос. Ваше мнение все время колеблется между двумя моментами: не то это водопровод, который передает воду, не то это сточные трубы, по которым течет вода в болотистой местности. Когда я был в Новгороде, мне В. А. Богушевич говорил такую вещь, что подобные трубы устраивались в Новгороде для дренажа и ссылались на Веряжский монастырь, где в XVI в. построен был такой дренаж, ибо здания стали разрушаться. В связи с этим важно выяснить, что представлял собою этот водопровод.

Я считаю, что напрасно Вы так уж настаиваете на том, что Новгород по своей культуре был выше западноевропейских городов. Ведь все-таки города городам рознь. Например, насколько я знаю (я не специалист по [западному] средневековью), но мне представляется, что города, например, итальянские, сицилийские, некоторые византийские города имели прекрасные водопроводы.

*Могила М. Н. Тихомирова на Новодевичьем
кладбище*

Я думаю, что на этом не стоило бы останавливаться,— отметить только высокую культуру и водопровод, отметить, что вопрос о водопроводе требует дополнительного разрешения.

Я видел эти знаменитые повгородские трубы. Я не археолог, но если бы меня спросили: двенадцатый это век или тринадцатый, я бы, вероятно, сказал, что это XVIII или XIX вв.— настолько хороши трубы. Может быть, там есть такие условия, что они так хорошо сохранились. Надо произвести анализ труб и как-то ответить и на этот вопрос научно, а не ограничиваться заявлением, что был водопровод, что в Киеве его не было, а в Новгороде был...

Эта работа по изучению древнего города сама по себе настолько ценна, что заставляет обращать на себя особенно большое внимание. Я высказываю пожелание, чтобы, как Вы и собираетесь это сделать и как некоторые москвичи на этом настаивали, часть раскопок была оставлена для того, чтобы этот древний город был перед глазами нашими, тогда многие вопросы станут нам более ясными...

Я считаю, что некоторые общеисторические вопросы при обработке диссертации Вам следует углубить. В частности, вопроса о происхождении веча не имело смысла касаться в такой категорической форме. Вы становитесь на определенную точку зрения, а вопрос о вече далеко не так прост и не так еще решен, как он представляется.

Все эти замечания мои ни в какой мере не лишают вашу работу того большого значения, какое она имеет...

КОММЕНТАРИИ

Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов

Данная статья является текстом доклада, прочитанного М. Н. Тихомировым 13 апреля 1954 г. на сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией. Опубликована в журнале «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 19—26. В тексте статьи М. Н. Тихомиров ссылается на старые издания источников Н. Серебрянским (стр. 18) и издание «Истории Монголов» Иоанна де Плано-Карпини (стр. 21). Их новейшие издания: В. И. Малышев. Житие Александра Невского (приложение).—ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 188; *Джиованни дель Плано Карпини. История монголов* — *Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны*. М., 1957, стр. 67.

Киевская Русь

Публикуется на русском языке впервые по машинописному тексту, хранящемуся в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 21а, лл. 1—32). В 1950 г. с незначительными сокращениями и редакционными изменениями была опубликована на украинском языке в «Наукових записках Інституту Історії АН УРСР», т. III, стр. 18—35. Отдельные сноски, отсутствующие в машинописном тексте, восстановлены по украинской публикации. Работа Б. Д. Грекова «Киевская Русь», на которую ссылается М. Н. Тихомиров (стр. 32) была после 1944 г. дважды переработана и значительно расширена автором (см. ее последнее издание: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 11—410). Во втором переработанном и дополненном издании своей монографии «Древнерусские города» М. Н. Тихомиров называет 135 новых городов в XII в. и определяет их общее количество около 300 (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 33—43).

Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.

Работа опубликована отдельным изданием в 1955 г. (М., 280 стр.). Она явилась продолжением исследования истории Древней Руси, результаты которого были изложены в монографиях: «Исследование о «Русской Правде» (М., 1941) и «Древнерусские города» (Изд. МГУ, 1946). Рассказывая об истории создания этой работы, М. Н. Тихомиров писал: «Некоторые из моих научных работ первоначально возникли в виде курсов лекций и только позже оформились в монографии... Сейчас выходит моя книга о крестьянских и городских восстаниях на Руси XI—XIII веков, основанная на курсе лекций, прочитанных на историческом факультете» («Московский университет», 7 мая 1955 г.). Михаил Николаевич имел в виду специальный курс, читавшийся им в 1950—

1953 гг. для студентов, специализирующихся по истории СССР. За эту книгу Ученый совет Московского университета присудил М. Н. Тихомирову в 1957 г. Ломоносовскую премию.

В соответствии с характером настоящего издания опущены помещенные в книге 44 иллюстрации и 44 заставки, подобранные Н. А. Баклановой и М. В. Щепкиной. Как и в других работах М. Н. Тихомирова, они существенно дополняли текст и были с ним органически связаны.

Большую часть ссылок на летописи М. Н. Тихомиров в данной работе дал по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям издания 1872 и 1871 гг. В тех случаях, когда в тексте не указывается год, к которому относится ссылка, в квадратных скобках даются сноски на издание этих летописей в первом и втором томах ПСРЛ 1962 г.

Работа М. К. Каргера, на которую М. Н. Тихомиров ссылается на стр. 143, вошла в двухтомную монографию М. К. Каргера «Древний Киев» (т. I. М.—Л., 1958, стр. 298—328).

Ряд новых материалов, связанных с житием Авраамия Смоленского, о котором М. Н. Тихомиров говорит на стр. 278, содержится в статье Б. А. Рыбакова «Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». — «Советская археология», 1964, № 2, стр. 179—187.

Условное феодальное держание на Руси в XII в.

Работа опубликована в сборнике «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия» (М., 1952, стр. 100—104). Новейшее издание Законника Стефана Душана, на который ссылается М. Н. Тихомиров (стр. 337), — «Законник царя Стефана Душана 1349—1354» (Београд, 1960).

О частных актах в Древней Руси

Опубликована в «Исторических записках» (т. 17. М., 1945, стр. 225—244). Связывая вопрос о подлинности источников с более общим вопросом об уровне социально-экономического и культурного развития древней Руси, М. Н. Тихомиров в 40—60-х годах не раз возвращался к его рассмотрению. Пересмотрел свои взгляды по данному вопросу и С. Н. Валк. Как бы подводя итоги полемики, М. Н. Тихомиров в 1962 г. писал: «В дореволюционной литературе господствовало представление о крайне слабом распространении актовой (деловой) письменности в древней Руси. Poleмику по этому вопросу, поднятую советскими учеными 20 лет тому назад, теперь можно считать разрешенной. Древняя Русь имела довольно распространенную актовую письменность, как это доказали находки берестяных грамот в Новгороде, сделанные экспедицией А. В. Арциховского (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, стр. 100).

Новгородские грамоты, которые М. Н. Тихомиров на стр. 349, 350, 366 цитировал по изданию Г. Е. Кочина 1935 г., вошли в состав полного научного издания «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М.—Л., 1949).

Устные указания В. Н. Лазарева о фресках Антониева монастыря, на которые ссылается М. Н. Тихомиров (стр. 364) нашли воплощение и развитие в монографии: В. Н. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. М., 1973, стр. 41.

Начало христианства на Руси

Настоящая статья является докладом М. Н. Тихомирова на конференции советских и английских историков в Лондоне в 1958 г. Опубликована на английском языке: «The Origins of Christianity in Russia». — «History», 1959, v. 44, № 152, p. 199—211. На русском языке публикуется впервые по машинописно-

му оригиналу, хранящемуся в Архиве АН СССР (ф. 457, оп. 1, д. 140, лл. 77—96). В английской публикации вместо польского ученого С. Микуцкого ошибочно был назван чешский историк Мареш.

Очерки по истории феодализма в Киевской Руси

Рецензия на книгу С. В. Юшкова опубликована в журнале «Историк-марксист», 1940, № 7, стр. 135—137. В последующих книгах и статьях М. Н. Тихомиров неоднократно ссылался на книгу С. В. Юшкова и полемизировал с ее отдельными положениями.

Ценный труд по истории Киевской Руси

Рецензия на 4-е издание книги Б. Д. Грекова «Киевская Русь» опубликована в журнале «Большевик», 1945, № 10, стр. 76—80. Незадолго до этого небольшая рецензия М. Н. Тихомирова на эту книгу была помещена в газете «Правда Украины», 21 февраля 1945 г. Основные положения ее совпадают с публикуемой рецензией.

В 1940 г. М. Н. Тихомиров выступил с большой рецензией на 3-е издание книги Б. Д. Грекова «Историк-марксист», № 2, стр. 147—150). Высоко оценивая эту монографию, он писал, что ее основной особенностью являются «богатство содержания и глубина выводов», что она стала настольным пособием для всех изучающих отечественную историю, что ее основная линия и большинство выводов правильны и хорошо аргументированы, что она способствует «движению вперед советской исторической науки».

Отмечая достоинства этой «ценной и полезной книги», М. Н. Тихомиров одновременно с этим сделал и ряд критических замечаний. Он отметил, что автор мог бы усилить свою аргументацию в отношении значения и уровня земледелия в древней Руси, использовав многочисленные названия сортов хлеба, указания на изготовление пищи из сельскохозяйственных продуктов, так часто встречающиеся в письменных источниках того времени, а также мифологию русских святых и связь их праздников с сельскохозяйственным календарем. По мнению М. Н. Тихомирова, автор недостаточно показал роль охоты, рыболовства и бортничества в древней Руси, а это привело к тому, что «несколько теряется общая историческая перспектива хозяйства древней Руси» и изменяется степень распространения и уровень земледелия в XI—XII вв. по сравнению с IX—X вв. В рецензии говорится также о том, что в книге Б. Д. Грекова обойдены вопросы о роли рабов в производстве, о военной организации того времени, неправомерно характеризуется как социальная категория «вдач», отсутствует четкость в вопросах о политическом единстве Киевской Руси и происхождении славян. М. Н. Тихомиров категорически возражает против применимости к Ярославичам термина «триумвират». «Триумвират?» Что же общего, например, между Святославом Ярославичем и Марком Антонием? — ставит он вопрос. — Если уж сравнивать правление Ярославичей с другими историческими явлениями, то на память приходит раздел империи Карла Великого между сыновьями Людовика Благочестивого».

В 4-м издании своей монографии Б. Д. Греков учел часть этих замечаний. В частности, им был написан специальный раздел «Организации вооруженных сил восточных славян и Древнерусского государства» (Б. Д. Греков. Избранные труды. т. II. М., 1959, стр. 11—410).

М. Н. Тихомиров в целом ряде своих работ ссылался на книгу Грекова и развивал положения рецензий на нее.

К пятилетию со дня смерти Бориса Дмитриевича Грекова

Статья опубликована в журнале «История СССР», 1958, № 5, стр. 51—58. В текст статьи автор включил отрывки из своей рецензии на книгу Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства» (изд. АН СССР, М.—Л.,

1944), опубликованной в журнале «Славяне», 1944, № 9. В свою очередь, положения и оценки, имеющиеся в публикуемой статье, были использованы М. Н. Тихомировым во вступительном слове на посвященном памяти академика Б. Д. Грекова заседании Археографической комиссии 3 октября 1958 г. Работы Б. Д. Грекова, которые рассматривает М. Н. Тихомиров в своей статье, вошли в состав I—IV томов «Избранных трудов» Б. Д. Грекова: «Полиция». — т. I. М., 1957, стр. 111—263; «Киевская Русь». — т. II. М., 1959, стр. 11—410; «Опыт обследования хозяйственных анкет...». — т. III. М., 1960, стр. 225—280; «Тамбовское именование М. С. Лунина». — т. III, стр. 281—329; «В. И. Ленин и историческая наука». — т. III, стр. 369—383; «История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского». — т. III, стр. 449—462; «Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад...». — т. III, стр. 463—466; «Новгородский дом св. Софии». — т. IV. М., 1960.

Откровения Чадвик о начале русской истории

Рецензия опубликована в журнале «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 112—115.

Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв.

Первый вариант этой работы был опубликован в 1939 г. в журнале «Знамя» (№ 3, стр. 209—229 и № 4, стр. 157—173) под названием «Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XV вв.)». С некоторыми изменениями и дополнениями она была издана в 1941 г. отдельной брошюрой под названием «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв.» (М., 67 стр.). В 1942 г. вышло два издания этой брошюры (М., 68 стр. и Свердловск, 70 стр.). В этом же году вышли сокращенные варианты этой брошюры на азербайджанском и татарском языках (Баку, 12 стр. и Казань, 12 стр.).

Настоящая работа публикуется по изданию 1941 г. В Архиве АН СССР хранится машинописный текст двух редакций статьи М. Н. Тихомирова на эту тему. Эта статья, как отмечается в ее тексте, представляет собой расширенный вариант доклада, посвященного 700-летию Ледового побоища, с которым М. Н. Тихомиров выступал на заседании Московского университета, находившегося в эвакуации в Ашхабаде.

Первая редакция статьи со сравнительно небольшой правкой (ф. 693, оп. I, д. 14) относится к 1942 г. Вторая редакция на 85 листах содержит многочисленные вставки, сокращения, изменения, составляющие не менее половины всего текста (там же, д. 15). Анализ этой правки показывает, что М. Н. Тихомиров несколько раз возвращался к статье (первый раз в конце 1942 — начале 1943 г., а последний уже после 1958 г.), о чем свидетельствуют внесенные им ссылки на новые издания. Работа М. Н. Тихомирова по переработке статьи осталась незавершенной.

Отдельным этапам и событиям борьбы русского народа с немецкой и шведской агрессией и героям этой борьбы посвящен целый ряд других работ М. Н. Тихомирова: «Сражение на Неве». — «Военно-исторический журнал», 1940, № 7; «Александр Невский» (В. И. Лебедев, В. К. Никольский, М. Н. Тихомиров). — «Наши великие предки» (М., 1948); «Александр Невский». — «Вечерняя Москва», 23 мая 1941 г.; переводы сказаний об Александре Невском и Ледовом побоище. — «Хрестоматия по русской военной истории» (М., 1947); перевод текста о Невской битве и Ледовом побоище из Симеоновской летописи. — «Хрестоматия по истории СССР» (М., 1960).

Работая над текстом, М. Н. Тихомиров пользовался изданием Лаврентьевской летописи 1871 г., Новгородской летописью по Синодальному харатейному списку издания 1888 г. и Псковской летописью по четвертому тому ПСРЛ издания 1848 г. В тех случаях, когда в тексте отсутствует точное указание на год, к которому относится цитируемый летописный текст, в квадратных скоб-

ках даются ссылки на новейшие издания этих летописей: ПСРЛ, т. I. М., 1962; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950; Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955. В транскрипции этнонимов, топонимов и гидронимов М. Н. Тихомиров следовал переводам «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, сделанным С. А. Аннинским, и других изданий, вышедших до 1941 г. Редакция не сочла возможным вносить изменения в авторский текст. Новые переводы некоторых источников опубликованы в сборнике «Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища». М.—Л., 1966 г. и в других изданиях. Распространенную ныне транскрипцию этнических и географических наименований см. в историческом указателе к «Очеркам истории СССР, IX—XIII вв.». М., 1953. Сказанное относится и к статье «О месте Ледового побоища».

О месте Ледового побоища

Опубликована в журнале «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. 7, 1950, № 1, стр. 88—91. Рассматриваемого вопроса М. Н. Тихомиров касался и в других работах, посвященных Ледовому побоищу, и специально занялся им в 1958 г. (см. приложения).

Издевка над историей (о сценарии «Русь»)

Рецензия на первый вариант киносценария «Александр Невский» опубликована в журнале «Историк-марксист», 1938, № 3, стр. 92—96.

Перечитывая ее через 35 лет после выхода на экран фильма гениального кинорежиссера, нетрудно заметить излишне резкий тон рецензии и наличие в ней некоторых необоснованных положений относительно введения в исторический фильм былинных и созданных сценаристами неизвестных по документам художественных образов. Однако и то, и другое продиктовано не стремлением во что бы то ни стало разругать сценарий, а заботой о создании полноценного, верного исторической правде кинофильма, который был бы гимном мужеству и подвигам предков в их борьбе за независимость Родины, служил бы высоким идеям советского патриотизма. После появления рецензии М. Н. Тихомирова было проведено обсуждение сценария «Русь», который был направлен на рецензию крупнейшему знатоку истории Новгорода, руководителю новгородской археологической экспедиции проф. А. В. Арциховскому. Основные положения его развернутой рецензии совпали с основными положениями рецензии М. Н. Тихомирова. С. М. Эйзенштейн и П. А. Павленко учли критику и пожелания, содержащиеся в рецензиях и дважды перерабатывали сценарий. Отвечая на критику, они писали: «...В результате большой работы, проделанной нами в сотрудничестве с историками, сценарий «Русь» закончил свое существование на страницах журнала. Преемником его является сценарий «Александр Невский», в котором, как нам кажется, мы сумели избежать исторических вольностей...» («Литературная газета», 26 апреля 1938 г.). Для участия в работе над фильмом в качестве консультанта был привлечен проф. А. В. Арциховский. Как он вспоминает, С. М. Эйзенштейн, несмотря на резко критический тон рецензии М. Н. Тихомирова, очень высоко ценил ее и принял большинство замечаний. Так, им была полностью снята «татаро-монгольская» тема сценария, устранены конкретно-исторические ошибки, проведена большая работа в отношении языка действующих лиц. Одновременно с этим С. М. Эйзенштейн отстаивал право художника на свою трактовку исторических и былинных персонажей, придание им новых черт, хронологическое смещение событий. Это получило наиболее яркое выражение в сохранении в фильме образа Василия Буслая и его матери.

Об истории работы над сценарием и фильмом «Александр Невский» С. М. Эйзенштейн рассказывает в «Автобиографических записках», опубли-

кованных посмертно в первом томе его сочинений. (*С. М. Эйзенштейн. Избранные произведения. В 6 томах, т. I. М., 1964, стр. 500*). В этом же издании опубликована последняя редакция сценария фильма «Александр Невский» с подробным комментарием редакции тома, в котором рассказывается о работе авторов сценария, его обсуждении и рецензировании (там же, т. VI. М., 1971, стр. 153—196 — сценарий, стр. 545—547 — комментарий).

Созданный по переработанному сценарию фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» стал одним из шедевров советского кино, а его создатели в 1941 г. удостоены Государственной премии.

В 1947 г. П. А. Павленко переработал сценарий в киноповесть «Александр Невский» (*П. А. Павленко. Избранное. М., 1949*). В этой киноповести, опубликованной и в посмертном издании сочинений, П. А. Павленко опустил подвергавшееся острой критике предисловие, но по непонятным причинам восстановил не только всю татаро-монгольскую часть сценария «Русь», но и все его фактические ошибки, исторические несообразности и огрехи языка действующих лиц, исправленные и отсутствующие в фильме (*П. А. Павленко. Собр. соч. в 6 томах, т. 6. М., 1955, стр. 190—191, 195—198, 202, 204, 206—209, 212, 214—220, 223—226, 230—231*).

Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской

На правах рукописи опубликована издательством «Московский большевик» отдельной брошюрой в 1944 г. Представляет собой обработанную стенограмму его лекции для пропагандистов. Ряд положений брошюры перекликается с характеристикой Дмитрия Донского и Куликовской битвы, которая была дана М. Н. Тихомировым в главе «Дмитрий Донской» книги «Великие русские полководцы», написанной им вместе с В. И. Лебедевым и В. К. Никольским и изданной Учпедгизом в 1943 г. Эта книга, где им были написаны также главы «Александр Невский» и «Михаил Кутузов» (последняя совместно с В. К. Никольским), была переиздана в 1948 г. и в 1949 г. издана на украинском, а в 1950 г. на венгерском языке.

Куликовской битве посвящен ряд работ ученого, опубликованных в 1953—1959 гг.: в БСЭ, изд. 2, т. 24; журнале «Советский воин», 1953, № 14 и 1955, № 17; журнале «Вопросы истории», 1955, № 8 и в книге «Повести о Куликовской битве», изд. АН СССР. М., 1959. В последнем издании помещены также его переводы редакций «Сказания о Мамаевом побоище» и комментарии к ряду текстов.

Древнейшая история г. Москвы XII—XIV вв.

Публикуется по тексту стенограммы заседания группы по истории Москвы при секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР от 19 июня 1940 г. Неправленная стенограмма этого заседания обнаружена С. Б. Филимоновым в фонде председателя группы П. Н. Миллера, хранящемся в Музее истории и реконструкции Москвы (ф. № 167, д. 18, лл. 1—60). Доклад М. Н. Тихомирова, его ответы на вопросы и заключительное слово дают возможность проследить начальный этап исследования одной из центральных тем его научного творчества, выяснить, как формировался его подход и поиски путей исследования сложных и спорных вопросов истории древней Москвы, как он искал новые аспекты изучения не раз использовавшихся его предшественниками письменных источников, выделение на первый план социально-экономических аспектов исследования. Характер вопросов и, в значительной части, прений показывает, с другой стороны, остроту столкновений новых направлений и аспектов изучения истории древнейшей Москвы и причин ее возвышения с традиционными взглядами и концепциями по этим вопросам.

Одновременно с этим обсуждение доклада позволило М. Н. Тихомирову увидеть ряд пробелов в своей работе. В работе над монографией «Древняя

Москва», написанной им в 40-е годы, он учел ряд замечаний и пожеланий П. П. Смирнова и других участников обсуждения. Так, им были привлечены и использованы археологические и филологические исследования, привлечен материал о вятичах, значительно расширен раздел о боярине Кучке и Кучковичах.

Поскольку целый ряд важных и принципиальных положений относительно времени основания и причин возвышения Москвы был выдвинут и обоснован М. Н. Тихомировым в ответах на вопросы и в заключительном слове, редакция сочла необходимым включить в публикацию его ответ на один из вопросов и сокращенный текст выступлений некоторых участников обсуждения. Что же касается заключительного слова М. Н. Тихомирова, то оно имеет не меньшее значение, чем сам доклад.

Стенограмма не была выправлена докладчиком и участниками обсуждения доклада, поэтому в ней имеются многочисленные опечатки и ошибки в написании фамилий, названий городов, рек, терминов и т. д. Редакция исправляла ошибки, не считая нужным оговорить эти исправления в ссылках или комментариях. В нескольких местах пришлось сделать некоторую стилистическую правку. Но к этому редакция прибегала лишь в случае крайней необходимости.

К тексту стенограммы приложено 12 листочков бумаги, на которых М. Н. Тихомировым были выписаны цитаты из источников, приводившиеся им в докладе. Почти все цитаты он давал не текстуально, а приближая их к современному русскому языку и современной орфографии. Эти особенности цитирования источников в докладе сохранены в публикации.

На уже упоминавшихся листках с цитатами, отданных после доклада стенографистке, имеются указания на источники и монографии, из которых они взяты. Эти указания внесены в публикацию в форме ссылок.

Из дневника поездки на Чудское озеро (1958 г.)

Публикуется с сокращениями по автографу, хранящемуся в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 3, д. 68, лл. 1—15). Вместе с дневником поездки М. Н. Тихомиров поместил вырезки из местных газет о Псковской земле и Ледовом побоище, кальки с карт, схем, планов Пскова и Псковского уезда, Чудского озера, его отдельных участков и предполагаемых мест Ледового побоища. Материалы об организации экспедиции, отзывы на планы, отчеты, выводы экспедиции составляют дела №№ 69 и 70а в его личном фонде. С итогами экспедиции и позицией М. Н. Тихомирова по этому вопросу связан и его отзыв на статью М. С. Ангарского «К вопросу о поисках места Ледового побоища» (ф. 693, оп. 1, д. 211, лл. 1—2).

Ярославо дворище

Публикуемая работа представляет собой выступление М. Н. Тихомирова в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации А. А. Строковым 25 декабря 1939 г. в Институте истории АН СССР. Публикуется с небольшими сокращениями по неправоначальному экземпляру стенограммы заседания Ученого совета (Архив АН СССР, ф. 1577, оп. 2, д. 32, лл. 14—19).

Как установлено сейчас, открытые в Новгороде колодцы с идущими к ним деревянными трубами являются не водопроводом, а дренажными сооружениями (См. А. Ф. Медведев. Водосточные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 55. М., 1956, стр. 208—227).

В. А. Богушевич, на которого ссылается М. Н. Тихомиров, в то время работал зам. директора Новгородского музея.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абель, сын датского короля Вальдемара II 332
Абрамович Д. И. 91
 Авраам, библейский персонаж 59
 Авраамий, архимандрит Богоявленского монастыря в Ростове 95, 270
 Авраамий, смоленский святой 195—197
 Адальберт, германский епископ на Руси 267
Адрианова-Перетц В. П. 12, 60
 Азик, староста Шенкурского погоста 245
 Акинат (Хониат) Никита, византийский писатель, 32, 181
 Алеса Михалевич см. Варлаам Хутынский
 Александр, великий князь литовский 353—354, 357
 Александр, епископ дерптский 341
 Александр, князь псковский (XIV в.) 351, 364
 Александр Македонский 329
 Александр Попович, ростовский боярин 198; *ср.* Алеша Попович
 Александр III, папа римский 309
 Александр IV, папа римский 337, 338
 Александр Ярославич Невский, князь новгородский и владими́ро-суздальский 6, 65, 224, 225, 227—231, 254, 332, 329—331, 334—338, 342, 345, 361, 362, 366, 367, 369—374, 376—378, 381, 383, 384
Александровский М. И. 399, 402
 Алексей, митрополит московский 385
 Алексей Комнин, император византийский 32
 Алеша Попович, былинный герой 198, 199
 Алимпий, иконописец, монах Киево-Печерского монастыря 75
 Альберт фон Аппельдерн, епископ Ливонского ордена 310—311, 313—316, 318—321, 323—325
 Амартол Георгий, византийский историк 371
Амвросий, архимандрит, историк русской церкви 249, 250
 Амелфа Тимофеевна, мать легендарного новгородского богатыря Василия Буслаева 376
 Ананий, новгородский посадник 226, 227
 Анастас Корсунянин, священник, сборщик церковной десятины при Владимире Святославиче 271
 Анбал Ясин, ключник, участник заговора против Андрея Боголюбского 37, 200, 234—236
Ангарский М. С. 417
Ангелов Димитр, болгарский историк 34
 Андреас фон Вальвеа, провинциальный магистр в Ливонии 366
 Андреас фон Стирланд, провинциальный магистр в Ливонии 366
 Андрей, апостол, легендарный креститель Руси 262
 Андрей, игумен Антониева новгородского монастыря 251, 252
 Андрей, стольник новгородского архиепископа Антония 217, 218
 Андрей Александрович, князь московский 363

* Указатель составлен Н. Б. Шеламановой. Фамилии авторов исследовательских, коллективных и популярных трудов, составителей описаний источников набираются курсивом и даются без пояснений.

Андрей Юрьевич Боголюбский, князь владими́ро-суздальский 24, 36, 197—204, 233—237, 362, 391, 393

Андрей Ярославич, брат Александра Невского 334

Андроник, ученик апостола Андрея 262
Андроник Комнин, византийский император 32

Анна Ивановна, русская императрица 190, 290

Анна, дочь Ярослава Мудрого, французская королева 35

Аннинский С. А. 192, 364, 415

Антоний, архиепископ новгородский 217, 218

Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович), архиепископ новгородский, совершивший в конце XII в. путешествие в Царьград 245, 247, 248

Антоний, иеромонах 324

Антоний Великий 253

Антоний Римлянин, основатель Антониева монастыря в Новгороде 56, 62, 69, 158, 240, 241, 245, 248—257, 367

Арабшах (Арапша), татарский царевич 385

Арбузов Л. А. 325, 329, 354, 355, 366

Арнольд, немецкий хронист 314

Арсений, архиепископ новгородский 217, 218, 220, 248

Арсений, иеромонах, описатель рукописей 241

Арицховский А. В., 13, 69, 157, 158, 214, 215, 415

Асень, вождь восставших болгар 32

Аскольд, легендарный князь киевский 264

Аспарух, болгарский хан 283

Ахмат, хан Золотой Орды 397

Байер Г. З. 290

Бакланова Н. А. 412

Бархударов С. Г. 243, 261

Басили, грузинский историк 36

Батый, хан Золотой Орды 224, 328, 376, 382, 383

Баумгартен 261

Бахрушин С. В. 261

Бела III, венгерский король 33

Бела IV, венгерский король 27

Белов Г. 78

Белявский М. Т. 10

Беляев И. Д. 289

Беркай, татарский «численник» в Новгороде 229, 230

Берке, хан Золотой Орды 376

Бертольд, епископ Ливонского ордена 310, 313

Бескровный Л. Г. 2, 369

Бестужев-Рюмин К. Н. 29, 90, 97, 110

Биргер, ярл, правитель Швеции 254, 330, 331, 366, 367

Бирон, фаворит императрицы Анны Ивановны 190, 290

Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович, герой Куликовской битвы 387, 388

Богуслав, новгородец, брат тысяцкого Вячеслава 217

Богусевич В. А. 158, 342, 410, 417

Бодин Сербский, предводитель болгарского восстания 1073 г. 29

Болдуин, король крестоносцев в Палестине 36

Болеслав, князь польский 87, 90, 91, 95—97, 103, 110

Болеслав, новгородский староста 78, 160, 162

Борис, новгородский посадник 161

Борис, сын Владимира Мономаха 270

Борис, князь, сын Владимира Святославича, святой 129, 130, 138, 139, 141

Борис II, болгарский царь 30

Борис Годунов, царь 251

Борис Давыдович, князь полоцкий 190—192

Борис Мирошкинич, брат новгородского посадника Дмитра 206

Борис Негочевич, новгородский тысяцкий 220, 325, 326

Борислав, житель Торжка 213

Бородин А. П., русский композитор 21

Боян, легендарный певец 109, 112

Бравлин (Бранлив), легендарный русский князь 264

Брати́ло, новгородский ювелир 24

Бренко Михаил Андреевич, боярин Дмитрия Донского, герой Куликовской битвы 387, 388

Брячеслав Изяславич, князь полоцкий 91, 101, 104

Бунин А. И. 335, 336, 368, 369, 371—373

Буслаев Ф. И. 243

Бяндюк (Байдук), дружинник Владимира Мономаха 302

Валк С. Н. 69, 240—260, 412

Вальдемар II, датский король 310—312, 320, 325, 327

Варлаам (в миру — Алекса Михалевич), боярин, потом монах, основатель Хутынского монастыря под Новгородом 57, 69, 155, 156, 240—248

Варфоломей, английский хронист 31

Василий, псковский священник, автор жития Александра Невского 371

- Василий Александрович, сын Александра Невского, князь новгородский 225, 228
- Василий Буслаев, былинный герой 71, 376—380
- Василий Великий, церковный писатель 272
- Василий Константинович, князь ростовский 215
- Василий Мстиславич, князь новгородский 212
- Васильевский В. Г.* 29, 294, 414
- Василько, князь, сын Юрия Долгорукого 154
- Василько Борисович, князь полоцкий 190, 191
- Васята, староста Иванский в Новгороде 80, 160, 162
- Вернадский Г.* 302
- Видеман Ф. И.*, 305
- Вильгельм, норманский князь, завоеватель Англии 35
- Вильгельм Моденский, папский легат 316, 328
- Виноградов И. П.* 94
- Владимир, князь полоцкий 313—316
- Владимир, князь псковский 318, 319
- Владимир Андреевич Храбрый, князь серпуховской, герой Куликовской битвы 387
- Владимир Всеволодович Мономах, князь киевский 29, 30, 62, 71, 72, 131—150, 154, 161, 164, 165, 186, 209, 252, 276, 278, 302, 365
- Владимир, сын Всеволода Большое гнездо 394, 395
- Владимир, сын новгородского князя Всеволода Мстиславича 173
- Владимир Иванович, брат Дмитрия Донского 363
- Владимир Мстиславич, внук Владимира Мономаха 151, 152
- Владимир Ростиславич, князь тмутараканский 29
- Владимир Святославич, князь киевский 35, 39—41, 46, 83, 124, 162, 184, 235, 261, 265, 267—269, 283, 297
- Владимирко Володаревич, князь галицкий 152, 180, 278
- Владимирский-Буданов М. Ф.* 117, 169
- Власий, святой 266
- Володарь Глебович, князь полоцкий 189
- Волос (Велес) славянский языческий бог 47, 266, 270, 301
- Волос, челядин, упоминаемый во вкладной грамоте Варлаама Хутынского 57, 156
- Волх Всеславьевич, былинный герой 112, 113
- Волынский Григорий, судья в Новгороде 249
- Вонезд Водовик, новгородский посадник 223, 224
- Воронин Н. Н.* 125
- Врублевский А.* 90
- Всеволод — Дмитрий Константинович, князь ярославский 258, 259
- Всеволод Мстиславич, князь новгородский 62, 63, 158—162, 164, 166—179, 233, 245, 246, 252, 256
- Всеволод Ольгович, князь киевский 146, 147, 149, 152, 174, 180
- Всеволод Юрьевич, князь владимиро-суздальский, брат Андрея Боголюбского 203, 393
- Всеволод Юрьевич Большое гнездо, князь владимиро-суздальский 199, 206, 209, 215, 219, 221, 222, 258, 365, 394
- Всеволод Ярославич, князь черниговский 29, 100—102, 104, 110, 130, 140
- Всеволод, полоцкий князь в Герцике 306, 315, 316
- Всеслав Брючславич, князь полоцкий 101—105, 108—113, 120, 127, 152
- Всеслав Василькович, князь полоцкий 189, 305
- Вукала, пустынник 393
- Вячеслав, тысяцкий новгородский 217, 220
- Вячеслав Прокшинич, новгородец 248
- Вячеслав, чешский святой 267
- Вячко, новгородец 215
- Вячко Борисович, князь полоцкий 190, 191, 306, 315, 322, 323
- Гаврила, архиепископ новгородский 247
- Гаврила Гориславич, псковский воевода 332
- Гаврила на Любянице, новгородец; *ср.* Гаврила щитник
- Гаврила Олексинич, герой Невской битвы 330, 376
- Гаврила щитник, новгородец 219; *ср.* Гаврила на Любянице
- Гадзяцкий С. С.* 342
- Галковский Н. М.* 12, 47, 48, 69
- Гамерштетер, ливонец 357
- Гедеонов С. А.* 219
- Гейерманс Г. А.* 295
- Генрих Латвийский (Латыш), немецкий историк, автор Хроники Ливонии 38, 190, 305, 306, 309—324, 358, 360, 364, 415
- Генрих Лев, саксонский герцог 309
- Генрих IV, германский император 110
- Генрих VIII, английский король 300

- Герберштейн С., посол германского императора в России 357, 397
 Герман, епископ Дерпта 324, 331
 Герман Балке, ландмейстер ливонский 327, 328, 376, 379
 Герман фон Зальц, великий магистр Тевтонского ордена 327
 Геронтий, игумен Антониева новгородского монастыря 253
 Герполт, князь псковский 332
 Гиляров Ф. А. 392
 Гиппинг А. И. 344
 Глеб, князь рязанский 391
 Глеб, князь, сын Владимира Святославича, святой 129, 130, 138, 139, 141
 Глеб Всеславич, князь полоцкий 64
 Глеб Ростиславич, князь друцкий 186
 Глеб Святославич, сын киевского князя Святослава Ярославича 29
 Глеб Святославич, князь новгородский 120, 123, 127, 128, 130
 Годефруа, граф, руководитель крестоносцев в Палестине 36
 Голубинский Е. Е. 53, 241, 246, 248, 251, 261, 266, 270
 Голубовский П. В. 87, 193
 Голунова И. К., сотрудник Псковского областного музея 404
 Горбунов И. Ф., русский актер и писатель 378
 Горский А. В. 82
 Горун, вололаз, участник экспедиции по поискам места Ледового побоища 406
 Грацианский Н. Н. 312
 Греков Б. Д. 1, 3, 5, 22, 47, 49—51, 55, 65, 66, 86, 117, 125, 126, 129, 141, 143, 144, 159, 175, 176, 180, 236, 258, 261, 274, 275, 279—296, 411—414
 Григорий Богослов, церковный писатель 272
 Григорий VII, папа римский 272
 Грушевский М. 11
 Гумберт, кардинал 35
 Гурата Рогович, новгородец 305
 Давыд, князь полоцкий 190, 318
 Давыд, князь псковский 348
 Давыд, князь смоленский 194, 195
 Давыдка, сотник новгородской Софии 217, 218
 Далин О. 309
 Даль В. И. 66, 123, 220
 Даниил, игумен, путешественник в Царьград 36
 Даниил Александрович, князь московский 395, 403
 Даниил Заточник (Паломник) 36, 72, 85, 169, 207, 236
 Даниил Романович, князь галицко-волинский 16
 Данилевич В. Е. 306, 316
 Данило, новгородский посадник 169
 Даныслав, новгородский боярин или купец 164, 165
 Демочка И. Н., зампред Облисполкома Псковской области в 1958 г. 404
 Дир, легендарный киевский князь 264
 Дитлеб фон Альнпеке, предполагаемый автор Рифмованной хроники 364, 365
 Дитрих (Дидман) фон Кивель, вассал датского короля 333, 333, 343
 Длугош Ян, польский хронист 90, 97
 Дмитр Мирошкинич, новгородский посадник 205—210
 Дмитриев С. С. 2
 Дмитрий Александрович, сын Александра Невского, князь новгородский 339—342
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 6, 363, 376, 379, 381—389, 398, 416
 Дмитрий Иванович Шемяка, князь 351
 Дмитрий Константинович, князь суздальский 257, 258
 Дмитрий Константинович, князь угличский 258
 Дмитрий Михайлович, князь волинский см. Боброк-Волинский
 Добрыня, новгородский посадник князя Владимира Святославича 270, 299
 Довженок В. И. 52
 Довмонт, князь псковский 340—343, 367
 Домаш, предводитель отряда новгородцев 369, 370, 372, 373
 Дробинский А. И. 39
 Дудень, татарский царевич 343, 384
 Дуисбург, прусский хронист 327
 Душилец, липенский (новг.) староста 217, 218
 Дьяконов М. А. 287
 Дюбек Е. Ф. 403
 Дюк Степанович, былинный герой 302
 Евдокия, жена угличского князя Дмитрия Константиновича 258
 Евпраксия-Адельгейда, русская княжна, жена германского императора Генриха IV 35
 Евсеев И. Е. 137
 Евфросинья, полоцкая княжна, святая 19, 185, 190, 191
 Ермолин В. Д., русский архитектор, скульптор и летописец XV в. 19
 Есиф, автор письма на бересте (XIII в., Новгород) 69
 Ефросинья Брючславна, жена Александра Невского 376

Жебелев С. А. 294, 414

Забава Путятишна, героиня былин 144

Забелин И. Е. 390, 391, 400, 401

Зарубин Н. Н. 72, 236

Заходер Б. Н. 269

Зимин А. А. 166, 167, 170

Злобин С. П., советский писатель 6

Зутис Я. Я. 308

Зухенвирт Петер, немецкий поэт 350

Иван, епископ новгородский 252

Иван Васильевич III, великий князь московский 353, 354, 357, 358

Иван IV Васильевич, царь 249

Иван Войтишич, боярин Владимира Мономаха 149

Иван Горбатый, князь псковский 356

Иван Данилович Калита, князь московский 259, 384, 399

Иван Дмитриевич, новгородский посадник 215

Иван Дорогомилевич, псковский боярин 343

Иван Душильевич, новгородец 251

Иван Ростиславич Берладник, князь галицкий 26, 180—183

Иван Рученик, посол смоленского князя Ростислава Мстиславича 194

Иванка Прибышинич, новгородец, опонник 212

Иванко Тимошкинич, новгородец 215, 223

Иванко Чудинович, дружинник Владимира Мономаха 138, 141

Иванов Н. В., учитель из Пскова (1958 г.) 405

Иван, новгородец 215

Игорь, князь киевский 13, 162, 266, 267, 283

Игорь Ольгович, князь киевский 109, 147—152

Игорь Святославич, князь путивльский и новгород-северский, герой «Слова о полку Игореве» 31, 366

Иеремей, поп, посол Смоленска при заключении договора с Ригой в 1229 г. 194

Изяслав Давыдович, князь киевский 182

Изяслав Мстиславич, внук Владимира Мономаха 36, 149—154, 278

Изяслав Мстиславич, князь новгородский 63, 170, 255, 256

Изяслав Ярославич, князь киевский 100—104, 107, 108, 110, 111, 115, 130, 152

Изяслав Ярославич, князь новгородский 307

Илларион, митрополит киевский 40

Ильинский Г. А. 401, 404

Илья, архиепископ новгородский 256

Иннокентий III, папа римский 311

Иоанн Златоуст, церковный писатель 272

Иоанн Попьян, епископ новгородский 163

Иоанн Рыльский, болгарский святой 267

Иона, митрополит 181

Иордан, готский историк 304

Иосиф Волоцкий, церковный деятель 253

Ипатий Потей, униатский епископ 18

Исаак Ангел, византийский император 33

Исаак Сирин, церковный писатель 272

Исайя, епископ Ростово-Суздальской земли 270

Итларь, половецкий хан 71, 302

Казимир, князь поморянский 191

Казимир, король польский 349

Калинины Я. И. и Е. Т., жители Псковского села Самолвы (1958 г.) 406

Каменевич-Рвовский, польский писатель 392, 397, 403

Канунников М. Н., первый секретарь обкома КПСС Псковской области (1958 г.) 404

Канут, сын датского короля Вальдемара II 332

Караев Г. Н., начальник экспедиции по поискам места Ледового побоища 405—407

Карамзин Н. М. 276, 342, 393

Каргер М. К. 100, 412

Карл Великий, император франков 28, 34, 39, 413

Карский Е. Ф. 243

Касачик, татарский «численник» в Новгороде 229, 230

Кедрин, византийский историк 264

Кейсслер Ф. А. 314

Кербет, предводитель отряда новгородцев 369, 370, 372, 373

Кипкало, аквалангист, участник экспедиции по поискам места Ледового побоища 407

Кирик, монах новгородского Антониева монастыря, «вопрошатель» новгородского епископа Нифонта 156, 173, 174

Кирилл, создатель славянской письменности 262, 267

Кирилл Туровский, русский писатель 50, 58, 70, 272

Кирилл, игумен Антониева монастыря 249

Кириа Данилов, собиратель былин 164, 165
Кириянов А. В. 48, 49
Кисель Адам, польский магнат 18
Климент, епископ новгородский 73, 240, 241, 244
Климент VI, папа римский 263, 349
Климент Смолятич, митрополит киевский 64, 65, 192, 271
Ключевский В. О. 142, 190, 246, 248, 291
Княжнин А. Я. 21
Колосов И. И., рыбак на Чудском озере (1958 г.) 406
Кондаков Н. П. 241, 242
Константин, митрополит киевский 107
Константин, посадник новгородский 88, 89
Константин Багрянородный, византийский император 28, 266, 283, 404
Константин Всеволодович, князь ростовский 198, 394
Константин Микульчич, посадник новгородский 174, 175
Константин Святославич, князь муромский 270
Кончак, половецкий хан 31
Копыстенский Захарий, украинский писатель XVII в. 18, 41
Королюк В. Д. 96, 97, 98
Коснячко, киевский воевода 100, 101, 104—106, 130
Коста, новгородский ювелир 24
Костенческий Константин, болгарский и сербский писатель XV в. 20
Костомаров Н. И. 73, 210, 336
Кочин Г. Е. 8, 245, 246, 256
Кочкар, «милостник» киевского князя Святослава Всеволодовича 235
Кукша, монах Киево-Печерского монастыря, распространитель христианства на Вятке 154, 270
Кушелев-Безбородко 185
Куликов 399
Кучка Стефан, боярин, легендарный владетель Москвы 200, 236, 393, 394, 416
Лавров Н. Ф. 295
Лазарев В. Н. 254, 412
Лазарь, автор духовной 240, 241
Лазарь Моисеевич, новгородский посыл 339
Ланге 276
Ларионов И. Н. 373, 374
Лебедев В. И. 2, 258, 414, 416
Лев Дьякон, византийский историк 284
Левченко М. В. 264
Лейкин Н. А., русский журналист 379
Ленин В. И. 43, 55, 61, 98, 293, 414

Леонт, предполагаемый первый русский митрополит 271
Леонтий, епископ Ростово-Суздальской земли 270
Леонтий, псковский посадник 351
Леонтович Ф. И. 274
Лерберг А. Х. 346
Лихачев Н. П. 240
Ломоносов М. В. 290, 294
Лудольф, посол полоцкого князя Владимира в Ригу 315
Лука Прусин, «блаженный» смоленский 196
Лунин М. С., декабрист 294, 414
Лыжин Н. П. 189, 190
Любавский М. К. 395, 398
Любимов В. П. 295
Людмила, чешская святая 267
Лютер Мартин, глава реформации в Германии 355
Мавродин В. В. 93, 125, 181, 182, 184
Магнус, шведский король 347, 349, 350
Макарий, архиепископ, историк русской церкви 132, 261, 272
Максимейко Н. А. 237
Мал, князь древлянский 61, 299
Малк Любечанин 61, 299
Малуша, ключница княгини Ольги 235, 268, 299
Мальшиев В. И. 28, 38, 254, 365, 367, 411
Мамай, военачальник Золотой Орды 385—387
Мануил Комнин, византийский император 32
Марвази, арабский историк 269
Марина, княгиня, жена Всеволода (Дмитрия) Константиновича Ярославского 240, 241, 257—259
Маркс Карл 22, 27, 28, 42, 43, 67, 71, 72, 74, 76, 77, 106, 110, 130, 146, 164, 175, 205, 211, 232, 281, 282, 303, 311, 327, 337, 345, 368, 384
Мартин Галл, польский хронист 90
Мартьянов М. Н. 125
Марфа Борецкая, новгородская посадница 71
аль-Масуди, арабский историк 40
Матвеев Василий, «ржавившийся» на земли Шенкурского погоста 245
Матей Душильевич, новгородец, бирич, ябедник 213, 214, 218
Матфей, адресат письма на бересте (XIII в., Новгород) 69
Медведев А. Ф. 417
Мейнард, епископ Ливонского ордена 309, 310, 313
Мельников П. И. 125
Мефодий, создатель славянской письменности 262, 267

Микифор Киянин, дружинник киевского князя Изяслава Ярославича, 130
 Микифор сотский, новгородец 219; *ср.* Микифор Тудорович и Микифор щитник
 Микифор Тудорович, новгородец 215, 219; *ср.* Микифор сотский и Микифор щитник
 Микифор щитник, новгородец, 217—220; *ср.* Микифор сотский и Микифор Тудорович
 Миклошич Ф. 298, 299
 Микула, дружинник киевского князя Изяслава Ярославича 130, 131
 Микуцкий С. 266, 413
 Миллер В. Ф. 112, 145, 164, 165, 167, 209
 Миллер Г. Ф. 290
 Миллер П. Н. 416
 Миндовг (Мингайло), великий князь литовский 19, 337, 338
 Мирослав, дружинник Владимира Мономаха 138, 141
 Мирослав (Миروشка) Гюратинич, новгородский посадник 160—162, 168—170, 172
 Миروشка Нездинич, новгородский посадник, родоначальник рода Мирошкинчей 71, 204—206, 209
 Мисаил, игумен новгородского Антониева монастыря 249
 Митрофан, архиепископ новгородский 218
 Михаил, предполагаемый первый русский митрополит 271
 Михаил Всеволодович, князь черниговский, потом новгородский 215, 216, 220—223
 Михаил Пинешинич, посол в Новгород из Суздальской земли 229, 230
 Михаил VII, византийский император 29
 Михаил Степанович, новгородский посадник, родоначальник рода Михалковичей 205, 247, 248
 Михаил Ярославич, князь тверской 157, 238, 363
 Михаил Ярославич Хоробрит, князь московский 401, 403
 Михалка Степанович, новгородский посадник 226, 227, 229
 Михалка Юрьевич, князь владимиро-суздальский, брат Андрея Боголюбского 203
 Михалка Юрьевич, князь черниговский 391
 Миша, новгородец, герой Невской битвы 331

Моисей, новгородец 213; *ср.* Якун Моисеевич
 Моисей Угрин, монах Киевского Печерского монастыря 97
 Мосох, легендарный основатель Москвы 392
 Мстислав Владимирович, сын Мономаха, князь киевский 146, 147, 161, 164
 Мстислав Владимирович, князь новгородский 56, 63, 243—245, 252, 253, 256
 Мстислав Владимирович, князь черниговский 86, 91, 92, 95, 97
 Мстислав, сын киевского князя Изяслава 102—104, 106, 110, 111
 Мстислав Мстиславич Удалой, князь киевский 29, 210—213, 318
 Мстислав Романович, князь 208
 Мстислав Ростиславич, князь ростовский 202
 Муравьев А. В. 2
 Мутафчиев П. 31

Нажир, дружинник Владимира Мономаха 138, 140, 141
 Напиевский К. Э. 240
 Насонов А. Н. 12, 202, 225, 227, 228, 230
 Настасья, любовница князя галицкого Ярослава Осмомысла 180
 Невоструев К. И. 82
 Неврюй, татарский царевич 384
 Недачь, челядин, упоминаемый во вкладной Варлаама Хутынского 57, 156
 Нежата Твердятич, новгородский купец 174, 175
 Нездло, кожевник, новгородец 361
 Нестор, летописец 285
 Низами, азербайджанский поэт 40
 Никита, епископ новгородский 252, 253, 256
 Никифор, митрополит киевский 131, 132, 134
 Никольский В. К. 2, 414, 416
 Никольский Н. М. 65, 192, 261
 Нифонт, архиепископ новгородский 156, 173, 175, 255
 Нифонт, монах, автор жития Антония Римлянина 251, 252
 Ноздреча, новгородский боярин или купец 164, 165
 Ной, библейский персонаж 41
 Нянка Филипп, московский воевода 395

Обнорский С. П. 243
 Олег, князь киевский 29, 112, 259, 265, 266, 299

- Олег Иванович, князь рязанский 386
 Олег Святославич, князь черниговский 112, 113, 140, 141, 146
 Олег, сын киевского князя Святослава Игоревича 268, 269
 Олекса Сбыславич, новгородец, убитый Мирошкинцами 206
 Ольга, киевская княгиня 60, 61, 112, 162, 235, 266, 267, 283, 299, 300
 Ольгерд, великий князь Литовский 385
 Онтон, новгородец, котельник, 212
 Онцифор Лукинич, новгородский военачальник 350
Орешиков А. В. 242, 308
Орлов А. С. 31, 33, 85, 109, 185
 Остафей, псковский служилый князь 347
Островский А. Н., русский драматург 378, 379
 Отрок, челядин, упоминаемый во вкладной грамоте Варлаама Хутынского 57, 156
 Оттон I, германский император 39, 267
 Оттон фон Роденштейн, мейстер Ливонский 341
- Павел, апостол 262
Павленко П. А. 375—380, 415, 416
Павлов А. Н. 137
Павлов-Сильванский Н. П. 241, 393
 Пантелей, сотский смоленский, посол при заключении договора с Ригой 1229 г. 194
 Параскева Пятница, болгарская и русская святая 268
Пашкевич М. М. 261
 Пелгусий, старейшина в Ижорской земле 330, 376, 380
Передольский В. С. 79, 250
 Перенег, дружинник киевского князя Изяслава Ярославича 130
 Пересвет (Александр), монах Троицкого монастыря, герой Куликовской битвы 388
Перетц В. Н. 1
 Перун, языческий славянский бог 265, 266, 268, 269
 Порфирий, новгородский монах 247
 Петр, русский епископ 328
 Петр, вождь восставших болгар 32
 Петр, «Кучкова зять», участник заговора против Андрея Боголюбского 199, 393
 Петр I, русский император 343
 Петрило (Петрята), новгородский посадник 169
 Пимен, митрополит московский 396
Пиренн А. 78, 79
- Плано Карпини, итальянский путешественник 16, 44
Платонов С. Ф. 393, 394
 Плеттенберг, магистр Ливонского ордена 353—358
Погодин М. П. 177, 179, 290, 370
Покровский М. Н. 383
Полевой Б. Н. 6
 Поляков 399
Пономарев А. И. 59, 246
Попов Андрей 35
 Порфирий, монах новгородского Хутынского монастыря, в миру Прокша Малышевич 248
Пресняков А. Е. 40, 78, 117, 390, 401
Приселков М. Д. 120, 198, 200, 261
 Прокопий, белгородский тысяцкий, дружинник Владимира Мономаха 138, 140
 Прокопий (Прокшна, Прохн, Прокофий) Иванович, новгородец, сын посадника 247—250, 256
 Прокша Малышевич см. Порфирий
 Прохн Иванович см. Прокопий Иванович, новгородец
 Прохор, монах Киево-Печерского монастыря 135
Пташицкий И. И. 328
 Пугачев Емельян, предводитель Крестьянской войны в России 1773—1775 гг. 43
 Путята, киевский тысяцкий 133, 134, 136, 137, 144, 145, 165
Пушкин А. С. 21, 379
- Радищев А. Н.* 21
 Радк, новгородец 215
 Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны в России в XVII в. 43
Раппопорт П. И. 405
 Ратибор, киевский боярин Владимира Мономаха, тысяцкий 71, 138, 140, 141, 302
 Ратишка, новгородец 227
 Ратмир, слуга Александра Невского, герой Невской битвы 331
 Ратша, тиун киевского князя Всеволода Ольговича 147, 148
Регель В. Э. 39
 Рейнберн, католический епископ при дворе Святополка Владимировича 35
Ржига В. Ф. 46
 Римский-Корсаков Н. А., композитор 21
 Ровда, житель Шенкурского погоста 245
 Рогволод, князь полоцкий 305

Рогволод Борисович, князь полоцкий 186, 187, 189
 Рогнеда, полоцкая княгиня, жена Владимира, князя киевского 184, 305
Рожков Н. А. 205, 211, 213—215
Розанов Н. П. 399, 401, 404
Розанов С. П. 196
 Роланд, герой французского эпоса 39
 Роман Ростиславич, князь смоленский 194
Романов Б. А. 117
 Ростислав Глебович, князь полоцкий 186—188
 Ростислав, князь киевский 108
 Ростислав, сын Михаила Черниговского 223
 Ростислав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, князь киевский 153, 178
 Ростислав Мстиславич, князь смоленский 194
Рудный В. А. 6
 Руссов Бальтазар, ливонский хронист 348, 355, 356, 365
 Русудана, грузинская царица 36
Рыбаков Б. А. 3, 13, 24, 53, 68, 78, 99, 157, 411
 Савва, новгородец, герой Невской битвы 331
 Садко, былинный новгородский гость 158, 164, 165, 376, 377; *ср.* Сотко Сытинич
 Самсон, библейский персонаж 329
 Саутхемптон, хронист 39
Сахаров И. П. 241
 Сбыслав Якунович, герой Невской битвы 331
 Светцов И. Н., житель с. Пнево на Чудском озере (1958 г.), 405
 Святополк Владимирович (Окаянный), князь киевский 35, 87—90
 Святополк Изяславич, князь киевский 37, 131, 133—137, 140, 252, 253
 Святополк Изяславич, князь полоцкий 111, 127
 Святослав Всеволодович, князь киевский 234
 Святослав Всеволодович, князь новгородский 206, 207, 234
 Святослав Игоревич, князь киевский 29, 30, 61, 91, 162, 267, 268, 284, 285
 Святослав Мстиславич, князь смоленский 194
 Святослав Мстиславич, сын Мстислава Удалого 212
 Святослав Ольгович, князь новгородский 173, 175—177, 222, 233, 235

Святослав Ольгович, князь черниговский 109, 147, 148, 153, 390, 391, 397
 Святослав Ростиславич, князь новгородский 178
 Святослав Ярославич, князь черниговский, затем киевский 29, 91, 100—104, 110, 120—124, 126, 130, 413
 Святохна, княжна Поморьянская, жена полоцкого князя Бориса Давыдовича 189—192
 Сдила Савинич, новгородец 215
Седельников А. Д. 19
 Семен Борисович, новгородский посадник 214, 223, 224
 Семен Емин, новгородский тысяцкий 214
 Семен (Смехн) Иванович, посадничий сын, новгородец 249, 250, 256
Семенов П. В., русский географ 336, 373, 374
Сергеевич В. И. 276
 Сергей, новгородский архиепископ 278
Серебрянский Н. И. 15, 254, 341, 343, 365, 367, 371, 411
 Серов А. Н., композитор 21
 Сильвестр, игумен Выдубицкого киевского монастыря 285
 Сим, сын Ноя, библейский персонаж 37, 41
 Симеон, царь болгарский 268
 Симеон Данилович Гордый, великий князь московский 363
 Симон, волхв в Суздальской земле 123, 124
 Симон, епископ киевский 79
 Скарга Петр, иезуит, писатель 18
Скафтымов А. П. 112, 145
 Скилица, византийский историк 264
 Смехн *см.* Семен Иванович, новгородец
Смирнов И. И. 66, 193
 Смирнов К. А., участник экспедиции по поискам места Ледового побоища 406
Смирнов П. П. 399, 400, 402, 403, 416
Смирнов С. К. 58, 62, 156, 157
Соболевский А. И. 243, 400—402, 404
 Соколов Иван, судья в Новгороде 249
 Солиман, арабский халиф в Палестине 35
 Соловей Будимирович, былинный герой 144, 145
Соловьев С. М. 401
 Сотко Сытинич, новгородец 165, 376
 Софья Фоминична, великая княгиня московская 397
Сперанский М. Н. 1, 112
 Спиридон, архиепископ новгородский 223

Спиридон, монах Киевского Печерского монастыря 15, 82

Срезневский И. И. 33, 58, 60, 65, 66, 68—70, 83, 93, 94, 98, 106, 155, 169, 181, 193, 194, 196, 198, 234, 243, 244, 255, 257, 259, 371

Ставр, новгородский сотский 164, 165
Ставр Гоудинович, былинный герой 164, 165

Станислав, новгородец 212

Станислав, переяславский тысяцкий, дружинник Владимира Мономаха (Станислав Добрый Тудкович) 140, 141

Староверова И. П. 10

Стендер Петерсон 261, 269

Степан Твердиславич, сын новгородского посадника Твердислава Михалковича 223

Стефан, епископ новгородский 106, 107

Стефан Душан, король Сербский 237, 412

Стефан Сурожский, византийский святой 264

Строев П. М. 184

Строков А. А. 7, 158, 407, 408, 417

Судмир, новгородец, «прислужник» Софийского собора 217, 218

Судислав, брат Ярослава Мудрого 87

Судислав, галицкий боярин 179

Сыроечковский В. Е. 2, 396

Сытин П. В. 399, 401, 404

Тамара, грузинская царица 36

Тараканова-Белкина С. А. 71

Тарасенко В. Р. 185

Татищев В. Н. 19, 29, 145, 154, 178, 189—191

Твердило Иванович, псковский посадник 332, 333, 376—378

Твердислав Михалкович, новгородский посадник 206, 212—214

Теодорих, брат рижского епископа Альберта 318, 319

Теофил, монах, писатель XII—XIII вв. 24

Тецель Иоанн, доминиканец 355

Тешата, новгородец 240, 241, 245, 259, 260

Тизенгаузен В. Г. 230

Титманович, сын Дидмана фон Кивеля, вассал датского короля 343

Титмар Мерзебургский, германский хронист 87, 90

Титов А. А. 198

Тихомиров М. Н. 1—10, 25, 38, 45, 68—70, 74, 88, 112, 115, 118, 131, 134, 138, 139, 152, 158, 176, 182, 200, 209, 219, 222, 331, 369, 399—407, 411—417

Ткаченко М. 113, 115

Толстов С. П. 37

Толстой И. И. 241, 242

Торкель Кнутсон, шведский маршал 345

Тохтамыш, хан Золотой Орды 388

Третьяков П. Н. 13, 23, 44

Троян, римский император 34

Трусман Ю. Ю. 307, 308, 335, 369, 372

Тудор, тиун киевского князя Всеволода Ольговича 147, 148

Туки, дружинник киевского князя Изяслава 101

Тумаш Михалевич, смоленский посол при заключении договора с Ригой 1229 г. 194

Узаров А. С. 50, 58, 70

Улеб, тысяцкий киевский 149

Успенский Ф. И. 32, 33, 181

Фадлан-ибн, арабский путешественник 36, 40

Фаминцын А. С. 301

Феврония, «девка», упоминаемая во вкладной грамоте Варлаама Хутынского 57, 156

Федор, епископ новгородский 106

Федор Иванович, царь 249

Федор Михайлович, князь, наместник Пскова 238

Федор Ярославич, брат Александра Невского, князь псковский 326, 329

Федоров Иван, русский первопечатник 20

Феодор, новгородский монах 247

Феодор, ростовский епископ 54, 107, 198, 199

Феодосий Печерский, игумен, основатель Киево-Печерского монастыря 108, 114, 115

Филарет, архиепископ, историк русской церкви 253

Филимонов С. Б. 416

Филипп, король германский 310

Фолькуин (Волквин), магистр Ливонского ордена 327

Фотий, патриарх константинопольский 161, 162, 264, 265

Харагинец, житель Шенкурского погоста 245

Харузин Н. Н. 307

Хмельницкий Богдан, предводитель освободительной борьбы украинского народа за воссоединение с Россией 18

Ходота, вятичский старшина 154

Хониат Никита см. Акоминат

Хорс, языческий славянский бог 109, 301

Чадвик Н. К. (*Chadwick N. K.*), английский историк 6, 297—302, 414

Черепнин Л. В. 129, 221, 222

Чешихин И. Ф. 307, 309, 328, 333, 335, 337—341, 343, 360

Чудин, дружинник киевского князя Изяслава 101, 130, 131

Шахматов А. А. 90, 101, 173, 299

Шевченко Т. Г. 21

Шеламанова Н. Б. 10, 418

Шимановский В. С. 79, 80

Шляпкин И. А. 243

Шуйский Василий Васильевич, князь 354

Шунков В. И. 3

Щеня Данила, князь, военачальник Ивана III 354

Щепкин В. Н. 243, 244

Щепкина М. В. 176, 412

Эйзенштейн С. М., советский кино-режиссер 7, 375—380, 415, 416

Энгельс Фридрих 27, 42, 43, 67, 74—77, 87, 110, 113, 119, 144, 184, 232

Эрик Эдвардсон Картавий, шведский король 309, 330

Юрий, сын Андрея Боголюбского, муж грузинской царицы Тамары 36, 391

Юрий Всеволодович, князь ростовский 198

Юрий, князь псковский 341

Юрий Витовтович, князь псковский 350

Юрий Владимирович Долгорукий, князь владими́ро-суздальский 146, 150, 154, 155, 278, 365, 390, 391

Юрий Всеволодович, князь владими́р-ский 198, 210, 211, 214—216, 219, 237, 322, 346, 347, 365, 366, 381, 394

Юрий Данилович, князь московский 363

Юрий Иванович, новгородский посадник 212

Юшков С. В. 5, 51, 59, 60, 65, 75, 138, 139, 150, 151, 160, 169, 235, 241, 274—278, 413

Ягайло, великий князь литовский 388

Ядрей, новгородский воевода 248

Яким, «рядчик» Тешаты 245, 259, 260

Яким Иванович, новгородец 215

Яким Кучкович, участник заговора против Андрея Боголюбского 199, 393

Яков, «писарь» Великого княжества Литовского 19

Яков Полочанин, герой Невской битвы, ловчий Александра Невского 331

Якубовский А. А. 294

Якун, новгородский тысяцкий 226, 227

Якун Моисеевич, новгородец, 214, 217, 218; *ср.* Моисеич

Ян Вышатич, дружинник киевского князя Святослава 120—127, 130, 145

Ярополк, князь, сын Владимира Мономаха, князь киевский 147, 161

Ярополк, сын киевского князя Изяслава Ярославича 111

Ярополк Ростиславич, князь черниговский 391

Ярополк, сын киевского князя Святослава 268, 269

Ярослав Владимирович Мудрый, князь киевский 35, 46, 57, 72, 86—97, 115, 221, 222, 252, 272, 278, 283, 297, 307, 308

Ярослав Владимирович, князь новгородский 178, 179, 221

Ярослав Владимирович Осмомысл, князь галицкий 31—33, 179, 180, 182, 183

Ярослав Владимирович, князь псковский 326, 332, 361

Ярослав, князь, сын Владимира Мономаха 270

Ярослав Всеволодович, князь суздальский, затем новгородский 49, 210, 211, 216, 220, 221, 223, 224, 236, 237, 322, 324—326, 329, 330, 334, 345, 346, 362, 365, 366, 370, 394, 410

Ярослав Ярославич, князь новгородский 225, 230

Ярослав Ярославич, князь тверской 339

Abracham W. 328

Adelung F. 350

Bunge F. G. 306, 311

Chadwick N. K. *см.* Чадвик Н. К.

Geyer E. G. 330

Goetz L. K. 317

Koskinen I. 334

Lozinskij Gr. 39

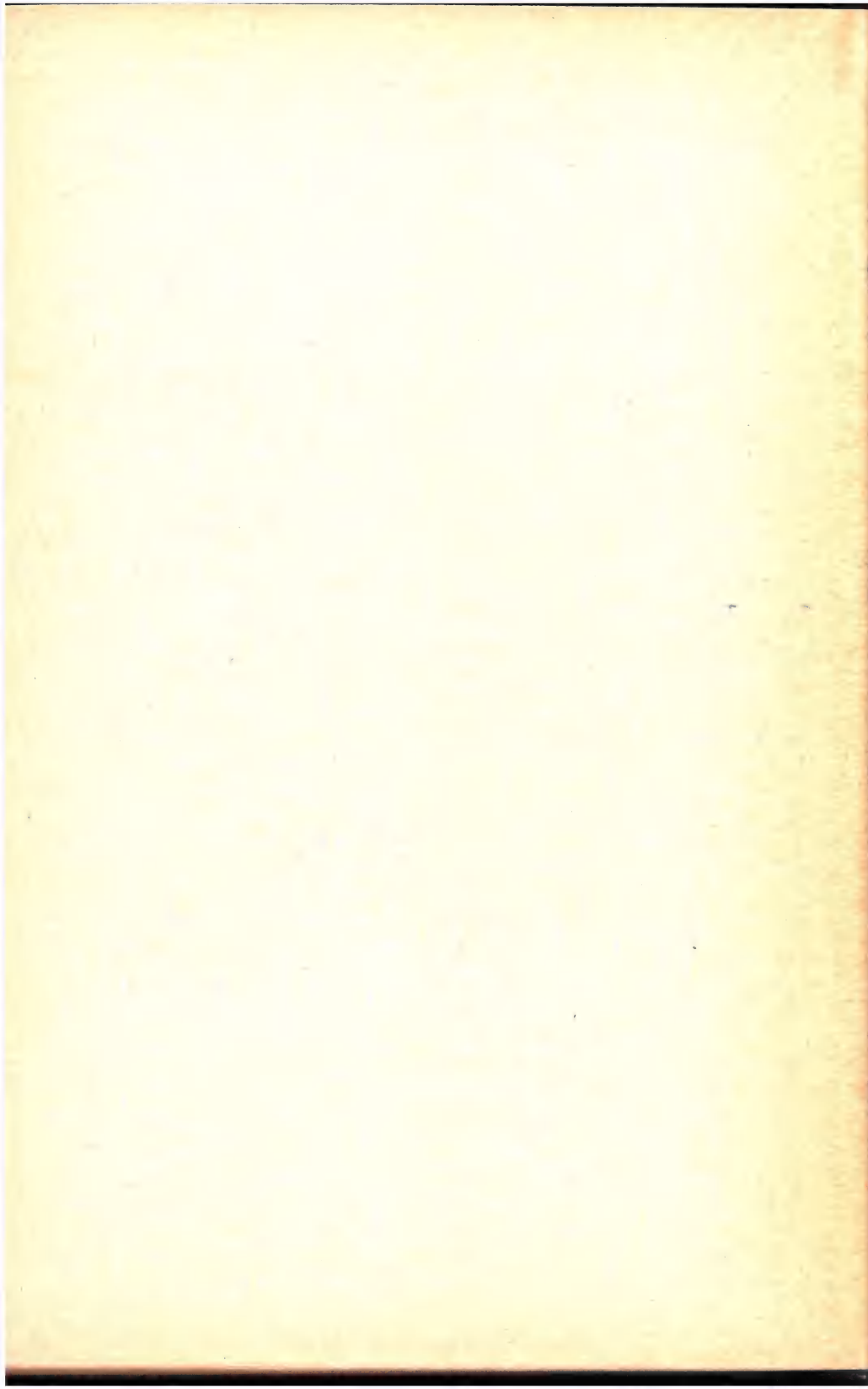
Metting C. 311

Regel W. *см.* Регель В. 39

Seraphim 327

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов	11
Киевская Русь	22
Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.	42
Условное феодальное держание на Руси в XII в.	233
О частных актах в Древней Руси	240
<u>Начало христианства на Руси</u>	261
Очерки по истории феодализма в Киевской Руси (рецензия на книгу С. В. Юшкова)	274
Ценный труд по истории Киевской Руси (рецензия на книгу Б. Д. Грекова)	279
К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова	287
Откровения Чадвик о начале русской истории (рецензия) Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII— XV вв.	297
О месте Ледового побоища	303
Издевка над историей (о сценарии «Русь»)	368
Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской	375
Приложения	381
Древнейшая история г. Москвы XII—XIV вв. (доклад на заседании группы по истории г. Москвы)	390
Из дневника поездки на Чудское озеро (1958 г.)	404
Ярославово дворище	407
Комментарии	411
Указатель имен	418

Михаил Николаевич Тихомиров

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР

Редактор **А. И. Рогов**

Редакторы издательства **Е. Д. Евдокимова, Г. Д. Капустина**

Художественный редактор **В. А. Чернедов**

Художник **Т. А. Астафьева**

Технические редакторы **Ю. В. Рылина, Л. В. Каскова**

Корректор **Г. И. Сурова**

Сдано в набор 3/II 1975 г. Подпис. к печ. 27/VIII 1975 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2

Усл. печ. л. 27 Уч. изд. л. 30,6 Тираж 16 000.

Т-10567. Тип. зак. 1728

Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ
КНИГУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

М. Н. Тихомиров

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ МОСКВЫ.

1962. 184 стр. 73 к.

Монография представляет собой описание 123 летописей и летописных отрывков, хранящихся в рукописных собраниях Москвы (Центральном государственном архиве древних актов, Библиотеке им. В. И. Ленина, Государственном историческом музее). В книге приводятся данные о хронологии, водяных знаках, внешнем виде рукописей. Приводится источниковедческий анализ, сопоставление описываемых рукописей с изданными летописями.

Издание рассчитано на историков — научных работников, преподавателей, студентов, сотрудников рукописных отделов архивов и библиотек.

Для получения книги почтой
заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга-почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект
Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина,
42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Универси-
тетская наб., 5; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55 7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Мор-
ской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Сверд-
ловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11;
700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

4164/176

STANDARD		NO. 6	
140	2-10	100	100
100		100	

М. И. ТУХОВ • ДРЕВНЯЯ РУСЬ

